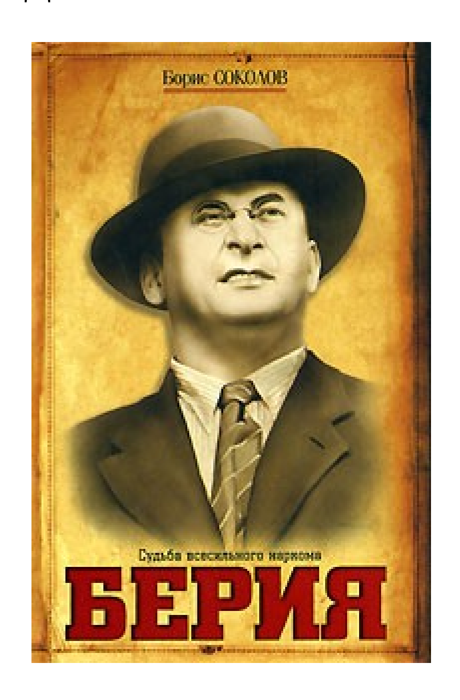
БОРИС СОКОЛОВ

БЕРИЯ. СУДЬБА ВСЕСИЛЬНОГО НАРКОМА



ПОЧЕМУ Я ВЗЯЛСЯ ЗА ЭТУ БИОГРАФИЮ

На протяжении более полувека фигура Лаврентия Берии остается одним из самых мрачных символов сталинской эпохи. Само его имя стало синонимом слова "палач". Вскоре после казни Лаврентия Павловича был даже пущен в оборот термин "бериевщина". Так стали называть период с конца 30-х годов, с момента прихода Берии к руководству НКВД, и до падения "лубянского маршала" холодным летом 53-го. Это делалось по аналогии с "ежовщиной", чтобы именно на Берию повесить все репрессии, имевшие место в это время.

При жизни Лаврентий Павлович был объектом культа, сначала, в 30-е годы, в Грузии и в Закавказье, а после переезда в Москву в 1938 году - и по всему Советскому Союзу. В Закавказье его представляли самым преданным из кавказских сторонников Сталина. В Москве же он стал одним из вождей, чьи портреты трудящиеся несли на демонстрациях и чьим именем называли колхозы и шахты, улицы и партизанские отряды. Что интересно, после смерти Сталина Лаврентий Павлович добился принятия специального постановления Президиума ЦК о том, чтобы на демонстрациях больше не носили портретов вождей. Потом ему это поставили в вину. Именем Берии называли и пионерские организации. Против этого он как будто никогда не возражал. Ходил даже такой стишок:

Сегодня праздник у ребят, ликует пионерия, Сегодня в гости к ним пришел Лаврентий Палыч Берия.

Вот только такой чести, как наименование города в свою честь, Берия, в отличие от своего предшественника Ежова, не удостоился. Мало кто помнит, что был когда-то на карте нашей родины город

Ежово-Черкесск, в конце 1938 года внезапно и без всякого шума превратившийся просто в Черкесск.

Особенно сильный культ Берии был в Грузии. И здесь Лаврентия Павловича было за что любить. Ведь будучи главой парторганизации Грузии и Закавказья, он немало сделал для развития родной республики и Закавказского края в целом, и особенно своей родной республики. Пользуясь благосклонностью Сталина, неравнодушного к землякам-грузинам, Берия умел добиваться послаблений с плановыми поставками сельхозпродукции, и, наоборот, ему удавалось получить больше фондов для обеспечения жителей Грузии товарами первой необходимости. Не без старания, конечно, аппарата партийной пропаганды, Лаврентий Павлович пользовался большой популярностью в Грузии. Это признают люди, совсем ему не близкие, более того - идеологические противники, никаких симпатии к главе органов госбезопасности никогда не испытывавшие. Диссидент Р.И. Пименов, общавшийся во Владимирской тюрьме с бывшими соратниками Лаврентия Павловича, вспоминал: "За Берией стоял целый народ, любивший его, и в 1952 году в горах Кавказа я присутствовал при выпивках, где первый тост провозглашали за Берию, а лишь второй - за Сталина".

И также нисколько не симпатизировавший Берии Константин Симонов в своих мемуарах, тем не менее, признает, что, когда в 1948-1953 годах проводил свой отпуск в Абхазии, в тех местах, где родился Берия, убедился, что авторитет у него там был немаленький. Константин Михайлович утверждает: "Познакомившись там и со многими абхазцами, и со многими грузинами, я знал о деятельности Берии, в бытность его на Кавказе, о том, каким влиянием он располагал там, на Кавказе, прежде всего в Грузии, и после того, как уехал в Москву, - знал обо всем этом намного больше других, не живших там людей".

И тут же, спохватившись, что вроде бы похвалил Берию, Симонов вылил на Лаврентия Павловича ушат грязи: "То тут, то там приходилось сталкиваться с воспоминаниями об исчезнувших семьях, о людях, погибших, выбитых из жизни в Грузии, среди партийных работников и среди интеллигенции - это было до того, как Берию перевели в Москву на роль человека, исправляющего ошибки Ежова.

Мои собеседники отнюдь не были болтливы, да и время не располагало к такой болтливости, но все-таки то одно, то другое у них прорывалось. И я постепенно составил себе довольно полное представление о том, что, прежде чем облагодетельствовать оставшихся в живых и выпускать их после Ежова из лагерей и тюрем, Берия выкосил Грузию почище, чем Ежов Россию, причем в каких-то подробностях рассказов о событиях тридцать шестого - тридцать седьмого и более ранних годов мелькало нечто страшное, связанное с местью и со сведением им личных счетов. Двое или трое из моих друзей абхазцев, очевидно, вполне доверяя мне, рассказывали мне ужасные вещи, связанные с произволом Берии в Абхазии, с гибелью там многих людей. Чему-то из этого верилось, чему-то не верилось, настолько диким это казалось тогда, в те годы, задолго до разбирательства дела Берии на пленуме ЦК, до процесса над ним и до XX съезда. Иногда не верилось или не до конца верилось в то, во что потом, несколько лет спустя, было бы странным не поверить с первых же слов".

Вот и я не верю. Не верю, что грузинские и абхазские товарищи доверительно делились с заезжим московским литератором, да еще и кандидатом в члены ЦК партии, своими горестями о том, что тогдашний член Политбюро и заместитель председателя правительства СССР в родной Грузии был хуже Ежова и банально сводил счеты с неугодными. Как мы увидим дальше, даже неосторожно сказанное слово о том, будто не сам товарищ Берия написал подписанный его именем эпохальный труд об истории большевистских организаций Закавказья закончилось для "антипартийных болтунов" весьма неприятным разбирательством в ЦКК.

Что же касается разговоров об исчезнувших во время Великой чистки людях, то Симонов наверняка должен был еще больше подобных слухов слышать в родной Москве или в Ленинграде. Да и в любой области и республике, где бывал писатель, он не мог не заметить массового исчезновения людей, хотя бы среди своих близких знакомых. В этом отношении Грузия ничем не отличалась от других регионов страны.

И насчет репрессий до 37-го года Симонов сгустил краски и вообще создал у неискушенного читателя впечатление, что Лаврентий Павлович задолго до Великой чистки выводил в расход партийно-хозяйственный актив Грузии и особенно Абхазии. Но это совсем не так. В конце 20-х, и особенно в начале 30-х годов, в связи с коллективизацией, Берии, как начальнику Грузинского ГПУ и начальнику секретно-оперативной части, а в 1931 году - еще и как председателю Закавказского ГПУ, приходилось подавлять многочисленные восстания крестьян - в Азербайджане, Аджарии, в той же Абхазии. Р.И. Пименов вспоминает, что его товарищ по камере меньшевик Симон Гогиберидзе участвовал в восстании в Абхазии, которое Берия в свое время и подавлял, а под конец жизни вот оказался в одной тюрьме с бериевцами.

Но в своих действиях против антисоветских повстанцев Берия не был оригинален. Точно так же подавляли в коллективизацию и до нее чекисты восстания в Сибири и на Украине, в Средней Азии и Казахстане, на Дону и на Кубани. Но нет достоверных свидетельств того, что и тогда, и позднее, в 1937-1938 годах, Лаврентий Павлович был более жестоким, чем его товарищи-чекисты и главы партийных организаций в других республиках, краях и областях. Отсутствуют и сколько-нибудь убедительные доказательства того, что во время Великой чистки размах репрессий в Грузии превосходил среднесоюзный уровень. Может быть, даже был немного меньше его. Но заслуга в этом скорее не Берии, а Сталина. Иосиф Виссарионович о родине помнил, земляков любил и уменьшал спускаемые из Москвы разнарядки на "врагов народа" для Грузии. Да и неудобно было бы Сталину назначать для исправления "перегибов" Ежова человека, который сам проявил чрезмерное усердие в проведении репрессий. Чрезмерное усердие в этом деле могло послужить предлогом для репрессий против слишком ретивого исполнителя на местах. Так случилось, например, с главой украинских коммунистов Петром Петровичем Постышев. Снятый с поста первого секретаря компартии Украины и назначенный первым секретарем Куйбышевского обкома, он побил все рекорды по арестам "врагов народа", после чего сам был благополучно арестован и расстрелян. Насчет Берии же, повторю, нет

никаких данных, что в Грузии репрессии в 1937-м и в первой половине 1938 года, когда он был во главе местных коммунистов, отличались особенным размахом.

В годы Великой Отечественной войны имя и фотография Берии часто появлялись в центральной печати, как члена ГКО и наркома внутренних дел. После же войны Лаврентий Павлович стал полноправным членом Политбюро и заместителем председателя Совмина. Портреты его несли на демонстрациях во всех городах страны, его именем продолжали называть колхозы и совхозы. Однако оратором Лаврентий Павлович был никаким, с речами выступал, в сравнении с другими вождями, редко, да и род его деятельности не располагал к публичности. Ведь Берия возглавлял сверхсекретный Спецкомитет, занимавшийся разработкой и производством ядерного оружия. Поэтому в стране его знали меньше, чем таких коллег по Политбюро как Молотова, Жданова, Хрущева и особенно Маленкова, полуофициального наследника Сталина в конце 40-х - начале 50-х годов. По иронии судьбы, самый подробный материал, когда-либо опубликованный о Берии в советской печати вплоть до конца 80-х годов, - это отчет о рассмотрении Специальным Судебным присутствием его дела и о приведении в исполнение смертного приговора ему и его товарищам.

А уж после своего ареста и казни Лаврентий Павлович стал восприниматься советской и мировой общественностью форменным исчадьем ада, ответственным чуть ли не за все преступления, которые творились в нашей стране в 30-50-е годы. И даже детишки распевали веселую частушку: "Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия, и Георгий Максимыч Маленков надавал ему пинков". Но довольно скоро эта частушка оказалась под негласным запретом - после того как уже Георгию Максимилиановичу Маленкову надавал пинков Никита Сергеевич Хрущев. Но в отношении Берии все осталось по-прежнему. "Людоед", "английский шпион", "авантюрист", "палач" - вот самые расхожие определения.

Еще Берию рисовали и рисуют до сих пор величайшим развратником всех времен и народов. Получается этакая помесь Дон-Жуана и Синей Бороды. Поскольку чуть ли не всеми своими партнершами овладевал либо силой, либо угрозами, обещая в случае чего отправить туда, куда Макар телят не гонял.

Иной раз, правда, подобные наклонности молва приписывала не только Берии, но и его соратникам. Академик А.Д. Сахаров утверждал: "Запомнился заместитель Берии Деканозов, посол в Германии, который любил ездить на автомобиле по улицам Москвы, высматривая женщин, и тут же насиловал их прямо в своей огромной машине в присутствии охраны и шофера. Сам Берия был интеллигентней. Он любил ходить пешком около своего дома на углу Малой Никитской и Вспольного и указывал на женщин охране ("секретарям"), потом их приводили к нему, и он понуждал их к сожительству. После попытки самоубийства одной его четырнадцатилетней жертвы Берия провел всю ночь около ее постели (но девушка погибла)".

Любопытно, что Андрей Дмитриевич здесь приписал Владимиру Георгиевичу Деканозову, действительно расстрелянному вместе с Берией, честь быть его заместителем в НКВД, чего в действительности не было. Деканозов был заместителем наркома иностранных дел, т. е.

Молотова, а арестован был, будучи министром внутренних дел Грузии. Самое же интересное то, что Сахаров не Берию, а Деканозова сделал похотливым котом-насильником (народная молва эту роль обычно отводит Берии). Лаврентий же Павлович у "отца советской водородной бомбы" выглядит всего лишь человеком, злоупотребляющим высоким служебным положением с целью принуждения к сожительству приглянувшихся ему девушек и молодых женщин. При этом, однако, его гнусность усиливается совращением несовершеннолетней, которая от отчаяния кончает с собой.

Тут надо оговориться. Во время следствия 1953 года обвинения в изнасилованиях, принуждении к сожительству и совращении несовершеннолетних предъявляли только Берии. Деканозова чаша сия миновала, что, впрочем, было для него слабым утешением. Но вот насчет того, что кто-то из школьниц, ставших жертвой бериевской похоти, наложил на себя руки, никаких сведений нет. Поэтому очень трудно сказать, что именно из того, что говорили и писали, в том числе и во время следствия, о связях Лаврентия Павловича с женщинами, соответствует истине. Хотя монахом Берия, безусловно, не был.

Только с началом горбачевской перестройки в оценке Берии возникла некая неоднозначность. Начали постепенно открываться архивы, публиковаться более или менее откровенные директивы той эпохи. И выяснилось, что Берия после смерти Сталина стал инициатором реабилитации тех, кто был арестован по "делу врачей" и по некоторым другим громким делам, возникшим в послевоенные годы. Лаврентий Павлович также предлагал объединение Германии, ради которого готов был пожертвовать социализмом в ГДР, нормализовать отношения с Югославией, выступал за заключение перемирия в Корее. Он настаивал на предоставлении большей самостоятельности союзным республикам, повышением роли в них национальных кадров и языков. Берия добился закрытия ряда грандиозных, но заведомо нерентабельных и сомнительных в экологическом отношении строек. И он же ратовал за отмену прописки и успел почти вдвое уменьшить лагерное население за счет широкой амнистии. И еще Лаврентий Павлович отстаивал совсем уж революционное - перенос центра власти из партийных органов в советские. Словом, Берия оказался предтечей того, что в той или иной мере стало осуществляться при Горбачеве! Впору было удивиться и задуматься! Но горбачевская перестройка очень быстро закончилась крахом СССР и коммунистического правления, хотя и пощадила инициатора перемен. Бериевская же перестройка привела только к скорой гибели своего творца.

Уже в 90-е годы были опубликованы мемуары сына Лаврентия Берии Серго и последнего уцелевшего бериевца - генерала-лейтенанта госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова, осужденного по делу о мнимом бериевском заговоре. В этих книгах, особенно, что естественно, в сочинении сына, Лаврентий Павлович предстает почти что рыцарем без страха и упрека. Но такого Берию наше общество тоже не приняло. Уж слишком хорошо было известно, что за Берией - не только добрые дела, вроде освобождения из заключения тех, кого не успели расстрелять при Ежове, но и самые настоящие преступления, вроде Катыни. Хотя именно вся правда о Катыни, сказанная только в 1993 году, показала, что к расстрелу польских офицеров и гражданских "социально чуждых" лиц причастен не только и даже не столько Берия -

исполнитель, но и практически все тогдашнее Политбюро во главе со Сталиным, принявшее принципиальное решение о казни.

Да, Берия, безусловно, не был ангелом. Но вряд ли справедливо числить его и дьяволом. Правильнее сказать, что Лаврентий Павлович, как и его коллеги по Политбюро, был одним из мелких бесов при дьяволе Сталине.

Каким же человеком был Берия? На этот счет приходится фантазировать. Никаких воспоминаний друзей детства и юности, школьных учителей и университетских преподавателей, родных и близких (за исключением Серго), да и сослуживцев (за исключением Судоплатова) до нас не дошло. При жизни Берии писать воспоминания о нем, равно как и о других членах Политбюро, за исключением Сталина, было не принято. После ареста и казни "лубянского маршала" мемуары о нем в СССР рискнул бы написать разве что сумасшедший. В воспоминаниях ряда военачальников, а также большинства ученых, причастных к атомному проекту, Берия если и упоминается, то исключительно как человек всему мешавший и вечно грозивший всем "выпустить кишки". Некоторое исключение здесь - мемуары академика Андрея Дмитриевича Сахарова, а также появившиеся на исходе перестройки свидетельства другого "атомного академика" - Юлия Борисовича Харитона. Там за Берией признается определенный организаторский талант, хотя и не отрицаются малосимпатичные черты его личности. Действительно, стал бы Сталин терпеть на посту зампреда ГКО, а потом - главы атомного, водородного и ракетного проектов бездаря и вредителя. Ведь от осуществления этого проекта во многом зависело и политическое будущее самого Иосифа Виссарионовича и возглавляемой им великой страны.

Многое в образе Берии нам и сегодня приходится додумывать по аналогии с теми, кто жил в одно с ним время и занимал примерно то же положение в социально-политической структуре общества. И вместе с тем мне бы хотелось, чтобы эта книга была не просто биографией Берии, попыткой без гнева и пристрастия разобраться в судьбе этого печально знаменитого человека, но и рассказом о жизни нашей страны на протяжении тех трех с лишним десятилетий, когда Лаврентий Павлович играл в ней активную политическую роль. Наверное, Берия не самый симпатичный персонаж отечественной и мировой истории. Но и несимпатичные имеют право на объективную биографию вместо хлестких памфлетов, которые появлялись до сих пор. Мне хотелось разгадать тайну души "лубянского маршала", попытаться понять, что он думал, когда расстреливал невинных, когда творил самое разрушительное оружие XX века, испытывал ли он угрызения совести, жалел ли свои жертвы, радовался ли, когда на его долю выпадало выпускать из тюрьмы невиновных. Я пытался понять, какую цель в жизни преследовал Лаврентий Берия, менялась ли она на протяжении его не слишком длинного 54-летнего жизненного пути. И рассказать как о злодействах, так и о добрых делах моего героя, не замалчивая ни преступления, ни победы. А уж читателю решать, какие дела Лаврентия Павловича перевесят на весах истории.

Хочу принести благодарность моим друзьям Андрею Мартынову, Николаю Руденскому и Владимиру Сорокину, предоставивших ряд весьма ценных материалов и идей для этой книги.

ЕЩЕ НЕ ПОЛИТИК

29 (а по старому стилю - 17) марта 1899 года в горном селении Мерхеули в Абхазии, недалеко от Сухуми, в семье Павле Берии и Марты Джакели родился сын Лаврентий. Хотя и находилось село в Абхазии, но жили там одни мингрелы. Теперь, после грузино-абхазской войны 1990-х годов, уже не живут. Может, только партизаны из грузинского "Белого легиона" наведываются.

Как свидетельствует сын Лаврентия Серго: "Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном". Родители Лаврентия были мингрелами - это особая этническая группа грузин, к которой собственно грузины относятся свысока. Павле был бедным крестьянином, а Марта - из обедневших дворян. Она даже приходилась дальней родственницей князьям Дадиани, прежним феодальным властителям Мингрелии. Однако род Джакели давно разорился, и Марта была столь же бедна, как и её муж. Павле крестьянствовал, но так и не выбился из нужды. Марта подрабатывала шитьём - и это постепенно стало главным источником дохода семьи. Внуку Серго Марта потом рассказывала, что покорил её, рано овдовевшую, Павле храбростью и красотой. К дочери и сыну от первого брака вскоре прибавилось трое детей. Но судьба всех трёх сложилась несчастливо. Старший сын в два года умер от оспы. Дочь Анна после перенесённой болезни навсегда осталась глухонемой. Все надежды родители связывали со вторым сыном, Лаврентием. Чтобы дать ему образование, отец даже продал половину своего дома. Будущего шефа НКВД определили в Сухумское реальное училище. В 15 лет Лаврентий окончил его с отличием. Чтобы он смог поступить в Бакинское механико-строительное техническое училище, отцу пришлось продать вторую половину дома и переселиться в убогую хибару.

Детство юному Берии выпало, прямо скажем, не завидное. Хотя, наверное, скудость доступных забав, развлечений и гостинцев скрашивалась для него искренней родительской любовью. Но вот каким именно был Лаврентий в детстве, мы ничего не знаем. Был ли он драчуном, заводилой, атаманом ребячьей ватаги? Или, наоборот, будущий шеф НКВД был тихим мальчиком, предпочитавшим книги веселым забавам с друзьями и нередко становившийся жертвами местных задир? Каждый волен додумывать на сей счет все, что угодно. Хотя, как мы увидим дальше, к книгам, по крайней мере, в зрелые годы, Лаврентий Павлович особой склонности не питал. Так что, по всей вероятности, предпочитал шумные игры со сверстниками. А учитывая горячий темперамент, сильную волю и проявившееся позднее умение подбирать себе толковых помощников, надо думать, что уже в детстве Берия умел сколотить вокруг себя компанию друзей, беспрекословно ему подчинявшихся.

Также нет никакой информации о взаимоотношениях Лаврентия с родителями. Бил ли его Павле или же, напротив, следил, чтобы с головы сына ни один волос не упал? Сохранилось немало свидетельств, что позднее, находясь во главе карательного ведомства, Лаврентий Павлович если и не собственноручно бил, то заставлял в своем присутствии своих подчиненных бить подследственных, выколачивая из

них признания, будь то прославленный маршал Василий Блюхер или молодой дипломат Евгений Гнедин - сын известного посредника между большевиками и германскими властями социал-демократа Александра Парвуса (Гельфанда). Соблазнительно было бы объяснить эксцессы такого рода садистскими наклонностями, развившимися под влиянием побоев в семье. Но нет, раз Павле ради образования сына готов был пожертвовать самым дорогим, что было у бедного грузинского крестьянина, - домом, как-то не верится, что он при этом избивал Лаврентия и вообще мог поднять на сына руку. Хотя юный Берия, вполне возможно, и давал поводы для отцовского гнева.

Впрочем, нельзя исключить, что на самом деле Павле Берия был не столь беден, как это представляет его внук Серго. Кулаком или дворянином он вряд ли был, поскольку столь компрометирующий факт не упустили бы использовать против него в 1953-м году, а в официальном сообщении о деле Берии о неподходящем социальном происхождении поверженного "лубянского маршала" не говорилось ни слова (или за полгода следствия не успели докопаться до корней?). А вот крепким середняком Павле, возможно, и был. Тогда для того, чтобы дать сыну образование, дом, наверное, продавать все же не пришлось.

А подследственных, думаю, Лаврентий Павлович приказывал бить с чисто прагматическими целями - выбить признание несуществующей вины и поскорее закрыть дело, чтобы угодить Сталину. Тогда все в НКВД так делали - от рядовых следователей-лейтенантов до комиссаров госбезопасности. Да и в Красной Армии маршалу или генералу, особенно в Великую Отечественную войну, съездить по морде подчиненного генерала или полковника было делом обычным.

А вот что пишет автор первой непредвзятой биографии "лубянского маршала" Николай Зенькович: "Я побывал в селе под Сухуми, где он родился. Там еще недавно жили старики, которые помнят его подростком. В рассказах земляков он предстает способным, умным от природы пареньком". То, что этому пареньку потом пришлось заниматься грязной работой, соблазнительно было бы списать на время. Но не забудем, что каждый человек обладает свободой выбора. Как мы увидим дальше, у Берии была возможность после окончания гражданской войны выбрать себе "нормальную" гражданскую профессию, но он, хотя и не без колебаний, предпочел соблазнительную, но и опасную чекистскую стезю.

Что удивительно: тот, кого позднее представляли "кровавым палачом" и "людоедом", и кто действительно загубил десятки тысяч человеческих жизней, похоже, верил в Бога. Серго Берия свидетельствует: "Отец мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону... Бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и... нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго: "К чужим убеждениям надо относиться с уважением"".

Вряд ли этот эпизод Серго Лаврентьевич выдумал. Хотя бы потому, что, как кажется, будучи атеистом, так до конца и не понял смысл

происшедшего и остался в уверенности, что отец его в Бога не верил, но с уважением относился к религиозной вере других. Однако эпизод с иконой, если он не придуман (а придумать его трудно), однозначно доказывает, что Лаврентий Павлович был верующим. В принципе невозможно, чтобы икону писал неверующий иконописец, ведь тогда она не будет иметь никакой духовной силы, и обращенные к ней молитвы потеряют всякий смысл. Берия-старший не мог этого не знать и вряд ли бы подложил такую свинью горячо любимой матери, как картинка вместо иконы. Значит, он сохранил веру в Бога, и мать об этом знала. Другое дело, что, занимая высокие партийные и чекистские посты, Лаврентий Павлович вряд ли когда-нибудь ходил в церковь, а когда переехал в Москву, оставив мать в Тбилиси, вряд ли рисковал держать дома иконы. В тбилисской же квартире, где иконы на стенах оправдывались присутствием старухи-матери, Лаврентий Павлович, быть может, украдкой и молился. Только вот как вера в Бога сочеталась у него с тем, что он отправил на смерть десятки тысяч ни в чем не повинных людей? Кто знает, быть может, Берия, губя людей ради карьеры, утешал себя тем, что когда-нибудь дойдет до высшей власти в государстве и тогда уж сможет облагодетельствовать всех, искупить прежние грехи.

Мальчик был талантлив, и Павле надеялся, что сын выбьется в люди. Лаврентий очень рано обнаружил способности к рисованию и интерес к архитектуре. Но стать архитектором ему не довелось. Ещё в октябре 1915 года, как отмечал Берия в автобиографии, написанной 27 октября 1923 года, он с группой студентов Бакинского технического училища организовал нелегальный марксистский кружок и стал его казначеем. Этот кружок просуществовал вплоть до Февральской революции. Дальше чтения марксистской литературы и выступлений с докладами дело здесь не пошло, и о существовании кружка власти наверняка даже не подозревали. А уже в марте 17-го Лаврентий с несколькими товарищами организовал в училище большевистскую ячейку.

Может, конечно, про марксистский кружок, основанный еще в 15-м году, Берия и наврал. Равно как и про то, что сразу после Февральской революции основал в училище большевистскую ячейку. В последнее, честно говоря, верится с трудом. Большевиков тогда было сравнительно мало, и вряд ли бы сторонников Ленина сразу же после свержения царизма в Бакинском техническом училище набралось на целую ячейку. Скорее всего Лаврентию Павловичу важно было показать, что он вступил в большевистскую партию еще до Октябрьской революции.

Но насчет марксистского кружка Берия, думаю, сказал правду. Идеи марксизма накануне и во время Первой мировой войны продолжали сохранять популярность среди молодежи, особенно студенческой. Молодые люди объединялись в кружки для изучения работ Маркса, которые, казалось, давали ответы на все животрепещущие вопросы современной жизни. Такие марксисты далеко не всегда причисляли себя к партиям большевиков и меньшевиков, и власти на подобные кружки порой смотрели сквозь пальцы. Сомневаюсь, правда, что Берия когда-либо читал "Капитал", но с основными идеями марксизма уже в училище он так или иначе мог познакомиться. Эта идеология должна была прийтись по вкусу сыну крестьянина из глухого грузинского села. Марксизм давал простые ответы на сложные вопросы бытия и надежду выбиться из нужды.

Молодежь тогда охотно шла в революцию, была воодушевлена идеей борьбы за общее благо. Наверное, Лаврентий Берия не был исключением. И эту веру он, как и его сверстники, мог сохранять в течение нескольких послереволюционных лет. Потом кто-то разочаровался в революции, ушел в личную жизнь или в профессиональную деятельность, не связанную с политикой. Кто-то, напротив, сохранил фанатичную веру до самого конца. Из последних мало кто пережил Великую чистку 1937-1938 годов. Но были и третьи, кто веру сменил на циничный расчет и к которым, несомненно, принадлежал мой герой. Да, идеалы, во имя которых совершалась революция, оказались недостижимы. Да, для ее победы пришлось уничтожить тысячи и тысячи не только открытых контрреволюционеров, но просто людей, которые очутились не в то время не в том месте, попали в заложники или под подозрение, оказались не подходящего социального происхождения. Но мы-то живы. Раз вместо прежней иерархии, "буржуазно-помещичьей", как ее называли большевики, возникла новая, революционная иерархия, названная впоследствии "номенклатурой", надо сделать все возможное, что войти в ее состав, получить власть и пайки. А для того чтобы быстро подняться вверх по служебной лестнице, особенно в таком специфическом учреждении, как ЧК, требовалась не только безжалостность к тем, кого объявляли врагами, но и виртуозное знание аппаратных ходов. Очевидно, Берия оказался среди таких вот знатоков. А уж то, что ему благополучно удалось миновать чистку второй половины 30-х годов, для чекиста его уровня, пусть в тот момент и бывшего, было редким исключением и свидетельствовало о незаурядных способностях по части самосохранения.

Вообще же, как можно судить по немногим сохранившимся воспоминаниям, Лаврентий Берия в детстве и юности ничего замечательного не совершил и ничем особенным не выделялся среди своих сверстников. Полагаю, друзья его ранних лет очень удивились бы, если бы им сказали, что скромный студент Бакинского технического училища войдет в Большую Историю как видный государственный деятель. Вот только до сих пор спорят - со знаком плюс или минус сохранился он на ее скрижалях.

БЕРИЯ – ЧЕЛОВЕК

Прежде чем перейти к первым шагам Берия в политической борьбе, развернувшейся в Закавказье после свержения царизма, я хочу немного забежать вперед и попытаться понять, каким человеком был Лаврентий Павлович? Ответ на этот вопрос поможет нам разобраться в изгибах его политической судьбы и объяснить трагический конец. Многие десятилетия сама постановка такого вопроса публике казалось кощунственной. Лаврентия Павловича иначе, чем исчадие ада, многие не воспринимали. Сын же Серго рисует почти иконописный портрет отца - пламенного рыцаря революции, печальника о благе России, Грузии и всего человечества, ставшего жертвой козней темных сил в лице Хрущева, Маленкова и примкнувших к ним Молотова, Кагановича и прочих членов Президиума ЦК.

Серго Берия пишет, что его отец был разносторонне одаренным человеком: "Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и

понимал музыку... Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных дозах. Пьяным я его никогда не видел...

Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-видимому, отец просто не обращал внимания на такие вещи... Жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача... была одна, современной постройки... Пять небольших комнат, включая столовую, в одной... стоял бильярд...

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК (это - ставший знаменитым после романа Юрия Трифонова "Дом на набережной". -Б. С.). Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: "Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!" Мама не захотела. "Ладно, - сказал Сталин, - как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут".

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнатушек. Сталин приехал, осмотрел и говорит: "Я в ссылке лучше жил". И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Кортов и бассейнов ни у кого там не было...

Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба... Комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись... Лишь один пример: вторых брюк у меня не было...

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли... и сетку волейбольную купили...

Когда уезжали в отпуск на юг - а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах...

Вместе с мамой посещал манеж - к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну, а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо".

Что тут сказать! Воля ваша, но как-то не вяжется образ Берии-спортсмена с фотографиями тучного, одутловатого Лаврентия Павловича последних лет жизни. Хотя допускаю, что в 20-е и 30-е годы он занимался физкультурой достаточно активно. Также вызывает сомнение утверждение Берии-младшего, что его отец "был очень

мягким человеком". Не те должности занимал Лаврентий Павлович большую часть своей жизни, где можно было проявлять мягкость.

Создается впечатление, что, даже достигнув высокого положения, Берия так и не приобрел вкуса к роскоши. Похоже, по-настоящему его интересовали только карьера и власть. Серго Лаврентьевич свидетельствует: "Отец был неприхотлив в еде... Был повар, очень молодой симпатичный человек. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, навещали близкие из Грузии, друзья".

Насчет неприхотливости Лаврентия Павловича в еде сохранилось также любопытное свидетельство переводчика Сталина Валентина Михайловича Бережкова, встречавшегося с Берией на Тегеранской конференции: "Он почти не прикасался к еде. Но ему всегда ставили тарелку с маленькими красными перцами он закидывал в рот один за другим, словно семечки. Однажды предложил мне такой перчик - и меня буквально обожгло, когда я прикоснулся к нему губами. Берия засмеялся и принялся настаивать, чтобы я проглотил. Пришлось сделать вид, что послушался. Затем незаметно выбросил под стол.

- Это очень полезно. Каждый мужчина должен ежедневно съедать тарелку такого перца, - назидательно поучал Берия.

Он также всякий раз спрашивал, почему я худой?

- Такова конституция моего организма, - отвечал я. Не мог же я сказать, что две сосиски в день, которые мы получали в столовой... никак не могли прибавить мне веса".

Берия, конечно, и в трудные военные годы питался все же не двумя тощими нкидовскими сосисками в день. Иначе не понятно, как он достиг своих не малых габаритов. И по поводу своего веса не комплексовал. Наоборот, сочувствовал Бережкову, что он такой худенький. А красные перчики поглощал в огромном количестве, веря, что они укрепляют мужскую силу.

По утверждению сына, подчеркивавшего необыкновенное трудолюбие отца, Берия "никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы...

В отличие от других членов Политбюро, занимавшихся... чистой демагогией да извечными "кадровыми" вопросами, ему ведь всегда поручалось конкретное дело..."

Лаврентий Павлович, по словам сына, "по своей натуре был аналитиком и никогда не спешил с выводами, основываясь лишь на собственном эмоциональном восприятии тех или иных событий. Для политика это вещь, считал он, абсолютно недопустимая. Вне всяких сомнений, наложила свой отпечаток на его характер многолетняя работа в разведке... Сужу даже по тому, как он формировал меня как личность, как приучал к систематическому труду, работе над материалом, сопоставлению фактов, прогнозированию...

А еще это был очень целеустремленный, настойчивый человек. Если он брался за какую-то работу, то всегда доводил начатое до конца. Не чурался черновой работы".

В общем, на Лубянке и в других местах Лаврентий Павлович вечный был работник! Другого взгляда от искренне любящего сына, немало обязанного отцу в лучшие времена своей карьерой, трудно было бы ожидать! Но шуточки шутками, а ведь Берия действительно от работы не отлынивал, и в чем в чем, а в лени ни один из оппонентов его действительно никогда не обвинял.

В художественной литературе Берия, как правило, играет дежурную роль злодея в исторических боевиках, посвященных сталинской эпохи. И лишь в одном произведении этот персонаж предстает в качестве полнокровного и колоритного героя, чья пародийность не мешает воспринимать его как рельефный портрет реального исторического лица, пусть и преобразованный художественной фантазией.

В романе Владимира Сорокина "Голубое сало" действие происходит в Советском Союзе в 1954 году. Здесь Сталин вовсе не умер в 53-м, а построил мощную державу, основанную на русской национальной идее. Многие персонажи носят здесь имена исторических лиц, но подчеркнуто наделены внешностью, почти ничего общего не имеющей с внешностью прототипа. Вот как выглядит Берия у Сорокина: "Берия встал, снял пенсне и неторопливо протер его замшевой тряпочкой. Это был высокий худощавый человек с большой яйцеобразной почти безволосой головой, узко скошенными плечами и длинными руками с выразительными тонкими пальцами; лицо его, узкое и вытянутое книзу, всегда имело выражение рассеянной углубленности в себя, которое встречается обычно у людей искусства. Небольшие зеленые глаза подслеповато щурились, полные губы блестели со вкусом подобранной помадой. На Берии был превосходный темно-синий фрак с орденом Красного Знамени в алмазном венце. Очень высокий стоячий воротник красиво поддерживал узкие худые скулы министра госбезопасности.

Берия надел пенсне на свой тонкий небольшой нос и заговорил тихим четким голосом..."

Читатели наверняка оценили юмор. Стройный красавец Берия, да еще с напомаженными губами (намек, что уж женщины его никак не интересуют), - в "Голубом сале" и невысокий толстяк с жабоподобным лицом на сохранившихся фотографиях конца 40-х - начала 50-х годов.

Берия "Голубого сала" произносит панегирик физикам Ландау и Сахарову (оба они действительно работали в подчинении у Берии в реальной жизни): "Друзья. Мне хотелось бы сказать несколько теплых слов о наших замечательных советских ученых, двое из которых присутствуют здесь. Благодаря нашей науке, страна Советов из отсталой аграрной империи стала индустриальным гигантом. Благодаря нашей науке, у нашего народа появился ядерный щит, способный окоротить любого агрессора. Наконец, наши ученые вплотную подошли к разгадке феномена времени. Представляете, что ждет всех нас, когда советские люди смогут управлять временем? Я сам человек хладнокровный, не поддающийся эмоциям. И тем не менее, товарищи, у меня дух захватывает, когда я думаю об этом. Выпьем же за здоровье наших ученых!"

В жизни Лаврентий Павлович разговаривал с учеными совсем не так возвышенно. А.Д. Сахаров вспоминает, как он обращался к своим

коллегам-чекистам, но так, чтобы и будущие академики, присутствовавшие на совещании, поняли, что их это тоже касается: "Берия встал и произнес примерно следующее: "Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы Вас не будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!""

Сорокинский Берия, в отличие от настоящего, не только не дружит с Маленковым, но искренне его ненавидит и интригует против него перед Сталиным:

"- Какая все-таки гнида Маленков, - заговорил Берия, прохаживаясь возле глыбы. - Каждый раз, когда вижу его, теряю самообладание. Как ты его терпишь?

- Он хороший технарь. Знает производство... - глухо отозвался Сталин.

- Но он чудовищный интриган. Скольким людям он кровь испортил. Мало ему Куйбышева, Постышева и Косиора. Теперь давит Косыгина. Piece of shit...

- У него колоссальный опыт.

- Косыгин знает тяжпром не хуже его. Вся эвакуация заводов на нем держалась. Деловой парень, денди, из рода чугунных магнатов. Живой, контактный. В гольф играет блестяще.

- Это важно для зам. пред. Совмина?

- Да! - оживился Берия. - Я раньше думал как Маяковский: "Мне - бильярд, отращиваю глаз; ему же шахматы - они вождям полезней". Шахматы для руководителей - великая вещь. Они учат стратегическому мышлению. А гольф - учит тактике. Во времена Ленина и в тридцатые годы все определяла стратегия. Сейчас, в начале пятидесятых, актуально тактическое мышление. Косыгин - перспективный кадр".

Еще у литературного Берии появляется налет аристократизма, прототипу явно не свойственный. Это подчеркивается и убранством бериевского кабинета в романе: "Небольшой лубянский кабинет, со вкусом отделанный янтарем и розовым деревом". Что не мешает Берии 54-го года приказать пытать академика Сахарова, чтобы разгадать тайну носителя сверхэнергии - голубого сала, чтобы завладеть которым устраивает заговор против Сталина и уничтожает своих соратников Абакумова и Меркулова. Не сомневаюсь, что и настоящий Берия, не колеблясь, приказал бы пытать любого из "атомных" академиков, если бы счел это необходимым для дела. А прикажи Сталин расстрелять того же Сахарова или Курчатова, Лаврентий Павлович и это исполнил бы, не дрогнув. Может, только вначале бы попробовал убедить Кобу, что не стоит так сразу рубить с плеча, еще пригодятся. Абакумова же, как мы убедимся в дальнейшем, Лаврентий Павлович действительно собирался расстрелять, но не успел: самого расстреляли.

В целом же Берия, если попытаться взглянуть на его человеческие качества непредвзято, предстает прежде всего человеком дела. Он ставит перед собой и перед подчиненными конкретные задачи и стремится их разрешить любыми средствами, в том числе и самыми варварскими, путем репрессий и угроз. При этом Лаврентий Павлович относительно равнодушен к жизненным благам, хотя и аскетом, особенно по части прекрасного пола, его не назовешь. Для него важнее

- сделанное дело и продвижение к вершинам власти по служебной лестнице. При этом ему свойственна забота о родных, близких и подчиненных, которых он старался не оставлять без внимания и поддержки при любых обстоятельствах. Вот этика любви к дальнему Берии, похоже, не была свойственна. К людям незнакомым можно было применять любые методы. Но без нужды Лаврентий Павлович человека предпочитал не губить - только тогда, когда, как он считал, не оставалось другого выхода.

В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

По всей вероятности, путь Берии в ЧК начался на фронте, где он по-настоящему сблизился с большевиками. В июне 1917 года Лаврентия в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы направляют в Одессу, а потом на Румынский фронт, где работал в лесном отряде села Негулешты. После развала фронта осенью он вернулся в Баку, где в 1919 году закончил техническое училище. В автобиографии Берия писал: "... Начиная с 1917 года, в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с места на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в г. Баку) в нелегальные (19 и 20 гг.) и прерывается выездом моим в Грузию". В отряде, по утверждению Берии, он был председателем отрядного комитета и часто бывал в этом качестве на митингах рабочих и солдат в Одессе. На следствии 1953 года даже поступление в гидротехнический отряд Лаврентию Павловичу вменили в вину. Прокурор Р.А. Руденко грозно спросил: "Как могло случиться, что вы, будучи членом партии с марта 1917 года, в июне этого года добровольно вступили практикантом в гидротехническую организацию и выехали в Одессу? Было ли это поступление согласовано вами с партийной организацией?"

Суть обвинения сводилась к следующему: как мог большевик добровольно поступить в военную организацию и отправиться на фронт для участия в "империалистической войне"? Берия пытался оправдаться: "Что я поступил в эту организацию, Цуринов (Цуринов-Аванесов - соученик по техническому училищу, вместе с которым Берия создал ячейку РСДРП(б). - Б. С.) знал, но я ни с кем из партийной организации (очевидно, имеется в виду Бакинская парторганизация. - Б. С.) этого не согласовывал..."

Что ж, нарушение партийной дисциплины Берии инкриминировать можно, хотя, опять-таки, он мог бы мотивировать свой отъезд в армию намерением вести антивоенную агитацию среди солдат и рабочих прифронтовой полосы. Но главным мотивом отъезда, как кажется, явилось желание завершить образование. Чтобы закончить техническое училище, необходимо было пройти производственную практику. Да и заработок техника-практиканта был существенным подспорьем. Правда, и революционную деятельность при этом Берия, судя по всему, не оставлял, будучи избран председателем отрядного комитета.

В начале 1918 года, после развала Румынского фронта, Лаврентий возвратился в Баку. Восемь месяцев, вплоть до сентябрьской оккупации города турецкими войсками, он работал в секретариате Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Вместе с турками в город вернулись лидеры азербайджанской социалистической партии

"Мусават" - сторонники национальной независимости Азербайджана. При мусаватистском правительстве Берия с октября 1918 до января 1919 года работал конторщиком на заводе "Каспийское товарищество Белый Город". Затем он стал председателем подпольной большевистской ячейки бакинских техников, оставаясь на этом посту вплоть до занятия Баку Красной Армией в апреле 1920 года.

С работы же на заводе Берия ушел, чтобы продолжать учебу. В автобиографии он писал: "В связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я вынужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем комячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора..."

Здесь, пожалуй, уже проскальзывает определенный прагматизм. Берия предпочитает завершить свое образование, а не отдаваться повседневной партийной работе. Разовые поручения - это ведь далеко не то, что повседневная деятельность в подполье. Да и ячейкой техников, сдается мне, Лаврентий руководил сугубо формально. Вряд ли он мог реально делать это, например, тогда, когда после окончания училища был направлен подпольной Коммунистической партией Азербайджана на службу в контрразведку мусаватистского правительства. Позднее, на процессе 53-го года, этот факт расценили как предательство. Однако в архиве сохранилась объяснительная записка старого большевика И.П. Павлуновского, в 1919-1920 годах являвшегося заместителем начальника Особого отдела ВЧК. В 1926-1928 годах Иван Петрович руководил Закавказским ГПУ, а в 1932 году стал заместителем наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе и, как и 12 из 13 заместителей Серго, не пережил Большой чистки. Его записка датирована 25 июня 1937 года, еще до ареста, и адресована лично Сталину. Павлуновский писал, что перед назначением на работу в Закавказье имел беседу с председателем ВЧК: "... Т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных т.т. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе". В Тифлисе Орджоникидзе подтвердил Павлуновскому, что Берия работал в мусаватистской контрразведке по поручению партии, и об этом известно не только ему, Орджоникидзе, но и Кирову, Микояну и тогдашнему секретарю Кавказского бюро партии А.М. Назаретяну. Павлуновский заключил свою записку следующими словами: "Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил".

Павлуновский также сообщил об отношении Орджоникидзе к Берии: "В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего

работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину".

Интересно, что на судьбу самого Павлуновского эта записка никак не повлияла. Сталин методически уничтожал людей из окружения Орджоникидзе. В конце июня, буквально через пару дней после подачи записки о Берии, Павлуновский был на пленуме выведен из кандидатов в члены ЦК, исключен из партии, вскоре арестован и 30 октября 1937 году расстрелян. Очевидно, что у него не было никаких мотивов, чтобы искажать биографию Лаврентия Павловича или приукрашивать отношение к нему Орджоникидзе. Сталин же, несмотря на конфликт с Серго и самоубийство последнего, согласился с его характеристикой деловых качеств Берии. Иосиф Виссарионович всегда ценил Орджоникидзе, как опытного хозяйственника, и рекомендацию, данную Берии, воспринял очень серьёзно. Тем более что о Лаврентии Павловиче хорошо отзывался и Микоян. Во всяком случае, Сталин не счел Берию скомпрометированным. Через два месяца после записки Павлуновского Лаврентий Павлович был вызван в Москву и назначен заместителем Ежова.

Сам Берия никогда не утаивал факт своей службы в мусаватистской контрразведке. В частности, в автобиографии 1923 года можно прочесть: "Осенью того же 1919 года от партии Гуммет (легально действовавшей в Азербайджане партии социал-демократического толка, сотрудничавшей с большевиками. - Б. С.) поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне". Из контекста этого сообщения становится ясно, что в контрразведке Берия работал как тайный большевистский агент, и вынужден был спешно покинуть службу в контрразведке после разоблачения и гибели своего сообщника.

Вскоре Баку заняла Красная Армия. И Лаврентий Павлович сразу же был направлен на нелегальную работу в Грузию, где у власти находилось меньшевистское правительство. Согласимся, что сотрудника контрразведки только что свергнутого правительства не стали бы отправлять со столь деликатной миссией в страну, которую большевики собирались захватить, если только он не был в действительности "засланным казачком".

Берия выехал в Тифлис. Арестованный после Второй мировой войны грузинский эмигрант Ш. Беришвили, живший в Париже, во время следствия в 53-м году показал: "Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили - бывший министр внутренних дел при меньшевиках - прочитали в тбилисской газете "Коммунист" (а газету мы выписывали) о назначении Берии на какую-то должность, то Рамишвили вспомнил в моём присутствии об аресте Берии в 1920 году меньшевистским правительством. Рамишвили сказал, что Берия был арестован начальником особого отряда Меки Кедия в 1920 году, когда Берия из Баку приехал в Грузию по какому-то заданию от большевиков. Рамишвили тогда же сказал мне, что Берия после ареста всё рассказал ему о своих заданиях и связях. Я удивился, а Рамишвили велел мне напомнить об этом, когда к нему придёт Кедия Меки. Последний к нам вообще приходил часто.

Когда к нам пришёл Меки Кедия, то мы спросили его об аресте Берии в 1920 году и о том, как Берия вёл себя на допросах. Кедия подтвердил, что Берия после ареста плакал и всех выдал, после чего был освобождён".

Показания Беришвили как будто подтверждает и двоюродный брат самого Лаврентия Павловича Герасим Берия. На его квартире Лаврентий останавливался в 1920 году, когда приехал в Тифлис. Герасим сообщил следователям, что нашёл брата в тюрьме под его настоящей фамилией, а не под вымышленной - Лакербайя, о которой речь впереди. Он также подтвердил, что на его квартире после ареста Лаврентия особым отрядом был произведён обыск.

Интересно, а что писал об этом эпизоде сам Лаврентий Павлович? В автобиографии 1923 года о пребывании в Грузии в 1920 году рассказано так: "С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане (так коммунисты именовали занятие Баку частями 11-й советской армии. - Б. С.) краевым комитетом компартии большевиков от регистрода (регистрационного, т. е. разведывательного отдела. - Б. С.) Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с центральным комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания (главой грузинского правительства. - Б. С.) освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию".

Далее Берия сообщил, что ему тогда удалось остаться в Грузии и под вымышленной фамилией Лакербайя поступить на службу в представительство РСФСР, которое возглавлял Киров. В мае 20-го Берия выехал в Баку за директивами в связи с заключением мирного договора между Россией и Грузией (большевики соблюдали его всего несколько месяцев), но на обратном пути его арестовали. Кирову не удалось вызволить Берию, и Лаврентия Павловича отправили в Кутаисскую тюрьму, отличавшуюся суровым режимом. Он провёл там больше двух месяцев. В августе в результате голодовки политзаключённых Берия и другие заключённые большевики были освобождены и в августе 1920 года высланы в Баку. Там Лаврентий Павлович сразу же был назначен управляющим делами ЦК компартии Азербайджана. Вряд ли бы ему доверили столь ответственный пост, если бы имелись сведения о его недостойном поведении в тюрьме.

Замечу, что Герасим Берия наверняка имел в виду первый арест брата, когда тот действительно содержался в Тифлисской тюрьме под своей настоящей фамилией. В Кутаисской же тюрьме Лаврентий Павлович находился под именем Лакербайя и так и не был опознан грузинскими властями. Предположение же следователей в 1953 году, что Берия был освобождён из тюрьмы потому, что выдал грузинской контрразведке сеть советской агентуры, вряд ли основательно. Ведь первый раз его арестовали вместе с большой группой членов ЦК Грузинской компартии, но быстро освободили, благодаря хлопотам Г.Ф. Стуруа, представлявшего советскую сторону в Грузии. Во второй же раз Лаврентия Павловича посадили в Кутаисскую тюрьму, где брат навещать его никак не мог. Очевидно, Шалва Беришвили, уже

находившийся в заключении, готов был дать любые необходимые следователям показания против Берии и вольно или невольно соединил два ареста будущего шефа НКВД в один.

Кроме того, возникает вопрос, почему грузинские эмигранты не использовали впоследствии против Берии имевшийся на него компрометирующий материал? Если верить Беришвили, Лаврентий Павлович выдал всю свою агентуру, а этот факт мог положить конец его чекистской и партийной карьере. Однако грузинские меньшевики никак не пытались шантажировать могущественного главу закавказских чекистов, а впоследствии - руководителя Закавказской парторганизации. А ведь могли бы, хотя бы для того, чтобы облегчить участь своих арестованных товарищей. Но никаких фактов такого рода даже весьма пристрастному следствию в 1953 году установить не удалось. Не логичнее ли предположить, что ничего против Берии у бывшего шефа грузинского МВД Ноя Рамишвили на самом деле не было?

Кстати, хочу обратить внимание читателей, что меньшевистская Грузия была всё-таки демократическим государством, и осудить человека даже на тюремное заключение, а тем более на смерть, там можно было, лишь имея против него веские улики. Такими уликами против Берии грузинская контрразведка, вероятно, не обладала. К тому же мнимый Лакербайя был, как-никак, сотрудником советской дипломатической миссии, а с Советской Россией в то время поддерживался хрупкий, но мир. Этим обстоятельством, а также вызвавшей большой общественный резонанс голодовкой политзаключенных и объясняется скорее всего освобождение Лаврентия Павловича из Кутаисской тюрьмы.

Насчёт участия самого Лаврентия Павловича в знаменитой голодовке сохранилось не слишком лестное для него свидетельство. В характеристике, данной Берии в 20-е годы комиссией ЦК компартии Грузии, отмечалось: "В тюрьме не подчинялся постановлениям парторганизации и проявлял трусость. К примеру: не принимал участия во времени объявления голодовки коммунистов". Но безоговорочно верить этому утверждению нельзя. Мы не знаем, следствием каких интриг и борьбы за власть в недрах грузинского ГПУ стала вышеуказанная характеристика, где Берия также обвинялся в уклонах к левизне, бюрократизму и карьеризму, и признавалось невозможным использовать его на более ответственной работе.

Ранее же Лаврентий Павлович получил в Баку в высшей степени превосходную характеристику. Этому предшествовали следующие события, изложенные в автобиографии: "На этой должности (управляющего делами ЦК компартии Азербайджана. - Б. С.) я остаюсь до октября 1920 года, после чего Центральным Комитетом назначен был ответственным секретарём Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и т. Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 года). С окончанием работы в Комиссии мне удаётся упросить Центральный Комитет дать возможность продолжить образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 году). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через БакСовет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в

Кавбюро откомандировать меня на работу в Тифлис, своим постановлением назначает меня в АзЧека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 г.) и вскоре уже - начальником секретно-оперативного отдела - заместителем председателя АзЧека".

Отныне целых одиннадцать лет жизни Лаврентия Павловича будут связаны с чекистской работой. До поступления же в ЧК ничего особо выдающегося за Берией, как, впрочем, и за подавляющим большинством других коммунистов-подпольщиков не числилось. Нет сведений о том, что добытая им информация, в частности, во время службы в мусаватистской контрразведке, серьезно помогла операциям Красной Армии против Азербайджана или деятельности Бакинского большевистского подполья.

РУКОВОДИТЕЛЬ ЗАКАВКАЗСКИХ ЧЕКИСТОВ

Вот в должности начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, надо полагать, Лаврентий Павлович проявил себя неплохо. Хотя вплоть до 1922 года находил возможность урывками учиться и в Политехническом институте. В 1923 году секретарь ЦК Азербайджанской компартии Рухулла Ахундов выдал Берии удостоверение-характеристику: "Удостоверение дано сие ответственному партийному работнику тов. Берии Л.П. в том, что он обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая управделами ЦК Азербайджанской компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарём Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве..." Автор характеристики был арестован и расстрелян в 1938 году, в бытность Берии во главе коммунистов Грузии. Ахундов был тогда начальником Управления по делам искусств при Совнаркоме Азербайджана. Лаврентий Павлович не смог или не захотел чем-либо помочь несчастному.

Столь же лестную характеристику дал Берии в 1924 году первый секретарь Закавказского крайкома партии А.Ф. Мясников: "Берия - интеллигент... Заявил себя в Баку как способный чекист на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной части. Ныне начсот (начальник секретно-оперативной части. - Б. С.) Грузинской ЧК".

В Азербайджанской ЧК Берия сделал немало. С гордостью отмечал в автобиографии, что активно участвовал в разгроме мусульманской организации "Иттихад", которая, по его утверждению, насчитывала "десятки тысяч членов", и ликвидации Закавказской организации правых эсеров. За эту последнюю операцию Лаврентий Павлович 6 февраля 1923 года был отмечен специальным приказом коллегии ВЧК: "За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социал-революционеров начальник секретно-

оперативной части Бакинского губотдела тов. Берия и начальник секретного отдела тов. Иоссем награждаются оружием - револьвером системы "Браунинг" с надписями, о чём занести в их послужные списки..." Кроме того, 12 сентября 1922 года Совнарком Азербайджана отметил заслуги Берии похвальным листом.

В Грузии, где с осени 22-го Лаврентий Павлович возглавлял секретно-оперативную часть и являлся заместителем начальника местного ЧК, он тоже неплохо проявил себя. В автобиографии Берия отмечал: "... Принимая во внимание всю серьёзность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удаётся достигнуть серьёзных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени..."

Итак, в 23 года Лаврентий Берия - уже заместитель начальника Грузинского ЧК и руководитель самого важного ее подразделения - секретно-оперативной частью, занимавшейся наблюдением за настроениями населения и разработкой оперативных мер против тех, кто подозревался в намерении бороться с Советской властью. Если попытаться вписать бериевскую должность в систему дореволюционных должностей, то это - заместитель (товарищ) начальника губернского жандармского управления. Во главе управления обычно стоял генерал-майор или полковник, его заместитель соответственно обычно носил чин полковника и подполковника.

Разумеется, до 1917 года Берия не мог даже мечтать, чтобы в 23 года получить чин подполковника. Не случись революция, он бы в этом возрасте в лучшем случае только окончил Бакинский Политехнический институт (если бы он открылся) или какой-то иной вуз и поступил бы рядовым инженером к кому-нибудь из местных нефтяных магнатов, Манташеву, Гукасову или Нобелю (на заводе у Нобеля в Балаханах он в 1916 году проходил практику). Если бы повезло, мог бы со временем получить большой оклад, но вряд ли бы пошел на госслужбу, тем более учитывая его тягу именно к техническому образованию. Но этот вариант биографии был бы осуществим только в случае, если бы родители или сам Берия смогли бы каким-то образом изыскать средства для продолжения образования. Иначе пришлось бы идти Лаврентию на те же Бакинские нефтепромыслы простым техником, и неизвестно, выбился ли бы он когда-нибудь в инженеры, сделал ли бы хоть какую-нибудь карьеру. Конечно, и техник в Баку зарабатывал вполне прилично. Той нужды, как в деревне, Берия бы уже не знал. Но юного мингрела, как кажется, снедало нешуточное честолюбие. И именно революция позволила реализовать самые честолюбивые мечты.

Когда познакомились Берия и Сталин, достоверно неизвестно. Некоторые историки относят это событие ко времени подавления грузинского восстания 24-го года. Возможно, это произошло и раньше. Во всяком случае, уже в январе 1924 года Берия докладывал лично Сталину о том, что Троцкий был столь слаб в день похорон Ленина, что не смог выступить публично, а лишь написал статью, которую прочитали по радио. Кстати, этот доклад опровергает версию самого

Троцкого, что он не приехал на похороны из-за козней Сталина, сообщившего неверную дату траурной церемонии. Судя по всему, Лев Давидович был действительно болен и физически не мог присутствовать на прощании с Лениным.

Кстати сказать, нет никаких данных, что Берия когда-либо примыкал к "левой" или "правой" оппозиции Сталину. Даже весьма пристрастное следствие и июльский пленум 1953 года не рискнули навесить ему ярлык "троцкиста" или "бухаринца" и обвинить в связях с оппозиционерами 20-х годов (хотя предъявленное ему обвинение в "буржуазном перерождении" совпадало с тем, что в свое время предъявили Бухарину, Рыкову и его товарищам). От Троцкого же Лаврентий Павлович был далек, к "перманентной революции" никакого интереса не проявлял. Троцкий был романтиком революции, Берия - ее прагматиком. Лев Давыдович тогда, сразу после смерти Ленина, мог победить в борьбе со Сталиным только на путях военного переворота и превращения СССР в латиноамериканскую "банановую республику" со своим каудильо. Говорят, некоторые командиры и комиссары Красной Армии предлагали ему арестовать Политбюро и захватить власть, но Троцкий эту идею отверг. Он хотел быть не военным диктатором, а партийным вождем, призванным распространить коммунистическую революцию на весь мир, и за эту утопию заплатил жизнью.

Тогда, в январе 24-го, Берия, конечно, не мог предполагать, что через шестнадцать с половиной лет ему придется возглавить операцию по уничтожению Троцкого. Но, думаю, уже тогда, наблюдая борьбу Троцкого и Сталина, понял, что Лев Давыдович обречен. Троцкий проигрывал тактически, собственное здоровье ставя выше политической целесообразности. Он апеллировал к партийной массе, т. е. к тем, для кого он был заведомо чужой. Старая гвардия не могла простить Троцкому его небольшевизма до 1917 года. Молодой призыв, пополнивший партийные ряды после смерти Сталина, чувствовал себя обязанным возглавляемому Сталиным партаппарату, а отнюдь не Троцкому. А Лаврентию Павловичу не хотелось быть среди проигравших. И он спокойно репрессировал в Закавказье троцкистов, а потом и их противников бухаринцев.

Интересно другое. Когда после смерти Сталина Берия попытался провести свои реформы, для их осуществления его-то как раз могла устроить роль "советского Пиночета". Но шансов взять власть военным путем у него не было, да и нет никаких свидетельств, что Лаврентий Павлович на самом деле собирался совершить переворот силами армии или МВД.

Особенно ярко проявился сыскной талант Берии при подавлении меньшевистского восстания в августе - сентябре 1924 года. Вот что рассказывает об этом со слов отца сын Лаврентия Павловича Серго: "В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнаёт, причём заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе (в честь которого и был назван Серго Лаврентьевич. - Б. С.), в свою очередь, передаёт его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей

республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые бы позволили предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг - допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо, получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили её всего лишь как провокацию...

В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение - арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике (так оно во многом и было. - Б. С.) и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели всё же был арестован, но из-за досадной случайности - его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомился с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики всё же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понёс бессмысленные жертвы, которые вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития ещё можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей..."

Казалось бы, сыну выгодно представить отца в выгодном свете. Вот и придумал красивую сказку про Лаврентия Павловича - гуманиста, всеми силами стремившегося не допустить напрасного кровопролития. Тем более что существуют слухи (только слухи; документов на сей счёт до сих пор не опубликовано), будто как раз своей жестокостью при подавлении грузинского восстания Берия заслужил внимание и благосклонность Сталина. Но более логичным кажется предположение, что Джугели, как и бывший мэр Тифлиса Баня Чикашвили и бывший член Конституционной ассамблеи Грузии Ной Хомерики, были выслежены и арестованы чекистами в надежде обезглавить

готовившееся восстание и тем самым либо предотвратить, либо значительно ослабить его. Однако восстание, вопреки ожиданиям Берии и его сотрудников, оказалось довольно мощным и продолжалось более двух недель. Сначала повстанцам сопутствовал успех. Им удалось овладеть рядом городов Западной Грузии, в том числе Чиатурой, Сухумом, Батумом и Кутаиси. Бои шли даже в пригородах Тбилиси. Но вскоре для борьбы с восстанием были переброшены дополнительные части Красной Армии, и под натиском численно и технически превосходящего противника сторонники независимости Грузии вынуждены были отступить. В начале сентября часть из них через Батумский порт ушла морем в Турцию. Многие раненые повстанцы были захвачены в плен. Ряд из них, а также арестованных накануне восстания Джугели, Хомерики и Чикашвили расстреляли, других отправили в концлагеря.

Накануне восстания Берия попробовал сменить место работы. В конце уже цитировавшейся автобиографии 1923 года, написанной накануне восстания, Берия просит ЦК предоставить ему возможность продолжать образование в техническом институте, поскольку видит своё призвание именно в этой отрасли знаний, имеет уже законченное специальное техническое образование и сможет отдать свой опыт и знания советскому строительству именно в этой области, а партия сможет после завершения учёбы использовать его там, где сочтёт нужным. Лаврентий Павлович не стыдился признаться: "За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование". К моменту своего отъезда из Баку в Тифлис в 22-м году Лаврентий Павлович успел закончить два курса Бакинского технического института, в который было преобразовано прежнее техническое училище. В 1921 году Берию даже собирались командировать в Бельгию для изучения технологии нефтедобычи, но потом передумали и направили на оперативно-чекистскую работу, где он к концу 23-го достиг немалых успехов. И вдруг чекиста охватывает тяга к техническим знаниям. Он готов оставить так успешно начавшуюся чекистскую карьеру. Не странно ли? Думаю, что одной из причин вновь проснувшейся тяги к техническим знаниям было то, что Лаврентий Павлович осенью 23-го догадывался о том, что меньшевики рано или поздно поднимут народ на восстание, и ему, как одному из руководителей ГПУ, придется топить мятеж в крови. Берии не хотелось участвовать в бессмысленном уничтожении соотечественников-грузин. Поэтому и пытался предотвратить выступление, хотя и понимал, что шансов на это мало: не было у меньшевиков доверия к чекистам. А заодно пробовал вернуться в Баку, в институт, чтобы не участвовать в будущей расправе над повстанцами. Не получилось.

Если бы старшие товарищи удовлетворили тогда просьбу Лаврентия Павловича, его судьба могла служиться гораздо счастливее. Стал бы Берия со временем видным руководителем нефтяной промышленности. Здесь было больше шансов, чем в партийном или чекистском аппарате, пережить чистку 1937-1938 годов, особенно, если бы к тому времени Берия не успел подняться слишком высоко по служебной лестнице. Его административные способности помогли бы ему сделать хорошую карьеру в годы Великой Отечественной войны и в последние годы правления Сталина. Во времена хрущевской оттепели или

брежневского застоя Берия имел бы все шансы дорасти до заместителя или даже первого заместителя главы правительства, и скорее всего тихо ушёл бы на покой персональным пенсионером союзного значения, как какой-нибудь Байбаков. Не было бы рокового выстрела в бетонном бункере штаба Московского военного округа в 53-м, завершившего его жизнь, но не было бы в той жизни и руководства карательным ведомством после Ежова и атомным проектом. Не стал бы Берия маршалом, и не вошёл бы в Большую Историю, пусть, по мнению большинства, и со знаком минус.

Рискну высказать и совсем крамольную мысль. Лаврентий Павлович понимал, что чекистская работа - дело грязное, и у молодого студента в ту пору не очень лежала к ней душа (потом - втянулся). Вот и попытался в последний раз соскочить с чекистского поезда, перейти на работу более чистую, к которой имел склонность ещё до революции. Но стать инженером-нефтяником не удалось. Потом власть развратила Берию, да и выйти из системы он уже не мог. А когда попытался в 53-м эту систему реформировать, оказалось, что плата за выход - жизнь.

С несостоявшейся поездкой в Бельгию связана женитьба Берии. Вот что рассказала об этом в годы перестройки его вдова Нина Теймуразовна Гегечкори: "Я родилась в семье бедняка. Особенно трудно стало матери после смерти отца... Росла я в семье родственника - Александра Гегечкори, который взял меня к себе, чтобы помочь моей маме. Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была ещё маленькая, мне всё было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключёнными обращались хорошо (это свидетельство противоречит утверждению самого Берии в автобиографии 23-го года, будто в Кутаисской тюрьме были невыносимые условия. - Б. С.). Мой будущий муж сидел в одной камере с Сашей. Я не обратила на него внимания, а он меня, оказывается, запомнил.

После установления Советской власти в Грузии Сашу, активного участника революции, перевели в Тбилиси, избрали председателем Тбилисского ревкома. Я переехала вместе с ними. К тому времени я была уже взрослой женщиной, отношения с матерью (имеется в виду приёмная мать - жена Саши Вера. - Б. С.) у меня не сложились.

Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках, старалась не ходить по людным улицам - так было стыдно своей бедной одежды...

В первые дни установления Советской власти в Грузии студенты организовали демонстрацию протеста против новой власти. Участвовала в этой демонстрации и я. Студентов разогнали водой из пожарного брандспойта, попало и мне - вымокла с головы до ног. Мокрая, я прибежала домой, а жена Саши Вера спрашивает: "Что случилось?" Я рассказала, как дело было. Вера схватила ремень и хорошенько меня отлупила, приговаривая: "Ты живёшь в семье Саши Гегечкори, а участвуешь в демонстрациях против него?"

Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления Советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал:

"Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить".

Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк.

Сели мы на скамеечку. На Лаврентии было чёрное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось двадцать два года.

Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование - Лаврентий должен жениться.

Я подумала и согласилась - чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью. Так, никому ничего не сказав, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня. Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию".

Для Нины Теймуразовны это, несомненно, был брак по расчёту. Хоть и из дворянского рода была Нина, но бедность давно уже заставила позабыть аристократические предрассудки. К тому же после революции дворянское происхождение неразумно было афишировать, и брак с молодым и перспективным чекистом помогал обрести определённое положение в обществе. Да и Лаврентий Павлович, похоже, женился не только под влиянием романтического чувства, но и потому, что для поездки за границу срочно требовалось обзавестись супругой. Может быть, Берия в чём-то тяготился этим браком и оттого часто заводил мимолётные связи на стороне?

В Тифлисе (Тбилиси), где Берия жил вплоть до 1938 года, о нем сохранилась добрая память. Вот что пишет Николай Зенькович, посетивший Тбилиси уже в наши дни: "Никакой злости или неприязни - исключительно доброжелательное отношение сохранилось у бывших его соседей по большому тбилисскому дому, где Берия жил до переезда в Москву, занимая крупные посты в Грузии. С трудом верится, но ведь это факт: будучи первым секретарем ЦК компартии Грузии, он в свободное время самолично установил во дворе дома турник, кольца, другие спортивные снаряды... Этому еще можно не удивляться - каких иногда чудачеств не отмачивают знаменитости! Но чтобы каждое утро делать в построенном своими руками спортгородке зарядку с соседскими ребятишками - согласитесь, на такое способен далеко не каждый нынешний представитель власти, считающий себя чистокровным демократом".

Замечу, что в Москве из-за занятости времени на зарядку у Лаврентия Павловича уже не оставалось. Наверное, оттого и располнел под конец жизни.

В Тифлисе Берия в августе 1924 года сделал очередной шаг в карьере: он возглавил секретно-оперативную часть полномочного представителя ОГПУ в Закавказской Федерации. В 1927 году Лаврентий Павлович стал председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказья, а в 1931 году возглавил, наряду с грузинскими, и всех закавказских чекистов, сделавшись одновременно

полномочным представителем ОГПУ по Закавказью. Это была уже точно генеральская должность.

По роду своей деятельности Лаврентию Павловичу приходилось составлять и отправлять наверх секретно-оперативные сводки о настроениях населения и разного рода. антисоветских акциях. Они не оставляли никаких иллюзий: местные жители особой любви к большевикам не испытывали и винили новую власть в том, что жить становилось все труднее и труднее.

Но работа Берии отнюдь не ограничивалась бумагами. В Грузии и в Закавказье в целом Лаврентию Павловичу пришлось трудиться не покладая рук, подавляя восстания и выявляя и репрессируя недовольных Советской властью. Одно из крупных восстаний вспыхнуло в марте 1929 года в Аджарии. Его центром стал Хулинский уезд. Поводом к нему послужили попытки закрыть медресе и обязать всех местных мусульманских женщин снять чадру. Берия был категорически против столь радикальных мер в кампании по борьбе с религией. Но руководство Аджарии его не послушало, и восстание предотвратить не удалось. Главе грузинских чекистов пришлось непосредственно руководить его подавлением. Оно облегчалось тем, что повстанцы не получили никакой поддержки со стороны Турции. Даже пограничные турецкие власти, обычно дружественно настроенные к единоверцам-аджарцам, на этот раз соблюдали полный нейтралитет. Как отмечал Берия в сводке от 13 марта 1929 года, приехавший 7 марта увещевать повстанцев и захваченный ими в заложники глава правительства Аджарии Мамед Гогоберидзе, "обратившись к руководителям повстанцев - Зебиту Джоидзе, Абдулу Такидзе и Мемеду Эфенди, заявил: "Прежде чем поднимать восстание против России, вы должны послать делегатов в Турцию, в Кединский и Кобулетский уезды и заручиться их поддержкой, после чего, возможно, я сам бок о бок стану сражаться с вами, до установления границы до реки Чолока и объявления независимости Аджаристана. Вы хорошо должны учесть, что Турция и Россия находятся в союзе, а посему необходимо узнать, согласится ли Турция поддержать вас. Мой брат, проживающий в Кобулетском уезде, который решительно ничего не имеет, его причислили к кулакам, обложили большими налогами и лишили права голоса. Он первый присоединится к вам".

Советский чиновник, вполне возможно, преувеличивал свой сепаратизм и оппозиционность власти, заботясь о собственной шкуре: восставшие запросто могли его прикончить. Но в целом его позиция выглядела слишком уж соглашательской, за что он и поплатился после подавления мятежа своим постом.

Восстание в Аджарии было стихийной реакцией на притеснение мусульманской религии и начавшуюся уже кампанию борьбы с кулачеством. Предводители мятежа не надеялись реально ни на помощь Турции, ни на выступления в соседних уездах, и если и говорили о грядущих восстаниях и скорой турецкой подмоге, то лишь затем, чтобы ободрить своих сторонников и заставить их продержаться подольше. Надежда была только на то, что власть пойдет на уступки, и удастся добиться амнистии повстанцам. Но до подавления мятежа власть на уступки не шла.

В том же донесении от 13 марта 1929 года Берия особо подчеркнул, что "лозунгами, объединившими все слои крестьянства, явились "За

чадру", "Против закрытия медресе", "За религию". Из числа требований следует указать на требование "сменить уездных работников", "дать лес крестьянам", "отменить Госстрахование" и проч.". Центром восстания стало Чванское теми, население которого поддерживало тесные связи с местными беками (землевладельцами) - бежавшими в Турцию братьями Химиашвили (Химшиевых).

С первых же дней мятежа Берия прибыл в Аджарию. Он докладывал главе Закавказского ГПУ свояку Сталина С.Ф. Реденсу: "Согласно решения совещания ЦК КП(б)Г выехал в Батум, куда я прибыл 9 марта в 4 часа. Из беседы с находящимися здесь товарищами - зам. Пред АдГПУ т. Меркуловым и зав. АгитПропом обкома т. Асатиани, замещающего секретаря обкома т. Панухова, ввиду отсутствия последнего, выясняется следующая предварительная картина того, что происходило и происходит в Хулинском уезде Аджаристана... Нелепую попытку вооруженного выступления нужно считать ликвидированной. Чрезвычайно важно сейчас глубже взглянуть на происшедшие события и попытаться дать анализ причин их возникновения и роста...

Во время нашего пребывания в пораженных районах мы постоянно вели разъяснительную кампанию, стремясь избежать ненужного кровопролития, стараясь успокоить население, вернуть бежавших в горы и леса крестьян обратно в села и выяснить путем допросов захваченных в плен повстанцев и бесед как с их "делегациями", так и другими товарищами подоплеку всего происшедшего, выяснить, какие причины заставили крестьян взяться за оружие.

Нами установлено с ясностью, не допускающей возражений, что причины "Хулинского инцидента" в ряде мероприятий партийных и советских органов Аджаристана, которые оказались оторванными от крестьянской массы и не сумели достаточно верно оценить как настроения отдельных прослоек, так и ряд объективных условий быта и жизни аджарского крестьянина.

В ряду этих причин основная заключается в нажиме, под которым проводилась кампания по снятию чадры. Выяснено, что в ряде случаев вместо создания благоприятной обстановки для добровольного снятия чадры уездные органы власти применяли метод угроз, арестов и насилий.

С кампанией по снятию чадры совпали по времени: закрытие медресе и мектебе (мусульманских духовных училищ. - Б. С.), перевыборы Советов и "активизация" женщин в связи с приближением дня 8 марта.

Такая "нагрузка" оказалась не под силу аджарскому крестьянину. В результате всего этого блок кулацких и антисоветских элементов с муллами и ходжами сумел на религиозно-бытовой почве подчинить своему влиянию основные массы крестьянства - бедняков и середняков - и таким образом создать единый фронт против мероприятий Советской власти...

Коммунисты и комсомольцы иногда держали себя вызывающе. По показаниям крестьян, многие из партийцев не здоровались с населением при встречах, запрещали называть себя "товарищами" ("Какой я тебе товарищ"), смеялись над религией и т. д.

В результате в январе месяце мы имели в том же Хулинском уезде выступление женщин, которые в числе до 200 человек избили учителя. Репрессии, проведенные после этого случая (арест 22 человек),

заставили крестьянство смириться и "добровольно" снимать чадру. Всеаджарский съезд женщин аджарок, постановивший снять чадру, внешне прошел блестяще. Однако в период пребывания женщин на съезде в Батуме был допущен ряд бестактностей. Делегаток водили на оперетту и в балет. Зрелище обнаженных по ходу оперетты женщин на сцене, в глазах мужей аджарцев превращалось в символ разврата, который царит в Батуме и от которого аджарскую женщину спасет чадра - честь. Снять чадру значит обесчестить женщину. Некоторые аджарцы уводили своих жен из театра во время действия.

Чрезвычайно характерно, что из всех уездов Аджаристана именно в Хулинском уезде мы имеем наибольшее количество случаев снятия чадры (3.500), а из всех теми (сельсоветов. - Б. С.) Хуло этим особенно выделяется Чванское.

Не подлежит никакому сомнению, что эти высокие цифры получены в результате административного нажима, ибо иначе это явление, ввиду особой некультурности Хуло, необъяснимо.

Поэтому, когда к 8 марта стали в Хулинском уезде проводить выборы женщин гостей на Всеаджарский съезд Советов, крестьянство решительно воспротивилось... По директиве секретаря укома тов. Каландадзе в семье Концелидзе за неявку на собрание были арестованы 5 мужчин (показания самого Концелидзе). Темские власти вызывали к себе ненависть населения.

В Схалатинском теми были случаи, когда заставляли аджарцев приводить на собрание своих больных жен на спине...

Ошибки в налоговой политике (переобложение), имевшие место в прошлом году и ныне исправленные, по показаниям крестьян приучили их критически относиться к мероприятиям власти.

Нередки были случаи снижения налога с 200 рублей до 50 и т. д. Крестьяне заявляли: "Если бы мы сами не принимали мер к снижению, нам так бы и пришлось платить по 200 рублей". Отсюда вывод: крестьянство само должно защищать свои интересы.

Большое недовольство вызвало к себе госстрахование. Не столько само по себе, сколько система усиленного взимания очередных взносов и систематическое запаздывание в выдачах премий за павший скот.

Поэтому в Чванах выборы женщин происходили в уже созданной указанными моментами напряженной обстановке. Поведение партийцев, приехавших 7/III для проведения выборов, отнюдь не способствовало разряжению сгущенной атмосферы. Они, по многочисленным показаниям, заявили, что если мужья не приведут женщин на собрание, будут применены репрессии, что правительство намерено силою снимать чадру, и т. д. 50 крестьян окружили приехавших товарищей, стали их избивать.

Активное участие в этом принимали группа Абдула Такидзе, влиятельного кулака села Дуз-Чвана, вместе с бандитами Изетом Чигадидзе и Одабаш-оглы... Сторонники этой группы немедленно после избиения разошлись по селам Чванского теми поднимать население и призывая его к вооруженной борьбе за "веру и обычай".

Часть крестьянства шла более или менее охотно, будучи распропагандирована раньше, другая часть шла потому, что "все соседи выступили".

Общее состояние района, хотя и представлялось гораздо более удручающим, чем во время январского выступления женщин, однако

могло бы разрешиться миром, если бы этому не помешал бы ряд новых обстоятельств... В руки вооруженных крестьян попали несколько членов правительства, ряд ответственных работников и некоторые представители местной власти, один вид которых разжигал скрытую ненависть поднявшихся крестьян.

Члены правительства с товарищами были окружены в доме Абдуллы Такадзе, с группой сторонников науськивавшего толпу на них, а с другой стороны обещавшего спасти пленников... Нужно откровенно признать, что поведение захваченных членов правительства, в частности, председателя СНК тов. Мамеда Гогоберидзе, внедряло в сознание повстанцев мысль, что правительство слабо, что стоит только сильнее нажать на него, и все требования крестьян будут выполнены, и что, в сущности говоря, повстанцы правы в своих претензиях. М. Гогоберидзе выступил перед повстанцами с заявлением, что он сам против снятия чадры и закрытия медресе, что он по этому вопросу выступал в Батуме, но что его не послушали, и т. д. Недопустимое для члена правительства и коммуниста поведение".

Берия цитировал письмо захваченных повстанцами чиновников Совнаркому и обкому Аджарии: "Весь народ Чванского теми сильно взволнован действиями местной власти. Народ Чванского теми требует немедленно отдать к строжайшему суду как темское, так и уездное правительство, а также требует немедленно упразднить все постановления местной власти, в особенности: снятие чадры, закрытие медресе - мектебе. А также просит никаких красноармейцев не вводить, чтобы напрасно не проливать кровь бедных крестьян. Нас всех хорошо берегут, и все кончится перемирием. Примите меры к перемирию. Обязательным условием перемирия положено - приезд т. Рыкова в Аджаристан. Этого требует не только Чванское теми, весь Аджаристан, повторяю, войска не высылайте, а дело кончится миром".

Лаврентий Павлович сделал вывод, что поведение захваченных членов аджарского правительства "способствовало тому, что движение стало нарастать и из рядового случая избиения трех зарвавшихся коммунистов - вылилось вооруженное выступление".

Уже 6 апреля 1929 года Берия представил Ре́денсу доклад Грузинского ГПУ о событиях в Аджарии. Станислав Францевич оставил на докладе красноречивую резолюцию: "Настоящий доклад, объясняющий с точки зрения ГПУ Грузии причину событий в Аджаристане, а также и выводы, настолько исчерпывающий, что специального доклада по этому вопросу ЗакГПУ давать не будет, вполне солидаризуясь с этим докладом".

Прежде чем перейти к самому докладу, замечу, что эта резолюция, на мой взгляд, опровергает расхожее мнение о будто бы конфликтных отношения между Берией и Реденсом. Единственный серьёзный аргумент в пользу этой версии - арест Реденса по ордеру, подписанному Берией, 22 ноября 1938 года. Сын Станислава Францевича Владимир Аллилуев утверждает: "Сильному, хитрому и прожжённому интригану Берия, рвущемуся к большой власти, Реденс - человек дзержинской закалки - был совершенно не нужен в качестве начальника, он был ему опасен. Причём опасен вдвойне, ибо мой отец, породнённый семьями со Сталиным, имел к нему прямой доступ.

Свалить Реденса по деловым качествам Берия было не под силу, и тогда он обращается к приёму, которым он мастерски пользовался всю

свою жизнь - нужно человека скомпрометировать. В этом Берия был непревзойдённый профессионал.

Мать мне потом рассказывала, что отцу было непросто работать в Грузии... Особенно ему досаждали частые застолья и обильные возлияния. Пить он не любил и всячески старался этих застолий избегать. Но в один прекрасный день, где-то под Новый год, Берия со своими людьми хорошенько напоили отца, раздели его и в таком виде пустили пешком домой. "Шуточка" удалась. После этой "шалости" работать в Закавказье на посту полномочного представителя ОГПУ и председателя ГПУ отец уже не мог. В начале 1931 года Реденса переводят в Харьков и назначают председателем ГПУ Украины".

Не знаю, действительно ли Реденс допился до того, что вернулся домой в костюме Адама, и было ли это на самом деле "шуткой", организованная Берией. Что-то не верится, что Лаврентий Павлович рискнул бы так пошутить со сталинским свояком. Иосиф Виссарионович, наверное, наказал бы осрамившегося руководителя закавказских чекистов, но расценил бы "шалость" прежде всего оскорблением самому себе. А уж он-то нашёл бы возможность поквитаться с архитектором скандала. По свидетельству же Хрущёва, Реденс сильно злоупотреблял спиртным, так что свободно мог допиться до скотского состояния без всякой помощи Лаврентия Павловича.

Если даже инцидент с голым Реденсом на тифлисских улицах действительно имел место, то на карьере чекиста он никак не сказался. Украинское ГПУ в табели о рангах стояло гораздо выше, чем Закавказское. А в 1933 году Станислав Францевич возглавил чекистов Москвы. Там "человек дзержинской закалки" в разгар "ежовщины" отправил на смерть более 10 тысяч человек, на которых не было никакой вины. Но, в отличие от Берии, Реденса в 1961 году полностью реабилитировали.

Владимир Аллилуев признаёт, тем не менее, что "отец ценил деловые и организаторские способности Берия и даже полагал, что он может возглавить ГПУ Закавказья. Об этом говорится даже в его письме к Г.К. Орджоникидзе". Думаю, что здесь передан подлинный характер взаимоотношений Станислава Францевича и Лаврентия Павловича.

Невозможно представить себе, что Берия, готовясь по замыслу Сталина занять кресло Ежова, мог намекнуть Иосифу Виссарионовичу, что надо бы убрать Реденса. Решения о своих родственниках и свойственниках диктатор принимал только сам, ни с кем не советуясь. И надо отметить, что большинство родственников обеих его жён, Сванидзе и Аллилуевы, либо были расстреляны, либо оказались в ГУЛАГе. Может быть, вождь не хотел, чтобы на воле оставались люди, которые помимо его выбора, а только благодаря отношениям свойства, оказались вхожи в его ближний круг. Ведь для них Иосиф Джугашвили был не равным Богу "великим кормчим, а всего лишь человеком.

Скорее стоит предположить, что между Реденсом и Берией существовали очень хорошие, если даже не дружеские отношения, и Лаврентий Павлович устроил кандидату на место Ежова последнее дьявольское испытание: подпиши ордер на арест друга, и станешь наркомом. Берия испытание выдержал. 20 ноября 1938 года он подписал ордер на арест Реденса, а 25 ноября получил назначение наркомом внутренних дел СССР.

Но вернёмся к докладу Берии о положении в Аджарии. Лаврентий Павлович подчёркивал: "Корни развернувшихся событий кроются не только и не столько в антисоветской работе элементов, издавна враждебных существу Советской власти, сколько, главным образом, в извращении линии партии при проведении советских мероприятий и в ряде объективных причин".

Он дал весьма квалифицированный анализ социально-экономической ситуации в Аджарии: "Положение основной массы аджарского крестьянства в материальном отношении крайне незавидно. Главным бичом аджарца является малоземелье. Если взять Хулинский уезд, наибольший из уездов Аджаристана, являвшийся непосредственной ареной выступления, то здесь на каждое хозяйство в среднем приходится 0, 77 га посевной площади и 0, 51 га сенокосной площади. Норма неимоверно мизерная. С этого клочка земли каждое хозяйство, состоящее в среднем из 7 душ, должно прокормиться в течение года.

В связи с крайним малоземельем большое значение в бюджете аджарского крестьянина занимают скотоводство и лесной промысел... В Хулинском районе, например, насчитывается свыше 45.000 голов скота, что составляет на каждое хозяйство в среднем по 11 голов... Пастбищ для прокормления скота достаточно, на каждое хозяйство приходится по 9 га, однако большинство крестьян предпочитает на лето перегонять свой скот на попас в район Артвина в Турции (до Первой мировой войны этот район входил в состав Российской империи. - Б. С.). До 1926/27 года пользование пастбищами в Аджаристане производилось бесплатно. Затем была установлена оплата в размере 40-50 копеек за голову крупного рогатого скота и 12,5-15 копеек за голову мелкого скота. Эта плата при всей её незначительности, тем не менее, является достаточно чувствительной для бюджета крестьянина, так как доходность хозяйства его, благодаря применению отсталых форм и культур, весьма незначительна.

Лесной промысел в довоенное время давал крестьянству в год свыше 10.000 рублей дохода (кстати сказать, не ахти какая сумма; если речь идёт только о Хулинском районе, то выходит всего по 2,5 рубля на хозяйство, пусть даже царские рубли и были в 5-6 раз "тяжелее" советских. Но для нищих аджарских крестьян и эти деньги были немаловажным подспорьем. - Б. С.). Вследствие хищнического истребления леса таяли с неимоверной быстротой. С установлением Советской власти вопрос упорядочения лесного хозяйства был поставлен в надлежащую плоскость. Вся площадь лесов была разбита на 2 части, из которых 50 процентов были объявлены лесами госзначения с установлением соответствующей плановой системой эксплуатации, а остальная площадь передана в ведение крестьянства. Естественно, что в связи с этим доходность крестьянства уменьшилась. Ценный лес из государственных угодий стал отпускаться за плату, причём некоторым категориям крестьян с известной льготой... Всё же крестьянство весьма недовольно этой реформой, и во всех требованиях повстанцев мы находим пункт о бесплатном отпуске леса".

Лаврентий Павлович указал на кричащую нищету аджарцев: "Валовая доходность крестьянского хозяйства, по исчислению Аджарского Госплана, определялась в 1927-28 году суммой 323 рубля в год. По Хулинскому уезду она ещё меньше и достигает цифры в 290 рублей. В то же время по минимальному хозсчёту Госплана,

прожиточный минимум средней крестьянской семьи в Аджаристане равен сумме в 554 рубля в год. Следовательно, в среднем каждое хозяйство имеет дефицит в своём бюджете на сумму 264 рубля в год, т. е. 49 процентов... Если же принять во внимание, что громадное большинство крестьянских хозяйств Аджаристана относится к бедняцким (70 процентов всех хозяйств освобождены от налога), то всё бедственное положение аджарского крестьянства станет более понятным.

Каждое стихийное бедствие или недород обрекает его на голод. Так было, например, в 1926/27 году в результате сильного наводнения. В текущем году уже в январе месяце отмечаются жалобы беднейшей части крестьянства на голод. 8 декабря в селении Цхемвени бедняк Хуршуд Эминович Махарадзе, 47 лет, в группе крестьян 4-5 человек, высказался: "Кончились у меня и деньги, и кукуруза, что будет с нами зимой, все мы сдохнем с голода, если будет так продолжаться, то Аджария восстанет против коммунистов"...

Естественно, что в связи с этой нуждой появляется недовольство властью, усиленно муссируемое кулацкими элементами".

Берия также отмечал, что расцвет в Аджарии преступных промыслов вызван безысходной экономической ситуацией: "Бедственное положение аджарского крестьянства является одной из причин высокого распространения в Аджаристане контрабандного промысла. Имея глубокие экономические корни, контрабанда здесь не уничтожается, несмотря на применение репрессивных мер".

Большое недовольство вызвало также введение обязательного государственного страхования скота. Помощь пострадавшему от наводнения населению оказалась расхищена, что также не способствовало популярности коммунистической власти. Берия приводил убийственные факты: "Для оказания помощи населению, пострадавшему от наводнения, в 1926/27 году было отпущено 194.000 рублей. Из этой суммы было истрачено по прямому назначению всего лишь 50.000 рублей, остальная же сумма пошла на другие расходы, ничего общего не имеющие с оказанием помощи пострадавшим от наводнения..."

Вину за вспыхнувшее восстание Берия возлагал на местное партийное руководство Хулинского уезда: "Все имеющиеся материалы показывают, что поведение довольно значительной части партийцев и комсомольцев во время важнейшей кампании по перевыборам Советов и борьбе с религиозно-бытовой косностью... послужило одной из причин для возникновения выступления... Кратковременные аресты, угрозы и насилия часто сопровождали кампанию по снятию чадры и закрытию медресе.

Всё это естественно вызывает открытое и явное недовольство широких крестьянских масс, ещё больше усугублённое тем, что сами партийцы и комсомольцы не выполняли того, что проводили.

В селении Семеба 15.1.29 г. было назначено общее собрание для проведения подготовительной предвыборной кампании. Собрание было собрано жителем села Самеба кандидатом ВКП(б) Коболадзе Хасаном Мамудовичем, который в тот день устраивал свадьбу сестры с подарками и, чтобы не провалить свадьбу, уговорил крестьян вместо собрания прийти на свадьбу. Было приглашено до 200 человек. Среди крестьян на этой почве наблюдались разговоры: наше правительство

запрещает нам устраивать свадьбы, однако сами коммунисты делают это, чтобы заработать деньги, назначают свадьбу с подарками, а Коболадзе не задумался даже перед тем, чтобы сорвать собрание крестьян.

В селе Тхилвани Схалтинского теми (сельсовета. - Б. С.) ячейка ЛКСМ, секретарём которой состоит Иса Микеладзе, на 100 процентов религиозна. Все члены ячейки до собрания идут молиться... Микеладзе совместно с красноармейцем Патарадзе был на рыбной ловле. Когда настало время молитвы, он бросил всё, встал на колени и начал молиться.

Во время проведения кампании по снятию чадры коммунисты, комсомольцы и их семьи не только не давали должного примера массе, но, наоборот, сплошь и рядом способствовали срыву кампании и росту недовольства тем, что, не снимая чадры своих жён, заставляли это делать других...

Слабость партийной и комсомольской организации, отсутствие политического чутья у руководящей верхушки, отрыв их от всей остальной массы крестьянства и резкое пренебрежительное отношение к ним явились важнейшими причинами той ненависти, которую стали питать крестьяне к компартии вообще.

"Коммунисты - как волки для нас", - говорили повстанцы в своих речах...

Часть партийцев, чтобы избежать побоев и сохранить свою жизнь, примкнула к повстанцам, даже возглавила их небольшие отряды, другая, оставшаяся более или менее верной партии, подверглась гонениям и арестам среди повстанцев".

Начальник Грузинского ГПУ специально отметил, что "ещё в конце 1927 года нами было сигнализировано нарастание массового движения в Аджаристане, выявившегося тогда в сильном переселенческом настроении, грозившем перейти в вооружённое выступление". Имелось в виду намерение многих аджарцев переселиться в Турцию.

Берия особенно остановился на роли мусульманского духовенства в организации восстания: "Сельское население Аджаристана обслуживается 150 мечетями и двумя сотнями мулл. Таким образом, на каждые 300 крестьян аджарцев приходится один мулла, на каждые 400 - одна мечеть. Материальное положение муллы - выше середняцкого крестьянского хозяйства. В большинстве случаев аджарские муллы могут быть причислены по своему экономическому положению к кулакам... Исключительно духовной деятельностью занимается лишь меньшая половина мулл. Остальные же располагают, кроме того, собственным хозяйством или состоят на советской службе (преподают в советских школах). Средний годовой заработок муллы от мечети 400-500 рублей... Этот заработок уже значительно превосходит среднюю доходность аджарского крестьянского хозяйства... Крестьяне оказывают муллам так называемую "трудовую помощь"... Духовная карьера зачастую привлекает молодое крестьянство, и теперь мы имеем целый ряд групп общей численностью до 100 человек, которые проходят спецкурс в особого рода семинариях и готовятся стать муллами... Аджарский мулла занимает острую антисоветскую позицию не только по мотивам религиозного порядка, но также потому, что хозяйство его - кулацкое хозяйство.

Аджарское духовенство сохранило свои права почти в полной неприкосновенности и после советизации. Бывший председатель СНК Химшиашвили организовал духовенство, объединив его в лице муфтиата, и предоставил этому духовенству также льготы и привилегии, которыми оно в Аджаристане никогда не пользовалось".

Берия указал и на связь повстанцев с аджарской эмиграцией: "Химшинский уезд являет собою сфера влияния беков из фамилии Химшиевых. Советизация Аджаристана заставила Химшиевых бежать в Турцию и расселиться в пограничной полосе (Ардаган, Поцхов).

В Турции Химшиевы чувствовали себя как бы гостями и продолжали считать хозяевами Верхней Аджарии.

Аджарские крестьяне не порывали связи с беками, общаясь с ними во время летних кочёвок. Это позволяло бекам влиять на аджарских крестьян в отрицательную сторону. Всякие провалы Советской власти беки раздували, внедряя в сознание аджарца недовольство соввластью и предвещая близкий её конец. Постоянное общение с политическими эмигрантами Грузии, Азербайджана и проч. позволяло бекам осведомляться относительно антисоветских планов кавказской эмиграции, что в свою очередь передавалось аджарскому крестьянину. Точно установлено, что до 1927 года аджарцы Хулинского уезда регулярно платили подать своим бекам-эмигрантам".

Берия пытался урегулировать конфликт с повстанцами без применения силы: "Полоса мирных переговоров с повстанцами продолжалась до утра 24 марта и упорное желание наше закончить конфликт без применения репрессий, к сожалению, не дали желаемых результатов". Требования повстанцев включали "свободу религии", "свободные перевыборы Советов"; "открытие медресе"; "отмена запрещения носить чадру"; "изгнание всех грузин и коммунистов"; "смена уездной власти и удаление некоторых наркомов Аджарского правительства"; "амнистию всем участникам восстания и арестованным"; "отмена платы за лес и госстрахования"; "запрещение обучения девочек".

Лаврентий Павлович докладывал, как удалось подавить восстание: "При первом же появлении воинских частей участники выступления, за небольшим исключением, разошлись по домам почти без всякого сопротивления, и дело обошлось самыми незначительными жертвами. Повстанцы боя не принимали и при первых выстрелах разбегались в разные стороны. Часть из них (около 200 человек) во главе с вожаком Али Султан Болквадзе ушла в Турцию. Уже на другой день, 25. III, всё движение было ликвидировано. Общее количество убитых у нас 8, у повстанцев около 30 человек, раненых - 10 у нас и около 30 у повстанцев". Был расстрелян один из предводителей мятежа в Схалтинском теми Искандер Махарадзе.

Цифры потерь выглядят правдоподобными, поскольку войска, в отличие от восставших, имели в своём распоряжении пулемёты и не испытывали недостатка в боеприпасах.

Для оздоровления ситуации Лаврентий Павлович предлагал послать в Хулинский уезд "авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян", снять ряд проштрафившихся работников и "особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите". Заодно Берия хотел провести проверку и в других уездах Аджаристана и во

всех мусульманских районах Грузии, чтобы предотвратить аналогичные волнения. Берия подчёркивал: "При отсутствии мероприятий по партийной и советской линии, все мероприятия ГПУ не достигнут цели, и те причины, которые лежат в основе имевшего места вооружённого выступления, искоренены не будут". Он понимал, что восстания легче предотвратить экономическими и политическими мерами, чем потом пускать в ход войска. Без нужды Лаврентий Павлович людей никогда не губил. Но и мягкотелостью не страдал. Через несколько недель были сменены основные руководители Аджарии (никто из них не пережил 37-го года), а ряд руководителей повстанцев, сложивших оружие, арестованы и расстреляны. Но восстание вынудило власти пойти на уступки - вновь разрешить ношение чадры, открыть медресе и не принуждать женщин и девушек посещать школы.

Смена руководства в Аджарии также вызвала волнения. Прежний председатель Совнаркома Гогоберидзе был родом из Кобулетского уезда автономной республики, а новый, Лордкипанидзе, - "варягом" из Грузии. Земляки Гогоберидзе возмущались: "Если не будет нашего председателя СНК, то мы сделаем хуже, чем хулинцы". Но на этот раз обошлось. А Зекерию Лордкипанидзе Берия расстрелял в 38-м.

Восстание в Хулинском уезде вызвало резонанс в Батуми и других городах Аджарии. Берия с тревогой отмечал, что в разговорах аджарцев "повторялись... требования о свободе чадры и духовного преподавания, закрытия грузинских школ, присоединения к Москве и т. д. Наряду с этой "московской ориентацией" межнациональные отношения между грузинами и аджарцами резко обострились. В среде рабочих это сопровождалось рядом вызывающих поступков со стороны аджарцев (невыход на работу, нанесение побоев). В свою очередь, грузины самым резким и презрительным образом отзывались о "неблагодарных свиньях - аджарцах", которых в своё время напрасно не истребил генерал Ляхов, и т. д. Русские рабочие приходили в негодование от слухов о том, что "аджарцы срубают головы убитым русским красноармейцам", несмотря на это, они, более объективно оценивая события, указывали на промахи местных властей в антирелигиозной политике, на то, что крестьян вовлекли в движение провокаторы, контрреволюционеры и т. д.". Берия констатировал, что после подавления восстания "тревожное состояние не улеглось. Многие аджарские хозяйства намереваются уйти в Турцию, комсомольцы и партийцы опасаются террористических актов, греки обнаруживают тенденцию уезжать на родину. Производительность труда аджарских рабочих на предприятиях Батума значительно пала".

В качестве необходимых первоочередных мер для оздоровления ситуации в Абхазии Берия рекомендовал: "Предложить Аджарскому обкому послать в Хулинский уезд авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян, которая должна вести работу во всех теми.

Особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите.

Оздоровить уездный и темский партийный и советский аппарат путем снятия ряда работников.

Использовать опыт проверки в Хулинском уезде для проведения соответствующих организационных мероприятий не только в остальных уездах Аджаристана, но и во всех мусульманских районах Грузии.

Принять соответствующие меры к поднятию уровня развития аджарского крестьянства".

С острыми конфликтами между грузинами и армянами, армянами и азербайджанцами, абхазами и грузинами, между различными этнографическими группами внутри закавказских народов Берия был хорошо знаком, так как возглавлял Секретно-оперативное управление Закавказского ГПУ.

В последние годы жизни и после смерти Лаврентия Павловича часто обвиняли в "мингрельском национализме". Но в действительности, в бытность в Грузии, он с этим национализмом, как, впрочем, и со всеми остальными, неустанно боролся, в полном соответствии с линией партии. Так, 23 апреля 1929 года в очередной информационной сводке Берия сообщал: "Проект перенесения центра ряда уездов Западной Грузии в Поти вызвал недовольство в ряде районов Зугдидского уезда... Много толков создалось вокруг Зугдидского музея. Ходят слухи о том, что вся реорганизация вызвана желанием Тифлиса присвоить себе музей, для чего и хотят лишить Зугдиди его значения, как уездного центра. Слухи эти подкрепляются проникшими в массы сведениями о предполагаемой распродаже части экспонатов для вывоза за границу. В разговорах слышится много протестов, оценивающих распродажу как "разграбление народного достояния", "хищническое отношение к культурным ценностям" и т. д.

Нетрудно видеть за всем этим, с одной стороны, отражение местных интересов, ущемляемых ликвидацией (по мнению крестьян) музея, приносившего доход жителям от экскурсантов; с другой стороны - история с музеем - повод для всякой враждебной агитации, в том числе и для агитации так называемых "мингрельских сепаратистов"". К последним Лаврентий Павлович, как видно не питал никаких симпатий. И всегда за национальными и политическими требованиями он усматривал также экономическую основу.

С борьбой с "мингрельским сепаратизмом" связана и одна романтическая история, в которой Лаврентий Павлович показал себя неутомимым борцом за нравственность. 27 октября 1930 года он докладывал руководству Закавказской Федерации: "Председатель Пахуланского колхоза (Цаленджихский район) Леонтий Гогохия около двух месяцев тому назад был арестован по обвинению во вполне доказанном похищении комсомолки Козуа с целью принудить её ко вступлению с ним в брак. Кроме того, Гогохия имеет за собой ряд затрат, причём только по линии Цекавшири он растратил 13 000-14 000 рублей.

После ареста Гогохия произошёл ряд фактов, свидетельствующих о том, что он пользуется со стороны некоторых ответственных товарищей совершенно незаслуженной поддержкой, которая уже привела к освобождению Гогохия на поруки, а в дальнейшем может избавить его от ответственности за всё содеянное.

Когда работник Зугдидского отделения Грузинского ГПУ нашёл похищенную комсомолку Козуа, вместе с похитителем Гогохия, доставил в отделение, туда прибыл секретарь укома т. Жвания и в присутствии начальника отделения т. Закария, стал уговаривать Козуа:

"Что особенного случилось, Гогохия тебя любит, и ты бы вышла замуж за него..."

Т. Жвания говорил комсомолке, что на неё "падёт ответственность за гибель Пахуланского колхоза, который неминуемо развалится".

Козуа возражала: "Я не только не люблю Гогохия, но даже не уважаю его. Я знала его только как председателя колхоза и, в качестве единственной комсомолки, выполняла всю ложившуюся на меня общественную работу"".

Параллельно с этим Козуа рассказала, что Гогохия приставал к ней с объяснениями в любви, с письмами и т. д. Она жаловалась в уком и Наробраз (очевидно, Козуа работала учительницей. - Б. С.), но никто не оградил её от домогательств Гогохия.

Вскоре начались различные послабления тюремного режима для Гогохия. Его посещали различные, часто неблагонадёжные лица. Через них он проводил кампанию за то, чтобы "крестьянство коллективно потребовало его освобождения".

Гогохия послал в Целенджихский РК КПГ телеграмму с угрозой, что "коллективизации угрожает развал, если его не освободят".

Правление колхоза, под влиянием Гогохия, потребовало вызова Гогохия "для выяснения некоторых вопросов". И действительно, Гогохия препроводили в Пахулани под конвоем. Он воспользовался случаем для ведения агитации в пользу "автономной Мингрелии", так как Гогохия примыкал к группировке "автономистов". В расчёты этой группы входит перенесение районного центра из Цаленджихи в Зугдиди, поскольку это должно ослабить остальные районы бывшего Зугдидского уезда за счёт одного, главного Зугдидского района.

Наконец, недавно Гогохия вовсе освобождается на поруки, и руки у него совершенно развязаны, как для сведения личных счётов со своими врагами, так и для "автономистской" деятельности. Необходимо принять меры к тому, чтобы в деле Гогохия не примешивались посторонние впечатления и чтобы следствию была обеспечена беспристрастность".

Здесь растратчик и похититель девушки-комсомолки (прямо как в "Кавказской пленнице" - "студентка, комсомолка, красавица") предстаёт ещё и зловредным "мингрельским автономистом", а сам Берия - борцом за девичью честь. Правда, любвеобильность самого Лаврентия Павловича была уже тогда притчей во языцех. Позднее, в 53-м на следствии, ему это припомнили. Тогда Берия признал, что женщин у него в самом деле было много, но что они вступали с ним в интимные отношения исключительно по доброму согласию или, в случае если речь шла о профессиональных жрицах любви, - за деньги по установленной таксе. Десятки женщин, оказавшихся в списках бериевских секретарей, напротив, утверждали, что вступали в связь с Лаврентием Павловичем по принуждению, под угрозой репрессий или вообще были им изнасилованы. Что ж, признаться в бескорыстной любви к поверженному шефу МВД было рискованно - сразу могли взять в оборот как "английскую шпионку" и "заговорщицу". Так что всей правды о любовных похождениях нашего героя мы уже никогда не узнаем.

Талантливый публицист Кирилл Столяров утверждал, что "у Лаврентия Павловича проявилось идиллическое, книжное представление о колхозниках... Голодной, послевоенной деревни он

толком не знал, и судя по всему, знать не хотел". Но Берия прекрасно знал деревню 20-30-х годов и не имел никаких оснований считать, что после разорительной войны 1941-1945 годов жить там стало лучше. Он аккуратно поставлял руководству Грузии и Закавказья секретные сводки о настроениях народа.

Надежды на избавление от тягот хлебного кризиса 1928-1929 годов и сплошной коллективизации крестьяне видели в лидерах антисталинской оппозиции. Так, 27 апреля 1930 года чекисты изъяли в Тифлисе до 300 экземпляров троцкистских листовок, где, в частности, утверждалось: "Аппаратная бюрократия захватила власть. Рабочий больше не хозяин своей страны... Даже если пятилетка будет выполнена, это только укрепит строй бюрократии. Рабочие останутся ни с чем. Не нужно поддаваться обману... Сейчас различные части бюрократии, сталинцы, правые, борются друг с другом. Все они, не говоря уже о меньшевистской и прочей сволочи, хотят воспользоваться недовольством в рабочей массе... Сознательные рабочие, глубже усваивайте неисполненное завещание Ленина, чтобы разобраться во всех уловках и маневрах правительственных аппаратчиков... Да здравствует диктатура пролетариата не на словах, а на деле!"

А в Батуме в ночь с 5 на 6 мая распространялись рукописные листовки уже от лица правых: "Трудящиеся. Коммунистическая партия накануне гибели. Уверяем вас, что коммунисты будут скоро уничтожены. Несчастный народ, всюду слышен твой стон. Вы не имеете ни хлеба, ни радости". Листовка была подписана: "Правый рабочий".

Характерно, что оппозиционеры в равной мере поносили как "сталинских аппаратчиков", так и другие, антисталинские течения: правых, меньшевиков и "прочей сволочи". Перед лицом смертельной опасности оппозиционеры обнаружили фатальную неспособность объединиться. Всевозможные "блоки" троцкистов и правых, правых и меньшевиков, дашнаков и мусаватистов возникали только в чекистских головах, но отнюдь не потому, что коллеги Лаврентия Павловича верили в реальность подобных союзов. Просто таким образом можно было охватить гораздо больше "врагов народа" в рамках одной "заговорщической организации".

5 мая 1930 года Берия докладывал руководству Закавказья о настроениях населения Эриванского и Ленинаканского округов в связи с продовольственными трудностями: "В селении Гейгумбет местными троцкистами ведётся провокация о том, что "Красная Армия больше не в состоянии противостоять бандам, и в Нахкрае (Нахичевани?- Б. С.) она сдалась бандитам... Троцкий собрал 6000 аскеров из Турции и перешёл на сторону дашнаков, и скоро дашнаки во главе с Троцким будут в Армении. Вдохновителем последней провокации (о Троцком) явился бывший руководитель группы троцкистов Акуппорян".

Лев Давыдович Троцкий во главе 6 тысяч турецких солдат, в качестве предводителя дашнаков, идущий освобождать Армению от большевиков - такое можно вообразить только в каком-нибудь анекдоте от армянского радио. Но так уж достал крестьян Сталин, что они готовы поверить в примирение двух злейших врагов - турок и дашнаков и готовность последних подчиниться человеку, который руководил ликвидацией независимой Армении.

С голодухи и безысходности и не такие сумасшедшие комбинации привидятся. А голод был такой, что вместо мяса в борще могла

оказаться... ящерица. Берия докладывал руководству Закавказья: "1-го июня 1930 г. в Забратской столовой ЦРК № 13 (г. Баку. - Б. С.) сварили вместе с борщом довольно большую ящерицу. Части этой ящерицы попали в несколько тарелок обедающих рабочих (получился непроизвольный синтез украинской кухни с дальневосточной, который бакинские рабочие, привыкшие к кавказской кухне, явно не оценили. - Б. С.)... Последнее время в новых рабочих столовых Заводовостроя ФЗР на стройках "Макс-Миллер", "Бедшер", "Винклер", "Кох", где работают до 1000 человек, наблюдается раздача обедов явно недоброкачественных, так, например, в борще нескольких рабочих были обнаружены черви в 2 сантиметра, вторые блюда являются какими-то рвотными и часто бракуются рабочими. 28. IX. 1930 г. и 4/X составили акты с подписями завкома и нескольких рабочих о найденных червях и гнилостном запахе во 2-м блюде".

А когда в Азербайджане летом и осенью 1930 года в связи с коллективизацией вспыхнуло восстание, повстанцы возлагали надежды на лидеров правой оппозиции Сталину. Побывавший в плену у мятежников член компартии бакинский рабочий-железнодорожник Рахманов свидетельствовал в своем докладе руководству Закавказского ГПУ - Реденсу и Берии: "Район, куда я был командирован, буквально кишит бандитами. Есть банды до 200 человек. Вооружены они прекрасно, причем особенно интересным является то, что они хорошо снабжены патронами. Я встречался в июле с группой бандитов - верховых. Они вступили со мной в разговор. Они называют себя не бандитами, а просто людьми, спасающими свои жизни от произвола местных властей, доведших их до необходимости взяться за оружие. Крестьяне жалуются на свою тяжёлую жизнь и безвыходное положение. С одной стороны, они обязаны снабжать хлебом правительство, а с другой стороны - снабжают требующих хлеба бандитов". В общем, красные придут - грабят, белые (точнее, зелёные - ведь восстание шло под зелёным знаменем ислама) придут - опять грабят...

Реденс и Берия цитировали суждение о восстании беспартийного бакинского слесаря И. Афанасьева: "В Гяндже уже началось восстание. Туда посланы войска на усмирение. Восставшие в Гяндже взрывают мосты и грабят поезда. Когда-нибудь эта проклятая власть сломит себе голову. Есть ведь пословица: сколько вор ни ворует, а рано или поздно голову сломит. Ты посмотри на настроение массы. Нет ни одного процента довольных. Власть прямо издевается над народом. Ведь даже хлебом не может снабдить население. Сама напакостит власть, а потом находит каких-то вредителей. Со многими мне приходилось говорить, и они прямо говорят - пусть только начнется война, мы знаем, на кого поднять винтовку за то, что грабят наших отцов. Ведь сами партийцы против этого безобразия. Посмотри на настроения наших рабочих, и сам хорошо поймешь. Казаки на Северном Кавказе только и ждут начало конца". К этому крику души чекисты сделали такое примечание: "В прошлом Афанасьев собственник, - имел свою мастерскую, в данное время антисоветски настроен".

А рабочий бакинской "Союзнефти" Ивашенко предавался мечтаниям с каким-то безвестным сексотом: "Рабочие ничего не жрут, кроме хлеба. Наше положение улучшится, когда Рыкова прогонят, а за ним и

Сталина". Лидеры правых, выходит, были столь же ненавидимы рабочими, как и Сталин.

Впрочем, некоторые из недовольных, особенно из числа интеллигенции, высказывали симпатии Бухарину. "С такой политикой, если мы будем продолжать в таком же духе, мы далеко не уйдем, - заявлял беспартийный инженер отдела рационализации бакинского завода имени Шмидта Зимников, - главное, все молчат и ничего не хотят говорить. Политика, которую ведет ЦК ВКП(б), приведет к тому, что скоро люди будут подыхать с голода (как в воду глядел инженер. - Б. С.). Бухарин был прав, что нельзя было так круто поворачивать тяжелую индустрию. Это все может отрицательно повлиять на население и вызвать нежелательные колебания, да и партийцы когда-нибудь очнутся от спячки. Рабочие скрытно ропщут на пятилетку. Пока возможно, надо исправлять сейчас".

Другой бакинский инженер, Барак, откликаясь на расстрел 48 "вредителей", заявил: "Советская власть нашла причину продзатруднений в тех 48-ми, которых расстреляли. Это только замазывание глаз рабочим. Рабочему в настоящих условиях на те гроши, которые они получают, жить почти невозможно. Кооперативы пусты, обеды противны в столовых, что будет дальше, никому неизвестно".

Непраздничное настроение было у рабочих в Закавказье в день 7 ноября 1930 года. В сводке, составленной в связи с главным революционным праздником, Берия сообщал о высказываниях рабочих Армянского карбитного завода: "Все, о чем докладывали на заседании (о достижениях власти и др.), является ложью". "Мы не обязаны работать в пользу крестьян, так как последние сами ничего не делают, а рабочих заставляют работать за них. Крестьяне нам за это из своей продукции ничего не дают. Этим мы только их превратим в лодырей. Рабочих и превратили в каких-то ослов самопожертвования. В единственный выходной день (7 ноября) нас, рабочих, гонят куда попало. Голыми и босыми отправляют нас на уборку хлопка, не снабжая нас обувью и одеждой". Подобные настроения подытожил директор Клинического института Меликян: "Нам не до Октябрьских празднеств, когда желудок пуст".

Октябрьская демонстрация в Баку в том году тоже прошла далеко не гладко. Берия докладывал: "В демонстрации отдельные рабочие выступали против правых уклонистов и призывали вести борьбу с ними. Часть выступающих поддерживала право-оппортунистические лозунги, отрицая необходимость борьбы с Бухариным, Рыковым и др. Беспартийный рабочий Ахмед Таги из Ленинского района: "Мы с начала 5-тилетки обвиняли Бухарина за его неправильный подход к вопросам хозяйственного строительства, а на деле вышло, что он прав. Нас морят голодом, зарплаты вовремя не выдают". Комсомолец Симонян, рабочий строительного отдела Ленинского района: "С идеей колхозов ничего не вышло, разорили крестьян и нас с голода уморят. Не нужно было настаивать и прислушиваться к голодающим рабочим и крестьянам. Мы, рабочие, работаем голодные и раздетые, а жены комиссаров ходят в шелку и золоте. На шею рабочего садятся, и чем дальше, тем хуже становится, конца не видно". Рабочий "Азнефти" Курдиков: "Крестьян грабят, не дают им развивать своего хозяйства, народ голодает. Если на сторону Рыкова и др. перейдут еще несколько

вождей, то тогда разобьют Сталина". Неизвестный: "Видно, положение улучшается. Политбюро сейчас фактически проводит линию правого уклона. Товары отпускаются без ордеров, скоро отменят заборные книжки (карточки. - Б. С.). Умерили отпуск товаров за границу. Зачем уклонистов обвинять, ведь они этого не хотели".

"Политика Сталина привела нас к нищете. Недаром Рыков и Бухарин против его политики. Голод терпеть можно год, а не подряд несколько лет. Ведь заводами и фабриками сыт не будешь", - возмущался котельщик завода имени Пятакова член ВКП(б) Гриценко. А другой член партии кочегар того же завода Гейдар Керимов в группе рабочих говорил: "Из-за политики Сталина все персидские подданные уезжают в Персию. Они правы, так как голодать никто не хочет".

6, 7 и 8 ноября 1930 года на территории фабрично-заводского района Баку чекисты обнаружили 35 листовок и прокламаций антисоветского, антикоммунистического и антисталинского содержания. Среди них были такие, например: "Товарищи. Только Рыков даст нам жить, но не Сталин - националист. Да здравствует свободная жизнь".

"Граждане товарищи. С вас три шкуры дерут. Долой коммунистов - паразитов. Штаб обороны гор. Баку".

"Правительство СССР, мы жить хотим".

"Товарищи рабочие. Сила у вас. Довольно вам мучиться. Ваши дети гибнут, как и вы. Свергните это паршивое правительство и будете жить как люди".

Берия с сожалением констатировал: "В настроении масс праздничные моменты отсутствовали".

Много хлопот ГПУ доставлял и конфликт в руководстве Азернефти. Группировка братьев Агаларовых открыто симпатизировала троцкистам. Как отмечалось в сводке Закавказского ГПУ, "Агаларовы заявляют: "Почему такого вождя, как Троцкий, исключили из партии. Сейчас руководит партией кучка бандитов"" Берия сделал вывод: "Пришло время убрать их (братьев) с фабрики".

Продовольственные трудности 1930 года заставляли многочисленных персидских подданных, работавших на бакинских заводах и нефтепромыслах, возвращаться на родину. Как отмечалось в сводке Закавказского ГПУ, "ряд рабочих персподданных, отражая в данном случае настроение большинства, утверждают: "Раньше при Николае и при муссаватистах жилось лучше. В нехватках виновата Соввласть. Улучшения никакого не будет, в дальнейшем еще хуже будет"".

О том же говорил и персидский подданный - оператор завода "Крэкинг" беспартийный Мехти Кулиев: "С нашими верхами социализма никогда не построишь. Нам дают по норме, за границу отправляют без нормы, сколько хочешь. Теперь хорошего наверно не дождешься. Нас кормят только баснями. 12 лет существуем, ждем только хорошего, а получается все хуже и хуже".

Но больше всего в 1930 году хлопот Берии доставило восстание в Азербайджане. В начале декабря Закавказское ГПУ докладывало о борьбе с повстанцами в Гянджском уезде, численность которых превышала тысячу человек: "Во главе банддвижения стал бывший член муссаватистского парламента, бывший мулла иттихадист (член исламской партии Азербайджана, с которой в начале 20-х годов успешно боролся Берия. - Б. С.) Гаджи Ахунд. Объединение бандгрупп под его руководством ставило задачей организацию массового

выступления. С этой целью Гаджи Ахунд широко развернул а/с агитацию. Усиленно распространялись слухи "о скором падении Соввласти, приходе англичан, турецких войск" и т. д. Крестьяне призывались к борьбе с колхозами, к вооружённому выступлению "против русских захватчиков, за религию, за освобождение от нищеты" и т. д. В Кедабекском районе распространялись прокламации с подобными лозунгами. Для подтверждения слухов о приходе турецких войск один из бандитов (по распоряжению Гаджи Ахунда) был переодет в турецкого офицера и командирован по сёлам в сопровождении бандгруппы, которая публично величала его "паша". Бандагитаторы при этом уверяли крестьян в том, что "правые уклонисты солидарны с Гаджи Ахундом" и т. п.

Эта подготовка собрала вокруг Гаджи Ахунда свыше 1000 человек хорошо вооруженных и подчинила его влиянию ряд сел Шамхорского и Касум-Измайловского районов. Кулацко-зажиточная прослойка в этих районах явилась ближайшим источником материальной и физической помощи банддвижению.

В район концентрации банд были стянуты войсковые части. Активные выступления бандгрупп начались с 10 ноября".

Да, Бухарин, Рыков и Томский впереди, на лихих конях, во главе воинов ислама - это примерно то же самое, что Троцкий, объединяющей под своей командой дашнаков и турецких солдат. Но народы бывшей Российской империи всё надеялись, что кто-то придёт спасти их от Сталина и большевиков, будь-то Троцкий, Бухарин, англичане, турки, чёрт, дьявол... Хотя Турция в то время вообще была союзником Москвы, и турецкие власти сильно ограничивали антисоветскую деятельность кавказской эмиграции в приграничных районах. Англия же не имела никаких планов интервенции в СССР.

Восстание Гаджи Ахунда поначалу казалось серьёзной угрозой. Повстанцам даже удалось на полутора суток прервать движение по железной дороге Баку - Тифлис.

Однако очень скоро выяснилось, что разжиться продовольствием в стране, где крестьяне едва сводят концы от урожая до урожая, нет никакой возможности. Люди Гаджи Ахунда вынуждены были реквизировать продукты у населения, тем самым восстанавливая его против себя. Как отмечалось в докладе Берии, уже в начале декабря "Гаджи Ахунд стал уговаривать своих товарищей разбиться на части, мотивируя наступлением частей Красной Армии, невозможностью достать в большом количестве продукты". Очень скоро Гаджи Ахунду пришлось раздробить свою армию на мелкие отряды, а большинство повстанцев разошлись по домам. Войска под командованием главы Азербайджанского ГПУ М.П. Фриновского загнали группу Гаджи Ахунда и 9 его ближайших сторонников в Дивардинские зимовники, где почти все они, включая главаря, были убиты в бою 9 декабря 1930 года. Поднятое Гаджи Ахундом восстание было подавлено с помощью суровых репрессий. В сёлах брали заложников, заставляя крестьян выдавать скрывающихся повстанцев. Захваченных в плен участников мятежа и заподозренных в пособничестве им расстреливали на месте. Только 8 декабря 1930 года, например, казнили 23 "бандита" и 10 "пособников и укрывателей". По социальной принадлежности расстрелянные распределялись следующим образом: кулаков - 12, середняков - 15, бедняков - 2, рабочих - 2, антисоветский элемент - 1 и

совслужащий - 1. Некоторые добровольно сложившие оружие повстанцы временно оставлялись на свободе в расчёте, что они сагитируют своих товарищей прекратить борьбу. Потом их тихо "изымали" и либо расстреливали, либо отправляли в концлагеря.

Сталин тоже читал все сводки ГПУ. И боялся, что, если кризис ещё более углубится, бывшие вожди оппозиции смогут стать знаменем народного недовольства, а их сторонники на местах, равно как и уцелевшие меньшевики, дашнаки, эсэры и члены других запрещённых партий придадут выступлениям рабочих организованность. Поэтому сразу, как только появился подходящий предлог, - убийство Кирова, началась широкая кампания превентивных репрессий всех подозрительных, достигшая кульминации в 37-38-м годах.

Берия с тревогой отмечал, что во время демонстрации 7 ноября 1930 года в столице Азербайджана, хотя "отдельные рабочие выступали против правых уклонистов и призывали вести борьбу с ними... часть выступающих поддерживала правооппортунистические лозунги, отрицая необходимость борьбы с Бухариным, Рыковым и др.".

Продовольственные трудности заставляли людей ностальгировать по тому времени, когда у власти в Закавказье были антисоветские правительства, не говоря уж о благословенном царском времени. Так, еще 30 апреля 1929 года, в связи с введением карточек на хлеб - 800 грамм для работающих и 400 грамм для иждивенцев в день, Берия фиксировал в сводке нелестные высказывания рабочих о Советской власти. "Не нужно верить брехне нашего правительства. Всё, что оно обещало, это ложь. Разве при меньшевиках жизнь не была лучше. Меньшевики были правы, когда боролись с большевиками. Если бы меньшевики остались, то нам не жилось бы так плохо", - сокрушался тифлисский грузчик Лука Богвирадзе.

А в Армении крестьяне с тоской вспоминали о высланных кулаках и прочих "эксплуататорах". Сводки ГПУ фиксировали, как в апреле 1930 года в Армении "в селе Авдибек Аламлинского района на бедняцком совещании выступил батрак Седрак со следующим заявлением: "Что мне дала Советская власть, меня кормил священник, и ему я должен помогать"". А в селении Амамлы батрак Пализян говорил совсем уж крамольные вещи: "Наши кулаки такие же батраки, как и я. Я лично работал у кулаков Баграмянов, и они больше меня работали. У нас в селе кто бедняк, тот лодырь. Кого мы называем кулаками, это те люди, которые день и ночь мучаются, работают".

Раз такие настроения проявляются даже среди "классово близких", значит, дело плохо. Раскулачивание и раздел добра высланных между остальными крестьянами стало совершенно необходимым для выживания Советской власти. Теперь крестьяне были связаны круговой порукой, отделены навсегда от тех, кто работал день и ночь и не боялся отстаивать перед властью свои и общественные интересы. А неуправляемое крестьянское стадо уже можно было загнать в колхоз, когда посулами, а чаще - грубой силой.

Недовольство сохранялось и в колхозах, но там его гораздо легче было контролировать тому же ГПУ, совместно с колхозным руководством. Среди крестьян нарастали настроения безысходности. Берия докладывал: "В селении Карабулаге Абиранского района середняк Арутюнян, во время разъяснения статьи т. Сталина "Ответ товарищам колхозникам", заявлял среди крестьян следующее:

"Произносят речи ради своего кармана, говорят, что власть рабоче-крестьянская, не верьте. Они врут, имя крестьянина коммунисты используют для того, чтобы мы молчали бы. Нигде правды нет и не будет"".

Лаврентий Павлович цитировал и образец пропаганды, распространяемой среди крестьян троцкистами: "Партия разлагается, власть потеряла голову и теперь не имеет возможности поставить работу должным образом. Если до сих пор правительство работало сносно, то этим было обязано Ленину и Троцкому, которые руководили работой. А теперь за работу взялся княжеский сын - Сталин (намёк на распространённую в Грузии легенду, что настоящим отцом Сталина был князь Эгнаташвили. - Б. С.), который ни одной минуты о крестьянах не думает, старается всячески наши хозяйства уничтожить. Для этой цели он выдвинул коллективизацию, и всё, что делается, сами видите своими глазами".

Еще более красочную легенду поведал в Абхазии середняку Антиси Гурцкая незнакомец, назвавшийся Каландарашвили, в апреле 1930 года: "Советская власть уже на краю гибели, и она должна была быть ликвидирована еще в январе с. г., но по некоторым причинам она имеет счастье существовать до сего времени. Существующее жендвижение (против закрытия медресе и снятия чадры. - Б. С.) надо усилить, так как за этим последует вооруженное восстание мужчин, к которому примкнет Красная Армия, и тогда коммунистам будет конец. В отношении товарища Сталина сказал, что он лежал в Гульрипшском санатории больным, где и умер. Тело его отвезли в Москву, но коммунисты до сих пор об этом умалчивают".

Эх, наивная крестьянская вера, что злой большевистский царь то ли уже умер, то ли вот-вот умрет, и их, крестьян, оставят в покое.

Сельхозтехника, которую щедро обещали крестьянам, заманивая их в колхозы, порой обращалась в форменное издевательство над людьми и здравым смыслом. Так, 6 мая 1930 года Берия докладывал: "Полученные однорядные сеялки совершенно непригодны для кахетинских условий. Кроме того, крестьяне избегают пользования ими, так как указанные однорядки удорожают производительность труда крестьян. Например: чтобы засеять 1 га необходима одна лошадь, одна сеялка и два человека, тогда как самым примитивным способом один человек может посеять больше двух гектаров за то же время".

Недовольны были и рабочие, которым в результате коллективизации стало нечего есть. В Ереване рабочие маслобойного завода Армхлопка кандидат партии Алике и Саркисян говорили своим товарищам, что "с раскулачиванием кулаков и ликвидацией спекулянтов положение рабочих не улучшилось. В кооперативах, за исключением чёрного хлеба, ничего нет. Неправильно, что у нас рабочее правительство. Кто получает жирные оклады, тот живёт хорошо, а рабочие постоянно нуждаются и питаются чёрным хлебом. В случае войны в первую очередь отправят нас, а в то время как за рабочими нету ухода". Берия подчеркнул, что "все присутствующие при этом рабочие (17 человек) согласились с этим". Несчастные как в воду глядели: рабочие и крестьяне требовались также в качестве пушечного мяса для грядущей войны.

В июне 1930 года Берия составил очередную сводку об отношении крестьян Закавказья к коллективизации после сталинской статьи

"Головокружение от успехов", опубликованной в "Правде" 2 марта 1930 года: "Во время войны (так называли ударный период коллективизации) на моей земле срезали 35 деревьев и приказали молчать, теперь кто мне их возвратит", - жаловалась крестьянка Масхарашвили из села Хидари. А середняк Петр Джимиашвили сетовал: "Нас обманывает и правительство, и партия. Обещали нам многое, а на деле ничего не дали. Мне 65 лет, и столько, сколько в колхозе, никогда в жизни не работал. Сегодня что мы отработали, все забрали вышедшие из колхоза. У меня одна пара быков, которых я свел в колхоз. Мне понадобилось привезти дрова для семьи, отнести кукурузу на мельницу или же отвезти больных к врачу, и когда я обращался в правление, мне отказывали и заявляли, что быки уже не принадлежат мне"".

Эти жалобы от крестьян шли бессчетно. Но угрозы для власти они не представляли. Не было политических сил, способных канализировать крестьянское недовольство, направить его на достижение политических целей в масштабе если не всего СССР, то хотя бы в масштабе всей Грузии, Армении или Азербайджана. Некоммунистическая оппозиция была окончательно подавлена к середине, а внутрипартийная, троцкистская и бухаринская - к концу 20-х годов. У власти же была армия и ГПУ, способные без труда подавить даже локальные вооруженные восстания. На разговоры же недовольных смотрели как на материал для будущих арестов и следственных дел.

В бытность Лаврентия Павловича во главе ГПУ Грузии, он не был чужд либерализма. Так, Берия постоянно воевал с партийным руководством Грузии по поводу "перегибов" в антирелигиозной кампании, причём не только по отношению к мусульманам. 3 мая 1929 года в специальной докладной записке "О грузинской церкви". Там он требовал: "Разослать циркулярное письмо местным парторганизациям, подтвердив ещё раз методы и рамки антирелигиозной пропаганды с предложением прекратить всяческие безобразия, которые провоцируют политику нашей партии и вызывают озлобление довольно лояльного грузинского духовенства и верующих к Советской власти. Предложить по советской линии несколько ослабить налоговый нажим на духовенство и ни в коем случае не производить арестов представителей последнего без соответствующей санкции со стороны ГПУ. Предложить прокуратуре расследовать все случаи ограбления и поджогов церквей и виновных привлечь к ответственности. Считать абсолютно необходимым вопросы отобрания и закрытия церквей согласовывать с местными органами ГПУ в целях избежания возможных ошибок и систематического разложения грузинского духовенства".

Лаврентий Павлович разъяснял, как ему удалось приручить грузинскую церковь, несмотря на то, что католикос открыто выступал против Советской власти и поддерживал меньшевиков: "Длительной нашей работой нам удалось создать оппозицию католикосу Амвросию и тогдашней руководящей группе грузинской церкви, и лишь только в 1927 году в январе месяце удалось полностью вырвать из рук Амвросия бразды правления грузинской церковью и вместе с его приверженцами удалить от руководящей роли в Грузинской церкви. В апреле месяце - после смерти католикоса Амвросия католикосом был избран митрополит Христофор, вполне лояльно относящийся к Соввласти, и уже собор, избравший Христофора, декларировал своё лояльное

отношение к власти и осудил политику и деятельность Амвросия, в частности, и грузинскую эмиграцию".

Берия полагал, что после 1920 года "форсирование закрытия церквей, нажим на грузинское духовенство являлись ответом на отношение к власти духовенства. Даже и в этот период церкви закрывались не путём прямого административного постановления, а подводилась невыполнимая норма численности прихода для регистрации церкви, и при невыполнении её церковь признавалась бездействующей и закрывалась... Грузинская церковь, несмотря на своё лояльное отношение к власти, влачит жалкое существование. Массовые ограбления церквей, поджоги и разгромы их, насилия местных властей, нередко с участием партийных и комсомольских организаций, приводят церкви к совершенному разрушению, а непосильное налоговое обложение заставляет грузинское духовенство отречься от церкви и искать новые пути заработка. Лишение духовенства самых элементарных прав, как то: свободы передвижения, без арестов и административных высылок, поставило грузинскую церковь перед фактом невозможности существования... Грузинская церковь стирается с лица земли... Творимые безобразия невероятны в правовом государстве... Мы имеем весьма достоверные факты и случаи использования меньшевистской нелегальной организацией творимых безобразий вокруг грузинской церкви для демонстраций против Соввласти и дискредитации местных партийных и комсомольских организаций".

Лаврентий Павлович пытался внушить своим партийным товарищам: раньше, при строптивом католикосе Амвросии, церковь прижимали правильно, но всё-таки аккуратнее, чем сейчас, но зачем же продолжать сводить её к ногтю теперь, когда грузинской церковью руководят свои люди? Думаю, что в 1943 году Сталин именно по совету Берии ослабил гонения на Русскую Православную Церковь, пойдя на опробованный 16 годами ранее в Грузии вариант и поставив во главе церкви карманного патриарха, Синод и утверждаемых органами госбезопасности епископов.

Определенный либерализм не мешал Лаврентию Павловичу образцово выполнять директивы из центра. По образцу московских процессов над вредителями он создал дело местной, закавказской "Промпартии". Весной 1930 года была арестована группа инженеров и служащих "Азнефти", занимавшихся строительством нефтепровода Баку - Батум. Выявившиеся при проектировании и постройке нефтепровода ошибки и финансовые злоупотребления объявили вредительством - умышленным разбазариванием "народных средств". 4 мая 1930 года Берия послал показания арестованного Антона Викторовича Булгакова, бывшего главного инженера строительства нефтепровода Баку - Батум, председателю Закавказского ЦИКа Михе Цхакая. Под диктовку следователей Булгаков утверждал: "Вредительский смысл заключался в том, что для капиталистических кругов... было безразлично, за счёт какого ведомства затрачены деньги на постройку нефтепровода при Советской власти, вредительские же круги НКПС видели в удержании постройки нефтепровода в своих руках повод для проведения ещё добавочных капиталовложений... В то же время вредительскими кругами Закавказской железной дороги чрезвычайно раздувалась эксплуатационная смета керосинопровода...

Деятели контрреволюционной вредительской нефтяной организации, а также бывшие владельцы нефтяных предприятий, находившиеся за границей, ясно понимали, что одна вредительская деятельность не будет в состоянии вызвать падение Советской власти и что главную надежду надо возлагать на интервенцию. В случае же возникновения такой интервенции, контрреволюционная организация должна была оказать ей помощь. В конце 1925 года из-за границы через секретаря Английского посольства Уайта было получено письмо на английском языке за подписью Э.Л. Нобеля и Детеринга (бывших владельцев бакинских нефтепромыслов. - Б. С.) с директивами о подготовке к интервенции. После прочтения письмо было уничтожено. В этом письме, которое, очевидно, было написано по желанию и по указаниям английского военного штаба, предлагалось контрреволюционной вредительской нефтяной организации выделить специальную военную группу и выполнить ряд мероприятий по подготовке к предполагавшемуся на Кавказском берегу Чёрного моря десанту (Лаврентий Павлович в плане подготовки к такому десанту трактовал и намеченное в связи со строительством нефтепровода расширение батумского порта. - Б. С.)... В конце 1927 года в Москве через Норвежскую миссию и через А.В. Иванова (инженера, главаря "вредителей". - Б. С.) было получено от Э.Л. Нобеля письмо на английском языке... Сообщалось, что военная интервенция, предполагавшаяся на 1928 год, была по политическим соображениям отложена на год, на два".

Закавказские чекисты действовали по той же схеме, что и их коллеги в Москве и по всей стране. Группа инженеров из "бывших", ещё с дореволюционным стажем, будто бы вступает в связь с эмигрантами-капиталистами. Те, в свою очередь, связаны с Генштабами и разведками Англии (Франции, Германии, Японии, Польши и т. д., в зависимости от политической конъюнктуры, региона и фантазии следователей), обнадёживают своих бывших подчинённых скорой интервенцией, в ожидании которой требуется всячески вредить Советской власти: устраивать взрывы на шахтах, аварии на железных дорогах, пожары на нефтепромыслах и т. д. Такого рода инцидентов в годы индустриализации из-за бесхозяйственности, нехватки квалифицированных кадров рабочих и инженеров, а главное, из-за отсутствия у людей заинтересованности в добросовестном и производительном труде, в СССР было с избытком. Вот и требовалось свалить вину на "вредителей" - "буржуазных спецов". Берия и Реденс в организации очередного "вредительского дела" были не оригинальны.

Рабочие же сообщения об осуждении инженеров-"вредителей" встречали с энтузиазмом. Берия 17 декабря 1930 года сообщал об откликах на процесс Промпартии. В частности, рабочие Тифтрамвая выражали искреннюю радость: "Так им и надо. Пусть знают оставшиеся в живых вредители, что Советская власть жестоко карает тех, кто поднимает против неё свою изменническую руку!" И огорчились, что Рамзину и остальным приговорённым к расстрелу вышло помилование. Такова же была позиция подавляющего большинства рабочих. Бакинские рабочие, например, настаивали: "Таких подлецов не стрелять надо, а на куски резать".

Особенно возмущало пролетариев, что вот инженеры выучились на народные деньги, а теперь гадят, да ещё при этом люди гибнут. О том,

насколько основательны выдвинутые против "спецов" обвинения, рабочая масса не задумывалась. Правда, в конце обзора Лаврентий Павлович привёл и критическое мнение о процессе "Промпартии", оговорившись, что высказывавшие его лица давно уже разрабатываются ГПУ как "антисоветский элемент": "В заключение интересно будет привести разговор сотрудников на постройке Дома связи на проспекте Руставели... Чертёжник конторы Ястребов сказал: "Осадчий и Шеин, которые на Шахтинском процессе были общественными обвинителями и сидели рядом с государственным обвинителем Крыленко по левую сторону, теперь сами являются подсудимыми". Счетовод Петров ему на это ответил: "Остался только один Крыленко на левой стороне". А бухгалтер Блажиевский закончил разговор следующими словами: "Ничего, на следующем процессе и Крыленко будет сидеть на правой стороне суда"".

И ведь как в воду глядел тифлисский бухгалтер Блажиевский! В 1938 году прокурор Н.В. Крыленко был арестован и расстрелян. Правда, судила Николая Васильевича Военная коллегия Верховного Суда в ускоренном порядке, без участия обвинения и защиты, так что на скамье подсудимых несчастному пришлось томиться очень недолго - от силы пару часов.

Сталин тоже прочёл подготовленную ГПУ сводку откликов о процессах над "вредителями". Может быть, даже заимствовал оттуда идею насчёт Крыленко. Главное же, Иосиф Виссарионович убедился: народ жаждет крови своих врагов, и, пожалуй, с особым удовлетворением воспримет казнь бывших членов компартии. Большевиков рабочие и крестьяне не шибко жалуют. А тут появится возможность все тяготы "сплошной коллективизации" и "ускоренной индустриализации" свалить на "плохих большевиков", отведя критику от главного большевика и немногочисленной группы "твёрдых сталинцев". Это изверги Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Рыков, Каменев и Сокольников и прочие организовывали диверсии, уничтожали хлеб, чтобы спровоцировать голод, организовывали саботаж заданий пятилетки. А им помогали десятки, сотни тысяч троцкистов и бухаринцев по всей стране. Вот на кого можно было спокойно списать ошибки, произвол и бесхозяйственность номенклатуры всех уровней.

Но необходимо отметить, что уже тогда Лаврентий Павлович не только занимался фальсификацией дел против "врагов народа", но и пытался исправить некие особенно вопиющие пороки судебно-следственной практики. Так, 20 октября 1930 года он представил доклад "Об основных недочетах в работе судебно-следственных органов и прокуратуры". Там, в частности, утверждалось: "В работе судебно-следственных органов Грузии отмечается отсутствие плановости, неудачный по своей квалификации подбор работников, неувязка в работе отдельных звеньев судебно-следственного аппарата, слабое, а временами полное отсутствие делового руководства и надзора со стороны прокуратуры и т. д.". Берия указывал на "необходимость укомплектования судебно-следственных органов партработниками, политически и теоретически достаточно подготовленными, а для поднятия квалификации уже работающих в аппарате лиц - организовать краткосрочные подготовительные курсы". Он призывал "усилить борьбу с хозяйственными преступлениями, используя при этом все способы для выявления нарушений революционной законности, а также участие

органов прокуратуры в деле проведения ударных кампаний: хлебозаготовки, посевкампании, индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и др. Усилить инструктаж верховного суда и надзор прокуратуры над деятельностью судебных органов. Повести решительную борьбу с текучестью личного состава сотрудников судебно-следственного аппарата. Воздержаться от частых перебросок работников внутри судебно-следственных органов. Принять срочные меры к безотлагательному разбору дел, залежавшихся у следователей и суда".

Что и говорить, меры разумные, но в конкретных условиях 30-х годов не слишком актуальные. Не за горами была Большая чистка, когда текучесть сотрудников следствия, суда и прокуратуры достигла предела, а судопроизводство велось по упрощенной и ускоренной схеме разного рода особыми "тройками" и "двойками". Под конец жизни Лаврентий Павлович попытался упразднить последний внесудебный орган - Особое совещание при МВД, но не успел, и по иронии судьбы стал последней жертвой другого внесудебного органа - Специального судебного присутствия, судившего участников мнимого "бериевского заговора" без участия прокуроров и адвокатов.

Берия приходилось заниматься не только судами, но и повседневными нуждами людей. Так уж сложилось исторически, что органы госбезопасности занимались не только своими прямыми обязанностями, но и народнохозяйственными проблемами, и надзором за религией и культурой, и повседневным бытом, ибо всюду возникали весомые поводы для "антисоветских настроений", за всеми сферами народной жизни нужен был глаз да глаз.

20 ноября 1930 года Берия и Реденс подготовили совместный доклад "О настроении рабочих и служащих города Баку и его районов в связи с продзатруднениями". Картина представала удручающая: "Рабочий (член партии) газового отдела Сураханского района в заявлении, поданном в Сураханский райсовет относительно квартиры, дает оценку переживаемого момента с явно антисоветской точки зрения. "Нас не считают за людей. Действительно, большое сходство настало современной политики с политикой Николая II... Заставляют идти к царю - с петициями в Райсовет... Товарищи Райсоветчики, выжмите из своих мозгов искру сочувствия к рабочим".

На заседании бюро ячейки, где заявление рабочего было осуждено как антипартийное, он разорвал партбилет и заявил о выходе из партии". Царские времена с ностальгией вспоминал старый беспартийный рабочий Илья Чернов, проработавший на бакинских заводах более 40 лет: "Раньше Николай плохой был, а жили как люди. Теперь говорят хорошо, а нигде ничего не добьешься. Не разберешь, что делается. Советская власть нехорошо делает". А беспартийный рабочий 1-го Бурового управления Ленинского района Александр Клейн возмущался: "В наших газетах пишут, что в Германии рабочие живут плохо, что там ничего нет, большая безработица и т. д. Все это неправда. В Германии лучше живется рабочим, чем в СССР. Вот приезжали из Германии и рассказывали, что у них прислуга ходит в лучшей одежде, чем мы".

"Ни в одном государстве нет такого хаоса, как у нас, - утверждал хронометрист отдела турбинного бурения беспартийный М. Шишков. - А главковерхи везде и всюду кричат о том, что мы выполняем

пятилетку и догоняем Америку. Таких порядков нет даже в самой отсталой стране, к примеру в Индии. Рабочий кушает как свинья, а если станет говорить правду, то его считают антисоветским элементом. Всё отправляют за границу, нас морят. А теперь там не принимают, так давай нас давить очередями. На собраниях кругом кричат - у нас есть, у нас много. А мы хлопаем. Дураками нас считают. Мы же все понимаем и прохлопали все хорошее". А рабочий завода имени Пятакова перс Исмаил Хазрат был краток, но категоричен: "Кто сказал, что это продовольственные затруднения. Это приходит время, когда большевики должны подохнуть".

ВО ГЛАВЕ КОММУНИСТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Составлять и подписывать секретно-осведомительные сводки Лаврентию Павловичу пришлось все время пребывания на высоких чекистских постах, где он оставался до ноября 1931 года, когда его сделали первым секретарём компартии Грузии и вторым секретарём Закавказского крайкома ВКП(б). Тогда же по случаю десятилетия Грузинской ЧК председатель ОГПУ В.М. Менжинский издал специальный приказ, где с большим удовлетворением отметил, что "огромная напряжённая работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закалёнными в огне боевой работы под бессменным руководством тов. Берии, сумевшего с исключительным чутьём всегда отчётливо ориентироваться и в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи, и в то же время личным примером заражать сотрудников, передавая им свой организационный опыт и оперативные навыки, воспитывая их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и её Центральному Комитету". На следующий год Лаврентий Павлович стал един в трёх лицах, возглавив парторганизации Закавказья, Грузии и Тбилиси. К ордену Красного Знамени Грузинской ССР на груди Берии добавились такие же ордена РСФСР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР. В 1934 году на XVII съезде партии его сразу же избрали полноправным членом ЦК.

13 июля 1932 года, полгода спустя после того, как в конце октября 31-го он был назначен вторым секретарем Заккрайкома ВКП(б), Берия написал секретарю ЦК Кагановичу достаточно традиционное для местных руководителей письмо, где просил снизить план сельхоззаготовок и помочь техникой: "Дорогой Лазарь Моисеевич! В настоящее время уже представляется возможным подвести некоторые итоги нашей работы за истекшие 6 месяцев... Общая площадь посевов этого года превысила на 19.261 га площадь посевов прошлого года. Посевной план в целом выполнен на 97,3 %... по хлопку на 101,6 %, по табаку на 93 %, по чаю - на 93,8 %, по винограду - на 97 %.

Хлебозаготовки этого года потребуют огромного напряжения. Прежде всего, о плане. Мы очень тщательно подсчитали, проверили и пришли к убеждению, что заданная Закавказью цифра чрезмерно велика, непосильна и попытка её реализации может создать крупные осложнения.

Фактически заготовительный план по Закавказью оставлен центром на уровне прошлого года, хотя в постановлении ЦК ВКП(б) и Правительства говорится о снижении плана на 1 млн. пудов. В прошлом

году крестьянскому сектору было задано 4.044.000 пудов. Вместе с заданием по совхозам (400 пудов) и с гарнцевым сбором - это составит кругом 5 млн. пудов, т. е. столько же, сколько и в прошлом году. Видимо, в центре не учли имеющийся у нас недосев 1931 года, который удалось ликвидировать только частично (по Грузии недосев выражается в 60.000 га). В прошлом году задание по хлебозаготовкам в порядке "встречных" планов было перевыполнено, но деревня оказалась накануне восстания, мужик уходил в лес.

В этом году, благодаря большому неурожаю, перспективы значительно хуже. Неурожай, вызванный сильной засухой, охватил почти всё Закавказье, в особенности Грузию и Армению. При таких условиях нам волей-неволей приходится ставить вопрос о снижении хлебозаготовок до уровня реальных возможностей.

Мы подсчитали, что по крестьянскому сектору сможем заготовить не более 2,5 млн. пудов, по совхозам 538.000 пудов и гарнцевого сбора 568.000 пудов, итого 3.605.000 пудов (кругло). Таким образом, нам план должен быть снижен примерно на 1,5 миллиона пудов. Это абсолютно необходимо, иначе мы не гарантированы от повторения рецидивов прошлого года.

Вопрос хлебозаготовок стоит остро и требует скорейшего разрешения. Перепись скота, проведенная в этом году, показала огромное снижение поголовья в Закавказье. Так, по Грузии численность КРС 1569.600 голов, оказалось в наличии - 1.378.500, мелкого скота - 1653.600, оказалось в наличии - 896.774, свиней - 320.000, оказалось 198.597.

Огромное снижение поголовья, явившееся следствием перегибов, допущенных в прошлом, чрезвычайно затруднило выполнение плана по скотозаготовкам... План 10 мая постановлением ЦК и СНК СССР уже снижен с 38 тыс. т до 28 тыс. т живого веса, но и этот план является напряженным и больше фактически заготовленного на 4 тыс. тонн... Лишь 19 районов Грузии не дефицитны по мясу". Берия жаловался, что общий товарный выход мяса составил 3805 тонн при плане в 4500 тонн: "Выполнение этого плана (4500 тонн) должно, следовательно, пойти в известной своей части за счет значительного уменьшения поголовья, и без этого пострадавшего за последние годы".

Он отметил и остроту финансовой проблемы, связанной с дефицитом товаров для населения: "Проводящиеся в настоящее время заготовки технических культур (коконов и пр.) сильно тормозятся благодаря отсутствию дензнаков. Ежедневно с мест поступают десятки телеграмм, которые Госбанк не в состоянии удовлетворить. За отсутствием денежных средств задерживается также выдача зарплаты, что вызывает повсеместно большое недовольство. При этом следует отметить, что мобилизация денежных ресурсов и реализация займа протекают у нас далеко не плохо. По мобилизации денежных ресурсов контрольная цифра выполнена на 93 процента (данные на 5 июля по Грузии), по займу на 75,9 процента.

Напряжённость положения с денежными ресурсами в числе прочих причин объясняется значительным оседанием денег на селе. Товаропроводящая сеть на селе задерживает и замедляет оборот средств, с другой стороны, развитие колхозной торговли не обеспечено ещё в достаточной мере товарами ширпотреба, способствует накоплению денежных средств у крестьян. Приток средств в деревню в

настоящее время далеко превышает возможности мобилизации средств у населения, и это создает кассовый разрыв, больно ударяющий по хозяйственным организациям и начинаниям".

Берия не забыл и родную Грузию. Из двух вариантов строительства новых коксовых установок, в Гяндже или Ткварчели, он ратует за последний: "Где строить в Закавказье коксовые установки: в Гяндже или Ткварчели. И тот, и другой варианты имеют своих сторонников и противников. Мне, однако, кажется, что все преимущества на стороне Ткварчельского варианта. Научные исследования и расчеты, произведенные в связи с этим отдельными специалистами и комиссиями специалистов с несомненностью устанавливают выгоду постройки коксовых установок именно в Ткварчели, вблизи угольных месторождений.

Сторонники Ганджинского варианта обосновывают постройку коксовых установок в районе Ганджи тем, что отходные газы коксовых печей можно будет использовать для обогрева доменных печей. Газы коксовых печей между тем являются ценнейшим сырьем для промышленности и использовать их для сжигания это значит совершить преступление.

Принятие Ткварчельского варианта означает постройку в Ткварчели крупного коксового комбината, который помимо кокса для Дашкесана даст: азотистые удобрения (до 75 тыс. тонн), синтетический аммиак, сульфат аммония, искусственный спирт и другие крайне нужные продукты для развития ценнейших культур в Западной Грузии.

От постройки коксовых печей вблизи металлургических заводов с использованием коксовых газов для обогрева домен отказались не только передовые страны Запада, но и наши строители". Берия доказывал, что Ткварчельский вариант даст экономию в 4 млн. рублей - иначе придется возить уголь и дефицитную воду в Дашкесан и использовать для этого дополнительно 28 тыс. вагонов.

Лаврентий Павлович предлагал разводить в Колхиде субтропические культуры: цитрусовые и чай, для чего требовалось осушение болот. И настаивал на строительстве нового паровозо-ремонтного завода в Тифлисе, поскольку старый, возведённый ещё в 1883 году, устарел морально и физически.

Берия просил Кагановича помочь с автотранспортом: "С мест идут буквально вопли о помощи транспортными средствами... Мы стоим перед угрозой гибели части урожая технических культур, которые не удастся вывезти даже при условии мобилизации всего имеющегося авто- и гужевого транспорта. Я уже не говорю о том, что за отсутствием легковых машин чрезвычайно затрудняется связь с районами и срывается выполнение срочных заданий. Аппарат ЦК имеет на ходу только одну машину, которая к тому же по несколько раз в неделю портится.

В переговорах с Вами и с товарищем Молотовым мне было обещано выделить для Грузии известное число грузовых и легковых автомашин и автобусов. До сих пор, видимо, не представилось возможным реализовать это обещание. Очень прошу помочь нам в этом деле. Нам нужно на первое время 15-20 легковых машин (фордов), 20 грузовиков, 10-15 автобусов. Это наша минимальная потребность, и я думаю, что в интересах дела её нужно удовлетворить ещё в текущем квартале".

Замечу, что требования главы коммунистов Грузии более чем скромные. Подозреваю, что накануне Первой мировой войны наместник на Кавказе имел парк легковых автомобилей побольше, чем Лаврентий Павлович почти два десятилетия спустя.

Особо жаловался Берия на работу столь близких Кагановичу железных дорог: "Работа Закавказских железных дорог всё время ухудшается, особенно начиная с мая месяца. Если в 1931 году Закавказские железные дороги по своим показателям занимали первое место среди дорог всего Союза, то в настоящее время они сползли на 9 место с тенденцией к дальнейшему ухудшению. По оценке НКПС, Закавказские железные дороги по состоянию скоростной езды, ремонта паровозов и их эксплуатации стоят на одном из последних мест... Основной причиной создавшегося положения, несомненно, является неслаженность руководства дороги и её дирекции. Отсюда отсутствие дисциплины, интриги, групповая борьба, дезорганизация аппарата и проч. Нет твёрдой руки в управлении, во всех вопросах проявляется какая-то мягкотелость, половинчатость, нерешительность.

Нужно этому положить конец. Нужно, чтобы НКПС вплотную занялся Закавказскими дорогами и как следует расшерстил аппарат во главе с дирекцией.

На днях по этому вопросу имел разговор с т. Папулия Орджоникидзе. Я ему прямо сказал, что нельзя со всеми драться, нельзя вечно быть на ножах с руководящим составом дирекции, с отделами, с секретарём ЗКК по транспорту, с ДТО ОГПУ и др. Нужно наладить, наконец, деловую работу. Тов. Папулия со мной как будто согласился и обещал наладить отношения. Что из этого выйдет, не знаю".

Немного забегу вперед и скажу, что ничего путного из обещаний старшего брата Серго Орджоникидзе не вышло, и именно его несостоятельность как хозяйственника создала в дальнейшем хороший предлог для ареста несчастного Папулии Константиновича. Он был осуществлен по указанию Сталина новоназначенным наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым 27 октября 1936 года, в день 50-летнего юбилея Серго.

Берия покритиковал и недавно смещённого с поста первого секретаря Закавказского крайкома Мамию (Ивана) Орахелашвили: "Тов. Мамия Орахелашвили продолжает быть недовольным и дуется. Он даже перестал ходить на бюро ЦК. Теперешним положением он определённо не доволен, хотя я делаю всё, чтобы избежать в пределах возможности столкновения с ним. Он, видимо, не понимает или не хочет понять, что для создания деловой атмосферы: для выполнения тех задач, которые поставлены перед нами решениями партии и правительства и Вашими указаниями, нужна твёрдая рука, нужна решительность и чёткость в работе, и больше всего в этом нуждается грузинская организация, в которой со времени ухода тов. Серго не прекращались интриги и групповая борьба.

Только твёрдая рука, последовательная и ясная позиция могут создать деловую атмосферу работы и покончить с бесконечными склоками, разъедавшими организацию. Это лучше всего подтвердилось опытом истекших 7-8 месяцев работы, и я думаю, что этот опыт для многих (за исключением, может быть, тов. Мамия) не прошёл даром.

На этом опыте, в этой атмосфере - люди научились по-новому работать, по-новому подходить к делу, и мне думается, что уже это одно является немаловажным достижением".

К письму Лаврентий Павлович добавил от руки очень многозначительный постскриптум: "Был два раза у т. Коба и имел возможность подробно проинформировать его о наших делах. Материалы по вопросам, затронутым в этом письме, переданы также товарищу Коба".

Значит, Берия в то время был уже вхож к Сталину и делал красноречивый намёк Лазарю Моисеевичу, что просьбы закавказских коммунистов скорее всего будут удовлетворены генсеком. Лаврентий Павлович знал, что группировка Орджоникидзе - Ломинадзе впала в немилость у Сталина, и не пожалел критических стрел в адрес близкого к ней Орахелашвили и брата Серго Орджоникидзе Папулию (оба они погибли во время Великой чистки). Очевидно, аргументы, изложенные в письме, нашли понимание у Иосифа Виссарионовича. В октябре 1932 года Берия был утверждён главой коммунистов Закавказья.

О конфликте Берии с Орахелашвили, случившемся в 1932 году, рассказывал в конце 70-х Ф. Благовещенскому один из ближайших соратников Берии П.А. Шария: "Конфликт дошел до того, что обоих вызвали в Москву, чтобы там сделать выбор в пользу одного.

В это время Акопов, секретарь Тбилисского горкома, явился на партсобрание в ИМЛ Грузии (который возглавлял Шария. - Б. С.), чтобы "пронюхать", куда же идет дело: он был уверен, что Шария это знает. А тот "не знал" и в своем выступлении говорил о том, что нужно усилить воспитательную работу, что приоритет слишком отдан работе организационной. Акопов на основе этого решил, что победа будет за Орахелашвили, - и соответствующим образом себя повел. Но тут сделался известным противоположный выбор Москвы - и Акопов поспешил в Орджоникидзе (Владикавказ), чтобы встретить возвращающегося с победой Берию и на аэродроме сказать ему о "провокации", которую организовал Шария в своем институте.

Вскоре после этого в ИМЛ отмечали 40-летие литературной деятельности Горького. Шария опаздывал (был у больной матери), просил подождать, но заседание начали без него. Когда он явился, то взял из зала и вместе с собой провел в президиум Марию Орахелашвили (жену только снятого и переведенного в Москву первого секретаря Заккрайкома Мамии Орахелашвили. - Б. С.) - старую большевичку, наркома просвещения, члена правления института. Это было сочтено за демонстрацию, и вскоре Шария "сам ушел" из института. За девять месяцев опубликовал три книги. Потом под угрозой исключения из партии (этот ультиматум ему предъявил сам Берия) снова вернулся на партийную работу..."

В конфликте Берия - Орахелашвили Шария "не хотел групповщины, считал, что "виноваты обе стороны", и "прямо говорил" им об этом. Но, "конечно, правильно" решение в пользу Берии. "Берия - фигура", - говорит Петр Афанасьевич "конфиденциально", и кулак его сжимается, как бы отражая волевой характер "фигуры" (что-что, а сильная, жестокая воля, до беспощадности к другим, у Лаврентия Павловича действительно была. - Б. С.), - "а Орахелашвили..." - и рука бессильно-недоумевающе расслабляется, и фраза остается незаконченной. Он

прибавляет про Берию: "Но дальше республики я бы его не пустил. Лаврентием Павловичем он не назвал его ни разу"".

Что ж, насчет того, что политический потолок Берии - это руководство республиканской парторганизацией, Шария, пожалуй, прав. Только неизвестно, зародилось ли это мнение у Петра Афанасьевича еще в 30-е годы, или уже во Владимирской тюрьме, после падения неудачливого патрона. Лаврентий Павлович действительно преуспевал в Москве только тогда, когда выполнял административно-технические функции: по указанию Сталина чистил НКВД от людей Ежова, руководил народным хозяйством в годы войны, возглавлял работу по созданию ядерного и термоядерного оружия. Попытка же играть самостоятельную политическую роль после смерти Сталина за какие-нибудь три месяца закончилась полным крахом.

Шария также говорил диссиденту Р.И. Пименову, вместе с которым сидел во Владимирской тюрьме, о довольно низком уровне бериевской эрудиции. Пименов вспоминал: "Интеллектуальнейшим из бериевцев был Шария. Издавна он был секретарем Берии то по науке, то по иностранным делам, а Берия бесподобно умел подбирать людей. О самом Берии Шацкин как-то сострил: "Со времен Гуттенберга Берия не прочитал ни одной книги", - и, пересказывая мне этот анекдот, все бериевцы соглашались с расстрелянным Шацкиным; Людвигов дополнял, что, требуя от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину, у кого в руках видел. К слову, четко следуя газетным установкам момента, они Берию иначе как "людоедом" не честили, кто чаще, кто реже, кто сквозь зубы, кто пламенно. Но у Берии был нюх на способности людей (отмечали они, отдав дань хуле), и главным его принципом был подбор по деловым качествам. Гарантию же преданности себе он усматривал в том, что объединял на близких должностях лиц, взаимно ненавидевших друг дружку. Этим в зародыше пресекался какой бы то ни было заговор против него: прежде взаимно донесут (весьма своеобразная система "сдержек и противовесов". -Б. С.). И хотя ко времени знакомства со мной все жизненные грозы уже отшумели для этих бериевцев, уже с десяток лет они находились в тюрьме, - они продолжали ненавидеть один другого, что было заметно".

Понятно, что в условиях тюрьмы никто из заключенных не рискнул теплым словом отозваться о Лаврентии Павловиче. Кто-нибудь из сокамерников обязательно донесет, что имярек восхваляет "врага народа". А за это грозил карцер или, в худшем случае, даже дополнительный срок. Тем более что жили бериевцы во Владимирке, как пауки в банке. Шария, тот и на свободе в беседе с посторонними на всякий случай даже не называл Берию по имени-отчеству - чтобы не заподозрили в симпатии к "лубянскому маршалу". Но вот насчет того, что книг Берия почти не читал, по крайней мере, художественных, возможно, академик был недалек от истины. Об этом ведь пишет и его сын Серго, упирая, правда, на то, что отец больше налегал на книги по истории и экономике. На самом деле, как я думаю, Берия, как и другие советские чиновники его ранга, читал главным образом сравнительно короткие справки по тем или иным актуальным вопросам, подготовленные для него референтами, в том числе и интеллектуалом Шарией.

А вот насчет бериевского чутья на людей Пименов не ошибся. Помощников себе Лаврентий Павлович подбирал исключительно по деловым качествам и весьма удачно. И не только подбирал, но и умел заставить делать именно то, что в данный момент было необходимо. Иначе не получил бы Советский Союз в рекордно короткий срок атомной и водородной бомбы и ракетного оружия.

Надо признать, что процитированное выше письмо Берии Кагановичу - отнюдь не уникальный документ. В партийных архивах сохранилось немало подобных же писем и шифрограмм как самого Берии, так и других глав обкомов и республиканских парторганизаций. В них красной нитью проходят просьбы о снижении плана по поставкам зерна, мяса и другой сельхозпродукции. В то же время, секретари обычно ратовали за размещение на подведомственных территориях объектов тяжелой индустрии, хотя одновременно жаловались на товарный голод - острую нехватку продовольствия и товаров повседневного спроса. Парадокс объяснялся просто. В условиях централизованного снабжения всеми ресурсами размещать в своей республике или области предприятия легкой промышленности или крупные пищевые комбинаты с точки зрения местной партийной власти было бессмысленно. Львиная часть их продукции все равно бы забиралась в другие регионы для поддержки рабочих, занятых на предприятиях тяжелой промышленности, которые, как правило, имели оборонное значение. Так что, разместив у себя металлургический, нефтеперерабатывающий или машиностроительный завод, можно было быть уверенным, что поставки продовольствия и ширпотреба в регион значительно увеличатся.

Но наивно было бы думать, что просьбы об уменьшении плановых сельхозпоставок вызывались только заботой о населении своих областей, краев и республик. На самом деле невыполнение планов вполне могло стоить местному партийному боссу поста, а в 1937-1938 годах - и головы. Хлопоча о корректировке планов в сторону снижения Берия, Хрущев, тот же Каганович, в бытность его главой коммунистов Украины, и многие другие заботились также о собственной шкуре. Хотя и сочувствие к несчастным крестьянам у них присутствовало. Берия, напомню, вырос в крестьянской семье, не понаслышке знал о тяжелом труде землепашца. Другое дело, что если из центра следовал категорический приказ, Лаврентий Павлович, Лазарь Моисеевич, Никита Сергеевич и прочие руководители краев, областей и республик тех же крестьян не щадили, равно как и рабочих, трудовую интеллигенцию и своих товарищей-партийцев. Замечу, что многих, например Павла Петровича Постышева, даже повышенное рвение в расправе с "врагами народа" не спасло от гибели в огне костра Большой чистки. Но Берия тогда уцелел.

Нередко Лаврентию Павловичу удавалось хоть немного облегчить жизнь своих земляков. Так, 2 января 1938 года Сталин телеграфировал ему о своем принципиальном согласии продавать дешевый хлеб совхозным рабочим: "Не возражаем против продажи хлеба рабочим животноводческих совхозов по 5 рублей пуд. Необходимо только знать, какое количество хлеба будет продано рабочему, и вообще нужно установить норму для каждого". Что ж, учет и контроль для Иосифа Виссарионовича - прежде всего.

При чтении письма Берии Кагановичу бросается в глаза, что глава коммунистов Закавказья весьма умело лоббировал интересы края и особенно родной Грузии, с хорошим знанием технических деталей (пригодилось соответствующее образование). Разумеется, когда Лаврентий Павлович ратовал за размещение в Ткварчели коксовых установок, он не знал, что через десять с небольшим лет ему придется руководить самой важной оборонной отраслью Советского Союза - атомным проектом, подчинившим своим нуждам всю экономику и лучшие научные силы страны.

В период руководства Берии парторганизациями Грузии и Закавказья произошло два инцидента, в которых уже после падения "лубянского маршала" старались увидеть им же организованные провокации, с целью втереться в доверие к Сталину. В сентябре 1933 года вблизи Гагр в Абхазии в сторону находившегося там на отдыхе Иосифа Виссарионовича было произведено несколько выстрелов. После ареста Берии стали говорить, что он специально инсценировал покушение на вождя, чтобы закрыть его своим телом и тем доказать свою преданность и незаменимость. Об этом событии вспоминает со слов отца и Серго Берия: "Бытует версия, что в сентябре 1933 года мой отец якобы инсценировал покушение на Сталина, когда тот отдыхал на одной из южных дач (начальник личной охраны Сталина Н.С. Власик в мемуарах ошибочно относит покушение к лету 1935 года. - Б. С.). Цель понятна - заслужить благосклонное отношение вождя. Небылиц на сей счет написано много, а вот что происходило в действительности.

Существовали так называемые особые периоды. Это когда Сталин где-то отдыхал. Так было и в тридцать третьем. Все знали, что Сталин уехал в Москву. И начальник ГПУ Абхазии Микеладзе, очень хороший, кстати, человек, решил отдохнуть. Выехал с друзьями, как говорится, "на природу", слегка расслабиться. Развлекались на берегу. Выпили, закусили, и тут Микеладзе увидел пограничный катер. Здесь, на его беду, и пришла в голову мысль прокатиться всей компанией, а в ней были и женщины.

Кроме того, что Микеладзе руководил органами государственной безопасности Абхазии, ему, как начальнику оперативного сектора, подчинялись и пограничники. Но как остановить пограничный катер? Начал стрелять в воздух, пытаясь привлечь внимание экипажа. Подчеркиваю, в воздух - не по катеру. Кто мог знать, что на борту пограничного корабля находился в это время Сталин...

Факт стрельбы зафиксировали и начали разбираться. Нашлись горячие головы, которые тут же расценили это как террористический акт: мол, Микеладзе покушался на жизнь главы государства. Так пьяная выходка переросла в покушение.

Отцу все же удалось отстоять тогда Микеладзе, тот отделался снятием с работы и переводом на низовую должность в Грузию. Он бывал у нас дома с женой и сокрушался, как несправедливо с ним обошлись. Отец говорил ему:

- Слушай, ну что еще можно было сделать? Ты же сам понимаешь, что происходит. Вот меня даже упрекают, что я укрываю террориста. Считай, что еще легко отделался.

Мама тоже переживала за эту семью...

Словом, Микеладзе уехал в Грузию и об этом досадном недоразумении начали потихоньку забывать, но не все, разумеется.

Когда умер председатель Совнаркома Абхазии Лакоба (в декабре 1936 года; Берию после ареста обвинили в том, что он будто бы отравил Лакобу. - Б. С.), его смерть связали с Микеладзе. А там вот какой случай произошел. Еще при жизни Лакобы на его даче из его же револьвера застрелилась дочь председателя Госбанка (на самом деле наркома внешней торговли. - Б. С.) Розенгольца. Увязали и с этим фактом. Выстроили версию - специально из Москвы следователь приехал! - будто бы эта девушка подслушала разговоры заговорщиков и ее таким образом "убрали". ГПУ Абхазии к расследованию не допустили. Состоялся суд, и несколько человек были осуждены к расстрелу, в том числе и "террорист" Микеладзе. Правда, я слышал, что московские следователи обещали ему освобождение и выдачу других документов. Якобы его расстрел был фиктивным, а решение по Микеладзе принималось чуть ли не на самом "верху". Исходили из того, что сломить Микеладзе не удалось - он был действительно очень сильным человеком, - и решили взять уговорами. Но утверждать, что бывшему руководителю ГПУ Абхазии удалось в действительности избежать тогда расстрела, я, естественно, не могу".

Бывший начальник сталинской охраны генерал-лейтенант Н.С. Власик описал инцидент под Гаграми несколько иначе: "Летом 1935 года было произведено покушение на товарища Сталина. Это произошло на юге. Товарищ Сталин отдыхал на даче недалеко от Гагр.

На маленьком катере, который был переправлен на Черное море с Невы из Ленинграда Ягодой, т. Сталин совершал прогулки по морю. С ним была только охрана. Направление было взято на мыс Пицунда. Зайдя в бухту, мы вышли на берег, отдохнули, закусили, погуляли, пробыв на берегу несколько часов. Затем сели в катер и отправились домой. На мысе Пицунда есть маяк, и недалеко от маяка на берегу бухты находился пост погранохраны. Когда мы вышли из бухты и повернули в направлении Гагр, с берега раздались выстрелы. Нас обстреливали.

Быстро посадив т. Сталина и прикрыв его собой, я скомандовал мотористу выйти в открытое море. Немедленно мы дали очередь из пулемета по берегу. Выстрелы по нашему катеру прекратились.

Наш катер был маленький, речной и совершенно непригодный для прогулок по морю, и нас здорово поболтало, прежде чем мы пристали к берегу. Присылка такого катера в Сочи была сделана Ягодой тоже, видимо, не без злого умысла - на большой волне он неминуемо должен был опрокинуться, но мы, как люди не сведущие в морском деле, об этом не знали (но так покушения не устраивают: по принципу, то ли перевернется, то ли нет. - Б. С.).

Это дело было передано для расследования Берии, который был в то время начальником ЦК Грузии. При допросе стрелявший заявил, что катер был с незнакомым номером, это показалось ему подозрительным, и он открыл стрельбу, хотя у него было достаточно времени все выяснить, пока мы находились на берегу бухты, и он не мог нас не видеть.

Все это был один клубок. Убийство Кирова, Менжинского, Куйбышева, а также упомянутые покушения были организованы правотроцкистским блоком".

Николай Сидорович не питал никакой любви не только к Ягоде, но и к Берии, поскольку с его и Маленкова происками связывал свой арест в

1952 году после проведенной ревизии сталинской обслуги (тогда выяснилось, что Власик обильно брал для собственных нужд коньяк и шампанское, икру и семгу и разные другие деликатесы, выписывавшиеся якобы для Сталина). И послушно повторял версию 1936-1938 годов, когда выстрелы у Гагр трактовались как покушение, организованное троцкистами и бухаринцами. Единственный факт, который бывший сталинский телохранитель передал верно, это то, что на допросах пограничники утверждали, будто катер вызвал подозрения и потому был обстрелян.

Документы расследования гагрского инцидента, цитируемые Николаем Зеньковичем, свидетельствуют, что все происшедшее квалифицировалось как недоразумение, когда "своя своих не познаша". При этом пограничники показали, что действовали по инструкции: "Катер со Сталиным, мол, отсутствовал в представленной им заявке на прохождение в охраняемой зоне". Командир пограничников Лавров заявил, что, "увидев движущийся незаявленный катер, пересекавший подведомственную зону, то есть погранзаставу "Пицунда", он сигналами повелел катеру пристать к берегу. А поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх".

Подобные объяснения выглядели вполне естественно в тех условиях. Не могли же Микеладзе, Лавров и другие пограничники и чекисты признаться в том, что устроили веселый пикник с девочками и спьяну решили покататься на катере. Версия же о том, что это была устроенная Берией инсценировка с целью повышения своей популярности у Сталина, не выдерживает никакой критики. Интересно, каким образом ему удалось уговорить Микеладзе принять участие в такого рода спектакле. Начальник ГПУ Абхазии должен был понимать, что за происшедшее его по головке не погладят, даже если в результате никто не пострадал. И Берия был совершенно прав, когда говорил Микеладзе, что тот еще легко отделался - простым понижением в должности (Лаврову пришлось хуже - дали пять лет). Но даже если бы Микеладзе заранее знал, что наказание этим ограничится, ему все равно не было бы никакого резона участвовать в столь опасной постановке. Да и Берии устраивать подобные игры не было никакого смысла. Хотя непосредственной ответственности за инцидент он не нес, часть вины все равно Иосиф Виссарионович мог возложить на главу грузинских коммунистов: как-никак, неприятность случилась на подведомственной ему территории. К тому же в случае инсценировки никто не стал бы выдавать попытку покушения за халатность, как это было сделано в ходе официального расследования. Тогда бы уж Лаврентию Павловичу логичнее было бы сделать так, чтобы покушавшиеся погибли в перестрелке. И никаких концов бы не осталось!

Подчеркну также, что ни осенью 1933 года, ни годом позже никаких драматических ускорений в карьере Берии не произошло. Нет ни малейшего признака, что именно после инцидента в Абхазии Сталин стал более благосклонно относиться к Лаврентию Павловичу.

В принципе происшествие под Гаграми стало следствием обычной советской халатности. О поездке Сталина на катере должны были вовремя оповестить пограничников и абхазских чекистов. Сделать это должен был тот же Власик и глава ГПУ Грузии Д.С. Киладзе

(расстрелян в 1937 году, так же как и Микеладзе и Лавров). Но оповестить-то как раз и было затруднительно, поскольку Микеладзе и Лавров в этот момент безмятежно пьянствовали на природе и на своих рабочих местах отсутствовали. А когда Власик в мемуарах рисует умильную картину, как он закрыл вождя своим телом, - это просто запоздалая попытка оправдать собственное разгильдяйство. Я таки уверен, что ни Власик, ни Берия тогда Сталина своей грудью от пуль не закрывали, тем более что ни одна из выпущенных в воздух пуль до катера так и не долетела.

Другое дело, что в 37-м, в период Великой чистки, когда всюду изыскивали врагов народа и раскрывали покушения на Сталина и других вождей, грех было не вспомнить стрельбу под Гаграми. И тогдашний глава НКВД Грузии С.А. Гоглидзе, в 53-м расстрелянный вместе с Берией, представил, наверняка с подачи Ежова, все происшедшее как теракт. Микеладзе арестовали, а Лаврова доставили в Тбилиси из лагеря, заставили признаться и расстреляли. Но всего этого осенью 33-го Лаврентий Павлович предвидеть, естественно, еще не мог. Потому вполне искренне утешал Микеладзе, что тот легко отделался.

Зачем же все-таки следователи Руденко и Москаленко в 1953 году так упорно старались приписать Берии инсценировку покушения на Сталина? Даже если бы это и было правдой, подобное деяние и под статью-то подвести было бы трудно. Разве что обвинить Лаврентия Павловича в мошенничестве? Полагаю, что сверхзадачей тут было попытаться объяснить как широким массам, так и номенклатуре, почему Берия оказался столь приближен к Сталину. Требовалось убедить народ, что Лаврентий Павлович пролез наверх путем всевозможных махинаций, а не за счет своих чекистских и организаторских талантов.

Был и еще один инцидент, в котором позднее заподозрили срежессированную Берией инсценировку. Летом 1937 года во время поездки в Сухуми он пережил покушение на свою жизнь. Лаврентий Павлович остановил машину на окраине города и вышел поразмяться. Вдруг из-за кустов выскочили трое неизвестных с пистолетами. Личный телохранитель Берии чекист Борис Михайлович Соколов успел закрыть его своим телом и тоже обнажил "вальтер". Им на помощь бежали водитель и секретарь Абхазской парторганизации. Бандиты образовались. У Соколова правая рука была прострелена четырьмя пулями, и его пришлось срочно доставить в больницу.

Соколов оказался не только преданным телохранителем, но и талантливым писателем. Уже во второй половине 50-х годов он написал детективный роман "Мы еще встретимся, полковник Кребс", который переиздается и сегодня. Кстати, этот роман - единственный в советской литературе, где матерый иностранный шпион - резидент британской разведки Кребс, хотя и раненный, но благополучно уходит от преследующих его чекистов. Но что самое интересное, в этом романе, похоже, описано знаменитое покушение на Берию. Только отнесено оно на десять лет назад, в 20-е годы, и Берия там, разумеется, не фигурирует. Зато герой, имеющий явные автобиографические черты, становится жертвой этого покушения и получает тяжелое ранение в руку, которую приходится ампутировать. Не знаю, действительно ли сам Соколов в результате покушения лишился руки, но ранение он, во всяком случае, получил тяжелое. Это само по себе подрывает

распространенную после ареста и казни Берии версию о том, что это покушение инсценировал сам Лаврентий Павлович, чтобы повысить свои акции в глазах Сталина. Однако обстоятельства покушения, как кажется, исключают инсценировку. Вряд ли бы Берия стал сознательно калечить своего телохранителя. И в любом случае пули пролетели рядом с Берией и вполне могли поразить и его, хотя бы за счет непредсказуемого рикошета. Скорее всего главу коммунистов Грузии тогда обстреляли либо абхазские противники Советской власти (как в романе Соколова), либо просто уголовные бандиты.

Признаем, что Берия был не только хорошим чекистом (со всем, что с этим словом связано дурного), но и хорошим хозяйственником. Кстати сказать, насчет коксовых установок, упоминавшихся в письме Кагановичу, Лаврентий Павлович был совершенно прав. Действительно, за рубежом давно уже их предпочитали строить вблизи угольных месторождений и предпочитали развивать коксохимию, а не сжигать ценный коксовый газ в качестве топлива. Характерно, что Берия не побоялся призвать брать пример с "передовых стран Запад". Очевидно, он вполне сознавал техническую отсталость России. Вполне возможно, что Лаврентий Павлович смог бы неплохо хозяйствовать не только в условиях жесткой советской административной системы, но и в условиях западной рыночной экономики. Как знать, не сложился ли бы по-другому его жизненный путь, если бы Берия все-таки отправился в начале 20-х учиться в Бельгию. Затем, быть может, стал бы невозвращенцем, занялся бизнесом, выбился в миллионеры, а то и в миллиардеры. Неслучайно же в 1953 году, войдя на короткое время членом высшего коллективного руководства страны, Берия ратовал за рыночные реформы.

Следует отметить, что финансовые трудности, равно как и трудности с выполнением плана государственных сельхозпоставок, оставались постоянным фоном пребывания Берии в Грузии и Закавказье. Задержки с выплатой зарплаты в 30-е годы были столь же обычным явлением в СССР, как и в России в 90-е. В конце 1936 года Лаврентий Павлович вновь писал Кагановичу: "Т. Лазарь Моисеевич! Как ни крутимся и прилагаем все силы, чтоб выйти из тяжёлого положения с финансами, дело у нас всё же плохо. У нас задолженность по зарплате, но очень большая, мы своими силами не вытянем. Почему так? 1) Товаров мало поступает в наш край. 2) Нет товаров для коммерческой продажи. Что касается сбора денресурсов, ты знаешь, что эта работа у меня поставлена хорошо, и во всём Союзе иду впереди всех. Отсутствие товаров нас режет. Нужно как-нибудь нам помочь. Всё я сделаю, но без помощи центра с зарплатой не справлюсь. По всем этим вопросам посылаю т. Тер-Габриэляна. Помоги нам. Привет. Лаврентий".

Об одном из источников относительного финансового благополучия Закавказья при Берии Ежов, как председатель КПК, 6 сентября 1936 года докладывал Сталину: "Дело с кредитованием Самтреста Грузии проверил. Вина Марьясина целиком подтверждается. Финансовая сторона дела такова. В начале 1936 года бывший председатель Госбанка Калманович незаконно кредитовал Самтрест Грузии в размере 22,5 миллионов рублей. Марьясин не только не принял никаких мер к понуждению Самтреста погасить банковскую задолженность, но, наоборот, неоднократно отсрочивал очередные платежи и производил дальнейшее совершенно незаконное и

неправильное кредитование Самтреста. Сверх 22,5 миллионов рублей... выдал ещё дополнительную ссуду в 5300 тысяч рублей. В результате такого широкого кредитования задолженность Самтреста Госбанку на 1-е февраля 1936 года составляла 77 миллионов рублей". Марьясин получил строгий выговор и был отстранён от руководства Госбанком. Берия же не пострадал. Можно предположить, что кредиты Грузии отпускались с одобрения Сталина, Молотова или Кагановича, а потом крайним сделали близкого к Пятакову Марьясина, который вскоре был репрессирован. Вряд ли одной только Грузии отпускались кредиты такого рода. Вероятно, дело о незаконном кредитовании Самтреста понадобилось как предлог для устранения очередного "врага народа".

Берия немало сделал для развития культа Сталина в Закавказье. Под его именем вышла книга по истории большевистских организаций в крае, где главные заслуги в борьбе с царизмом приписывались "великому кормчему". Об этой книге, вызвавшей одобрение Сталина, мы скажем дальше.

А вот издание Берией сборника ранних сталинских работ Иосифу Виссарионовичу не понравилось. 17 августа 1935 года он телеграфировал из Сочи Кагановичу, Ежову и Молотову: "Прошу запретить Заккрайкому за личной ответственностью Берия переиздание без моей санкции моих статей и брошюр периода 1905-1910 годов. Мотивы: изданы они неряшливо, цитаты из Ильича сплошь переврáны, исправить эти пробелы некому, кроме меня, я каждый раз отклонял просьбу Берия о переиздании без моего просмотра, но, несмотря на это, закавказцы бесцеремонно игнорируют мои протесты, ввиду чего категорический запрет ЦК о переиздании без моей санкции является единственным выходом. Копию решения ЦК пришлите мне".

Сталина, разумеется, не неточность заботила, а то, что его позиции тех лет по некоторым вопросам, упоминание в положительном контексте ряда имён не соответствовали политической конъюнктуре 30-х годов. Статьи надо было основательно почистить перед изданием, а услужливый Лаврентий, выпустив их в первозданном виде, поставил своего покровителя в неудобное положение. Но этот грех Иосиф Виссарионович Берии простил. Тем более что тот активно занялся большим и нужным делом: организацией музея Сталина в Гори.

Об этом музее в 1934 году Заккрайком принял специальное постановление. На родине вождя предполагалось не только отреставрировать дом-музей, но и выстроить рядом кинотеатр, драматический театр, библиотеку, гостиницу и дом колхозника. Приехавшая в Грузию в сентябре 35-го инструктор ЦК ВКП(б) Г.А. Штернберг докладывала Кагановичу: "В день приезда в Тифлис, 16-го, состоялось мое первое свидание с тов. Берия, который в общих чертах ознакомил меня с тем, что намечается в деле благоустройства и реконструкции Гори.

Основные положения по данному вопросу нашли уже отражение в постановлении Заккрайкома (№ 11, от 3/X - 34 г.). Указанным постановлением поручается специалистам составить в 21 /2 месяца проекты и сметы по постройке театра, кино, гостиницы, дома крестьянина, библиотеки-читальни и по работам реставрации дома, в котором жил тов. Сталин. Одновременно с этим же постановлением решено построить заводы известковый и кирпичный для данного строительства и отпустить на приступ к работе 300 тыс. рублей...

Особым вопросом является реставрация исторического дома, или, вернее, домика, где жил тов. Сталин... Я не могла не сделать упрека местной организации в том, что я не нашла следов заботливого ухода за этим домом...

Совершенно правильно поднят вопрос т. Берия и отдельными товарищами из районной парторганизации в Гори о необходимости, в связи с реконструкцией района, где жил товарищ Сталин, выселить 40-50 семей, построив для переселения выселяемых 2 жилых дома по 20 квартир в каждом доме. Это, в сущности, вопрос дополнительных 400-500 тысяч рублей (в 1934 году весь бюджет города Гори составлял 907 тысяч рублей. - Б. С.). Но совершенно независимо от источника ассигнований потребной суммы, постройку этих домов необходимо осуществить, с тем чтобы выселенные почувствовали бы улучшение своих условий в связи с общей реконструкцией района и реставрацией дома, где жил Великий Сталин.

Накануне отъезда я вновь была у т. Берия, который сказал мне о своем намерении выехать в Москву, где он собирается уточнить с Вами отдельные вопросы и наиболее важные моменты по делу реконструкции Гори".

Во время той поездки Штернберг завязалась интрига вокруг книги Берии "К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья" (1935). Вернувшись в Москву, инструктор 10 апреля 1936 года написала заявление в КПК, где утверждала, что супруги Сеф и Янушевская в беседе с ней жаловались, что в действительности эту книгу написал не Берия, а Сеф. Позднее, в сентябре 1936 года, она так изложила обстоятельства появления на свет крамольных высказываний: "... В беседе со мной по вопросу о книге т. Берия... Янушевская в довольно откровенной форме дала понять, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. Эта постановка вопроса заставила меня насторожиться. По приезде в Москву в беседе с т. Райской М.Я., членом партии с 1918 года... о книге т. Берия, она мне также сказала, что книга т. Берия - это результат работы Сефа. Эту антипартийную болтовню мне удалось узнать из двух источников в Тифлисе и Москве, и для меня совершенно ясно, что эти разговоры значительно шире". Штернберг указала, что и С.Е. Сеф, и Л.П. Янушевская были участниками ленинградской зиновьевской оппозиции, и разразилась гневной филиппикой: "Считаю эти разговоры антипартийными, злостной клеветой на лучшего ученика т. Сталина т. Берия. Мной об этих разговорах было подано заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б) т. Ежова в апреле или марте 1936 года и тов. Шацкой - инструктору ОРПО я об этом сказала значительно раньше (сейчас же по приезде)". В апрельском заявлении этот пассаж звучал немного иначе: "Считаю, что Сеф, сохранивший себя в рядах нашей партии, до настоящего времени продолжает свою гнусную работу и клевещет на одного из учеников т. Сталина т. Берия". В августе - сентябре 1936 года партколлегия КПК по Закавказью разбирала дело об "антипартийной болтовне" Сефа и Янушевской и, судя по всему, исключила их из партии.

Забегая вперёд, скажу, что, вероятно, высказывания Сефа да дело о финансовых послаблениях, сделанных Марьясиным Берии, были единственным серьёзным компроматом, которым располагал Ежов против Лаврентия Павловича в 38-м, когда того назначили в НКВД. Но история с кредитом была не оригинальна, поскольку все партийные

руководители на местах пытались выбить в Москве средства для своих регионов. Главное же, здесь больше был виноват не Берия, а ежовский собутыльник Марьясин. Идти со всем этим к Сталину было бы просто несерьёзно. Дружбу с оппозиционерами Шляпниковым, Пятаковым и Марьясиным Ежову как раз и вменили в вину после ареста, на следствии. Что же касается случая с Сефом, то спичрайтеры были если не у всех, то у многих партийных руководителей. Книга Берии, судя по всему, была продуктом коллективного творчества. На следствии в 1953 году Лаврентия Павловича обвинили в плагиате уже по отношению к бывшему заведующим отделом агитации Закавказского крайкома Эрика Бедии.

В 36-м эпизод с книгой по истории большевистских организаций в Закавказье закончился для Берии без каких-либо отрицательных последствий. 22 октября 1936 года член Партколлегии КПК по Закавказью Горячев докладывал главе КПК Ежову: "Согласно решению Бюро Заккрайкома ВКП(б) от 29 VIII - 36 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) по Закавказью разбирает дело Сефа Семена Ефимовича, члена КП(б) с 1919 г., и его жены Янушевской Людмилы Павловны, члена КП(б) по обвинению их в антипартийной болтовне, выражавшейся в том, что в разговоре с б. инструктором ОРПО ВКП(б) т. Штернберг (ныне парторг "Минусазолото", член ВКП(б) с 1919 г.) Янушевская и Сеф заявили, что книга тов. Берия "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" является работой Сефа.

В своем заявлении в Партколлегию по Закавказью т. Штернберг утверждает, что Янушевская, будучи в Москве, в беседе с членом КП(б) с 1918 г. т. Райской М.Я. (зав. китайским сектором Ленинской школы при Коминтерне в Москве) также сказала, что книга тов. Берия - это разработка Сефа.

В этом же заявлении т. Штернберг сообщает, что об этих разговорах ею было подано заявление на Ваше имя в апреле и марте 1936 г. и поставила об этом в известность инструктора ОРПО ЦК ВКП(б) т. Шацкую.

На наш запрос т. Шацкая сообщила, что т. Штернберг действительно поставила ее в известность об этой антипартийной болтовне, которую с Штернберг вели Сеф и Янушевская. Т. Штернберг же в заявлении на имя Партколлегии по Закавказью указывает, что эту болтовню с ней вела только Янушевская.

Сообщая о вышеизложенном, прошу поручить опросить тт. Райскую и Шацкую, уточнив, кто вел эту болтовню с Штернберг, Сеф или Янушевская, и протоколы опроса обеих вместе с заявлением Штернберг на Ваше имя, поданное в марте и апреле 1936 г.".

Шацкая, в свою очередь, написала заявление на имя члена Партколлегии по Закавказью Кудрявцева: "По твоей просьбе сообщаю все, что знаю о разговоре т.т. Сефа и Штернберг, Янушевской и Штернберг.

В марте или апреле этого года ко мне на работу в ЦК зашли т. Штернберг, член ВКП(б), бывший инструктор ОРПО ЦК ВКП(б), и в разговоре заявила мне, что считает возмутительным разговоры Янушевской и Сефа о том, что книгу тов. Берия будто бы готовил Сеф. Тут же Штернберг сказала, что Сеф бывший оппозиционер (я лично т. Сефа не знаю и никогда его не видела).

Я посоветовала т. Штернберг написать об этом в Заккрайком и, будучи сама в Тифлисе, вспомнила свой разговор со Штернберг и спросила тебя, получено ли какое-нибудь заявление крайкомом. Ты ответил отрицательно, а затем через несколько дней после моего возвращения в Москву получила от тебя телеграмму с извещением, что Сеф категорически все отрицает, и ты просишь меня написать, что я и делаю".

Горячеву и другому члену Партколлегии по Закавказью Вацену написала письмо и сама Штернберг (оно поступило адресату 19 октября): "В ответ на ваше отношение... от 14/IX - 1936 г.... считаю необходимым сообщить следующее:

Будучи в командировке в Тифлисе в последних числах сентября 1935 года (в связи с вопросом о реконструкции Гори и создании там сталинского музея. - Б. С.), я была у т. т. Сефа и Янушевской и в беседе со мной по вопросу о книге тов. Берия "По вопросу об истории большевистских организаций Закавказья" Янушевская в довольно откровенной форме дала понять, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. Эта постановка вопроса заставила меня насторожиться.

По приезде в Москву в беседе с т. Райской М.Я., членом партии с 1918 г. (Зав. китайским сектором Ленинской школы в Москве) о книге т. Берия, она мне сказала, что Янушевская, будучи в Москве, ей также сказала, что книга т. Берия - это результат работы Сефа. Эту антипартийную болтовню мне удалось узнать из двух источников в Тифлисе, Москве, и для меня совершенно ясно, что эти разговоры значительно шире.

Сеф член ВКП(б), б. эсер, был в ленинградской оппозиции и в 1926 г. выслан из Ленинграда;

Янушевская член ВКП(б), также была в ленинградской оппозиции и в свое время выслана.

Считаю эти разговоры антипартийными, злостной клеветой на лучшего ученика т. Сталина т. Берия. Мной об этих разговорах было подано заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б) т. Ежова в апреле или марте 1936 года и тов. Шацкой - инструктору ОРПО я сказала значительно раньше (сейчас же по приезде).

Примечание: Подавая заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б), я не считала возможным в свое время послать копию в Закавказский крайком...

Парторг "Минусазолото", член ВКП(б) с 1919 г. Штернберг".

Ранее секретарь Закавказской контрольной комиссии Кудрявцев направил письмо в Особый сектор ЦК ВКП(б) И.И. Шапиро, который был по совместительству помощником Ежова: "По сообщению тов. Шацкой - инструктора ОРПО ЦК ВКП(б) в апреле 1936 года бывшим работником ЦК ВКП(б) тов. Штернберг было подано вам заявление об антипартийной болтовне работника Закпарторганизации тов. Сефа по поводу книги тов. Берия "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". В связи с расследованием этого дела Заккрайкомом ВКП(б) прошу Вас, если можно, прислать копию заявления тов. Штенберга (так в документе. - Б. С.) или сообщить результаты заявления тов. Штенберга".

На этом письме Ежов 16 августа наложил резолюцию: "Дать материал мне".

И первое заявление Штернберг, датированное 10 апреля 1936 года, тотчас нашлось. Оно гласило: "Считаю необходимым довести до вашего сведения следующее:

Будучи в командировке в Тифлисе, при встрече с Янушевской Л. - членом партии (женой Сефа) последняя мне заявила при разговоре о докладе и книги т. Берия, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. И дальше после этого уже в Москве при разговоре с т. Райской (членом ВКП(б)) я узнала, что Янушевская и т. Райской говорила, что доклад т. Берия является результатом трудов Сефа.

Сэф был эсер, активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы в 1926 г. в Ленинграде, сослан из Ленинграда в 1926 г.

Янушевская Л., жена его, также была в этой контрреволюционной группе и также выслана из Ленинграда в 1926 г. Сейчас эти люди, которые активно боролись против нашей партии, распространяют клевету, что он, Сеф, освещает историю нашей партии и одной из организаций, выращенной непосредственно тов. Сталиным.

Считаю, что Сеф, сохранивший себя в рядах нашей партии, до настоящего времени продолжает свою гнусную работу и клевещет на одного из учеников т. Сталина т. Берия.

Полагаю, что эта клевета имеет организованный характер, так как я одна имела возможность слышать эту клевету из двух источников".

Штернберг явно находилась под сильным влиянием Берии, в свое время поразившего ее проектом реставрации сталинского домика Гори и превращения родины вождя в настоящий международный туристический центр. Ее первое заявление было неприкрытым доносом против бывшего оппозиционера Сефа, посмевшего покуситься на авторитет верного ученика Сталина. Но простодушная Штернберг (простодушие замечательно сочеталось с подлостью) на этот раз просчиталась. Рассчитывая защитить Лаврентия Павловича от наветов Сефа, она невольно оказала ему медвежью услугу. Ежов сразу сообразил, что дыма без огня не бывает, что вряд ли жена Сефа вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать каждому встречному-поперечному, что ее муж, а вовсе не Берия, создал эпохальный труд "К истории большевистских организаций Закавказья". В те годы партийные вожди первого ряда еще сами писали собственные доклады и статьи. Хотя вожди второго ряда - секретари обкомов и республиканских парторганизаций уже начинали пользоваться услугами спичрайтеров. Дальше мы увидим, что бериевский доклад был плодом коллективного творчества. Но Лаврентий Павлович как раз стремился пробиться в первый ряд вождей - тех, чьи портреты несут на московских демонстрациях. И то, что его уличат в присвоении авторства не им написанного текста, было серьезной угрозой.

Вероятно, Ежов сразу оценил значение компромата против одного из наиболее видных региональных руководителей и сосредоточил все материалы об "антипартийной болтовне" Сефа и Янушевской в своих руках. Характерно, что второе заявление Штернберг, написанное в октябре 1936 года, уже куда более спокойное по отношению к Сефу и его жене. Может быть, ей дали понять, что надо немного умерить пыл. Ежову-то важнее было не осудить чересчур разговорчивого спичрайтера, а держать на крючке главу Заккрайкома. Но тогда дело

Сефа и Янушевской своего развития не получило. Берия находился в явном фаворе у Сталина, а Ежов, только что, 26 сентября 1936 года, назначенный наркомом внутренних дел, еще не видел в Берии опасного для себя человека. Эх, знал бы Николай Иванович где упасть, соломки бы подстелил!

Пока все закончилось печально только для Сефа. Ранее, после высылки из Ленинграда, Семен Ефимович публично осудил свои прежние оппозиционные взгляды и продолжал относительно успешную карьеру. В 1927-1930 годах он - редактор закавказской краевой газеты, в 1930-1932 годах - заведующий культпропагандистским отделом Фрунзенского райкома Москвы, в 1932-1933 годах - заместитель директора Института красной профессуры. Затем Сеф возвращается в Закавказье. В 1933-1934 годах он - заведующий кульпропагандистским отделом Закавказского крайкома, а в 1934-1935 годах - второй секретарь Бакинского горкома партии. В это время отношения Берии и его спичрайтера по какой-то причине разладились, и в карьере Сефа произошел слом. Его перебрасывают с партийной работы на гораздо менее престижную хозяйственную. В 1935-1936 годах он - председатель Закавказского Союза потребкооперации, а в апреле 1936 года его назначили уполномоченным наркомата легкой промышленности при Совнаркоме Закавказской Федерации. Вероятно, это назначение никак не было связано с заявлением Штернберг, датированным 10 апреля 1936 года. Ведь ему был дан ход только в августе - сентябре. А вот какой-то конфликт, происшедший между Берией и Сефом в 1935 году, по всей вероятности подвигнул обиженного Семена Ефимовича и особенно его супругу, переживавшую за карьеру мужа, к неосторожным разговорам. Мол, Лаврентий Павлович попользовался плодами чужого труда, а теперь сплавил Семена Ефимовича на протребкооперацию. В общем, поматросил и бросил. Эти разговоры услышала Штернберг, которая как раз тогда побывала в Тифлисе. И, пусть с опозданием, но решилась написать донос. Последствия же для Семена Ефимовича оказались трагическими.

Семена Ефимовича сняли с работы, исключили из партии, а в 1937 году арестовали и расстреляли (при Хрущеве реабилитировали). О судьбе Людмилы Павловны Янушевской у меня сведений нет. Скорее всего ее арестовали вместе с мужем, но, как члена семьи "врага народа", могли не расстрелять, а отправить в лагерь. Неизвестно, дожила ли она до реабилитации.

Замечу, что по своей номенклатурной должности - уполномоченный наркомата легкой промышленности по Закавказью Сеф вовсе не обязательно подлежал репрессиям. Правда, его и его жены участие в зиновьевской оппозиции оставляло им немного шансов уцелеть. Бывшие оппозиционеры репрессировались в первую очередь.

В Закавказье Лаврентий Павлович принял активное участие в терроре 1937-1938 годов, широко применял санкционированное Ежовым и Сталиным избиение подследственных. На февральско-мартовском пленуме 1937 года он сообщил, что только за последний год в Грузию вернулось почти полторы тысяч меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, причём "за исключением отдельных единиц, большинство из возвращающихся остаётся врагами Советской власти, является лицами, которые организуют контрреволюционную

вредительскую, шпионскую, диверсионную работу... Мы знаем, что с ними нужно поступить как с врагами".

А 17 июля 1937 года Лаврентий Павлович докладывал Сталину о разоблачении очередного "заговора": "В Аджарии раскрыта контрреволюционная организация, связанная с турецкой разведкой и ставящая своей целью присоединение Аджарии к Турции. Организация вербовала себе сторонников и последователей в деревнях Аджарии, увязывая свою работу с эмигрантскими элементами, находящимися в Турции. Показаниями почти всех арестованных председатель ЦИК Аджарии Лордкипанидзе Зекерий изобличается в том, что он является руководителем этой контрреволюционной организации и связан с турецким консулом в Батуми и турецкой разведкой. Прошу санкционировать его арест. В настоящее время Лордкипанидзе находится под наблюдением для предотвращения возможного бегства за границу. В ближайшие дни представлю кандидатуру аджарца на пост председателя ЦИК Аджарии". Сталин оставил резолюцию: "Т. Берия! ЦК санкционирует арест Лордкипанидзе". Ясно, что ни с каким ЦК он не советовался, а единолично решил судьбу несчастного Закерии, который ни с какой разведкой связан не был, а от аджарских эмигрантов мог ждать только смерти. Но она настигла Лордкипанидзе от рук "своих".

В Грузии Берия как глава местной парторганизации творил то же самое, что в 1937-1938 годах творили по всей стране другие секретари обкомов и республиканских парторганизаций, ничем особенным не отличаясь ни в лучшую, ни в худшую сторону. Тем более что контрольные цифры, сколько расстреливать, а сколько сажать, задавались из Москвы. Самодеятельность же местных чекистов и партсекретарей, равно как и прокуроров, составлявших на местах Особые тройки, была очень ограничена и распространялась лишь на самые низшие ступени номенклатуры. Сколько именно невинных душ загубил тогда Лаврентий Павлович в Грузии, данных нет, точно так же, как нет раскладки числа расстрелянных по другим областям и республикам. Конечно, местный секретарь, получив общую директиву из центра репрессировать всех бывших акционеров, дворян, поляков, кулаков и иные неблагонадежные категории населения, мог кого-то из списка кандидатов в ГУЛАГ или на расстрел изъять, хотя и рисковал, что в будущем его обвинят в том, что покрывает врагов народа. Можно было, конечно, и добавить кого-то, если только кандидат на пулю занимал не слишком видное положение и его казнь не требовалось согласовывать с Москвой. Тех же Бедию или Сефа, например, Берия при желании вполне мог добавить в список обреченных на смерть. Но не исключено, что они попали туда и без его участия, просто как бывшие оппозиционеры. А уж Лаврентий Павлович, даже если бы узнал об этом, наверняка не проявил бы никаких стараний, чтобы спасти от "вышки" болтунов-спичрайтеров.

Сколько именно людей отправил на смерть Берия в Грузии, повторяю, пока точно неизвестно. Учитывая общую численность населения СССР в тот момент - около 170 млн. человек, и численность населения Грузии - около 3,5 млн. человек, можно предположить, из общего числа 682 тысяч человек, расстрелянных по политическим мотивам в 1937-1938 годах, на долю возглавлявшейся Берией республики придется около 9,6 тысяч человек. Но это только в том

случае, если допустить, что репрессии распределялись по территории страны абсолютно равномерно. Между тем, несомненно, что по крайней мере в столицах, Москве и Ленинграде концентрация расстрелов была значительно выше - ведь здесь отстреливали не только местную, но и общесоюзную. С учетом этого реальное число казненных в Грузии могло быть на 2-3 тысячи меньше, достигая 6-7 тысяч человек. Примерно такая норма осужденных на смерть - несколько тысяч человек была де-факто установлена для секретарей обкомов и большинства республик, занимавших свои посты в 1937-1938 годах. Только для Москвы и Ленинграда, а также такой крупной республики, как Украина, она достигала уже нескольких десятков тысяч казненных. При этом выполнение нормы само по себе отнюдь не давало гарантии на то, что соответствующий чиновник уцелеет.

УБИВАЛ ЛИ БЕРИЯ? ДЕЛО ХАНДЖЯНА

Да, Берия тогда, в Грузии, и позднее, в Москве, отправил на тот свет тысячи и тысячи людей. Но убивал он их, разумеется, не лично, а подписывал сверхсекретный расстрельный список или просто отдавал словесный приказ, без номера. Впрочем, убийство по крайней мере одного человека приписали лично Берии. Будто бы Лаврентий Павлович в своем собственном кабинете застрелил первого секретаря компартии Армении Агаси Гевондовича Ханджяна. Но обстоятельства этого дело заставляют очень сильно сомневаться в том, что последний умер насильственной смертью. Да и обвинения в убийстве Ханджяна предъявили Берии лишь почти три года спустя после ареста и казни, когда Лаврентий Павлович ни подтвердить, ни опровергнуть их уже не мог.

Вот как выглядит дело в записке заместителя председателя КПК П.Т. Комарова в ЦК КПСС от 8 февраля 1956 года: "Решением Президиума ЦК от 17 января 1956 г. Ханджян А.Г. ... реабилитирован (посмертно) (в предложении о реабилитации генеральный прокурор Р.А. Руденко утверждал, что "расправу над Ханджяном" учинили Берия и его приспешники. - Б. С.).

Главной военной прокуратурой в 1955 г. производилась проверка заявлений матери Ханджяна - Ханджян Т.С., которая отвергала версию об обстоятельствах гибели сына, считая его убитым.

О факте гибели Ханджяна А.Г. имеется официальное извещение Заккрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) Армении, опубликованное 11 июля 1936 г. в печати, согласно которому Ханджян покончил жизнь самоубийством, якобы на квартире в г. Тбилиси около 9 час. вечера 9 июля 1936 г. путем выстрела из револьвера. В сообщении акт самоубийства связывался якобы с политическими ошибками Ханджяна. Политические обвинения против Ханджяна в настоящее время полностью отпали и являются нечем иным, как прикрытием факта гибели Ханджяна.

Как видно из имеющихся материалов, обстоятельства гибели Ханджяна в полагающемся законом порядке в свое время не были расследованы, а оружие, из которого был сделан выстрел, не было установлено.

По показаниям лиц, охранявших Ханджяна, последний между 7 и 8 час. вечера был обнаружен лежащим в своей комнате на кровати с

огнестрельной раной в голову. Между тем на Тбилисской станции скорой помощи вызов к Ханджяну зарегистрирован в 9 час. 25 мин., и пострадавший доставлен в больницу в 10 час. 25 мин. вечера.

После консилиума врачей Ханджян оперирован в 1 час. 30 мин. утра 10 июля 1936 г., и затем он умер, о чем имеется запись в операционном журнале. В то же время в акте вскрытия трупа Ханджяна от 10 июля 1936 г. указано, что он умер 9 июля 1936 года. История болезни Ханджяна в больнице не обнаружена, хотя на всех больных того периода они имеются (она могла быть изъята впоследствии из-за политического характера дела о самоубийстве Ханджяна; все-таки не каждый день в тбилисской горбольнице умирали столь высокопоставленные чиновники. - Б. С.). Указанные данные дают основание для предположения, что могла быть произведена фикция операции над трупом.

В больнице скорой помощи, куда был доставлен Ханджян, по имеющимся данным, находились Берия, Агрба, наркомздрав Грузии Мамаладзе, прокурор республики Вардзиели и главный врач больницы Киршенблат. Следует отметить, что Агрба, Мамаладзе и Вардзиели в 1937-1938 гг. были осуждены и расстреляны, а Киршенблат, осужденный к 10 годам лишения свободы, был расстрелян в феврале 1938 г. в Полтавской тюрьме по постановлению тройки УНКВД без всяких на то оснований. Охранники Саноян и Мкртчян арестовывались после смерти Ханджяна и освобождены через 1,5 месяца.

Акт вскрытия трупа Ханджяна был произведен не судебным экспертом-врачом, а паталогоанатомом Джорбенадзе. Указанный акт в 1955 г. Главной военной прокуратурой был направлен судебно-медицинским экспертам. Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны проф. Авдеев М.А. дал заключение, что обнаруженная, согласно записи в акте, у Ханджяна на голове огнестрельная рана не могла быть нанесена выстрелом из пистолета "Лигнозе" калибра 6,35 (который имелся у Ханджяна), а нанесена она пулей револьвера калибра не менее 7,5 мм. В извещении Заккрайкома ВКП(б) было указано, что Ханджян застрелился из револьвера (а не пистолета).

В момент гибели Ханджяна в Заккрайкоме ВКП(б) в гор. Тбилиси находилась тройка КПК при ЦК ВКП(б) в составе председателя Короткова И.И. (умершего несколько лет тому назад), партследователя т. Ивановой и третий член тройки не установлен, но, по заявлению Ивановой, им был Синайский-Михайлов.

В своем заявлении в КПК и в показаниях, данных Главной военной прокуратуре, тов. Иванова сообщает, что 9 июля 1936 г. вечером она, Коротков и Синайский работали в здании Заккрайкома ВКП(б). Вдруг в кабинете Берия раздались 2 выстрела. Тов. Коротков бросился в кабинет Берия и долго там задержался. Не дождавшись Короткова, Иванова и третий член парттройки ушли в гостиницу, куда позже вернулся и Коротков. На расспросы Ивановой Коротков ответил, что "произошло ужасное", о чем будет известно завтра. На другой день утром они в газетах прочитали извещение о самоубийстве Ханджяна, и Коротков тогда заявил: "Иезуит Берия убил Ханджяна". Предложение Ивановой немедленно сообщить об этом в Москву Коротков отклонил, также запретил и ей делать это, сказав, что "история разберется". 11 или 12 июля 1936 г. они поездом выехали в Москву. В купе вагона

Коротков, любивший рисовать, на бумаге нарисовал кабинет Берия, где на ковре лежал окровавленный Ханджян. Иванова этот рисунок уничтожила. Она предполагает, что Коротков, бывший очевидцем этого происшествия, изобразил на бумаге представившуюся ему в кабинете Берия картину.

Сообщение Ивановой об убийстве Ханджяна в здании Заккрайкома находит подтверждение в таком факте: маляр Гаспарян, ремонтировавший дом, расположенный напротив квартиры Ханджяна, 9 июля 1936 г. вечером услышал выстрел и, выйдя на балкон, увидел, как от подъезда дома, где была квартира Ханджяна, отъехала автомашина Берия.

Отсюда возникает версия, что Ханджян, застреленный в кабинете Берия, был доставлен на машине последнего на квартиру последнего, в квартиру и с целью инсценировки самоубийства был произведен выстрел. Через несколько минут Берия позвонил по телефону Ханджяну, и вошедший по этому звонку в комнату Ханджяна охранник Саноян обнаружил лежащего на постели окровавленного Ханджяна. Осмотром на месте бывшей квартиры Ханджяна установлено, что в его комнату имелся второй вход с лестничной клетки, минуя переднюю и комнату обслуживающего персонала, через комнату, которую тогда занимали Аматуни и Гулоян.

Как показала жена т. Ханджяна т. Винзберг Роза и охранник Саноян, Ханджян, уезжая 8 июля 1936 г. из Еревана в Тбилиси, взял с собой принадлежащий ему пистолет "Лигнозе" малого калибра, другого оружия с собой он не брал. Кроме того, Ханджян сказал ей, что в Тбилиси решительно поставит вопрос об освобождении его от работы в Армении ввиду травли со стороны Берия, и если ему откажут, то проедет далее в Москву, для чего взял с собой необходимые вещи. Таким образом, при выезде из Еревана у Ханджяна мысли о самоубийстве не было.

В ходе проверки главный судебно-медицинский проф. Авдеев М.А. высказал мнение о желательности эксгумирования черепа Ханджяна с проведением тщательного исследования.

Главной военной прокуратурой в период проверки были получены показания от Дэнуни Д.М. и Манукяна, проживающих в Ереване, о том, что, будучи арестованы в 1937 г., они находились во внутренней тюрьме НКВД Армении в одной камере вместе с арестованным профессором-хирургом Мирза-Аваковым, который в их присутствии, а также Вартаняна Григора и Карагезяна, рассказал о действительной причине его ареста. Как он заявил, в 1936 г., когда тело Ханджяна привезли в Ереван, Мирза Авакова вызвали для осмотра трупа; осмотрев голову Ханджяна, он обнаружил рану с левой стороны выше виска и что выстрел произведен с дальнего расстояния, в связи с чем Мирза-Аваков пришел к выводу, что Ханджян был убит, а не покончил самоубийством. О своем мнении Мирза-Аваков говорил Вартаняну Сергею и Манвеляну, и кто-то на него донес.

Как установлено в настоящее время Прокуратурой СССР, Мирза-Аваков числится "умершим в тюрьме", в настоящее время он посмертно реабилитирован".

Члены Президиума ЦК единогласно одобрили записку Комарова, содержавшую версию о том, что коварный Берия собственноручно расправился с героем-мучеником Ханджяном. Однако включить этот

эпизод в доклад Хрущева XX съезду с разоблачением культа личности Сталина все же не рискнули. Ведь при ближайшем рассмотрении версия об убийстве Ханджяна оказывалась шита белыми нитками и вряд ли бы убедила в виновности Берии человека, хоть сколько-нибудь знакомого с перипетиями внутрипартийной борьбы 20-х годов и особенностями Большого Террора 30-х.

В записке Комарова всячески подчеркивалось, что почти все люди, причастные к делу о "самоубийстве" Ханджяна, умерли не своей смертью. Берия, мол, убирал свидетелей. Но человек, помнивший Великую чистку, сразу бы догадался, что люди, занимавшие такие номенклатурные должности, как прокурор Грузии или нарком здравоохранения республики, да еще принадлежавшие к старым большевикам, и без всякого участия Лаврентия Павловича имели очень мало шансов уцелеть. Что же касается доктора Киршенблата, то на его расстрел тройкой НКВД в Полтаве в феврале 1938 года Берия вообще повлиять никак не мог. Тогда НКВД возглавляли Ежов и Фриновский. У последнего же отношения с Лаврентием Павловичем были напряженными еще по совместной работе в Закавказье. Неужели стал бы Берия просить Ежова или Фриновского обязательно ликвидировать мало кому известного узника Полтавской тюрьмы как опасного свидетеля?

Обстоятельства же будто бы происшедшего убийства Ханджяна вообще выглядят сплошной фантазией. Не настолько горяч был Лаврентий Павлович, чтобы в пылу полемики застрелить оппонента в собственном служебном кабинете, да еще в тот момент, когда в соседней комнате работала комиссия КПК. Опытный чекист Берия, будь на то острая необходимость, организовал бы убийство главы армянских коммунистов поэлегантнее, замаскировав его под несчастный случай, и уж, конечно же, не в своем служебном кабинете и не своими руками.

Настораживает и то, что в записке Комарова почти все ссылки на прямых очевидцев преступления относятся к людям уже умершим к тому моменту, когда партийные органы и Главная военная прокуратура начали расследовать обстоятельства смерти Ханджяна. А уж версия с переноской трупа из здания Закавказского крайкома на квартиру Ханджяна выглядит как сцена из плохого боевика. Каким образом, интересно, Берия и его люди могли бы бесшумно затащить бездыханное тело в квартиру, так, чтобы это не услышали ханджяновские охранники. Как могли бы Саноян и Мкртчян не услышать, что к дому подъехала автомашина, тем более что автомобилей в Тбилиси тогда было раз два и обчелся. А если бы услышали и выглянули в окно, то стали бы опасными свидетелями, которых бы Берия постарался уничтожить при первой возможности, хотя бы тогда, когда сам возглавил НКВД. Бывшие же ханджяновские охранники благополучно пережили Лаврентия Павловича.

Предположение, будто для проникновения в комнату Ханджяна бериевские подручные воспользовались не комнатой охраны, а другой комнатой, где квартировали секретари армянского ЦК Аматуни и Гулоян, тоже не выдерживает критики. Получается, что тогда пришлось бы посвящать в столь щекотливые обстоятельства еще двух человек, один из которых к тому же стал преемником Ханджяна во главе коммунистов Армении.

Остается предположить, что чекисты забросили труп Ханджяна через окно, а Лаврентий Павлович командовал: "Давай, заноси! Осторожно, не кантовать!"

Странно и то, что в записке Комарова не было никаких цитат из медицинских заключений. Невозможно понять, на каком основании эксперты приходили к выводу о калибре оружия, от которого наступила смерть Ханджяна. Судя по всему тогда, в 36-м, контрольного отстрела из принадлежащего Агаси Гевондовичу "Лигнозе" не производилось. Однако это вовсе не означает, что несчастный не мог застрелиться из собственного оружия. Газетное сообщение, что Ханджян застрелился именно из револьвера, а не из пистолета, ничего не значит. По традиции в России и в СССР вплоть до Второй мировой войны все пистолеты назывались револьверами. К тому же нельзя исключить, что Ханджян в действительности застрелился не из собственного оружия, а попросил у охранника или у кого-то из знакомых вместо дамского "Лигнозе" более надежный револьвер. Эксгумация черепа Ханджяна так и не была произведена. Акт вскрытия 1936 года и его экспертиза 1955 года никогда не публиковались, и даже нет уверенности, что они сохранились. Так что вряд ли мы когда-нибудь узнаем точно, из пистолета или из револьвера застрелился глава армянских коммунистов. Утверждение же, что выстрел в Ханджяна был произведен не в упор, а с некоторого расстояния, основано лишь на показаниях свидетелей со слов давно умершего к 1955 году человека.

Стоит также помнить, что и в советские времена и теперь эксперты у нас очень склонны находить именно то, что от них ждет следствие. А в деле Ханджяна, как мы увидим дальше, и прокуратуру, и руководство партии гораздо больше устраивал не вариант с самоубийством того, кого собирались реабилитировать, а его убийство "злодеем Берией".

Эпопея же с комиссией КПК выглядит прямо-таки как волшебная сказка. Из трех ее членов реальным выглядит только Иван Иванович Коротков, 1885 года рождения, член партии с 1905 года, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1934-1939 годах. Некая Иванова в сообщении Комарова - абсолютно анонимна. Нет ни инициалов, ни года вступления в партию. Зато она сообщает не только очень устраивающие следствие подробности со слов Короткова, но и сама утверждает, что слышала из кабинета Берии не один, а два выстрела. Тем самым как бы опровергалась возможность, что Ханджян мог застрелиться в кабинете в присутствии Берии: дважды подряд в себя самоубийцы обычно не стреляют. О третьем члене комиссии - Синайском-Михайлове в записке тоже ничего не говорится. Жив он, умер? Коротков же, со слов Ивановой, ведет себя более чем странно. Он прямо говорит своим коллегам, что Ханджяна убил "иезуит Берия", даже рисует, как именно это произошло, но категорически отказывается сообщить об этом в Москву (а что кто-то из товарищей, которым он проболтался, донесет, выходит, не боялся!). Но если бы все происходило так, как описала Иванова, Коротков становился опаснейшим для Берии свидетелем, которого Лаврентий Павлович должен был бы постараться убрать при первой возможности. И возможность, кстати сказать, была. Ведь Иван Иванович работал под непосредственным руководством Ежова как председателя КПК. Арестовывать Ежова выпало Берии. Если бы захотел, Лаврентий Павлович вполне мог бы присоединить Короткова к делу Ежова как

одного из активных проводников репрессий по партийной линии и расстрелять в ускоренном порядке по приговору Особого совещания. Не такая уж большая сошка был Иван Иванович, чтобы санкцию на его арест и расстрел надо было спрашивать у Сталина. Но никаким преследованиям Коротков не подвергся. Из КПК ему, правда, пришлось уйти, как бывшему подчиненному Ежова. В 1939-1944 годах он был директором... чего вы думаете? - Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Затем вышел на пенсию и тихо умер в Москве в 1949 году. Столь благополучная судьба в те суровые годы - косвенное доказательство того, что на самом деле Коротков не видел ничего того, что ему приписала Иванова. И Берия его, равно как и Ханджяна, никогда не собирался убивать.

Также бывший чекист Сурен Газарян, прошедший колымские лагеря и винивший в своих злоключениях Берию, подробно коснулся в своих мемуарах обстоятельств гибели Ханджяна. И тут всплывают некоторые любопытные детали: "Секретарь ЦК КП Армении Агиси Ханджян что-то не проявляет склонности быть послушным орудием в руках Берия. Надо его убрать. Берия посылает своих людей в Армению со специальным заданием: добиться компрометации Ханджяна с тем, чтобы иметь основание убить его. Нельзя читать без возмущения показания подручного Берии Жоры Цатурова, знавшего Берия по совместной работе в ГПУ Грузии и Закавказья, о том, как он приехал в Армению в качестве одного из секретарей ЦК и какие интриги вел вокруг Ханджяна. Но Ханджян пользовался большим авторитетом не только среди партийных кругов, но и во всем народе. Интриги не помогли, авторитет Ханджяна не пострадал.

Ну что ж, тем хуже для Ханджяна. Цель оправдывает средства.

Ханджяна надо убрать любыми средствами. Только такой изверг, как Берия, мог придумать подлый план убийства Ханджяна и выполнить этот план своими собственными руками.

А план был разработан до мельчайших подробностей.

Ханджян был вызван из Еревана в Тбилиси на заседание Заккрайкома. В тот же вечер, после заседания крайкома, мы узнали, что Ханджян покончил жизнь самоубийством. Говорили о подробностях, о том, что Ханджян задумал самоубийство еще в Ереване, что в его кармане обнаружены два письма, написанные в Ереване перед выездом в Тбилиси. Одно письмо адресовано жене Розе Виндзберг, в котором Ханджян прощается с женой, другое на имя Берия. В этом письме Ханджян якобы сообщает Берия, что запутался и не нашел себе другого выхода.

Все это было предусмотрено для инсценировки самоубийства.

Товарищи и друзья, которые хорошо знали Ханджяна, недоумевали: как мог такой несгибаемый человек спасовать перед трудностями, "запутаться" и поднять на себя руки.

Спустя четверть века было установлено, что Ханджян был убит собственноручно Берия в его служебном кабинете.

Берия проливал крокодиловы жертвы над своей жертвой и отправил тело Ханджяна в Ереван с почестями.

Не впервые Берия проливал крокодиловые слезы над своей жертвой. Еще не остыл труп отравленного им Нестора Лакоба.

Авторитет Лакоба, председателя ЦИК Абхазии, не давал покоя Берия. Отравленного Лакоба он тоже торжественно отправил в Сухуми и

похоронил в центре города для того, чтобы в 1937 году сравнять эту могилу с землей.

После убийства Ханджяна в Армению секретарем ЦК был послан Гайк Аматуни, но, как видно, он не выдержал "испытания", в 1937 году был арестован и расстрелян. Тогда Берия послал в Армению своего ставленника Григория Арутинова".

Арутинов, кстати сказать, легко отделался. На июльском пленуме 1953 года он охарактеризовал Берию как "карьериста и человека, который любыми средствами мог бы совершить все против партии, против государства ради захвата власти". И его лишь сняли с поста секретаря ЦК Компартии Армении, но ни исключать из партийных рядов, ни судить не стали. Григорий Артемьевич тихо скончался в своей постели в 1957 году.

Из свидетельства Газаряна, искренне верившего, что Ханджяна погубил Берия, видно, что были и предсмертные письма погибшего жене и Берии, о которых, вероятно, рассказали Газаряну друзья-чекисты. Лично я не сомневаюсь, что эти письма подлинные, а не какие-нибудь "бериевские фальшивки". Всего через полтора месяца такие же покаянные письма перед тем, как пустить себе пулю в сердце, написал бывший член Политбюро и бывший лидер советских профсоюзов М.П. Томский (Ефремов), соратник Бухарина. Его имя было упомянуто на процессе Зиновьева и Каменева, и Михаил Павлович решил не ждать неизбежного ареста и казни. В предсмертном письме он старался убедить Сталина в своей невиновности: "Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба - не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ними не входил, никаких заговоров против правительства я не делал... Не верь клевете и болтовне перепуганных людей... Не забудьте о моей семье..." А в постскриптуме еще просил не придавать серьезного значения своей пьяной выходке, когда в 1928 году сгоряча угрожал ему, Сталину, пулями. Иосиф Виссарионович ни "пуль" не забыл, ни просьбы Томского о семье, посадив его жену и детей. И в сообщении ЦК ВКП(б) о самоубийстве Томского, как и в аналогичном сообщении Заккрайкома о самоубийстве Ханджяна, говорилось, что он совершил этот акт, "запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами".

Ханджян же, вопреки мнениям наивного Газаряна и не столь наивного Комарова, имел очень серьезные основания летом 36-го свести счеты с жизнью. Он знал об аресте Каменева и Зиновьева, о том, что готовится процесс по обвинению их в заговоре с целью убийства Кирова. А у Ханджяна были все основания опасаться, что его объявят зиновьевцем. В 1922-1925 годах Агаси Гевондович был заведующим агитационно-пропагандистского отдела Выборгского райкома партии в Ленинграде, а с 1925 года стал заведующим орготделом Московско-Нарвского райкома. Ленинградскую парторганизацию в то время возглавлял Г.Е. Зиновьев, и, естественно, такие должности, как завотделом в городском райкоме, мог занимать только человек, разделявший линию Григория Евсеевича. Ханджян, конечно, успел вовремя отмежеваться от Зиновьева. Иначе Агаси Гевондовича никогда бы не послали руководить компартией Армении. Но теперь, с началом Великой чистки, оппозиционерам припоминали старые грехи. Так что

скорее всего Ханджян ускорил свой конец лишь на несколько месяцев. Не исключено, что и чемодан с вещами для дальнего путешествия он взял с собой в Тбилиси только потому, что всерьез опасался, что придется сразу же ехать в Москву, только под конвоем. И Берии, какие бы острые конфликты ни возникали у него с главой армянских коммунистов, не было нужды убивать того, кого в самом скором времени все равно расстреляли бы, так сказать, в официальном (не скажу - в законном) порядке.

А еще, как кажется, Лаврентий Павлович оказался гуманнее Иосифа Виссарионовича, и вдову Ханджяна, похоже, сажать не стал. По крайней мере, в своей записке Комаров ни разу не упоминает, что Роза Винзберг (или Виндзберг) была репрессирована.

Повторю, что на XX съезде Хрущев все-таки не решился обвинить Берию в убийстве Ханджяна. Он сделал это лишь пять лет спустя, в 1961 году, на XXII съезде партии. Тогда делегаты в своем большинстве уже представляли собой новое поколение руководителей, лояльных Никите Сергеевичу.

Замечу, что добивавшейся восстановления в партии мужа Р. Винзберг выгоднее было представить Ханджяна не самоубийцей, а жертвой расстрелянного к тому времени "врага народа" Берии. Самоубийство безусловно осуждалось коммунистической партийной этикой. Кроме того, версия об убийстве снимала вопрос о зиновьевском прошлом Ханджяна, что могло послужить препятствием к его реабилитации. Ведь троцкистов и зиновьевцев, равно как и бухаринцев, тогда еще не реабилитировали. Тот же Томский был восстановлен в партии только в 1988 году. Прокурору же Руденко было очень лестно изобличить Берию еще и как человека, лично расстреливавшего людей.

Той же цели служили возникшие уже после казни Берии слухи о том, что он будто бы отравил Нестора Лакобу. Тут уж даже видимости каких-то доказательств не было.

Любой диктатор-правитель, сколько бы преступлений он ни совершил, получает в нашем сознании образ законченного злодея лишь тогда, когда мы узнаем, что он кого-то убил собственными руками. Убийства на бумаге, с помощью письменных приказов и директив, пусть даже сотен тысяч и миллионов людей, воспринимается немного не так, как гибель одного, но зато от пули, выпущенной самим злодеем. По этой же причине Гитлера обвиняли в том, будто он лично расстрелял в 1934 году своего бывшего друга и вождя штурмовиков Эрнста Рёма, хотя никакими свидетельствами это не подтверждается. По той же причине Сталину пытались приписать убийство собственной жены Надежды Аллилуевой или Серго Орджоникидзе. Германский фюрер и советский генсек истребили миллионы людей, но только по письменным директивам или по словесным приказам без номера и руками тысяч палачей, а не своими собственными руками.

Пожалуй, главной отличительной чертой Берия при проведении репрессий 1937-1938 годов было то, что он, в отличие от большинства партийных секретарей, имел огромный опыт оперативно-чекистской работы. Поэтому Лаврентий Павлович сам вникал во все тонкости следствия и писал весьма красноречивые записки следователям: "Крепко излупить Жужунава. Л. Б."; "Взять крепко в работу"; "Взять в работу... и выжать все"; "Взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает". Кстати сказать, Василий Георгиевич Жужунава был

кадровым чекистом с 1928 года, а в 1937 году занимал пост наркома внутренних дел Абхазии. На этот пост Жужунаву назначили уже при Ежове, но заместителем начальника Абхазского управления наркомата внутренних дел назначили еще при Ежове. Очевидно, его арест был произведен по инициативе Ежова в рамках перманентно проводившейся при нем чистке НКВД от ягодинских выдвиженцев. Но в случае с Жужунавой нельзя не отметить одну странность. Уволен из органов внутренних дел он был еще в декабре 1937 года, а исключили из партии и арестовали его как "врага народа" только в июне 1938 года. Возможно, Берия, под чьим непосредственным руководством Василий Георгиевич начинал свою нелегкую чекистскую службу в секретно-политическом отделе ГПУ Грузии в 1928 году, пытался отстоять своего бывшего сотрудника и не допустить его ареста. Основания беспокоиться за его судьбу у Лаврентия Павловича наверняка были. Ведь еще в 1920-1921 годах Жужунава был управляющим делами наркомата продовольствия Азербайджанской ССР. В этой должности он, несомненно, много общался с Берией, и в случае ареста из него легко можно было бы выбить любые компрометирующие Лаврентия Павловича показания. Уж Берия-то хорошо знал, как это делается. Так что у Берии, вероятно, были серьезные основания бороться за Жужунаву. Но он не преуспел в этом деле, и теперь всячески старался показать, что выбьет показания из врага народа любой ценой.

Между прочим, следствие по делу Жужунавы велось как раз летом 1938 года, перед самым переездом Берии в Москвы. Так что в каком-либо либерализме его заподозрить было сложно. Судьба же Жужунавы неясна до сих пор, равно как и время, место и обстоятельства его смерти. То ли Василия Георгиевича успели расстрелять, то ли дожил он до бериевской оттепели и отделался сколькими-то годами ГУЛАГа, где, быть может, и сгинул в безвестности.

Вот когда Лаврентий Павлович попал в Москву, стал членом Политбюро, там уже билет на вход был в другую цену. Для всех тех, кто был членом сталинского Политбюро (позднее: Президиума Политбюро) в 1939-1952 года норма загубленных человеческих душ составляла уже несколько десятков, если не сотен тысяч человек. Берия и эту норму честно выполнил, хотя столь всеобъемлющей чистки, как при Ежове, уже не было. Но тут подоспели и польские офицеры, и другие враги народы с территорий, присоединенных к СССР в 1939-1945 годах, и "наказанные народы", и "точечные" репрессии против бывших соратников Ежова, провинившихся военных, деятелей культуры, вроде Бабеля и Мейерхольда, и многих других.

БЕРИЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Весной 1938 года Сталин окончательно решил сместить Ежова с поста наркома внутренних дел. Великую чистку пора было постепенно сворачивать, а ее главного исполнителя - отправлять сначала в политическое, а затем и в физическое небытие. Уже 8 апреля 1938 года Ежова по совместительству назначили наркомом водного транспорта. Николаю Ивановичу пришлось забрать в новый наркомат многих преданных ему людей в центральном аппарате НКВД, что объективно ослабило его позиции в карательном ведомстве. Одновременно это помогло Сталину совершенно естественным образом поставить вопрос о

необходимости укрепления руководства НКВД новыми кадрами. А самым подходящим кандидатом на пост первого заместителя Ежова Сталин счел Берию. Во-первых, человек ему безусловно преданный. Во-вторых, в отличие от Николая Ивановича, Лаврентию Павловичу чекистского опыта было не занимать: долгие годы возглавлял ГПУ Грузии, был и во главе закавказских чекистов. И этот опыт, в частности, в свете надвигавшейся войны мог пригодиться для операций за рубежом. Но главными, конечно же, при назначении Берии были соображения внутреннего порядка. Ежова и его людей требовалось как можно скорее убрать и из НКВД, и из жизни. А уж Лаврентий Павлович, с его-то опытом, легко разберется, кого из чекистов казнить, а кого миловать, да и по старой памяти быстро сможет заменить выбывших из строя ежовских выдвиженцев хорошо знакомыми ему кадрами закавказских чекистов.

И, как по заказу, для смещения Ежова представился замечательный повод. В июне 1938 года сбежал к японцам начальник Дальневосточного управления внутренних дел Г.С. Люшков, не без оснований опасавшийся ареста. Ежов понял, что скоро настанет его черед. В письме-исповеди Сталину в конце ноября, уже после своего удаления из НКВД, Николай Иванович писал: "Решающим был момент бегства Люшкова. Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского и предложил вместе поехать докладывать Вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: "Ну, теперь нас крепко накажут..." Я понимал, что у Вас должно создаться настороженное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал всё время".

Случай с Люшковым послужил предлогом для назначения 22 августа Берии первым заместителем наркома внутренних дел. Прежние руководители НКВД сделали отчаянную попытку свалить Лаврентия Павловича. В покаянном письме Сталину Ежов признался: "Переживал... назначение т. Берия. Видел в этом элемент недоверия к себе, однако думал всё пройдёт. Искренне считал и считаю его крупным работником, я полагал, что он может занять пост наркома. Думал, что его назначение - подготовка моего освобождения (правильно думал!- Б. С.)... Фриновский советовал: "Держать крепко вожжи в руках. Не хандрить, а взяться крепко за аппарат, чтобы он не двоил между т. Берия и мной. Не допускать людей т. Берия в аппарат"". Фриновский в начале 30-х работал председателем ГПУ Азербайджана и часто конфликтовал с Берией как с одним из руководителей Закавказского ГПУ. Теперь Михаил Петрович предупреждал Ежова, какой опасный это враг. Решено было представить Сталину компрометирующий материал на Берию - данные о его службе в мусаватистской контрразведке. Однако Сталин уже был в курсе, как обстояло дело в действительности (вспомним письмо Павлуновского), да и судьбу Ежова он давно предопределил.

На долю Берии выпала задача умерить размах репрессий. 8 сентября 1939 года другой первый заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский был назначен наркомом Военно-Морского Флота, а 29 сентября в ведение Берии перешло Главное управление Государственной Безопасности. К началу октября Ежов практически утратил контроль над основными структурами наркомата внутренних дел.

Члены ЦК и правительства в одночасье прозрели. В постановлении от 17 ноября 1938 года утверждалось: "Массовые операции по разгрому и выкорчёвыванию вражеских элементов, проведённые НКВД в 1937-1938 годах, при упрощённом ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры... Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощённого порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых "лимитов" для производства массовых арестов". Был осуждён сам упрощённый порядок расследования, когда "следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными, а "показания арестованного записываются следователями в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время... составляется общий протокол, причём совершенно не выполняется требование... о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершённых им преступлениях". Теперь НКВД и прокуратуре запрещалось осуществлять массовые операции по арестам и выселению. Любые аресты разрешалось производить только с санкции прокуратуры или постановления суда. Ликвидировались также судебные тройки, выносившие приговоры по упрощённой процедуре, без участия защиты и обвинения. Все дела от троек передавались в суды или в Особое совещание при НКВД СССР. От следователей потребовали соблюдение уголовно-процессуальных норм, а именно: завершать расследование в установленные законом сроки, допрашивать арестованных не позднее чем через 24 часа после их задержания и составлять протокол сразу же после окончания допроса.

Поняв, что его песенка спета, Николай Иванович, по русскому обычаю, ушёл в запой. 23 ноября 1938 года он подал прошение об отставке. 24 ноября Политбюро освободило Ежова от должности наркома внутренних дел, сохранив за ним уже ничего не значившие посты секретаря ЦК, председателя Комитета Партийного Контроля и наркома водного транспорта. Преемником Ежова в НКВД стал Берия. В апреле 39-го Николая Ивановича арестовали. Люди Лаврентия Павловича отделали Николая Ивановича на славу. 2 февраля 1940 года в своем последнем слове Ежов перед лицом неминуемого расстрела утверждал: "Вчера ещё в беседе с Берия он мне сказал: "Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь всё по-честному, тебе жизнь будет сохранена". После разговора с Берия я решил, лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом только действительную правду. На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, что я не террорист, но мне не верили и применяли ко мне избиения". Разумеется, отказ от выбитых на следствии признаний в шпионаже и заговоре никак не повлиял на судьбу "стального наркома". 4 февраля 1940 года Николая Ивановича расстреляли.

25 ноября 1938 года Сталин специальной шифрограммой известил о переменах, происшедших в НКВД, первых секретарей компартий республик, а также обкомов и крайкомов: "В середине ноября текущего

года в ЦК поступило заявление из Ивановской области от т. Журавлева (начальника НКВД) о неблагополучии в аппарате НКВД, об ошибках в работе НКВД, о невнимательном отношении к сигналам с мест, предупреждающим о предательстве Литвина, Каменского, Радзивиловского, Цесарского, Шапиро (того самого, которому приходилось разбираться с делом Сефа. - Б. С.) и других ответственных работников НКВД, о том, что нарком т. Ежов не реагирует на эти предупреждения и т. д.

Одновременно в ЦК поступили сведения о том, что после разгрома банды Ягоды в органах НКВД СССР появилась другая банда предателей, вроде Николаева, Жуковского, Люшкова, Успенского, Пассова, Федорова (всех их, кроме застрелившегося Литвина и сбежавшего к японцам Люшкова, довелось расстреливать уже Берии. - Б. С.), которые запутывают нарочно следственные дела, выгораживают заведомых врагов народа, причем эти люди не встречают достаточного противодействия со стороны т. Ежова.

Поставив на обсуждение вопрос о положении дел в НКВД, ЦК ВКП(б) потребовал от т. Ежова объяснений. Тов. Ежов подал заявление, где он признал указанные выше ошибки, признал кроме того, что он несет ответственность за то, что не принял мер против бегства Люшкова (УНКВД Дальнего Востока), бегства Успенского (нарком НКВД Украины) (через полгода Успенского поймали люди Берии. - Б. С.), признал, что он явно не справился со своими задачами в НКВД и просил освободить его от обязанностей наркома НКВД, сохранив за ним посты по Наркомводу и по линии работы в органах ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Ежова, освободил его от работы в НКВД и утвердил наркомом НКВД СССР по единодушному предложению членов ЦК, в том числе и т. Ежова, - нынешнего заместителя НКВД тов. Берия Л.П.

Текст заявления т. Ежова получите почтой.

С настоящим сообщением немедленно ознакомить начальников НКВД".

Смена власти в наркомате прошла без сучка и задоринки. Не только ни один из начальников областных и республиканских управлений внутренних дел не выступил в защиту Ежова и уж тем более не попытался поднять мятеж против Сталина, но даже никто из них не попытался сбежать, как это ранее сделали Люшков (удачно) и Успенский (неудачно). Чекисты ежовского призыва покорно ждали своей участи, как бараны, приведенные на бойню, и мало кто из них уцелел. Берия по приказу Сталина произвел широкомасштабную "смену караула" в своем ведомстве. А выход из системы на генеральском уровне был один: самоубийство или расстрел. Живых свидетелей прежних бессудных казней предпочитали не оставлять в живых.

26 ноября Берия в качестве главы НКВД подписал приказ о порядке осуществления постановления от 17 ноября. Из тюрем освобождались те арестованные, кто так и не признал свою вину, а также многие из тех, на кого не было других улик, кроме выбитых следователями признаний, от которых они впоследствии отказались. В 1939 году Берия издал ряд приказов о снятии с должностей и преданию суду работников НКВД, виновных в фальсификации уголовных дел. 9 ноября 1939 года появился приказ "О недостатках в следственной работе органов НКВД", предписывавший освободить из-под стражи всех незаконно

арестованных и установить строгий контроль за соблюдением уголовно-процессуальных норм.

Бериевские выдвиженцы, которых он в августе 38-го захватил с собой в Москву, заняли ответственные посты в системе НКВД. Богдан Кобулов, бывший заместитель наркома внутренних дел Грузии, еще 29 сентября 1938 года был назначен начальником 2-го отдела Главного управления госбезопасности. А 17 декабря того же года Богдан Захарович стал заместителем начальника ГУГБ и начальником следственной части НКВД. Его брат Амаяк еще в сентябре 38-го был всего лишь начальником райотдела НКВД в Гаграх. Но уже в октябре он стал исполнять обязанности наркома внутренних дел Абхазии, а 7 декабря был назначен первым заместителем наркома внутренних дел Украины. Бывший нарком внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе стал главой Ленинградского НКВД. Новым наркомом внутренних дел Грузии Берия сделал А.Н. Рапаву, бывшего главу Совнаркома Абхазии, начинавшего свою карьеру в Грузинском ЧК уполномоченным Особого отдела еще в 1924 году. Бывшего заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК компартии Грузии В.Н. Меркулова Лаврентий Павлович сделал своим первым заместителем и начальником Главного управления государственной безопасности. Всеволод Николаевич был не только кадровым чекистом с 21-го года и служил под началом Берии в Грузинском ГПУ. Он писал неплохие пьесы под псевдонимом "Всеволод Рокк" (не знаю, повлияло ли на выбор псевдонима знакомство с повестью Михаила Булгакова "Роковые яйца", где персонажа, вызвавшего из-за собственной небрежности катастрофический поход на Москву гигантских гадов зовут Александр Семенович Рокк). Меркуловская пьеса "Инженер Сергеев" - о борьбе с "фашистскими шпионами" с успехом шла в столичных театрах. А вот под своим именем Всеволод Николаевич выпустил брошюру "Лаврентий Берия - верный сын партии Ленина - Сталина". В феврале 41-го, с подачи Лаврентия Павловича, Меркулова назначили наркомом государственной безопасности СССР. Правда, в дальнейшем Берия разочаровался в его деловых качествах и, возможно стал одним из инициаторов его смещения с поста главы органов госбезопасности после Великой Отечественной войны. Еще один соратник Берии по Закавказью, бывший глава Госплана Грузии В.Г. Деканозов, в декабре 1938 года стал начальником разведывательного и контрразведывательного отделов и заместителем начальника ГУГБ НКВД. Владимир Георгиевич работал вместе с Лаврентием Павловичем еще в Бакинском подполье.

Это - только некоторые, наиболее известные из тех, кто работал вместе с Берией в Закавказье, а потом занял важные позиции в центральном аппарате НКВД. Сам Лаврентий Павлович после XVIII съезда партии в марте 1939 года был избран кандидатом в члены Политбюро.

Точные данные о числе освобождённых из тюрем в 1938-1941 годах в рамках так называемой "бериевской оттепели" до сих пор не опубликованы, равно как и сведения о числе арестованных в этот же период по политическим обвинениям. Серго Берия полагает, что первых было 750-800 тысяч, вторых - 20-25 тысяч. В точности этих цифр позволительно усомниться. Не очень верится, что выпускали сотни тысяч, а сажали лишь десятки тысяч. Во всяком случае, в период с 1

января 1939 года по 1 января 1941 года численность осуждённых за контрреволюционную деятельность, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, сократилась только на 34 тысячи человек. До этого за один только 1938 год она возросла почти в два с половиной раза - с 185 до 454 тысяч. Число заключённых в тюрьмах с приходом Берии сначала уменьшилось - с января по сентябрь 39-го года с 351 до 178 тысяч. Зато уже с сентября их число вновь стало расти - пошёл поток арестованных с "освобождённых территорий" - Западной Украины и Западной Белоруссии, а позднее - из Прибалтики и Бессарабии. Кроме того, в тюрьмы с лета 40-го стали помещать заключённых на срок от 2 до 4 месяцев за опоздание на работу, выпуск недоброкачественной продукции, прогулы и т. п. Таких к 1 декабря 1940 года насчитывалось 133 тысячи. В результате в январе 41-го тюремное население достигло максимума - 488 тысяч, чтобы опять сократиться к маю до 333 тысяч. К тому времени многих арестованных успели осудить и отправить в лагеря. Всего же из исправительно-трудовых лагерей в 1939-1940 годах было освобождено 540 тысяч заключённых. Для сравнения: в 1937-1938 годах лагеря покинуло 644 тысячи человек. Наибольшее число зэков обрело свободу в 41-м году - 624 тысячи, однако здесь мощным фактором явилась война. Значительную часть мужчин из лагерей досрочно освободили, чтобы восполнить колоссальные потери, которые несла Красная Армия на фронте. Кроме того, большинство освобождённых имеио не политические, а уголовные статьи, и освобождались в связи с истечением срока заключения, а не из-за реабилитации или амнистии. О числе реабилитированных в тот период узников имеются лишь отрывочные сведения. Так, на 1 января 1941 года на Колыме находилось 34 тыс. освобождённых из лагерей, из них 3 тысячи считались полностью реабилитированными. Ясно, однако, что общее число реабилитированных и амнистированных по политическим статьям могло составить десятки, но никак не сотни тысяч человек.

Вот количество расстрелянных с приходом Берии действительно уменьшилось на порядок. За весь период 1921-1953 годов к смертной казни по политическим статьям было приговорено 786 098 человек. Из этого числа на 1937-1938 годы приходится 681 692 расстрелянных, из них 631 897 - по приговорам внесудебных троек. Таким образом, почти половина из 1372 тыс. арестованных за "контрреволюционные преступления" в период "ежовщины" были казнены. А всего за два с небольшим года пребывания в НКВД печальной памяти Николая Ивановича было расстреляно почти семь восьмых от общего числа приговорённых к смерти по политическим статьям за три десятилетия сталинского правления. Но нельзя сказать, что в прекращении террора повинен Берия. Решения принимал не он, а Сталин. Однако столь же неосновательно за позднейшие репрессии возлагать ответственность на одного Лаврентия Павловича. Её с ним по справедливости должны разделить Сталин и другие члены высшего политического руководства страны.

Из более чем 104 тысяч, расстрелянных в 1921-1936 и в 1939-1953 годах, львиная доля приходится на время, когда во главе НКВД был Берия. В "вегетарианские" 20-е и первую половину 30-х годов число казненных по политическим мотивам вряд ли превышало 1-2 тысячи человек. Правда, сюда, очевидно, не входят жертвы коллективизации, в том числе расстрелянные при подавлении вызванных ей восстаний.

Таких могло быть несколько десятков тысяч человек. Также и после войны, при Абакумове и Игнатьеве, число расстрелянных составило лишь несколько тысяч человек. Таким образом, число казненных в период пребывания Берии на посту наркома внутренних дел можно оценить немного меньше, чем 100 тысяч человек. Правда, необходимо заметить, что официальные цифры казненных в эти годы приуменьшены на несколько десятков тысяч. Так, согласно архивным данным, которые приводит историк М.И. Семиряга, в 1939-1940 годах было казнено по политическим мотивам только 4464 человека. Между тем только в 1940 году было казнено почти 22 тысячи польских офицеров и гражданских лиц - представителей интеллигенции и имущих классов. Также вряд ли попали в официальную статистику тысячи политзаключенных, расстрелянных при эвакуации из тюрем в западных областях, подвергшихся германской оккупации. Эти расстрелы были санкционированы Берией. Так, только к 12 июля 1941 года в Львовской области "убыло по 1-й категории" (эвфемизм расстрела в документах НКВД) 2464 политзаключенных, в Дрогобычской области - 1101, в Станиславской области - 1000 человек, в Тарнопольской области - 674 и еще 18 были убиты "при попытке к бегству", в Ровенской области - 230, в Волынской области - 231, в Черновицкой области - 16, в Житомирской области - 47, в Киевской области - 125. Такова была картина на Украине. В Белоруссии из-за быстрого наступления немцев во многих тюрьмах никого из "политических" "оприходовать по 1-й категории" не успели. В своем рапорте от 3 сентября 1941 года заместитель начальника тюремного управления НКВД Белоруссии М.П. Опалев сообщал, что только политрук тюрьмы города Ошмяны Клименко и помощник уполномоченного Авдеев по своей инициативе успели расстрелять 30 человек, обвинявшихся в "контрреволюционных преступлениях", но вот зарыть трупы не успели, что было поставлено им в вину (следы преступлений старались замаскировать). Кроме того, начальник тюрьмы города Глубокое Приемышев расстрелял при движении пешим порядком 600 заключенных-поляков, которые будто бы кричали: "Да здравствует Гитлер!" Последнее кажется совершенно невероятным, учитывая как нелюбовь поляков к Гитлеру, так и то, что дело происходило в советском тылу. Вероятнее всего, Приемышев это выдумал, чтобы оправдать расстрел. Его арестовали, но член Военного Совета Центрального фронта П.К. Пономаренко признал действия Приемышева правильными и из-под стражи освободил. По всей вероятности, кто-то из политических заключенных был расстрелян в тюрьмах Молодечно, Пинска, Полоцка, Витебска, Гомеля, Мозыря, Могилева и некоторых других городов, из которых узников удалось эвакуировать на восток. Однако данных о числе "убывших по 1-й категории" по этим тюрьмам нет.

Таким образом, только по тем украинским и белорусским тюрьмам, по которым имеется информация, число ликвидированных политзаключенных составляет более 6,5 тысяч. А ведь расстреливали несчастных зэков и в других областях и республиках, подвергшихся немецкой оккупации. Да и в 1939-1940 году не попавшими в официальную цифру 786 тысяч расстрелянных могли оказаться не только 22 тысячи поляков, но и тысячи, если не десятки тысяч других жителей присоединенных к СССР территорий. С учетом этих недоучтенных жертв общее число уничтоженных при участии Берии,

возможно, достигает 150 тысяч, а если добавить сюда погибших при депортации наказанных народов, - наверняка превышает 200 тысяч. Цифра солидная. Она меньше, чем у Ежова, и, вероятно, примерно такая же, как и у других тогдашних членов Политбюро. Как мы увидим дальше, решение о расстреле поляков в Катыни было коллективным. Можно предположить, что и другие решения о массовых казнях и депортациях Сталин заставлял подписывать и своих коллег по Политбюро, чтобы связать всех кровавой круговой порукой.

В целом "бериевская оттепель" не повлияла сколько-нибудь сущёственным образом на численность заключённых, в том числе и политических. Тем не менее освобождение нескольких тысяч уцелевших при Ежове представителей партийной и военной элиты отразилось в общественном сознании и породило миф о массовом освобождении политических из лагерей. На самом деле более или менее значительное количество освобождённых политических заключённых было лишь из тюрем, где сидели те, кому ещё не успели вынести приговор. Отменять прежние судебные и внесудебные решения Сталин, за редкими исключениями, не позволил, чем и объясняется ограниченный характер "бериевской оттепели".

Придя на Лубянку, Берия не только освобождал тех, кого не успел расстрелять Ежов. Репрессии продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью, чем при "железном наркоме". Еще будучи первым заместителем Ежова, Берия вел дело маршала В.К. Блюхера, обвиненного в участии в "военно-фашистском заговоре" и в шпионаже в пользу Японии. Если бы Сталин всё-таки решил устроить в дальнейшем над Ежовым показательный процесс, то Блюхер представлялся идеальной кандидатурой в качестве одного из подсудимых: Василия Константиновича можно было обвинить в огульном избиении кадров ОКДВА, в чем маршал немало преуспел, наивно рассчитывая выкупить свою голову, над которой нависла смертельная опасность после бездарно проведенных боев у Хасана, чужими шеями.

Почти сразу же после ареста и ещё до первых очных ставок Блюхера стали жестоко избивать. Маршал, сам отправивший на смерть Тухачевского, Якира и прочих, прекрасно понимал, что признание вины всё равно не спасёт от смертной казни. И чекисты сразу принялись за физическую обработку арестованного, зная, что добровольно признаваться в мнимых преступлениях по расстрельным статьям он ни за что не будет.

Соседом Блюхера по лубянской камере совсем не случайно оказался бывший начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев (Плоткин) (расстреляли Дмитрия Матвеевича уже в бытность Берии наркомом, в марте 39-го). После ареста в рамках исподволь начавшейся кампании по постепенной замене людей Ежова людьми Берии он выполнял малопочтенную роль "наседки" и уговаривал маршала во всём сознаться в призрачной надежде спасти собственную жизнь (разговоры в камере записывались на магнитофон). 26 октября Василий Константинович рассказывал Дмитриеву:

"Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически всё болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с Народным комиссаром.

- С Ежовым? - переспросил Дмитриев.

- Да, - подтвердил Блюхер. И застонал: - Ой, не могу двигаться, чувство разбитости.

- Вы ещё одну ночь покричите, и будет всё замечательно, - то ли проявляя участие, то ли издеваясь, заметил чекист.

В тот же день дежурный предупредил Василия Константиновича:

- Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

- С чего начинать? - поинтересовался Блюхер.

- Вам товарищ Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час, - пригрозил дежурный. - Вам объявлено? Да?

Дмитриев участливо разъяснил Блюхеру:

- Вопрос решён раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было - нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы её утяжеляете тем, что идёте в Лефортово...

- Я же не шпионил, - оправдывался Блюхер, но у опытного чекиста подобный детский лепет вызвал лишь улыбку.

Дмитриев прекрасно знал, как из подследственных делают шпионов, самому не раз приходилось этим заниматься:

- Раз люди говорят, значит, есть основания...

- Я же не шпион, - доказывал Блюхер.

- Вы не стройте из себя невиновного, - продолжал убеждать Дмитриев. - Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром всё рассказать. И всё. Если вы решили, то надо теперь всё это сделать...

- Меня никто не вербовал, - робко возразил Василий Константинович.

Такая мелочь не смутила бывшего шефа Свердловского НКВД. Он успокоил маршала - следователь поможет:

- Как вас вербовали, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

- Я могу сейчас сказать, что я был виноват, - начал колебаться Блюхер.

- Не виноват, а состоял в организации... - поправил Дмитриев, знавший, что начальство любит конкретность.

- Не входил я в состав организации, - взорвался Блюхер. - Нет, я не могу сказать...

- Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвоном... - гнул свою линию Дмитриев. - Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?

Блюхер попытался вспомнить что-нибудь конкретное:

- Вот это письмо - предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерибасу (начальнику Управления НКВД по Хабаровскому краю, арестованному летом 37-го; как можно понять, речь идёт либо о письме кого-то из тех, кого Сталин и Ежов причисляли к никогда не существовавшему "правотроцкистскому блоку" Бухарина, Ягоды, Рыкова и др., либо о письме каких-то японских представителей. - Б. С.).

Дмитриев объяснил:

- Дерибас донёс... Вы должны сказать.

- Что я буду говорить? - в отчаянии обратился к сокамернику Василий Константинович.

- Какой вы чудак, ей-богу, - сочувственно улыбнулся Дмитриев. - Вы знаете (фамилия заключённого в магнитофонной записи не была

расшифрована. - Б. С.)... Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали Лефортово - сразу сказал...

- Что я скажу? - потерянно повторил Блюхер.

- Вы меня послушайте, - не обращая внимания на возражения собеседника, уверенно продолжал бывший чекист, - я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте".

Но Василий Константинович "правильно думать" не захотел и продолжал "строить из себя невиновного". Его отправили в Лефортово. "Физическое воздействие" на Лубянке должно было показаться оздоровительными процедурами по сравнению с лефортовскими пытками.

И. Русаковская, сидевшая в одной камере со второй женой маршала Г.П. Кольчугиной, рассказывала комиссии ЦК КПСС: "Из бесед с Кольчугиной-Блюхер выяснилось, что причиной её подавленного настроения была очная ставка с бывшим маршалом Блюхером, который, по словам Кольчугиной-Блюхер, был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии её... наговаривал на себя чудовищные вещи... Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: "Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком"".

Бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм в 1956 году сообщила КГБ, что оказывала медицинскую помощь подследственному Блюхеру. Лицо несчастного было в кровоподтёках, под глазом был большой синяк, а склера глаза была наполнена кровью - так силён был удар.

Бывший начальник Лефортовской тюрьмы Зимин сообщил в 1957 году, что сам видел, как "Берия избивал Блюхера, причём он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берией, истязали Блюхера, причём он сильно кричал: "Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают". Берия же в свою очередь кричал: "Говори, как ты продал Восток"".

О том же сообщил в ЦК КПСС бывший заместитель Зимина Харьковец, утверждавший, что на его глазах Берия вместе с Кобуловым (очевидно, Богданом, так как Амаяк тогда еще оставался в Грузии. - Б. С.) избивали Блюхера резиновыми дубинками.

Один из бывших следователей НКВД 12 ноября 1955 года на допросе показал, что когда 5-го или 6-го ноября 38-го года первый раз увидел маршала, то "сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит, ибо всё лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим. Вспоминаю, что, посмотрев на Блюхера и видя, что всё лицо у него в синяках, Иванов тогда сказал мне, что, видно... Блюхеру здорово попало".

"Танковые" методы допросов дали, наконец, эффект. Блюхер признался в связях с "правыми". В период с 6 по 9 ноября он написал письменные показания о том, что готовил военный заговор. А вот в шпионаже в пользу Японии признаться не успел: умер 9 ноября 1938 года, не выдержав побоев. Официальный диагноз констатировал смерть в результате закупорки лёгочной артерии тромбом, образовавшимся в

венах таза. Стал ли роковой тромб следствием непрерывных истязаний или просто маскировал другой, более откровенный диагноз: смерть от сотрясения мозга или от пролома черепа, например?

Сталину сообщили о смерти Блюхера. Иосиф Виссарионович распорядился тело кремировать. Бывший сотрудник НКВД Головлёв сообщил в 1963 году комиссии ЦК КПСС: "В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия пригласил к себе Меркулова, Миронова, Иванова и меня, где он нам сказал, что Сталин предложил отвезти Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории". Вождь не использовал для посмертной реабилитации маршала даже последовавшее через две недели после его гибели смещение Ежова. Реабилитировали Блюхера лишь в 1956 году постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР "за отсутствием в его действиях состава преступления".

Формально говоря, Блюхера пытались привязать к "военно-фашистскому заговору" Тухачевского, хотя Василий Константинович сам был среди судей, безропотно отправивших на смерть Тухачевского и его товарищей. Но фактически причины репрессий против Блюхера и Тухачевского были принципиально различны.

Готовясь к Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937-1938 годах масштабную зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру, перебирал людишек. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин не думал. Воевать собирались "малой кровью и на чужой территории". Зачистка нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и помнил, что бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили Иосифа Виссарионовича инспирировать "дело о военно-фашистском заговоре" и казнить Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные "конармейцы" - Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, Мерецков и Жуков, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет. Правда, насчет Жукова к концу войны он это мнение, похоже, изменил, и уже вскоре победного 45-го отправил его в не слишком почетную ссылку. Но не уничтожил, а все-таки сохранил для грядущих боев. Равно как и Мерецкова, арестованного в начале войны, но вскоре освобожденного.

Блюхера же Сталин уничтожил просто потому, что маршал стал ему больше не нужен. Василий Константинович очень неудачно действовал во время конфликта с японцами в районе озера Хасан. Командующий Дальневосточной армией с самого начала боев не слишком верил в способность своих войск противостоять японцам. Беда была в том, что красноармейцы воевать не очень-то умели. В приказе Ворошилова по итогам хасанских событий об этом говорилось вполне откровенно: "Виновниками в этих крупнейших недочётах и в понесённых нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях

являются командиры, комиссары и начальники всех степеней Дальневосточного Краснознамённого фронта и, в первую очередь, командующий Дальневосточным Краснознамённым фронтом маршал Блюхер. Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации вредительства и боевой подготовки Дальневосточного Краснознамённого фронта и правдиво информировать партию и Главный Военный Совет о недочётах в жизни войск фронта, тов. Блюхер систематически из года в год прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии".

Блюхер так и не смог до заключения перемирия отбить у японцев занятую ими сопку Заозерная. Советские потери, по официальным данным, опубликованным только в 1993 году, составили 792 человека убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно - 525 и 913, т. е. в 2-3 раза меньше. В приказе Ворошилова справедливо отмечалось: "Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)..."

Такой полководец Иосифу Виссарионовичу был не нужен. И Лаврентий Павлович точно выполнил его указания. Я не исключаю, что, может быть, он забил Блюхера насмерть не от чрезмерного усердия, а по тайному сталинскому приказу. Недаром смерть Блюхера никак не отразилась на карьере Берии, тогда как десятилетие спустя смерть одного из подследственных от чрезмерного усердия палачей привела к падению министра госбезопасности В.С. Абакумова. Ведь судить Блюхера с объявлением об этом в газетах было не очень удобно. Совсем недавно Василий Константинович сам активно боролся с врагами народа и того же Тухачевского на смерть отправил, а теперь вдруг оказался заодно с главой "военно-фашистского заговора"!

На самом деле Сталин уничтожил Блюхера за Хасан. Но судить маршала за это было неудобно. Ведь советская пропаганда объявила хасанские бои победой Красной Армией. А так все устроилось лучшим образом. Блюхер умер во время следствия. Об аресте его нигде не объявлялось, равно как и о смерти. Маршал просто исчез.

Точно так же вскоре исчез еще один маршал - А.И. Егоров. Арестовали его еще при Ежове, 27 марта 1938 года, а расстреляли уже при Берии, 23 февраля 1939 года. Егоров вместе со Сталиным и Ворошиловым воевал еще в гражданскую под Царицыным. Сталин ценил Александра Ильича за личную преданность себе, но как военного специалиста ставил не слишком высоко, во всяком случае, ниже Тухачевского. Но как раз преданность Егорова Сталину была поставлена под сомнение, и это решило судьбу маршала. Еще в декабре 37-го, вскоре после того, как Егоров стал депутатом Верховного Совета и формально обрёл депутатскую неприкосновенность, на стол Ворошилова легли доносы Ефима Афанасьевича Щаденко и Андрея Васильевича Хрулева. Два друга согласно утверждали, что Егоров во время товарищеского ужина (отмечали назначение Щаденко заместителем наркома обороны, последовавшее в конце ноября) высказал недовольство тем, что историю гражданскую войны освещают неправильно, его, Егорова, роль умаляют, а роль Сталина и Ворошилова

"незаслуженно возвеличивают". Видно, выпили в тот вечер военачальники лишнего, потерял Александр Ильич бдительность, расчувствовался, вот и результат. Время после дела Тухачевского и начала массовых арестов в армии было тревожное. Щаденко и Хрулёв могли с перепугу подумать, что Егоров вообще их провоцирует. И в любом случае решили, что сообщить Ворошилову об "идеологически невыдержанном" разговоре просто необходимо. Их доносы оказались решающими в судьбе маршала. Хотя было и еще несколько доносов на Егорова, но вот эти первые имели для Сталина принципиальное значение.

А то, что во время следствия Егоров, как водится, признался и в связях с уже расстрелянными заговорщиками, и в шпионаже в пользу Германии и Польши и назвал множество еще не арестованных коллег в качестве участников заговора, нерасчетливо поверив ежовскому обещанию сохранить жизнь, только помогло оформить приговор Военной коллегии Верховного Суда. Берия был тут абсолютно бессилен, даже если бы хотел спасти Егорова (а у нас нет никаких данных, что он этого действительно хотел). Александр Ильич успел еще при Ежове очень много на себя наговорить. Но главное было в том, что его смерти хотел Сталин, не простивший маршалу сказанных сгоряча слов о "незаслуженном возвеличивании" сталинской роли в обороне Царицына.

Еще одну группу военных арестовали в самый канун Великой Отечественной войны. Все началось с приземления немецкого самолёта "Юнкерс-52" на Тушинском аэродроме 15 мая 1941 года. После этого в самый канун войны и в первые её дни было арестовано несколько генералов, связанных с авиацией и ПВО, в том числе начальник управления ПВО Г.М. Штерн, начальник ВВС Красной Армии П.В. Рычагов, командующий Прибалтийского военного округа А.Д. Локтионов, ранее занимавший должность начальника ВВС Красной Армии, помощник начальник Генштаба по авиации Я.В. Смушкевич, а также бывший начальник Генштаба К.А. Мерецков и нарком вооружений Б.Л. Ванников. Строго говоря, Берия к этим арестам не имел непосредственного отношения. Борьбой со шпионами и заговорщиками, по большей частью мнимыми, тогда уже занимался наркомат госбезопасности, во главе которого стоял В.Н. Меркулов. Кроме казуса с "Юнкерсом", за арестованными генералами были и некоторые другие прегрешения. Так, например, Штерн скрыл свое социальное происхождение, о чем уже после Халхин-Гола, за который был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза, написал покаянное письмо Ворошилову. Правда, из этого письма невозможно понять, кем же все-таки были родители Григория Михайловича. В анкетах он писал, что его отец был врачом. Можно предположить, что в действительности он оказался каким-нибудь купцом 2-й гильдии.

Были на Штерна, Рычагова и других и доносы. Это неудивительно. В НКВД, а потом в НКГБ собирали материал практически на всех генералов, чтобы при наличии санкции от Сталина дать ему ход. Так, капитана госбезопасности (что соответствовало армейскому полковнику) Тихон Васильевич Пронин в письме секретарю ЦК и члену ГКО Г.М. Маленкову от 3 апреля 1942 года признавался: "В письме товарищу Сталину 29 мая 1941 года я подробно описал о преступной деятельности перед партией и Государством бывших руководителей

Военно-Воздушных Сил Красной Армией - Рычагова, Смушкевич, Пумпур и др." Наверняка подобные же доносы были на Штерна, Мерецкова и других, особенно после того, как стало известно об инциденте с "Юнкерсом" и снятии со своих постов Штерна и Рычагова. Но истинной причиной репрессий против генералов-авиаторов стал их провал с немецким самолетом.

Хотя, справедливости ради, надо признать, что сделать они могли немного. Советское ПВО оставалось весьма слабым вплоть до начала 60-х годов, когда на вооружение были приняты зенитно-ракетные комплексы и радары. До этого не хватало и постов воздушного наблюдения, и зенитных орудий (в годы войны их получали по ленд-лизу из Америки), и истребителей-перехватчиков, и опытных пилотов. Например, в 1953 году, вскоре после смерти Сталина, большая группа американских самолетов на большой высоте нарушила западные границы СССР, и наше ПВО ничего не смогло с ними сделать.

Ванникову и Мерецкову повезло. Продержав несколько месяцев тюрьме и заставив признаться в заговоре и шпионаже в пользу Германии, Кирилла Афанасьевича и Бориса Львовича выпустили и восстановили в генеральских званиях. Другим повезло меньше. По представлению Берии Сталин санкционировал расстрел Г.М. Штерна, П.В. Рычагова, А.Д. Локтионова, Я.В. Смушкевича и других арестованных по "делу авиаторов". Это представление, как и ранее, в случае с польскими офицерами, Лаврентий Павлович писал по указанию Сталина. Генералов расстреляли в Куйбышеве 28 октября 1941 года по ложным обвинениям в том, что они являлись заговорщиками и немецкими агентами. Все они во время следствия не выдержали избиений и покаялись в преступлениях, которые не совершали. Потом несчастные от признаний, выбитых из них кулаками и резиновыми дубинками, отказались, но это их не спасло.

То, что Берия не по своей воле писал представление о расстреле генералов-авиаторов, косвенно признает и бывший главный военный прокурор СССР А.Ф. Катусев, сделавший на основе изучения архивов Политбюро следующий вывод: "На множестве примеров удалось установить, что ни один из руководителей партии и старых большевиков не арестовывался без личного указания Сталина, который ревниво следил за тем, чтобы Ягода, Ежов и Берия не превышали своих полномочий. В этом смысле показателен такой факт, как расстрел 8 сентября 1941 года в Орловской тюрьме 161 политического заключенного, в том числе Христиана Раковского, Марии Спиридоновой, Валентина Арнольда, Петра Петровского, Ольги Каменевой и других. Долгое время считалось, что их расстреляли по распоряжению Берии. А что оказалось на самом деле?

В апреле 1990 года Главная военная прокуратура закончила следствие, в ходе которого было обнаружено, что применение высшей меры наказания к 170 заключенным, разновременно осужденным к лишению свободы за контрреволюционные преступления, предписывалось постановлением от 6 сентября 1941 года № 634 сс, подписанным Сталиным как Председателем Государственного Комитета Обороны. Правда, Берия был причастен к этому - он направил Сталину письмо со списком на 170 фамилий и заключением: "НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру

наказания..." Но, зная повадки Сталина, нельзя исключать, что это письмо Берии появилось по инициативе "Хозяина"".

Точно так же было и в случае с поляками, казненными в Катыни, с генералами-авиаторами и многими другими, осуждавшимися по представлениям НКВД, подписанным Берией. Однако трудно сомневаться, что писались эти представления по требованию Сталина.

Счастливо избежавшему смерти Ванникову 20 июля 1941 года выдали даже специальную "охранную грамоту" за подписью Сталина: "Государственный Комитет Обороны удостоверяет, что тов. Ванников Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ, как это выяснено теперь, по недоразумению и что тов. Ванников Б.Л. считается в настоящее время полностью реабилитированным.

Тов. Ванников Б.Л. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначен заместителем наркома вооружения, и по распоряжению Государственного Комитета Обороны должен немедленно приступить к работе в качестве заместителя Наркома вооружений".

Ванникова после освобождения Берия приблизил к себе. Они были знакомы еще по бакинскому подполью. Кроме того, Лаврентий Павлович, по всей вероятности, был осведомлен о некоторых фактах, компрометирующих Бориса Львовича по линии социального происхождения, и поэтому мог не опасаться интриг с его стороны. Уже после ареста Берии Ванникову связь с Лаврентием Павловичем, равно как и некоторые бакинские дела, пытались поставить в вину некоторые "доброжелатели". Об этом свидетельствует документ, публикуемый мной в приложении. Однако все кончилось для Бориса Львовича благополучно. Он дожил до почетного погребения в Кремлевской стене.

Среди жертв незаконных репрессий при Берии было немало выдающихся людей - режиссёр В.Э. Мейерхольд, журналист М.Е. Кольцов, писатель И.Э. Бабель и др. Были расстреляны также крупные партийные руководители - Р.И. Эйхе, С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, А.В. Косарев и др. (часть из них была арестована ещё при Ежове). Справедливости ради следует сказать, что деятели такого уровня репрессировались по инициативе Сталина, а не Ежова или Берии. НКВД по поручению Иосифа Виссарионовича лишь фабриковало материал против тех, на кого он указывал. Бабеля, Кольцова и Мейерхольда, в частности, притянули в том числе и к фальшивому делу о "террористическом заговоре" Ежова против Сталина. Только теперь открытых политических процессов не устраивали. Считалось, что с "врагами народа" уже покончено. Поэтому новых "врагов" расстреливали тихо, даже без публикаций в печати.

К вновь арестованным применялись те же незаконные методы следствия, которые ЦК формально осудило в ноябре 38-го. В мае 39-го был арестован старый большевик М.С. Кедров, дядя расстрелянного в 37-м бывшего начальника Иностранного отдела НКВД Артузова. Михаилу Сергеевичу предъявили вымышленные обвинения в шпионаже, сотрудничестве с охранным отделением и проведении вредительства в годы гражданской войны. Кедров безуспешно взывал к ЦК, настаивая на своей невиновности. 19 августа 1939 года он писал, не зная, что его письма не пойдут дальше Следственной части НКВД: "Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации... Пятый месяц тщетно прошу на каждом допросе предъявить мне конкретные обвинения, чтобы я мог их опровергнуть, тщетно прошу следователей записать факты из моей жизни, опровергающие указанные выше обвинения. Напрасно...

И с первых же дней нахождения моего в суровой Сухановской тюрьме начались репрессии: ограничение времени сна 1-2 часами в сутки, лишение выписок продуктов, книг, прогулок, даже отказ в медпомощи и лекарствах, несмотря на моё тяжёлое заболевание сердца.

С переводом меня в Лефортовскую тюрьму круг репрессий расширялся. Меня заставляли стоять часами до изнеможения, в безмолвии в кабинетах следователей, ставили как школьника лицом в угол, трясли за шиворот. Хватали за бороду, дважды сажали в карцер, вернее, погреб. Совершенно сырое и холодное помещение с замурованным наглухо окном. С начала августа следователи гр. гр. Мешик, Адамов, Албогачиев начали меня бить. На трёх допросах меня били по щекам за то, что я заявляю, что я честный большевик и что никаких фактов моей преступной работы у них нет и не может быть".

Кедрову ещё повезло, что его не били резиновыми дубинками. А вот Мейерхольду не повезло. Всемирно известный режиссер в письмах Берии, Молотову и в прокуратуру подробно рассказал, как его били. Прокурору А.Я. Вышинскому Всеволод Эмильевич подробно описал, как проходили истязания: "Меня клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног; когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-жёлтым кровоподтёкам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Руками меня били по лицу". Александра Януарьевича, как и Лаврентия Павловича, подобным удивить было трудно. На суде, состоявшемся 1 февраля 1940 года, Мейерхольд утверждал, что "врал на себя благодаря лишь тому, что меня избивали всего резиновой палкой. Я решил тогда врать и пойти на костёр". Не помогло. Военная коллегия проштамповала спущенный из Политбюро смертный приговор, и на следующий день его привели в исполнение. Не стало Мастера (так ученики и друзья называли Мейерхольда). Не стало того, кто в одном из предсмертных заявлений писал: "Я хочу, чтобы дочь и мои друзья когда-нибудь узнали, что я до конца остался честным коммунистом".

Лаврентию Павловичу предстояло отправить на костёр не сотни тысяч, как при Ежове, но многие тысячи невинных людей. Берия творил добро, отнюдь не порывая со злом. Да и странно было бы ожидать увидеть в большевике с более чем 20-летним стажем и кадровом чекисте сторонника правового государства. Хотя, как мы помним, в своих докладных записках иной раз для красного словца щеголял этим термином. С тех пор мало что изменилось. Избиения не хуже тех, что пришлось испытать Мейерхольду, и сегодня практикуются нашей милицией, хотя Россия вроде бы считается демократической страной.

К моменту прихода Берии НКВД представлял собой не только карательный, но и мощный хозяйственный механизм. Узники ГУЛАГа трудились на многочисленных стройках. В 1940 году НКВД выполнило 13 % всех капитальных работ в народном хозяйстве страны. На 1941 год организации наркомата должны были освоить капитальных вложений на 6,8 млрд. рублей и выпустить промышленной продукции на 1,8 млрд. рублей. Реализоваться этих "планов громадьё" должно было благодаря подневольному труду почти двух миллионов заключённых.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Еще до начала Великой Отечественной войны Лаврентию Павловичу приходилось заниматься и чисто военными вопросами. Так, 29 ноября 1939 года, в самый канун советского нападения на Финляндию, последовавшего утром следующего дня, он направил весьма тревожное письмо наркому обороны маршалу Ворошилову. Пока опубликован лишь фрагмент этого письма, посвящённый Краснознамённому Балтийскому флоту, но можно предположить, что другие части письма касались состояния сухопутных войск и ВВС и рисовали положение ничуть не в лучшем свете. Отрывок же, посвященный Балтийскому флоту, стоит процитировать полностью: "В деле боевой подготовки КБФ имеется ряд недочётов. В работе штаба наблюдается неорганизованность и излишняя суета, нет должного оперативного взаимодействия между отделами штаба флота. Оперативным отделом штаба флота при разработке десантной операции было выработано большое количество вариантов, и ни один из них глубоко продуман не был. Поставленная перед стрелковой бригадой особого назначения задача по десантной операции менялась три раза. Первый (оперативный. - Б. С.) отдел штаба самостоятельно с разработкой необходимых операций не справился, поэтому, в помощь для выполнения этой работы, было привлечено большое количество командного состава флота, преподаватели академии и даже коменданты транспортов. Вокруг операции ведётся много телефонных и устных переговоров. Комнату, где сконцентрированы все оперативные документы и разработки, посещают много посторонних лиц.

Командование Кронштадтского укреплённого района посвятило уже командиров и комиссаров дивизионов о планах их дислокации на островах в Финском заливе.

Всё это привело к тому, что о предстоящей операции знает не только почти весь командный состав флота, но слухи о них (операциях. - Б. С.) проникли даже в среду гражданского населения.

Разведывательный отдел штаба флота работает плохо.

Подготовка транспортов для десантной операции проходит без достаточного руководства со стороны штаба флота и без наблюдения опытных специалистов. Транспорты оборудуются крайне медленно и к тому же с большими переделками. Изготовленные трапы для спуска транспортируемой тяжеловесной материальной части оказались негодными и их пришлось переделывать.

Неорганизованность в работе наблюдается и в некоторых штабах соединений флота. Начальник штаба эскадры, капитан 1-го ранга Челпанов, докладывая командующему флота о готовности артиллерии,

не знал даже точных данных о количестве и марках снарядов, необходимых для новых миноносцев.

Артиллерийская подготовка флота находится не на должной высоте. Крейсер "Киров" ни одну из зачётных стрельб из главного калибра не выполнил. Новые миноносцы и лидеры зачётных стрельб не выполнили, а старые эсминцы, которые в предстоящей операции будут осуществлять десантные задачи, - огневой подготовки в течение всей летней кампании не проходили и использовались только лишь как обеспечивающие корабли.

Новую материальную часть артиллерии личный состав, в том числе командиры боевых частей, знают плохо. Установленные на новых кораблях пушки К-34 76 мм и крупнокалиберные пулемёты ДК ещё не опробованы.

На "Якобинце" при проверке знаний материальной части оказалось, что личный состав не может даже самостоятельно зарядить пушку К-21. На некоторых кораблях и береговых частях нет таблиц стрельб. Форт "Краснофлотский", на который возложены весьма ответственные задачи, таблицы сверхдальних стрельб для 12-дюймового калибра получил только лишь 16 ноября.

Не все корабли имеют пристрелянные пулемёты. Сторожевой корабль "Вихрь", получив ответственное задание, вышел с непристрелянными пулемётами и всего лишь на 30 % обеспеченный спасательными поясами. На сторожевом корабле "Пурга" вышел из строя компрессор, а в связи с этим вышли из строя и торпедные аппараты, что на 50 % снизило боеспособность корабля".

Берия хорошо понимал, что войска к вторжению в Финляндию не готовы. Лаврентий Павлович не нёс никакой ответственности за подготовку армии и флота к войне. Поэтому он мог позволить себе очень откровенную критику. Берия прекрасно понимал, что эти и другие недостатки за сутки, оставшиеся до начала боевых действий, никак не исправишь. Если штабы не умеют толком спланировать операцию, а артиллеристы - зарядить орудия, если отсутствуют таблицы для стрельбы и не пристреляны пулемёты, если разведка работает плохо, а приготовления к наступлению не удаётся сохранить в тайне, значит, войска, которым завтра предстоит перейти финскую границу, потерпят серьёзные неудачи и не смогут добиться быстрой победы. Похоже, глава НКВД писал письмо Ворошилову с прицелом на будущее, чтобы потом, когда будут искать виновных за неизбежные военные неудачи, продемонстрировать Сталину свою прозорливость: смотрите, я же предупреждал, что мы к войне не готовы. Но многомудрый Лаврентий Павлович также отлично понимал, что Сталин не будет пересматривать уже принятое решение о нападении на Финляндию. И закончил письмо Ворошилову на оптимистической ноте: "Настроение личного состава Балтийского флота в связи с предстоящей операцией боевое. Краснофлотцы и начсостав выражают свою готовность в любую минуту выполнить приказ правительства и встать на защиту Советского Союза".

В период Великой Отечественной войны роль НКВД в экономике ещё больше возросла. В 1941-1944 годы на долю ведомства Берии пришлось почти 15 % всего капитального строительства. Зэки построили 612 полевых и 230 постоянных аэродромов, авиационные заводы в районе Куйбышева, авиазавод в Омске, 3 доменных печи с годовой мощностью

почти в 1 млн. т чугуна, 16 мартеновских и электроплавильных печей, выпускавших в год до полумиллиона тонн стали, прокатные станы на 542 тыс. т стали, ввели в строй десятки шахт и разрезов, где в год добывали до 7 млн. т угля (рубили уголёк те же зэки), 10 компрессорных станций для нефтяной промышленности, завод нитроглицериновых порохов и многое, многое другое. На предприятиях НКВД за тот же период было добыто 315 т золота, 9 млн. т угля, 6 млн. т черновой меди, 407 тыс. т нефти, 1 млн. т хромовитой руды, произведено 30 млн. мин, выработано 90 млн. куб. м леса и дров. Сталин был доволен успехами НКВД на экономическом фронте, и это стало одной из главных причин перевода Берии вскоре после окончания войны на хозяйственную работу. Сбылось то, о чём Лаврентий Павлович мечтал ещё в начале 20-х. Вот только отрасль предстояло курировать Лаврентию Павловичу весьма специфическую - разработка и производство атомной и водородной бомб. Для строительства атомных объектов планировалось широко использовать ГУЛАГ, а для ускорения научно-технических разработок - добыть с помощью разведки американские и английские атомные секреты. Берия имел опыт и в том, и в другом, да ещё какое-никакое, но техническое образование. Поэтому выбор пал на него.

Сыграло свою роль и то, что Лаврентий Павлович создал в системе ГУЛАГа сеть научно-исследовательских учреждений - так называемых "шарашек", где над проектами оборонного значения трудились учёные-заключённые. Часто их и арестовывали только затем, чтобы посадить работать в "шарашке" над темами, интересующими военное и карательное ведомства. Там трудились, в частности, знаменитые конструкторы А.Н. Туполев и С.П. Королёв. Одному из сотрудников "шарашки", итальянскому авиаконструктору графу Роберту Оросу ди Бартини, неосмотрительно приехавшему в 20-е годы в СССР строить социализм, а теперь доказывавшему, что ни в чём не виноват, Лаврентий Павлович с весёлым цинизмом ответил: "Конечно, знаю, что ты не виноват. Был бы виноват - расстреляли бы. А так: самолёт - в воздух, а ты - Сталинскую премию и на свободу".

В августе 1940 года Берия преподнёс Сталину большой подарок - организовал убийство его злейшего врага Троцкого. А к крупному провалу советской разведки, не сумевшей узнать о плане германского нападения на СССР, Лаврентий Павлович, строго говоря, прямого отношения не имел. С января 1941 года разведка была передана в ведение нового Наркомата государственной безопасности СССР, который возглавил В.Н. Меркулов. Он хотя и был протеже Лаврентия Павловича, но звёзд с неба не хватал. Тогда же, 30 января 1941 года, Берии было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности, эквивалентное маршальскому званию в армии, а с февраля 41-го он стал заместителем председателя Совнаркома, курирующим органы безопасности и военную промышленность.

5 марта 1940 года Политбюро приняло решение о расстреле пленных польских офицеров и интернированных гражданских лиц польской национальности из числа интеллигенции и имущих классов - почти 22 тысячи человек, в том числе более 14,5 тыс. офицеров. В апреле и первой половине мая его осуществили органы НКВД. По утверждению Серго Берии, его отец на заседании Политбюро выступил против казни поляков: "Свою позицию... он объяснял так: "Война неизбежна.

Польский офицерский корпус - потенциальный союзник в борьбе с Гитлером. Так или иначе, мы войдём в Польшу, и конечно же польская армия должна оказаться в будущей войне на нашей стороне". Реакцию партийной верхушки предположить нетрудно - отец за строптивость едва не лишился должности... Но и это не заставило отца подписать смертный приговор польским офицерам".

На решении о расстреле поляков подписи Берии нет - он был лишь кандидатом в члены Политбюро и не имел права решающего голоса. Предложение НКВД о расстреле поляков Лаврентием Павловичем подписано. Однако такое предложение наверняка оформлялось задним числом, уже после того как политическое руководство приняло принципиальное решение. Невозможно представить себе, чтобы Берия уговаривал Сталина: "Иосиф, давай расстреляем этих проклятых поляков!" А Сталин бы отнекивался: "Нет, Лаврентий, еще не время". Вопрос-то был политический, и решал его Сталин, а не Берия. Инициатива в таком деле могла стоить главе НКВД жизни. Пример Ежова был перед глазами. К тому же еще в феврале 1940 года он предлагал решением Особого совещания отправить пленных польских офицеров в лагеря в восточной части СССР сроком на 8 лет.

На постановлении от 5 марта 1940 года стоят подписи членов Политбюро, но есть одно примечательное исправление: в составе тройки, которая должна была проштамповать смертные приговоры полякам, первоначально стоявшая в машинописном тексте фамилия Берии вычеркнута и чернилами вписана фамилия Б.З. Кобулова. Это можно расценить как доказательство того, что предложение за подписью главы НКВД составлялось не им и уже после принятия Политбюро принципиального решения. Вероятно, это решение было сначала принято руководящей четвёркой в составе Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна, чьи подписи стоят на документе. Отсутствующих Калинина и Кагановича опросили потом по телефону, и они тоже высказались "за". Не стал бы сам Лаврентий Павлович предлагать самого себя в состав тройки, чтобы потом самого же себя и вычёркивать. Вероятнее всего, текст предложения о применении к полякам высшей меры печатали не сотрудники Берии, а секретарь Сталина А.Н. Поскребышев. Думаю, что Берия действительно был против казни поляков и мог попросить Сталина, чтобы его имя было вычеркнуто из числа тех, от лица которых формально будут вынесены смертные приговоры. Принимая во внимание относительный либерализм Берии в бытность его во главе Грузинского ГПУ и его послевоенную позицию относительно объединения Германии в единое буржуазно-демократическое государство, рассказ Серго о возражениях отца против расстрела поляков представляется вполне правдоподобным.

Какая причина заставила Сталина внезапно отказаться от плана депортации польских офицеров в Сибирь и на Дальний Восток и отдать предпочтение "жесткому варианту" - их скорейшему уничтожению? Судя по ряду признаков, Иосиф Виссарионович еще летом 1940 года планировал напасть на Германию. В этом случае Англия и польское правительство в изгнании, располагавшееся в Лондоне, становились союзниками СССР. Польских офицеров пришлось бы освобождать из лагерей и передавать в распоряжение польского правительства в Лондоне для формирования новой польской армии. Однако

подавляющее большинство этих офицеров не питало симпатий ни к Советскому Союзу, ни к коммунизму. Оказавшаяся под их командованием армия была бы лояльна лондонскому правительству, а не Сталину. Сталину же нужна была послушная Польша под контролем полностью зависимого от СССР коммунистического правительства. Поэтому он решил пленных офицеров тайно казнить.

Уже 27 февраля 1940 года в директивах Красной Армии и Флоту в качестве единственного вероятного противника была названа Германия и ее союзники. А ведь в эти дни еще продолжалась советско-финская война, и Англия и Франция всерьез рассматривали отправку крупного экспедиционного корпуса на помощь финнам. Однако не их, а Германию Сталин считал своим главным противником. И неслучайно уже через неделю после решения Политбюро был заключен мир с Финляндией, а освободившиеся войска ускоренным порядком перебрасывались к западным границам. Срок демобилизации призванных из запаса на войну с Финляндией был отодвинут до 1 июля 1940 года. НКВД же успело расстрелять практически всех поляков к моменту начала большого германского наступления на Западе 10 мая 1940 года. Сталин рассчитывал, что вермахт увязнет на линии Мажино, и тогда, через полтора-два месяца активных боевых действий на германо-французском фронте, Красная Армия ударит немцам в тыл, прикрытый лишь десятком второочередных дивизий. Однако Франция окончательно рухнула уже в середине июня, а сам исход кампании не вызывал больших сомнений уже в конце мая. В этих условиях Сталин не рискнул начать наступление, решив получше подготовиться к войне со столь грозным противником.

Характерно, что Сталин, безжалостно расправляясь с польскими офицерами и интеллигенцией, делал это в глубокой тайне, а публично стремился продемонстрировать иностранным наблюдателям уважение к польской культуре и заботу о польском национальном меньшинстве в СССР. Поэтому в Львовский обком КП(б)Украины, его главе Грищуку, а также Хрущеву и Бурмистренко 3 июля 1940 года ушла грозная сталинская шифрограмма: "До ЦК ВКП(б) дошли сведения, что органы власти во Львове допускают перегибы в отношении польского населения, не оказывают помощи польским беженцам, стесняют польский язык, не принимают поляков на работу, ввиду чего поляки вынуждены выдавать себя за украинцев и тому подобное. Особенно неправильно ведут себя органы милиции. ЦК ВКП(б) предлагает вам за вашей личной ответственностью незамедлительно ликвидировать эти и подобные им перегибы и принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися. Советую вам созвать небольшое совещание из лучших польских людей, узнать у них о жалобах на перегибы, записать эти жалобы и потом учесть их при выработке мер улучшения отношений с поляками".

По всей вероятности, в первый момент у Хрущева при чтении этих строк волосы дыбом встали. Как же, только что "лучших польских людей стреляли" под Харьковом, в Катыни и Медном, а тут вдруг изволь налаживай с ними отношения, созывай какое-то там совещание. Правда, совещание это, как сразу, наверное, понял опытный Никита Сергеевич, "для мебели" - чтобы в газетах можно было напечатать.

Бросается в глаза, что, упирая в шифровке на "неправильное" поведение милиции, Сталин адресовал ее не Берии, которому

милиционеры непосредственно подчинялись, а только партийным руководителям. Не исключено, что сам Лаврентий Павлович и поставил Иосифа Виссарионовича в известность о "перегибах" в отношении поляков в западных областях Украины. Кроме того, Сталин понимал, что на местах органы НКВД следуют в первую очередь директивам местных партийных вождей, если они, разумеется, не противоречат указаниям Москвы и центрального аппарата НКВД. А поляки и в 20-е, и в 30-е годы числились если уж не поголовно врагами, нацией, безусловно, подозрительной, среди которой полным-полно шпионов, диверсантов и потенциальных перебежчиков. Так что во Львове органы внутренних дел взялись за преследование поляков с большим энтузиазмом, и потребовался окрик Сталина, чтобы умерить их рвение.

Если же в данном случае сталинский гнев обрушился на Хрущева по наводке Берии, или если Хрущев пришел именно к такому выводу, то это был лишний повод для Никиты Сергеевича затаить обиду на главу НКВД.

Ещё в середине октября 1940 года Сталин поручил Берии подыскать среди уцелевших польских военнопленных тех, кто выразил бы готовность воевать с Гитлером в союзе с СССР даже без санкции польского правительства в Лондоне. Тогда же он поручил Лаврентию Павловичу предпринять меры по созданию в СССР формирований из чехов и словаков во главе с полковником Людвигом Свободой. Уже 2 ноября 1940 года Берия докладывал, что удалось отобрать группу "правильно политически мыслящих" офицеров, которые видели будущую Польшу тесно связанной "в той или иной форме с Советским Союзом". "Благонадёжным" полякам предлагалось "предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии". Такую дивизию Берия рекомендовал начать формировать "в одном из совхозов на юго-востоке СССР", в Казахстане.

4 июня у1941 года Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии Красной Армии, "укомплектованной личным составом польской национальности и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии". Сформировать дивизию помешала начавшаяся не вовремя война.

Польская дивизия могла понадобиться Сталину лишь для одной цели - войны против Германии. Создавать подобную дивизию загодя не было никакого смысла. Хлопот с ней было больше, чем с обычной дивизией Красной Армии - нужны были особые уставы на польском языке и польская военная форма. По боеспособности же она была бы хуже большинства советских дивизий. Ведь перед "зимней войной" точно так же был сформирован финский корпус Красной Армии, но толку от него было чуть. "Красные финны" сражались из рук вон плохо, часто обращались в бегство, и от их использования на передовой пришлось отказаться. Не было оснований думать, что "красные поляки", у которых польскими зачастую были только фамилии, будут сражаться лучше. Польская дивизия нужна была Сталину не для боев, а для парада в освобождённой от немцев Варшаве. Она стала бы опорой просоветского правительства Польши. Эту роль в 45-м году действительно сыграли сформированные в СССР две армии Войска

Польского, но в 41-м году после первых неудач Красной Армии вопрос о формировании польской дивизии сразу же отпал.

Были предприняты и дальнейшие шаги для организации диверсионных групп из числа солдат и офицеров чехословацкого легиона Людвига Свободы. В конце апреля 1941 года в Москву прибыла миссия чехословацкого эмигрантского правительства во главе с полковником Г. Пикой. Как сообщает в мемуарах Свобода, удалось достичь договорённости о подготовке десанта парашютистов, проведении акций саботажа и сборе разведывательной информации, причём "те, кто должен был обеспечивать "движение" по нелегальным путям с родины, прибыли в назначенное место... за пять-шесть дней до начала гитлеровской агрессии против СССР". Точно так же немцы за несколько дней до начала вторжения засылали в СССР диверсантов и разведчиков из числа местных уроженцев.

Первоначально советское вторжение в Германию планировалось на июнь 1941 года. Любопытно, что Сталин при этом был твердо уверен, что Германия в 41-м не собирается нападать на СССР, а Гитлер, в свою очередь, не ожидал начала советского наступления раньше 43-го года. В германских штабах не знали, что на мартовском плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе заместитель начальника Генштаба Н.Ф. Ватутин оставил резолюцию: "Наступление начать 12.6". В середине мая был окончательно разработан план превентивного удара. Наступление предполагалось вести на юго-западном направлении в направлении Катовице - Катовице, где 152 советские дивизии по замыслу Тимошенко и Жукова должны были разбить 100 немецких и нанести противнику решительное поражение уже на 30-й день операции. Затем советские войска должны были повернуть на север и, выйдя к Балтике, окружить все германские силы в Польше и Восточной Пруссии. Тогда бы путь в Западную Европу был открыт.

Красная Армия на Западе имела в 3,5 раза больше танков и в 5,5 раз больше боевых самолетов. Правда, качество подготовки личного состава сводило на нет в реальной действительности это превосходство, но ни советские генералы, ни Сталин тогда не осознавали данное печальное обстоятельство. Было и другое неприятное для советского руководства обстоятельство. Главная группировка вермахта была не на юго-западе, как предполагал Генштаб Красной Армии, а в центре, и удар 152 советских дивизий пришелся бы не по 100, а всего лишь по 30 германским дивизиям. При этом ударная советская группировка подверглась бы мощному контрудару во фланг, который нанесли бы силы наиболее сильной германской группы армий "Центр". Низкая подготовка советских летчиков и танкистов, острая нехватка средств связи, слабое взаимодействие разных родов войск гарантировали, что и в случае, если бы Красная Армия упредила вермахт и нанесла удар первой, фона все равно потерпела бы тяжелое поражение.

Германский план "Барбаросса", предусматривавший наступление на влсех трех стратегических направлениях, в большей мере был застрахован от ошибок разведки в определении дислокации советских войск. Если бы, скажем, основная группировка Красной Армии располагалась бы не на юго-западном, а на центральном направлении, это обстоятельство замедлило бы продвижение группы армий "Центр", но зато группа армий "Юг" наступала бы в гораздо более высоком

темпе, чем это произошло в действительности. И тогда Сталин, возможно, расстрелял бы не Павлова, а Кирпоноса. Вот и вся разница.

Уже в середине мая 1941 года, когда был окончательно готов план превентивного удара, стало ясно, что из-за того, что еще не было завершено сосредоточение войск, начать наступление 12 июня, как первоначально планировалось, не удастся. Поэтому, как показывают сроки передислокации войск и завершения формирования польской дивизии, вторжение в Западную Европу было перенесено на июль. При этом точной даты начала операции, по всей вероятности, так и не было установлено, поскольку она зависела от срока завершения сосредоточения сил и средств. Можно предположить, что, как и перед нападением на Финляндию, точный день начала наступления Сталин вообще не собирался фиксировать ни в одном документе, а хотел отдать соответствующий приказ устно, по телефону.

Как свидетельствует тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в опубликованной в 1966 году книге мемуаров "Накануне", "И. В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться ев воздух, а погибли прямо на аэродромах"и Поэтому советский вождь бесстрашно готовился броситься в пучину войны с самой сильной в тот момент армией Европы. Ему и в страшном сне не могло предвидеться, что придется отступать до Москвы и Сталинграда.

Есть у Николая Герасимова ни еще одна значимая поговорка в посмертно опубликованной книге "Крутые повороты". Кузнецов упоминает, что Жуков, после своего назначения в феврале 1941 года начальником Генштаба, но еще до начала Великой Отечественной войны, проявлял "прохладное отношение к флоту", поскольку "в то время сравнительно еще малочисленный по составу флот (пока нее была реализована "большая программа") не вызывал особого интереса у Сталина на случай скорой войны, и это, видимо, слышал и знал Жуков". Значит, Иосиф Виссарионович уже в феврале 41-го думал о скорой войне, но к отражению германского нападения не готовился.

Берия, в отличие от Сталина, как мы уже убедились на примере финской войны, весьма скептически оценивал боеспособность советских вооруженных сил. Он был в курсе советских планов нападения на Германию. Еще 6 мая 1940 года во время ужина в узком кругу охраны в присутствии Берии Сталин заявил: "Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!" Я думаю, Лаврентий Павлович высказывал Сталину серьезные сомнения, что советский блицкриг против Германии завершится успехом, и в действительности придется вести тяжелую затяжную войну. Возможно, именно из-за этого скептицизма при реорганизации органов госбезопасности в начале февраля 1941 года Управление особых отделов, занимавшееся оперативно-чекистской и контрразведывательной работой в Красной Армии, было передано из НКВД в состав Наркомата обороны Сталин готовился стать Верховным Главнокомандующим, чтобы предводительствовать коротким и победоносным, как он думал, походом в Западную Европу. На это время

Иосиф Виссарионович собирался взять под плотный личный контроль Красную Армию и работавшие там органы безопасности, дабы гарантировать себя от малейших бонапартистских проявлений. Да и оставлять в руках Берии или его ставленника Меркулова особые отделы, значение которых чрезвычайно возрастало в условиях победоносной войны, Сталин не хотел. Наверное, он уже тогда опасался давать слишком много власти молодому и амбициозному наркому, зарекомендовавшему себя человеком дела и неплохим администратором.

Война с Германией в первые два года обернулась для Красной Армии не победами, а по большей части тяжкими поражениями. В этот период появления нового Бонапарта можно было не опасаться. Борьба же с Германией не на жизнь, а на смерть требовала концентрации всех карательных щи контрразведывательных органов в одних руках. Ведь успех борьбы в решающей степени зависел от прочности как фронта, так и тыла, и необходимо было объединить действия чекистов в армии си среди гражданского населения. Вот когда весной 1943 года, после Сталинграда, исход войны уже определился, Иосиф Виссарионович вернулся к схеме первой половины 1941 года и вернул особые отделы, переименованные в военную контрразведку "СМЕРШ" ("Смерть шпионам"), в состав Наркомата обороны, который сам же и возглавлял. Во главе Управления особых отделов, а потом и "Смерша" стоял вполне бесцветный и не отмеченный никакими заметными талантами В.С. Абакумов, что Сталина до поры до времени вполне устраивало. Виктор Семенович выдвинулся при Берии благодаря элементарному подхалимажу. Когда Лаврентий Павлович вскоре после своего назначения на пост наркома выступал на собрании сотрудников центрального аппарата, Абакумов подсуетился и установил на сцене портрет нового шефа Берия заметил расторопного чекиста и назначил его главой УНКВД Ростовской области. Позднее Абакумов стал заместителем наркома внутренних дел, а в июле 41-го возглавил Управление особых отделов. В дальнейшем он был приближен Сталиным и после войны стал уже соперником Берии в борьбе за контроль над органами госбезопасности.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НА ФРОНТЕ, НА ЛУБЯНКЕ, НА УРАЛЕ

Через месяц после начала войны, 20 июля 1941 года, НКГБ был вновь слит с НКВД, во главе которого остался Берия. Он также был назначен членом Государственного Комитета Обороны, а с ш16 мая 1944 года стал заместителем председателя ГКО. Лаврентий Павлович курировал в этом качестве оборонную промышленность. 30 сентября 1943 года за успехи в области производства вооружения и боеприпасов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Надо признать, что энергия Лаврентия Павловича немало способствовала тому, что Красная Армия имела в избытке танки и самолёты, мины и снаряды. Хотя и здесь не обходилось без приписок, и есть основания подозревать, что на бумаге производство некоторых видов вооружений могло быть завышено в полтора-два раза.

В первые месяцы войны Лаврентию Павловичу пришлось также заниматься дипломатией, что 22 года спустя на следствии ему поставили в вину, инкриминировав ни больше ни меньше как попытку

сговора с Гитлером. А как обстояло дело на самом деле? 7 августа 1953 года бывший руководитель операции по убийству Троцкого П.А. Судоплатов писал из тюрьмы в Совет Министров СССР:

"... Примерно числа 25-27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Берия.

Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путём выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановить наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен.

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;

что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;

устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;

если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым я вёл не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырёх вопросов...

Берия... строжайше предупредил меня, что об этом поручении Советского правительства я нигде, никому и никогда не должен говорить, иначе я и моя семья будут уничтожены. Берия дал указание проследить по линии де-шифровальной службы, в каком виде Стаменов пошлёт сообщение по этим вопросам за границу.

Со Стаменовым ну меня была договорённость, позволявшая вызвать его на встречу. На другой день, в соответствии с полученными от Берия указаниями, я позвонил в болгарское посольство, попросил к аппарату Стаменова и условился с ним о встрече у зала Чайковского на площади Маяковского. Встретив Стаменова, я пригласил его в машину и увёз в ресторан "Арагви".

В "Арагви", как это было предусмотрено инструкциями Берия, состоялся мой разговор со Стаменовым. Разговор начался по существу создавшейся к тому времени военной и политической обстановки. Я расспрашивал Стаменова об отношении болгар к вторжению немцев в СССР, о возможной позиции в этой связи Франции, Англии и США и в процессе беседы, когда мы коснулись темы вероломного нарушения немцами пакта о ненападении... я поставил перед Стаменовым указанные выше четыре вопроса.

Всё, что я говорил, Стаменов слушал внимательно, но своего мнения по поводу этих четырёх вопросов не высказывал. Стаменов старался

держать себя как человек, убеждённый в поражении Германии в этой войне. Быстрому продвижению немцев в первые дни войны он большого значения не придавал. Основные его высказывания сводились к тому, что силы СССР безусловно превосходят силы Германии и, что если даже немцы займут в первое время значительные территории СССР и, может быть, даже дойдут до Волги, Германия всё равно в дальнейшем потерпит поражение и будет разбита.

После встречи со Стаменовым я немедленно, в тот же вечер, доложил о её результатах бывшему тогда наркому Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР. Во время моего доклада Берия сделал какие-то записи в своей записной книжке, затем вызвал при мне машину и, сказав дежурному, что едет в ЦК, уехал.

Больше я со Стаменовым на темы, затронутые в четырёх вопросах, не беседовал и вообще с ним больше не встречался. Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени ещё не участвовали в войне.

Больше никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получали Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась".

Мы сегодня тоже не можем с уверенностью сказать, имела ли встреча Судоплатова со Стаменовым какие-либо последствия. В своих мемуарах Судоплатов утверждал, будто болгарский посол был завербованным агентом НКВД, однако процитированное выше письмо 1953 года заставляет в этом усомниться. Ведь там Павел Анатольевич ни разу прямо не называет болгарского посла советским агентом. Скорее всего Судоплатов в мемуарах несколько преувеличил успехи своего ведомства и зачислил русофила Стаменова в настоящие агенты. Тайну же советских мирных предложений Гитлеру в первые недели войны, равно как тайну несостоявшегося нападения Сталина на Германию, мог бы прояснить личный архив Иосифа Виссарионовича. Но, как видно, архив этот основательно почистили его преемники. Даже в папке направлявшихся Сталину сообщений ТАСС - лакуна, приходящаяся на период с 14 апреля по 13 ноября 1941 года. Выходит, даже "тассовские" сообщения, на полях которых могли остаться красноречивые и саморазоблачительные резолюции, по всей вероятности, просто уничтожили. Если бы документы этого периода не уничтожили, а выделили в отдельную, особо секретную единицу хранения, то вряд ли бы оставили в том же самом досье документы конца 41-го и 42-го года.

Приходилось Лаврентию Павловичу заниматься и чисто военными вопросами. Правда, Берия, хоть и носил высокое звание Маршала Советского Союза, почти не выступал в роли полководца. Единственное исключение - его участие в битве за Кавказ в 1942-1943 годах в качестве представителя Ставки. Но орден Суворова 1-й степени, высшую полководческую награду, Берия получил в 1944 году не за это, а за "образцовое выполнение специального задания правительства" - организацию депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар и других народов Северного Кавказа и Крыма.

Вместе с тем, ряд советов Лаврентия Павловича по военным делам Сталин порой охотно принимал. Наверное, он запомнил, что именно Берия в самый канун финской войны предупреждал его о плохом состоянии Красной Армии. Вскоре после 22 июня 1941 года Берия предложил назначить командующими стратегическими направлениями героев гражданской войны Ворошилова и Буденного. При этом никаких иллюзий насчет их полководческих качеств глава НКВД не питал. Берия прекрасно знал, как показал себя Ворошилов в войне с Финляндией. А Буденного год спустя во время битвы за Кавказ Лаврентий Павлович, как мы убедимся, очень резко критиковал. Но назначение хорошо известных народу руководителей Первой Конной на высокие посты преследовало прежде всего моральные цели, должно было укрепить в людях веру в победу, в то, что как и в гражданскую, Красная армия одолеет всех врагов. К тому же сами по себе стратегические направления в системе управления войсками представляли собой больше декоративные конструкции, не имевшие реальных рычагов воздействия на ход событий. Все решала Ставка во главе со Сталиным и более молодые командующие фронтами. Потом многие из них, такие как Жуков, Рокоссовский, Конев, Василевский, стали маршалами, Героями Советского Союза, были объявлены главными творцами стратегических решений, обеспечивших успех в битве с коварным врагом. Имя Берии же в связи с войной в положительном контексте не упоминалось никогда. Словно Лаврентий Павлович только тем и занимался в 1941-1945 годах, что сажал и расстреливал невиновных и депортировал "наказанные народы". А ведь все названные маршалы, по утверждению Серго Берии, были совсем не в плохих отношениях с его отцом. Рокоссовский вообще мог испытывать благодарность к Лаврентию Павловичу хотя бы за то, что тот освободил его из тюрьмы. Конечно, делалось все по решению Сталина, но и к исполнителю столь важного для своей дальнейшей судьбы решения Константин Константинович должен был испытывать добрые чувства.

Маршала же Жукова, по уверению самого Берии, он просто спас в конце июля 41-го, когда после поражения под Смоленском Сталин собирался поступить с Георгием Константиновичем, занимавшим пост начальника Генштаба, весьма сурово. И только просьбы Берии, Маленкова и Молотова побудили Сталина ограничиться удалением Жукова из Генштаба и назначением его командующим Резервным фронтом. Это все Лаврентий Павлович писал в письме тем же Маленкову и Молотову уже после ареста, и врать ему в данном вопросе не было никакого смысла.

Берию традиционно обвиняют в жестокости. Вот и в войну приписывают ему одни злодейства. Но посмотрим, а каковы были, например, советские маршалы, считающиеся положительными героями войны. В наших учебниках истории маршал Георгий Жуков предстает главным архитектором Великой Победы, действовавшим часто вопреки мнению Сталина. Он изображен как герой-страдалец, подвергшийся после войны незаслуженной опале со стороны того же Сталина и Хрущева. Да, он был суров, все делал ради народа, ради победы. И достоин вечной памяти и памятников на центральных улицах главных российских городов.

Я хочу процитировать только один документ, который безнадежно губит репутацию "народного маршала" и делает кощунственным всякое

его прославление. Это - письмо начальника Главного политического управления Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота армейского комиссара 2-го ранга Ивана Рогова секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Георгию Маленкову, датированное 5 октября 1941 года: "Начальник Политического управления Балтфлота издал 28.9.41 г. директиву за № 110/с, в которой указывает: "Разъяснить всему личному составу кораблей и частей, что все семьи краснофлотцев, красноармейцев и командиров, перешедших на сторону врага, сдавшихся в плен врагу, будут немедленно расстреливаться, как семьи предателей и изменников Родины, а также будут расстреливаться и все перебежчики, сдавшиеся в плен врагу, по их возвращении из плена".

Я немедленно запросил ПУБалт, на основании каких указаний издана директива, противоречащая указаниям приказа Ставки Верховного Командования Красной Армии № 270.

Член Военсовета КБФ т. СМИРНОВ и начальник ПУ КБФ т. ЛЕБЕДЕВ в своей телеграмме от 4.10.41 г. сообщают, что директива № 110/с составлена на основе шифрограммы командующего Ленинградским фронтом т. Жукова за № 4976, в которой сказано:

"Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны".

Народному комиссару ВМФ т. КУЗНЕЦОВУ и мне неизвестно, что по 2 приказа Ставки № 270 изменен.

Считаю, что шифрограмма № 4976 командования Ленинградского фронта противоречит указаниям приказа № 27 Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии".

Напомню, что драконовский приказ № 270 от 16 августа 1941 года предусматривал только лишение семей попавших в плен красноармейцев государственного пособия и помощи. Жуков же готов был расстреливать даже грудных младенцев - только так можно понимать слова о расстреле всех членов семьи. Политуправление Балтфлота даже не решилось буквально воспроизвести жуковский текст, и смягчило его, указав, что после возвращения из плена расстрелу подлежат лишь перебежчики. Сталин, лично продиктовавший приказ № 270, в сравнении с Георгием Константиновичем выглядит истинным человеколюбцем. А уж Лаврентию Павловичу Георгий Константинович мог бы вообще дать большую фору. Берия хоть без нужды людей не губил.

Я не знаю, успели ли кого-нибудь расстрелять по зловещему приказу № 4976 за те несколько дней, что Жуков командовал Ленинградским фронтом, до срочного вызова в Москву после немецкого прорыва под Вязьмой. В прифронтовой полосе семьи пленных, по счастью, вряд ли сыскали за столь короткий срок. А вот десяток-другой красноармейцев, заподозренных в том, что они побывали в плену, расстрелять вполне могли.

Маленков ознакомился с письмом 8 октября, вскоре после катастрофы под Вязьмой, где были окружены силы трех фронтов. Никакой письменной реакции Георгия Максимилиановича пока не найдено. Не исключено, что в дни, когда члены Политбюро ломали голову над вопросом, удержим ли Москву, а Жуков с его чрезвычайной жестокостью казался им последней надеждой на спасение, никаких мер взыскания за людоедский приказ к нему применять не стали. Может

быть, Маленков лишь пожурил тезку: не следует, мол, впредь превышать свои полномочия.

И после своего людоедского приказа Георгий Константинович без тени смущения, блестяще сыграв искреннее возмущение, говорил в б1956 году, уже после XX съезда, Константину Симонову: "У нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: "Каждый, кто попал в плен, - предатель Родины" - и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в сорок первом или сорок втором, не лишили себя жизни... Трусы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев. Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста, хуже, трусливей? Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате всех постигавших нас в начале войны катастроф?.."

И на самом деле толку от драконовских приказов, типа сталинского и жуковского, было чуть. После приказа № 270 последовали грандиозные котлы под Киевом и Вязьмой, в каждом из которых было пленено по 660 тысяч красноармейцев, после шифрограммы № 4976 было харьковское окружение с 240 тысяч пленных, и два окружения в районе Ленинграда - 2-й ударной армии весной и осенью 1942 года, в ходе которых были захвачены десятки тысяч пленных. Число красноармейцев, попавших в плен, определялось конкретной оперативной обстановкой, а отнюдь не масштабом и суровостью репрессий за сдачу в плен. Угрозы расправиться с семьей скорее могли побудить солдат к дезертирству. Кто потом установит, пропал ли он без вести или сдался в плен!

Странно убеждать нас, будто Жуков не просто верующий, но и человек, живший по христианским заповедям. Когда настоятель Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл писал дочери Жукова Марии об ее отце: "Чувствуется, что душа его христианская... Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни", то не знал о том, что маршал готов был истреблять даже грудных младенцев. Жукову нельзя ставить памятники, тем более сравнивать его подвиги с подвигами Святого Георгия. Если мы хотим сохранить в наших детях хоть какое-то нравственное начало, то в учебниках истории этот персонаж должен стоять не в одном ряду с Суворовым и Кутузовым, а рядом со Сталиным и Ежовым, Абакумовым и Берией. Разве что Лаврентий Павлович, который в Бога все-таки верил, детей расстреливать не призывал.

Публикация мной расстрельного приказа маршала Жукова в номере "Известий" от 29 сентября 2000 года вызвала ряд интересных откликов читателей, доказывающих, что отношение к красноармейцам на протяжении всей войны оставалось в духе этого приказа, действовавшего не более десяти дней. В частности, инвалид войны из деревни Лужки Тверской области Павел Соловьев утверждает:

"Сегодня, через 55 лет мы обязаны здраво осмыслить все, что было. Мне было 17 лет, когда я попал на фронт. Около года я был на переднем крае этой войны, где смерть ежесекундно висела над головой, и человеческая жизнь не стоила ломаного гроша. Это была гигантская мясорубка, перемалывающая миллионы человеческих жизней. Причем надо признать установленный факт, что немцев погибло около пяти миллионов, а наших в пять раз больше". Он приводит случай из собственного боевого опыта на Курской дуге: "Мы стояли в обороне. Ночью со стороны противника слышался гул моторов, который становился все громче. Пополз слух, что это немецкие танки. И действительно, только рассвело, показались танки. Это было первое появление немецких "тигров". Они медленно приближались, стреляя на ходу. Позади танков шли автоматчики. У нас на огневой, как назло, мне оказалось бронебойных снарядов, были только осколочные. Командир приказал мне сбегать в тыл и поторопить доставку. Я сломя голову без оружия и пилотки побежал выполнять приказание. Тут я заметил, что по всему полю, пятясь, отступает пехота. Среди отступающих я заметил капитана, который матерясь пытался остановить солдат. Причем он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я бежал прямо на него. В этой ситуации я не мог объяснить причину, зачем я бегу и куда. Он подбежал ко мне: "Где твое оружие, сволочь?" и в упор выстрелил в меня. Пуля просвистела над ухом. Я упал на землю и с ужасом ждал контрольного выстрела. Но капитан был уже далеко от меня. Он расстреливал каждого, к кому подбегал. Я поднялся и побежал на передовую в свой расчет. Снаряды нам подвезли. Мы отбили танковую атаку, потеряв 2/3 своего батальона. После боя меня бил озноб. Смерть тебя ждала не только впереди, но и сзади. О войне написано много. Но вся правда еще не написана. Для меня правдиво о войне писали только писатели Вячеслав Кондратьев, Василь Быков да еще Виктор Астафьев".

В свете этого свидетельства можно предположить, что шифрограмма № 4976 за те десять дней, что действовала, успела претвориться в жизнь. Как и приказ № 270, она призвана была запугать бойцов и командиров, но без реального претворения в жизнь угроза действует слабо. До семей пленных, конечно, добраться не успели, а вот расстрелять несколько десятков красноармейцев, обвиненных в том, что побывали в плену, вполне могли.

С. Афонский из города Кстово Нижегородской области резонно замечает: "Приказ есть приказ... Исполнять нужно именно его, а не комментарии к нему. Расстрелы заложников за те ли иные "преступления" против Советской власти применялись... сразу же после октября 1917 года. Создатель Красной Армии Троцкий специальным приказом ввел "заградительные отряды", назначение которых было в том, чтобы стоять позади атакующих подразделений и расстреливать из пулеметов отступающих...

Мне довелось работать с бывшим моряком Черноморского флота, капитан-лейтенантом, участвовавшим в высадке десанта на Малую Землю. Он рассказывал, что позади крейсеров с десантниками шли цепью катера заградотряда для того, чтобы расстреливать тех, кто вздумает повернуть вспять. Рассказывал он это в конце 60-х годов...

В 1945 году в Германии я сам видел на одной из железнодорожных станций эшелон из "телячьих" вагонов. Двери и окна их были наглухо заперты. День был жаркий, и от вагонов несло тяжелым зловонием.

Сквозь доски пола лилась моча. Из вагонов слышались женские крики, плач, просьбы. Вдоль вагонов ходили часовые с примкнутыми штыками, никого близко к эшелону не подпуская. На вопросы не отвечали, как им и положено. Но их все-таки спрашивали настойчиво: "Кто в вагонах?" Кричали-то по-русски! Один часовой не выдержал: "Это немецкие шлюхи". Вот как: сначала отдали до Москвы Россию, а затем объявили шлюхами тех, кого фашисты увезли в Германию...

Известно, что Советский Союз, Россия понесли в Великой Отечественной войне гораздо большие человеческие потери, чем Германия. Счет их - на миллионы. Почему? Ведь в 1941 году немцы наступали, а согласно военной науке наступающие несут потери в три раза больше, чем обороняющиеся. Потом Красная Армия наступала, но тогда потери в живой силе были бы примерно равны...

Все вышеприведенные факты я назвал для того, чтобы показать: для приказа... Жукова были "исторические предпосылки", и практика его подтверждала.

Но пусть даже, допустим, его угрозы не осуществлялись: ни семьи пленных не расстреливали, ни самих пленных красноармейцев. И хорошо, если это осталось просто угрозой. Но во всяком случае она говорит о том, что даже наш самый великий советский полководец, самый талантливый и самый опытный, и умный, и т. д. ставку делал не на верность советского солдата родной коммунистической партии, не родному и любимому И.В. Сталину. Он даже не верил в его мужество и любовь к Родине. Он верил в страх солдата перед этой самой партией, которая в самом деле могла расстрелять и его самого, и его семью за то, что сама же поставила его в безвыходное положение. Или не воспитала в нем желания ценой собственной жизни защищать ее и свою социалистическую страну...

Ни осуждать, ни защищать Г.К. Жукова не собираюсь и не могу. Для этого нужно иметь достоверные и неопровержимые факты. У нас есть один главный и неоспоримый факт - Победа над фашистской Германией. Факт этот состоит из множества других фактов, из сложного переплетения взаимоотношений солдат и тех, кто ими руководил. Руководил как умел, имея свои плюсы и минусы, свое величие и ничтожество. Распоряжение расстреливать семьи сдавшихся врагу не делает ему чести. Но оно не делает чести и тем, кто вынудил его принять такое решение. Войска отступают. Почти бегут. Многие сдаются в плену 3 миллиона пленных красноармейцев. Их надо остановить. Сейчас же. Чем? Да хоть чем угодно - даже страхом, большим, чем страх личной смерти, страх за своих родных - за их жизнь. При этом упор делался не на том, что их могут уничтожить захватчики, а на том, что их убьют свои же!""

Преподаватель кафедры истории Казанской государственной архитектурно-строительной академии полковник в отставке, участник войны с трагического октября 41-го Петр Павлович Лебедев считает, что подлинность жуковской шифрограммы не вызывает особых сомнений не только потому, что публикация снабжена необходимыми архивными атрибутами, но главным образом потому, что хорошо вписывается в постоянно повторяющиеся требования беспощадно и в массовом порядке расправляться со своими же бойцами, поведение которых в бою не соответствует тому, какого ожидает от них "маршал победы". И Павел Петрович приводит другие примеры ничем не

оправданной жуковской жестокости: "Известно письмо довоенного руководителя советского писательства В. Ставского, сигнализировавшего Сталину о "перегибах" в 24 армии фронта Жукова, когда за короткий срок было расстреляно до 600 человек "дезертиров и предателей" и лишь 80 человек представлено к правительственным наградам... И происходило это в период вроде бы успешной Ельнинской наступательной операции фронта. А вот пример "творческого осмысления" знаменитого приказа Сталина № 227, вводившего на фронтах заградительные отряды, опытом которого Жуков делится с верховным командованием в своем донесении о первых результатах тоже наступательной Ржевско-Вяземской операции, которой (правда, без большого успеха, но при огромных потерях) руководил сам "творец всех побед":

"Для предупреждения отставания отдельных произведений и для борьбы с трусами и паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные военными советами армий командиры. В итоге всех принятых мер войска 31 и 20 армий успешно прорвали оборону противника". А в сталинском приказе, между прочим, говорится о другом предназначении этих отрядов. Впрочем, человеколюбивый вождь вряд ли упрекнул своего инициативного любимца, так же как, думается, вполне одобрил и творческое толкование приказа № 270 годом раньше Знакомство с приказами Жукова, свидетельства очевидцев его "полководческой" деятельности позволяют сделать вывод, что речь идет не о перегибах, не об эмоциональных срывах в критической ситуации, что хотя бы можно понять, а об особых приемах руководства войсками, которые можно было вы назвать террористическими. Вот требования только одного из многих подобного рода приказов Жукова, относящихся к Московскому сражению 1941 года:

"Безжалостно расстреливать виновных, не останавливаясь перед полным уничтожением всех бросивших фронт". Так как отступающих тогда под натиском мощного противника были десятки тысяч, а получить разрешение на отход от фронта и армии, да еще в письменной форме (как того требует Жуков в другом своем приказе) было немыслимо, то требование "полного уничтожения" своих же войск по существу могло означать открытие второго фронта уже за спиной отчаянно сражающихся с врагом своих же войск. И это "настоящий полководец и настоящий генерал", как считает Георгий Владимов, автор очень хорошей книги о войне и полководцах!

По моему мнению, Георгий Жуков обладал многими качествами выдающегося военачальника: железной волей, высокими организаторскими способностями, личным мужеством, но полководцем, да еще выдающимся, не был, особенно в нашем традиционном русском понимании.

Еще раз это проявилось уже после войны, когда кон был министром обороны. Все, кому довелось служить тогда на командных должностях, должны помнить жестокие, безжалостные расправы, сопровождаемые унижениями человеческого достоинства подчиненных, которые на личном примере культивировал "народный полководец". Расстреливать без суда он уже не мог, но скольким достойным людям поломал судьбу... Взять хотя бы судьбу выдающегося флотоводца Н. Кузнецова.

В конечном счете эти методы руководства войсками оказались малоэффективными даже с чисто прагматической стороны и нередко приводили к противоположному результату. Страх перед бессудными расстрелами вел к увеличению числа перебежчиков, для которых гитлеровский плен становился единственным спасением. Найденный в архивах документ, по моему мнению, вовсе не сенсация. Воспринимается же он как сенсация потому, что история войны загромождена всякого рода мифами, на охране которых стойко и агрессивно сражаются новоявленные цензоры... Свободные граждане свободной России... не нуждаются в мифах. Не нужны они и для "патриотического воспитания", ибо нет особой "патриотической "воспитательной" истории. Ценность истории, как и любой науки, в стремлении к обретению истины. В этом и ее воспитательный, патриотический потенциал. Равно вредны и "чернуха" и "белуха", если они служат интересам отдельных лиц или политической ситуации".

Стоит добавить к этому только то, что, когда речь шла о близких ему людях, Георгий Константинович проявлял неожиданную мягкость. Например, его бывший соратник по Халхин-Голу и бывший порученец Иван Михайлович Афонин, в 44-м, уже командуя корпусом, творчески развивая приказ № 227, ни с того ни с сего расстрелял начальника разведки дивизии. Так Жуков предлагал не предавать генерала суду военного трибунала, а ограничиться "мерами общественного и партийного воздействия". И Афонин благополучно довоевал до конца войны, командовал 18-м гвардейским стрелковым корпусом при освобождении Чехословакии, а потом еще участвовал в параде Победы!

По поводу генерала Афонина начальник Главного управления кадров Красной Армии генерал-полковник Ф.И. Голиков писал секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову 30 апреля 1944 года: "Маршал Советского Союза тов. Жуков (шифровкой № 117396 от 28 апреля с. г.) донёс на имя Народного комиссара обороны Маршала Советского Союза тов. Сталина о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором начальника 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Представляю Вам по этому вопросу копию моего доклада на имя тов. Сталина".

Сталину же Маленков сообщал днём раньше, 29 апреля: "Маршал Жуков Вам донёс о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониным начальника Разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Несмотря на то, что этот самочинный расстрел был совершён 12 апреля с.г., донесение было сделано только 28 апреля, т. е. через 16 суток.

Вопреки ходатайства маршала Жукова - не предавать Афонина суду Военного трибунала, а ограничиться мерами общественного и партийного воздействия, я очень прошу Вас предать Афонина суду.

Если, вопреки всем уставам, приказам Верховного Главнокомандования и принципам Красной Армии, генерал Афонин считает для себя допустимым ударить советского офицера, то едва ли он вправе рассчитывать на то, что каждый офицер Красной Армии (а тем более боевой) может остаться после такого физического и морального оскорбления и потрясения в рамках дисциплины, столь безобразно и легко нарушенной самим генералом.

К тому же после убийства Андреева едва ли можно принять на веру ссылку генерала Афонина на то, что Афонин пытался нанести повторный удар и вёл себя дерзко. Что же касается положительных качеств генерала Афонина, из-за которых маршал Жуков просит последнего не судить, то генерал-полковник Черняховский дал мне на днях на Афонина следующую характеристику (устно): легковесный, высокомерный барин, нетерпимый в обращении с людьми; артиллерии не знает и взаимодействия на поле боя организовать не может; не учится; хвастун, человек трескучей фразы.

Тов. Черняховский (по его словам) всё это высказывал об Афонине лично маршалу Жукову.

У маршала Жукова Афонин работал порученцем в начале 1943 года и в штабе группы на Халхин-Голе".

Интересно, что в своих мемуарах Георгий Константинович Жуков дал Ивану Михайловичу Афонину совсем иную характеристику. Вспоминая бои у Халхин-Гола, он писал: "Перед рассветом 3 июля 1939 года, старший советник монгольской армии полковник И.М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силе, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган.

Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками... и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в связи с неорганизованным отходом 6-й монгольской кавдивизии в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск".

Здесь Иван Михайлович предстаёт толковым командиром, способным правильно оценить обстановку. И не подумаешь, что это легковесный и высокомерный человек, не способный организовать управление войсками, зато способный ни за что ударить и пристрелить подчинённого.

Из письма Голикова картина происшествия проясняется. Афонин за что-то съездил по морде Андреева, майор не стерпел и дал сдачи. Тут бравый генерал, видно, понял, что в рукопашной здоровяка разведчика ему не одолеть, схватился за револьвер и пристрелил на месте строптивца.

Жуков заступался за Афонина, возможно, ещё и потому, что незадолго до того, в марте 44-го, на 1-м Украинском фронте, который он принял после ранения Ватутина, у него был точно такой же инцидент, к счастью, закончившийся не столь трагически. Начальник инженерных войск фронта генерал Б.В. Благославов вспоминал, как Жуков, только вступив в командование, собрал командиров ночью она совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвёртых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непереводимые русские выражения и ко всем обращался

исключительно на "ты", хотя брудершафт прежде ни с кем не пил. Благославов Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузеры Благославов в ответ схватился за парабеллум (оба предпочли трофейное оружие). Возникла неловкая пауза. Благославов напомнил Жукову, что ждёт его выстрела. Это был не просто генерал, но генерал инженерных войск, человек куда более образованный, чем обычный пехотный генерал, и имевший хорошо развитое чувство собственного достоинства. Но дуэль не состоялась. Жуков сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не погладят. Это ведь не какой-нибудь командир полка или даже дивизии. Георгий Константинович убрал маузер в кобуру и пообещал, что расправится с Благославовым. Однако у Жукова не дошли руки до строптивого генерала, возможно, единственного в Красной Армии (другие и не такое сносили молча). Видно, пределы его власти не распространялись на бессудное снятие с должности командующих армиями и им соответствующих во фронтовом звене. Благославов благополучно закончил войну на прежней должности на 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского, с которым у него сложились прекрасные отношения. Для чинов же пониже, вроде майора Андреева, подобное "сопротивление злу силой" обычно оканчивалось гибелью.

Вообще же сцены маршал Жуков против генерала Благославова или генерал Афонин против майора Андреева напоминают даже не вестерн средней руки, а рядовую разборку на бандитской малине, где паханы, в роли которых выступают Жуков и Афонин, утверждают свою власть над братвой - подчинёнными офицерами и генералами. Над всеми же красноармейцами, офицерами, генералами и маршалами был главный пахан - Сталин. Генералы, командовавшие корпусами и выше, и маршалы его боялись, потому что только "отец народов" мог распорядиться их расстрелять, разжаловать или засадить в тюрьму (в штрафбаты генералов не посылали, опасаясь, что попадут в плен или перебегут к противнику). Офицеры и генерал-майоры, которые командовали дивизиями, Сталина не боялись и искренне любили, порой обращались к нему или к его фактическому заместителю по партии Маленкову с жалобами на притеснения и несправедливости со стороны вышестоящего начальства, а порой и с форменными доносами на это начальство. Зато офицеры боялись и нередко ненавидели своих непосредственных начальников - от командира роты до командующего фронтом, каждый из которых мог в любой момент мог их расстрелять или отправить в штрафбат. При этом, конечно, угроза со стороны собственного командира батальона была куда реальней, чем от далёкого командарма и тем более командующего фронтом, шансам попасть которым под горячую руку было немного. Вот по отношению к своим солдатам командиры взводов, а в какой-то мере - и рот, вынуждены были быть более осмотрительными и без особой нужды их не расстреливать и в штрафные роты не отправлять - иначе от товарищей осуждённых свободно можно было получить в бою пулю в спину. Исключением, как мы убедились, были лишь штрафные части и подразделения, где постоянный (офицерский) состав расстреливал переменный (штрафников) за милую душу. Всё равно им завтра в бою погибать, а офицерам вместе со штрафниками в атаку не ходить, а стоять сзади в качестве заградотряда. В обычных же частях солдат

расстреливали не непосредственные начальники, а вышестоящие - начиная от штаба батальона или заградотряды и комендантские роты из бойцов НКВД. Им-то пуля в спину не грозила.

Те красноармейцы, которые смогли вырваться из плена и окружения, попадали под крыло Лаврентия Павловича в фильтрационные лагеря. Порядки в этих лагерях немецкая пропаганда с удовольствием описывала в военной печати, чтобы побудить собственных солдат в плен не сдаваться: если уж русские так поступают со своими пленными, то что же они будут делать с взятыми в плен немцами. 21 июня 1942 года член Военного Совета Волховского фронта А.И. Запорожец направил Маленкову, Щербакову, Берия и Поскрёбышеву перевод статьи из немецкой газеты "Ди Фронте" от 10 мая 1942 года под красноречивым заголовком "Военнопленные враги. Как Сталин обращается со своими солдатами". Там достаточно резонно утверждалось: "Советы рассматривают всех военнопленных как изменников. Они отказалось от международных договоров, подписанных всеми культурными государствами - не существует обмена тяжелоранеными, нет почтовой связи между пленными и их родственниками.

Теперь Советы шли в этом направлении ещё дальше: они взяли под подозрение всех избежавших или другими путями вернувшихся из плена своих же военнопленных (так называемых "окруженцев", многие из которых были отпущены немцами и скрывали нам факт пребывания в плену).

Властители Советов не без основания боятся, что каждый, кто очутился по ту сторону "социалистического рая", вернувшись в СССР, поймёт большевистскую ложь. В каждом таком они видят опасного антисоветского пропагандиста".

Здесь же говорилось о фильтрационных лагерях для бывших пленных: "По приказу народного комиссара обороны все вернувшиеся из плена рассматриваются как "бывшие" военнослужащие, и у всех без суда и следствия отнимается их воинское звание.

Для этих бывших военнослужащих устраиваются сборные и испытательные лагеря, подчинённые НКО...

При отправке в сборные пункты у бывших военнослужащих отбирается холодное и огнестрельное оружие. Личные вещи, документы и письма остаются у арестованных. Приметы, номера части, как и место и время пропажи без вести, заносятся в особые книги. Почтовая связь для бывших военнослужащих запрещена. Все поступающие на их имя письма хранятся в комендатуре в запечатанных конвертах. Бывшие военнослужащие не получают ни жалованья, ни одежды.

Время пребывания в сборных, испытательных лагерях ограничено 5-7 днями. По истечении этого времени здоровые переводятся в особые лагеря НКВД, а больные и раненые - в лазареты. Отправка происходит под охраной отрядов НКВД. По прибытии в лагерь НКВД бывшие военнослужащие "подлежат бдительному наблюдению". Что понимается под этим особым наблюдением и где оно кончается - на сегодня уже хорошо известно".

Берия курировал и партизанское движение. Многими партизанскими отрядами командовали кадровые чекисты. Самый известный из них, благодаря своей книги "Сильные духом", - Дмитрий Николаевич Медведев. Он возглавлял отряд "Мстители", действовавший вблизи

Ровно - столицы рейхскомиссариата Украина. Костяк отряда составляли сотрудники НКВД. С отрядом Медведева взаимодействовал легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Его основной задачей была, однако, не разведка, а совершение террористических актов против рейхскомиссара Эриха Коха и других высших чиновников оккупационной администрации. Фигура Кузнецова стала культовой, стала известна всей стране, а благодаря этому стал широко известен и отряд "Мстители".

Другие же чекистские отряды до сих пор остаются в тени. Тем интереснее рассказ командира одного из них, возглавлявшего не просто партизанский отряд, но отряд имени самого Лаврентия Павловича Берии. Оказывается, далеко не все партизаны были подлинными защитниками населения от немецких оккупантов.

Вот что рассказал комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии 24 сентября 1943 года подполковник государственной безопасности Герой Советского Союза Кирилл Прокофьевич Орловский: "Я родился в 1895 году, в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области БССР. Белорус. Общее образование - среднее, партийное - высшее (окончил Комвуз народов Запада). Организатор красно-партизанских отрядов и диверсионных групп в СССР, Испании, Китае. Член ВКП(б) с 1918 года. Подполковник государственной безопасности. В Красной Армии служил с 1918 по 1920 г. В 1920 году окончил Первые Московские пехотные курсы командного состава. Звание Героя Советского Союза присвоено за активную боевую работу в тылу немецких оккупантов, в Барановичской и Пинской областях БССР.

В 1932 году за активную боевую работу в тылу белополяков правительством БССР награжден орденом Трудового Красного Знамени БССР. В 1937 г. за боевую работу в тылу армии Франко (Испания) награжден орденом Ленина и в 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

За 8-летнюю боевую и разведывательную работу в тылу противника мне приходилось нелегально свыше 70 раз переходить линию фронта и линию государственной границы с группой вооруженных своих бойцов.

Под моим руководством было уничтожено несколько десятков тысяч офицеров, помещиков, жандармов и полицейских, в то время как я потерял убитыми только 6 человек своих товарищей и несколько человек ранеными (насчет десятков тысяч уничтоженных врагов мы имеем дело не более чем с фантазией Кирилла Прокофьевича. - /Б. С./)...

Командирами отрядов были: имени Кирова - т. Ботин, имени Свердлова - т. Халецкий, имени Берия - я...

Кратко об отряде имени Кирова - организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я не боялся этих трудностей, пошел на это лишь только потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, "партизаны"- антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, "партизаны" отряда им. Щорса убили 7 человек евреев.

Когда я впервые прибыл к этим людям, то застал их невооруженными, босыми и голодными. Они заявили мне: "Мы хотим мстить Гитлеру, но не имеем возможности".

После этого я не жалел ни своих сил, ни времени для того, чтобы научить этих людей тактике партизанской борьбы с нашим общим заклятым врагом. И я должен сказать, что затраченная мною энергия не пропала даром. Казалось бы, совершенно неспособные к вооруженной борьбе бывшие спекулянты, мелкие торговцы, ремесленники и др. - эти люди, желая мстить немецким извергам за пролитую народную кровь, под моим руководством за 2,5 месяца провели не менее л15 боевых операций, повседневно уничтожали телеграфно-телефонную связь противника, убивали гитлеровцев, полицейских и предателей нашей родины. Постепенно они стали не только дисциплинированными, но и смелыми, как в проведении диверсий, так и при ночных переходах из одного района в другой.

Наряду с диверсионной, организационной и разведывательной работой мною повседневно велась беспощадная борьба с бандитскими настроениями к местному населению со стороны некоторых бандитских "партизанских" групп в Барановичской и Пинской областях. Этому вопросу я не мог не уделить внимание, так как в каждой деревне были случаи пьянки, мародерства, изнасилования женщин, убийства, поджога хуторов и деревень со стороны бандитских групп, которые под видом партизан систематически терроризировали местное население и тем самым компрометировали народных мстителей - партизан, запугивали и отталкивали крестьян от помощи партизанам в их борьбе.

Могу привести несколько фактов:

По приказу командира партизанской группы бывшего военнопленного, сына кулака уроженца Калининской области Леонтьева Андрея в марте 1943 г. была сожжена деревня Новоселки Ганцевского района Пинской области (150 домов) только потому, что в деревне было 10-15 человек так называемой "самозащиты" (членов организованного по призыву немцев отряда самообороны. - /Б. С./).

В результате такого бандитского поступка половина мужского населения этой деревни перешли на службу к немцам.

Отдельные партизанские группы Семенова, Пугачева и др. систематически пьянствовали, расстреливали, грабили, насиловали женщин на территории Ляховичского, Клецкого районов Барановичской области.

Поэтому виновные в этом деле бандиты по моему требованию были расстреляны в июне месяце 1943 г.

Местное белорусское население, видя в лице партизанского отряда имени Берия своих защитников не только перед немецкими оккупантами, но и перед бандитскими элементами, скрывающимися в лесу под видом партизан, оставалось этим очень довольно.

Белорусское население оказывает всемерную помощь партизанам и больше того - в Минской и Пинской областях около половины мужского взрослого населения ушло в партизаны. Конечно, в семье не без урода - со стороны населения есть и предатели... Их насчитывается не больше 2-3 %. В это же время я видел довольно большое количество латышей, кубанцев и др., служащих в карательных экспедициях и ведущих беспощадную борьбу с белорусскими партизанами.

Приведу такой факт. На железной дороге Барановичи - Минск в конце июня 1943 г. была снята охрана австрийцев, как неблагонадежная, и заменена украинцами и кубанцами.

С белорусским населением Западной Белоруссии немцы в настоящее время заигрывают, относятся к ним лучше, чем к населению восточных областей Белоруссии. Выпускается довольно много газет на белорусском, немецком, польском языках. Газеты агитируют население о том, что немцы дали им хорошую жизнь, ликвидировали колхозы, разделили землю, но ни слова не упоминается в газетах о том, что за 2 года не завезено в Белоруссию и двух вагонов промтоваров и товаров первой необходимости.

Такой продукт, как соль, местное население и партизанские отряды вынуждены употреблять в пищу выварenный раствор из одного искусственного удобрения".

Кстати сказать, нет никаких оснований считать, что сам Лаврентий Павлович был антисемитом. К послевоенной кампании по борьбе с космополитизмом он не имел никакого отношения. Наоборот, вдохновителем этой кампании был Жданов, главный соперник Берии в борьбе за близость к Сталину. Также Лаврентий Павлович не был причастен к фабрикации дел "Еврейского антифашистского комитета" и "дела врачей", имевших явный антисемитский подтекст. Напротив, сразу после смерти Сталина он выступил инициатором реабилитации арестованных по делу врачей и предлагал реабилитировать уже осужденных и в большинстве расстрелянных членов ЕАК, но не успел довести это дело до конца из-за своего ареста.

Интересно, что самого Берию нередко считали евреем. Началось это еще во время войны в антисемитских брошюрах, издаваемых немцами на оккупированных советских территориях. Так, в претендующем на научность труде В. Лужского "Еврейский вопрос", изданном в Смоленске в 1943 году, утверждалось: "Антисемитизм, т. е. ненависть к еврейству, противоядие против разлагающего влияния еврейства, живёт инстинктивно в каждой здоровой арийской нации. Антисемитизм - явление не книжное, а глубоко народное: это самооборона народного духа против еврейского засилья.

Сами евреи, и только они, повинны в том, что ариец питает к ним ненависть и презрение. Основной чертой каждого еврея, будь то капиталист, или мелкий торгаш, или служащий, является то, что он считает себя принадлежащим к избранному племени, а всех остальных людей - отбросами, "гоями" (иноверцами), обязанными ему повиноваться. Недаром еврейский учёный Иегуда Галеви сказал: "Израиль - сердце народов". В душе евреев живёт уверенность, что настанет время, когда евреи достигнут мирового господства, скуют "гоев" одной цепью и заставят их работать на себя.

Беспощадность, с которой за счёт прочего населения евреи выдвигают вперёд своих соплеменников и проводят их к власти - это также одна из причин того, что врождённый, но не всегда осознаваемый инстинкт самосохранения арийского населения против еврейства вырастает в сознательный антисемитизм.

Еврей не любит заниматься производительным трудом. Ему свойственно стремление к паразитическому существованию за счёт

других народов. Из среды евреев выходят самые жестокие эксплуататоры. Очень редко можно встретить еврея-землепашца, еврея углекопа, еврея-столяра: физический труд евреи оставляют для "гоев". Сами они занимаются исключительно торгашескими и спекулятивными махинациями. В советской России евреи устроились на самых лучших, "тёпленьких" местечках - в Москве и других городах, вытеснив русских людей".

Главным "демоном" России Лужский, вслед за нацистской пропагандой, представлял Лазаря Кагановича, даже принижая для этой цели роль Сталина: "Евреев в населении СССР - 1,7 процента, в партии (по переписи партии 1922 года) - 5,2 процента, в ЦК - 25,7, в Политбюро в целом в эпоху Ленина - 36,8 процента, к концу эпохи Ленина - 42,9 процента... Группа Кагановича захватила все руководящие посты в партии и прежде всего Политбюро, Оргбюро и генеральный секретариат партии, а также все важнейшие посты в Центральном Комитете партии... Сталин с его грубой энергией, беспощадной жестокостью и хитростью, с его примитивным духовным уровнем является наиболее подходящим человеком для поста "верховного вождя" и "отца народов" СССР. Его умственный горизонт ограничен, тем сильнее его выносливость и упорство. Ленин ценил твёрдость и практический ум Сталина и одновременно предостерегал от этого человека, который будет злоупотреблять властью. "Сей повар будет готовить весьма острые блюда", - писал Ленин в своём "Завещании"...

Каганович - типичный интриган и закулисных дел мастер. Наряду с его организаторскими талантами нужно отметить его необыкновенную хитрость, ловкость, большую работоспособность, хорошую память. Он, несомненно, умнее Сталина. Если грубый грузин - сердце клики Кагановича, то сам Каганович - её мозг...

Каганович, как вождь победившей группы, беспощадно уничтожал тех своих соотечественников, которые не захотели отказаться от безуспешной, а потому вредной для всего советского еврейства троцкистской оппозиции..."

Здесь Лужский сознательно передёргивает. Действительно, в первые послереволюционные годы в составе большевистской партии был повышенный процент евреев, а также поляков, - народов, наиболее сильно притесняемых царизмом, а потому особенно охотно вступавших в ряды революционных организаций. Однако с разгромом троцкистско-зиновьевской оппозиции и последующим оттеснением от власти и уничтожением большинства старых большевиков доля евреев в руководстве партии и страны резко упала. Это хорошо видно на примере высшего начальствующего состава НКВД. Если в 1934 году 31,25 процента высокопоставленных чекистов составляли евреи, а 4,17 процента - поляки, то к 1941 году поляков среди них не осталось, а доля евреев упала до 5,5 процентов. Зато возросла доля грузин - с 3,13 до 6,59 процентов, что было связано с приходом в НКВД Берии. На руководящих постах из евреев остался только Лазарь Каганович, да ещё Лев Мехлис. Лужский также приписывал большую роль брату Лазаря Михаилу Моисеевичу Кагановичу, наркому авиационной промышленности, не зная, что еще 1 июля 1941 года тот застрелился после того, как был обвинён в участии в "право-фашистском заговоре" (так называли дело авиационных генералов, о котором шла речь выше).

В брошюре Лужского особый упор делался на "засилье" евреев в советских карательных органах: "В 1934 году старый чекист еврей Гершель Ягода становится во главе ГПУ. Его ближайшие помощники евреи: Агранов-Сорензон, Гай, Слуцкий, Шанин, Бельский, Могильский, Берман, Флирин и др. (ни один из них, кроме мифического Могильского, не пережил "ежовщины"; Шанин же, кстати сказать, был не евреем, а русским) ГПУ получает в рамках пятилетнего плана ещё одну задачу: провести ряд строительных работ - каналов, автострад, железных дорог, имеющих большое стратегическое значение.

Строительство каналов: Беломорского, Москва - Волга и других сооружений, где использовался труд миллионов заключённых, повлекло яза собой колоссальные жертвы (от холода, голода к истощения) среди рабочих, а их еврейские руководители (Берман, Коган, Фирин) получили за такое смертоубийственное строительство ордена.

В сентябре 1936 года кончилась эра всемогущего Ягоды, запутавшегося в закулисной борьбе. Сменил его Ежов (русский, женат на еврейке), один из раболепствующих карьеристов клики Кагановича, вскоре сам впавший в немилость. В настоящее время НКВД находится в руках кавказского еврея Берия, сохранившего все традиции этого органа еврейско-большевистского террора, вплоть до "евреизации" его аппарата.

Не миновала тяжёлая рука клики Кагановича и сельское хозяйство. Эпоха Сталина - Кагановича принесла с собой принудительную коллективизацию, т. е. уничтожение хозяйственной самостоятельности и собственности крестьян. Эта борьба против единоличного хозяйства русских крестьян с самого начала велась евреями. По приказу Лазаря Кагановича евреи Ягода и Бауман (секретарь ЦК по сельскому хозяйству в 1929-1934 годах, по национальности немец.) приступают к ликвидации лучших представителей крестьянства путём невероятных налогов, ссылки, заключения в тюрьму и расстрелов. Крестьянство с неслыханным мужеством боролось за свою землю и имущество.

В 1932-33 году, опять-таки под руководством Лазаря Кагановича и при участии евреев Криницкого (руководителя Центрального управления МТС) и Яковлева-Эпштейна (тогдашнего наркома земледелия), открывается новый поход на крестьян. При МТС вводятся политотделы, в задачу которых входит неукоснительное проведение в жизнь всех сельскохозяйственных мероприятий еврейского правительства.

Результаты коллективизации известны. Она привела к падению сельского хозяйства и ужасному голоду в деревне в 1933 году, жертвой которого стали многие миллионы крестьян...

Нет никакого сомнения в том, что советское еврейство держит в своих цепких руках и печать. Евреи-редакторы, журналисты, критики заполнили редакции советских газет, журналов, агентств (ТАСС), отделы печати и издательства. Не всегда можно определить степень еврейского засилья в прессе, так как в советской прессе широко распространён метод псевдонимов. Старая конспиративная привычка дореволюционных большевиков иметь по несколько фамилий или прозвищ объединилась с еврейским стремлением к анонимности. Мало кто знает, например, что под русской фамилией Кольцов скрывается еврей Фридлянд, один из известных советских журналистов (благополучно расстрелянный в 1940 году.), под Бородиным - еврей

Мандельштам (на самом деле - еврей Грузенберг, один из руководителей Совинформбюро, разделивший судьбу Кольцова уже после войны.) и т. д.

Не менее успешны для евреев их "завоевания" в области культурной жизни и искусства Советского Союза. Евреи Бродский и Кацман увековечивают на полотне лики еврейско-большевистских сановников, еврей-архитектор Иофан воздвигает Дворец Советов - символ еврейско-большевистского режима (так и не построенный из-за войны.), Гольдштейн, Ойстрах и другие виртуозы представляют музыкальное искусство в Советском Союзе.

В области науки влияние еврейства оказывается также весьма губительным... Во главе пресловутого союза воинствующих безбожников стоит еврей Ярославский-Губельман...

Общеизвестно, каким преследованиям большевики подвергли русскую церковь. За время господства еврейского большевизма "ликвидировано" свыше 40 000 священников, разрушено и разорено свыше 14 000 церквей... Из 900 монастырей старой России лишь один ещё функционирует. В то время как православные церкви в СССР закрыты или превращены в антирелигиозные музеи, клубы, гаражи и т. д., евреи в своих синагогах беспрепятственно совершают служение своему Богу. Может ли быть более убедительное доказательство еврейского господства в церковно-религиозной жизни в СССР?"

Лужский убеждал своих читателей, что "после крушения либеральных иллюзий основным еврейским орудием для завоевания мирового господства остался большевизм. То, что не удалось с помощью финансового капитала и Лиги наций, должно было удастся с помощью большевизма и войны. В сентябре 1939 года мировое иудейство попыталось приступить к исполнению своего чудовищного плана и объявило национал-социалистической Германии, а в её лице и всем молодым свободным народам Европы, войну. Однако железная рука вождя германского народа остановила иудейский меч, занесённый над народами Европы.

Сейчас на огромном протяжении Восточного фронта происходит гигантская борьба за светлое будущее человечества. В битвах, разыгравшихся на Восточном фронте, льётся кровь германского солдата, сражающегося за освобождение Родины, а с нею и всей Европы, от страшного призрака еврейского коммунизма. В этих битвах льётся кровь и обманутого русского солдата, не ведающего, что он творит, защищая клику Сталина - Кагановича. Борьба идёт за сокрушение сильнейшего опорного пункта мирового еврейства. Вопрос может быть решён только - или-или. Или мировое еврейство, выиграв битву, захватит мир в свои руки и превратит цветущие города и сёла Европы в кладбище и в сады пыток, или восторжествует правда и народы новой освобождённой от еврейского ига Европы объединятся в дружную семью для построения на земле истинно социалистического общества.

Мы видим, что Провидение даст силы германскому народу в содружестве со всеми народами Европы уничтожить навсегда на земле кровавый еврейский кошмар и освободить мир от власти "золотого тельца", провозгласив единственной ценностью человечества - труд"

Сталин, в отличие от Берии, вряд ли читал опус Лужского, но еще во время войны начал действовать по нехитрым рецептам этой брошюры.

В 1942 году озаботился национальным составом деятелей искусства и заменил руководство Московской и Ленинградской консерваторий и Большого театра на представителей "коренной национальности". А после 1945 года разобрался с сомнительными по пятому пункту руководителями средств массовой информации, учёными и театральными критиками, утвердив "русский приоритет" во всех отраслях знания. Евреям же отныне был закрыт путь в номенклатуру.

В годы войны Берия трижды выезжал на фронт. Два раза - в августе-сентябре 1942 года и в марте 1943 года на Кавказ в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования. Третий раз ему довелось сопровождать Сталина во время поездки в район Ржева на Калининский фронт в августе 1943-гос В качестве полководца Лаврентию Павловичу пришлось действовать лишь один раз в своей жизни - осенью 42-го на Кавказе. О том, сколь успешны были его действия, существовали диаметрально противоположные мнения, причём рубежом между ними закономерно стал день ареста Берии. Ещё в д1950 году второй секретарь компартии Грузии М.И. Барамиля защитил кандидатскую диссертацию на тему "Выдающаяся роль т. Берии в обороне Кавказа" (издать её отдельной книгой помешал арест в следующем году по так называемому "мингрельскому делу"). О полководческом искусстве Лаврентия Павловича в битве за Кавказ писал и генерал армии Герой Советского Союза И.И. Масленников, в 1939 году выдвинутый Берией на пост командующего пограничными войсками и заместителя наркома внутренних дел СССР, а в 1942-1943 годах командовавший Северной группой войск Закавказского фронта и Северо-Кавказским фронтом. В 1952 году в августовском номере журнала "Военная мысль" появилась статья Завьялова и Калядина "Битва за Кавказ". По поводу этой статьи Масленников направил специальное письмо начальнику Военно-научного управления Генерального штаба, где отмечал: "На странице 56, характеризуя мероприятия Ставки Верховного Главнокомандования СССР, авторы лишь вскользь и чрезвычайно бегло упоминают об огромной творческой работе и принципиальных политических организационных мероприятиях, которые осуществил товарищ Лаврентий Павлович Берия, создавший коренной перелом, изменивший всю обстановку, несмотря на чрезвычайно трудное положение, сложившееся на кавказских фронтах к августу 1942 года. Подобная характеристика деятельности товарища Л.П. Берия не даёт исчерпывающей картины всех мероприятий, которые были проведены под личным и непосредственным руководством товарища Лаврентия Павловича Берия.

Л.П. Берия, владея сталинским стилем руководства, личным примером показал образцы большевистского, государственного, военного, партийно-политического и хозяйственного руководства Закавказским фронтом (август 1942 - январь 1943 гг.), блестяще претворил указание товарища Сталина".

В ходе следствия по уделу Берии военные, вполне естественно, о полководческом таланте поверженного маршала отзывались совершенно иначе. Генералы Генерального штаба Покровский и Платонов написали специальный доклад для следователей "К вопросу о преступной деятельности Берии во время обороны Кавказа". Там, в частности, утверждалось: "Для выполнения задачи обороны в восточной

части Кавказского хребта 8 августа была создана Северная группа войск Закавказского фронта, командующим которой, видимо, по настоянию Берии был назначен генерал Масленников, до этого неудачно командовавший армией на Калининском фронте... Генерал Масленников, несомненно, пользуясь покровительством Берии, нередко игнорировал указания командующего фронтом и своими действиями задержал перегруппировку войск".

А генерал-лейтенант С.М. Штеменко, ездивший вместе с Берией на Кавказ во главе оперативной группы офицеров Генштаба, показал: "... В действиях Берии было много такого, что не только не способствовало обороне Кавказа, но, наоборот, дезорганизовывало оборону. Прежде всего, Берия создал параллельно штабу фронта особую оперативную группу, возглавлявшуюся генералом из НКВД, которой была поручена оборона перевалов... В эту группу входили люди, мало компетентные в военном деле...

Вторым действием Берии, дезорганизовывавшем оборону Кавказа, была замена ничем не опорочившего себя командующего 46-й армией генерала Сергацкова генералом Леселидзе. Такая ненужная замена командующего в напряжённой обстановке никак не могла способствовать упрочению обороны... При пребывании Берии на Кавказе военное командование было фактически отстранено им от руководства. Берия в своей деятельности стремился опираться на сотрудников НКВД, большинство из которых было совершенно некомпетентными в военном деле.

По существу все эти действия Берии, связанные с обороной перевалов Главного Кавказского хребта, как главной задачей в тот период, наносили вред этой обороне и создавали благоприятные условия для противника и тем самым усиливали угрозу проникновения немцев в Закавказье".

Штеменко вторил бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев: "В Закфронт прибыли войска НКВД. Эти войска были на особом учёте и в распоряжении Берии. Поэтому они не были использованы для боевых активных действий.

Я поставил перед Ставкой вопрос о передаче в распоряжение командования Закфронта хотя бы части войск НКВД, находившихся на территории Закфронта (15-20 полков). И.В. Сталин одобрил мою мысль, но присутствовавший при этом Берия резко воспротивился этому, допуская грубые выпады в адрес командования фронта. Из 121 тысячи войск НКВД, которые в большинстве своём бездействовали, Берия согласился передать в распоряжение Закфронта всего лишь 5-7 тысяч, и то по настоянию И.В. Сталина".

А ведь Тюленева командующим фронтом назначили по рекомендации Берии! 1 сентября 1942 года Лаврентий Павлович телеграфировал Сталину: "Командующим Закавказским фронтом считаю нужным назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Будённый. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Будённого на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности безусловно провалит дело". Бывшего командарма Первой Конной Берия ставил невысоко, да и на его бывшего подчинённого конармейца Тюленева не возлагал слишком больших надежд. И, кажется, в своей оценке не ошибся.

Штеменко же, описывая позднее в мемуарах свою месячную командировку в Закавказье, хоть ми не упоминает ни соловом Берию (его функции он передаёт начальнику Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанту П.И. Бодину), но и не находит, как будто никаких следов дезорганизации советской обороны. Вот как он описывает в мемуарах предшествовавший командировке вызов к Верховному Главнокомандующему: "Обратите особое внимание на бакинское направление, - сказал Сталин, обращаясь к Бодину... - Этих полковников надо будет взять с собой, когда поедете".

Дальше, по словам Сергея Матвеевича, события развивались следующим образом: "Лишь через несколько дней после вызова в Ставку, а именно 21 августа Бодин объявил мне: "Подготовьтесь, завтра в 4 часа поедете со мной на аэродром. Возьмите шифровальщика и нескольких направленцев"... Утром в назначенное время поехали в машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолёт Си-47 Бодину представился командир корабля полковник В.Г. Грачёв.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азиюв Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда стемнело, пошли через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и прямо с аэродрома направились в штаб Фронта. Город ещё не спал. Многие улицы были ярко освещены и полны людей.

П.И. Бодин немедленно заслушал доклад начальника штаба фронта А.И. Субботина и объяснил, с какими задачами мы прибыли. Их было немало: уточнить на месте обстановку, наметить дополнительные меры по усилению обороны Закавказья и провести их в жизнь, создать резервы из войск, отошедших и отходящих в Закавказье с севера, а также за сечёт мобилизации новых контингентов из местного населения и, наконец, ускорить подготовку оборонительных рубежей, прежде всего на бакинском направлении. В заключение Бодин обратился к командующему фронтом: "Известно ли Вам, что союзники пытаются использовать наше тяжёлое положение на фронтах и вырвать согласие на ввод английских войск в Закавказье? Этого, конечно, допустить нельзя. Государственный Комитет Обороны считает защиту Закавказья важнейшей государственной задачей, и мы обязаны принять все меры, чтобы отразить натиск врага, обескровить его, а затем и разгромить. Надежды Гитлера и вожделения союзников надо похоронить...".

С чего это вдруг начальник Оперативного управления Генштаба начинает говорить от имени ГКО? И почему генерал-лейтенант, ничуть не смущаясь, делает выговор командующему фронтом маршалу Будённому? Да потому, что этот монолог в действительности произнёс не Бодин, а Берия, в этом у меня нет никаких сомнений; генеральный комиссар госбезопасности мог не то что выговор маршалу закатить, а при необходимости стереть его в лагерную пыль.

Штеменко продолжает: "Практически наша деятельность здесь началась с того, что уже 24 августа в Закавказье было введено военное положение. Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. А те части и соединения, которые оказались обескровленными в предшествовавших боях, утеряли органы управления или вооружение, отводились в тыл. На главном бакинском

направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус.

После того как мы тщательно разобрались с обстановкой, было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский. Начальники их получили права заместителей командующих армий, оборонявших подступы к этим районам.

На оборону Военно-Грузинской дороги целиком была поставлена стрелковая дивизия. Главные силы её запирали вход в районе Орджоникидзе. Туда же перебрасывалась ещё одна дивизия из Гори.

Много хлопот доставило бакинское направление. При выезде на место мы установили, что строительство оборонительных рубежей идёт там очень медленно. Сил для этого явно не хватало. 16 сентября Государственный Комитет Обороны по представлению военных (точнее - Берии.) принял специальное постановление о мобилизации на оборонительное строительство в районах Махачкалы, Дербента и Баку по 90 тысяч местных жителей ежедневно. После этого дело пошло полным ходом. Днём и ночью строились окопы, противотанковые рвы, устанавливались надолбы. Помимо того, 29 сентября Ставка приказала осуществить здесь ещё ряд мер по упрочению обороны и направила сюда целевым назначением 100 танков...

Не менее тревожная обстановка сложилась на Таманском полуострове и в Новороссийске... 1 сентября на базе Северо-Кавказского фронта там была создана Черноморская группа войск, подчинённая Закавказскому фронту. Через несколько дней в командование этой группой вступил генерал-лейтенант И.Е. Петров. Командующий 47-й армии и всем Новороссийским оборонительным районом Военный совет фронта предложил назначить генерал-майора А.А. Гречко (обоснованным считает замену прежнего командующего 47-й армией и член Военного Совета Закавказского фронта Л.Мы Каганович, утверждавший, что "в верхушке 47-й армии не было духа уверенности".), а руководителем обороны самого города Новороссийска - контр-адмирала С.Г. Горшкова (фактически эти кандидатуры выбрал Берия.). Это предложение Ставка утвердила. Результаты сказались немедленно. 10 сентября советские войска остановили врага в восточной части Новороссийска между цементными заводами и заставили его перейти к обороне.

Главный Кавказский хребет не входил в зону действий ни Черноморской, ни Северной групп. Оборонявшая его 46-я армия по идее должна была находиться в непосредственном подчинении командования фронта. Но потом при штабе фронта появился особый орган, именовавшийся "штабом войск обороны Кавказского хребта". Возглавлял его генерал Г.Л. Петров из НКВД. Надо прямо сказать, что это была совершенно ненужная, промежуточная Инстанция. Фактически этот штаб подменял управление 46-й армии.

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создалась бы угроза выхода немцев на юг, к Чёрному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту

перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы низ кадровых войск. В районе Красной Поляны и к востоку от неё занял оборону крупный отряд полковника Пияшева, преградив противнику путь к морю. В горы выдвигались также вооружённые рабочие отряды. Против врага поднялась вся многонациональная семья народов Кавказа. На боевых рубежах и в тылу противника шла гибельная для непрошеных гостей борьба".

Отмечу, что все мероприятия по обороне Закавказья, принятые во время пребывания там Берии, Штеменко, очень квалифицированный генштабист и сорок пять лет спустя считал правильными. Сергею Матвеевичу не понравилось только создание штаба генерала НКВД Г.Л. Петрова (здесь сыграло роль соперничество двух ведомств). И назначение генерала К.Н. Леселидзе Штеменко не считал ошибкой. Может, потому и назвал его фамилию следователям, что Константин Николаевич умер в 44-м, и ничем повредить ему Штеменко не мог. Также и заменить в мемуарах Берию на П.И. Бодина было совершенно безопасно. Павел Иванович, оставленный начальником штаба Закавказского фронта, 1 ноября 1942 года вместе с группой офицеров попал под бомбёжку в районе Орджоникидзе и на следующий день умер от полученных ран (во время той бомбёжки был тяжело ранен и член Военного Совета фронта Л.М. Каганович). А ведь Штеменко имел возможность свалить все ошибки и неудачи на Берию. Поминал же Лаврентия Павловича в мемуарах маршал Жуков, разумеется, только в чёрных красках. Сергей Матвеевич, однако, предпочёл бывшего шефа НКВД по имени не называть, но зато некоторыми деталями ясно показал посвящённым, кто же в действительности летал вмести с ним на Кавказ. Потому что люди осведомлённые знали, например, что полковник В.Г. Грачёв был личным пилотом Берии.

Выходит, лукавил Штеменко перед следователями в 53-м, когда клеймил "врага народа" Берию за предательскую роль в обороне Кавказа. Наверняка опасался, что могут обвинить в близости юс Лаврентием Павловичем и притянуть к его делу. Ведь многие военачальники, быть может, не без оснований считали Сергея Матвеевича "человеком Берии". Вот и бывший начальник Генштаба маршал А.М. Василевский в 1976 году так характеризовал Штеменко в беседе с Константином Симоновым: "Это человек в военном отношении образованный, очень работоспособный, и не только работоспособный, но и способный, энергичный, с волевыми качествами... Когда Сталин послал на Кавказ Берию тс поручением спасти там положение после поражения Южного фронта, Берия просил рекомендовать, кого из работников Генерального штаба ему взять с собой, и мы ему порекомендовали Штеменко как молодого и способного штабного работника, он взял его с собой, и несколько месяцев Штеменко был с ним. Это, к сожалению, многое плотом определило и в его судьбе, и в его поведении". В июне 1952 года Штеменко был снят с поста начальника Генштаба и назначен заместителем командующего Приволжским военным округом во многом из-за близости с Берией. Сталин опасался усиления влияния "лубянского маршала" среди военных. Вместе с тем столь сильное понижение в военной иерархии не помешало избранию Сергея Матвеевича через несколько месяцев на XIX съезде партии кандидатом в члены ЦК КПСС. Поэтому нельзя

расценивать устранение Штеменко, к которому Сталин, очевидно, сохранил доверие, как подготовку к устранению Берии с политической арены. Иосиф Виссарионович не хотел давать Лаврентию Павловичу слишком много власти, однако отнюдь не спешил отправить его в небытие.

Но вернемся к битве за Кавказ и посмотрим, как запомнилась поездка отца на фронт Серго Берии, который сам летел с ним в качестве радиста (возможно, он и был тем шифровальщиком, о котором пишет Штеменко): "Ярче всего отложилась в моей памяти оборона Кавказа... Мой отец был направлен туда как представитель Ставки, а я попал на Северный Кавказ с группой офицеров Генерального штаба, оказавшись в непосредственном подчинении Сергея Матвеевича Штеменко... как начальник радиостанции...

Из Москвы мы вылетали на самолёте отца. Штеменко, он тогда ещё был полковником, генерал-лейтенант Бодин, ещё несколько офицеров...

Ещё в Москве, за несколько часов до отлёта отец приказал собрать с разных фронтов военнослужащих грузинской национальности... - средний командный состав. Скажем, командиров полков. Эти люди, считал отец, со своим боевым опытом, прекрасным знанием местных условий при формировании частей, которые должны были оборонять Кавказ, были просто незаменимы... Даже с нами уже летело несколько таких офицеров...

Летели через Баку. И здесь не обошлось без неприятностей. Самолёт загорелся, и лишь мастерство полковника Грачёва, личного пилота отца, позволило сбить пламя в воздухе. Ночью мы благополучно приземлились в Тбилиси... Не теряя времени, наша группа отправилась в Моздок, на подступах к которому уже шли бои.

Там отца уже ждал генерал-полковник Масленников, начальник погранвойск, заместитель наркома внутренних дел. По приказу отца незадолго до этого его вместе с несколькими пограничными частями перебросили по воздуху в этот район, где пограничники, не имея ни танков, ни противотанковой артиллерии, должны были встать на пути танковой армии Клейста...

Ещё в Москве отец договорился со Сталиным, что части, которые в своё время были направлены в Иран... будут возвращены в Союз и использованы для обороны Кавказа. Отдельные противотанковые мобильные соединения из состава "иранских" частей должны были прибыть на место дней через десять, но это время надо было продержаться. Сил же для настоящей обороны... было явно мало.

Первоочередной задачей отец считал закрытие перевалов. Их сразу же перекрыли пограничные части и горнострелковая дивизия...

Все эти две недели, пока немцы не были остановлены и обстановка не стабилизировалась, отец находился там. И лишь когда убедился, что оборона надёжна, уехал в Новороссийск...

Ещё более тревожная ситуация сложилась на Южном фронте. Штаб фронта полностью утратил управление войсками и был деморализован. По согласованию со Ставкой и ГКО отец тут же освободил от должности командующего фронтом Семёна Будённого...

Я видел Будённого, находящегося, как мне показалось, в состоянии прострации. Когда отец приехал к нему, тот начал убеждать: "Незачем эти мандариновые рощи защищать, надо уходить!" Отец, хотя и знал, что как военачальник представлял собой маршал Будённый, был

поражён. Командующий фронтом не мог внятно объяснить, где какие части находятся, кто ими командует. Когда он докладывал отцу об обстановке, тот сразу понял, что больше говорить не о чем. Прервав разговор, отец начал вызывать к себе командиров всех рангов и выяснять, что же там происходит в действительности.

На моих глазах делали карту боевых действий, а маршал Будённый сидел в сторонке с отсутствующим взглядом. Мне показалось, что он вообще толком не понимает, о чём идёт речь...

Командующими армий тогда же отец назначил двух молодых командиров. Оба, насколько я тогда понял, произвели на него хорошее впечатление своей компетентностью и решительностью. Речь - о Константине Николаевиче Леселидзе (командующем 46-й армии.)... и о втором выдвиженце отца, Андрее Антоновиче Гречко (командующем 47-й армии, а в середине октября возглавившем под Новороссийском 18-ю армию, где начальником политотдела был будущий генеральный секретарь Л.И. Брежнев)...

В районе Новороссийска, а бои шли в самом городе, мы пробыли неделю... Отец использовал это время с максимальной отдачей. Помню один разговор, состоявшийся у него в штабе Южного фронта (вероятно, в действительности - Черноморской группы войск Закавказского фронта.) сразу же по приезде. Отец поинтересовался соотношением сил воюющих сторон. Тут и выяснилось, что бойцов вполне достаточно, но... во втором эшелоне. Просочились, доложили, из первого. Что ж, на войне всякое бывает, но где же командиры? Словом, кое-кому досталось, но порядок навели».

В целом рассказ Серго Лаврентьевича не противоречит свидетельству Штеменко. То, что предшественники Берии, что называется, «проспали» перевалы, признаёт в своих мемуарах и Иван Владимирович Тюленев: «Анализируя сейчас причины захвата врагом этих важных перевалов, следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для противника. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где были развёрнуты основные силы 46-й армии. А она, в свою очередь, неправильно организовала оборону перевалов и попросту "проспала" их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать, пока он поднимется». Сам Тюленев был хорошо знаком Берии, поскольку командовал Закавказским округом в 1938 году, сменив Егорова, как раз в то время, когда Лаврентий Павлович был первым секретарём компартии Грузии. Становится также понятным назначение Леселидзе - Берия при обороне Кавказа собирался опереться прежде всего на грузин, потому и подбирал кадры грузинских офицеров, которыми должен был командовать грузинский генерал. Тут было не только вполне понятное национальное чувство Лаврентия Павловича, но и трезвый расчёт. Многолетний опыт работы в Закавказье убедил Берию, что относительно более лояльны Советской власти из местных народов именно грузины. Сталин делал соотечественникам определённые послабления -меньше забирал из Грузии производимой продукции, больше давал поставок из централизованных фондов. В результате уровень жизни здесь был повыше, чем в Азербайджане и Армении, не говоря уж о горских республиках Северного Кавказа. К тому же немало грузин гордилось,

что их земляк стал главой бывшей Российской империи. Поэтому и дезертиров в грузинских частях было меньше, чем в армянских и азербайджанских. Как раз накануне командировки Берии на Кавказ, 20 августа, Сталин отдал директиву командованию Закавказскому фронту, потребовав изъять из 61-й стрелковой дивизии и направить, как неблагонадёжных, в запасные части 3767 армян, 2721 азербайджанца и 740 представителей «дагестанских народностей».

Когда знакомишься с материалами, связанными с пребыванием Берии на фронте, обращаешь внимания, что даже во время более чем пристрастного следствия 1953 года ему не смогли вменить каких-либо бессудных расстрелов или иных незаконных репрессий. Хотя тогда уже действовал грозный сталинский приказ № 227, Лаврентий Павлович предпочитал не расстреливать бойцов и командиров, а наводить порядок более цивилизованными методами Он старался расставить подходящих людей в качестве начальников, организовать меры по укреплению обороны. И нет никаких свидетельств, что Берия практиковал мордобой, чем грешили очень многие советские генералы и маршалы.

Что же касается обвинений, будто Берия с вредительскими намерениями не давал на фронт находившиеся в его ведении дивизии НКВД, то на процессе в декабре 53-го сам Лаврентий Павлович (или человек, на него похожий) так ответил на вопрос председательствующего маршала И.С. Конева: «Почему вы, имея в своём распоряжении более 120 тысяч человек войск НКВД, не дали их использовать для обороны Кавказа?» - «Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа. Я раньше не говорил, почему я хне давал войск НКВД для обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей».

Что ж, здесь с резонами Берии нельзя не согласиться. Красная Армия и без НКВД имела на Кавказе войск с избытком, только вот войска всё норовили, не ввязываясь в бои, поскорее отойти во второй эшелону Дивизии же НКВД не были обучены боевым действиям на фронте против регулярной неприятельской армии. О планировавшейся же высылке северокавказских народностей Берия, конечно же, не мог ничего сказать командующему Закавказским фронтом Тюленеву, поскольку эта операция готовилась в большой тайне. Да и без подготовки к депортации (отложенной, в конце концов, на 44-й год) войскам НКВД дел на Кавказе хватало. Приходилось бороться с партизанскими отрядами ингушей и чеченцев, а также других местных народов, не прекращавших свои вылазки все годы Советской власти и видевших в немцах своих освободителей не только от Сталина, но и от Российской империи. В программных документах Особой партии кавказских борцов, объединявшей 11 народов Кавказа, но действовавшей преимущественно в Чечено-Ингушетии, ставилась цель борьбы «с большевистским варварством и русским деспотизмом», выдвигался лозунг «Кавказ - кавказцам!» (что предусматривало выселение русских и евреев) ей ставилась задача «обеспечить полную дезорганизацию тыла, остатков советской военщины на Кавказе, ускорение гибели большевизма на Кавказе и действовать во имя поражения России в войне с Германией», а впоследствии «создать на Кавказе свободную братскую Федеративную республику - государство

братских народов Кавказа по мандату Германской империи». Ещё в самом начале войны, 8 июля 1941 года Берия санкционировал войсковую операцию «для ликвидации чеченских банд», укрывшихся в Хильдихароевском и Майстинском ущельях Грузии, силами 6 полков внутренних войск, подкреплённых несколькими отрядами НКВД. Особенно усилилось повстанческое движение летом 42-го, с приближением к Главному Кавказскому хребту немецких войск. В дни пребывания Берии на Кавказе, в конце августа, чеченские отряды ликвидировали колхозы и советские органы в ряде селений в горной Чечне и вступали в бой с расположенными в райцентрах войсковыми гарнизонами. В конце сентября - начале октября вспыхнуло крупное восстание в Веденском и Чеберлоевском районах, в подготовке которого участвовали немецкие парашютисты. Всего на территории Чечено-Ингушской республики действовало до 25 тысяч повстанцев. Кстати, боролся с повстанцами нарком внутренних дел Чечено-Ингушетии капитан госбезопасности С.И. Албогачиев, как кажется, тот самый, что безуспешно пытался выбить признание у М.С. Кедрова в августе 39-го. В сентябре 43-го Албогачиева заподозрили в связях с руководителем повстанцев и создателем Особой партии кавказских братьев Хасаном Исраиловым (Терлоевым), между прочим, выпускником Коммунистического Университета трудящихся Востока, и отозвали в резерв. Албагочиев обратился к Сталину с письмом, где просил «использовать меня на самом остром участке, где работа была бы видна народному комиссару» (т. е. Берии). Письмо было направлено Лаврентию Павловичу со сталинской визой. Мы не знаем, как дальше был использован по службе Албагочиев и как отнёсся он к последующей депортации своих земляков, но, похоже, его не репрессировали.

Против Советской власти боролись также карачаевцы и балкарцы, да и в Дагестане было неспокойно. В этих условиях Берия опасался отправлять части НКВД на фронт, не без оснований полагая, что тогда Северный Кавказ затопит волна восстаний. Единственный путь ликвидации повстанческого движения Берия видел в немедленной депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, иначе немцы, если бы им удалось прорваться через Главный Кавказский хребет, получили бы пополнение в десятки тысяч бойцов - убеждённых противников Советской власти. Однако окружение германской группировки в Сталинграде в конце ноября 42-го резко изменило общую стратегическую обстановку в пользу Советского Союза, в том числе и на Кавказе, что позволило с депортацией повременить.

А как оценивались события на Кавказском театре военных действий с немецкой стороны в конце августа и сентябре 1942 года, когда там находился Берия? В дневнике начальника Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера на фронте группы армий «А», действовавшей на Кавказе, в этот период отмечаются в основном лишь «местные успехи». Единственным крупным достижением вермахта стало занятие Новороссийска. Немецкие войска ворвались в город 6 сентября, а к 10-му числу фронт стабилизировался на восточной окраине города в районе цементного завода «Октябрь». Однако советские войска держали под обстрелом город и Цемесскую бухту, что так и не позволило немцам пользоваться Новороссийским портом. Падение же Новороссийска было

предопределено ещё до прибытия Берии. С Керченского полуострова над городом нависала мощная германо-румынская группировка в 4 дивизии с достаточным количеством высадочных средств. Двигавшиеся от Ростова немецкие войска ещё 16-18 августа вышли к Темрюку и станции Крымской, на 23 Августа взяли Темрюк. Падение Новороссийска было предопределено, но главной стратегической цели - прорваться в Закавказье немцы достичь так и не смогли. Как раз 9 сентября Гитлер уволил в отставку командующего группой армий «А» фельдмаршала Вильгельма Листа и принял решение в ближайшее время заменить начальника Генштаба Гальдера. Это было связано в первую очередь с остановкой наступления на Кавказ.

Справедливости ради подчеркну, что миссия Берии по стабилизации фронта облегчалась тем, что у немцев уже не оставалось сил для продолжения наступления к бакинской нефти, поскольку всё больше войск поглощал Сталинград.. Фельдмаршал Лист ещё в середине августа докладывал Гитлеру, что «не может с имеющимися у него силами и при столь растянутых коммуникациях достичь поставленной ему Верховным Командованием оперативной цели» - захвата нефтеносных районов. Но, во всяком случае, со своей задачей Лаврентий Павлович справился и к Баку немцев не пропустил.

Только в 1944 году Берии пришлось заниматься давно задуманной депортацией северокавказских народностей. За эту полицейскую операцию он был удостоен полководческого ордена Суворова 1-й степени. Итог для «репрессированных народов» был трагичен. Тогда было выселено около 873 тысяч карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, а также греков, болгар и армян Крыма. Всего же, включая первые послевоенные годы, было репрессировано 62 нации и народности. Из них к октябрю 45-го в местах ссылки в Казахстане и Средней Азии в живых осталось только 741,5 тысяч человек. Не меньшие жертвы понесли и сотни тысяч немцев Поволжья, Украины и Крыма, депортация которых была осуществлена ещё в 41-м году. Всего с начала 1945 и до конца 1950 года в местах спецпоселений умерло 288 тысяч человек, а родилось только 197 тысяч. Надо также учесть, что десятки, если не сотни тысяч спецпоселенцев умерли в 1941-1944 годах. Всего в стране к октябрю 1948 года было перемещено в спецпоселения 2247 тысяч человек, в том числе 1013 тысяч немцев, 364 тысяч чеченцев и ингушей, 57 тысяч карачаевцев, 32 тысяч балкарцев, 75 тысяч калмыков, 185 тысяч татар, болгар, греков и армян, выселенных из Крыма, 81 тысяч турок-месхитинцев, курдов и хемшинов (армян-мусульман), выселенных из Грузии, 97 тысяч так называемых «оуновцев» (жителей Западной Украины), 47,5 тысяч литовцев и 135 тысяч «власовцев». В 1949 году к ним добавился поток спецпереселенцев из Прибалтики, Западной Украины и Прибалтики, но этими депортациями Берия уже непосредственно не занимался.

Об операции по переселению чеченцев и ингушей Берия докладывал Сталину, что в ней участвовало 19 тысяч оперативных работников НКВД-НКГБ и «СМЕРШ» и около 100 тысяч солдат и офицеров войск НКВД, «стянутых с различных областей». Вот откуда, вероятно, взялись цифры в 120 тысяч военнослужащих в дивизиях НКВД на Кавказе в 42-м году, фигурировавшие во время суда над Берией. Между тем, Тюленев, как мы помним, говорил лишь о 15-20 полках войск НКВД, в

которых, даже с учётом других отдельных частей, вряд ли насчитывалось более 40-50 тыс. бойцов и командиров.

Операция по депортации была проведена Лаврентием Павловичем по-чекистски грамотной. Накануне её начала он сообщил Сталину основные идеи своего плана: «Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Моллаеву о решении правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые ему будут даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым и было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах выселения. 40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населённому пункту 2-3 человека для агитации. Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Б. Арсановым, А.. Г. Яндаровтым и А. Гайсумовым, они призывались оказать помощь через Уилл и других местных авторитетов.

Выселение начинается с рассвета 23 февраля с. г., предполагалось оцепить районы, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населённых пунктов. Население будет приглашено на сход, часть схода будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть будет разоружена и доставлена к местам погрузки».

На следующий день нарком внутренних дел с удовлетворением доложил Верховному Главнокомандующему, что «выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией арестовано 842 человека».

Выполнив незавидную роль козлов-провокаторов, ведущие стадо на бойню, религиозные авторитеты и представители партийно-советского актива разделили участь соплеменников, только неделей позже 1 марта Берия доносил Сталину: «Сегодня отправлен эшелон с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при операции».

Во время депортации войска совершали страшные преступления, но о них Берия предпочитал не докладывать Верховному. Так, 27 февраля 1944 года были заживо сожжены 700 жителей селения Хайбах Шатойского района - женщин, стариков и детей. Сожгли их в конюшне колхоза имени Берии Руководил акцией комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Максимович Гвишиани, свёкор будущего председателя Совета Министров СССР А.. Н. Косыгин. Михаил Максимович отделался тем, что в 1954 году был лишён звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах». А в 44-м он рапортовал Берии, личной охраной которого когда-то руководил: «Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции "Горы" вынужден был ликвидировать более 70т0 жителей в местечке Хайбах». Лаврентий Павлович действия подчинённого одобрил о осчастливил его радостной вестью: «За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной награде с повышением в

звание. Поздравляю». Нынешние российские солдаты и офицеры, осуществляющие геноцид чеченцев в ходе Второй чеченской войны, имеют славных предшественников.

За один Хайбах Берия, равно как и другие руководители операции «Горы», включая будущего министра внутренних дел С.Н. Круглова и будущего председателя КГБ И.А. Серова, вполне заслужили высшей меры наказания. Вместо этого Лаврентий Павлович 9 июля 1945 года был удостоен высшего воинского звания Маршал Советского Союза, правда, не за военные победы, а за успехи на хозяйственном и карательном фронте. А Гвишиани за Хайбах и выселение чеченцев и ингушей получил полководческий орден Суворова 2-й степени, а Круглов и Серов - 1-й степени.

Насильственные депортации целых народов, безусловно, заслуживает осуждения. Однако не стоит закрывать глаза и на то, что среди некоторых народов СССР большинство действительно поддержало немецких оккупантов. Этому способствовала и расовая политика нацистов. Оккупанты рассматривали народы Кавказа, казаков, калмыков, татар, а также латышей фи эстонцев в качестве арийских народов. На них не распространялся унизительный статус «недочеловеков». Более того, указанные народы получили право создавать на оккупированных территориях органы самоуправления и военные формирования пост германским контролем. Столь же активно боролось против Советской власти большинство литовцев и жителей Западиной Украины, которых немцы, правда, не считали «арийцами». При этом в Литве и на Западной Украине был менее развит, чем в Эстонии, Латвии, на Северном Кавказе и среди ряда народов Крыма. Украинская Повстанческая Армия уже в 1942 году вела борьбу с немцами, а Литовская освободительная армия соблюдала по отношению к ним нейтралитет (немцы тоже предпочитали не трогать литовских партизан).

Реальный, но не осознаваемый выбор для народов СССР в годы войны заключался в том, чтобы сменить одну диктатуру на другую, некоторым казавшуюся менее жестокой. В этом отношении характерен пример северокавказских народов, искренне приветствовавших Гитлера и немцев как освободителей от векового российско-советского и большевистского ига. Не надо забывать, что Российская империя была колониальной державой. Многие её народы ощущали себя такими же угнетёнными и бесправными, как и народы английских и французских колоний в Азии и Африке. Народы Кавказа и Средней Азии, видя в Советской власти наследницу империи, не прекращали борьбу и в 20-е, и в 30-е годы, в основном под исламскими и сепаратистскими лозунгами. Закономерно, что германские войска кавказские горцы встретили как своих освободителей. Справедливости ради необходимо заметить, что о преступлениях Гитлера те же карачаевцы или балкарцы, преподнесшие Гитлеру золотую сбрую, не имели не малейшего понятия. Издававшаяся в Берлине газета северокавказских коллаборационистов «Газават» выходила под лозунгом «Аллах над нами - Hitler с нами». И этот лозунг отражал реальные чувства кавказских народов. Аналогичным образом в Италии и Франции партизаны-коммунисты боролись и умирали с именем Сталина на устах, не ведая о его преступлениях. Для многих северокавказских народов вспыхнувшая с новой силой после начала войны партизанская борьба стала

естественным продолжением восстания 1930 года, жестоко подавленного советскими войсками.

«Газават» публиковал очерки истории Сопротивления Советам на Кавказе. Так, в номере от 11 августа 1943 года в передовице «Мы отомстим!» некто Гобашев задавал товарищам по борьбе риторический вопрос: «Не нам ли мстить, когда наш родной Кавказ за годы большевистской ежовщины похоронил в тюрьмах НКВД 46.000 лучших своих сынов, наших братьев и отцов».

В том же номере Н. Дербушев рассказывал о «народном герое Карачая» Кады Байрамукове, наделяя вождя карачаевцев всеми мыслимыми добродетелями: «В 1922 году восстание карачаевцев было подавлено, а его руководители и активные участники расстреляны. Погибли все братья Байрамуковы, кроме Кады, которому тогда было 12 лет. Джаутай Байрамуков погиб смертью героя во время перестрелки с большевиками в горах у Эльбруса, а Добай и Али были расстреляны в подвалах ЧК.

В 1930 году в Карачае началась коллективизация, по аулам прокатилась новая волна большевистского террора. Карачаевцы снова восстали. В первым рядах восставших был юный Кады Байрамуков. Повстанцы мужественно сопротивлялись, но что они могли сделать против высланных большевиками танков и самолётов! Восстание было подавлено, и снова земля Карачая обагрилась кровью лучших своих сынов. По счастливой случайности Кады Байрамуков не был расстрелян, как сотни других. Ему удалось бежать в горы. Долгие годы скрывался в горах, как затравленный волк, этот свободолюбивый герой.

В июне 1941 года в горах Кавказа прозвучала радостная весть: Германия начала войну против большевиков, Германия протягивает руку братской помощи угнетаемым большевиками народам Восточной Европы. Опустели аулы Карачая. Сотни, тысячи карачаевцев ушли в горы, и там под руководством Кады Байрамукова организовали повстанческие отряды. Крупнейший из этих отрядов, непосредственно руководимый Кады, вскоре вырос до 400 человек.

Далее, когда фронт был ещё далеко, карачаевцы-повстанцы уже вели мужественную борьбу против большевиков, которым приходилось держать в Карачае многочисленные гарнизоны. Когда же фронт приблизился к горам Кавказа, действия руководимых Кады Байрамуковым повстанцев настолько активизировались, что они смогли отрезать для красных все пути отступления, в частности, Клухорский перевал (вот почему перевалы так быстро были захвачены немцами!), через который несколько тысяч красных пытались уйти в Сванетию. Сотни убитых комиссаров (не во исполнение преступного гитлеровского приказа о ликвидации комиссаров, а из-за искренней ненависти к ним местного населения.), тысячи пленных красноармейцев, большие отары отбитого у отступающих большевиков скота, огромное количество воинского снаряжения и оружия - таковы были трофеи повстанцев. При активной помощи карачаевцев германские войска заняли Карачай обходным движением без единого выстрела. По тропинкам, известным только сынам горам, вошли германские солдаты-освободители в аулы.

Во время пребывания германской в Карачае Кады Байрамуков организовал борьбу с большевистскими бандами, скрывающимися в лесах, и многие из них были целиком уничтожены (на этот раз партизанило славянское население и красноармейцы-окруженцы.).

Начался отход германской армии с Кавказа, и аулы Карачая опустели. Вместе с германской армией ушла большая часть горцев, ушёл и Кады Байрамукове.

Теперь он возглавляет Карачаевское освободительное движение. Под его непосредственным руководством гордые сыны Карачая готовятся к борьбе с большевиками не на жизнь, а на смерть.

Под священным знаменем Газавата мы или умрём, или снова вернёмся в родной Карачай, - говорит Кады Байрамуков. И в его глазах горит непреклонная решимость. - Да, мы вернёмся в наши аулы, - вторят вождю его испытанные друзья, ставшие под знамя Газавата - бойцы горского легиона».

Точно такие же события привели к сотрудничеству тс немцами основную массу балкарцев. Их борьбу описал на страницах «Газавата» офицер горского легиона Яб Халаев, бывший колымский узник. Он рассказал до восстании, вспыхнувшем 17-18 февраля 1930 года в Чегемском и Эльбрусском районах: «На знамени восставших было "Долой коммунистов и колхозы!", "Да здравствует свободная жизнь в свободной Балкарии"... На подавление восстания были вызваны отборные горные войска (за исключением мусульман-горцев) из Ростова-на-Дону, Орджоникидзе и других городов и только 20 апреля 1930 года удалось жестоко подавить восставших. В Чегемском ущелье, под Су-Аузу, 19 балкарских орлов под командой Кулиева около двух недель сражались против двух эскадронов красных войск и только отсутствие боеприпасов победило их. Отдельные войсковые группы жидов - Аркадина, Савицкого, Мурата и др., неся большие потери в людях, продолжали борьбу с партизанскими отрядами. Рассеять партизанские отряды удалось только путём жестокого издевательства над родными партизан (абреков). Последние, во имя спасения оставшихся в живых и влачивших жалкое существование родных, вынуждены были временно прекратить борьбу и пожертвовать собой. Парткомиссары, ссылаясь на статью Сталина „Головокружение от успехов", гарантировали свободу добровольно являвшимся партизанам. Но обещание своё не выполнили. В 1937-38 годах они уничтожили обманутых, т. е. всех участников восстания, их пособников щи вместе с ними ни в чём неповинных балкарцев. Но смирить балкарцев не удалось, балкарцы возненавидели коммунистов, колхозы и „остро отточенный меч" Сталина - ГПУ. Не горе, а злоба угнетала балкарских орлов, и они усердно готовились к битве. Клятву, данную у могил павших сынов Балкарии, балкарские патриоты выполняли честно, а особенно активно в 1941-42 годах с помощью освободительной армии Adolf a Hitler'a. Деятельность балкарских партизан - абреков и всего населения Балкарии хорошо известна германскому командованию».

Методы чекистов и красноармейцев в борьбе с горцами-партизанами ничем не отличались от тех, которые применяли немцы в борьбе с белорусскими и украинскими партизанами: захват в заложники и расстрел родственников повстанцев, сожжение непокорных аулов. В 44-м году и позднее также действовало НКВД и против украинцев, поддерживавших УПА.

Халаев привёл пример гибели одного такого селения: «Тысячи балкарцев, кабардинцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа уничтожены большевиками в 1941-42 годах за то, что они желали поражения Сталина. Осенью 1942 года только в одном

балкарском селе В. Балкария большевики убили 575 мирных жителей, причём убиты только старики, женщины и дети, которые не могли скрыться в горах. Их жилища дотла сожжены бандами НКВД. Поводом для этой кровавой оргии послужило то, что жители этого села восстановили мечеть и молились в ней за победу немцев.

Эти зверства бледнеют по сравнению с тем, что творят теперь с беззащитным населением особые отряды НКВД в районах Северного Кавказа». Но главные зверства были ещё впереди. Тогда, в августе 43-го, безнадёжную борьбу вели ещё повстанцы Чечни и некоторых других районов. В «Газавате» приводилось свидетельство одного горца, в июле 1943 года перебежавшего из Красной Армии к немцам, а ранее наблюдавшего агонию чеченского восстания: «Я в Грозном был 10 июня 1943 года. Там идёт страшное побоище. Вся Чечня горит в огне. Аулы днём и ночью беспрерывно бомбардируются советской авиацией. Все чеченцы изъяты из армии и возвращены в Чечню. Все чеченцы согнаны в 3 горных района, оцеплены красными войсками и обречены на гибель. Несмотря на неравенство сил, наши доблестные сыны гор - абреки, ведут отчаянную борьбу за их освобождение». Это была прелюдия депортации чеченцев в Казахстан в феврале 44-года.

Не избежали депортации также карачаевцы и балкарцы. Если в Чечне, до которой немецкие войска так и не дошли, под выселение попали как действительные участники партизанской борьбы, так и ни в чём не повинные мирные жители, то в Карачае и Балкарии жертвами депортации стали те, кто в лучшем случае сохранял нейтралитет или даже сотрудничал с Советской властью. Ведь все активные коллаборационисты покинули Балкарию и Карачай вместе с отступающей германской армией. Кстати сказать, им ещё относительно повезло. После войны западные союзники выдавали мусульман Кавказа и Поволжья не столь активно, как русских и уроженцев восточной Украины и восточной Белоруссии. Те же, кто был выдан, либо расстреливались, либо отправлялись на 20 лет в ГУЛАГ. По утверждению английского историка Николая Толстого, «в 1946 году на Западе находилось предположительно около 80 тысяч мусульман, и непохоже, чтобы их насильно репатриировали». Позднее многие кавказские мусульмане перебрались в Египет, Турцию, Сирию и другие исламские страны и больше уже никогда не вернулись на родину. Возможно, поэтому в последующие годы, вплоть да нашего времени, сепаратистские тенденции среди карачаевцев и балкарцев оказались выражены слабее, чем среди чеченцев. Ведь в спецпоселениях, где шансов выжить было всё-таки больше, чем в исправительно-трудовых лагерях, оказались многие активные участники чеченского повстанческого движения. Некоторым партизанам удалось скрыться в высокогорье и избежать депортации. В результате в Чечне сохранилась преемственность традиции борьбы за независимость, а в Карачае, Балкарии и Кабарде они были в определённой мере утрачены.

У кавказских горцев, в отличие, скажем, от украинских националистов, даже мысли не могло возникнуть, чтобы ориентироваться на помощь не Германии, а Англии фи США. Ведь в колониях Британской империи тоже вели борьбу за независимость десятки и сотни миллионов их единоверцев-мусульман. Египетскому президенту Гамалу Айбдель Насеру и его соратникам из движения «Свободные офицеры» никто впоследствии не ставил в вину контакты в

годы войны со странами Оси. Если бы кавказские народы добились независимости, их бы тоже вряд ли кто попрекнул тем, что они принимали помощь от людоеда Гитлера. Здесь мы подходим к принципиально неразрешимому вопросу морального выбора отдельных народов и граждан СССР между Сталиным и Гитлером. Думается, что никто из них не может быть по большому счёту зачислен ни в преступники, ни в праведники.

Необходимо отметить, что все депортации одобрялись ГКО по представлению Берии как главы НКВД. Например, 29 мая 1944 года он предложил выселить из Крыма болгар, армян и греков, мотивируя данную меру «активным участием» этих народов в поставках продовольствия для германской армии и созданием пронемецких полицейских формирований из представителей этих народов. Между тем, подобные деяния можно было ив той или иной степени вменить всем жителям оккупированных территорий. В отличие от крымских татар, нет данных о том, что среди армян, болгар и греков был повышенный процент коллаборационистов по сравнению, скажем, с русским и украинским населением Крыма. К тому же наиболее активные коллаборационисты как из числа этих народов, так и татар, успели эвакуироваться вместе с немцами. Тем не менее, 2 июня ГКО постановил провести депортацию из Крыма греков, болгар и армян.

Формально можно сказать, что Берия был инициатором этого и подобных ему репрессивных решений высшего правительственного органа. После полной или частичной реабилитации «наказанных народов» советская пропаганда стала возлагать ответственность за эти акции на одного Лаврентия Павловичах. Однако можно не сомневаться, что перед тем, как писать соответствующее представление, Лаврентий Павлович получил устное указание от Сталина, какие именно народы следует наказать.

Вождь уже начал проводить ту линию, которую сформулировал в тосте за здоровье русского народа 24 мая 1945 года на приеме в честь командующих армиями и фронтами: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». «Провинившиеся» же народы подлежали депортации. Вместе с тем, бросается в глаза, что наказывались в первую очередь те народы, которые проживали на стратегических важных территориях Крыма и Кавказа. Данным территориям придавалась особая роль в свете грядущей конфронтации с Турцией. Любопытно, что в записке от 29 мая 1944 года Берия особо подчеркивал, что в период оккупации среди крымских армян вели активную работу лидеры дашнаков, приезжавшие будто бы не только из Берлина, но и из Стамбула. Сталин рассчитывал после победоносного завершения Великой Отечественной войны установить контроль над Черноморскими проливами и отобрать у Турции территории Армении и Грузии, уступленные ей в 1921 году.

Не меньшее сопротивление, чем на Северном Кавказе и в татарских районах Крыма, было оказано Красной Армии и войскам НКВД в Прибалтике. Однако там местное население было депортировано лишь частично. Можно предположить, что тут было несколько причин. В частности, сыграло важную роль следующее обстоятельство. Полностью выселять титульное население союзных республик, вхождение которых в состав СССР так и не признали многие

государства мира, в том числе США, было неудобно во всех отношениях. В случае же с Западной Украиной полная депортация означала бы признание перед всем миром, что «добровольное присоединение» жителей этой территории к Советской Украине в 1939 году было фикцией. Кроме того, невозможно было допустить, чтобы сна значительной части территории Украинской ССР вообще не осталось украинцев. Дополнительным фактором, возможно, было то, что в Прибалтике и Западной Украине не ожидалось в ближайшем будущем острой конфронтации с бывшими союзниками по Второй мировой войне, а находившаяся к западу от этих территорий Польша была поставлена под советский контроль. Поэтому здесь Сталин решил пойти по более мягкому пути: депортации только наиболее активных антисоветских элементов ми поощрения миграции выходцев из России и Восточной Украины.

Справедливости ради скажу, что иногда Лаврентий Павлович смягчал участь депортируемых. Так, 31 октября 1944 года он одобрил предложение своего заместителя В.В. Чернышова и начальника отдела спецпоселений МВД М. Кузнецова в некоторых случаях удовлетворять просьбы бойцов и командиров Красной Армии об освобождении их родственников из спецпоселений, но при этом «не принимать широкой практики» и действовать исключительно в индивидуальном порядке. Ранее, 1 августа 1944 года, Берия согласился освободить из спецпоселений, но только после персональной проверки, татарок, армянок, гречанок и болгарок, которые имели русских мужей. Но это была капля в море.

По мере того, как стал ясен исход войны и близился ее победный финал, Сталин разбираться не только с народами, но и с отдельными членами высшего военного и политического руководства. Он исподволь начал готовить почву для устранения тех, кто выдвинулся в годы войны. Иосиф Виссарионович опасался, что в скором будущем они могут угрожать его безраздельной власти над страной. 8 декабря 1944 года Сталин как нарком обороны издал грозный приказ:

«29 мая 1944 года Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой Устав Зенитной Артиллерии Красной Армии (две части).

18 октября 1944 года также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования тов. Вороновым был вынесен на утверждение маршала Жукова Боевой Устав артиллерии Красной Армии.

Маршал Жуков без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные пробелы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не связаны с планом принятия артиллерии уставов Красной Армии.

Народный Комиссариат Обороны исходит из того, что устав, - это не приказ, имеющий силу на короткий срока Устав - это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением уставов тщательная их проверка с вызовом товарищей с фронта. В

таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении и утверждении этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефективных уставов.

Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем.

В связи с этим: 1. Отменяю приказы № 76 и 77 от 29. V. 44 г. и № 209 от 18. X. 44 г. Заместителя Наркома Обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого Устава Зенитной Артиллерии и Боевого Устава Артиллерии Красной Армии 2. Ставлю на вид Главному Маршалу Артиллерии тов. Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии. 3. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю: Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии: а) Комиссию по просмотру и проверке Боевого Устава Артиллерии б) Комиссию по просмотру и проверке Боевого Устава Зенитной Артиллерии Заместителю Наркому Обороны СССР тов. Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение.

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтов (округов), армий, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата Обороны».

Дело было, конечно, не в том, что главный маршал артиллерии Воронов по старой дружбе договорился тс маршалом Жуковым об ускоренном принятии артиллерийских уставов, и не в том, что принятые уставы были чем-то особенно плохи. Далеко не факт, что все недостатки, если таковые имелись, были выявлены и устранены специально назначенными комиссиями, и вовсе не обязательно, что принятые ими уставы оказались лучше тех, что предлагал Воронов. Сталину гораздо важнее было одернуть «зарвавшихся маршалов» и показать высшему комсоставу, которому и разослали приказ, кто в доме хозяин. Он ясно дал понять Воронову и Жукову, что, несмотря на все былые заслуги, готов снять их с занимаемых высоких постов при повторном проявлении малейшего самовольства.

Воронова Сталин держал во главе артиллерии Советской Армии вплоть до 1950 года, после чего назначил на почетный, но ничего не значивший пост президента Академии артиллерийских наук. А Жукова уже в 1946 году отправил в не слишком почетную ссылку командовать Одесским и Уральским военными округами.

Точно так же еще в годы войны Сталин начал исподволь ограничивать влияние Берии. Уже в апреле 1943 года у Лаврентия Павловича были отняты госбезопасность, опять оформившаяся в отдельный наркомат во главе с Меркуловым, и армейские особые отделы, оформившиеся в Главное управление контрразведки «СМЕРШ» во главе с Абакумовым. Последнее, особо важное в условиях военного времени, Сталин подчинил непосредственно себе, как наркому обороны.

Абакумов, вся войну возглавлявший военную разведку, сколько-нибудь впечатляющих успехов в борьбе со вражескими шпионами. Как

свидетельствуют публикуемые в приложении материалы расследования деятельности особого отдела 7-й отдельной армии, по большей части шпионами объявляли ни в чем не повинных красноармейцев, из которых побоями выбивали признания, а потом расстреливали Вот по линии разведки, которую до мая 1943 года курировал Берия, дело обстояло лучше. «Красную капеллу», как условно называли в гестапо советскую разведывательную сеть в Западной Европе, немцам удалось ликвидировать к концу 1942 года. Однако в этом провале Берия не был виноват. Его предшественник в руководстве разведкой В.Н. Меркулов не позаботился об оснащении резидентуры за рубежом достаточным числом радиостанций в предвоенный период, полагаясь лишь на дипломатические каналы связи. Сыграло свою роль и то, что Сталин рассчитывал на успешный блицкриг и надеялся, что короткий перерыв в контактах с агентурой не приведет к большим последствиям. На практике же получилось так, что после 22 июня большинство наших разведгрупп либо оказались лишены возможности передавать ценнейшую информацию, либо вынуждены были замыкаться на немногие имевшиеся радиостанции, которые, из-за чрезвычайно интенсивной работы, легче стало запеленговать. А поскольку вся сеть оказалась замкнута на немногие радиоточки, провал одного радиста приводил к провалу большого числа агентов. Сам Берия, по утверждению Судоплатова, будучи профессионалом, такое нарушение элементарных правил конспирации вряд ли бы допустил.

Провалы в Германии и оккупированной Европе с лихвой компенсировались успехами по линии научно-технического, в том числе атомного шпионажа в союзных странах - Англии и США. Там местная контрразведка была ориентирована на борьбу с германской, итальянской и японской агентурой и почти не препятствовала нашим резидентам, действовавшим под дипломатическим прикрытием, налаживать контакты с агентурой. Надо отдать должное Лаврентию Павловичу: он очень быстро оценил важность разведсообщений по «урановой проблеме». Это способствовало назначению Берии в конце войны руководителем советского атомного проекта.

Курировать этот проект Лаврентию Павловичу Сталин поручил 3 декабря 1944 года, всего за пять дней до издания приказа с осуждением действий Воронова и Жукова. Можно предположить, что одной из целей данной акции было ослабить контроль Берии над НКВД. Подобным же образом Ежов был сначала назначен «по совместительству» наркомом водного транспорта, что помогло переместить в новый наркомат преданных Ежову лиц из наркомата внутренних дел и предопределило его падение всего через несколько месяцев. Но в случае с Берией имелось и принципиальное различие. Атомный проект - это не наркомат водного транспорта, во главе которого можно поставить хоть проштрафившегося политика, хоть кого-либо из лично преданных политиков из второго эшелона. Создание атомной бомбы было главной задачей, которую поставил перед страной Сталин после окончания войны. Только обладание ядерным оружием позволяло ему чувствовать себя «на равных» с США. Возглавив проект по созданию атомной бомбы, Берия на какое-то время стал самым влиятельным членом правительства, самым необходимым для Сталина министром. Именно его во главе проекта поставили совсем не случайно. Иосиф Виссарионович надеялся на административные

способности Лаврентия Павловича, на его опыт использования узников ГУЛАГа и подневольных ученых из «шарашек» для решения больших народнохозяйственных задач. И не торопился отправлять его в небытие. Берия мог надеяться, что пока бомбу не сделают, его, вероятно, не постигнет судьба Ежова. Но, с другой стороны, если работы над бомбой сильно затянутся, или испытания закончатся неудачей, головы тоже не сносить.

СТАЛИН ИЩЕТ ПРЕЕМНИКА

В октябре 1945 года Сталин неожиданно ушёл в длительный отпуск - вплоть до середины декабря. Полагаю, на Иосифа Виссарионовича большое впечатление произвёл фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где болезнь царя служит для выявления подлинного лица «реакционного боярства». После того как Сталин надолго пропал из Москвы, в мировой прессе стали циркулировать слухи о его болезни и даже смерти. Всерьез обсуждался вопрос о возможных преемниках советского вождя. На хозяйстве в Политбюро Иосиф Виссарионович оставил четвёрку из Молотова, Маленкова, Берии и Микояна. Именно в таком порядке убывал их рейтинг бывших членов ГКО. Молотов был старшим, далее следовал заместитель Сталина Маленков, затем - Берия, ещё остававшийся наркомом внутренних дел и уже возглавивший атомный проект, а замыкал список Микоян, нарком внешней торговли, курировавший гражданские отрасли народного хозяйства. Когда Сталин обращался не к Молотову, а к остальным членам правящей четвёрки, то на первом месте в шифрограммах ставил Маленкова, за ним Берию, а в конце - Микояна. Подчиненную роль Микояна иллюстрирует один любопытный факт. В это же время, осенью 45-го, происходили вооружённые выступления в иранском Азербайджане, направленные против правительства шаха и тайно поддержанные советскими оккупационными войсками. Так вот, телеграммы о положении на севере Ирана глава Компартии Азербайджана Багиров и командующий Закавказским военным округом генерал Масленников адресовали Молотову, Маленкову и Берии, Микоян же в число адресатов не входил.

Сталину в Сочи регулярно доставляли подготовленные Секретным отделом ТАСС под грифом «совершенно секретно» сводки иностранной прессы, посвящённые слухам о возможной болезни советского лидера и его предполагаемых преемниках. Так, 9 октября, по информации из Рима, «ряд итальянских газет опубликовал под кричащими заголовками сообщения о „тяжёлой болезни" генералиссимуса Сталина... „Сталин тяжело болен"... „Сталину осталось несколько месяцев жизни.» Иосиф Виссарионович собирался жить долго и с интересом читал сообщение лондонского корреспондента французской «Пари пресс» от 10 октября: «Известие об отъезде маршала Сталина из Москвы на отдых истолковывается здесь как подтверждение слухов о его болезни. В Потсдаме прошёл слух, что он болен грудной жабой и предполагает отправиться на Кавказ. Вопрос о его преемнике выдвигает важную проблему. Не указывается, кто будет исполнять его обязанности во время отпуска. Но ещё во время Лондонской конференции утверждали, что Молотов, Жданов и Берия обнаруживают больше прямолинейности, чем Сталин.»

Американская «Чикаго трибюн» 11 октября, со ссылкой на дипломатические круги в Лондоне, утверждала, что «в Москве происходит ожесточённая закулисная борьба за власть между маршалом Жуковым и министром иностранных дел Молотовым, которые пытаются занять диктаторское место Сталина. Московское радио объявило, что Сталин выехал из Кремля для „короткого отпуска". Это первый отпуск Сталина со времени начала войны с Германией и первый отпуск, который он когда-либо брал». В действительности Сталин отдыхал достаточно часто, и это не было большим секретом. Но впервые об отпуске Сталина публично объявило советское радио. Данное обстоятельство и породило переполох на Западе.

Корреспондент «Чикаго трибюн» отмечал, что «дипломатические представители, которые присутствовали на Потсдамской конференции, сообщают, что Сталин очень болен. Этим летом в Париже появились сообщения о том, что Сталин по болезни сердца может оставить свой пост. Как сообщают, честолюбивые замыслы Жукова стать диктатором имеют за собой поддержку армии, в то время как за Молотовым стоит коммунистическая партия. Шестидесятилетний возраст Сталина является одним из факторов для теперешних манёвров его преемников».

А в мексиканской газете «Эксельсинор» в связи со слухами о болезни кремлёвского вождя 4 октября появилась статья «Если бы Сталин был Трумэном, он покончил бы с коммунистами». Под таким заголовком было помещено сообщение о пресс-конференции американского адмирала Уильяма Стэнли, бывшего посла в Москве. Он утверждал, что однажды дал понять Сталину: «Коммунистические агитаторы в Соединённых Штатах несут большую ответственность за плохое отношение американцев к России». «Адмирал Стэнли сказал далее, - писала "Эксельсинор", - что Сталин спросил его: "Эти агитаторы являются гражданами Соединённых Штатов?" Я ответил ему, что а "Разве у вас нет полицейских частей в Соединённых Штатах?" - продолжал спрашивать меня маршал Сталин. Я ответил ему, что есть. "И полиция носит огнестрельное оружие?" - спросил Сталин. Я ещё раз ответил ему утвердительно. "В таком случае, - сказал Сталин, - почему же вы не убьёте своих революционеров? Это то, что сделал я"». Наверняка это сообщение читал и Лаврентий Павлович и, как другие члены «четвёрки», прекрасно понимал, что он свободным образом может оказаться следующим в длинной череде «расстрелянных революционеров».

12 октября ТАСС принёс новые слухи. В Стокгольме подозревали, что у Сталина болезнь печени, а в Анкаре появилось сообщение, что он «якобы умер».

В Англии газета «Дейли Экспресс» опубликовала серию статей своего корреспондента Аларика Джэйкоба, только что вернувшегося из Москвы, обобщённые в сводке ТАСС 15 октября: «Джэйкоб задаёт вопрос: кто будет преемником Сталина? Как он утверждает, непримиримые считают, что если бы было известно, кто правит Россией, пока Сталин находится в отпуску в своей родной Грузии, то это могло бы явиться ключом к загадке - кто будет его преемником Джэйкоб считает, что этим преемником будет малоизвестный человек с козлиной бородкой, рыжеватыми волосами и веснушками, по имени Николай Булганин, который, вероятно, взял на себя основную часть

повседневной работы Сталина. Когда Сталин окончательно отойдёт от дел, продолжает Джэйкоб, то мне кажется неизбежным, что Россия будет править комитет. Число пять было бы практичным с точки зрения его состава, что выяснилось, когда Сталин, Берия, Микоян, Каганович и Ворошилов составили Совет обороны, который руководил всеми усилиями. Из такого комитета пяти мог бы выйти новый лидер Но это будет медленный процесс. После смерти Ленина было междуцарствие, и нужно много времени для того, чтобы „раздуть репутацию" любого человека, каким бы талантливым он ни был, чтобы занять место вождя, который в большей степени, чем Ленин, считается отцом республики и организатором победы. Можно лишь строить догадки, однако имеется 5 человек, которые, вероятно, смогут выступить как соперники: Молотов, Булганин, Антонов, Микоян, Жданов. В одном мы можем быть уверены - на открывшуюся вакансию не вступит молодой и пылкий гений. Я считаю, что Советский Союз после столь большого напряжения стал самым устойчивым обществом в мире, придерживающимся проверенного и подлинного учения, как они называют "марксизм-ленинизм". Такое общество не открывает никаких горизонтов для нового Александра Македонского. Новый мир определённо не будет завоёван.

Сталин не перестал быть революционером, но он си его последователи являются сторонниками силы примера, а не баррикад, для которых нужна и горячая и молодая кровь. Преемниками Сталина будет группа людей среднего возраста и доброй воли».

Читая это, Сталин усмехался. С Булганиным англичанин попал пальцем в небо. «Человека с козлиной бородкой» как одного из своих преемников Иосиф Виссарионович никогда не рассматривал. И даже состава ГКО Джейкоб толком не знал. В его статье из высшего руководства выпал Маленков, почти не известный за границей. Берию Джейкоб тоже не считал возможным наследником Сталина. Между тем именно Маленков и Берия были в тот момент, наряду с Молотовым, самыми влиятельными членами Политбюро. А уж надеяться, что Сталин теперь полагается лишь на «силу примера», мог только человек, ничего не понимавший в природе Советской власти. Пройдёт несколько лет, и коммунистический переворот в Чехословакии, блокада Берлина, победа коммунистов в Китае и война в Корее развеяли последние иллюзии на Западе, будто Советский Союз остепенился, а Сталин перестал мечтать о лаврах Александра Македонского или Чингисхана.

Шумиха в иностранной прессе начала уже немного раздражать Иосифа Виссарионовича. Он решил, что игра немного затянулась и становится опасной для престижа страны. И 18 октября согласился принять в Сочи американского посла Аверелла Гарримана «24, 25 или 26 числа сего месяца по выборку Гарримана». Он должен был передать послание президента Трумэна, но само послание было, в первую очередь, предлогом выяснить истинное состояние здоровья генералиссимуса.

Тем временем статьи с политическими портретами возможных сталинских преемников продолжали поступать. 19 октября на стол Иосифу Виссарионовичу легло сообщение ТАСС со статьей Карла Эванга, появившейся в норвежской «Арбейдербладет» и посвящённой Молотову. Автор посетил Москву в 1944 году и встречался с Вячеславом Михайловичем. У Эванга получился настоящий панегирик:

«Молотов является как бы вторым после Сталина гражданином Советского Союза. Причины этого следует искать не в его официальном положении, а скорее в том, что он сам постепенно завоевал себе большой авторитет. Многие, впрочем, считали, что он разделяет второе место с Калининым. Прочное положение Молотова в его собственной стране и великое доверие к нему со стороны его народа нельзя приписать его замечательной деятельности как Народного комиссара иностранных дел. Оно коренится и в его многолетней деятельности в революционном движении».

Сталина насторожило, что главу советского внешнеполитического ведомства хвалят в «буржуазной прессе». Публикации такого рода способствовали последующей опале Вячеслава Михайловича

В тот же день, 15 октября, шведская «Нуррландска социал-демократен» также задалась вопросом о преемнике Сталина: «До сих пор Сталин доминировал во всём настолько определённо, что ни для какой значительной личности не было места для проявления своего значения.

Ко многим недостаткам диктатуры относится также то, что при ней никакому сопернику не разрешается поднять голову. Сталин, как и Гитлер, устранил с пути всех - как тех, кто ему мешал, так и тех, о которых можно было подумать, что они смогут ему помешать. Так поступали его русские предшественники, начиная с Ивана Грозного до Петра Великого.

Рузвельта нет, Черчилль вышел из игры. Несмотря на это, особых забот подыскать им подходящих преемников не былом Но здесь имеется разница между демократией и диктатурой. Как в Англии, этак и в США, в силу демократического порядка, избранные заместители были уже наготове. Возможно, что предполагаемая смена лиц русской политикой произойдёт тихо и безболезненно. Царизм пал потому, что он утратил свою основу и не был в состоянии охранять интересы страны ни в военное, ни в мирное время. Сталинизм выдержал испытание во время войны, и, по всей вероятности, он продержится в мирное время и без Сталина, если бы его не стало».

Берия, как и Сталин, внимательно читал эту статью. Ведь он легко мог оказаться среди тех, кого вождь решит вывести в расход, если остановит выбор на другом преемнике. Но, конечно, Лаврентий Павлович не предполагал, что через восемь лет наиболее болезненной смена власти будет для него самого. Ему, единственному из наследников Сталина, придётся заплатить жизнью за попытку реформировать страну. Другие наследники предпочли жить на завещанный Сталиным капитал, не афишируя это обстоятельство.

23 октября Сталину доставили радиоперехват французского радио, сообщавшего из Вашингтона: «В некоторых кругах полагают, что в случае если глава советского правительства решит покинуть официальное руководство советской политикой, возможно, что его преемником будет маршал Жуков. Поэтому высказанное Жуковым желание посетить США до конца этого года вызвало появление многочисленных комментариев». В тот же день корреспондент лондонской «Дейли мейл» Рошна Черчилль утверждала: «Между маршалами Красной Армии идёт борьба за власть, борьба за то, кто унаследует сталинское руководство. Жукову, который является "партийным генералом", отдаётся предпочтение». Она также писала о

«кризисе в среде высшего командования и довольно распространённом дезертирстве среди рядовых. Полагают, что по крайней мере 3 тысяч русских дезертировали в Вене и 10 тысяч в Берлине».

Как известно, по настоянию Сталина маршал Жуков ещё в начале октября вынужден был отказаться от поездки в США по приглашению генерала Эйзенхауэра. Иосиф Виссарионович, в отличие от западных политиков, отнюдь не хотел видеть Жукова своим преемником. Отклики зарубежной прессы, подчёркивавшие, что Жуков пользуется поддержкой армии, ещё больше убедили Сталина в необходимости попридержать «маршала Победы». Иосиф Виссарионович не хотел, чтобы созданное им государство после его смерти выродилось в заурядную диктатуру. Сталин мечтал, что если он не успеет свершить последний прыжок к мировому господству, это сумеет сделать его преемник. В СССР должна была сохраняться диктатура не армии, а идеи, пусть и персонифицированной в личности вождя. Только идея оправдывала в глазах масс страдания и лишения ради завоевания всего мира - под знаменем «пролетарской революции».

По возвращении же из отпуска Сталин начал постепенно отстранять Жукова от реального руководства армией. Как свидетельствует дочь маршала Эра, «в конце 1945 года над папиной головой. начали сгущаться тучи. На созванное в Москве военное совещание его не пригласили. На этом совещании Сталин заявил, что Жуков, мол, приуменьшает роль Ставки и приписывает все заслуги себе. Уже тогда присутствовавшие военачальники не выступили в защиту своего соратника, что в дальнейшем имело самое мрачное продолжение». Убедившись, что организованной оппозиции среди военных нет, Сталин в июне 46-го на заседании Главного военного совета сместил Жукова с поста главкома сухопутных сил и отправил командовать Одесским округом.

Но вернёмся в Сочи. Встреча Сталина с Гарриманом, состоявшаяся 26 октября, на пару недель приглушила слухи о тяжёлой болезни генералиссимуса. Американский посол на следующий день заявил, что Сталин «находится в добром здравии и слухи о его болезни не имеют никаких оснований». Однако после того, как 7 ноября Сталин не появился на Красной площади во время традиционного парада, слухи о болезни вспыхнули с новой силой.

Перед второй волной слухов произошли важные события. К тому времени уже была предрешена реформа силовых структур. Берия должен был оставить пост наркома внутренних войск, чтобы сконцентрироваться на атомном проекте. Основные карательные функции планировалось сосредоточить в новом Министерстве государственной безопасности, куда из МВД вскоре перешли внутренние войска и основные оперативные подразделения. В.Н. Меркулов показал себя слабым руководителем и утратил доверие как Сталина, так и Берии. Всеволод Николаевич не привык к сколько-нибудь самостоятельной работе. Он возглавлял НКГБ лишь последние два года войны, когда основные карательные функции перешли к «СМЕРШ»к Но Сталин всё равно выражал недовольство, что Меркулов почти полностью прекратил борьбу с «троцкистами». Для нового послевоенного МГБ Всеволод Николаевич никак не годился. Лаврентий Павлович надеялся, что он останется курировать в правительстве МГБ и МВД. Берия и Маленков рассчитывали, что эти министерства

возглавят их люди. На МВД они планировали поставить близкого к Георгию Максимилиановичу С.Н. Круглова, а на МГБ - близкого к Лаврентию Павловичу В.С. Рясного. Ведомство госбезопасности имело ключевое значение для политической ситуации в стране. Поэтому 31 октября Берия и Маленков специальной шифрограммой просили Сталина о новом назначении своего протеже: «Представляем на Ваше рассмотрение кандидатуры для укрепления руководства КГБ. В качестве первого кандидата можно назвать Рясного В.С., работающего в настоящее время наркомом внутренних дел Украины. Рясной в первые два года войны был начальником КГБ (в действительности - НКВД.) Горьковской области. С этой работы он в июле 1943 был выдвинут и назначен наркомом внутренних дел Украины. До войны Рясной в течение четырёх лет был на оперативной работе в органах ГБ, и взят на чекистскую работу с партийной работы (секретарь райкома комсомола Сталинградской области). Считаем возможным рекомендовать Рясного первым заместителем наркома госбезопасности с тем, чтобы через 1-2 месяца утвердить его наркомом.

В качестве других кандидатов для работы заместителями наркома госбезопасности считаем необходимым назвать следующих наиболее способных и проверенных чекистов, обладающих опытом местной областной работы: Богданов Н.К. - нарком внутренних дел Казахской ССР, Журавлёв М.И. - начальник НКВД по Москве и Московской области, Горлинский Н.Д. -уполномоченный НКВД и КГБ по Эстонии, а до этого начальник управления КГБ по Краснодарскому краю.

Если Вы одобрите эти кандидатуры, то переговорим с указанными товарищами и представим проект решения».

На тот же день Берия просил разрешения прилететь в Сочи, рассчитывая убедить Сталина принять кандидатуру Рясного. Но Иосиф Виссарионович шефа НКВД принять отказался. У Сталина уже была своя кандидатура на пост главы МГБ - начальник «СМЕРШ» Абакумов. Рясному же, можно сказать, повезло. Если бы министром госбезопасности стал он, то почти наверняка кончил бы так же, как Абакумов. Вероятно, и другие чекисты, перечисленные в шифрограмме Берии и Маленкова, кончили бы плохо, если бы Сталин принял предложение Лаврентия Павловича. А так все дожили до пенсии. Рясной же всё-таки стал заместителем министра госбезопасности, но только в феврале 52-го, в период нового возвышения Берии. В дальнейшем же Василию Степановичу повезло не попасть на одну скамью подсудимых с бывшим покровителем.

Пока вопрос о будущем руководстве МГБ решался совсем не так, как планировал Берия, с новой силой вспыхнула дискуссия о мнимой болезни Сталина. Последнего же всё больше раздражало поведение Молотова, делавшего, на взгляд Иосифа Виссарионовича, слишком большие уступки западным союзникам. 4 ноября было принято постановление Политбюро, осуждавшее Молотова за «манеру отделять себя от правительства и изображать либеральнее и уступчивее, чем правительство». Поводом послужило опрометчивое согласие Вячеслава Михайловича, чтобы в Тихоокеанской комиссии решения принимались не единогласно, а большинством голосов. Это было невыгодно СССР, поскольку США с союзниками имели в комиссии твёрдое большинство. Молотов обещал впредь не допускать таких ошибок.

Но чашу терпения Сталина переполнила публикация в «Правде» 9 ноября, с санкции Молотова, речи Черчилля в палате общин. Бывший британский премьер признался в любви к Сталину и советскому народу: «Я должен сначала выразить чувство, которое, как я уверен, живёт в сердце каждого, - именно чувство глубокой благодарности, которой мы обязаны благородному русскому народу. Доблестные советские армии, после того как они подверглись нападению со стороны Гитлера, проливали свою кровь и терпели неизмеримые мучения, пока не была достигнута абсолютная победа. Поэтому... глубокое стремление этой палаты, а эта палата говорит от имени английской нации, заключается в том, чтобы чувства товарищества и дружбы, развившиеся между английским и русским народами, не только были сохранены, но и систематически развивались».

Говоря о тов. Сталине, Черчилль заявил: «Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны. Даже если бы у нас с Советским правительством возникли сильные разногласия в отношении многих политических аспектов - политических, социальных и даже, как мы думаем, моральных, - то в Англии нельзя допускать такого настроения, которое могло бы нарушить или ослабить эти великие связи между двумя нашими народами, связи, составляющие нашу славу и бедность в период недавних страшных конвульсий».

На следующий день Сталин разразился грозным посланием в адрес четвёрки: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать своё враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господа. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подробные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство (вот когда, как кажется, впервые появилось это ключевое слово!). Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня».

Молотов опять признал ошибки и покаялся. Между тем Сталину доставили новые зарубежные статьи о его мнимой болезни. В частности, «Дейли Мейл» 12 ноября писала, со ссылкой на «хорошо осведомлённые финские круги», будто «Сталин в закрытом письме, переданном на хранение в Президиум Верховного Совета, лично назвал Жданова своим преемником». При этом утверждалось, что Жданов, находившийся тогда в Хельсинки в качестве председателя Союзной Контрольной Комиссии по Финляндии, «является таким же анонимом,

каким был Сталин, когда умер Ленин», и что «после Берии Жданов пользуется самыми широкими полномочиями в советской системе безопасности».

Основным источником слухов о болезни Сталина и его возможных преемниках был московский корреспондент «Дейли Геральд». 5 декабря Иосиф Виссарионович вновь обрушился на Вячеслава Михайловича: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты "Дейли Геральд" из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчёт нашего правительства, насчёт взаимоотношений членов правительства и насчёт Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденцию без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента "Нью-Йорк Таймс", пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчёт членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Болотову по этому поводу Молотов ответил, что допущена ошибка Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чём и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что не будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквили, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквили из Москвы за границу».

На следующий день с подачи Молотова четвёрка отрапортовала, что во всём виноват стрелочник - заместитель заведующего отделом печати Горохов, не придавший должного значения злополучной телеграмме. Тут Сталина прорвало. К тому же 4 декабря ТАСС сообщил содержание ранее задержанной цензурой, а теперь опубликованной в «Дейли Телеграф энд Морнинг Пост» статью московского корреспондента Рэндольфа Черчилля (сына лидера консерваторов) о правительстве СССР. Там «заявляется, что 13 членов Политбюро коммунистической партии „представляют собой подлинное и действительное правительство России. Жданов, Маленков, Андреев и Берия, - пишет Рандольф Черчилль, - являются более мощными фигурами, чем Молотов, и именно из числа их, вероятно, выйдет преемник Сталина".

Насчёт А.А. Андреева корреспондент попал пальцем в небо. Как раз незадолго до этого, 10 ноября, Сталин сообщал четвёрке, что из-за болезни Андрей Андреевич не может долго оставаться наркомом земледелия. А вот мысли Черчиля-младшего по поводу Молотова и других потенциальных преемников Иосиф Виссарионович учёл, в скором времени отодвинув в тень наркома иностранных дел и возвысив Жданова.

Все усиливавшиеся слухи о болезни и даже смерти советского вождя в конце концов начали сильно раздражать Сталина. Молотова же он стал подозревать в излишней уступчивости англичанам и американцам, чтобы им понравиться и тем увеличить шансы на признание в качестве сталинского наследника. 5 декабря Иосиф Виссарионович в шифровке, адресованной Молотову, Маленкову, Кагановичу и Берии, обрушился на Вячеслава Михайловича: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты "Дейли Геральд" из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчёт нашего правительства, насчёт взаимоотношений членов правительства и насчёт Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденцию без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента „Нью-Йорк Таймс", пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчёт членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Молотову по этому поводу, Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чём и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что не будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквили, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквили из Москвы за границу».

На следующий день с подачи Молотова четвёрка отрапортовала, что во всём виноват стрелочник - заместитель заведующего отделом печати Горохов, не придавший должного значения злополучной телеграмме. Тут Сталина прорвало. 6 декабря Сталин обратился уже только к Маленкову, Берии и Микояну, игнорируя Молотова: «Вашу шифрограмму получил. Считаю её совершенно неудовлетворительной. Она является результатом пассивности трёх, с одной стороны, ловкости рук четвёртого члена, т. е. Молотова, с другой стороны. Что бы вы там ни писали, Вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАСС и корреспонденцию "Дейли Геральд", и сообщение "Нью-Йорк Таймс", и сообщение Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не заметить, что пасквили на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отразятся на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей, особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчёт либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это

право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?

Присылая мне шифровку, вы рассчитывали, должно быть, замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только вам трём. Я её не послал Молотову, так как не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, копии ему не передавать».

После такой телеграммы вполне мог последовать арест. Все участники драмы это понимали. Маленков, Берия и Микоян уже предвкушали, что четвёрка превратится в тройку, а главный из потенциальных наследников разделит судьбу Зиновьева и Бухарина. 7 декабря тройка телеграфировала Сталину: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился.

Мы, со своей стороны, сказали Молотову об его ошибках: Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров иностранных дел сдал позиции, отвоёванные Советским Союзом в Потсдаме, и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров (с участием Франции и Китая). Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания правительства, повёл себя так, что БД глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а советское правительство и Сталин неуступчивы.

Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя Советскому правительству, высказав Гарриману свою личную уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии...

Мы сказали Молотову, что понадобилось вмешательство Сталина, чтобы он, Молотов, обратил внимание и реагировал на гнусные измышления, распускаемые о Советском правительстве "Рейтером", со ссылкой на парижское агентство и его московского корреспондента, и что даже после этого указания Молотов прошёл мимо клеветнических телеграмм московских корреспондентов "Дейли Геральд" и "Нью-Йорк Таймс". Понадобилось снова вмешательство Сталина, хотя Молотов мог и должен был сам своевременно реагировать.

Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7-го ноября на банкете согласие на приём сыну Черчилля, который в это время находился в Москве, как корреспондент газеты, и хотел получить интервью у Молотова. Приём сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против.

Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, Молотовым, можно сработаться.

Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок, что он читал раньше Сталина гнусные измышления о советском правительстве, обязан был реагировать на них, но не сделал этого, что свои лондонские ошибки он осознал только в Москве.

Что же касается Вашего упрёка в отношении нас троих, считаем необходимым сказать, что мы в своём вчерашнем ответе исходили из Вашего поручения в шифровке от 5 декабря выяснить, кто именно допустил ошибку по конкретному факту с пропуском телеграмм московского корреспондента "Нью-Йорк Таймс", а также проверить правильность сообщения "Рейтерс" от 3 декабря. Это нами было сделано и Вам сообщено. Может быть, нами не всё было сделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны».

Вячеслав Михайлович почувствовал, что вот-вот его могут объявить матёрым английским шпионом, и бросился каяться по полной программе. Пустив скупую наркомовскую слезу перед коллегами по коллективному руководству, он отправил 7 декабря красноречивую телеграмму Сталину: «Познакомился с твоей шифровкой на имя Маленкова, Берия, Микояна. Считаю, что мною допущены серьёзные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Сводки телеграмм инкоров, а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента "Дейли Геральд" и др., но до твоего звонка об этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанесшая вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою винту за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проверена глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьёзное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твоё доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое дороже моей жизни».

И вслед за покаянной телеграммой пришло сообщение, что Молотов добился успеха, убедив западных партнёров провести очередную встречу министров иностранных дел в Москве 15 декабря в составе тройки, т. е. без участия не только Китая, но и Франции. Сталин сразу смягчился. Его успокоило также то, что Молотов прослезился, а в покаянной телеграмме прямо дал понять, что его жизнь в руках вождя, и не пытался оправдаться. Значит, нет у него в душе стержня, сломался соратник, и никогда не рискнёт выступить против вождя, чтобы приблизить своё вступление в наследство. А вот тройка Маленков, Берия, Микоян, напротив, Сталина разочаровали. Они готовы огульно охаять чуть ли не все внешнеполитические достижения СССР, забывая,

что к ним причастен не только глава НКВД, но, в первую очередь, сам Иосиф Виссарионович. И отказываются признать свои ошибки.

Поэтому Сталин ответил тройке 8 декабря короткой раздражённой шифровкой: «Вашу шифровку от 7-го декабря получил. Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с Вашей трактовкой вопроса по существу. Подробности потом в Москве».

Но генсек не стал дожидаться возвращения в столицу, и в ночь с 8-го на 9-е декабря отправил длинную шифрограмму, сначала озаглавленную «Для четвёрки». Но затем заголовок был исправлен на «Молотову для четвёрки». Доверие к Вячеславу Михайловичу было частично восстановлено. Большое дело - вовремя поплакать.

Сталин писал: «Анализируя события внешней политики за период от Лондонской конференции пяти министров до предстоящей конференции трёх министров в Москве, можно прийти к следующим выводам:

Мы выиграли борьбу по вопросам, обсуждавшимся в Лондоне, благодаря нашей стойкости. Конференция трёх министров в Москве означает отступление США и Англии от своих позиций в Лондоне, так как эта конференция является конференцией без привлечения Китая по европейским вопросам и без привлечения Франции по балканским вопросам. Т. е., благодаря нашей стойкости, мы добились теперь того, чего мне могли добиться в Лондоне.

Мы выиграли борьбу в Болгарии, Югославии. Об этом говорят результаты выборов в этих странах. Если бы мы колебнулись в вопросах об этих странах и не проявили бы выдержки, мы наверняка проиграли бы борьбу.

Одно время Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали своё собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умилостивить этим США и Англию. Ваш расчёт был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвёте нашу политику стойкости и тем подведёте наше государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки. Но случай помог Вам, и Вы вовремя повернули к политике стойкости. Очевидно, что, имея дело с такими партнёрами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьёзного, если начнём поддаваться запугиваниям, если проявим колебания. Чтобы добиться чего-либо от таких партнёров, нужно вооружиться политикой стойкости и выдержки.

Этой же политикой стойкости и выдержки нужно руководствоваться нам в своей работе на предстоящей конференции трёх министров».

Этой телеграммой четвёрке давалось понять, что Молотов пока остаётся в составе коллективного руководства.

Но измышления в иностранной прессе по поводу болезни Сталина продолжались. 10 декабря к Иосифу Виссарионовичу поступило сообщение ТАСС об очередной публикации бульварной газеты «Курьер де Пари», утверждавшей, что «Сталин был жертвой любовной драмы. Известно, что вот уже в течение двух месяцев существует тайна Сталина. По одним сведениям, он якобы умер. Другие сведения касались серьёзного внутреннего конфликта. На самом же деле истина

неизмеримо более проста. Если верить некоторым русским, недавно прибывшим из Москвы. Сталин оказался просто жертвой любовной драмы. Можно быть полубогом, не переставая при этом оставаться человеком. Сталин имел связь с известной русской артисткой. Его жена во время объяснения с ним в припадке ревности выстрелила в него в упор из револьвера. Тяжело раненного Сталина сначала лечили в величайшей тайне в Москве, а затем, когда его состояние это позволило, перевезли на берег Чёрного моря, где он сейчас и выздоравливает. Подлинность этого рассказа подтверждается, по-видимому, тем фактом, что цензура сообщений иностранных корреспондентов значительно усилена со времени болезни владыки России».

Сталин понял: игру надо кончать. Он сообщил Трумэну в ответ на его послание, что встретится с госсекретарём Бирнсом во время московской конференции министров иностранных дел в Москве. 18 декабря. Иосиф Виссарионович покинул Сочи.

Своей цели он достиг, хотя и ценой некоторой потери престижа. Выяснилось, что никто из первой команды потенциальных диадохов, составлявших самый высший эшелон власти в годы войны, на роль самостоятельного государственного лидера пока не годится. Сталин рассуждал примерно так. Молотов, из всех членов Политбюро наиболее часто встречающийся с иностранными политиками, склонен к уступкам и, чего доброго, после его, Сталина, смерти может приподнять «железный занавес». Поэтому того влияния, которым Вячеслав Михайлович пользовался в предвоенные и военные годы, он уже не восстановил никогда. Сталин постепенно оттеснял его от реальных рычагов власти, а накануне своей кончины собирался пристегнуть давнего соратника к процессу «врачей-убийц», да не успел. Также близкий к Молотову Микоян навсегда лишился расположения вождя и играл отныне только сугубо второстепенную роль.

Однако и два других члена четвёрки, Маленков и Берия, показали себя за это время законченными оппортунистами. Сталин опасался, что после его смерти они договорятся с «буржуазным Западом» и не станут хранить идеалов «пролетарской революции» и победы коммунизма во всём мире, Поэтому, хотя вскоре, в марте 46-го, Георгий Максимилианович и Лаврентий Павлович стали полноправными членами Политбюро, но их реальный вес в государстве уменьшился. Маленков был обвинён в халатности в связи с делом авиаторов и отправился в краткосрочную ссылку руководить работой Среднеазиатского бюро ЦК. Берия же вынужден был целиком сосредоточиться на атомном проекте, перестав курировать органы безопасности. МГБ возглавил не близкий к нему Рясной, а сталинский ставленник Абакумов. Иосиф Виссарионович прислушался к мнению зарубежной прессы и обратил своё внимание на «анонима» Жданова. Раз Андрея Александровича на Западе сравнивают с ним, Сталиным, каким он был после смерти Ленина, есть надежда, что Жданов продолжит правильный курс и не капитулирует перед Англией и США. К тому же его сын Юрий женат на дочери Сталина Светлане. Решено! На первый план выходит ленинградская команда во главе со Ждановым, взявшим на себя партию первой скрипки в борьбе с «безродными космополитами».

Между прочим, Лаврентий Павлович тоже имел честолюбивую задумку породниться с вождем. Между Серго Берией и Светланой одно время завязалось что-то вроде романа. Сам Серго вспоминал, как однажды поджарил дочери Сталина пистолет, на что Лаврентий Павлович на него сильно разгневался, памятуя о том, как застрелилась Надежда Аллилуева. То ли из-за этого инцидента, то ли по каким-то иным причинам, но отношения со Светланой у Серго разладились, и она предпочла Юрия Жданова. А Лаврентий Павлович львиную долю своего времени стал уделять созданию советского ядерного и термоядерного оружия.

АТОМНЫЙ МЕЧ

Еще в марте 1942 года Берия, основываясь на данных агентуры советской разведки в Англии и США, сообщил о развернувшихся там работах по созданию атомной бомбы. В меморандуме на имя Сталина он писал: «В различных капиталистических странах, параллельно с исследованиями проблем деления атомного ядра в целях получения нового источника энергии, начаты работы по использованию ядерной энергии в военных целях.

С 1939 года такого рода работы в крупных масштабах развернулись во Франции, Великобритании, Соединенных Штатах и Германии. Они имеют целью разработку методов использования урана для производства нового взрывчатого вещества. Работы ведутся с соблюдением условий самого строгого режима секретности».

Изложив ряд технических деталей британского атомного проекта и описав принципы действия урановой бомбы, Берия также перечислил главные мировые месторождения урана: в Бельгийском Конго, в Судетах, в Канаде и в Португалии. В заключение Лаврентий Павлович предложил: «Принимая во внимание важность и срочность для Советского Союза практического использования энергии атомов урана-235 в военных целях, было бы целесообразно осуществить следующее: 1) Рассмотреть возможность создания специального органа, включающего в себя научных экспертов-консультантов, находящихся в постоянном контакте с ГКО в целях изучения проблемы, координации и руководства усилиями всех ученых и научно-исследовательских организаций СССР, принимающих участие в работе над проблемой атомной энергии урана. 2) Передать с соблюдением режима секретности на ознакомление ведущих специалистов документы по урану, находящиеся в настоящее время в распоряжении НКВД, и попросить произвести их оценку, а также, по возможности, использовать содержащиеся в них данные об их работе».

Иосиф Виссарионович согласился с этим предложением. Но только 11 февраля 1943 года ГКО принял постановление об организации исследований по использованию атомной энергии. Их непосредственным руководителем 10 марта был назначен И.В. Курчатов - глава секретной лаборатории № 2 АН СССР. В сентябре 1943 года Курчатов был избран в Академию Наук на специально созданное под него дополнительное место. Позднее Берия говорил заместителю Судоплатова по науке профессору Я.П. Терлецкому о Курчатове: «Это и его сдэлали акадэмиком!» Курировать находившийся пока еще в зачаточном состоянии советский атомный проект со стороны ГКО было

поручено В.М. Молотову. Берия же в этом проекте стал заместителем Молотова по разведке. 7 марта 1943 года, оценивая полученную от разведки информацию, Курчатов писал заместителю председателя Совнаркома М.Г. Первухину: «Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего насущного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения... Вся совокупность сведений... указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей».

И уже в записке от 22 марта 1943 года, адресованной ГКО, а фактически - Берии, Игорь Васильевич смог поставить перед разведчиками вполне конкретные вопросы, основываясь всего на одном донесении: «Ознакомившись с американскими публикациями (данными разведки) по этому вопросу, я смог установить новое направление в решении всей проблемы урана. Перспективы этого направления необычайно увлекательны.

Бомба будет сделана из "неземного" материала, исчезнувшего на планете... До сих пор в нашей стране работы по трансурановым элементам и, в частности, по эка-осмию (ныне этот элемент называется плутонием, который, вопреки мнению Курчатова, в незначительном количестве все-таки присутствует в урановых рудах.) не проводились. Все, что известно в этом направлении, было выполнено проф. Мак-Милланом (Калифорния, Беркли)... Можно с несомненностью утверждать, что соответствующий материал у проф. Мак-Миллана имеется.

В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой дать указания Разведывательным Органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке»

И уже в феврале 1944 года по распоряжению Берии для обработки информации по атомной тематике был создан специальный отдел «С». Однако при Вячеславе Михайловиче дело почти не двигалось вперед. В результате Курчатов 29 сентября 1944 г. написал Берии: «В письме т. М.Г. Первухина (наркома химической промышленности, курировавшего атомный проект до Молотова.) и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и об их колоссальном развитии за границей.

В течение последнего месяца я занимался предварительным излучением новых весьма обширных (3000 стр. текста) материалов, касающихся проблемы урана.

Это изучение еще раз показало, что вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943-1944 гг., положение остается совершенно неудовлетворительным (за это время число сотрудников лаборатории № 2 возросло с 25 до 83.).

Особенно неблагополучно обстоит дело с сырьем и вопросами разделения. Работа лаборатории № 2 недостаточно обеспечена материально-технической базой. Работы многих смежных организаций

не получают нужного развития из-за отсутствия единого руководства и недооценки в этих организациях значения проблемы.

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре».

Следствием этого письма и стало то, что постановлением ГКО от 3 декабря 1944 года на Берию было возложено «наблюдение за развитием работ по урану» (так тогда именовался атомный проект).

Бывший начальник отдела «С» П.А. Судоплатов вспоминал: «В 1944 году Хейфец (резидент КГБ в Америке, впоследствии - член Еврейского Антифашистского Комитета, арестованный по его делу в 1951 году, но счастливо избежавший расстрела.) и доложил мне и Берии свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Я пригласил ученых к себе домой на обед. Однако это был не только гостеприимный жест, по приказанию Берии я и мои заместители - генералы Эйтингон и Сазыкин - как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доля всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученные по своему складу и напряженной умственной работе тоже не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предложил им по чайной ложке коньяку в Лайз. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой, и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берию, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о "шалостях" его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой

прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку - Курчатова, Алиханова, Кикоина - и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания Советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, - им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства.

По указанию Берии все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и квалифицированной медицинской помощью. В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по атомной проблеме, были переданы из управления кадров ив секретариат Берии. Тогда же в секретариат Берии из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки "Эноммоз" по атомной бомбе... было изъято около двухсот страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берии никто не имел доступа к этим материалам. Помню конфликт с заместителем Берии Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами. Я отказал ему, ни мы крепко поссорились; он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берии».

Как мы видим, Лаврентий Павлович и его люди начали заботиться об участниках атомного проекта еще до того, как он единолично возглавил его в конце 1944 года. С одной стороны, Берия создавал ученым все условия для работы, обеспечивал максимально возможный комфорт, предоставлял всю необходимую информацию. Но, с другой стороны, Берия постоянно держал под колпаком не только основных участников проекта, но и их родственников и знакомых. В этом было и свое преимущество. На время работы над бомбой все они имели гарантии от преследований карательных органов. Однако учебные прекрасно понимали, что в случае неудачи гнев Сталина обрушится не только на них, но и на их родственников. И это побуждало отдавать все силы делу сотворения нового сверхоружия.

В письме Курчатова от 29 сентября 1944 года говорилось о резкой нехватке урана, месторождения которого в СССР еще не были открыты. В результате для первых советских атомных бомб пришлось использовать трофейный германский уран, а также сырье, добывавшееся в Саксонии, чешских Судетах и в Родопских горах в

Болгарии. Но Берия сразу же позаботился о более доступных и более секретных источниках урана. При Совмине было создано главное управление, занимавшееся поиском и обогащением урановых руд. Как вспоминал научный руководитель комиссии по атомному сырью и начальник занимавшегося ураном сверхсекретного спецсектора № 6 Всесоюзного института минерального сырья профессор Михаил Николаевич Альтгаузен, как-то раз в 45-м он и другие геологи - специалисты по урану были вызваны на совещание к Берии:

«Мы привезли с собой образцы урановых руд, разложили у него на столе. И тут же услышали грязный мат - это помощники наркома были недовольны, что образцами поцарапали столу

Сам Берия был тактичен и внимателен. Обсуждали весь круг вопросов по разведке, добыче и переработке сырья. Совещание началось часов в 12 ночи, а закончилось к 6 утра (все чиновники подстраивались под ночной образ жизни Сталина. - /Б. С./). Нам ни в чем не было отказа - рабочая сила появлялась по первому требованию, продукты и снаряжение выдавались вне очереди. Командировочные, например, нам платили в четыре раза больше, чем другим геологам».

На некоторых урановых рудниках, где руды были особенно концентрированные, а потому опасность заболеть лучевой болезнью чрезвычайно велика, работали заключенные. Бывший шофер рудника Бутыгичаг на Колыме Петр Хмельницкий вспоминает: «Я работал бесконвойным водителем под номером "3-2-989". Из моей тысячи ("номерных врагов народа" под литером 3-2) за одну зиму 1952 года в живых осталось 36 человек. Умирали от голода, холода, непосильной работы, переоблучения. Если проехать через перевал с символическим названием "Подумай", на горном хребте "Шайтан" встретится самое большое лагерное захоронение, человеческие останки из которого растаскивают звери. Местами дорога изобилует людскими черепами, как яичной скорлупой».

Но на отечественных месторождениях уран стали добывать только в последние годы руководства Берии атомным проектом. Пока же вернемся к истокам «советского Манхэттена».

28 февраля 1945 года за подписью главы НКГБ Меркулова на стол Берии легла докладная записка о ходе работ по созданию атомной бомбы в США, которую Лаврентий Павлович в своей резолюции оценил как «важное». В документе подчёркивалось: «Проведённые силами ведущих научных работников Англии и США исследовательские работы по использованию внутриатомной энергии для создания атомной бомбы показали, что этот вид оружия следует считать практически осуществимым и проблема её разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

Производство необходимого количества расщепляемых элементов - урана-235 и плутония.

Конструктивная разработка привидения в действие бомбы».

Теперь Берия занимался главным образом атомными делами. Генерал Петр Семёнович Мотинов, доставивший в Москву из Канады образцы урана, полученные от советского агента физика Аллана Анна МЭИ, вспоминал:

«На аэродроме меня встречал сам Директор (глава армейской разведки генерал-полковник Ф.Ф. Кузнецов. - /Б. С./). С большими предосторожностями я достал из-за пояса драгоценную ампулу с

ураном и вручил её директору. Он немедля отправился к чёрной машине, которая стояла тут же, на аэродроме, и передал ампулу в машину. - А кто там был? - спросил я потом Директора. - Это Берия, - прошептал Директор.

Через четыре дня появилось сообщение, что Берия стал маршалом. Возмущению фронтовиков не было предела, но протестовали все шепотом». Ну, рядовым солдатом, думаю, было всё равно, кого Сталин решил произвести в маршалы - Жукова, Берию или Мерецкова, которого, как и Ванникова, Лаврентий Павлович допрашивал «с пристрастием» летом 41-го. А вот генералам и маршалам, наверное, было обидно, что одинаковую с ними форму и звание носят генералы, а теперь вот и маршал карательного ведомства, не нюхавшие пороха.

Основная информация по атомной бомбе поступила от талантливого немецкого физика Клауса Фукса, придерживавшегося левых убеждений и работавшего на Москву по идейным соображениям. Фукс передал схему американского атомного устройства, которое тщательно скопировали советские учёные. Сталин категорически запретил им заниматься здесь какой-либо самодеятельность, а то вдруг не взорвётся. И Берия неукоснительно следил, что бы академики не слишком погружались в эмпиреи, а если и вносили какие-то улучшения, то только в рамках основной схемы, заданной американским атомным проектом. В целом ряд частных решений советских ученых, использованных при создании «изделия», оказался проще и рациональнее, чем у их американских коллег. Но это находит свое объяснение. Американцы были первопроходцами, им приходилось действовать методом проб и ошибок. Наши же ученые уже знали путь, пройденный Оппенгеймером и его сотрудниками, и могли спокойно искать оптимальное решение, имея в запасе одно, успешно осуществленное.

Вот, например, как отоврался Курчатов о полученном от Фукса описании метода приведения в действие атомной бомбы (в заключении о присланных разведывательных материалах от 5 марта и 6 апреля 1945 года): «Материал представляет большой интерес: в нем наряду с разрабатываемыми методами и схемами указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались. К ним относится... применения "взрыва внутрь" для приведения бомбы в действие...

Изложен метод приведения бомбы в действие "взрывом внутрь" (implosion method), о котором мы узнали совсем недавно и работку, над которым только еще начинаем. Однако уже сейчас нам стали ясными все его преимущества перед методом встречного выстрела.

Описаны интересные явления неравномерного действия взрывной волны. Очень ценны указания на то, что эта неравномерность действия может быть устранена соответствующим расположением детонаторов и применением прослоек взрывчатого вещества различного действия.

Ввиду того, что исследования по этому методу у нас совсем еще не продвинулись вперед, сейчас невозможно сформулировать в этой области вопросов, требующих дополнительного освещения. Я бы считал необходимым показать соответствующий текст проф. Ю.Б. Харитону»

Фукс также передал многие собственные разработки водородной бомбы, которые советским учёным удалось воплотить в жизнь даже быстрее своих американских коллег. Были у Берии и другие агенты в американском атомном центре в Лос-Аламосе, например, механик

Дэвид Грингласс, работавший со знаменитым советским резидентом и своим зятем Юлиусом Розенбергом. Позднее Юлиуса сделали главным «козлом отпущения» за утечку американских ядерных секретов и вместе с женой Этель казнили на электрическом стуле, тогда как Фукс был осужден более гуманной британской Фемидой всего лишь на 14 лет тюрьмы, из которых отсидел только 9.

Были и ещё неизвестные солдаты той великой битвы за советское ядерное оружие, правда о которых выходит на свет только в последние годы. Вот в 1992 году эмигрировал в Англию бывший архивариус КГБ Василий Митрохин, тайно ненавидевший советский строй и копивший загодя секретный материал (который тайно выносил с работы то ли в ботинках, то ли в носках). Пока британские агенты нашли тайники на митрохинской даче и переправили их диппочтой из Москвы в Лондон, пока контрразведка разбиралась с коллекцией Митрохина, прошло семь лет. И только в 1999 году узнала британская и мировая общественность, что некая Мелита Норвуд, которой в 1999 году, когда последовало разоблачение, было 87 лет, в 40-е годы, будучи секретаршей руководителя английского ядерного проекта, передала советской разведке бесценные сведения об атомной бомбе.

Кое-какие данные по урановой проблеме, а также занимавшихся ею ученых удалось добыть в побежденной Германии. Сразу после капитуляции Германии заместитель Берии в НКВД генерал-лейтенант А.П. Завенягин отправился в Берлин разыскивать физиков, участвовавших в германском урановом проекте. В СССР в добровольно-принудительном порядке были доставлены специалист по диффузионному разделению изотопов Нобелевский лауреат Густав Герц, конструктор электронно-оптических приборов Манере фон Арденне, специалист по металлургии урана Николай Риль (ему потом присвоили звание Героя Социалистического Труда) и др. Они внесли лепту в создание советской атомной бомбы, в частности, сконструировав сверхскоростную центрифугу для разделения изотопов урана.

Потом была атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, которая заставила наконец Сталина признать создание ядерного оружия главным приоритетом Советского государства. Участник ядерного проекта профессор Я.П. Терлецкий вспоминал, что Сталин прореагировал на это событие очень нервно: «Оказывается, после взрыва атомной бомбы в Хиросиме Сталин устроил грандиозный разнос, он впервые за время войны вышел из себя, топал кулаками, стучал ногами. Ведь рушилась мечта о распространении социалистической революции на всю Европу, мечта, казавшаяся столь близко осуществимой после капитуляции Германии и как бы перечёркнутая нерадивостью наших атомщиков во главе с Курчатовым». Как свидетельствует Яков Петрович, опыты и выводы Курчатова и его команды были повторением американских и английских разработок, полученных с помощью отдела «С»: «При этом теоретики поражались невероятной интуиции Курчатова, который, не будучи теоретиком, точно "предсказывал" им окончательный результат.

Это вряд ли вызывает восторг у тех, кто вслед за Игорем Николаевичем Головиным создали наивный миф о сверхгениальном физике, якобы определившем все основные направления атомной

проблемы, который якобы один соединил в своём улице гений Ферми, таланты Бете, Сцилларда, Вигнера, Оппенгеймера и многих других.

Такое изображение Курчатова умаляет его истинные заслуги, как действительно крупного ученого, проявившего феноменальные организаторские способности и сумевшего в нашей стране решить задачу создания атомного оружия в необычайно короткие сроки. Надо ли еще приписывать ему неправдоподобную гениальность в чисто научном плане, чтобы оправдать возвеличивание его имени?.. Миф о сверхгениальности Курчатова несомненно выгоден тем, кто, зачисляя себя в его ученики или последователи, переносит на себя сияние его славы»

В данном случае стоит еще добавить, что, говоря о «феноменальных организаторских способностях» Курчатова, Терлецкий отдает ему и значительную часть заслуг Берии, поскольку хвалить Лаврентия Павловича было не принято, тем более - говорить о нем как о гениальном организаторе. Курчатов же фактически выполнял роль связующего звена между другими академиками-физиками, решавшими конкретные проблемы создания ядерного оружия, и Берией, через которого поступала необходимая разведывательная информация и шли заказы промышленности.

Первое боевое применение атомного оружия заставило Сталина, наконец, решительно повернуться лицом к советскому ядерному (урановому) проекту и отпустить на его реализацию действительно серьезные средства. Теперь для создания атомной бомбы была мобилизована вся экономика страны. Благо, Вторая мировая война уже закончилась, и освободившихся людей и мощности можно было направить на разработку и производство нового сверхоружия. Ни денег, ни человеческих жизней для этого не жалели.

Отныне нельзя было надеяться завалить противника трупами, как это произошло в Великой Отечественной войне. О соотношении безвозвратных потерь на Восточном фронте лучше всего судить по соотношению безвозвратных потерь офицеров, которых, в отличие от солдат, не только в Германии, но и в СССР подсчитали достаточно точно. Вермахт в 1941-1944 годах потерял на Востоке 65,2 тыс. офицеров сухопутных сил погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного, медицинского, ветеринарного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 754 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 11,6:1н Учитывая, что на одного офицера в боевых частях сухопутных сил Красной Армии и вермахта приходилось примерно одинаковое число рядовых, соотношение безвозвратных потерь армий двух стран должно быть близко к соотношению потерь офицеров.

Теперь же, после появления ядерного и ракетного оружия, противостояние с новым потенциальным противником США окончательно перешло в сферу высоких технологий. И отвечать за оснащение советских вооруженных сил новейшими видами вооружений пришлось Берии.

20 августа 1945 года по инициативе Лаврентия Павловича постановлением ГКО был образован Специальный комитет. В него

вошли: Л.П. Берия (председатель), Б.Л. Ванников (заместитель председателя, нарком боеприпасов), кандидаты в члены Политбюро Г.М. Маленков (секретарь ЦК) и Н.А. Вознесенский (председатель Госплана и зампред Совмина), А.П. Завенягин (заместитель наркома внутренних дел), М.Г. Первухин (нарком химической промышленности) и «атомные академики» И.В. Курчатов, А.Ф. Иоффе и П.Л. Капица. Членом Спецкомитета и его секретарем стал также заместитель наркома боеприпасов и помощник Берии как члена ГКО В.А. Махнев.

На Спецкомитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой области; широкое развёртывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и других странах); организацию промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных ос использованием внутриатомной энергии; а также строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы». Председателем Спецкомитета назначили Берию. По этой линии, как член Спецкомитета, ему подчинялся даже Г.М. Маленков, второй человек в партийном руководстве после Сталина.

На атомный проект Сталин не жалел ни денег, ни людей. Для него в тот момент это была главная задача, сравнимая по своему значению только с победой над Германией. Но и спрос с участников, это Лаврентий Павлович хорошо понимал, будет особый. Если не удастся быстро сделать бомбу, то полетят головы, ни его в первую очередь. Объявят американским, британским, мусаватистским или турецким шпионом, заговорщиком, умышленно затягивающим создание столь нужного СССР ядерного оружия - и пожалуйте на тот свет вслед за Генрихом Ягодой и Николаем Ежовым.

И Лаврентий Павлович успел сделать бомбу в кратчайший срок, прежде всего благодаря достижениям советской научно-технической разведки, подчинявшейся в тот период ему лично. 13-й пункт постановления о Спецкомитете так и гласил: «Поручить тов. Берия принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА (Разведывательное Управление Красной Армии. - хороша аббревиатура!/ - Б. С. - и др.)». Таким образом Берии тогда была подчинена вся разведывательная работа по сбору информации о ядерном, а потом и о термоядерном оружии. Хотя, формально говоря, в тот момент разведка входила в состав НКГБ, потом, с мая 1947 года, - в состав Комитета информации при Совмине, объединившем все разведывательные службы, а с октября 1949 года - опять в состав МГБ. Однако вплоть до ареста «лубянского маршала» в июне 1953 года все структуры, занимавшиеся атомным шпионажем, подчинялись только Берии.

Тем же постановлением по предложению Лаврентия Павловича создавалось Первое Главное Управление, практически координировавшее деятельность различных ведомств, участвовавших в атомном проекте, и контролировавшееся только Спецкомитетом.

Вскоре появилось и Второе Главное Управление, занимавшееся разработкой и производством ракетного оружия - будущего средства доставки атомных и водородных зарядов. Его деятельность также курировал Спецкомитет и лично Берия.

Под началом Второго Главного Управления работал и сын Берии Серго Лаврентьевич, конструировавший ракеты морского базирования. И, как видно из публикуемого в приложении письма академика Г.В. Коренева, Берия-младший не брезговал банальным плагиатом, вполне возможно, при попустительстве отца. Абсолютная секретность темы тому благоприятствовала. Правда, не исключено, что Лаврентий Павлович все же не знал о проделках своего отпрыска. Тем не менее письмо Коренева объясняет, почему после освобождения Серго Лаврентьевич не рискнул добиваться восстановления своих кандидатской и докторской степени, а предпочел заново защитить кандидатскую диссертацию на другую тему.

В постановлении о создании ПГУ особо подчёркивалось: «Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГКО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого Управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам Первого Главного Управления. Вся отчётность по указанным работам направляется только Специальному Комитету при ГКО».

Главой Первого Главного Управления Берия рекомендовал тогдашнего наркома боеприпасов генерал-полковника Б.Л. Ванникова, арестованного, как мы помним, в 41-м по «делу авиаторов». Борис Львович во всём признался, хотя ни в чём и не был виноват. Но, в отличие от Штерна, Смушкевича, Локтионова и других генералов, которых ждала пуля в куйбышевском подвале, Ванников уцелел. Сталин решил, что такой ценный специалист ещё пригодится. Ванникова выпустили, и он успешно трудился всю войну на посту заместителя наркома вооружений, а потом - наркома боеприпасов. Генерал понимал, что малейшая оплошность может привести к последствиям гораздо худшим, чем в 41-м, и требованиям Лаврентия Павловича, сначала как члена ГКО, а потом как главы Спецкомитета, подчинялся беспрекословно. Правда, по возможности старался переложить ответственность на других. По воспоминаниям участников атомного проекта, Борис Львович часто заболевал перед важными испытаниями. А уж интриговать против своего благодетеля Лаврентия Павловича, в свое время вытащившего его из тюрьмы, у Ванникова и мысли не было. Что-что, а кадры подбирать Берия умел.

По воспоминаниям Ванникова, Сталин предложил именно его кандидатуру на пост председателя Технического совета при Спецкомитете, куда вошли известные ученые-ядерщики. Иосиф Виссарионович так мотивировал это предложение: «Давайте назначим председателем Ученого совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе, и Капица, а если не будут - у него рука крепкая; к тому же он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военные».

Однако тут приключилось непредвиденное. Гордый и независимый Петр Леонидович Капица, лучший ученик ли друг великого Резерфорда, не захотел слушаться ни Ванникова, ни самого Берию. 3 октября 1945

года он написал жалобу Сталину: «Товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь столкнувшись с тов. Берия по Особому комитету (Спецкомитету. -/Б. С./), я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым. Уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым. Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными».

А 25 ноября 1945 года последовало новое, еще более резкое послание Капицы Сталину, в котором он просил освободить его «от участия в Особом комитете и Техническом Совете». Академик следующим образом мотивировал свою просьбу: «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо. Товарищ Ванников и другие из Техсовета мне напоминают того гражданина из анекдота, который, не веря врачам, пил в Ессентуках все минеральные воды подряд в надежде, что одна из них поможет».

Капица подверг деятельность Спецкомитета резкой критике: «В организации работы по атомной бомбе, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию. Но если стремиться к быстрому успеху, то всегда путь к победе будет связан с риском и с концентрацией удара главных сил по весьма ограниченному и хорошо выбранному направлению. По этому вопросу у меня нет согласия с товарищами. Единственный путь тут - единоличное решение, как у главнокомандующего, и более узкий военный совет».

Сталин тотчас ознакомил с письмом Капицы от 26 ноября Берию. И Лаврентий Павлович тотчас позвонил строптивому академику, очевидно, получив от Сталина указание постараться наладить с ним отношения. Вот как передает со слов Капицы содержание этого разговора его друг - выдающийся режиссер Юрий Петрович Любимов: «Когда Петр Леонидович сказал Берии по телефону: "Если вам надо поговорить со мной, то вы и приезжайте." - он знал, что рискует, сильно рискует, но зато он не будет связан с бандитом».

Любимов так прокомментировал этот поступок академика: «Я уже тогда, когда он рассказал мне о своем разговоре с Берией, понял, что-то была вовсе не отчаянная, безумная храбрость, которая ничего не дает - кроме ареста. Он все рассчитал, включая и письма свои к Сталину, в которых он писал, что Берия - дирижер, не умеющий читать партитуру. Все рассчитал и пришел к выводу, что он это должен сделать. Зато ему потом будет гораздо спокойнее. Не будет грызть совесть. И ему не придется работать с Берией. Вместе с ним создавать советскую атомную бомбу». Такой наглости, разумеется, ни Лаврентий Павлович, ни Иосиф Виссарионович стерпеть, естественно, не смогли. Уже 21 декабря 1945 года Капицу вывели из состава Технического Совета и Спецкомитета.

Судя по всему, Петр Леонидович специально спровоцировал конфликт с Берией и другими членами Спецкомитета, чтобы создать благовидный предлог и отказаться от работы над ядерным оружием.

Очевидно, академик считал безнравственным работать над бомбой, которая могла поставить под угрозу существование всего человечества. Можно предположить также, что Капица не хотел давать такое сверхоружие в руки коммунистического режима и конкретно Сталина, в связи с чем риск его применения многократно возрастал, по крайней мере, до тех пор, арка ядерных и термоядерных боеприпасов с обеих сторон было накоплено столько, что их применение стало бессмысленным: в термоядерной войне погиб бы весь шар. Применение же первых маломощных атомных бомб, вроде тех, что американцы сбросили на Хиросиму и Нагасаки, было вполне возможно, и Капица, вероятно, не был убежден, что Сталин не соблазнится испытать новое оружие не только на полигоне. Насчет Советской власти, в свое время обманом заманившей его на родину, а потом не выпустившего обратно в Англию к другу Резерфорду, сделавшего его невыездным, Петр Леонидович никаких иллюзией не питал, и делать для «них» чудо-бомбу не собирался. И прямо говорил своему другу Ю.П. Любимову, когда власти начали травлю академика. А.. Д. Сахарова: «Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич - стал...»

Но Капица прекрасно понимал, что прямо заявить о своем отказе работать над созданием атомной бомбы - значит, подписать себе смертный приговор. Тут арестом и «шарашкой» не отделаешься. Да и арестовывать всемирно известного академика, чтобы потом тихо расстрелять без суда, по приговору Особого совещания, вряд ли бы стали. Все-таки само исчезновение Петра Леонидовича наделало бы шуму на весь мир и неизбежно вызвало бы к жизни слухи о его аресте и убийстве. Более вероятно, что Капице устроили бы «естественную» смерть от инфаркта с помощью ядов, разрабатываемых в тайной лаборатории НКВД профессора Г.М. Майрановского, подчинявшейся непосредственно Берии и выполнявшей заказы Политбюро. И пышный некролог ев газетах опубликовали бы. Но Петр Леонидович некролога в 51 год не хотел, а хотел жить долго. Вот и сделал хитрый ход, возведя напраслину на Лаврентия Павловича и постаравшись убедить Сталина, что с Берией ему никак невозможно работать.

Сталин Капице не поверил и оставил Берию во главе атомного проекта. В конце концов, среди членов и кандидатов в члены Политбюро узких специалистов по ядерной физике вообще не было. Незаконченное высшее техническое образование, кроме Берии, было еще у Маленкова и Молотова. Однако опыт руководства Вячеславом Михайловичем уранового проекта оказался неудачным, а Георгий Максимилианович был специалистом больше по аппаратно-партийным делам, а вовсе не по реализации конкретных технических проектов. Разразившийся вскоре скандал в подведомственной ему авиационной отрасли, связанный с принятием на вооружение бракованных истребителей, это лишний раз подтвердил. Так что другой кандидатуры, кроме Берии, заработавшего за производство вооружений в войну звание Героя Социалистического Труда и маршальский чин, у Иосифа Виссарионовича просто не было. На атомный проект теперь выделялась львиная доля ресурсов страны, ни возглавить это предприятие должен был один из членов высшего политического руководства. Что же касается ядерной партитуры, то Берия со

временем ее освоил, с помощью академиков, хотя бы в той мере, чтобы оценить шансы на успех того или иного решения, предлагавшегося специалистами. И с последними лишний раз вне гнушался проконсультироваться. Заместитель наркома вооружений В.Н. Новиков вспоминал, как во время войны решался вопрос о том, за какой срок можно вдвое увеличить ежедневное производство винтовок на Ижевском заводе. Хотя Сталин требовал уложиться в три месяца, и к этому склонялись большинство членов госплановской комиссии, Берия в конце концов прислушался к мнению специалиста - Новикова и поставил указанный им реальный срок - семь месяцев, хотя это явно не обрадовало Сталина. Новиков объяснил подобное решение тем, что гораздо хуже было не пойти против сталинского мнения, а обмануть Иосифа Виссарионовича. Если потом окажется, что потребовалось не три месяца на увеличение производства, а семь месяцев, виновные в обмане могли не сносить головы. А за атомный проект Сталин спрашивал строже, чем за любой другой. Поэтому прежде чем доложить ему, Берия должен был трижды проверить, и здесь без советов с академиками и инженерами было никак не обойтись.

Да, Лаврентий Павлович порой кричал на светил науки и иной раз относился к ним не с подобающим почтением (хотя Капица, подозреваю, намеренно сгустил краски). Но это тоже объяснимо. Уж он-то отлично сознавал, что в случае, если «изделие» не взорвется, академиков, наверное, арестуют и распихают по «шарашкам», а его, Берию, уж точно объявят американским шпионом и расстреляют за то, что сорвал выполнение такого задания, от которого в буквальном смысле слова зависит жизнь и смерть коммунистической власти. Тогда бы он Сталину перестал быть нужен, а знал слишком много, чтобы оставлять его в живых.

И, в отличие от Капицы, у Берии никаких опасений насчет будущего комплекса вины не было. Это для Петра Леонидовича коммунистическое государство было чужим и опасным. Для Лаврентия Павловича оно было пусть не идеальным, но своим. В будущем он думал его улучшить, сделать конкурентоспособным в мировом масштабе. Но атомное оружие для Советской страны считал жизненно необходимым. Если бы не его организаторский талант и достижения разведки, советская атомная бомба могла бы появиться не в 1949 году, а лет на пять десять позднее. За это время СССР мог и проиграть в «холодной войне». Это могло произойти, например, в случае, если бы восстали народы Восточной Европы, и далеко не факт, что в условиях ядерной и термоядерной монополии США, Сталин и его преемники рискнули бы вооруженной силой подавлять восстания в Восточной Германии и Венгрии. А затем сработал бы, наверное, «принцип домино»: от СССР откололись бы Прибалтика, Западная Украина. Крах коммунизма в этом случае наступил бы не в 1991-м, а, быть может, еще в 50-е годы.

Так что Лаврентий Павлович, вполне возможно, помог товарищам по партии удержаться у власти несколько лишних десятилетий. Но они этот подвиг не оценили и безжалостно вывели в расход в 53-м подлинного отца советского ядерного и термоядерного оружия. Подлинного, ибо без Лаврентия Павловича все открытия Харитона и Сахарова (их обычно именуют отцами соответственно советской атомной и водородной бомб) вряд ли бы воплотились в действующие «изделия».

Несколько иначе виделись мотивы поступка Капицы генералу Судоплатову, утверждающему, что никаких столкновений у Петра Леонидовича с Берией вначале не было: «Участвуя в заседаниях Спецкомитета, я впервые осознал, какое значение имели личные отношения членов правительства, их амбиции в принятии важных государственных решений. Наркомы, члены этого комитета, стремились, во что бы то ни стало утвердить свое положение и позиции. Очень часто возникали жаркие споры и нелицеприятные объяснения. Берия выступал в качестве арбитра и добивался безусловного неукоснительного выполнения всех директив руководства.

Я поддерживал дружеские отношения и с Иоффе, и с Капицей. По предложению Берии я подарил Капице охотничье ружье. Капица как-то посетовал, что у него сохранился в плохом состоянии лишь один экземпляр книги о русских инженерах, написанный его тестем - академиком Крыловым, крупнейшим инженером-кораблестроителем. Я прибег к услугам специальной правительственной типографии - книгу напечатали в двух экземплярах на отличной бумаге. Капица послал один экземпляр Сталину, надеясь попасть к нему на прием.

Мне пришлось наблюдать растущее соперничество между Капицей и Курчатовым на заседаниях Спецкомитета. Капица был выдающейся личностью, прекрасным тактиком и стратегом, крупнейшим организатором науки. Часто научные выступления он комментировал с большим чувством юмора. Я помню, что одно заседание Спецкомитета в 1945 году проходило в часы трансляции из Лондона футбольного матча между нашей командой и английской. Члены Политбюро и правительства были шокированы, когда Капица предложил прервать заседание и послушать матч. Возникла неловкая пауза, но Берия, ценивший юмор (и бывший к тому же заядлым футбольным болельщиком. - /Б. С./), к всеобщему изумлению, объявил перерыв. Напряжение спало. А затем настроение присутствующих поднялось, поскольку наша команда победила.

Капица, сыгравший важную роль в инициировании наших работ по атомной проблеме и установлении контактов юс западными учеными, в частности Терлецкого с Бором (эта встреча состоялась осенью 1945 года и, вопреки мнению Судоплатова, не внесла сколько-нибудь значительного вклада в советский атомный проект; к тому же Нильс Бор поставил в известность датскую контрразведку о содержании своей беседы с советскими физиками. - /Б. С./), естественно, претендовал на самостоятельное, руководящее положение в реализации атомного проекта. Но вскоре отношения между Капицей, Берия и Вознесенским испортились. Капица предложил, чтобы Курчатов консультировался с ним по оценке результатов работ ми выводов, прежде чем докладывать на заседаниях Спецкомитета. Первухин поддержал Капицу, но Берия и Вознесенский не согласились. Берия потребовал, чтобы Капица и Курчатов вносили в правительство альтернативные предложения. Более того, Берия предложил Капице на базе своего института продублировать ряд экспериментов Курчатова (Лаврентий Павлович справедливо полагал, что на подготовительной, экспериментальной стадии проекта, которая еще не требовала больших затрат, здоровая конкуренция ученых, своего рода творческое соревнование и взаимный контроль полученных результатов только поможет делу и позволит убедиться, что советский атомный проект - на верном пути. - /Б. С./).

Капица был возмущен и утверждал, что такая переориентация его института будет означать фактическое свертывание работ по теоретической физике в Советском Союзе, (Петр Леонидович, как опытный организатор науки, не мог не сознавать, что Лаврентий Павлович, в сущности, прав. Однако Капица, по-видимому, в тот момент уже принял для себя окончательное решение не участвовать более в советском атомном проекте, и искал только повода, чтобы из него выйти. Он прекрасно понимал, что за этим последуют суровые санкции, и свой институт он наверняка потеряет. - /Б. С./).

Точно не помню, но, по-моему, месяц спустя, в октябре 1945 года, Капица обратился к Берия и Вознесенскому за объяснением, почему с ним не проконсультировались, когда принимали решение о создании новых учебных институтов по подготовке специалистов в области ядерной физики вне Академии наук - Инженерно-физического (МИФИ) и Физико-технического (МФТИ).

Капица написал Сталину, что Берия и Вознесенский не прислушиваются к мнению ученых, что только ученым можно доверить руководство атомным проектом. После неудачных попыток добиться от Сталина поддержки в этом конфликте Капица вскоре был выведен из состава Спецкомитета. Его оставили в покое, но лишили доступа к атомным разработкам".

Возможно, Павел Анатольевич искренне верил, что в случае с Капицей все дело было лишь в личных амбициях ученого. И чтобы смягчить последствия конфликта, утверждал, что ученого будто бы "оставили в покое". В действительности Петр Леонидович достаточно хорошо знал советскую систему, чтобы понимать: требовать объяснений у членов высшего политического руководства, настаивать на том, чтобы важнейший военный проект, от которого во многом зависело политическое будущее коммунистического режима, отдать целиком в руки беспартийных ученых - это верный путь отлучения не только от атомного проекта, но и от какой-либо административно-научной деятельности вообще, если не прямой путь на тот свети И Капицу, как мы знаем, отнюдь не оставили в покое, а изгнали практически из всех научных учреждений, отправив в почетную ссылку на собственную подмосковную дачу. Можно сказать, он еще легко отделался.

Что же касается участия Капицы на ранних стадиях советского атомного проекта в 1943-1945 годах, то оно также вполне объяснимо. Тогда не было уверенности, что атомную бомбу не заполучит Гитлер, создание в качестве противовеса ему советского ядерного оружия выглядело оправданным. Но в 45-м Германия и Япония были повержены, а атомная бомба была уже сделана в США. Очевидно, в этих условиях Петр Леонидович посчитал аморальным трудиться во имя того, чтобы смертоносное сверхоружие получило режим с непредсказуемым поведением на международной арене.

Вскоре после отлучения Капицы от атомного проекта Сталин 25 января 1946 года созвал на совещание Берию, Молотова и Курчатова. Вот как проходила эта встреча по записи Курчатова: "Беседа продолжалась приблизительно один час с 7.30 до 8.30 вечера...

Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В.И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране...

Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь.

Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно (затягивать?/ - Б. С./) работу, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах...

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо - это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько тысяч?/ - Б. С./) человек жило на славу, свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

В работе тс Сталин говорил - что надо идти решительно, что вложением решительно всех средств, но по основным направлениям.

Надо также всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Т. Сталин интересовался работой немецких ученых и той пользой, которую они нам принесли.

Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо представляются трудности, связанные с получением первых агрегатов, хотя бы с малой производительностью, так как увеличения производительности можно достигнуть увеличением числа агрегатов. Труден лишь первый шаг, и он является основным достижением.

Были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы.

Было выражено (мнение?/ - Б. С./), на кого (они?/ - Б. С./) работают и на что направлена их деятельность - на благо Родине или нет.

Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе.

Систему премий... Космические лучи и циклотрон..."

Да, верхушка атомного проекта, академики, директора, ведущие инженеры и высококвалифицированные рабочие как сыр в масле катались. На них сыпались премии, пайки, спецснабжение, повышенная зарплата, для самых выдающихся и незаменимых - машины, дачи. Затем, после успешного испытания "изделия" - ордена, Сталинские премии, звания, Звезды героев. Вот десятки и сотни тысяч рядовых исполнителей, в том числе подневольных - зэков, солдат, у них материально-бытовое положение было хуже некуда, и хлебали они, даже вольные, баланду не лучше лагерной. И им никто дач, квартир и премий даже не обещал.

Главное же, после этой встречи со Сталиным и Берии, и Курчатову стало ясно, что средства на атомный проект впредь ничем ограничиваться не будут. И они имеют право привлечь к своей работе любых ученых, любые предприятия и учреждения страны.

Очевидно, после этого совещания Сталин решил еще раз попытаться привлечь Капицу к работе над бомбой. А тут еще в феврале 1946 года неугомонный академик направил вождю еще одно письмо, где предлагал создать новый институт физико-технических исследований, базирующихся на следующих основных принципах: "1) тщательном

отборе наиболее одаренных и склонных к творческой заботе представителей молодежи; 2) непосредственном участии в обучении ведущих научных работников и тесном контакте с ними в их творческой обстановке; 3) индивидуальном подходе к отдельным студентам с целью развития их творческих задатков при отсутствии имеющейся сейчас в вузах перегрузки второстепенными предметами по общей программе и механического заучивания...; 4) в ведении воспитания с первых же шагов в атмосфере технических исследований и конструктивного творчества с использованием для этого лучших лабораторий страны". В этом письме Капица прямо не касался атомного проекта, как бы намекая, что и без бомбы еще может очень даже пригодиться. Хотя и понимал, что тем, кто будет воспитываться в атмосфере "конструктивного творчества", придется работать и над бомбой. И дождался, наконец, ответа. 4 апреля 1946 года Сталин написал Петру Леонидовичу: "Тов. Капица! Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного - думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них..." Однако встреча так и не состоялась. Очевидно, Сталин и Берия поняли, что Капица бомбу делать не будет. И последовала опала. Уже 14 мая Сталин, вероятно, с подачи Берии, подписал постановление, согласно которому в правительственную комиссию по проверке руководимого Капицей Главкислорода его научными оппонентами. На основе вполне предсказуемых результатов деятельности комиссии Сталин 17 августа 1946 года подписал постановление об освобождении Капицы от обязанностей начальника Главкислорода и директора Института физических проблем. Это была месть за нежелание создавать ядерное оружие.

В отличие от Капицы, другие академики и профессора, исправно получавшие добытую атомными шпионами бесценную информацию, трудились и за страх, и за совесть. Проект подкупал своей масштабностью. Как же, создать то, что в один прекрасный день вспыхнет ярче тысячи солнц. И у них было как бы моральное оправдание. Берия и его коллеги из высшего руководства проекта убеждали ученых, что они создают щит, который гарантирует, что на страну не обрушится американский атомный меч. Был и страх, что в случае неудачи, если не расстреляют, то уж наверняка посадят. И была реальная опасность, о которой сначала не подозревали: радиация. Многие ученые, участвовавшие в создании советской атомной бомбы, умерли сравнительно молодыми, в том числе и от последствий лучевой болезни. Сам Курчатов дожил лишь до 57 лет.

Но гораздо больше жертв было среди рядовых, безвестных участников проекта. Строили ядерные объекты заключённые и солдаты, чьё положение мало отличалось от положения заключённых. Бойцы строительных частей рекрутировались в основном из бывших пленных и жителей оккупированных территорий. При Сталине они считались людьми второго сорта, чья жизнь не стоила практически ничего. В годы войны призывников с оккупированных территорий невооружёнными бросали в истребительные лобовые атаки на немецкие позиции. После войны уцелевшим предстояло участвовать в лобовой атаке на другом фронте - советского атомного проекта. О строительстве радиохимического комбината под Кыштымом (Челябинск-40) на Урале (нынешнее НПО "Маяк") вспоминал один из оставшихся в живых солдат, В. Вышемирский: "Жили на стройке и под открытым небом, и в

палатках, и в землянках, хотя зимой морозы достигали сорока градусов... Кострами жгли мёрзлую землю, кирками долбали скальный грунт. Кормили мороженой картошкой и капустой... Чтобы получить дополнительный паёк - лишний черпак баланды и сто граммов хлеба - нужно перевыполнить норму, которую и осилить-то было невмоготу. Условия мало чем отличались от лагерных, случались среди солдат и самоубийства". Другой уцелевший, А. Осипов, свидетельствует: "Люди умирали десятками, сотнями - рот недоедания и тяжёлого, изнурительного труда".

А вот как описывает условия на Кыштымской стройке бывший солдат стройбата А. Харитонов: "Жили мы там в землянках, куда входила целая рота (в одну землянку. - /Б. С./). Работали по 11 часов - с 8 утра до 7 вечера.

Однажды приехало множество генералов - все такие красивые и пузатые. Я подумал: что же они едят, если такие пузатые? (Интересно, не было ли среди тех генералов Лаврентия Павловича, у которого тоже имелось изрядное брюшко?/ - Б. С./)

Мы вечно ходили голодные, питания не хватало, вторая норма (по которой снабжались солдаты. - /Б. С./) не рассчитана на этот каторжный труд, иногда после работы просто падали.

С 1949 года задымила труба нашего объекта, вокруг лес стал мёртвым. На следующий год нас демобилизовали, но не выпустили, только через год я вырвался из этого ада. Мало наших осталось в живых, может, о них хоть вспомнит правительство?" Но правительство ни тогда, ни теперь не вспоминает дни о живых, ни о мёртвых. Так уж повелось в России, что всё новое, начиная с имперской столицы Санкт-Петербурга, строилось на костях.

Н. Лапыгин, офицер, трудившийся на строительстве Челябинска-40, удивляется, сколь низка была механизация работ: "Поражала насыщенность примитивной рабочей силой на стройке - если по нормам мастеру положено руководить полусотней рабочих, то здесь было двести ми больше. Людей нагнали массу, чтобы взять числом, а не уменьем. Ведь техническое оснащение было убогим - ни подъёмной техники, ни землеройных машин, всё делалось вручную с небольшим применением малой механизации.

Вручную загружали ковши тяжёлым скальным грунтом, оставшимся после большого взрыва для образования котлована под реактор. Вручную делали опалубку и заполняли её тысячами кубометров бетона. Толщина стен была огромная - для защиты от радиации...

Деньги тратились на что угодно, только не на то, чтобы облегчить и механизировать солдатский труд.

Впрочем, однажды на объекте "А" техники появилось жуткое количество - откуда только нагнали её? К моему изумлению, бульдозерами, грейдерами стали засыпать траншеи, в которые ещё не окончили укладывать коммуникации - оказывается, приехал Берия, и для него уж холуи постарались...

В другой раз мне велели за ночь построить шатёр из сборных элементов и обить его шёлком. Не пожалели роты солдат и крановщицу Таню. К пяти утра шатёр стоял, а в шесть прибыл туда Курчатов и поинтересовался у меня:

- Не устали?

- Фронтовики всё выдерживают...

- Да, для вас это вторая война...
А бывало и такое - на оперативке монтажники заявили, что у них кончаются нержавеющие болты. Бывший тут же замминистра звонит в Москву и велит заводу-изготовителю отправить машину с болтами в аэропорт, чтобы погрузить в самолёт. А утром машина от нас пошла в аэропорт Челябинска. Болты прибыли вовремя, но стали почти "золотыми"".
Думаю, что Лаврентий Павлович в тот раз туфту с техникой заметил - глаз-то был наметанный. И "золотые болты" его не радовали - практичный ум Берии наверняка противился столь нерациональной трате дефицитного авиабензина. Да и каторжный труд, как поснимал председатель Спецкомитета, слишком неэффективен и на самом деле существенного влияния на сроки завершения атомного проекта не оказывает. Сроки-то определялись в первую очередь успехами разведки и мозгами учёных. Осознание этого и привело Берию после смерти Сталина к идее широкой амнистии, почти вдвое уменьшившей население ГУЛАГа. Труд заключённых в атомную эру стал анахронизмом.
Средств не жалели, об экономии не думали. По воспоминаниям заместителя директора Кыштымского комбината. В. Филиппова, за излишнюю заботу об эффективности производства глава ПГУ Ванников грозил подчинённым теми же карами, которыми когда-то ему самому грозили после ареста: "Ванников выходил из кабинета к столу, снимал пиджак и аккуратно вешал на стул. Из заднего кармана вынимал пистолет и клал его на стол. Открывая совещание, он провозглашал: "Ну, е. на мать, докладайте!" Вёл оперативку напористо, с большим высокомерием, в выражениях не стеснялся.
Я "докладал" первым. Однажды я сообщил, что из-за изменений проекта задерживается изготовление резервуаров. Ванников тут же прервал меня: "Когда я был наркомом вооружений и мой главный инженер изменил своё решение на более экономичное, я велел его расстрелять..."
Старшему монтажнику Нафту за нарушение графика Ванников запросто сказал, достав из обоймы патрон с пулей: "За это на тебя жалко истратить даже маленький кусочек свинца...""
Что ж, с кем поведёшься, от того и наберёшься.
Сам Лаврентий Павлович тоже и крепкое слово мог ввернуть, и к стенке пригрозить поставить. Впрочем, он-то понимал, что расстрелами и репрессиями в данном случае не поможешь. Если вывести в расход тех же И.В. Курчатова и Ю.Б. Харитона, кто же бомбу делать будет?
Тот же Юлий Борисович Харитон, отец советской атомной бомбы, вспоминал о Берии, в общем, неплохо: "Берия, надо сказать, действовал с размахом, энергично, напористо. Часто выезжал на объекты, разбирался на месте, и всё задуманное обязательно доводилось до конца.
Никогда не стеснявшийся нахамить и оскорбить человека, Берия был с нами терпим и, трудно даже сказать, крайне вежлив (интересно, да откуда тогда уважаемый академик знал о хамстве Берии, если ему самому Лаврентий Павлович ни разу грубого слова не сказал? Может быть, неимоверная грубость и хамство Берии - это, хотя бы отчасти, миф, родившийся после падения "лубянского маршала" в 53-м? Вот и Серго Берия утверждает, что в его присутствии отец никогда никого не

материл; впрочем, при сыне Лаврентий Павлович мог и воздерживаться от непарламентских выражений. - /Б. С./). Если интересы дела требовали пойти на конфликт с какими-либо идеологическими моментами, он не задумываясь шёл на такой конфликт. Если бы нашим куратором был Молотов, таких бы впечатляющих успехов, конечно, не было бы..."

С ним согласен заместитель Курчатова профессор И.В. Головин, вообще-то склонный в своих воспоминаниях Лаврентия Павловича представлять демоническим злодеем, повторять существующие вокруг его имени мифы и всячески умалять вклад бывшего шефа НКВД в создание советской атомной бомбы: "Берия был прекрасным организатором - энергичным и въедливым. Если он, например, брал на ночь бумаги, то к утру документы возвращались с резонными замечаниями и дельными предложениями. Он хорошо разбирался в людях, всё проверял лично, и скрыть от него промахи было невозможно..."

С учеными Лаврентий Павлович был вежлив и предупредителен. Зато ведавших организацией работ офицеров и генералов МВД и госбезопасности мог иной раз и припугнуть (этих-то заменить было гораздо легче). Академик А.Д. Сахаров вспоминал, как однажды Берия отчитал генерала госбезопасности И.Е. Павлова, по нерадивости сорвавшего производство важного компонента водородной бомбы: "Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало ещё более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы Вас же будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!"

А вот как передает свози впечатления от деятельности Берии в Спецкомитете Судоплатов, не раз участвовавший в заседании этого органа, обладавшего в своей отрасли большими правами, чем Совет Министров: "Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берия. Это были жаркие дискуссии. Помимо острый споров ко распределении электроэнергии, Первухин продолжал свои нападки на Вознесенского, требуя увеличения фондов цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива (ранее Первухин добивался от Вознесенского сохранение за предприятиями возглавляемой им химической промышленности потребления электроэнергии в прежнем объеме и не стеснялся повышать голос на члена Политбюро, в тот момент - весьма близкого к Сталину. - /Б. С./). Меня удивляли взаимные претензии членов правительства. Берия вмешивался в эти споры, призывал Первухина и Вознесенского к порядку. И я впервые увидел, что все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро...

Только тогда я понял, какой большой интерес и внимание к экономическим вопросам и развитию промышленности проявлял Берия. Я узнал, что Берия как заместитель председателя ГКО в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения и боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса. В особенности его интересовали вопросы добычи и переработки нефти. В кабинете Берия стояли макеты

нефтеперерабатывающих заводов. По его инициативе Ванников, Устинов и Байбаков (им не было еще 40 лет) были выдвинуты на высокие посты наркомов производства боеприпасов, вооружения и нефтяной промышленности.

Участие в заседаниях под председательством Берия открыло новый, неизвестный мне мир. Я знал, что разведка имела важное значенье во внешней политике, обеспечении безопасности страны, но не меньшее значение имело восстановление народного хозяйства и создание атомной бомбы. До сих пор я вспоминаю наших талантливых организаторов промышленности и директоров заводов, участвовавших в решении сложнейших организационных и технических вопросов. Выработка этих решений оказалась гораздо интересней, чем руководство агентурной сетью в мирное время Хозяйственная деятельность позволяла людям проявлять таланты пи способности в решении таких проблем, как преодоление нехватки ресурсов, срывы поставок оборудования и материалов. Организовать слаженную работу многих производственных отраслей промышленности для реализации атомной программы было делом не менее сложным, чуем успешное проведение разведывательно-диверсионных операций (это признание одного из лучших специалистов в мире по терактам и диверсиям, лично уничтожившего лидера украинских националистов Евгена Коновальца и руководившего операцией по убийству Троцкого, дорогого стоит. - /Б. С./).

Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым ли оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, и у него была уникальная способность внушать людям как чувство страха, так и воодушевлять на работу. Естественно, для директоров промышленных предприятий его личность во многом отождествлялась с могуществом органов госбезопасности. Мне кажется, что вначале у людей превалировал страх (ходит даже байка, будто один из ученых, будучи однажды вызван к Лаврентию Павловичу, со страху заболел "медвежьей болезнью"; когда Берия заметил на нем брюки не по размеру, он все понял и предложил ученому явиться на прием завтра, приблизительно выдержав диету; а уж если и тогда случится казус, пригрозил глава Спецкомитета, разговор будет другим. - /Б. С./). Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия часто поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. Мне кажется, что он взял эти качества у Сталина - жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности у руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена".

А почему бы не предположить, что столь ценные для руководителя той эпохи качества Лаврентий Павлович не мог развить сам по себе, без оглядки на Сталина?

Ну только Судоплатов подтверждает, что Берия в работе над атомной бомбой широко использовал рыночные методы. Так, на уголовном объекте атомного проекта в Арзамасе-16 (ныне городу возвращено древнее название Саров), вначале именовавшемся для маскировки "Приволжская контора Главгорстроя, п/я 214", специальным постановлением Совмина были введены почти что капиталистические порядки. Было разрешено "выполнять строительно-монтажные работы без утвержденных смет и проектов; производить оплату по их фактическим затратам; вести финансирование строительства через Госбанк, без проектов и смет, по фактической стоимости; расходовать на премирование до 1,5-2 % от фактических затрат". С.В. Пестов следующим образом прокомментировал это аномальное явление для советского общества второй половины 40-х годов: "Строительство разрешалось вести не по планам, проектам, чертежам и массе других бумаг, а по указаниям Зернова (замминистра транспортного машиностроения. - /Б. С./) и Харитона, которые на месте выдавали задание проектировщикам.

Такая "анархия", неслыханное "святотатство", прямо-таки настоящий капитализм был разрешен, говорят, по настоянию Лаврентия Павловича (в этом нет ни малейшего сомнения, поскольку все правительственные постановления, касающиеся деятельности Спецкомитета, готовились Берией и его аппаратом. - /Б. С./). Потом, после смерти Сталина, Лаврентию припомнят попытки ввести в отдельно взятом регионе капитализм и назовут его "буржуазным перерожденцем", но в данный момент практичный и циничный Берия, наплевав на "идеологические ценности", шел по самому эффективному и короткому пути.

И хотя в феврале 1н947 года Зернов докладывает правительству, что ни одного производственного объекта первой очереди не закончено, строительство объекта идет, тем не менее, очень быстро, намного быстрее, чем это делалось бы в плановом порядке".

Если разобраться, ни о какой плановости в осуществлении атомного проекта речи быть не могло, и Берия это сразу понял. Ведь абсолютно невозможно было предугадать, какие именно идеи придут завтра в голову Харитону и Кикоину, Зельдовичу и Алиханову, какие сведения доставит вездесущая разведка из Америки и из Англии, а хот этого прямо зависело, что и как строить. Думаю, что как раз во время работы над созданием атомной и водородной бомб Лаврентий Павлович окончательно убедился в преимуществах капитализма над социализмом. Хотя в реализации атомного проекта причудливо сочетались рыночные механизмы с казарменным принуждением. Первые действовали среди высших эшелонов рабочей силы - от ученых до квалифицированных промышленных рабочих и касались общих принципов проектирования и финансирования Вторые - среди масс строителей и рабочих рудников шахт, значительная часть которых были люди подневольные - заключенные и солдаты, мобилизованные на оккупированных территориях, т. е. тоже народ второго сорта. Иного способа быстро направить большое число рабочих на осуществление грандиозных проектов в советской системе не существовало. Одарить сотни тысяч и миллионы добровольцев длинным рублем, обещать им в качестве стимула свободно устраивать свою жизнь, обогащаться, как говаривал покойный Бухарин, означало бы полностью подорвать

партийную монополию на власть. Обогатившиеся захотят и землей владеть, и собственный бизнес завести И что тогда останется от общенародной собственности? Берия также понимал, что здесь плетью обуха не перешибешь, и предложить Сталину столь широкомасштабные реформы в государстве - значит, гарантированно повторить судьбу "любимца партии" Бухарина. Поэтому пусть лучше трудятся зэки да бойцы трудовой армии. Эти работники во многом напоминали подневольных строителей египетских пирамид. Но без них невозможно было в короткий срок возвести фундамент и нижние этажи атомного проекта, только опираясь на который можно было использовать бесценные данные разведки и могли творить те, кому предназначались премии и дачи, автомобили и ордена... Берия это тоже прекрасно понимал, и рассматривал как неизбежное зло. А строители, занятые на наиболее тяжелых работах, для него были расходным материалом.

Организованное Берией соединение социализма и капитализма, уникальных разведданных с талантом отечественных ученых ни инженеров в рекордные сроки принесло свои плоды. И вот настал долгожданный день первых испытаний советской атомной бомбы - 29 августа 1949 года. Взрыв произошёл на полигоне под Семипалатинском. Вот как этот день запомнил Харитон:

"Бомбу поднимали на башню лифтом, людей хотели доставить туда отдельно, но Зернов не стерпел, стал рядом с бомбой, и так они вдвоем поднялись на вышку, потом туда прибыли Щелкин и Ломинский. Они же уходили последними.

На их пути было устройство, к которому надо было подключить провода, передававшие сигнал для срабатывания бомбы - был такой автомат, включавший устройство для подрыва инициаторов, расположенных по периферии заряда, чтобы образовалась сходящаяся волна. Кнопку этого устройства нажимал Щелкин, дальше уже всё делалось автоматически - заряжались конденсаторы, в которых накапливалась энергия подрыва инициаторов, срабатывали детонаторы и т. д. И от этого момента нажатия кнопки до самого взрыва проходило, помнится, секунд сорок.

Ну вот, через эти сорок секунд всё осветилось ярчайшей вспышкой. Мы её наблюдали через открытую (с задней стороны) дверь наблюдательного пункта, расположенного в десяти километрах от эпицентра. А через тридцать секунд после вспышки пришла ударная волна, и можно было выйти наружу и наблюдать последующие фазы взрыва.

Берия тоже находился с нами, он поцеловал Игоря Васильевича (Курчатова. - /Б. С./) и меня - в лоб (Лаврентий Павлович понимал, что неудача - а была вероятность в 5-6 %, что устройство не взорвётся, - могла сразу же сделать его, Харитона и Курчатова, "врагами народа" со всеми вытекающими последствиями. - /Б. С./). Ярчайший свет и мощная ударная волна лучше всего засвидетельствовали, что мощность взрыва была вполне достаточной.

Однако в "воспоминаниях" некоторых людей, которых там и в помине не было, описаны такие подробности, что просто диву даёшься. Например, пишется, что в последние секунды вдруг начал увеличиваться поток нейтронов (это повышало вероятность того, что взрыва не произойдёт. - /Б. С./), и все заволновались. Счётчик нейтронов действительно был, и он передавал сигналы на НП, но

никакого усиления потока не было. Это всё измышления, как и многие другие "детали" тех событий..."

Харитон явно имел в виду "Воспоминания" Головина, на испытаниях не присутствовавшего, но описавшего всё происшедшее куда подробнее Юлия Борисовича, аж на семи страницах книжного текста. По принципу - всё, что было не со мной, помню. Здесь я приведу лишь те фрагменты головинских "Мемуаров", которые непосредственно относятся к Берии, чтобы читатели могли проследить, как конструировался миф о Лаврентии Павловиче - злодее и дураке, ничего в порученном деле не смыслившем и оказавшемся на коне лишь благодаря героям-учёным и своим толковым заместителям из военно-промышленного комплекса, которым посчастливилось уцелеть после 53-го года:

«... Тележку с изделием медленно выкатывают через ворота во мрак ночи на платформу лифта. - Так и пойдёт вверх без сопровождения? - восклицает Берия. - Нет, нет, - Зернов делает шаг, не предусмотренный графиком работ, встаёт на платформу лифта и, держась одной рукой за перекладину, в живописной позе уезжает вверх.

Давыдов уже начал отсчитывать минуты, когда пришёл Берия со своим сопровождением. Курчатов взял себя в руки и остановился рядом с Флеровым, наблюдая фон нейтронов. Два-три нейтрона за пятнадцать секунд. Всё хорошо.

И вдруг при общем молчании за десять минут до "часа" раздаётся голос Берии: - А ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится! - Что вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится!" - восклицает Курчатов и продолжает наблюдать, только шея его побагровела, и лицо сделалось мрачно сосредоточенным.

На третьей минуте до взрыва вдруг фон нейтронов удвоился, на второй минуте стал ещё больше Флеров с Курчатовым тревожно переглянулись - опасность хлопка вместо взрыва резко возросла. Но автомат пуска работает равнодушно, ускорить ничего невозможно, и во власти Курчатова только отменить взрыв (в действительности решение об отмене взрыва мог бы принять только Берия, и то только предварительно согласовав его со Сталиным. - /Б. С./). - Десять секунд. Пять секунд. Три, две, одна, пуск!

Курчатов резко повернулся лицом к открытой двери. Небо уже померкло на фоне освещённых холмов и степи. Курчатов бросился вон из каземата, взбежал на земляной вал и юс криком "Она!" широко взмахнул руками, повторяя: "Она, она!", - и просветление разлилось по его лицу.

Столб взрыва клубился и уходил в стратосферу. К командному пункту приближалась ударная волна, ясно видимая по траве. Курчатов бросился навстречу ей. За ним рванулся Флеров, схватил его за руку, насильно увлёк в каземат и закрыл дверь. В каземат врывались остальные - разрядившиеся, ликующие. Председатель (Берия. - /Б. С./) обнял и расцеловал Курчатова со словами: "Было бы большое несчастье, если б не вышло!!" Курчатов хорошо знал, какое было бы несчастье Но теперь все тревоги позади. Курчатов и его команда решили все научные задачи, с успехом прошли через все трудности организации (выходит, Лаврентий Павлович к организации работ отношения не имел, всё тянул на себе Игорь Васильевич?/ - Б. С./). С

лица Курчатова мгновенно слетело напряжение. Он стал сразу мягким и как будто смущённым.

Но Берия вдруг забеспокоился. А такой ли был взрыв у американцев?

Немедленно приказал соединить его по телефону с Мещеряковым, посланным для наблюдения за взрывом на северный наблюдательный пункт. В 1947 году он. был по приглашению американцев на Бикини и видел там американский подводный ядерный взрыв. - Михаил Григорьевич! Похоже на американский? Очень? Мы не сплоховали? Курчатов нам не втирает очки? Всё так же? Хорошо! Хорошо! Значит, можно докладывать Сталину, что испытание успешно? Хорошо! Хорошо!

Берия дал команду чем-то смущённому генералу, дежурившему у телефона, тотчас же соединить со Сталиным по ВЧ. В Москве подошёл к телефону Поскрёбышев. - Иосиф Виссарионович ушёл спать, - ответил он - Очень важно, всё равно позовите его. Через несколько минут Берии ответил сонный голос: - Чего тебе? - Иосиф, всё успешно. Взрыв такой же, как у американцев. - Я уже знаю и хочу спать, - ответил Сталин и положил трубку. Берия взорвался и набросился с кулаками на побледневшего генерала: - Вы и здесь суёте мне палки в колёса, предатели! Сотру в порошок!..» Легко убедиться, что все детали, придуманные Головиным и отсутствующие в рассказе Баритона, вполне соответствуют мифологическому образу жестокого и мнительного злодея, которым рисовала Берию советская пропаганда после его падения. Лаврентий Павлович предпринимает совершенно бессмысленные действия. На всякий случай побуждает одного из присутствовавших сопровождать «изделие» на башню, стоя в нелепой позе на платформе лифта. Хотя толку от такого сопровождения никакого, один только напрасный риск для сопровождающего. Потом Берия постоянно не доверяет Курчатову, боится, что испытание сорвётся, в последний момент теряет веру в успех. Тут по законам плохой пьесы возникает резальная опасность провала из-за роста нейтронного фона, чтобы потом весомее ощущался успехе Когда всё позади, Берия целует Курчатова, но это поцелуй иудин, поскольку Лаврентий Павлович всё ещё сомневается, а настоящий ли это взрыв? Не надул ли его Курчатов? А пока Берия затевает дурацкую проверку, Сталин звонит по ВЧ, узнаёт от дежурного генерала, что бомба благополучно взорвалась, и идёт спать. Злодей Берия посрамлён: ему не удалось первым доложить генералиссимусу об историческом событии, и тут же от вежливости не остаётся и следа: Лаврентий Павлович набрасывается с кулаками на ни в чём не повинного генерала. Вот так и рождались легенды о Берии, очень мало общего имевшие с действительностью.

После создания атомной бомбы Лаврентий Павлович в качестве главы Спецкомитета продолжал руководить водородным проектом. К концу жизни его маршальский мундир, кроме Золотой Звезды Героя Социалистического Труда, украшали пять орденов Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени и три ордена Красного Знамени союзных республик - Грузии, Армении и Азербайджана.

Отец советской водородной бомбы Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал свою первую встречу с Берией тет-а-тет в 50-м году во время работы над водородным проектом: «Он встал, давая понять, что

разговор окончен, но вдруг сказал: "Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?"

Я совершенно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил: "Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы всё время отстаём от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?".

Берия ответил мне прагматически: "Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Всё висит на одной "Электросиле". А у американцев сотни фирм с мощной базой" (Лаврентий Павлович под конец жизни начал понимать, какая сила заключена в присущей капитализму конкуренции множества производственных фирм и научных коллективов. - /Б. С./).

Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, кажется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком. До этого мне это не приходило в голову, и я держался совершенно свободно».

Подозреваю, что страшным человеком Берию академик, как и подавляющее большинство советских граждан, стал считать только после 53-го года. Поэтому и казалось Андрею Дмитриевичу в ту пору, когда работал над мемуарами, что рука у собеседника была холодная, как у дьявола. Первую же советскую водородную бомбу испытали в августе 53-го, уже после ареста Берии.

Надо заметить, что в период руководства Спецкомитетом Берия не забывал и об узниках ГУЛАГА, хотя уже и не имел прямого отношения к МВД. Так, 8 июля 1949 года он направил докладную записку в Бюро Совмина, где, основываясь на данных союзного МВД, с тревогой писал: «В настоящее время заключенные снабжаются продовольствием по сниженным во время войны суточным нормам, содержащим в среднем 2660 калорий, тогда как до войны средняя калорийность суточного пайка составляла 3378 калорий... В целях повышения производительности труда заключенных МВД предлагает увеличить норму хлеба с 800 до 900 граммов в день (против довоенной 1100 граммов), а по остальным продуктам питания восстановить довоенную норму».

Конечно, не только человеколюбие заставило Лаврентия Павловича поддержать предложение прежнего своего заместителя С.Н. Круглова об улучшении питания зэков. Ведь многие из них были заняты на строительстве атомных объектов, а голодный рабочий много не наработает. Но все-таки, думаю, Берия руководствовался не только прагматическими соображениями. И он, и Маленков, и Молотов, и Хрущев, и Микоян, да и сам главный преступник Сталин без нужды людей старались не губить. Иосиф Виссарионович в апреле 1941 года даже пенял Никите Сергеевичу, что он зазря расстрелял несчастных буковинских крестьян, пытавшихся бежать из советского рая в Румынию: «Стрелять в людей конечно можно, но стрельба не главный метод нашей работы». Все члены Политбюро охотно проявляли заботу о людях, особенно тогда, когда им это ничего не стоило, и Берия не был исключением. А родных, близких и друзей, а также людей, необходимых для дела, Берия порой отстаивал с риском если не для жизни, то для карьеры.

В целом же советский атомный проект, как ни оценивай его с моральной точки зрения - с позиций Берии или Капицы, стал

выдающимся достижением разведки, научно-технической мысли и промышленного производства Да, добытые агентурой данные были поистине уникальными, позволившими сократить время создания атомной бомбы лет на 5-10. Но чтобы их использовать, нужен был научно-технический и промышленный потенциал, которым Советский Союз тогда уже обладал. Если считать с момента, когда началась него практическая реализация в промышленном масштабе, т. е. со времени создания Спецкомитета в августе 45-го, создание атомной бомбы заняли четыре года, т. е. почти столько же, сколько у американцев. В США «Манхэттенский проект» с момента перехода его в практическую стадию (условно рубежом здесь можно принять назначение руководителем проекта 17 сентября 1942 года военного администратора генерала Лесли Гровса) и до первых испытаний «Малыша» в июле 194н5 года прошло чуть меньше трех лет. Кстати сказать, Гровса и Берию в чем-то можно уподобить друг другу по выполняемым функциям. Но Лаврентий Павлович, будучи членом Политбюро и правительства, обладал гораздо большими полномочиями, чем американский генерал, полностью зависевший от политического руководства.

Отстать от американцев всего лишь на год в работе над созданием ядерного оружия и идти с ними уже полностью вровень в работе над термоядерным оружием - достижение, согласимся, во всех отношениях выдающееся. И в первую очередь ответственность за него несет Лаврентий Павлович Берия. А ведь условия, в которых создавались атомная и водородные бомбы в США и в СССР были явно не в пользу последнего. Америка мобилизовала для участия в Манхэттенском проекте не только своих физиков, но и ученых почти со всей Европы. Допустим, в какой-то мере это компенсировалось для советской стороны тем, что она получила по каналам разведки почти исчерпывающие данные об американских разработках. Но вот экономический потенциал двух стран различался на порядок. По моей оценке (СМИ публикуемую в приложении статью «Советская экономика: правда и миф»), в 1983 году, в самый канун перестройки, валовой национальный продукт (ВНП) США превосходил валовой национальный продукт СССР примерно в шесть раз, причем советские военные расходы составляли около половины ВНП. На протяжении всего времени существования Советской власти разрыв между экономиками двух сверхдержав только увеличивался. Можно предположить, что во второй половине 40-х годов советский ВНП был меньше американского в 4 или в 5 раз, но при этом реальные военные расходы были, возможно, даже больше 50 процентов от всего ВНП. И, в свою очередь, не менее половины военных расходов тогда направлялось на создание ядерного и ракетного оружия, т. е. в ведомство Берии. Лаврентий Павлович, таким образом, направлял развитие не менее четверти всей советской экономики, притом лучшей ее части, оснащенной самыми передовыми технологиями. При этом те, кто не был занят в реализации этих главных проектами, влачил полуголодное, нищенское существование, а во время послевоенных неурожаев 1946-1947 годов буквально умирал с голоду. Сталин тогда отказался закупать зерно в Америке, зато беспрекословно отпускалась валюта на все то, что было связано с созданием атомной бомбы и ракет. «Зато мы делаем ракеты»

Разумеется, в послевоенной Америке военные расходы составляли лишь несколько процентов от ВНП. А во время Второй мировой войны, когда и был осуществлен «Манхэттенский проект», на создание атомной бомбы ушла едва ли десятая часть всех американских военных расходов. Советская система показала миру свою способность мобилизовывать ради достижения военного паритета все людские и материальные ресурсы страны в ущерб уровню жизни основной массы населения. На такие жертвы ни США, ни другие западные страны никогда бы не пошли. Даже в воюющей Германии вплоть до 1943 года старались поддерживать по возможности предвоенный уровень жизни и не сокращали производство предметов потребления. В СССР всегда вместо масла предпочитали пушки, ракеты и атомные бомбы. В условиях отсутствия внутренней оппозиции и контроля партии и государства над всеми сферами жизни такое положение удалось поддерживать на протяжении многих десятилетий.

НОВЫЕ ИНТРИГИ, НОВЫЕ РЕПРЕССИИ

Сосредоточившись на атомном проекте, Берия временно был оттеснен от решения политических вопросов. Новым фаворитом Сталина стал Андрей Александрович Жданов, ставший его фактическим заместителем по партии и главным идеологом. Выдвижению Жданова способствовал брак его сына Юрия с дочерью Сталина Светланой. Сталин всерьез рассматривал его в качестве своего преемника, рассчитывая, что, связанный отношениями свойства, Андрей Александров никогда не сделает ничего дурного сталинским детям. Вместе со Ждановым на первый план выдвинулись члены «ленинградской команды».

Алексей Александрович Кузнецов, бывший 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, в марте 1946 года был произведён в секретари ЦК и назначен курировать МГБ и МВД. Он также сменил Маленкова в качестве начальника Управления отдела кадров Центрального Комитет-ар Близкий к ленинградской группе и, в частности, к Кузнецову, Михаил Иванович Родионов, бывший секретарь Горьковского обкома, в 1946 году возглавил Совет Министров РСФСР Николай Алексеевич Вознесенский, чья карьера в 1935 -1937 годах была связана с Ленинградом и который, благодаря протекции Жданова, в своё время с поста председателя ленинградского комитета по планированию прыгнул в заместители председатели, а потом и в председатели союзного Госплана, в 1947 году был переведён из кандидатов в члены Политбюро. При этом функции Госплана значительно расширились. Однако Сталин вскоре разочаровался в новых выдвиженцах. Жданов много пил, и в последние два года жизни был практически недееспособен. После его смерти, последовавшей в августе 1948 года на почве алкоголизма, Сталин расправился со «ждановцами» в руководстве.

Первым поводом для недовольства стареющего вождя послужила организованная в январе 1949 года в Ленинграде Всероссийская оптовая торговая ярмарка, на которых собирались распродать образовавшиеся излишки промышленных товаров. Она была организована по инициативе Родионова, Кузнецова и Вознесенского без санкции центральных партийных органов. Бюро Совмина разрешило

проведение лишь межобластных оптовых ярмарок, а Родионов и ленинградские руководители сделали ярмарку Всероссийской и лишь после начала её работы известили об этом Маленкова. Политбюро осудило проведение ярмарки. Сталин решил, что пора ликвидировать «ленинградскую группу». В феврале 1949 года последовал новый сигнал: в ЦК поступила анонимка о фальсификациях при выборах Ленинградского обкома партии. На ленинградской партконференции руководители обкома П.С. Попков, Г.Ф. Бадаев, Я.Ф.Капустин и П.Г. Лазутин получили по несколько голосов «против», но было объявлено, что они прошли единогласно. 15 февраля 1949 года. Политбюро приняло постановление об антипартийных действиях ленинградской парторганизации. Срочно прибывший в Ленинград Маленков снял всю местную партийную верхушку. На объединённом заседании бюро ленинградских горкома и обкома партии Георгий Максимилианович обвинил Попкова и его товарищей в антипартийной групповщине и противопоставлении Ленинградской парторганизации Центральному Комитету, а также в попытке создать Компартию России и тем самым расколоть КПСС. Одновременно попали в опалу и покровители ленинградского руководства. В январе 1949 года Кузнецов, а в марте Родионов и Вознесенский лишились своих постов. Арестовали их лишь спустя несколько месяцев: Капустина в июле, а Кузнецова, Родионова и Попкова 13 августа - в кабинете Маленкова. Вознесенский же оставался на свободе до 27 октябрям Его аресту предшествовало постановление Пленума ЦК от 12 сентября 1949 года об исключении Вознесенского из членов ЦК и необходимости привлечения его к судебной ответственности за утрату служебных документов в бытность его главой Госплана. Всего по «ленинградскому делу» было снято с работы более 1,5 тысяч представителей ленинградской номенклатуры, из которых несколько сом человек осудили, а несколько десятков - расстреляли.

Вознесенского и его товарищей расстреляли 1 октября 1950 года после короткого закрытого процесса. Обвинительное заключение, составленное на основании показаний, добытых людьми Абакумова, и отредактированное Сталиным, в частности, гласило: «Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Гурко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить её в опору для борьбы с партией и её ЦК. Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы. А также разбазаривали государственные средства (на организацию злосчастной Ленинградской ярмарки. - /Б. С../)». Насчёт Кузнецова Сталин собственноручно вписал в текст обвинительного заключения фразу о том, что он, «обманным путём пробравшись в ЦК ВКП(б) повсюду насаждал своих людей - от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». Родионов предлагал создать не только создать Компартию Российской Федерации, но и учредить собственный российский гимн и флаг - традиционный триколор, но с серпом и молотом. Этого хватило, чтобы приписать подсудимым «русский национализм», намерение перенести

столицу из Москвы в Ленинград и чуть ли не отделить Российскую Федерацию от СССР.

Действительная причина краха ленинградцев, как можно предположить, заключалось в их попытке выделить Российскую Федерацию в составе СССР в качестве такой же союзной республики, как Украина и Казахстан, Узбекистан и Белоруссия, передать российским органам, прежде всего партийным и правительственным, реальные властные полномочия. Все семь десятилетий своего существования СССР держался благодаря тому, что КПСС одновременно играла роль российской компартии, а компартии других союзных республик играли роль ее филиалов. Фактически Советское государство, федеративное по форме, благодаря единству компартии оставалось унитарным по содержанию. Секретари компартий союзных республик, которых могли в любой момент сместить по звонку из Москвы, не обладали подлинной самостоятельностью в принятии решений. А для Российской Федерации вообще все сколько-нибудь значимые решения принимались в союзном Политбюро, и Совет Министров РСФСР был всего лишь их исполнителем, тем более что ему была подведомственна лишь малая часть российской промышленности. Неслучайно крах СССР в 1991 году наступил в первую очередь из-за противостояния российских и союзных властей. Можно предположить, что Сталин предвидел катастрофические последствия для Союза стремления России к самостоятельности. Жданов и его люди невольно такое стремление своими действиями поощряли. Иосиф Виссарионович же очень надеялся, что его наследники как минимум сохранят все то, что ему удалось приобрести - и новые границы СССР, и огромную сферу влияния в Европе и Азии. Ленинградская команда, как он понял, для этой цели не годилась. Ее необходимо было убрать.

Сталин вряд ли подозревал, что Берия в отношении государственного устройства СССР вынашивает замыслы, хотя и противоположные тем, что были у ленинградцев, но в случае своего осуществления способные вызвать те же самые последствия - крах коммунистической системы и развал Союза. Лаврентий Павлович собирался предоставить больше самостоятельности не только РСФСР, но и другим национальным республикам, что могло поощрить их к сепаратизму. В 1991 году, напомню, катализатором распада, наряду с деятельностью российского руководства, послужило провозглашение

независимости республиками Прибалтики и Грузией и сильное движение за независимость на Украине.

Нет данных, что Берия сыграл какую-либо роль в развертывании «ленинградского дела». Непосредственно расправой с неугодными чиновниками из «северной столицы» занимался Маленков. Но падение ждановской команды было, безусловно, на руку Берии, тем более что его друг Маленков вновь оказался в фаворе у вождя.

В начале 1949 года Сталин отказался от услуг «ленинградской команды». Вновь наиболее близкими к нему членами Политбюро стали Маленков и Берия. В знак особого расположения Сталин наградил Лаврентия Павловича в 49-м сразу двумя орденами Ленина - в связи с 50-летием и за бомбу, за которую также удостоил Сталинской премии 1-й степени.

Маленков почти официально считался преемником вождя. Но вот беда, мастер аппаратных интриг, он не обладал ни волевыми

качествами, ни харизмой. Воля была у Берии, кадрового чекиста и крепкого хозяйственника, но, к несчастью, он был грузин, а Сталину хотелось, чтобы его наследник был русским и мог опереться на самый многочисленный народ империи - зря, что ли, с «космополитами» боролись. Поэтому с конца 1949 года у Сталина появился ещё один фаворит - Никита Сергеевич Хрущёв, назначенный в декабре секретарём ЦК и первым секретарём Московского комитета партии. Он был русским, умел бойко, хотя и не всегда грамотно говорить и завоёвывать любовь масс. Возможно, Сталин предполагал, что в первое время после его смерти сохранится коллективное руководство, члены которого будут вести себя примерно как пауки в банке. Что ж, пусть победит сильнейший. А примерный состав участников посмертного турнира Иосиф Виссарионович определил в октябре 1952 года, когда после XIX партсъезда назвал состав бюро Президиума ЦК в составе себя самого, а также Берии, Булганина, Маленкова и Хрущёва. Круг наследников Сталин определил довольно точно. После его смерти произошло лишь одно существенное изменение. Малоавторитетного и слишком близкого в то время к Хрущёву Булганина заменил Молотов, что, однако, не помешало Никите Сергеевичу обрести первенство и убрать из Президиума (Политбюро) всех остальных диадохов.

Сталин ценил Берию за роль в атомном и водородном проектах, но давал понять, что в любой момент может легко от него избавиться. В ноябре 1951 году был арестован ряд руководителей Грузии, ранее близких к Берии, которых обвинили в создании «мегрело-националистической группы»а Комиссию ЦК, приехавшую в Грузию снимать с должности министра юстиции Грузии Аксентия Рапаву, секретаря ЦК Барамию и других членов группы, возглавлял Берия. Сталин устроил ему ещё одну проверку: как-то Лаврентий будет сажать своих ставленников. Тогда же арестовали племянника Лаврентия Павловича Теймураза Шавдию, который в начале войны попал ев плен, записался в грузинский легион СС, а потом дезертировал оттуда и сражался в рядах французских партизан. Шавдие дали 25 лет за измену Родине, и дядя ничем не смог ему помочь. А арестованный по тому же делу бериевский помощник и «спичрайтер» академик Академии Наук Грузинской ССР П.А. Шария в конце 70-х вспоминал, что первым пунктом обвинения, инкриминировавшемуся ему лично, было то, что, «будучи свидетелем того, как Берия в разговоре по телефону с Маленковым критиковал Сталина, Шария не доложил об этом Политбюро». А по свидетельству Ф. Благовещенского, академик рассказывал ему, что в марте 53-го «Берия лично поехал на Лубянку освобождать мингрельцев; когда все собрались вместе, Берия, смеясь, напомнил Шарии, что посадил -то его тот, про кого Шария писал, что он величайший гений всех времен и народов». А в беседе со своим сокамерником по Владимирской тюрьме диссидентом Р.И. Пименовым Шария прямо утверждал, что «был арестован в 1952 (вместе с Барамия и др. "мингрельцами") по личному телефонному звонку Сталина, мимо Берии».

Но Берию Сталин трогать не стал. Более того, в феврале 1952 года Лаврентий Павлович укрепил своё положение, когда близкие к нему В.С. Рясной и С.А. Гоглидзе стали заместителями министра госбезопасности партаппаратчика С.Д. Игнатьева.

А вот как послевоенная борьба за власть в Политбюро виделась Василию Сталину во Владимирской тюрьме 19 января 1959 года, когда в связи с началом работы XXI съезда он писал Центральному Комитету партии: «С Маленковым, которому были поручены дела ВВС, мне пришлось сталкиваться часто: в 1941-1942-1943 и в 1945 г., когда ЦК отстранило его от шефства над ВВС и должности секретаря ЦК за обман ЦК (в действительности Маленков был снят с поста секретаря ЦК не в 45-м, а в 46-м году в связи с "авиационным делом", по которому осудили Новикова, Шахурина и др. 4 мая 1946 года Политбюро приняло постановление о выводе Георгия Максимилиановича из Секретариата ЦК, поскольку он "морально отвечает за те безобразия", что были вскрыты в работе авиапромышленности и Главного Командования ВВС - выпуск и приёмку недоброкачественных самолётов, и, "зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б)". - /Б. С./). Мне доподлинно известно, что в так называемом Ленинградском деле Маленков видел возможность своего возвращения на пост секретаря ЦК и с этой целью создал дело, извратил действительность. Прямо говоря, на костях ленинградцев при помощи (очень активной) со стороны Берия, -опять занял пост секретаря ЦК. Вообще, если проследить за ходом карьеры Маленкова и Берия, то легко заметить, как они друг друга тянули и выручали. Вот довольно характерный факт их взаимного сотрудничества на заре их обоюдной карьеры ещё до войны. Речь идёт о С.Ф. Реденсе, одном из старейших чекистов-дзержинцев. Я его хорошо знал, ибо он являлся мужем сестры моей матери А.С. Аллилуевой. Когда Берия назначили в НКВД, Реденс был для него помехой на должности Нач. упр. НКВД Москвы, ибо Реденс знал Берия по работе в Закавказье с отрицательной стороны и был вхож к т. Сталину в любое время. Берия решил убрать Реденса с дороги. Когда Берия заговорил с т. Сталиным о необходимости ареста Реденса (я случайно был при этом разговоре), т. Сталин резко возразил Берия, и казалось, что вопрос этот больше не поднимется. Но, как было ни странно для меня, - Берия был поддержан Маленковым, Маленков сказал, что знает Реденса по работе г. Москве и поддерживает мнение Берия об аресте. Сейчас я не помню, кем работал в то время Маленков, но, кажется, он имел отношение к кадрам партии (в 1938 г. Маленков был завотделом руководящих парторганов ЦК. - /Б. С./), ибо хорошо помню слова т. Сталина: "Разберитесь тщательно в кадрах с товарищами в ЦК, - я не верю, что Реденс - враг". Как провёл в ЦК этот разбор Маленков, я не знаю, но факт, что Реденса арестовали. После ареста Реденса по наушничеству Берия, вход в наш дом Анне Сергеевне был закрыт, но по её просьбе я просил т. Сталина принять её. Мне за это посредничество попало и было сказано: "Я не поверил Берия, что Реденс враг, но работники ЦК то же самое говорят. Принимать Анну Сергеевну я не буду, ибо ошибался в Реденсе. Больше не проси"...

Вот как Маленков и Берия обманывали т. Сталина и убирали с дороги честных людей. Вся система Берия и Маленкова была построена на принципе - не наш человек к т. Сталину не должен быть вхож. Создавалась некая изоляция, дабы любая информация к т. Сталину могла поступать только через них или контролироваться ими же.

Из-за молчания и нежелания портить взаимоотношения с Маленковым и Берия (многие члены Президиума ЦК того времени, конечно, могли разоблачить эту пару), чаще всего этот обман сходил с

рук. Кто же пытался возражать Берия и Маленкову, убирался, дискредитировался или арестовывался.

Вот другой факт взаимной выручки, в 1945 г. когда на фактах ВВС было доказано, что Маленков лжец, доверие к нему было поколеблено и он был освобождён от должности секретаря ЦК. Но из-за заступничества Берия - окончательное разоблачение Маленкова не удалось. Я ни в коей мере не сторонник умалять вину Шахурина и Новикова, этих холуёв Маленкова, но их арест выручил Маленкова. Этим арестом Маленков как бы отошёл на задний план и вывернулся, свалив всё на этих людей, отведя вину от себя. В 1953 году, реабилитируя Шахурина и Новикова, Маленков полностью предал это дело забвению - извратив суть дела и выставив всю эту группу (и самого себя) как невинно пострадавших. Это гнусная ложь! Маленков был наказан верно, но недостаточно.

Странно, что Серов, знавший это дело, на следствии взвалил на меня вину в желании дискредитировать честного Маленкова...?! Хороша честность! Эта хитрая комбинация (в 1945 г.) снятия основной вины с Маленкова - арестом с шумом и треском была тонко разыграна Берия и Меркуловым. Таким образом Берия и компания выручили Маленкова. Всё же Маленков вынужден был притихнуть. К тому же бороться с Ждановым ни Маленков, ни Берия не решались. Ибо Жданов пользовался абсолютным доверием и был безгранично уважаем. После смерти Жданова дело изменилось. Маленков опять начал набирать силу и, как я выше указывал, на костях ленинградцев опять стал секретарём ЦК. После партийной конференции Москвы, когда Попов (первый секретарь Московского обкома и горкома партии в 1945-1949 годах. - /Б. С./) вёл себя возмутительно (будучи делегатом конференции и членом МГК, я рассказывал т. Сталину о многих фокусах Попова), т. Сталин сделал серьёзное замечание Маленкову: "Как же так, в одном городе - рядом и не видите?!" Маленков обрушился на меня, но меня поддержал Поскрёбышев, и Маленков умолк.

Тогда же т. Сталин сказал: "Надо обязательно усилить ЦК твёрдым и честным человеком". Через непродолжительное время мы (москвичи) увидели секретарём. МК Н.С. Хрущёва, а ЦК получил твёрдого и честного секретаря ЦК. Из всего этого видно, что т. Сталин уже перестал безгранично верить Маленкову, но до полного разоблачения этого человека не дожил Маленков и Берия - одно целое. Поэтому, говоря о Маленкове, нельзя не упомянуть и о Берия (почти как у Маяковского: кто более матери-истории ценен? Мы говорим "Маленков", подразумеваем - "Берия", говорим "Берия", подразумеваем - "Маленков". - /Б. С./). Примерно в этот же период времени (подробности знает т. Игнатьев, бывший в то время министром госбезопасности) мною было передано письмо т. Сталину о неполадках (а вернее безобразиях) в Грузии. В этом письме был прозрачный намёк на роль Берия в этих неполадках (Василий действительно передал отцу в начале 1952 года письмо, поступившее из Грузии и сообщавшее о многочисленных фактах коррупции и хищений. Такое же письмо передала Иосифу Виссарионовичу и дочь Светлана. Эти письма дали новый импульс "Мингрельскому делу", косвенно направленное против Берии. 27 марта 1952 года ЦК принял постановление, где отмечал, что выполнение постановления от 9 ноября 1952 года. "О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия" идёт

неудовлетворительно. В результате первый секретарь компартии Грузии К.Н. Чарквиани лишился своего поста. - /Б. С./). В этом письме был прозрачный намёк на роль Берия в этих неполадках. Дело дошло до того, что т. Сталин решил сам поехать в Грузию и присмотреться - и поехал (причём Берия хотел ехать вместе с т. Сталиным, но ему было в этом категорически отказано), но на этот раз Маленков выручил Берия. Он прилетел в Боржоми и свёл всё не к тщательному разбору, а к снятию Чарквиани, чем и замял дело, которое повело бы к разоблачению Берия. Всё это факты, и их легко проверить. Вмешательства в Грузинские дела Берия мне простить не мог, а Маленков за дела ВВС и МГБ, Попова полностью был солидарен с Берия - отсюда и их месть мне. Ибо т. Сталин начал проверять как Берия, так и Маленкова. Смерть т. Сталина на время спасла Маленкова и Берия орт разоблачения, но разоблачение должно было наступить, и оно наступило. Таковы далеко не полные некоторые наблюдения за поведением Маленкова как коммуниста и государственного деятеля. Ложь, обман, карьеризм и опять ложь его конь.

Ещё раз подчеркну, что Маленков был единым целым с Берия. Берусь это доказать, где угодно. Ещё несколько слов о Берия. Т. Сталину я называл его (причём при самом Берия): подлецом, лжецом, лицемером и т. д. - т. е. доказывал, что он морально нечестный человек-карьерист. Для выражения политического недоверия у меня не было фактов - я этого не заявлял и не предполагал. Но в связи с разоблачением Берия как врага народа, мне кажется, надо в новом свете взглянуть на людей, бывших его друзьями, и на людей, которым он доверял..."

Василий творил легенду об отце - добром гении, который совершал ошибки и даже преступления исключительно под влиянием втёршихся к нему в доверие злодеев - Маленкова и Берии. Вот и своего деверя Реденса Иосиф Виссарионович сгубил будто бы только по наветам Берии. Однако в такое трудно поверить. Да и вряд ли столь деликатный вопрос, как предстоящий арест высокопоставленного чекиста, Сталин и Берия обсуждали в присутствии 17-летнего Василия, только что поступившего в Качинское училище. Не тот был человек Иосиф Виссарионович, чтобы по науськиванию Маленкова ли, Берии ли арестовать свояка. В действительности падение Реденса началось ещё в августе 38-го, и не столько из-за вражды с Берией (которую отмечает в мемуарах и Хрущёв), сколько из-за близости к Ежову. Ведь ещё на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Николай Иванович особо похвалил Реденса за помощь в борьбе с "безобразиями" в работе НКВД. Уже в январе 38-го, когда Сталин стал постепенно готовить прекращение "большого террора", Станислава Фёдоровича сместили с поста начальника Московского НКВД и направили в Алма-Ату наркомом внутренних дел Казахстана. Накануне 19 ноября, когда на Политбюро обсудили направленное против Ежова заявление начальника НКВД Ивановской области В.П. Журавлёва (в результате Николай Иванович вынужден был подать в отставку), Реденса вызвали в Москву и 20 ноября 1938 года арестовали. Но, возможно, письмо Василия всё-таки сыграло некоторую роль в решении Хрущёва реабилитировать Реденса как жертву "бериевщины". Соответствующее решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР состоялось 16 ноября 1961 года.

В то же время, пусть косвенно, но позиции Берии ослабляла и развернувшаяся в последние годы жизни Иосифа Сталина в СССР волна антисемитизма и борьба за "русский приоритет" во всех областях знаний. Вождь рассматривал русский народ как самый восприимчивый к идеям социализма. Проживи Сталин подольше, мы вполне могли бы жить так, как живёт сегодня Северная Корея, с голодухи не брезгающая и травой. У Берии же в аппарате МГБ и МВД оставалось немало соратников-евреев, вроде С.Р. Мильштейна или одного из организаторов убийства Троцкого Н.И. Эйтингона. Почти все они стали жертвами чистки органов "по пятому пункту". Самого же Берию молва обвиняла в еврейском происхождении ми покровительстве национальным меньшинствам. А министр госбезопасности Грузии Н.М. Рухадзе, сменивший преданного Берии А.Н. Рапаву, послал в Москву донос, что Берия скрывает свое еврейское происхождение. Правда, к счастью для Лаврентия Павловича, Сталин не поверил экой фантазии. И, в отличие от своего друга Маленкова, Лаврентий Павлович никакого отношения к борьбе с космополитами не имел.

Кульминацией антисемитской кампании стал процесс над членами Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК). 12 августа 1952 года в подвале Лубянки были расстреляны 13 членов ЕАК, в том числе бывший глава Совинформбюро Соломон Лозовский, поэты Исаак Фефер, Лейба Квитко, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, режиссер Вениамин Зускин, редакторы и переводчики Совинфорбюро и ЕАК Илья Ватенберг, Эмилия Теумин, Чайка Ватенберг-Островская, Леон Тальми, историк Иосиф Юзефович, главврач Боткинтской больницы Иосиф Шимиелович. К смертной казни их приговорили 18 июля за "объединение еврейских националистов на борьбу против национальной политики партии и Советского государства" и "шпионаж в пользу США". Заместитель министра Госконтроля Соломон Брегман не предстал перед судом из-за тяжелой болезни сердца. Он умер в тюремной больнице 23 января 1953 года. Суд над ними был закрытый и неправый, но нельзя сказать, что скорый, и длился два месяца и десять дней.

ЕАК был создан в феврале 1942 года, прежде всего для сбора средств в пользу СССР среди зарубежных еврейских общин и пропаганде за рубежом участия евреев в Великой Отечественной войне и советских военных усилий в целом. Первоначально Сталин рассчитывал использовать в своих целях видных деятелей Бундла Генрика Эрлиха и Виктора Альтера, оказавшихся на присоединенной к СССР части Польши и арестованных НКВД. С началом войны им были вынесены смертные приговоры за связь с польской разведкой и "буржуазно-националистическому подполью". Однако 27 августа 19е41 года расстрел заменили 10 годами тюрьмы. Берия предложил им сотрудничать с НКВД, Альтер и Эрлих согласились и были освобождены. Эрлиха предложили сделать председателем ЕАК, Михоэлса - его заместителем, а Альтера - ответственным секретарем. В октябре 41-го соответствующее предложение было направлено Сталину. Не дожидаясь ответа, бундовцы развернули бурную деятельность. Они вошли в контакт с дипломатическими представителями Англии и США, предложили создать в странах антигитлеровской коалиции дочерние антифашистские комитеты для местных евреев и даже сформировать в США Еврейский легион,

который затем следовало отправить на советско-германский фронт. Эрлих собирался выехать в Лондон, чтобы стать представителем Бунда при польском правительстве в изгнании, а Эрлих - в США для формирования легиона. Подобной самодеятельности ни Сталин, ни Берия терпеть не собирались. 4 декабря 1941 года оба бундовца были арестованы (их вызвали в Куйбышевское управление НКВД под предлогом, что им надо ознакомиться с ответом Сталина на их письмо). Альтера и Эрлиха обвинили... в шпионаже в пользу Германии. Во главе же ЕАК 15 декабря 1941 года поставили Соломона Михоэлса. 14 мая ф1942 года Эрлих повесился, а Альтера 17 февраля 1943 года расстреляли. Официально же было объявлено, что их расстреляли еще 23 декабря 1941 года.

Создание ЕАК никак не повлияло на усиление государственного антисемитизма. Уже 17 августа 1942 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров направил секретарю ЦК А.С. Щербакову записку, где выражалось беспокойство по поводу того, что "в управлениях Комитета по делам искусств во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры, руководящий состав целиком нерусский... Такая же картина и в Московской государственной консерватории... Все основные кафедры возглавляют евреи... Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Лэ Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своём репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов". Александров предлагал "разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров" и "провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства". Эти мероприятия были осуществлены в последующие месяцы и годы.

ЕАК курировал Вячеслав Молотов, чья жена Полина Жемчужина была хорошо знакома со многими членами Комитета и, по свидетельству посла Израиля в Москве Голды Меир, проявляла интерес к идеям сионизма. Молотов же после войны попал в опалу, и дело ЕАК стало одним из способов компрометации ставшего неугодным Сталину сановниках.

Самой серьезной акцией ЕАК стало предложение в 19з44 году создать Еврейскую автономную республику в северной, степной части Крыма. Предварительно Михоэлс и секретарь ЕАК Шахно Эпштейн обсудили эту идею с Молотовым. Предлагалось две возможные территории для еврейской автономии: Крым и бывшая республика немцев Поволжья. Но Поволжье Молотов отверг, посчитав политически некорректным, что евреи будут селиться вместо депортированных немцев. В результате этого разговора Михоэлс и члены ЕАК подготовили официальное письмо в партийные и правительственные инстанции с просьбой создать Еврейскую автономную республику в Крыму. Проект создания "еврейской Калифорнии в Крыму" курировало ведомство Берии. Расчет был на то, что под него удастся получить средства от богатых еврейских общин США, создать альтернативу Израилю для советских евреев, а заодно и создать условия для засылки

агентуры в Америку по "еврейской линии". Однако письмо не имело результата, поскольку противоречило как общему курсу на усиление государственного антисемитизма, так и намерению Сталина сменить старую команду Молотова, Маленкова, Берии и Микояна, управлявшую страной в годы войны, новой, ленинградской командой во главе со собственным сватом Андреем Ждановым, сделавшим борьбу с космополитизмом и "русский приоритет" в советской империи стержнем новой идеологической компании.

Уже 12 октября 1946 года министр госбезопасности Виктор Абакумов направил в ЦК записку. "О националистических проявлениях некоторых работников ЕАК". Подобная акция не могла быть предпринята без предварительной санкции Сталина. Начались аресты евреев, от которых выбивали показания об антисоветской и националистической деятельности ЕАК. В конце 1947 года родственница первой жены Сталина К.А. Аллилуева показала, что ее знакомый историк И.И. Гольдштейн настроен антисоветски. От Гольдштейна получили показание на его знакомого З.Г. Гринберга, который в свою очередь, был знаком с Михоэлсом. Тот был арестован в конце 1948 года и после интенсивного допроса показал, будто Михоэлс в 1946 году говорил ему о намерении использовать для создания Еврейской республики брак дочери Сталина Светланы с евреем Григорием Морозовым. Из Гринберга выбили также показания, будто Михоэлс проявляет повышенный интерес к личной жизни вождя, что было расценено как умысел на теракт. Сталин распорядился немедленно уничтожить Михоэлса. 13 января 1948 года великий режиссер и актер глава ЕАК Соломон Михоэлс был убит в Минске сотрудниками МГБ. Убийство было инсценировано как несчастный случай - наезд грузовика, но тотчас распространились слухи, что Михоэлса убило. Чтобы перевести стрелки, МГБ само запустило слух, что режиссера убили "польские фашисты" (эта версия звучала и на процессе 1952 года). Михоэлса, из-за его популярности в стране и мире, решили убить тайно, без суда.

26 марта 1948 года Абакумов представил в ЦК и Совмин записку, где утверждал, что руководители ЕАК ведут антисоветскую и шпионскую работу в пользу американской разведки.

20 ноября 1948 года Политбюро приняло постановление о роспуске ЕАК. Был также закрыт Еврейский театр, другие еврейские культурные учреждения и органы печати. В конце 1948 - начале 1949 года были арестованы почти все фигуранты процесса 1952 года, а также ряд других евреев из числа деятелей науки, культуры си номенклатурных руководителей среднего звена. Следователям быстро удалось получить требуемые показания от секретаря ЕАК Фефера, на которых и строилось все обвинение. Но дело затянулось на три с лишним года. Дело, вероятно, было в том, что наверху никак не могли выработать сценарий будущего процесса. К тому же в июле 1951 года был арестован Абакумов, в связи с чем сменилась команда следователей. Ряд подследственных так и не признал своей вины. Открытый же процесс имел смысл только в том случае, если бы удалось убедить в виновности членов ЕАК хотя бы часть мировой общественности. Обвинения же были просто смехотворны. Пересылавшиеся за границу пропагандистские материалы, в том числе и предназначенные для знаменитой "Черной книги" о геноциде против евреев, выдавались за

шпионские сведения, а частные разговоры о растущем проявлении антисемитизма в СССР пи о возможности формирования еврейской дивизии для участия в Великой Отечественной войне, а затем - для борьбы с арабами в Палестине, - за антисоветскую деятельность. Процесс сделали закрытым. Еще до начала суда, 3 апреля и1952 года, новый глава МГБ Сергей Игнатьев представил Сталину проект приговора. Всех подсудимых предлагалось расстрелять, кроме академика Лины Штерн, крупного физиолога. Ее планировалось сослать на 10 лет. Сталин приговор утвердил, снизив срок ссылки Штерн до 5 лет.

На суде не признали своей вины Лозовский, Шимиелович, Брегман и Маркишд Последний, впрочем, поддержал обвинения против других членов ЕАК в национализме и антисоветской деятельности, напомнив, что еще в 1944 году подал донос в парторганизацию Совинформбюро о националистической и контрреволюционной деятельности руководства ЕАК. Но это его не спасло, равно как и активно сотрудничавшего со следствием и судом Фефера. Он, как и Юзефович, заявил, что был секретным осведомителем органов госбезопасности, что, однако, не избавило несчастных от казни.

Задержка с приведением приговора в исполнение, возможно, объяснялась тем, что параллельно готовилось еще несколько процессов над евреями, в том числе по печально знаменитому "делу врачей". Одним из фигурантов должна была стать Полина Жемчужина, сосланная в феврале 1949 года. В конце 1952 года ее доставили в Москву. Вероятно, и Молотова собирались сделать одним из обвиняемых. Членов ЕАК могли оставить в живых как будущих свидетелей. Лозовский как-никак был заместителем Молотова. Но Сталин в конце концов решил несчастных расстрелять, полагая, что в будущих процессах обойдется без них. Процессы над еврейскими "буржуазными националистами" призваны были помочь утверждению русского имперского сознания, которое Сталин рассчитывал использовать для укрепления своей власти. Кроме того, евреи должны были стать козлами отпущения за все трудности послевоенной жизни. Лишь смерть вождя помешала постановке новых политических процессов.

После смерти Сталина Берия добился реабилитации кремлевских врачей и лишения наград офицеров МГБ, убивших Михоэлса. Он также предложил реабилитировать осужденных по делу ЕАК, но дело застопорилось из-за его ареста. Реабилитировали членов ЕАК только 22 ноября 1953 года. Военная Коллегия Верховного Суда постановила, что "некоторые из осужденных в период работы в ЕАК присваивали себе не свойственные им функции: вмешивались от имени Комитета в разрешение вопросов о трудоустройстве лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей, а также в своих отдельных литературных работах, письмах и разговорах иногда допускали суждения националистического характера. Воспользовавшись этим, Абакумов и его сообщники возвели эти действия... в государственные контрреволюционные преступления". Коллегия отменила приговор "за отсутствием состава преступления". Постановление не было опубликовано, дабы не дать пищу "сионистам", и сваливала всю вину на уже расстрелянного Абакумова, поскольку открытая критика Сталина

еще не началась. Лишь по возвращении в печать имен Михоэлса, Квитко, Фефера и других расстрелянных люди могли судить об их реабилитации.

"Борьба с космополитами" неожиданно принесла Берии определенные выгоды. Абакумов совершил роковую ошибку, запытав до смерти в камере-холодильнике одного из "врачей-вредителей", Якова Гиляровича Этингера, личного врача Берии, кстати сказать. Этингер скончался 2 марта 1951 года. 4 июля 1951 года Абакумов был снят с поста министра госбезопасности, а 12 июля арестован. Расследовавшая деятельность Абакумова комиссия в составе Маленкова, Берии, М.Ф. Шкирятова и С.Д. Игнатьева констатировали: "В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист... врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима (избиения резиновыми дубинками серьёзным средством давления, разумеется, не считали. - /Б. С./), признал, что при лечении т. Щербакова А.С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь. ЦК ВКП(б) считает это признание Этингера заслуживающим серьёзного внимания. Среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства (стареющий Сталин всё чаще задумывался о смерти и подозревал, что кто-то из докторов может искусственно укоротить его век. - /Б. С./). Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнёва аи врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького (Вячеслав Менжинский и Максим Пешков в перечне выпали из-за малозначительности этих фигур с точки зрения начала 50-х. - /Б. С./)... Однако министр государственной безопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности... признал показания Этингера надуманными и прекратил дальнейшее следствие по этому делу... Таким образом, погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства..."

Таким образом, Лаврентий Павлович избавился от опасного конкурента в борьбе за контроль над органами госбезопасности. Новый шеф МГБ Игнатьев был человеком Маленкова и враждебности к Берии пока не проявлял. Это позволило последнему укрепить центральный аппарат МГБ своими людьми, хотя этого было явно недостаточно для установления контроля над ним. Но по крайней мере Берия мог надеяться, что новый министр не будет копать против него, Берии, как это делал Абакумов, рискнувший даже арестовать некоторых из любовниц "лубянского маршала".

СМЕРТЬ СТАЛИНА И БЕРИЕВСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

5 марта 1953 года после трехдневной агонии от последствий инсульта скончался Иосиф Виссарионович Сталин. Версия, будто он был отравлен в результате заговора Маленкова, Берии и Хрущева, отстаиваемая многими публицистами, в том числе Авторханом

Авторхановым в книге "Загадка смерти Сталина", хороша для приключенческого романа, однако противоречит многим твердо установленным обстоятельствам последних дней вождя. В частности, не существует яда, который провоцирует инсульт, да ещё такой, после которого больной живёт ещё в течение нескольких дней. А то, что у Иосифа Виссарионовича был именно инсульт, доказывается сохранившимся журналом болезни и позднейшими воспоминаниями врачей, находившихся у постели больного. Слишком много лиц пришлось бы посвятить в тайну покушения, чтобы замести следы насильственной смерти. Не менее важно и то, что ни один из предполагаемых заговорщиков: ни Берия, ни Маленков, ни Хрущёв не контролировали кремлёвскую охрану, что было абсолютно необходимым условием для успеха попытки отравить Сталина. Версии же, будто Иосифа Виссарионовича пытались довести до инсульта, провоцируя попариться в баньке или подливая сухого вина, слишком уж дилетантски. В такого рода делах никогда не действуют на авось: то ли помрёт, то ли нет.

Думаю, что сама версия об отравлении Сталина родилась под впечатлением "дела врачей". Сталинским соратникам приписывается воплощение в реальность того, в чем они обвинили арестованных кремлевских медиков.

После смерти Сталина к власти на короткое время пришло коллективное руководство в составе формального преемника Сталина - Г.М. Маленкова, ставшего председателем Совета Министров; Н.С. Хрущёва, возглавившего работу секретариата ЦК, и двух первых заместителей председателя правительства - В.М. Молотова, занявшего также пост министра иностранных дел, и Л.П. Берии, возглавившего МВД, поглотившее МГБ.

Хрущев в своих мемуарах утверждает, что Берия в ходе дележа портфелей у гроба Сталина добивался поста главы объединенного МВД. Серго Берия оспаривает рассказ Хрущева: "В марте 1953 года мой отец... возглавил МВД СССР... Никакого желания идти на эту должность у отца не было. К сожалению, в своих нашумевших мемуарах Никита Сергеевич Хрущев не написал, как в течение нескольких дней просидел у нас на даче, уговаривая отца после смерти Сталина: "Ты должен согласиться и принять МВД. Надо наводить там порядок!" Отец отказывался, мотивируя это тем, что чрезмерно загружен оборонными вопросами. Но Политбюро все же сумело настоять на своем. Аргументы оппонентов отца были не менее вескими: он в свое время немало сделал для восстановления законности в правоохранительных органах, а сейчас ситуация такая же и требует вмешательства компетентного человека. Отец был вынужден согласиться.

Думаю, это все делалось с дальним прицелом - списать в будущем все грехи на нового главу карательного ведомства. Надо ведь было как-то объяснять народу и довоенные репрессии, и последующие преступления Системы. А отец, как признавался впоследствии сам Хрущев, действительно оказался удобной фигурой".

К сожалению, нет никаких документов, позволяющих прояснить вопрос, действительно ли Берия сам стремился встать во главе нового объединенного МВД или согласился на это назначение только под давлением других членов руководящей четверки. Свои резоны есть и у той, и у другой версии. С одной стороны, Берия действительно мог

стремиться поставить под свой контроль столь мощный инструмент, каким являлось карательное ведомство. Пост руководителя МВД вроде бы давал ему серьезные козыри в борьбе за перераспределение власти в рамках "четверки". С другой стороны, существовали веские доводы и за то, чтобы не стремиться занять это кресло, памятуя, что почти все предшественники во главе НКВД-МГБ либо умерли не своей смертью (Ягода, Ежов), либо к тому времени сидели в тюрьме в ожидании почти неизбежной казни (Абакумов). Да и непосредственного предшественника Берии, бывшего главу МГБ Семена Денисовича Игнатьева, от репрессий спасла только развернувшаяся борьба за власть. Лаврентий Павлович был настроен если не расстрелять, то посадить Семена Денисовича за фальсификацию "дела врачей" и дела ЕАК, но не успел. К тому же само по себе МВД, как и прежде НКВД, никаких серьезных акций никогда не предпринимало. Для таких акций всегда требовалась предварительная санкция высшего политического руководства, а точнее - Сталина. Да и "смену караула" в карательном ведомстве Иосиф Виссарионович за свою жизнь проводил целых четыре раза, и никаких серьезных проблем при этом для устойчивости его власти не возникало. Правда, оказавшись во главе МВД, Берия мог надеяться, что против него самого это ведомство действовать не будет. Однако опыт прошлого говорил, что потерявших доверие Сталина руководителей НКВД-МГБ либо сначала перемещали на другой, менее значительный пост, а потом арестовывали (Ягода, Ежов), либо даже сразу снимали и арестовывали (Абакумов). Дело в том, что у руководителей НКВД на самом деле никакого реального выбора не было. Отказаться подчиниться решению Политбюро о снятии с поста для них было равносильно объявлению мятежа. Но сил для государственного переворота у НКВД-МГБ, при всем могуществе этого ведомства, не было. Красная Армия справилась бы с войсками НКВД, а кремлевская охрана (в 1953 году входившая в состав Главного управления охраны), лишь номинально подчинялась главе карательного ведомства, а фактически контролировалась лично Сталиным. Однако и тут следует сделать важную оговорку. Такое положение с карательными органами сохранялось при Сталине, в условиях жестко отлаженной вертикали единоличной власти. После его смерти, в условиях коллективного руководства, не было одного общепризнанного вождя. Между членами "четверки" шла подковерная борьба за власть. Тут такое сильное ведомство, как МВД, могло на некоторое время получить самостоятельное значение, так как эффективного контроля сверху за его главой - членом верховной "четверки" все-таки не было.

Конечно, становясь во главе МВД, Берия тем самым понижал роль Спецкомитета, который для него отходил на второй план. Но объективно роль этого оборонного монстра и так подходила к концу. Атомная бомба и первые боевые ракеты уже были созданы, а работы по созданию водородной бомбы в 1953 году вышли на финишную прямую. Теперь уже концентрация усилий по созданию новейших видов вооружений уже не требовала существования специального ведомства-гиганта.

Но для Берии существовали и серьезные аргументы за то, чтобы не соглашаться на высокий пост главы объединенного МВД. За те семь с лишним лет, когда Лаврентий Павлович не руководил "дорогими органами", его выдвиженцев там практически не осталось. Ему

предстояло чистить ведомство от людей Абакумова и Игнатьева, особенно на местах, а это требовало значительного времени - несколько месяцев, а то и лет. Так что эффективным средством борьбы за власть для Берии МВД могло стать далеко не сразу. Кроме того, чтобы произвести там "смену караула", ему пришлось забрать в МВД своих людей из аппарата Спецкомитета, что, в свою очередь, существенно ослабило эту структуру, в тот момент - вполне эффективную и дееспособную. Берия, если верно утверждение его сына, вполне мог полагаться на Спецкомитет как средство своего влияния в правящей "четверке". Особенно если бы во главе МВД удалось бы поставить одного из своих людей - Гоглидзе или Рясного.

Лаврентий Павлович ратовал за повышение роли хозяйственных органов и соответственное ослабление роли партийных органов в решении экономических, социальных и текущих политических вопросов, предлагая на откуп последним общую стратегию и идеологию. Если бы его задумка удалась, Спецкомитет обрел бы значительную независимость от партийных инстанций. В перспективе можно было подчинить ему все оборонные отрасли, а это - фактически половина экономики страны. В этом случае отпала бы щи привязка деятельности Спецкомитета к конкретным проектам разработки ядерного, термоядерного и ракетного оружия. Тогда без договоренности с Берией премьер Маленков не смог бы принять ни одного серьезного решения. Хрущев же, курировавший партаппарат, вообще рисковал превратиться во многом в номинальную фигуру.

Не исключено, что верно предположение Серго Лаврентьевича о том, что Маленков и Хрущев изначально готовили для Берии политическую ловушку, предлагая ему возглавить МВД. Предпринятая Лаврентием Павловичем чистка, как можно быстро легко спрогнозировать заранее, не могла вызвать восторга у подавляющего большинства высокопоставленных сотрудников органов. Памятуя о прежних чистках, они опасались не только за свои должности, но и за жизни. Кроме того, в период правления Игнатьева, фигуры бесцветной и несамостоятельной, в аппарат МГБ, как в центре так и на местах, было направлено немало кадровых партийных работников Местные партийные вожди, секретари обкомов и республик, видели в этих выдвиженцах свою опору и были недовольны, когда с подачи Берии их стали увольнять из органов. Все это создавало как целый ряд конфликтов в самом МВД, так и дополнительный конфликт Берии с партаппаратом. А партийные вожди на местах и без того были недовольны Лаврентием Павловичем, грозившимся ограничить их всевластие в областях-вотчинах. Так что в тот момент, когда Берия в основном сменил верхушку МВД, но еще не дошел до низовых звеньев, наступило самое подходящее время, чтобы обвинить его в стремлении насадить повсюду в МВД своих людей. А это, в свою очередь, в дальнейшем можно было представить как часть заговора с целью захвата власти.

И товарищи по "четверке", быть может, с тайным умыслом легко принимали самые либеральные предложения Лаврентия Павловича: по усилению роли советских органов; по изменению национальной политики в Литве и Западной Украине; по приданию большей самостоятельности союзным республикам и повышении роли национальных языков и культур, равно как и национальных кадров;

наконец, по объединению Германии и превращению ее в нейтральное буржуазное государство. Потом, после падения Берии, от них с легкостью отказались, представив как злостные происки Лаврентия Павловича по реставрации "буржуазных порядков". Это помогло убедить широкую номенклатурную общественность в перерождении Берии.

Передавая МВД в руки Берии, Хрущев и Маленков, в сущности, практически ничем не рисковали. Оба первых заместителя Лаврентия Павловича, Серов и Круглов, были соответственно креатурами Никиты Сергеевича и Георгия Максимилиановича. В случае если бы вдруг Берия стал осуществлять какие-то подозрительные действия, его заместители тут же информировали бы об этом своих патронов.

Повторю, если такой план изначально был у Хрущева и Маленкова, то их надо признать замечательными мастерами политической интриги. Другие, впрочем, до конца правления Сталина в Политбюро дожить просто не могли. Но это только версия, подтверждение или опровержение которой - дело будущего.

А мог ли Берия уцелеть тогда, в 53-м? Чисто теоретически, наверное, мог. Самое любопытное, что Лаврентий Павлович имел все шансы сохранить не только жизнь, но и определённую долю власти. Для этого после смерти Сталина ему надо было не только не брать на себя руководство МВД, но вообще отказаться от вхождения в пресловутую "четверку". Следовало также уступить кому-нибудь Спецкомитет, а самому попроситься на менее значительный пост, хоть председателя Госплана, хоть министра нефтяной промышленности или среднего машиностроения, мотивируя это, скажем, здоровьем, подорванным за войну и годы работы над атомным проектом (можно было бы даже лучевую болезнь у себя постараться изобрести). В этом случае Маленков и Хрущев, Молотов и Булганин, Микоян и Каганович, возможно, поверили бы, что Берия не опасен, оставили бы его в живых, через несколько лет тихо вывели бы из Президиума ЦК, а в году в 1960-м, или, в крайнем случае, в 70-м, торжественно проводили бы на персональную пенсию, как Микояна, на котором крови было нисколько не меньше, чем на Берии. Ведь НКВД Лаврентий Павлович возглавлял в период "оттепели", к фабрикации политических процессов отношения не имел. Людей же он загубил вряд ли больше, чем тот же Микоян или Хрущёв. Ведь на совести Никиты Сергеевича только в Москве было 55 тысяч смертных приговоров, и примерно столько же - на Украине. Так что сама по себе прежняя должность в НКВД не предопределяла гибель Лаврентия Павловича. Его погубил зуд реформаторства

Может быть, тогда Лаврентий Павлович и мемуары бы написал. Козлом же отпущения за преступления Сталина и органов сделали бы тогда одного Абакумова, да расстрелянных еще в 30-е Ягоду с Ежовым. Но этот вариант - чисто умозрительный, не имевший никаких шансов воплотиться в действительность. Не такой человек был Лаврентий Павлович, чтобы добровольно отказаться хотя бы от части той власти, которой обладал. Тем более что тогда, в марте 1953-го, он вряд ли сознавал, что от Хрущева, а тем более от дорогого друга Георгия Маленкова ему может исходить смертельная угроза и чем могут закончиться события всего через каких-нибудь три с небольшим месяца. Так что на самом деле после смерти Сталина Берия был обречен. Соперники не простили ему успешность хорошего

администратора, способного воплотить в жизнь в самые короткие сроки проекты, казавшиеся невыполнимыми. Вспомним, что пока атомный проект курировал Молотов, прогресса там почти не было, и лишь с приходом Берии дело создания нового сверхоружия по-настоящему сдвинулось с мертвой точки.

Точка зрения о том, что после смерти Сталина, Берия получил очень выгодные позиции для борьбы за единоличную власть, придерживался и писатель Константин Симонов, в 1953 году - кандидат в члены ЦК КПСС. Вот каким ему запомнился Берия на трибуне Мавзолея в день похорон Сталина: "У микрофона Маленков в ушанке, а справа от него между Хрущевым в папахе пирожком и Чжоу Эньлаем в мохнатой китайской меховой шапке. Берия, грузно распирающий широкими плечами стоящих с ним рядом, в пальто, закутанный в какой-то шарф, закрывающий подбородок, в шляпе, надвинутой по самое пенсне, шляпа широкополая, вид мрачно-целеустремленный, не похож ни на кого другого из стоящих на Мавзолее. Больше всего похож на главаря какой-нибудь тайной мафии из не существовавших тогда, появившихся намного позже кинокартин (милейший Константин Михайлович, рисуя Лаврентия Павловича в образе этакого "крестного отца", намеренно не учитывает простейшее объяснение: южанину Берии было очень холодно несколько часов стоять на мартовском морозе, вот он и кутался в шарф и надвигал шляпу по самый нос. - /Б. С./)... Как показало дальнейшее, он надеялся прийти к власти самым кратчайшим путем. Эти надежды были связаны и с его долголетним особым положением при жизни Сталина, и с заранее приготовленным им для этого, лично преданными ему кадрами людей, от него зависящих, так или иначе всецело находившимися в его руках, и с его собственной натурой решительного и дерзкого авантюриста, сумевшего на какое-то время повернуть в свою пользу возникшую ситуацию коллективного руководства. При общей решимости коллективно заменить Сталина, выработать решения компромиссные, для всех приемлемые, по возможности избегая всяких внутренних столкновений, - такой человек, как Берия, наверное, ухватился за выгодное ему в этой ситуации звено. Чем инициативнее он вел себя, чем больше выдвигал предложений, чем больше спекулировал на общем нежелании возникновения внутренних конфликтов, тем успешнее он добивался того, что укрепляло его позиции и расширяло его возможности захвата власти, к которому он готовился...

Берия ухватывается за Маленкова (на последнем партсъезде делавшего доклад от имени ЦК и потому рассматривавшегося как законного преемника Сталина. - /Б. С./), очевидно, вместе с ним набрасывает первоначальный проект будущих перемен и на пленуме публично выдвигает его на пост Председателя Совета Министров...

Была и другая альтернатива: среди старших членов Политбюро (тогда - Президиума. - /Б. С./) был Молотов, за спиной у которого стояло десять лет работы в качестве Председателя Совета Министров и который, в случае разделения постов, если бы Маленков пошел в ЦК на... пост Генерального секретаря, заместив на этом посту Сталина, Молотов мог бы заместить Сталина на посту Председателя Совета Министров. Молотов был популярен, в широких массах такое назначение, очевидно, встретило бы положительное отношение. Но Берии помог сам Сталин в последнем выступлении (на пленуме ЦК,

состоявшемся после XIX съезда партии. - /Б. С./) по каким-то своим причинам - может быть, ми не совсем по своим, а по ставшим его чужим инсинуациям, - обрушившийся на Молотова с такой силой, что назначение Молотова юна один из двух постов, занимавшихся Сталиным, людьми, слышавшими выступление Сталина, было бы воспринято как нечто прямо противоположное его воле. Почему же Берия был заинтересован, чтобы Маленков стал наследником Сталина именно на посту Председателя Совета Министров, а пост Сталина в Секретариате ЦК занял бы человек, с точки зрения Берии, второстепенного масштаба - Хрущев, в личности и характере которого Берия так и не разобрался до самого дня своего падения? А очень просто. Идея Берии сводилась к тому, чтобы главную роль в руководстве страной играл Председатель Совета Министров и его заместители, они же почти целиком составляли и предложенный... им и Маленковым состав Президиума. Таким образом, в руках членов Президиума, составлявших одновременно руководство Совета Министров, сосредотачивалась вся власть в странен Берия, первый назвавший Маленкова будущим Председателем Совета Министров, был сейчас же вслед за этим назван Маленковым как первый из четырех первых заместителей. Порядок, в котором в таких случаях назывались люди, традиционно имел значение и порядка преемственности, т. е. в случае отсутствия или болезни Маленкова этот порядок предполагал, что исполнять обязанности Председателя Совета Министров будет первый из названных его заместителей - Берия...

Какое-то время перед смертью Сталина Берия не находился на посту министра государственной безопасности, хотя и продолжал практически в той или иной мере курировать министерства государственной безопасности и внутренних дел. Последние месяцы на пост министра государственной безопасности был назначен Сталиным старый партийный работник Игнатьев...

Берия, как первый из двух первых заместителей Маленкова, одновременно становился главой... нового Министерства внутренних дел, вобравшего в себя и Министерство государственной безопасности...

Итак, Берия создал заранее позицию, наиболее удобную для захвата власти и последующих действий, масштабы и характер которых, учитывая личность Берии, очевидно, носили бы достаточно мрачный и глобальный характер.

После того как власть была сосредоточена в руководстве Совета Министров, а Секретариату ЦК отводились второстепенные функции, Берия старается добиться перенесения центра тяжести власти и на местах, в республиках, из ЦК в Советы Министров, и в нескольких случаях, в частности в Баку, добивается этого. Засим, в качестве министра внутренних дел, он выдвигает идею амнистии. В свое время, в конце тридцать восьмого года, Сталин назначил его вместо Ежова, и начало деятельности Берии в Москве было связано тс многочисленными реабилитациями, прекращением дел и возвращением из лагерей и тюрем десятков, если не сотен тысяч людей, - именно такую роль определил ему тогда Сталин, и он ее по всем правилам игры сыграл в предвоенное время. Берия помнил об этом и рассчитывал, что об этом помнят и другие, - во всяком случае, намеревался оживить это в памяти людей. Он надеялся, что ему, министру внутренних дел, его

усилиям будет приписан указ Президиума Верховного Совета об амнистии, по которому не только освобождались из заключения, осужденные на срок до пяти лет; также освобождались осужденные за хозяйственные, должностные и за ряд категорий воинских преступлений. Это мероприятие, само по себе гуманное, проводилось необыкновенно поспешно, - возникает впечатление, что впоследствии, при определенных обстоятельствах и при определенной пропагандистской работе в этом направлении, часть освобожденных и ненаказанных могли образовать питательную среду для поддержки его, Берии".

Симонов также считал, публикация в газетах указа о реабилитации арестованных по "делу врачей" и сообщения МВД по этому поводу было составной частью бериевского заговора: "Итак, бывшее Министерство государственной безопасности оказалось повинным во всех этих грехах, а нынешнее Министерство внутренних дел разоблачило темные методы бывшего министерства. Еще через два дня в передовой "Правды" разъясняется, что произошло это прежде всего потому, что бывший министр государственной безопасности С.Д. Игнатьев проявил политическую слепоту и ротозейство и оказался на поводу у преступных авантюристов. Берия же, как глава нового Министерства внутренних дел, разоблачил все эти беззакония".

Но тут Симонов сгущает краски, точно следуя постановлению июльского 1953 года пленума ЦК, разоблачившему "заговор Берии". В действительности Лаврентий Павлович был отлучен от руководства органов госбезопасности перед смертью Сталина не на "какое-то время", а на целых семь с лишних лет. Конечно, в это время, как один из ведущих членов Политбюро, Берия в какой-то мере курировал МГБ и МВД, но делал это не единолично, а вместе с тем же Маленковым и, до падения "ленинградской команды", с Кузнецовым. Новое МВД еще надо было долго очищать от людей Абакумова и Игнатьева, прежде чем оно стало бы послушным орудием в руках Берии. Точно так же - и ос попытками поставить своих людей у власти в регионах. Для решения столь масштабной задачи Берия просто не располагал необходимыми кадрами. Только в Закавказье, где он долгое время возглавлял парторганизацию, Берия имел достаточно людей. Поэтому он успел провести смену кадров в Азербайджане и, несомненно, готовил такую же акцию в Грузии после внеочередного XV съезда местных коммунистов Однако в подавляющем большинстве республик и областей преданных себе кадров Лаврентий Павлович просто не имел и должен был целиком полагаться на Маленкова, долгие годы курировавшего партийные кадры.

Что же касается амнистии, то в народе ее сразу же прозвали не бериевской, а ворошиловской, поскольку объявлена она была от лица Президиума Верховного Совета СССР и его председателя Ворошилова. Тут была принципиальная разница с ситуацией конца 30-х годов, когда, ликвидируя ежовские "перегибы", подследственных и выпускаемых на свободу осужденных, чьи дела были признаны фальсифицированными, освобождало непосредственно МВД, без каких-либо публичных указов об амнистии. Тогда действительно освобожденные и их родственники могли связывать свое вызволение из застенков с именем Берии. Но совсем иная ситуация была с амнистией 1953 года. Рядовые граждане совершенно не знали механизма принятия решений в Президиуме ЦК,

и никак не были осведомлены о том, что амнистия была объявлена по предложению министра внутренних дел товарища Берии. Это уже потом, когда Берия был арестован и его противники стали критиковать его за негативные последствия амнистии, выразившиеся во всплеске преступности, в народ было запущено название "бериевская амнистия" и на Лаврентия Павловича списали все грехи "холодного лета 1953 года".

О том, что амнистия заключенным была объявлена по инициативе Берии, могли знать или догадываться только номенклатурные работники среднего и высшего звена. Но им-то как раз эта амнистия была совсем не в радость, поскольку, за редким исключением, никто из родных и близких партийных и советских чиновников под амнистию не попал (с находящимися в заключении родственниками очень трудно было удержаться на номенклатурной должности). Наоборот, масса бывших "зэков", в одночасье обретшая свободу, создавала множество проблем для местных властей. Их надо было трудоустраивать, куда-то селить, да и милиции хлопот прибавилось. Так что начальники разных уровней наверняка недобрым словом поминали Лаврентия Павловича за мартовскую амнистию.

Равным образом и реабилитация "врачей-вредителей" могла способствовать популярности Берии лишь в очень узких кругах интеллигенции, в первую очередь еврейской. Учитывая же масштабную антисемитскую кампанию под флагом борьбы с "космополитизмом", развернутую в конце 40-х - начале 50-х годов, и антисемитизм, свойственный значительной части аппаратчиков среднего звена, освобождение "убийц в белых халатах" могло быть воспринято значительной частью общественности далеко не однозначно.

Что же касается общей популярности Берии в стране, то на этот счет Симонов приводит один очень характерный факт. Дело происходило в ночь после ареста Лаврентия Павловича Симонов тогда редактировал "Литературную газету". В одиннадцать часов вечера ему позвонил заместитель начальника управления агитации ли пропаганды ЦК Василий Петрович Московский и приказал остановить печатанье газеты до разговора с ним. Перепуганный Симонов подумал, что его собираются снять с редакторов, как это уже однажды было. Но дело оказалось совсем в другом. Вот как все происходило в изложении Симонова:

"- Слушай меня внимательно, - сказал Московский и перешел на официальный тон. - Мне поручено ЦК сообщить тебе как редактору "Литературной газеты" для твоего личного, только личного сведения, что товарищ Берия сегодня выведен из состава Президиума ЦК, выведен из состава ЦК, исключен из партии, освобожден от должности заместителя Председателя Совета Министров и министра внутренних дел и за свою преступную деятельность арестован, - официальным голосом, но одним духом выпалил мне все это Московский, даже не заметив, что по въевшейся привычке в начале этого сообщения забыл убрать перед фамилией Берия механически произнесенное слово "товарищ".

- Ясно, - сказал я. - А что случилось-то? Что произошло?

- Все, что случилось, узнаешь... на пленуме ЦК, а пока с учетом того, что ее тебе сообщил, лично перечитай все полосы, чтобы там ничего не было о Берии.

- Там ничего нет о Берии, откуда он там, - сказал я, вспоминая весе четыре полосы сегодняшней газеты. - Специальных материалов у нас не идет никаких, а так откуда же он?

- Не знаю, откуда, - сказал Московский. - Я тебя официально предупредил, больше у меня времени нет, надо ехать дальше, а ты перечитай все полосы лично. И никому ничего не сообщай. Ясно?

- Ясно.

Так никому ничего не сообщив, я как дурак стоял еще два часа за своей конторкой, перечитывая все четыре полосы, на которых фамилия Берии могла оказаться разве что в какой-нибудь заметке о сельском хозяйстве, где фигурировал бы колхоз или совхоз его имени. Но и такого тоже не обнаружилось, и я к середине ночки подписал все полосы".

Подозреваю, что в ту ночь если и пришлось в какой газете убирать имя Берии ас полос, так это в "Сельской жизни", где могла фигурировать парочка колхозов, названных в его честь. Ведь в газетах того времени не могло быть рубрики: "Вести с Семипалатинского полигона" или "Вести из Арзамаса-16". Сугубая секретность того, чем занимался Лаврентий Павлович, исключала его широкую популярность в народных массах. Многие ли знали тогда имена "секретных академиков" Харитона и Курчатова, Бочвара или Зельдовича?

Прав Серго Берия, когда пишет: "Не могла дойти до "низов" информация о секретном ведомстве Лаврентия Берии. Отец не "мелькал", как другие, с речами в газетах, не появлялся, за редким исключением, на митингах, партийных активах и прочих массовых мероприятиях. И не в одной "секретности" дело. Вся эта мишура его раздражала. Вся его жизнь была заполнена конкретным и очень ответственным делом. Так было и до войны, и в войну, и после войны. У него просто не было времени на массовые мероприятия, которые обожала партийная верхушка... Отец ценил каждый час". К тому же редкие свободные часы Лаврентий Павлович предпочитал проводить не на торжественных вечерах, а в обществе прекрасных дам. Наверное и любовью занимался, как нынешний президент Франции Жак Ширак - по формуле "пять минут, включая душ".

Поэтому Берия никак не мог полагаться на народную поддержку в осуществлении тех или иных реформ. Народ его попросту не знал. А то, что он рассылал собственные записки вместе с постановлениями Президиума ЦК в парторганизации на места, само по себе не могло способствовать росту популярности Берии среди партноменклатуры. Скорее наоборот Предлагавшиеся Лаврентием Павловичем реформы были для партийных работников клак нож острый, поскольку ограничивали их власть, и только укрепляли ненависть к "лубянскому маршалу".

Похоже, за годы руководства Спецкомитетом Берия несколько оторвался нот реальной жизни, привыкнув, что и министры, и секретари обкомов беспрекословно выполняют его распоряжения, позабыл, что это было так только потому, что за его спиной стоял Сталин, и рядом с ним, как один из членов Спецкомитета, - Маленков, курировавший партийные кадры. Может быть, думал, что после смерти Сталина его будут уважать хотя бы за то, что сделал атомную бомбу, и перестанут бояться, как главу карательяных органов. Но если не широкие массы народа, то часть номенклатуры и интеллигенции

продолжали бояться Берии. Они-то знали, что помимо "бериевской оттепели", когда выпускали тех, кого не успели сгубить при Ежове, были и репрессии 1939-1941 годов, и не только против соратников Ежова, юно и против военных и деятелей культуры, были массовые депортации в войну, к которым Берия был непосредственно причастен. Те, кто был ближе к верхам, знали, что в случае чего рука у Лаврентия Павловича не дрогнет, хотя и без нужды и по своей инициативе, без санкции Сталина, он никого в расход не выводил.

Симонов в своих воспоминаниях, записанных через 26 лет после ареста Берии, безусловно, демонизирует его личность, следуя в рамках постановления июльского Пленума, выдумавшего "заговор Берии". Но когда он описывает свои переживания после известия о падении Берии, то, наверное, отражает и реальный страх того времени: "Главным было чувство облегчения, что уже не произойдет чего-то, что могло бы произойти, оставайся все по-прежнему. То, что Берия был близок к Сталину, то, что так или иначе, во все времена пребывания в Москве, занимаясь отнюдь не только Министерством внутренних дел или Министерством государственной безопасности, или промышленными, строительными министерствами, входя в Государственный комитет обороны во время войны, он всегда при этом имел некую дополнительную власть как человек, или руководящий, или наблюдающий за органами разведки и контрразведки, - все это было известно. И очевидно, часть авторитета, созданного им себе при своевременном срочном выполнении тех или иных государственных заданий в области промышленности (Симонов, присутствовавший на июльском Пленуме, где разоблачали Берию, прекрасно знал, какие именно задания выполнял Берия: делал атомную бомбу, однако и в 79-м причастность Берии к атомному проекту оставалась тайной, он не пытался ее нарушить даже в мемуарах, писавшихся во время последней болезни, за пять месяцев до смерти, и не предназначавшихся для прижизненной публикации. - /Б. С./), была замешана на том страхе и трепете, которые людям вселяло такое его совместительство, - это принадлежало к числу обстоятельств, о которых нетрудно было догадываться, и мы догадывались о них.

При том положении, которое Берия занимал при Сталине, то, что он окажется среди первых лиц государства после смерти Сталина, казалось само собой разумеющимся. Но то, что он сразу же сделался вторым лицом и очень активным (по справедливости, все-таки не вторым, а третьим, если считать первым формального сталинского преемника Маленкова, а вторым - руководителя партии Хрущева. - /Б. С./), то, что никто другой, а именно он предлагал кандидатуру Маленкова, - от этого возникало ощущение некой опасности. Это ощущение испытывали многие. Время, особенно в первые месяцы после смерти Сталина, продолжало оставаться жестким, и первое осязаемое изменение в нем появилось только после разоблачения сфальсифицированного дела "врачей-убийц" и освобождения этих людей (происшедшего в первую очередь по инициативе все того же Берии. - /Б. С./). Время не предрасполагало к слишком откровенным разговорам на такие темы, но помню, что с оговорками, с недоговоренностями у разных людей все-таки проявлялась тревога, связанная с тем положением, которое после смерти Сталина занял Берия. Были среди разнообразно выраженных тревог этих и такие

оттенки: а не попробует ли Берия занять по наследству место Сталина в полном смысле этого слова?"

Ну, насчет степени близости Берии к Сталину, особенно в последние годы, Симонов, памятуя его грузинские знакомства и разговоры, вряд ли заблуждался. Уж кто-кто, а Константин Михайлович должен был понимать, что наезд Сталина на "мегрело-националистическую группу" был наездом и на Лаврентия Павловича. А тревога... Тревога у тех, с кем беседовал Симонов, наверное, была. Только надо учитывать, с кем он мог беседовать. Это были, главным образом, коллеги по литературному цеху да чиновники из агитпропа и отдела культуры, надзиравшие за литературой, вроде того же Московского. Они в той или иной степени общались с Хрущевым, в бытность его главой коммунистов Москвы, и с Маленковым как с секретарем ЦК. Да и с Молотовым наверняка встречались, тем более что супруга Вячеслава Михайловича проявляла интерес к людям искусства. Да и молотовский культ до войны был весьма неслабый, уступавший только сталинскому. Но с Берией этим людям никогда контактировать не приходилось. Его личность была окружена ореолом таинственности, связанным с его чекистским прошлым. А увеличение влияния Лаврентия Павловича соответственно приводило к уменьшению влияния в коллективном руководстве Никиты Сергеевича ни Георгия Максимилиановича. Слов нет, Хрущев с Маленковым были люди не сахар и невинных душ погубили ничуть не меньше, чем Берия, а, может быть, даже поболе. Но и Симонов, и те, с кем он беседовал весной и летом 53-го, относились к тем, кто благополучно пережил все чистки и кого Берии не пришлось освобождать из лубянских застенков в 1938-1939 гг. Да и подлинную роль партийных руководителей в репрессиях Симонов и его собеседники наверняка не представляли себе в тот момент в полной мере, списывая все на НКВД. Так что "чужак" Берия воспринимался как куда более опасный, чем свои, привычные Маленков, Хрущев и Молотов.

Лаврентий Павлович же если и был популярен, то только среди "секретных академиков" и директорского корпуса, связанного со Спецкомитетом. Но на расклад сил в Кремле они повлиять никак не могли.

9 марта 1953 года, в день похорон Сталина, тело которого поместили в ленинский Мавзолей, на траурном митинге с трибуны Мавзолея с речами, полными казенной скорби и клятвам в верности делу покойного, выступили Маленков, Берия и Молотов. Свое впечатление от их речей передал присутствовавший в тот день на Красной площади Константин Симонов: "Различие в тексте речей мне и тогда не бросалось в глаза, да и сейчас (в 1979 году. - /Б. С./), когда я перечел их в старой газете, они не слишком отличаются друг от друга, разве только тем, что в речи Молотова, в первом ее абзаце, о Сталине сказано несколько более человечно, чуть-чуть менее казенно, чем в других речах. Однако та разница, которую сейчас по тексту этих речей не уловишь, но которая была тогда для меня совершенно очевидна, состояла в том, что Маленков, а вслед за ним Берия произносили над гробом Сталина чисто политические речи, которые было необходимо произнести по данному поводу. Но ив том, как произносились эти речи, как они говорили, отсутствовал даже намек на собственное отношение этих людей к мертвому, отсутствовала хотя бы тень личной скорби,

сожаления или волнения, или чувства утраты, - в этом смысле обе речи были абсолютно одинаково холодными. Речь Маленкова, произнесенная его довольно округлым голосом, чуть меньше обнажала отсутствие всякого чувства скорби. Речь Берии с его акцентом, с его резкими, иногда каркающими интонациями в голосе, обнажала отсутствие этой скорби более явно. А в общем, душевное состояние обоих ораторов было состоянием людей, пришедших к власти и довольных этим фактом.

Речь Молотова... мало разнилась по тексту от других, но ее говорил человек, прощавшийся с другим человеком, которого он, несмотря ни на что, любил, и эта любовь вместе с горечью потери прорывалась даже каким-то содроганием в голосе этого твердокаменнейшего человека. Я вспомнил... пленум, на котором Сталин с такой жестокостью говорил о Молотове, еще и по этому контрасту не мог не оценить глубины чего-то, продолжавшего существовать для Молотова, не оборванного у него до конца со смертью Сталина, связывавшего этих двоих людей - мертвого и живого".

Действительно, в последние месяцы жизни Сталина Молотов явно находился под ударом в связи с "делом врачей" и делом Еврейского Антифашистского Комитета, с которыми пытались связать и его находившуюся в ссылке жену П.С. Жемчужину. Тем не менее Вячеслав Михайлович ухитрился сохранить какие-то если не дружеские, то хотя бы теплые чувства к генералиссимусу. Хотя и страх у него, конечно, был. Не мог ведь Молотов забыть, как в 45-м пришлось пускать слезу перед товарищами по Политбюро, писать покаянное письмо Сталину, чтобы избежать нешуточной угрозы расстрела. Не забыл и того, кто приказал арестовать Полину. Но сохранилась у Молотова и память о былой дружбе с Кобой, с которым только он и Ворошилов из всех членов Политбюро были на "ты". У Маленкова же и Берии, да и у Хрущева, на сталинских похоронах не выступавшего, по отношению к Сталину было только одно настоящее чувство - страх. Причем у Лаврентия Павловича и Никиты Сергеевича этот страх перерос в ненависть. Маленков, так тот старался только поскорее забыть о почившем в бозе патроне, как о страшном сне. Он-то ближе всех из наследников стоял к Сталину, только ему был обязан своим выдвижением с самых низших ступеней иерархии на самый верх и еще при жизни вождя полуофициально считался его преемником. Наверное, Георгий Максимилианович в глубине души все же чувствовал нечто вроде благодарности к Сталину за свое возвышение из грязи в князи и оттого не так откровенно, как Берия, демонстрировал свое равнодушие к усопшему.

Маленков хотел забыть, но никак не разоблачать Сталина. Не то - Хрущев и Берия. Они искренне желали свалить все грехи на великого кормчего, чтобы не вскрылось их собственное соучастие в недавних преступлениях. Но Берия с этим делом поспешил, сразу восстановив против себя других членов Президиума, опасавшихся, что он старается обелить только себя, но может при этом свалить на них вину в совместных со Сталиным преступлениях. Хрущев же мудро выждал три года, и лишь после того, как значительно поубавил в ЦК число тех, кто работал со Сталиным, и сосредоточил в своих руках основную власть, оттеснив Маленкова и Молотова на вторые позиции, на XX партсъезде начал кампанию по разоблачению "культа личности". Такая кампания могла стать инструментом консолидации уже обретенной власти, но

никак не инструментом для ее захватал Берия же сразу выложил антисталинские карты на стол, рассчитывая с их помощью перераспределить в свою пользу власть - и проиграл.

Константин Симонов описал, как это было: "Вскоре после сообщения о фальсификации дела врачей членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с "врачами-убийцами", с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы - и так далее, и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему. Не убежден, но кажется, первоначально записанных на аппаратуру, а потом уже перенесенных на бумагу.

Я в три или четыре приема читал эти бумаги на протяжении недели примерно. Потом чтение это было прекращено, разом оборвано. Идея предоставить членам и кандидатам ЦК эти документы для прочтения принадлежала, несомненно, Берии, именно он располагал этими документами, и впоследствии выяснилось, что так все и было (умри, Константин, лучше не скажешь: что дело врачей - липа, выяснилось тогда же, весной 53-го, но поскольку выяснил это плохой человек - враг народа Берия, то истиной это стало для Симонова только после того, когда уже после ареста Берии партия подтвердила - да, "врачи-убийцы" - невиновны. Правда, он наверняка не поверил пропагандистским утверждениям, что Берия будто бы был причастен к фабрикации этого дела. - /Б. С./). Он хотел приобрести дополнительную популярность, показав себя человеком беспристрастным, человеком, неслучайно отодвинутый несколько в сторону в последние месяцы жизни Сталина, человеком, которому Сталин не доверял или перестал доверять, человеком, который был никак не склонен продолжать те жестокости, возмутительные беззакония, которые, судя по предъявленным вам для чтения документам, были связаны непосредственно со Сталиным, с его инициативой, с его требованиями. Выставляя документы на обозрение, Берия как бы утверждал, что он и далек, и категорически против всего этого, что он не собирается покрывать грехов Сталина, наоборот, хочет представить его в истинном виде.

Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали хо болезненно психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом. Документы были сгруппированы таким образом, чтобы представить Сталина именно и только с этой стороны (Лаврентий Павлович, похоже, был готов пойти до конца и безоговорочно осудить Сталина как правителя и личность, в отличие от осторожного хрущевского: с одной стороны и с другой стороны - плохо, что невиновных людей расстреливал, но зато такую войну выиграл!/ - Б. С./).

Вот он вам ваш Сталин, как бы говорил Берия, не знаю, как вы, а я от него отрекаюсь. Не знаю, как вы, а я намерен сказать о нем всю правду. Разумеется, при этом он представлял в документах только ту правду, которая ему была нужна и выгодна, оставляя за скобками все остальное.

Около недели эти документы были в ходу. После этого с ними уже никогда не знакомили. Когда вернулись (из зарубежной поездки. - /Б. С./) Фадеев и Корнейчук и я им рассказал об этих документах, у них глаза полезли на лоб, но прочесть их сами они уже не могли.

Надо сказать, что, хотя цель Берии была достаточно подлой (не более подлой, чем у Хрущева, на двадцатом съезде; только в отличие от Никиты Сергеевича, крепко почистившего архивы от документов, уличавших его в причастности к репрессиям в Москве и на Украине; Лаврентий Павлович подобную операцию по Грузии проделать не успел. - /Б. С./) и она вскоре стала совершенно ясна мне, документы эти, пусть и специфически подобранные, не являлись фальшивыми. Поэтому як тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди".

Интересное дело получается: если сталинские преступления разоблачает Хрущев - то это "нравственный удар", а если тем же самым занимается Берия, то это - всего лишь рекламная кампания, направленная на повышение популярности подлого шефа МВД!

Дочь Сталина Светлана Аллилуева в книге "Двадцать писем к другу" утверждает, что во время последней болезни Сталина, когда врачи уже не сомневались в близком конце, "только один человек вел себя почти неприлично - это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были - честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить, и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, - отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть "самым верным, самым преданным" - каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: "Уведите Светлану!" На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: "Хрусталев! Машину!"

Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощенного восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца - которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца и посмеивался при этом в кулак, - для меня несомненно. И это понимали все "наверху"...

Сейчас все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не я одна, - многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека".

Берия имел основания радоваться внезапной смерти Сталина. В последние годы Иосиф Виссарионович явно готовил чистку в верхнем

эшелоне власти, и следствие по "мингрельскому делу" было направлено в первую очередь против него. Наверное, Лаврентий Павлович не мог скрыть радости, что теперь-то, как ему казалось, уцелел и имеет все шансы умереть своей смертью.

С.И. Аллилуева свидетельствует, что на второй день после смерти Сталина, еще до похорон, на Кунцевской даче "по распоряжению Берия, созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение.

Спорить с Берия было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимавшие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики, - все куда-то увозилось, на какие-то склады... подобных складов у МГБ-КГБ было немало в свое время. Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда; многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего... - в чем их вина? Почему на них так ополчились? Но в пределах сферы МГБ, сотрудниками которого они все состояли по должности (таков был, увы, порядок, одобренный самим отцом!), они должны были беспрекословно выполнять любое распоряжение начальства...

Потом, когда "пал" сам Берия, стали восстанавливать резиденцию. Свезли обратно вещи. Пригласили бывших комендантов, подавальщиц, - они помогли снова расставить все по своим местам и вернуть дому прежний вид. Готовились открыть здесь музей, наподобие ленинских Горок. Но затем последовал XX съезд партии, после которого, конечно, идея музея не могла прийти кому-либо в голову".

Получается, что едва ли не первой акцией Берии по возвращении в МВД стал вывоз мебели с "ближней дачи" Сталина и удаление оттуда охраны и обслуги. Цель этого Аллилуева видит в том, чтобы предотвратить создание в Кунцево дома-музея Сталина. Вроде бы такое действие вписывается в начатую Берией борьбу со сталинским культом. Но ведь в это время тело Сталина уже бальзамировали, и "четверка" наследников решила поместить его в Мавзолей, рядом с Лениным. Неужели Берия так боялся будущего музея? Скорее здесь другое. Вещи вывозили с дачи, чтобы обеспечить сохранность, а потом поместить в музей, который еще не решили, где именно создавать. А что охрану и обслугу разогнали, так это дело обычное. У каждого из сталинских наследников была своя охрана и свои дачи. И, вероятно, ни один из них не собирался занимать Кунцевскую дачу. Кому охота было вспоминать, как дрожали перед вождем на Ближней даче. Точно так же и в дальнейшем, когда менялись генсеки, естественным образом менялся и личный состав их охраны. Вернее, прежняя охрана нового генсека, полагавшаяся ему еще как рядовому члену Политбюро, сменяла охрану его предшественника на высоком посту.

Свое свидетельство о поведении Берии в последние дни жизни и во время похорон Сталина оставил и сын вождя Василий. Светлана Аллилуева пишет о своем брате: "Василия тоже вызвали 2-го марта 1953 года. Он тоже сидел несколько часов в этом большом зале, полным народа, но он был, как обычно в последнее время, пьян, и скоро ушел. В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что "отца убили", "убивают", - пока не уехал наконец к себе...

Он сидел на даче и пил. Ему не надо было много пить. Выпив глоток водки, он валился на диван и засыпал. В таком состоянии он находился все время. Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе, - он был уверен, что отца "отравили", "убили"; он видел, что рушится мир, без которого ему существовать будет невозможно.

В дни похорон он был в ужасном состоянии и веял себя соответственно, - на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, - что не так лечили, не так хоронили... Он утратил представление о реальном мире, о своем месте, - он ощущал себя наследным принцем...

Он совсем потерял голову. Апрель 1953 года он провел в ресторанах, пил с кем попало, сам не помнил, что говорил. Поносил все и вся. Его предупреждали, что это может кончиться плохо, он на все и на всех плевал, - он забыл, что времена не те и что он уже не та фигура... После попойки с какими-то иностранцами его арестовали 28 апреля 1953 года".

Справедливости ради замечу, что арест "наследного принца" был не личной инициативой Берии, а коллективным решением руководства. Наследников Сталина порядком раздражала пьяная болтовня сталинского отпрыска о том, что отца "залечили" или, хуже того, просто "убили". Главное же, им невыносимо было сознавать, что на свободе остается еще один претендент на наследство, пусть даже "кронпринцем" Василия считало лишь немногая часть населения (но в Грузии - значительно больше, чем по всей стране).

Мемуаров Василий Сталин, как известно, не написал. Но в многочисленных заявлениях из тюрьмы в высокие инстанции подробно изложил свой взгляд на драматические события весны 1953 года и то, что им предшествовало, также на роль в происходящем Лаврентия Павловича. В частности, в заявлении в Президиум ЦК КПСС пот 23 февраля 1955 года находившийся в заключении. Василий Сталин писал: "Из чего могло быть составлено мнение о клевете на правительство? Очевидно, из следующих высказываний:

а) Первый день похорон организован был плохо... Моё возмущение заключалось в ответах адъютанту Полянскому и Екатерине Тимошенко (жене Василия. - /Б. С./), которые надоедали своими рассказами о звонках и безобразиях, происходящих якобы при прощании с телом отца. Да, я возмущался вслух. Что это было? Оскорбления в адрес правительства? Нет (если отбросить Берия). Это была обида за тех, кто, не учтя всего, допустил не столько ужасов, сколько поводов для разговоров о них. Возмущался в адрес милиции и Берия, обеспечивавший порядок. Обидно было за Н.С. Хрущёва (так как он был председателем комиссии) (хоть председатель комиссии Хрущёв, но виноват всё равно Берия! Правда, справедливости ради, надо заметить, что Лаврентий Павлович ко дню похорон всего несколько дней находился во главе объединённого МВД и вряд ли успел взять в руки бразды правления; в этом, возможно, была подлинная причина давки с большим числом жертв во время прощания народа с телом Сталина; новый начальник ещё не мог отдать нужные распоряжения, а нижестоящие милицейские начальники боялись взять инициативу на себя. - /Б. С./)...

б) Читая газету с Постановлением Совета Министров и Указом Верховного Совета (о распределении должностей между преемниками

Сталина. - /Б. С./), бросил реплику: "Не могли подождать до окончания похорон" Реплика, просто глупая, высказанная под впечатлением утраты, и вряд ли стоило строить на ней криминал.

в) На площади 9 марта.

При словах Берия: "Пусть не надеются наши враги на раскол" я сказал: "На воре и шапка горит". Слышали это адъютант, Екатерина Тимошенко и врач Мартынушкина.

Заметил вслух, что Вячеслав Михайлович снял шапку, когда выступал, а Берия нет.

Возмущался на поведение Берия при вносе тела в Мавзолей и просто обрадовался, когда Лазарь Моисеевич обрезал его: "Чего ты орёшь".

г) Попав домой, высказал своё мнение, что лучше бы выступил Н.А. Булганин, а не Берия, так как отец был министром обороны, но от Министерства обороны никто не выступил.

д) Прочитав "В Министерстве Внутренних дел" об освобождённых врачах в газете "Правда" (имеется в виду опубликованное 4 апреля 1953 года сообщение о пересмотре так называемого "дела врачей" и освобождении ранее арестованных кремлёвских медиках. - /Б. С./), я высказал своё мнение, что этого делать не следовало (печатать такое заявление), так как кроме пищи для провокаторов и сволочи, оно ничего не давало".

В том же заявлении Василий всячески подчёркивал, что если кого и ругал сгоряча, так это Берию, четырнадцатью месяцами раньше расстрелянного как "врага народа". И доказывал, что издавна не любил Лаврентия Павловича: "Тут я обязан оговориться о Берия. Отвращение к Берия внушено мне было матерью. Она ненавидела его и прямо говорила: "он много зла и несчастья принесёт отцу". До сих пор смерть материи я, в какой-то мере, связываю с влиянием Берия на отца. Позже я утверждался в плохом мнении об этом человеке. Часто замечал, как он разыгрывал перед отцом "прямодушного человека" и отец, к несчастью, попадался на это, верил, что Берия не боится говорить "правду". Невозможно было в этом переубедить отца. Впервые я прямо заговорил с отцом о Берия, рассказав случай в вагоне поезда по прибытии из Германии в Москву. Отец спал, хотя уже прибыли на место, и пора было выходить. Разбудил отца Вячеслав Михайлович, рядом находился и Берия. Отец спросонья, не разобрав, где он и что происходит, страшно рассердился и уехал один. Я случайно попал в машину Берия, в которой ехал и Меркулов. О разговоре Берия с Меркуловым об этом случае я рассказал отцу, как о нечистоплотности Берия в отношении к Вячеславу Михайловичу. Последний разговор о Берия был в Боржоми. На этот раз отец, увидав кое-какие грузинские "порядки" своими глазами, не сердился, а задумался и даже вспомнил: "Надя его терпеть не могла". Я вынужден воспроизвести эти далеко не все разговоры тс отцом, чтоб стало ясно, почему так резко о Берия я высказывался после смерти отца. Это не случайность, а последовательное, всё более и более утверждающееся мнение, что он подлец. Счастье моё, что он не вызвал меня после ареста. Отец однажды при нём заставил меня повторить мое мнение о нем Берия перевёл всё в шутку. Но не такой он был человек, чтобы забыть, хотя внешне разыгрывал, особенно перед отцом, моего покровителя".

Трудно сказать, что здесь правда, а что придумано Василием в попытке представить свой арест следствием козней Берии и тем самым

добиться освобождения и реабилитации в качестве жертвы разоблачённого партией "врага народа". Но действительно ли мать Василия ненавидела Лаврентия Павловича? Настораживает, что в заявлении Василия Иосифовича есть ссылки только на уже умерших свидетелей - отца, мать, Берию, Меркулова. Следует отметить, что Надежда Сергеевна Аллилуева скорее всего знала Берию лишь последние год-два своей жизни - после того как Лаврентий Павлович в 31-м возглавил парторганизацию Грузии. Совершенно непонятно, за что она успела его так возненавидеть. И уж совсем невероятно, чтобы Берия мог повлиять на Сталина в плане провокации роковой ссоры, приведшей Надежду Сергеевну к самоубийству. Василию же в момент смерти матери было только 11 лет.

Утверждение же о будто бы слишком большом доверии Сталина к Берии - это не более чем расхожий мифу Иосиф Виссарионович в принципе никому не доверял и как-то в порыве откровенности признался Хрущеву, что сам себе не верит. Неужели для Лаврентия Павловича вождь должен был сделать исключение? Скорее наоборот. В последние месяцы жизни Сталина Берия ощущал явную угрозу для себя. Против него были направлены и "дело врачей", и "мингрельское дело", в ходе которого были арестованы близкие к Лаврентию Павловичу руководители Грузии. Симптоматичным было уже то, что среди советских вождей, которых будто бы собирались извести коварные "врачи-вредители" из Лечсанупра Кремля, имя Берии названо не было. И сыну Серго незадолго до смерти Сталина Лаврентий Павлович прямо говорил: "Сталин принял решение о моём аресте и только ждёт, чтобы закончили работу над водородной бомбой" (Берия возглавлял водородный проект). Потому-то новоназначенный шеф МВД не скрывал своей радости по поводу смерти вождя и выступил с инициативами по постепенной ликвидации сталинского культа, что так покоробило Василия.

Я также никогда не поверю, что Лаврентий Павлович был настолько глуп, чтобы демонстрировать перед Иосифом Виссарионовичем покровительство Василию. Вот это была бы верная дорога к стенке. Такой наглости вождь никому бы не простил.

А уж ликование сына Сталина по поводу того, что после ареста Берия не вызвал его на допрос, было чистой воды игрой, и Хрущёв, равно как и другие члены Президиума ЦК, это прекрасно понимали. Ведь ещё 8 августа 1953 года Круглов сообщал Маленкову: "В течение последнего месяца Сталин В.И. неоднократно просил следователя, ведущего его дело, ускорить приём к Берия, объясняя это тем, что хотел бы знать, какое решение по его делу будет принято Советским правительством". С чего бы Василию Иосифовичу проситься на приём к тому, кого давно считал подлецом?

И в позднейших заявлениях из тюрьмы Василий Сталин рисовал Берию самыми черными красками. Так, 1 сентября 1958 года в заявлении в Генпрокуратуру он утверждал: "Ненависть... к Берия у меня была воспитана матерью. И я не стеснялся её высказывать при отце. Свидетелями этого были: сестра Светлана, Поскрёбышев и Власик. Берия меня терпеть не мог и при любом случае мстил".

Берию и Маленкова ранее связывали дружеские отношения. В первые месяцы после смерти Сталина Лаврентию Павловичу при поддержке Георгия Максимилиановича удалось провести

реабилитацию осуждённых по "делу врачей", по делу о вредительстве в авиационной промышленности в 46-м году, по делу работников Главного артиллерийского Управления в 51-м. Все эти дела были в своё время инспирированы противниками Маленкова и Берии. В записке, предлагавшей реабилитировать главного маршала авиации А.А. Новикова, А.Н. Шашурина и других руководителей авиационной промышленности, Берия указал, что от арестованных выбили заявления, в которых делалась попытка "оклеветать тов. Маленкова". Реабилитирован был и брат Лазаря Моисеевича Кагановича Михаил, бывший нарком авиапромышленности, покончивший с собой после обвинений в заговоре с целью установления в СССР фашистского правительства!

Правда, есть свидетельства, отрицающие сам факт дружбы Маленкова и Берии. Диссидент Р.И. Пименов, писавший под псевдонимом О. Волин, вспоминая о своих встречах с соратниками Берии во Владимирской тюрьме в 60-е годы, утверждал, что бывший заместитель министра внутренних дел генерал-полковник[1] Степан Соломонович Мамулов "четко знал, что его жизненный путь поломался из-за интриг Маленкова, которого, как и его начальник Берия, он всегда не любил... Читая у Авторханова в "Загадке смерти Сталина" домыслы о якобы союзе Маленкова и Берии, я посмеивался и вспоминал отношение к Маленкову Мамулова и других бериевцев. Из рассказов Мамулова... для меня бесспорно (впрочем, это подтверждается и многими другими источниками), что в последние годы (не месяцы!) Маленков находился в самых враждебных отношениях с Берией. Когда после смерти Сталина вдруг Маленков и Берия заходили по кремлевским коридорам в обнимку, заулыбались друг другу, то даже шестилетним младенцам в Кремле (как шутил Мамулов, вспоминая кремлевский анекдот, стилизованный под детский разговор) стало ясно, что вот-вот произойдет крупный переворот, что эта притворная любезность разрешится только могилой одного из них".

Замечу, что о дружбе Маленкова и Берии, причем задолго до смерти Сталина, говорят многие свидетели, в том числе и Хрущев в своих мемуарах. Напротив, вопреки мнению Пименова, об их давней вражде есть лишь одно свидетельство Мамуловау Безусловно, дружба Лаврентия Павловича и Георгия Максимилиановича была браком по расчету, и особо теплых чувств друг к другу оба партийных вождя не испытывали. Об этом наверняка были осведомлены в ближайшем окружении Берии. Однако нельзя сбрасывать со счетов и то, что на Степана Соломоновича, как и на других чудом уцелевших бериевцев, очень большое влияние оказали потрясения 53-го, в том числе предательство "друга Георгия". Зная, какую роль сыграл Маленков в расправе над Берией, Машмулов мог, вольно или невольно, переносить в прошлое враждебность Маленкова и Берии.

Буквально сразу же после назначения Берии главой нового объединенного МВД на него посыпались доносы в Президиум ЦК. Вот только для примера один из них:

"Товарищи Хрущев и Маленков!

Обратите внимание на хитрого мингрельца Берия. Он подлый аферист, националист. Кроме мингрельца для него никто не существует. Прислал Какучана[2] в МВД заместителем - 90-летнего пердуна Церетели, [3] безграмотного, ничего не знающего, кулака, но

хвост Берия Л.П. освободил врагов народа - мингрельцев после смерти Сталина. Мингрельцы говорят, если бы Сталин был жив, Берия не мог отпустить мингрельцев. Сейчас все наши русские палку не могут перевернуть без Берия, сел на голову русских. Дядя жены Берия - Исидор Гегечкори - гремит в Америке, меньшевик, и многие родственники. Берия, аферист, сейчас будет устраивать всех мингрельцев. Рухадзе**[4]** не враг народа, у него был богатый материал на Берия, и за то уничтожили материалы на него. Допросите сами Рухадзе, пришлите в МВД Грузии русских, не хотим мы мингрельцев-аферистов во главе с Берия. Удалите его к черту со своими мингрельцами. Мы любим русских, справедливых людей. Теперь жизнь грузинов копейки не стоит. В больших местах будут мингрельцы, а остальные будут страдать. Сами проверьте, в МВД будут все мингрельцы. Берия Вас угробит, если его не удалите. Меня не ищите, меня не найдете".

Судя по времени пребывания Какучаи на посту министра внутренних дел Грузии, эта анонимка поступила в Москву в конце марта или в начале апреля. Она сама по себе свидетельствует, сколь сложным было положение Берии и его ставленников в системе МВД, где им противостояли сплоченные группировки ставленников Игнатьева и Абакумова. Хрущев и Маленков, судя по всему, автора анонимки искать не стали, но совету неизвестного доброжелателя из рядов грузинского МВД последовали и убрали Лаврентия Павловича не только из руководства союзного МВД, но и из жизни тоже. Однако перед этим, возможно, они, демонстрируя коллективное руководство в действии, ознакомили с текстом доноса самого Берию, что повлекло за собой замену Какучавы Деканозовым. А саму анонимку Георгий Максимилианович и Никита Сергеевич сохранили. Она пригодилась им тогда, когда потребовалось доказать намерение Берии использовать органы МВД в качестве орудия для борьбы за власть. Кроме того, здесь был намек на связь Берии с грузинскими с меньшевиками, что также пригодилось для обвинения Берии в "буржуазном перерождении".

Лаврентию Павловичу также поставили в вину инициативу по возвращению в Грузии эмигрантов-меньшевиков. По его инициативе в начале 1945 года Шария выезжал в Париж для переговоров с грузинскими эмигрантами о признании ими Советской власти, а также о возврате музейных ценностей, вывезенных ими из Грузии. Среди партнеров Шарии по переговорам был и бывший министр иностранных дел меньшевистского правительства Грузии Е.П. Гегечкори, дальний родственник жены Берии. Через год эти переговоры продолжил секретарь ЦК компартии Грузии И. Тавадзе. В результате 26 мая 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению ЦК компартии Грузии приняло постановление "О возвращении грузинских эмигрантов из Франции", разрешавшим 59 эмигрантам вернуться в СССР".

Соблазнительно было бы увидеть здесь начало принципиальной линии Берии на достижения соглашения с националистическими кругами в республиках. В 1953 годах она выразилась в попытках Берии достичь какого-то консенсуса с украинскими и прибалтийскими националистами. На июльском пленуме 1953 года глава правительства Грузии В.М. Бакрадзе утверждал: "Вся эта возня, которую затеял Берия с грузинской меньшевистской эмиграцией... я всегда душой был против этого. Я тогда говорил Чарквиани (первому секретарю ЦК компартии

Грузии в 1938-1952 годах. - /Б. С./): "Слушайте, бросьте это бандитское отребье, кому они нужны в Грузии". Возятся с меньшевистской грузинской эмиграцией, с тем чтобы сюда доставить. Мне кажется, что в свете сегодняшних фактов и того, что выяснилось в отношении Берия, эта затея не случайна".

Однако вряд ли в действительности шаги по репатриации грузинских меньшевиков были личной инициативой Берии. Тогда, в конце войны и в первые послевоенные годы линия на возвращение эмигрантов была частью сталинской политики. Она призвана была продемонстрировать всему миру, что, под впечатлением от достижений советского народа, победившего в Великой Отечественной войне, на родину готовы возвратиться даже бывшие заклятые враги Советской власти, которых она, в свою очередь, готова простить. И переговоры о возвращении велись отнюдь не только с грузинскими эмигрантами, но и с русскими, армянскими, украинскими... Тот же Константин Симонов во время своей поездки в Париж, например, безуспешно пытался склонить к возвращению нобелевского лауреата Ивана Бунина.

Вскоре после прихода в МВД, 4 апреля 1953 года, Берия издал приказ "О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия". Там, в частности, говорилось:

"По указанию руководства министерства государственной безопасности СССР избиения проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренних тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц... с применением всевозможных орудий пыток.

Такие изуверские "методы допроса" приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заранее сфабрикованные "признания" об антисоветской и шпионско-террористической работе.

Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами Советского государства".

Берия потребовал:

"Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия...

Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить.

С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду, не только непосредственные виновники, но и их руководители".

Как мы прекрасно помним, сам Лаврентий Павлович в 30-е годы и в Грузии и в Москве "порочные методы следствия" применял вовсю. А тут такая метаморфоза. Чем ее объяснить. Думаю - природным

прагматизмом Лаврентия Павловича, да еще, как это ни покажется странным, страх за собственную шкуру.

Опытный профессионал, Берия отлично понимал, что пытки к подследственным имеют смысл только в двух случаях. Во-первых, если посредством мер физического и психологического воздействия от арестованного можно получить информацию, поддающуюся объективной проверке, как-то: место расположения тайника если номер банковского счета и т. п. И, во-вторых, - когда следователь знает, что обвинения против подследственного вымышленные, и только кулаком или дубинкой, пыткой карцером-холодильником или лишением сна можно добиться от них признания. Второй вариант был наиболее распространен в практике НКВД-МГБ со второй половины 30-х и вплоть до начала 50-х.

Лаврентий Павлович рассуждал вполне здраво: если придется колоть реальных врагов, подозреваемых в шпионаже или заговоре или иных преступлениях, выбивать из них явки, пароли, тайники, то чекисты и милиционеры этим все равно будут заниматься, несмотря ни на какие приказы, и без всяких прокуроров - еще тогда, когда подозреваемый считается еще не арестованным, а только задержанным. Но в то же время Берия искренне верил, что фальсифицированных политических процессов больше не будет. Он думал, что со смертью Сталина члены высшего политического руководства получат гарантии того, что из-за разногласий и споров их будут только снимать со своего поста, но не арестовывать и не расстреливать. Берия надеялся, что, уцелев при Сталине, в последние месяцы жизни которого он каждый день мог ожидать ареста, теперь будет жить долго. Но горько просчитался. Товарищи по Президиуму ЦК предпочли принести Лаврентия Павловича в качестве последней жертвы, чтобы потом уж точно в случае отставки заменить себе пулю на персональную пенсию. Лаврентий Павлович стал последним из членов Политбюро, кто был осужден на политическом процессе. В дальнейшем уже не расстреливали ни членов "антипартийной группы" Молотова, Кагановича и Маленкова, неудачно выступивших против Хрущева. Не стали расстреливать и самого Хрущева, против которого на этот раз весьма удачно выступил Брежнев, Косыгин, Суслов и другие члены Политбюро. Единственное, что помогло Лаврентию Павловичу после ареста из его собственных нововведений, стал как раз приказ о неприменении мер физического воздействия к арестованным. Нет никаких свидетельств, что Берию били. Но вряд ли это было вызвано трепетным отношением членов Президиума ЦК к приказу своего поверженного коллеги. Просто выбивать из Берии признание в организации никогда не существовавшего заговора не было нужды. Процесс с самого начала предполагался закрытым (даже на пленуме, где его шельмовали, Берии, в отличие от Бухарина и Рыкова в 1937 году, присутствовать не дали), да и нет уверенности, что Лаврентий Павлович в действительности дожил до его начала.

После назначения главой МВД Берия озаботился судьбой Абакумова. **[5]**

О том, в каком ракурсе виделось Лаврентию Павловичу развитие дела бывшего главы "СМЕРШ" и шефа МГБ, поведал 7 сентября 1953 года на допросе бывший заместитель начальника Следчасти по особо

важным делам МГБ полковник Коняхин, бывший работник ЦК, взятый в органы министром Игнатьевым:

"11-12 марта 1953 года я был на докладе у министра (Берии. - /Б. С./) и, когда дошла очередь до дела Абакумова, Берия, не расспрашивая о виновности Абакумова, иронически произнёс: "Ну, что ещё нашли у Абакумова, кроме его квартиры и барахольства?" Я ответил, что подтверждены факты обмана ЦК ВКП(б) и, помимо этого, Абакумов ничего не сделал по заявлению врача Тимашук в выявлении обстоятельств смерти тов. Жданова. Берия сразу же напустился на меня: "Как Абакумов ничего не сделал по заявлению Тимашук? А вы знаете, что Абакумов передал это заявление Сталину? Почему вы меня обманываете? Неужели вас учили в ЦК обманывать руководство?"

Я промолчал и, в частности, не сказал Берии о замечании товарища Сталина, которое им было сделано в моём присутствии 20 февраля 1953 года, а именно: "Это Берия нам подсунул Абакумова... Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей..."

Выходит, что в последние дни жизни вождь рассматривал возможность приобщить к делу Абакумова Лаврентия Павловича. Вероятно, Сталина останавливала только роль, которую играл Берия в атомном и водородном проектах. До того как будет взорвана первая советская водородная бомба, менять коней на переправе было рискованно. Инсульт положил конец сталинским колебаниям. Возможно, Коба, останься он тогда жив, все равно и не решился бы арестовать батона Лаврентия, сочтя, что ещё не время.

Маленков и Берия решили инкриминировать Абакумову не только дело врачей, все фигуранты которого в апреле были реабилитированы по инициативе Берии, но и авиационное дело 1946 года, где инициатором реабилитации выступил Маленков, в 1946 году поплатившейся за приёмку бракованных самолётов и авиамоторов кратковременной отставкой с постов секретаря ЦК и заместителя председателя Совета Министров и ссылкой на работу в Среднюю Азию. Молотов потребовал добавить сюда и фальсификацию дела его жены - П.С. Жемчужиной.

Уже после ареста Берии на допросах Абакумов наличие тесных связей с Берией отрицал: "На квартире и на даче у Берии я никогда не бывал. Отношения у нас были чисто служебные, официальные и ничего другого". Это не помешало прокурору Руденко на суде в 1954 году объявить его членом "банды Берии". С той поры Абакумова и Берию часто поминали вместе, как участников одной шайки, одного заговора с целью захвата власти. Ничего не могло быть дальше от действительности: Виктор Семенович и Лаврентий Павлович еще с войны друг друга терпеть не могли.

Берия предложил реабилитировать членов Еврейского Антифашистского Комитета. Он установил, что известный режиссёр Соломон Михоэлс не погиб под колёсами грузовика в Минске в 1948 году, а вместе с сексотом критиком В.И. Голубовым-Потаповым был убит офицерами МГБ по приказу тогдашнего министра госбезопасности В.С. Абакумова, действовавшего, несомненно, по поручению Сталина. Берия предложил Президиуму ЦК лишить участников убийства полученных за это преступление орденов и отдать под суд. Глава МВД арестовал Л.Ф. Цанаву, в качестве министра госбезопасности

Белоруссии непосредственно организовавшего покушение на Михоэлса. Уже после падения Берии Президиум ограничился тем, что отнял у убийц ордена. Цанава же скончался во время следствия, которое обвиняло его уже... в участии в заговоре Берии!

Лаврентий Павлович предложил провести широкую амнистию заключённых. Это предложение было принято Президиумом ЦК. 27 марта 1953 года был издан указ, подписанный председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым, поэтому в народе амнистия 53-го года называлась "ворошиловской". Из 2 526 402 заключённых и подследственных, находившихся в тот момент в тюрьмах и лагерях, подлежало освобождению 1 181 264 человека, не представлявшие особой общественной опасности. В их число входили лица, осужденные на срок 5 и менее лет, осужденные на больший срок за должностные, хозяйственные и воинские преступления, пожилые и больные заключённые, беременные и женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, а также несовершеннолетние. Берия предлагал ещё более широкую амнистию, которая затронула бы большинство политических заключённых (у них срок обычно был не меньше 8 лет), но коллеги по Президиуму ЦК его не поддержали. Одновременно Лаврентий Павлович добился отмены ограничений на прописку в большинстве городов и пограничных местностей. Кроме закрытых военно-промышленных городов, режимными остались Москва, Ленинград, Владивосток, Севастополь и Кронштадт. Делалось это для того, чтобы амнистированные вернулись в родные места и могли легче адаптироваться к жизни на воле. Берия подчёркивал: "Установленные ограничения доля свободного перемещения и проживания на территории СССР вызывают справедливое нарекание со стороны граждан. Следует отметить, что такой практики паспортных ограничений не существует ни в одной стране. Во многих капиталистических странах - США, Англии, Канаде, Финляндии и Швеции - у населения паспортов вообще не имеется, о судимости никаких отметок в личных документах граждан не делается". После ареста Берии ограничения по прописке были без особого шума восстановлены.

Разумеется, пребывание в тюрьме никого лучше не делает, и многие безобидные бытовики или осуждённые по печально знаменитому закону "семь-восемь" (от 7 августа 1932 года) за то, что подбирали колхозные колоски, в лагерях приобрели вполне уголовные наклонности. И Берии пришлось откликаться на жалобы с мест о бесчинствах амнистированных. Так, 21 мая 19л53 года он писал в управление внутренних дел Краснодарского края: "... В г. Кропоткин много случаев бандитизма, воровства и других уголовных проявлений, вследствие чего местные жители опасаются ходить по городу в позднее время. Примите необходимые меры к усилению борьбы с уголовной преступностью и охраны общественного порядка в г. Кропоткин. О результатах доложите".

Письма трудящихся, возмущенных бесчинствами амнистированных, приходили и другим руководителям страны. Так, 11 мая 1953 года москвичка Антонова писала Молотову:

"Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович"

Простите за дерзость, которую я позволила себе, решив писать Вам, нет сил больше молчать. Я прошу защитить нас, простых людей, от

преследования и террора воров. Грабят среди белого дня, ходят с кинжалами, бритвами и, если кто им сопротивляется, они их пускают в ход, так была порезана кондуктор Григорьева А.А. из Красной Пресни. Идешь с работы домой и не знаешь, дойдешь ли благополучно. Милиция бессильна, когда зовешь на помощь, например, в вагоне или в электричке, все пассажиры молчат, боятся пикнуть. Что же это такое? В Москве такое безобразие, ужас, не говоря уж о Подмосковье, там царство бандитов, особенно свили гнезда в Никитовке и в Обираловке - ст. Железнодорожная Горьковской ж. д.

Ведь это мутная вода, это русские "гангстеры" без совести и чести.

Мы победили вооруженную до зубов Германию, неужели наше государство бессильно победить этих дармоедов.

Просим Вас издать закон, пойманному вору отрубать 5 пальцев левой руки, клеймить их, чтобы народ знал, что эти воры остерегались его. Беспощадные и суровые меры надо принять. Довольно гуманничать с этим сорняком. Горбатого исправит могила. Честные труженики должны, наконец, обрести спокойствие и не бояться, что придут ли домой благополучно.

Соберите представителей от кондукторов, например, с Красной Пресни, они Вам расскажут многое. Нельзя больше терпеть такое положение".

Вскоре Молотов, Маленков и Хрущев направили это законное недовольство против Берии, списав на него все эксцессы только что объявленной амнистии.

Берия давно уже понял неэффективность подневольного труда зэков и постарался разгрузить ГУЛАГ. Новые сложные виды вооружений требовали квалифицированного труда. Одновременно с амнистией, 21 марта, Берия направил предложение о закрытии более 20 крупных строек, на которых трудились главным образом заключённые. Прекратились работы на главном Туркменском канале, канале Волга-Урал, на гидроузлах на Нижнем Дону, на железной дороге Чум - Салехард - Игарка и БАМе и др. Все эти проекты были экономически неэффективны и вредны с точки зрения экологии.

Но Лаврентий Павлович замышлял ещё более глобальные реформы. Опасаясь, что центробежные тенденции в долгосрочной перспективе могут развалить Советский Союз, он предложил хоть частично удовлетворить национальные чувства жителей республик. По замыслу Берии, руководителями компартий и основных ведомств должны были стать представители коренной национальности. Предполагалось сформировать национальные армии, учредить национальные ордена (например, в Грузии - Шота Руставели, на Украине - Тараса Шевченко, в Азербайджане - Абу Мухаммеда Низами и т. д.), перевести делопроизводство на национальные языки, больше внимания уделять национальной интеллигенции. Опыт войны убедил Лаврентия Павловича, что далеко не все советские народы готовы были идти в бой "За Родину, за Сталина!" Его сын, побывавший на Западной Украине, подтвердил, что жители вновь присоединённых территорий отнюдь не рады своему вхождению в "семью братских народов". Серго Лаврентьевич вспоминал: "Именно там (на Украине. - /Б. С./) я узнал, что такое повстанческое движение в нашем тылу... Жестокость порождала жестокость. Помню, как один из отрядов националистов штурмовал погранзаставу, где были задержаны их люди. Когда

советское подразделение прибыло на выручку, спасать уже было некого - весь личный состав был вырезан... Когда фронт ушёл на запад, для борьбы с повстанцами... переодевали наших солдат и выдавали такие подразделения за отряды бандеровцев...

Очень сильное впечатление произвели на меня захваченные повстанцы. Многие из них были мои ровесники. Грамотные, убеждённые в своей правоте молодые люди. Нередко среди них встречались студенты... Когда я рассказал об увиденном в Западной Украине отцу, он отреагировал так: "А чему ты удивляешься? Эти люди воюют за самостоятельную Украину. И в Грузии так же было, и в любом другом месте может быть. Оружием их на свою сторону не зазовёшь...""

По воспоминаниям Серго Берия, его отец "считал, что Союз должен быть единым, и в существование автономий не верил. Другое дело, что республики, входящие в тот же Союз, должны обладать неизмеримо большими правами, нежели это тогда было.

- Так или иначе, республики должны примкнуть к какому-то лагерю, - говорил отец. - С точки зрения исторических корней, для Грузии - это союз с Россией, потому что вся тысячелетняя история Грузии - это борьба нашего народа за выживание. Георгиевский трактат был принят задолго до советизации Грузии, и эту политику надо продолжать. Нас ведь связывает и единая вера, и единая культура. Надо лишь решительно отказаться от методов, присущих царскому режиму, и не подавлять язык, не заменять национальные кадры чиновниками российского происхождения".

Лаврентий Павлович надеялся завлечь народы возможностями сохранять и развивать национальные языки и культуры, служить в национальной армии, подчиняться соплеменникам, а не людям, присланным из Москвы. Надеялся привлечь на сторону центра национальные элиты, дав им реальную власть в республиках. Ведь до 53-го года в республиках Средней Азии, в Прибалтике, Молдавии и Белоруссии русские резко преобладали на всех мало-мальски значимых административных постах, вплоть до участковых милиционеров. Да и в остальных республиках их доля на руководящих должностях была значительно выше, чем доля русских в населении соответствующих территорий.

Вместе с тем, и при Берии войска МВД продолжали активную борьбу с антисоветскими повстанцами в Литве и Западной Украине - с Литовской Освободительной Армией и Украинской Повстанческой Армией. И как раз в период трехмесячного "второго пришествия" Берии чекистам улыбнулась большая удача. В результате совместной операции МВД Литовской ССР и 4-го управления МВД СССР 30 мая 1953 года был захвачен лидер литовских повстанцев капитан Ии Жемайтис, избранный "лесными братьями" и поддерживавшим их подпольем в 1949 году председателем президиума "Союза борьбы за освобождение Литвы". Вот как изложил историю с задержанием Жемайтиса глава литовских коммунистов Антанас Снечкус на июльском пленуме, посвященном разоблачению "заговора Берии":

"Печальную известность приобрела Литва в связи с провокационной запиской Берия на девятом году существования Советской власти после освобождения от гитлеровских захватчиков. Теперь нам ясно, почему понадобилось Берия раздуть значение буржуазно-националистического подполья в Литве. Это делалось для того, чтобы использовать наши

недостатки в работе, раздуть эти недостатки и показать себя спасителем Советской власти в Литве, чтобы каждый, читая провокационную записку, задумался, какие там порядки в Литве при таком большом количестве лет существования Советской власти...

Также невероятно раздул Берия реакционное влияние католической церкви, сказав, что 90 процентов верующих среди населения Литвы (на протяжении десятилетий в Литве ходили упорные слухи, что сам Снечкус тайком посещает костел. - /Б. С./). Девяносто процентов! Между тем такого процента католическая церковь могла желать в самое лучшее буржуазное время. Слов нет, борьба литовского народа против литовских буржуазных националистов и их социальной опоры - кулачества была суровой и тяжелой. Мы победили в этой борьбе. Но нельзя забывать того, что литовские буржуазные националисты для борьбы с Советской властью вооружались немцами, а потом активно их поддерживали американские империалисты... Мы в этой борьбе потеряли более 13 тысяч бедняков, батраков и частично партийно-советского актива. Но эту борьбу под руководством Центрального Комитета в основном довели до конца. В этом году мы имеем всего лишь 7 убитых... Буржуазные националисты сами признают, что борьбу проиграли. Кстати, в записке упоминалось, что подпольем руководит капитан литовской буржуазной армии Жемайтис, избранный в президенты Литвы. Так и величали его президентом Литвы. Что капитан буржуазной литовской армии Жемайтис не был пойман до последнего времени - это наша вина. О чем же говорил Жемайтис, когда мы его недавно поймали, причем без помощи Берия, а поймали его чекисты Литвы (тут Снечкус сознательно лукавил; операция-то ведь была совместной с московскими чекистами; не знаю, разработал ли ее лично Лаврентий Павлович, но наверняка он держал ход операции под контролем; однако на пленуме никакие бериевские заслуги признавать было нельзя. - /Б. С./).

Булганин: А он это приписал себе (и, может быть, не без оснований. - /Б. С./).

Снечкус: Такой же Жемайтис, как его популяризатор Берия. Он показал, что не выходил из лесу, что у него для связей существует несколько точек, что у него нет никакой популярности. Что же делает Берия? Он приказывает привезти Жемайтиса в Москву для личного допроса...

Маленков: Он его допрашивал?

Снечкус: Да. Его привез заместитель министра внутренних дел Мартавичас. Он рассказал мне сегодня кое-что... После допроса Жемайтиса Берия делает такое предложение, чтобы с помощью Жемайтиса создать подпольную националистическую организацию. Сначала он раздул Жемайтиса, а теперь делает предложение тому же Мартавичюсу создать при помощи Жемайтиса националистическую организацию.

Не очередная ли это провокация Берия о националистическом подполье в Литве.

Кстати, как Берия пытался помочь делу ликвидации националистического подполья в Литве. После заседания Президиума на личную беседу я пришел к Берии. Это была единственная беседа (Смех).

Первухин: Он вас вызывал?

Снечкус: Нет, я сам позвонил и сказал, что хотел бы с ним поговорить. Он сказал: чего хотите? Я ему ответил, что хотел бы поговорить. На этой личной беседе присутствовал и товарищ Гедвилас - Председатель Совета Министров.

Маленков: Он спрятал от ЦК, что вы были у него.

Снечкус: А теперь можно узнать все.

Хрущев: Берия стремился вызывать в МВД секретарей ЦК и обкомов.

Снечкус: Кстати сказать, я такими благами не пользовался.

Хрущев: Не могут сказать и те, которых он вызывал.

Снечкус: Я выдвинул вопрос на этой личной беседе о необходимости забивать все передачи вражеских станций, которые ведутся на литовском языке, а на литовском языке не менее шести передач передается, и население в Литве может слушать, принимают радиопередатчики это. Он что на это ответил - что он, видите ли, готовит предложения ликвидировать вообще ни ту забивку, которая теперь существует. Плохая забивка, и ту ликвидировать хочет. Так какая же это помощь в ликвидации буржуазно-националистического подполья? А по радио и установкам американские империалисты передают находящемуся еще буржуазному националистическому охвостью.

Как составлялась записка Берия? То, что я немного раньше знал, и вот прошлой ночью заместитель министра внутренних дел Мартавичюс рассказал мне... Было запрещено говорить. Как составлялась эта записка? Ее составлял не Шария... ее составлял в основном другой кудесник в генеральской форме - Сазыкин. Этот Сазыкин шнырял по Литве, был в Литве два раза, но в ЦК не зашел, и ЦК не знал даже, что он в Литве был инкогнито. Для большего веса пустили слух, что он является вместе с тем атомщиком (Смех). Товарищи из МВД Литвы сначала возражали против многих положений в записке Берия, но были вынуждены затем подписать документ после грубостей с матушкой. Товарищ Мартавичюс - заместитель министра внутренних дел Литовской СССР - пишет так: "Докладная записка, составленная нами - Кондаковым, Мартавичюсом - коммунистами с подпольным стажем, Гайлзявичюс - литовцем-коммунистом, была весьма самокритичная докладная записка, но Берия она не удовлетворила. Он обвинил нас в сокрытии действительного положения в Литве, хотя этого руководство МВД Литвы даже в мыслях не допускало. Берия обругал нас самой низкопробной бранью и заставил переделать в угодном ему духе, то есть раздуть состояние действующего подполья и показать их массовыми, стройно организованными и централизованными, находящимися вне нашего поля зрения. Что касается националистического подполья, такого положения у нас в республике нет, но мы вынуждены были такое подполье отразить, как это хотелось Берия. На мои возражения Берия против этой необъективной оценки положения, он на меня обрушился руганью и угрозами. Так эта записка составлялась"...

Да, кстати, о цифре. Там дана большая цифра - 270 тысяч всех репрессированных, но она составлялась нечестно... там, в записке, указано, с 1944 года, а между тем входят и репрессированные до войны, 1941 года... там, видимо, по нескольку раз тот же самый человек проходит. А эта цифра у нас теперь в республике начала ходить, на Пленуме она оповещена.

К чему понадобилось Берия раздуть так положение в Литве? Видимо, американцам. Надо вспомнить, товарищи, выступление Эйзенхауэра осенью прошлого года, когда он говорил о том, что американцы настроены освободить своих братьев по крови... Видимо, надо было раздуть это существование буржуазно-националистического подполья, потом еще довести до сведения населения, и в печать попало...

Правильно здесь было сказано товарищем Хрущевым и товарищем Молотовым, что буржуазно-националистические элементы начали распоясываться... после вреднейшей быстрой замены русских литовцами в органах МВД. И здесь Берия преследовал цель показать себя проводником национальной политики, умаляя авторитет ЦК.

Что за характер этих слухов? Русские будут высланы из Литвы, а высланные кулаки вернутся в Литву, за русскими будут высланы и литовские коммунисты. Мы этих литовских коммунистов перебьем, как кроликов. Вот всех русских уже увольняют, вообще они бегут из Литвы. В милиции и других учреждениях останутся только литовцы и некоторые русские, но пусть они не надеются, что там свобода им будет. Мы всех их переловим, как кроликов. Русские коммунисты из Литвы уезжают, а литовские коммунисты будут повешены, когда придут американцы и англичане. Русские коммунисты уйдут, а литовцев всех перебьем. Вот так развязываются буржуазно-националистические элементы".

Трудно сказать, какого рода организацию во главе с капитаном Жемайтисом собирался создать Берия. То ли речь шла о мнимой антисоветской организации, вроде пресловутого "Треста" 20-х годов, предназначенного для поимки эмигрантских эмиссаров и деятелей настоящего литовского подполья. То ли Лаврентий Павлович замыслил создать легальную национально-культурную организацию, чтобы расколоть подполье и привлечь на свою сторону часть "буржуазных националистов". Если верно последнее предположение, то получается, что Берия готов был пойти на широкий блок со сторонниками литовской независимости, вероятно, на условиях предоставления республике реальной автономии и включения некоторых деятелей оппозиции в правительство. Иначе трудно объяснить намерение провести ускоренную замену русских кадров в Литве национальными. Для такого мероприятия просто не нашлось бы достаточного числа лояльных Советской власти литовцев с соответствующим уровнем образования. И Берия не мог не знать настроений в Литве, тем более что сам всячески подчеркивал силу "буржуазных националистов". Лаврентий Павлович неслучайно собирался постепенно лишить партийные органы на местах реальной власти. Он, по всей видимости, надеялся достичь соглашения со сторонниками независимой Литвы не на идеологической, а на хозяйственной платформе, убедив их в выгодах вхождения в состав более крупного государства, да к тому же одной из двух существовавших в мире сверхдержав. При этом Берия был готов отказаться и от колхозов, и от "идеологической чистоты" экономики.

В постановлении Президиума ЦК КПСС о положении в Литовской ССР, принятом 26 мая 1953 года по записке Берии (текст записки до сих пор не опубликован), отмечалось "грубое извращение партийным и советским руководством Литвы ленинско-сталинской национальной политики... Из четырех заместителей Председателя Совета Министров Литовской ССР только один является литовцем, в аппарате ЦК КП

Литвы из 15 заведующих отделами литовцев только 7, в Вильнюсском обкоме из 16 заведующих отделами и секторами всего 3 литовца, в аппарате Каунасского горкома из 8 заведующих отделами литовец только один... В аппарате быв. Министерства государственной безопасности Литовской ССР в составе 17 начальников отделов был лишь один литовец, из 87 начальников райотделов МГБ литовцев насчитывалось всего 9 человек, а из 85 начальников райотделов милиции - всего 10 литовцев.

Даже в составе руководящих хозяйственных работников литовцы составляют меньшинство. Так, из 92 директоров совхозов литовцев только 27, из 132 директоров МТС только 53 литовца".

В постановлении также подчеркивалось, что "партийная организация Литвы недостаточно учла опасность широкого влияния католического духовенства, враждебно настроенного к Советской власти, среди литовского населения. Вместо надлежащего развертывания антирелигиозной пропаганды и широкого разъяснения массам вреда католической церкви, направляемой реакционным Ватиканом, главное внимание было обращено на применение репрессий в отношении католического духовенства, что еще больше подогревало недовольство населения мероприятиями Советской власти".

Очевидно, Лаврентий Павлович надеялся повторить в Литве удачный опыт, проделанный им сначала с Грузинской, а потом, вместе со Сталиным, и с Русской Православной Церковью, когда вместо репрессий к руководству церквями приводились люди, опекаемые госбезопасностью.

Также явно с подачи Берии в постановлении утверждалось: "Только серьезными ошибками и слабостью руководства ЦК КП Литвы и Совмина Литовской ССР можно объяснить то, что буржуазно-националистическое подполье не только не ликвидировано до сих пор, но и сумело пустить глубокие корни и даже создать себе некоторую опору в недрах самого населения. Основной ошибкой в этой области следует признать то, что партийное и советское руководство Литвы фактически перепоручило важное дело ликвидации буржуазно-националистического подполья органам государственной безопасности, а те, в свою очередь, в основном свели это дело к массовым репрессиям и чекистско-войсковым операциям, задевающим широкие слои населения.

За послевоенный период (1944-1952 гг.) подвергнуто разным видам репрессии более 270 тысяч человек, т. е. около 10 % всего населения. ЦК КПСС считает позорным фактом, что ЦК КП Литвы и Совет Министров Литовской ССР до сих пор не сумели обезглавить антисоветское подполье, приносящее огромный вред литовскому народу. Не только не пойманы главари подпольных центров, но и не пресечены их активные мероприятия против Советской власти. До сих пор продолжают действовать подпольные типографии, печатающие в больших тиражах антисоветские газеты, листовки и брошюры, направленные против интересов литовского народа. Дело доходит до того, что для обеспечения участников подполья руководителям этого подполья удается собирать различного рода поборы с определенной части сельского населения и даже с отдельных колхозов.

ЦК КПСС подчеркивает, что, если не будут безотлагательно приняты эффективные меры по ликвидации отмеченных выше серьезных

недостатков и провалов в работе партийных и советских организаций Литовской ССР, может быть поставлено под угрозу дело Советской власти в республике".

Лаврентий Павлович в последние годы жизни уже очень хорошо сознавал, что массовые репрессии не могут решить проблему неприятия коммунистической власти в условиях, когда уже возникло народное сопротивление ей с оружием в руках. Репрессии, в лучшем случае, наносили удар лишь по пособникам повстанцев, а не по самим участникам вооруженных формирований. Чаще же всего от чекистско-войсковых операций и других массовых репрессий страдали случайные люди, никак не связанные с подпольем, а это только озлобляло население. Берии гораздо более эффективной казалась политика кнута и пряника. В ней упор делался на посулы и уступки повстанцам и изложение движения изнутри. Репрессии же должны были носить выборочный характер и затрагивать прежде всего руководителей повстанческого движения.

Основное требование постановления Президиума ЦК по Литве, написанного фактически под диктовку Берии, сводилось к тому, что необходимо "выращивание и широкое выдвижение литовских кадров во все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства". При этом предполагалось отказаться от практики "назначения заместителями Председателя Совета Министров Литовской ССР и выдвижения вторыми секретарями районных и городских комитетов партии", па также в иных властных структурах лиц "не из литовских национальных кадров".

Аналогичные постановления по инициативе Берии приняли и по Западной Украине и Западной Белоруссии. Последнее до настоящего времени все еще не опубликовано. Поскольку вооруженная борьба в Западной Белоруссии уже не велась, можно предположить, что там упоминалось лишь о невнимании к национальной культуре и об отсутствии на руководящих постах местных уроженцев.

Что же касается постановления по Западной Украине, принятого в тот же день, что и постановление по Литве, 26 мая 1ф953 года, то там прямо утверждалось: "Слабая работа местных партийных и советских органов, а также недостаточное руководство со стороны ЦК КП Украины привели к тому, что среди значительной части населения существует недовольство проводимыми на месте мероприятиями...

Серьезное недовольство населения западных областей Украины вызывают имеющиеся там факты грубого искривления ленинско-сталинской национальной политики. В руководящем партийно-советском активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции... Из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет

ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке... В Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на русском языке преподаются только четыре...

Такое положение дел в западных областях Украины создает почву для подрывной работы врагов Советской власти, особенно буржуазно-националистического подполья. Факты говорят о том, что это подполье, несмотря на многолетнюю борьбу за его ликвидацию, все еще продолжает существовать, а его банды продолжают терроризировать население.

ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей до сих пор не могут учесть, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, что бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами.

С 1944 по 1952 г. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессии до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тысяч человек, убито более 153 тысяч человек, **[6]** выслано навечно из пределов УССР более 203 тысяч человек. **[7]**

О явной неудовлетворительности проводимых мер борьбы с буржуазно-националистическим подпольем говорит тот факт, что около 8000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешло на нелегальное положение".

О недостатках в проведении чекистско-войсковых операциях на Западной Украине в бытность Абакумова главой МГБ писал 8 февраля 1948 года Сталину первый заместитель министра внутренних дел И.А. Серов. Это письмо появилось в связи с попытками Абакумова создать против Серова дело о незаконном присвоении средств в Германии и аресте Министерством госбезопасности офицеров МВД, работавших в Берлине. Среди прочего, Иван Александрович сообщал Сталину, что "во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ, офицерам запрещено вспоминать о проведённых операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции. А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись (речь идёт о массовой депортации населения Западной Украины в 1947 году. - /Б. С./). Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам".

Постановление ЦК Президиума ЦК по Западной Украине предлагало заменить главу компартии Украины русского Л.Г. Мельникова на второго секретаря - украинца А.И. Кириченко, что и было осуществлено. Однако в последующем Кириченко твердо держал сторону Хрущева, так что никакой выгоды от этого назначения Берия так и не получил. Предлагалось также увеличить долю выходцев с Западной Украины в партийных и советских органах как на местном, так и на общеукраинском уровне. Вот об этом после ареста Берии даже не вспоминали. Больше повезло пункту о введении в вузах и школах

Западной Украины преподавания на украинском языке. Он, пусть частично, но был реализован.

Берия настоял также на том, чтобы были приняты меры по оздоровлению экономической ситуации на Западной Украине. В постановлении отмечалось: "Признать необходимым, в целях дальнейшего укрепления колхозов, развития их общественного хозяйства и повышения материального благосостояния колхозного крестьянства западных областей УССР, провести снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов и обязательным денежным платежам, прежде всего для колхозов горных и предгорных районов". Уже после ареста шефа объединенного МВД, осенью 53-го эти меры были распространены на всю страну. Позднее и Хрущев и Маленков приписывали каждый себе идею облегчить бремя крестьянства. Но, оказывается, колхозники должны сказать за это спасибо Берии, который первым предложил прекратить драть с колхозов три шкуры.

Интересно, что в последние дни пребывания Берии во главе МВД, 22 июня 1953 года, чекистам удалось арестовать одного из лидеров Организации Украинских Националистов, чьим военным крылом ни была УПА, надрайонного проводника Романа Щепаньского (Буй-Тура). Очевидно, его предназначали для такой же комбинации, что и Жемайтиса (Щепаньский так и не был расстрелян).

Не исключено, что Берия сознательно сгущал краски насчет положения в Прибалтике и Западной Украине. Именно в этом его обвинили после ареста, уже на Июльском пленуме. Возможно, Лаврентий Павлович искренне верил, что только преобразование СССР в настоящую федерацию, с более самостоятельными союзными республиками, во главе с национальными кадрами и с делопроизводством на национальных языках позволит сохранить единое государство. И ради такого преобразования пугал коллег по Президиуму ЦК "страшилками" про мощь националистического украинского и литовского подполья. Можно, конечно, предположить и другое. Лаврентий Павлович, несколько лет не имея касательства к органам безопасности, утратил чекистское чутье и не смог правильно оценить обстановку в Литве и Западной Украине. Но верится в такое с трудом. Ведь Лаврентий Павлович, что характерно, ничего не говорил о мощном националистическом подполье в Западной Белоруссии, Латвии и Эстонии, где вооруженная борьба против Советской власти прекратилась уже два-три года назад. Неужели он не мог предположить, что тем же рано или поздно кончится борьба литовских и украинских повстанцев. Да он наверняка догадывался, что дни ЛОА и УПА сочтены! Связи с заграницей повстанцы почти не имели. В лучшем случае оттуда приходили связные с малопонятными директивами, но никак не оружие. Боеприпасы, оставшиеся от сражений Второй мировой войны, которыми и сражались против Красной Армии и войск МГБ "лесные братья" и бандеровцы, к 1953 году уже практически иссякли. Надежды повстанцев на то, что "холодная война" рано или поздно перерастет в войну "горячую", оказались призрачны, учитывая достижение в июне 1953 года перемирия в Корее и наличие у обеих сторон ядерного оружия. Воевать стало нечем и незачем. Победить Красную Армию и МГБ без помощи Запада повстанцы не могли. И неслучайно в конце 53-го года, всего несколько месяцев спустя после

ареста Берии, руководство литовских и украинских повстанцев приняло решение прекратить вооруженную борьбу. Уцелевшие бойцы воспользовались амнистиями или легализовались, скрыв участие в антисоветских формированиях.

Вообще, Берия собирался радикальным образом преобразовать Советский Союз из фактически унитарного в действительно федеративное государство. Его сын Серго свидетельствует:

"Отец, сторонник единого сильного государства, тем не менее был убежден, что политика, которую проводил в отношении республик Центр, как раз и вредит дружбе народов. А ЦК всегда стремился держать республики "в узде", с чем отец примириться не мог.

Он не раз приводил примеры из прошлого, используя архивные материалы, связанные с имперской политикой царской России. И он доказывал, что в структуре современного государства эти же методы, пусть в видоизмененном состоянии, насаждать ни в коем случае нельзя.

Как-то, знаю, они с Жуковым обсуждали, на каком этапе можно создавать национальные армейские соединения и части (по всей видимости, этот разговор происходил в 1945 или 1946 году, еще до жуковской опалы. - /Б. С./). Спорили долго и пришли к выводу, что как только начнется формирование первой такой дивизии, то этой республики в составе СССР больше нет... Жуков и отец решили, что национальные формирования должны быть лишь декоративные, для парадов. Как, скажем, республиканские министерства иностранных дел. Помню, Жуков убеждал отца:

- Ты, Лаврентий, пойми, как только такие части появятся, например, на Украине или, скажем, в Грузии, конец и армии и Союзу...

Отец смеялся:

- Ну и правильно, если мы душим друг друга... А если серьезно, мы должны подвести всю структуру государства к тому, чтобы остаться едиными для внешних систем, но не давить на республики.

Жуков соглашался, хотя в душе, возможно, и оставались у него сомнения. Но национальные части так и не позволили создать. Отец шутил:

- А чем Гречко не командующий украинской армией? Почему Рокоссовский может министром обороны Польши быть, а Гречко нет? И белоруса найдем...

Но шутки шутками, а мысли о настоящем, а не навязанном штыками Союзе не оставляли его до дня гибели".

Следует признать, что в этом споре двух маршалов был прав Жуков, а не Берия. План Лаврентия Павловича по созданию такого объединения республик, которые выступало бы в качестве единого сильного государства по отношению к внешнему миру, а внутри себя имела бы равноправные республики, со своими армиями, полициями и без решающей роли центральной власти, был откровенно утопичен. В идеале Берия, возможно, имел в виду создать нечто вроде новых Соединенных Штатов Америки, только в Евразии. Для Американского государства, как известно, характерно четкое разграничение полномочий федерального центра и штатов, наделение штатов широкими правами в сфере экономики и самоуправления и наличием у них собственной полиции и территориальной армии. Однако США, как известно, возникли и могли существовать только в условиях свободного предпринимательства. А реформировать советскую экономическую и

политическую систему в этом направлении в короткий срок не представлялось возможным. Начинать в таких условиях с укрепления суверенитета союзных республик означало верный путь к развалу государства. Заменой централизованного планирования из Москвы могло стать только централизованное планирование из столиц каждой из республик, а это неизбежно вело каждую из них к отделению из СССР. Но даже если бы такую реформу удалось осуществить, и лишь потом начать предоставлять дополнительные права республикам, не было бы никакой гарантии, что республики, в свое время отнюдь не добровольно включенные в состав СССР, и удерживаемые силой красноармейских штыков и чекистских наганов, не попытаются обрести подлинную независимость, наполнив реальным содержанием декоративные МИДы и опереточные национальные армии.

Попытался Берия достичь и некоторой разрядки в международных делах. Он рекомендовал нормализовать отношения с югославским руководством, возглавляемым Иосифом Броз Тито, и добиваться объединения Германии в качестве буржуазного, но нейтрального государства. Однако все его инициативы были обречены на провал.

Прежде всего против намеченных Лаврентием Павловичем кадровых перестановок в руководстве республик восстал партийный аппарат. На Пленуме ЦК КПСС в начале июля 53-го, участники которого смело клеймили уже арестованного Берию, глава коммунистов Белоруссии Н.С. Патоличев поведал страшную историю, как поверженный глава МВД попробовал подорвать вековую дружбу русского и белорусского народов:

"Это была самая настоящая диверсия со стороны Берии... Впервые в истории нашего многонационального государства имеет место то, когда опытные партийные, советские кадры, преданные нашей партии, снимаются с занимаемых постов только потому, что они русские.

Начальничек Могилёвского областного управления МВД тов. Почтенный почти всю жизнь работает в Белоруссии и не менее 20 лет на чекистской работе. Тов. Почтенный снят Берией только за то, что он русский.

Берия одним махом, без ведома партийных органов, а в Белоруссии без ведома ЦК Белоруссии, снял с руководящих постов русских, украинцев, начиная от министра МВД Белоруссии, весь руководящий состав министерства и областных управлений. Готовилась также замена до участкового милиционера включительно... Берия изгнал из ЧК всех партийных работников, направленных партией в органы для их укрепления...

Однажды министр МВД товарищ Баскаков был в кабинете первого секретаря ЦК. Ему позвонил Берия и говорит: "Ты где?" - "В ЦК, у первого секретаря". - "Иди к себе, позвони". Товарищ Баскаков доложил мне, что ему было сказано, пошёл, позвонил. Ему было дано указание собрать данные о национальном составе партийных, советских и чекистских органов, не докладывая об этом ЦК Белоруссии. Но товарищ Баскаков немедленно доложил ЦК. Он отказался писать записку, тогда его вызвали в министерство в Москву и заставили писать, а затем как негодного прогнали.

Я хочу сказать, товарищи, что Берия не только в партии, в народе, но и в органах не имел и не мог иметь опоры".

Прав, прав был Николай Семенович. Берия не мог рассчитывать на поддержку не только в партии, но и в родном ведомстве (народ ни его, ни оппонентов не волновал - люди давно уже не могли высказывать своего мнения и влиять на власть). Абакумов успел насадить туда своих людей, да и многие прежние выдвиженцы Берии, вроде Цанавы, успели переметнуться на сторону Виктора Семёновича и усидели на своих местах даже после падения Абакумова. Потом кадры МГБ пополнились людьми нового министра - кадрового партработника С.ДК Игнатьева. Оба заместителя Берии, С.Н. Круглов и И.А. Серов, не могли считаться его безоговорочными сторонниками. Сергей Никифорович больше тяготел к Маленкову, а Иван Александрович - к Хрущёву, с которым хорошо сработался на Украине. В.С. Рясной и С.А. Гоглидзе, бывшие заместителями Игнатьева в последний года жизни Сталина, не могли в ту пору влиять на кадровую политику. Василий Степанович, которого в мае 53-го Берия назначил на ключевой пост УВД Москвы и Московской области, во время июньских событий переметнулся на сторону его врагов. Так что как инструмент захвата власти в 53-м году объединённый МВД Лаврентий Павлович использовать никак не мог.

Предпринятая Берией механическая замена кадров по национальному признаку совсем не гарантировала лояльности к нему новых выдвиженцев. В тех республиках, где русская и русифицированная элита была многочисленна и сплочена в единый клан, бериевская реформа стала пробуксовывать ещё до падения своего творца. Предупреждённый Баскаковым, Патоличев успел провести соответствующую работу с местными руководителями, и в результате Пленум ЦК компартии Белоруссии отказался менять Николая Семёновича на рекомендованного Москвой белоруса М.В. Зимянина. Последний совсем не был близок к Берии и успешно продолжил партийную карьеру после расстрела "лубянского маршала". Просто Михаил Васильевич был первым попавшимся под руку членам Президиума высокопоставленным номенклатурщиком белорусской национальности - всё-таки второй секретарь Белорусской компартии. Может быть, как раз осечка в Белоруссии стала важным толчком для формирования антибериевского заговора в руководстве страны.

Конечно, идея борьбы с сильнейшей русификацией партийно-государственного аппарата в союзных республиках с помощью своеобразных "процентных норм" ничего общего с демократией не имеет. Но Берия и не собирался строить в СССР демократическое государство по западному образцу. Просто он хорошо понимал: от насаждавшейся сверху чисто административным путём русификации можно избавиться только столь же грубыми, административными методами. В отсутствие демократии это - единственный путь.

Создается впечатление, что Берия рассчитывал поставить под контроль своих сторонников ряд региональных парторганизаций, чтобы на местах начать процесс десталинизации. Особое значение он придавал родной Грузии. Начать критику культа личности Сталина на родине недавно почившего вождя, вероятно, казалось ему весьма удачным пропагандистским ходом. Уже во Владимирской тюрьме Мамулов рассказывал Пименову, что "в июне 1953 был послан Берией с некой инспекцией парткадров для подготовки внеочередного XV съезда КП Грузии, на котором Берия собирался публично закрепить начатую реабилитацию". В работе по организации XV съезда грузинских

коммунистов активное участие принимал и помощник Берии П.А. Шария, освобожденный из заключения сразу же после возвращения Лаврентия Павловича в МВД (его посадили по "мингрельскому делу"). По всей вероятности, Мамулова Берия прочил новым главой грузинских коммунистов, и поэтому срочно перед съездом добился его введения в Бюро ЦК и назначения главой отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК компартии Грузии. Не исключено также, что в руководители грузинских коммунистов Берия прочил Шарию.

Столь же опасным для подавляющего большинства номенклатуры было и предложение Лаврентия Павловича об объединении Германии. На Июльском пленуме Молотов возмущался: "При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось... что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством социализма в Восточной Германии, что достаточно и того, что Западная и Восточная Германия объединились, как буржуазное миролюбивое государство. Эти речи Берии не могли пройти мимо нашего внимания... Для нас, как марксистов, было и остаётся ясным, что при существующем положении, т. е. в условиях нынешней империалистической эпохи, исходить из перспективы, будто буржуазная Германия может стать миролюбивым или нейтральным в отношении СССР государством, - является не только иллюзией, но и означает фактический переход на позиции, чуждые социализму... Во внесённом Берией проекте постановления Президиума Совета Министров по этому вопросу было предложено - признать "ошибочным в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в Германской Демократической Республике". В связи с этим предлагалось "отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР". Этого мы, конечно, не могли принять... Стало ясно обнаруживаться, что Берия стоит не на коммунистических позициях. При таком положении мы почувствовали, что в лице Берии мы имеем человека, который мне имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это - враг Советского Союза.

Капитулянтский смысл предложений Берии по германскому вопросу очевиден. Фактически зон требовал капитуляции перед так называемыми "западными" буржуазными государствами... Нам стало ясно, что это - чужой человек, что это - человек антисоветского лагеря. (Голоса: "Правильно!..")".

Молотову вторил Маленков: "Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете всего, что узнали теперь о Берии, мы должны по-новому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца... Президиум решил снять Берию с занимаемых им постов и исключить из партии. Президиум пришёл к выводу, что нельзя с таким авантюристом останавливаться на полпути и решил арестовать Берию, как врага партии и народа. (Голоса: "Правильно!" Бурные аплодисменты).

Соратники Ленина и Сталина не привыкли уступать ни пяди той земли, куда ступила нога советского солдата. Единственное показательное исключение - вывод в 1946 году оккупационных войск из

Северного Ирана, и то это произошло только из-за страха перед американской атомной бомбой. Вывод же Советской Армии из Восточной Германии и согласие на реставрацию там капитализма означал не только шаг к окончанию "холодной войны" и отказ от распространения социализма в Западную Европу на штыках советских воинов, но и подспудное признание преимуществ буржуазного строя перед социалистическим. Раз уж не получилось в такой промышленно-развитой и, согласно Марксу, вполне созревшей для социализма стране, как Германия, то, значит, что-то не так с самой марскистско-ленинско-сталинской теорией. Берия, похоже, это понял, но для Маленкова, Хрущёва, Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича и прочих подобное признание было смерти подобно. Жизни для себя в другой общественной системе они просто не мыслили, не видя там для себя достойного места. Лаврентий Павлович был обречён.

ЗАГОВОР ПРОТИВ БЕРИИ И ЕГО АРЕСТ

Постфактум и Хрущёв, и Маленков приписывали каждый себе ведущую роль в аресте Берии. Логика событий как будто заставляет предположить, что ближе к истине здесь Никита Сергеевич. Всё-таки Георгий Максимилианович из всех членов Президиума ЦК был наиболее близок к Берии, и не резон ему было бы первым предлагать вывести в расход "дорогого друга Лаврентия". Однако механизмы интриг среди высшего партийного руководства часто не поддаются объяснению с точки зрения обычной логики. Поэтому нельзя исключить, что и Хрущев и Маленков не кривили душой. Обоим вождям вполне могла одновременно прийти идея избавиться от опасного соперника, который, как в глубине души сознавали и Никита Сергеевич, и Георгий Максимилианович, наголову превосходил их как администратор.

Вот рассказ Хрущёва о том, как состоялся заговор против Берии:

"Наступило наше дежурство с Булганиным (у постели больного Сталина. - /Б. С./)... Я с Булганиным тогда был больше окровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: "Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрёт. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?" - "Какой?" - "Он хочет пост министра госбезопасности... Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность - это будет начало нашего конца. Он возьмёт этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!"

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: "Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен всё понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа"...

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с "ближней дачи". Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним: "Егор, - говорю, - мне надо с тобой побеседовать". - "О чём?" - холодно спросил он. "Сталин умер. Как мы дальше будем жить?" - "А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем

говорить. Для этого и собираемся". Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уж все вопросы оговорены им с Берией, всё давно обсуждено. "Ну, ладно, - отвечаю, - поговорим потом".

Вот собрались все.... Увидели, что Сталин умер... И вот пошло распределение "портфелей". Берия предложил назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК партии. Маленков предложил утвердить своим первым заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности и внутренних дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить министром. Я молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы Булганин не выскочил не вовремя, потому что было бы неправильно выдать себя заранее. Ведь я видел настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, ещё при неостывшем трупе начинаем в партии драку за посты. Да, всё шло в том самом направлении, как я и предполагал.

Молотова тоже назначили первым замом Предсовмина, Кагановича - замом. Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Швейника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия: сказал, что его вообще никто в стране не знает (святая истинная правда. - /Б. С./). Я видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет сделать Ворошилова человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия, когда начнёт работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета партии. Провели мы и другие назначения. Приняли порядок похорон и порядок извещения народа о смерти Сталина. Так мы, его наследники, приступили к самостоятельной деятельности по управлению СССР".

Фактически Никита Сергеевич признался, что ещё в последние часы жизни Сталина договорился с Булганиным постараться убрать Берию из руководства страны. Но для этого требовалось согласие Маленкова. Григорий Максимилианович же в тот момент мучительно колебался: попробовать ли вместе с Берией избавиться от Хрущёва или, заключив союз с Никитой Сергеевичем, сперва одолеть могущественного председателя Спецкомитета, чтобы потом в союзе с Молотовым вывести из состава коллективного руководства самого Хрущёва. В исторический день 5 марта Маленков пока ещё склонялся к первому варианту, оттого и говорил с главой московской парторганизации не слишком тепло. Но очень вскоре Георгию Максимилиановичу пришлось резко изменить позицию. Дело в том, что Берия не проявил особого стремления бороться против кого-либо из "наследников Сталина". Лаврентию Павловичу самым выгодным было сохранение правящей четвёрки, где существовала определенная система "сдержек и противовесов", и никто не имел полной власти. "Лубянский маршал" понимал, что занять то положение, какое занимал Сталин, ему не под силу. Для этого у Лаврентия Павловича не было ни авторитета "великого кормчего", ни подходящего аппарата под рукой. Спецкомитет действовал в основном через ПГУ и ВГУ, которые также не являлись мощными бюрократическими структурами, а давали поручения различным министерствам и ведомствам. Задания же Спецкомитета руководителям местных парторганизаций шли через Маленкова. Только с союзе с ним

Берия мог надеяться осуществить свои реформаторские планы, да и то, если только друг Георгий останется во главе Совмина. Аппарат МВД маршал только-только получил в своё распоряжение, и ему требовалось время для того, чтобы в центре и на местах расставить своих людей. Поэтому Лаврентий Павлович стремился установить хорошие отношения со всеми членами Президиума ЦК, в том числе и с Хрущёвым.

Между прочим, одна из причин, почему Берия начал активно прекращать дела, связанные с борьбой с "космополитами", заключалась в осознании им одного простого факта. В обстановке, когда в стране провозглашалась ведущая роль русского народа и общественное мнение настраивалось против национальных меньшинств, грузину было очень трудно удержаться в высшем политическом руководстве. Неслучайно Сталин смог обрести власть над партией и страной еще в первой половине 20-х годов, когда пропагандировались идеи интернационализма. Берия пытался вернуться к прежней интернациональной парадигме, пытаясь растущий русский национализм "уравновесить" подъемом национального самосознания в республиках. Но не преуспел в этом.

Опять дадим слово "дорогому Никите Сергеевичу": "Во время похорон Сталина и после них Берия проявлял ко мне большое внимание, выказывал своё уважение. Я этим был удивлён. Он вовсе не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал устанавливать дружеские отношения и со мной".

Никите Сергеевичу дружба с Берией была ни к чему. Он собирался сбросить Лаврентия Павловича с борта корабля власти, чтобы затем отправить в пучину опалы и забвения Маленкова. Берия же попробовал бороться не только против культа личности Сталина, но и против культа его наследников. Шеф МВД предложил не украшать колонны демонстрантов 1 мая и 7 ноября портретами членов Президиума ЦК и лозунгами в их честь. На июльском пленуме 53-го года Микоян с возмущением говорил: "В первые дни после смерти товарища Сталина он (Берия. - /Б. С./) ратовал против культа личности". Условия коллективного руководства Лаврентий Павлович считал наиболее благоприятными для того, чтобы сохранить и упрочить собственную власть и влияние.

Хрущёв так охарактеризовал бериевские предложения по национальному и германскому вопросам и по борьбе с культом личности руководителей: "Я не раз говорил Маленкову: "Неужели ты не видишь, куда клонится дело? Мы идём к катастрофе. Берия подобрал для нас ножи". Маленков мне: "Ну, ба что делать? Я вижу, но как поступить?" Я ему: "Надо сопротивляться, хотя бы в такой форме: ты видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто носят антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать". - "Ты хочешь, чтобы я остался один? Но я не хочу". - "Почему ты думаешь, что останешься один, если начнёшь возражать? Ты и я - уже двое. Булганин, я уверен, мыслит так же, потому что я не один раз обменивался с ним мнениями. Другие тоже пойдут с нами, если мы будем возражать аргументировано, с партийных позиций. Ты же сам не даешь возможности никому слова сказать. Как только Берия внесёт предложение, ты сейчас же спешишь поддержать его, заявляя: верно, правильное предложение, я "за", кто "против"? И сразу голосуешь. А ты

дай возможности высказаться другим, попридержи себя, не выскакивай и увидишь, что не один человек думает иначе. Я убеждён, что многие не согласны по ряду вопросов с Берией"".

С перевода с партийного языка на общечеловеческий это означало предложение сблокироваться против чересчур прыткого "лубянского маршала". Георгию Максимилиановичу пришлись ещё раз крепко подумать. С одной стороны, с устранением Берии он терял важного соратника в руководстве, контролировавшего одно из двух силовых министерств. Это здорово ослабляло его позиции в предстоящей борьбе за власть. Но, с другой стороны, Берия не проявил желания переходить вместе с Маленковым к конфронтации с Хрущёвым, а тем более использовать в этой конфронтации силовые методы. Наоборот, даже заигрывал с Никитой Сергеевичем. Маленков мог подозревать, что если не принять сейчас хрущёвское предложение, то Никита Сергеевич попытается сговориться с Берией против него, Маленкова. Тем более что Хрущёв прямо дал понять: министр обороны Булганин с ним заодно. К тому же бериевские предложения вызвали недовольство как среди членов Президиума ЦК, так и среди местных партийных и советских руководителей. В конце концов, Георгий Максимилианович решил сдать Берию, надеясь в будущем одолеть Хрущёва с помощью "старой гвардии" - Молотова, Кагановича, Ворошилова, в последние годы сталинского правления находившихся в загоне. Неслучайно сразу после смерти диктатора по инициативе Маленкова, Ворошилов и Каганович получили важные назначения, а Молотов был произведён в первые заместители Председателя Совета Министров. Кроме того, Маленков учитывал, что его человек, С.Н. Круглов, остается у Берии заместителем и после падения Лаврентия Павловича имеет все шансы возглавить МВД.

Но нельзя исключить, что процитированный выше разговор с Маленковым Хрущев просто выдумал постфактум, чтобы убедить читателей, будто заговор против Берии возник лишь в ответ на его "антипартийные действия". Не менее вероятна и другая версия: Хрущев и Маленков сразу же после смерти Сталина задумали избавиться от Берии, и все дальнейшие события развивались по заранее запланированному ими сценарию. И если разговор Хрущева и Маленкова был, то еще су гроба Сталина.

Хрущёв в мемуарах утверждает, что после беседы с Маленковым им удалось на очередном заседании Президиума провалить предложения Берии. Документальных подтверждений этому нет. Не исключено, что Никита Сергеевич этот эпизод придумал, чтобы его и других членов Президиума действия не выглядели как простой заговор против Берии. вот, мол, сперва покритиковали Лаврентия Павловича за неправильные предложения, а он не только не образумился, а стал переворот готовить. Ясное дело, пришлось арестовать мерзавца. В действительности же заговорщику, наоборот, надо было скрывать свои истинные чувства к могущественному шефу МВД до самого последнего момента.

Убедив Маленкова, Хрущёв, по его словам, стал склонять выступить против Берии других членов Президиума ЦК. Вот как он описывает этот деликатный процесс в мемуарах: "Мы видели, что Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал своё

превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно срочно действовать, и сказал Маленкову, что надо поговорить с другими членами Президиума по этому поводу. Видимо, на заседании такое не получится, и надо с глазу на глаз поговорить с каждым, узнать мнение по коренному вопросу отношения к Берии. Маленков тоже согласился: "Пора действовать"...

Приехал я к Ворошилову в Верховный Совет, но у меня не получилось того, на что я рассчитывал. Как только я открыл дверь и переступил порог его кабинета, он очень громко стал восхвалять Берию: "Какой у нас товарищ Хрущёв, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный человек!"" Никита Сергеевич решил, что как-то неудобно после таких слов сразу же агитировать Ворошилова поскорее убрать из руководства "замечательного человека", и отложил разговор до более подходящего момента. Зато с Молотовым осечки не было. Вячеслав Михайлович и раньше не жаловал Лаврентия Павловича, не без основания видя в нём опасного конкурента (вспомним хотя бы историю с атомной бомбой). Поэтому идею уничтожить Берию встретил с энтузиазмом. Только поинтересовался, а что думает Маленков. Хрущёв успокоил его: "Я разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина". Тогда Молотов совсем воспрянул духом. Остальные члены Президиума тоже не заставили себя долго уговаривать, только задавали сакраментальный вопрос: "А как Маленков?" Ворошилов согласился после того, как с ним поговорил Георгий Максимилианович, перед самым заседанием Президиума Совета Министров, на котором собирались арестовывать Берию. Тогда рже Хрущёв обработал Микояна, у которого, по словам Никиты Сергеевича, с Берией существовали "наилучшие отношения, они горой стояли друг за друга". Анастас Иванович ответил дипломатично: "Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадёжен, в составе коллектива может работать" Хрущёв решил, что осторожный Микоян всё равно задуманному помешать не сможет. Анастас Иванович спокойно поехал на аэродром встречать вернувшегося из ГДР Берию. Микоян не стал предупреждать старого друга об опасности, а повторил заученную со слов Хрущёва и Маленкова байку о том, будто собирается экстренное заседание Президиума Совмина по германским делам.

Иногда высказываются предположения, что в самый последний момент Лаврентий Павлович заподозрил, что против него готовится какая-то гадость со стороны "дорогих товарищей" из Президиума ЦК, и попытался принять какие-то меры предосторожности. Публицист Кирилл Столяров, одним из первых попытавшийся объективно взглянуть на деятельность "лубянского маршала", задается вопросом: "Чувствовал ли Берия приближение своей гибели? Предпринимал ли какие-либо шаги с целью обезопасить себя, ответить ударом на удар? Архивные документы дают основание полагать, что в самый последний момент Берия ощутил эту опасность, но было уже поздно".

И далее, основываясь на материалах дела уже знакомого нам замминистра внутренних дел Грузии Ш.О, Церетели, Столяров сообщает: "В последних числах июня 1953 года, поздней ночью, в спальне раздался телефонный звонок. Лежащий на кровати человек поднял трубку и сонным голосом назвал себя: "Церетели". - "Докладывает полковник Ковалевский... Шалва Отарович, из Москвы

позвонил генерал армии Масленников. Он срочно просит вас связаться по "ВЧ"...

Церетели... проследовал к аппарату правительственной связи и велел соединить его с Москвой. Несколько минут спустя он услышал голос Масленникова: "Шалва Отарович, я только что вышел из кабинета Берии, - объяснил Масленников. - Лаврентий Павлович велел тебе первым же самолетом вылететь в Москву"...

Однако в Москве Масленников не принял Церетели, сославшись на крайнюю занятость. А на следующий день в Министерстве внутренних дел СССР открыто заговорили об аресте Берии". Вскоре арестовали Церетели.

Столяров склонен полагать, что Берия срочно собирал верных людей в столицу, пытаясь предпринять какие-то контрмеры против готовившегося против него заговора Однако в действительности Церетели и других бериевцев из Грузии в ночь с 25 на 26 июня вызвали в Москву только затем, чтобы было легче их арестовать. А то вдруг, узнав боб аресте шефа, они попытаются уйти в Турцию! Второго Люшкова Хрущев, Молотов и Маленков не хотели.

В том, что людей Берии просто заманили в ловушку, убеждает рассказ генерал-лейтенанта С.С. Мамулова диссиденту Р.О. Пименову. Степан Соломонович был очень близким к Берии человеком и возглавлял в июне 53-го отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК компартии Грузии. И вот что он поведал сокамернику по Владимирской тюрьме: "В июне 1953 был послан Берией с некой инспекцией парткадров для подготовки внеочередного XV съезда КП Грузии... Не успел он прибыть в Грузию, как его настигла телеграмма от имени Берии - подложная - с приказом срочно вернуться. Выходя из самолета на военном аэродроме, он попал в объятия своего фронтового друга, тоже генерала: "Сколько лет! Вот радость-то встретиться!" - но из объятий вырваться уже не смог, ибо к двум генеральским рукам присоединилось несколько пар неизвестных, в первую очередь лишивших его пистолета".

Если заместитель Берии И.И. Масленников действительно в разговоре по ВЧ вызвал Церетели в Москву, то тем самым он, возможно, спася себя от того, чтобы быть осужденным вместе с Лаврентием Павловичем. Впрочем, разговор по ВЧ мог быть и художественной фантазией К.А. Столярова, а в действительности Ш.Он Церетели, быть может, вызвали в столицу из Тбилиси, как и Мамулова, подложной телеграммой.

Для ареста Берии привлекли военных. Впоследствии участвовавшие в этой акции маршалы Г.Кб Жуков и К.С. Москаленко по-разному рассказывали, как брали Берию. Каждый стремился приписать себе главную роль. Кому же верить? Неожиданное подтверждение правоты одного из маршалов пришло от Маленкова при обстоятельствах, исключавших неискренность с его стороны.

Когда в июне 1957 года пленум ЦК громил "антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова", Георгий Максимилианович пытался напомнить товарищам о своих былых заслугах, и в частности, указал на свою роль в организации ареста Берии: "Берия разоблачить было не так просто. Мы тогда опирались на военных товарищей в этом деле в самый нужный момент, нам оказал решающую услугу в этом деле товарищ Москаленко. К нему

в трудный момент мы обратились с товарищем Хрущёвым, мы были без сил и средств..." На пленуме Маленкова не пинал только ленивый. Его утверждения опровергали его на каждом шагу и с удовольствием. В зале присутствовали и Жуков, и Москаленко, но ни один из них на этот раз с Георгием Максимилиановичем спорить не стал. Значит, слова Маленкова о решающей роли Москаленко в создании группы генералов для ареста грозного Лаврентия Павловича, - святая истинная правда. Да и как иначе объяснить, почему в команде, арестовывавшей Берию, было так много офицеров и генералов из штаба Московского округа ПВО, который возглавлял Кирилл Семёнович. Поэтому рассказу Москаленко мы в основном можем доверять. Его я и хочу процитировать:

"В 9 часов утра (25 июня 1953 года. - /Б. С./), мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущёв, он спросил: "Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?.."

После этого Хрущёв сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль к председателю Совета Министров СССР товарищу Маленкову, в кабинет, где раньше работал Сталин".

Далее Хрущёв закодировано намекнул, чтобы взяли с собой оружие: "Он сказал, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигареты. Я ответил, что заберу с собой всё перечисленное, однако курить бросил ещё на войне, в 1944 году. Хрущёв засмеялся и сказал, что сигареты могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Тогда я догадался, что надо взять с собой оружие. В конце разговора Хрущёв сказал, что сейчас позвонит Булганину. Я подумал, что нам предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС.

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина, который сказал, что звонил Хрущёв и предложил мне сначала прибыть к нему, т. е. к Булганину... Со своей группой я прибыл к министру обороны. Принял меня товарищ Булганин одного. Он сказал, что звонил Хрущёв, вот я тебя и вызвал. Нужно арестовать Берию... Сколько у тебя человек? я ответил: со мной пять человек... На что он ответил: "Очень мало людей... Кого, ты считаешь, можно ещё привлечь, но без промедления? Я ответил - вашего заместителя маршала Василевского. Он сразу почему-то отверг эту кандидатуру. Я спросил, кто находится сейчас в министерстве из влиятельных военных. Булганин ответил: "Жуков". Тогда я предложил взять Жукова. Он согласился, но чтобы Жуков был без оружия...

И вот в 11.00 дня 26 июня (а звонок Хрущёва был 25. 6.) мы по предложению Булганина сеяли в его машину и поехали в Кремль... Вслед за нами на другой машине приехали Жуков, Брежнев и др. Всех нас Булганин провёл в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушёл в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущёв, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведёт себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника

Маленкова - Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он ещё не прибыл...

Примерно через час, т. е. в 13.00 26 июня 1953 года, последовал условный сигнал, и мы, пять человек вооружённых, шестой товарищ Жуков, - быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Товарищ Маленков объявил: "Именем советского закона арестовать Берию". Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков".

Из рассказа Кирилла Семёновича получается любопытная картина. Жукова к операции привлекают только в самый последний момент и на всякий случай оставляют без пистолета. Значит, Хрущёв и Булганин ему не вполне доверяют. Почему?

Серго Берия утверждает, что отец дружил с Жуковым, который часто бывал в их доме. Берия разделял мысли Георгия Константиновича о том, что в армии надо ликвидировать институт политработников. Разумеется, Серго Лаврентьевич - лицо заинтересованное. Ему очень хочется сблизить имя отца с именем того, кого сделали ныне национальным героем. Нет ли других свидетельств? Оказывается, есть!

После ареста Лаврентий Павлович забрасывал Маленкова ("дорогого Георгия"), Хрущёва и других коллег отчаянными письмами, где указывал на свои былые заслуги. 1 июля он писал: "Т. Т. Маленков и Молотов (другой вариант расшифровки - Микоян. - /Б. С./) хорошо должны знать, что Жуков, когда его сняли с генерального штаба по наущению Мехлиса, ведь его положение было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем самым спасли будущего героя нашей Отечественной войны, или когда т. Жукова выгнали из ЦК - всем нам было больно". Если не врал Берия, глядя в глаза скорой смерти, то данное письмо доказывает, что они с Георгием Константиновичем были совсем не в плохих отношениях.

Хрущёву, Маленкову и их сторонникам очень нужен был авторитетный военачальник, присутствие которого подбодрило бы генералов, идущих на лихое и непривычное дело: арестовывать маршала. Правда, среди заговорщиков был министр обороны маршал Булганин, но он популярностью среди генералитета не пользовался. Подготовку команды для ареста Берии Хрущёв поручил генерал-полковнику Москаленко, возглавлявшему Московский округ ПВО и хорошо знакомому Никите Сергеевичу по войне. Именно по хрущёвской рекомендации Кирилла Семёновича осенью 1943 года назначили командовать 38-й армией, освободившей столицу Украины. Но Москаленко не был сколько-нибудь широко известен. Да и сегодня его чаще всего вспоминают лишь в связи с арестом Берии. Другое дело - Жуков, первый заместитель Булганина. Его присутствие могло произвести впечатление даже на кремлёвскую охрану, если бы она вдруг вздумала заступиться за своего шефа. Но Хрущёв и Маленков наверняка были осведомлены о контактах Жукова и Берии ми опасались, вдруг "маршал победы" встанет на сторону "лубянского маршала" и, не дай Бог, устроит перестрелку на заседании Президиума. Вот и решили на всякий случай не давать ему пистолета. Но Георгий Константинович быстро сориентировался в обстановке.

В архиве сохранились черновые наброски Маленковым речи, которой он открыл заседание 26 июня, и его конспективные записи прозвучавших там предложений. Это - единственный сколько-нибудь достоверный источник сведений о том, как именно снимали со всех постов Лаврентия Павловича, так как стенограммы этого заседания не велось. Георгий Максимилианович заявил коллегам по Президиуму: "Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством. Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии. Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД. Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений. Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью".

Дальнейшая часть маленковской речи сохранилась только в очень отрывочных записях. По ним можно судить, что Георгий Максимилианович предложил вновь разделить только что объединенное МВД на собственно Министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности: "Большая перестройка; исправление методов; агентура; внедрять партийность (возможно, речь шла о том, что надо запретить внедрять агентуру в среду партийного руководства. - /Б. С./).

Комитет (очевидно, государственной безопасности. - /Б. С./) - внутри взоры на врагов, друзей защищать, не - разведку наладить. МВД - задача - лагери должны проверять..."

Другие участники заседания уличали Лаврентия Павловича в "безапелляционности", в том, что он "подавлял коллектив". Также припомнили Берии и чересчур либеральные предложения по изменению политики в западных областях Украины и Белоруссии и в Прибалтийских республиках ("факты - Украина, Литва, Латвия. Нужны ли эти мероприятия. Что получилось, как стали понимать? МВД поправлял партию и правительство. ЦК - на второй план"). Припомнили и "самостийные" действия по "венгерскому вопросу", когда Лаврентий Павлович вылез с кандидатурой Надя, не обговорив ее со всеми членами "четверки". При этом Микоян предложил освободить Берию от поста первого заместителя правительства и назначить министром нефтяной промышленности (о том же пишет в мемуарах Хрущёв). Уже один этот факт рушит все легенды о том, будто Лаврентий Павлович организовал заговор и планировал государственный переворот. Где, в какой стране, человека, обвинённого в столь серьезных преступлениях, в наказание разжалуют из первых вице-премьеров в простые министры? Если бы на заседании фигурировали какие-то конкретные факты, уличавшие Берию в подготовке переворота, Анастас Иванович никогда бы не рискнул выступить с подобным предложением. Ведь это был бы прямой путь к тому, чтобы быть объявленным бериевским соучастником со всеми вытекающими отсюда последствиями. Присутствовавшие-то хорошо знали, что Микоян был одним из тех, кто рекомендовал Лаврентия Павловича на работу в Москву.

А заседании Президиума также поступило предложение передать управление охраны высших должностных лиц под непосредственный контроль ЦК, а то, как заявил Маленков, "С утра до вечера шагу не

шагнешь без контроля!" И потребовал: "Наша охрана - у каждого в отдельности, (подчиняется. - /Б. С./) тому, кого охраняет (без доносов)" (прежде существовало двойное подчинение - МВД и тому члену Президиума ЦК, которого данные "топтуны" охраняют). И еще один пункт беспокоил Маленкова: "Организация прослушивания - ЦК - контроль. Товарищи не уверены, кто и кого подслушивает".

Тут уж, думается, Георгий Максимилианович лукавил. Ведь он вместе с Никитой Сергеевичем и другими членами Президиума распрекрасным образом смогли спланировать и осуществить заговор против Берии, несмотря на то, что Лаврентию Павловичу подчинялась и кремлевская охрана, и служба "прослушки". А дело, наверное, в том, что охранники членов Президиума хоть и подчинялись формально МВД, но предпочитали в первую очередь слушаться своих подопечных, от которых им немало перепадало разных благ. Больше того, рискну предположить, что если бы Хрущев и Маленков, глава правительства и глава партии, да еще и Ворошилов - формальный глава государства, да еще несколько членов Президиума вызвали бы к себе начальника кремлевской охраны и приказали бы ему арестовать Берию как матерого американского, германского или японского шпиона, он бы с готовностью этот приказ выполнил. Что, чекистам впервой, что ли, арестовывать членов высшего политического руководства? В 37-38-м наарестовывались вдоволь. А Берия начальнику охраны - не кум и не сват. Во главе объединенного МВД Лаврентий Павлович - без года неделю. Люди в кремлевской охране - все еще прежние, игнатьевские. Так зачем же им перечить Маленкову с Хрущевым, грудью становиться на защиту Берии и наживать на свою голову большие неприятности!

Нет, ужастики про охрану, которая того и гляди пальнет в спину охраняемому или донесет о его любовных шашнях туда, куда не следует, понадобились Маленкову, чтобы попугать коллег по Президиуму и заручиться их одобрением на самые суровые меры против Берии.

А почему же все-таки Никита Сергеевич с Георгием Максимилиановичем к аресту опасного соперника решили привлечь не чекистов, а военных? Думаю, потому, что они хотели заручиться лояльностью армии. Как-никак, положение в стране относительно нестабильное. Коллективное руководство тем безоговорочным авторитетом, каким обладал Сталин, не пользуется. Всех вместе членов "четверки" вместе взятых боятся гораздо меньше, чем одного генералиссимуса. А процесс превращения "четверки" в "тройку", да еще столь неэлегантным образом, когда неугодного вождя арестовывают с явным намерением расстрелять после скорого и неправого суда, сам по себе вносит дополнительную дестабилизацию. Вдруг кто-то из высокопоставленных военных решит, что ему гораздо сподручнее, чем дорогим Георгию Максимилиановичу и Никите Сергеевичу, управлять государством? Единственный же из крупных военачальников, популярный среди офицерства и находящийся в тот момент в Москве, это Жуков (его свояк Василевский, не отличавшийся сильной волей, - не в счет). Его соперники по этой части, Рокоссовский и Конев, - далеко от столицы: Рокоссовский - в братской Польше министром обороны, Конев - на Западной Украине, командует Прикарпатским военным округом, войска которого сражаются с остатками УПА. Значит, опаснее всего сейчас Жуков. Не столь важно, что он в неплохих отношениях с Берией.

Ведь сам Георгий Максимилианович до самого последнего момента другом Лаврентия Павловича считался! Хотя и здесь подстраховаться не мешает. Главная же опасность, как бы Жуков не только Берии, но и всем членам Президиума "Руки вверх!" не скомандовал. Поэтому оружия Георгию Константиновичу на всякий случай не дали и подключили к заговору лишь в самый последний момент, чтобы не успел подготовить свою собственную игру. А преданному Хрущеву Москаленко наказали присматривать за Жуковым. Так маршал оказывался повязан с "коллективным руководством" совместной акцией по аресту Берии и хотя бы на время выведен из числа претендентов на верховную власть.

Вероятно, Маленков или Микоян заявили на Президиуме: "Пост Министра внутренних дел у товарища Берия - он с этого поста контролирует партию и правительство. Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же не поправить".

Создается впечатление, что почти до самого конца заседание шло так, что Берия, хотя и почувствовал опасность, никак не сознавал, что она - смертельная. Он наверняка понял, что его собираются снять с поста главы МВД, вероятно, вывести, из Президиума ЦК, лишить поста первого заместителя председателя Совета Министров и назначить на какую-нибудь рядовую министерскую должность - например, министра нефтяной промышленности. Уже наметили, как распорядиться с бериевским наследством: "МВД - пост дать другому (Круглов) + ЦК... Специальный Комитет - в Министерство. Сабуров и Хруничев (назывались возможные руководители нового министерства. - /Б. С./). И как гром среди ясного неба прозвучало для Лаврентия Павловича заключительное требование Маленкова арестовать его, Берию, и появление Москаленко с Жуковым и еще несколькими генералами и полковниками.

В записи Маленкова сохранились загадочные слова: "Суд - подия Особое совещание факты". Очевидно, уже на заседании Президиуму было решено предать опального шефа МВД суду по типу Особого совещания, которое сам же Берия и предлагал упразднить. Тем самым фактически предрешался и смертный приговоры Прецедентов, чтобы Особое совещание оставляло в живых попавшего ему в руки члена Политбюро, до сих пор не было. И, чтобы оправдать применение высшей меры, уже начали подбирать факты под версию о "бериевском заговоре".

Сам Микоян в посмертно опубликованных мемуарах утверждал, что ещё с начала 30-х годов видел, что Берия - плохой человека Как следует из записи Маленкова и мемуаров Хрущёва, старый кремлёвский лис Анастас Иванович считал Лаврентия Павловича достаточно хорошим для поста министра нефтяной промышленности даже в тот момент, когда большинство членов Президиума ЦК склонялось к тому, чтобы прислонить к стенке слишком шустрого главу МВД. Ну а утверждения Микояна, будто его самого пытались "замазать" в репрессиях, да так и не сумели, оставим на совести бывшего начальника советской внешней и внутренней торговли. Достаточно сказать, что его подпись красуется под решением Политбюро от 5 марта 1940 года о расстреле 22 тысяч поляков. По меркам Нюрнбергского международного трибунала вполне хватило бы для того, чтобы быть повешенным. И нет никаких сомнений, что это не единственный документ, подписанный вождём, о котором

говорили - "от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича". А насчёт мнения Микояна, будто Берию наверх, в центральный аппарат, двигали таинственные грузины... Один из высокопоставленных грузин, А.С. Енукидзе, лишился своего поста секретаря ВЦИК ещё в 35-м году, когда Берия оставался в Закавказье и не было речи о его переезде в Москву. Другой грузин в советском руководстве, Орджоникидзе, покончил с собой после острого конфликта со Сталиным. Произошло это за полтора года до назначения Лаврентия Павловича первым заместителем наркома внутренних дел. Неужели перед тем, как выдвигать главу коммунистов Грузии на столь ответственный пост, Иосиф Виссарионович не проконсультировался с Микояном, когда-то работавшим вместе с Берией в Закавказье?

Кстати сказать, и на Июльском пленуме, где клеймили Берию, Микоян высказался о поверженном "лубянском маршале" куда более сдержанно, чем в позднейших мемуарах. Он, в частности, не подтвердил прямо, что Берия был мусаватистским и английским шпионом, хотя и постарался навести тень на плетень: "Получив такое обвинение, такой удар на Пленуме ЦК (в 1937 году. - /Б. С./), что он работает в буржуазной контрразведке, а не был послан партией, как он утверждает, он не счел нужным представить документы, подтверждающие действительность, для того чтобы снять с себя такое пятно. Он был щепетильным по таким вопросам (интересно, какие документы мог бы представить в данном случае Лаврентий Павлович? Справку от мусаватистов, что он работал у них по заданию большевиков? Ведь дело-то было сугубо конспиративное, и доверять бумаге суть бериевской миссии было рискованно - посылали его в контрразведку подпольщики, которых в любой момент самих могли арестовать. - /Б. С./). В другом случае он никогда не пропустил бы такой возможности. Значит, он хне был в областной организации. Поэтому товарищ Хрущев совершенно прав, когда он заявил: "Был или не был послан партийной организацией, это не увеличивает доверия, когда он раскрыт в наших глазах". Действительно неизвестно, не была ли его работа в контрразведке ширмой для выполнения поручений не от коммунистов, а от других хозяев"".

Да, Никита Сергеевич на заседании Президиума сказал вполне откровенно: какая, мол, разница, по заданию партии или нет служил Берия в мусаватистской контрразведке. Главное, что человек плохой, и разоблачен нами полностью как враг партии и народа. Это потом вопрос о Берии как о "мусаватистском шпионе" усиленно муссировался, как выигрышный пропагандистский прием.

После ареста Берии распускались слухи, будто Хрущёву и остальным удалось упредить Берию буквально на один день. Якобы 27 июня Лаврентий Павлович собирался арестовать весь Президиум ЦК на спектакле в Большом Театре. Интересно, какой глава заговора согласится накануне "дня X" на 10 дней уехать из страны, чтобы вернуться только накануне? А Берия как раз в середине июня был направлен в ГДР, где нарастали волнения и где уже после его прибытия разразилось восстание против режима Вальтера Ульбрихта. Время для либерализации было уже упущено, и Лаврентий Павлович, нисколько не смущаясь, бросил против практически безоружных демонстрантов пехоту и танки из состава советских оккупационных войск. Выступление рабочих Берлина и других городов Восточной Германии

было потоплено в крови. По официальным данным, около 30 человек было убито, около 400 ранено; по неофициальным - убитых было несколько сотен. Берия прилетел в Москву только утром 26-го и сразу попал с воздушного корабля на последний в своей жизни "бал" - заседание Президиума ЦК (ему сказали, что не ЦК - а Совмина).

Кстати сказать, в подавлении восстания в Восточной Германии проявилась вся сущность Берии. Лаврентий Павлович готов был осуществлять далеко идущие реформы, но только сверху, без участия масс. Любые же выступления против коммунистического правления, пусть даже под сходными реформаторскими лозунгами, он беспощадно подавлял.

ПИСЬМА МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Помещённый после ареста в бункер штаба Московского военного округа, Лаврентий Павлович забрасывал коллег письмами, где умолял пощадить его 28 июня Берия отправил первое письмо Маленкову:

"Дорогой Георгий. Я был уверен, что из той большой критики на Президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе (возможно, здесь Берия дословно повторил предложение Микояна. - /Б. С./). Но ЦК решил иначе. Считаю, что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина-Сталина, своей Родине, был всегда активен в работе. Работал в Грузии, в Закавказье, в Москве в МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД, всё отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному Комитету, Первому и Второму главным управлениям, занимающимся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Климентия, Хрущёва Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других - пусть простят, если что и было за эти пятнадцать лет большой и напряжённой совместной работы. Дорогие товарищи, желаю всем вам больших успехов в борьбе зри дело Ленина-Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтёте возможным, семью (жена и старуха-мать) и сына Серго, которого ты знаешь, не оставлять без внимания".

Надо отдать должное Лаврентию Павловичу. В этом, по сути, предсмертном письме, он не только о себе хлопотал (хотя прямо ничего не просил, намекал только, что за хорошую работу, за атомную бомбу и ракетное оружие можно бы и не расстреливать). И не только о семье, которую Маленков, конечно же, не оставил без внимания: жена Нина и сын Серго были тотчас арестованы. Берия просил и за своих сотрудников, вплоть до помощников и секретарей. Говорил, что подбирал людей только по деловым качествам, наивно надеясь, что их минует опала. Может, потому, что никакой настоящей вины сне чувствовал. Ведь не только государственный переворот не готовил, но даже никого из членов Президиума смещать не собирался.

Через два дня, не имея реакции на первое послание, Берия написал вновь. Теперь он решил, что если покаяться не в настоящих ошибках, а

в несуществующих грехах, которые ему инкриминировали, жизнь, может, и сохранят. Главное же, в этом письме Лаврентий Павлович, вероятно, в глубине души уже не надеявшийся, что выйдет из этой переделки живым, подводил итоги своего жизненного пути. Узник обращался к "другу Маленкову":

"Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны после пленума ЦК КПСС, как на работе, так и в отношении лично тебя и - некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждаю себя. Особенно тяжело и непростительно моё повеление в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно, и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддержать делами новое руководство ЦК и Правительства, укрепляя руководство МВД и местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по так называемому мингрельскому национальному центру в Грузии и возвращении неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривлении линии партии, допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской СССР, Западной Украине и Западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т. Хрущева Н.С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием, на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили значение самих решений ЦК и, что создалось недопустимое положение, что МВД, как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунистической партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда как роль МВД ограничивалась только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок, было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал, этого не следует делать. Поведение мое на заседании Президиума ЦК, и Президиума Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое, вносившее нервозность и излишнюю резкость, мя бы сказал, как это сейчас хорошо продумал и понял, иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении Хрущева Н.С. и Булганина Н. А при обсуждении по Германскому вопросу, конечно, я здесь безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения. В то же время я, так же как и все Вы, старался внести предложения в Президиум, направленные на правильное решение вопросов, таких как Корейский, Германский, Ответы Эйзенхауэру и Черчиллю, Турецкий, Иранский и др.

Поступок мой при приеме венгерских товарищей, ничем не оправданный. Предложения о Надь Имре**[8]** должен был не я или кто иной вносить, а тебе надо было сделать (тогда Берия полез поперек батьки - Маленкова - в пекло. - /Б. С./), а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и

развязность, за что, конечно, меня следует крепко взгреть. Но должен сказать со всей честностью, сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовиться к заседаниям ЦК и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами, работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести ЦК и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев. Вопрос об этом, как ты знаешь, мы с тобой долго вынашивали еще при жизни товарища Сталина. В отношении товарищей, с которыми я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялось, как это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять хотя бы руководящих работников в МВД. Т-щей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других (показательно отсутствие в списке Меркулова; вероятно, Берия, перечисляя близких себе людей, Меркулова таковым в 1953 году уже не считал. - /Б. С./), кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали как положено настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное, навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик. Безусловно, под руководством партии и Правительства, работу МВД можно было в течение не более года наладить, как внутри страны, так и на зарубежные страны, и обеспечить квалифицированный совет Странам Народной Демократии, для этого людей в МВД больше чем достаточно, только нужно кропотливо и неустанно работать. Я в начале говорил, что я перед тобой виноват, что не сумел себя поставить, как я это был обязан сделать, это самая непростительная ошибка. Тем более, это очень досадно, что мы дружно, честно, По-партийному работали в течение многих лет и тяжелых и грозных военных и восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано с совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, - большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Обороны, когда, волей партии нам было поручено: тебе - организовать в необходимых количествах в предприятиях министерств - выпуск самолетов и моторов, а мне - вооружения и боеприпасов, или вопросы формирования для фронта, совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта, были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л.М. и Микояном А.И. для налаживания железнодорожного транспорта, который играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Западный фронт -

который немец сильно теснил, наша совместная работа по созданию под руководством Государственного Комитета, Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных, чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к выполнению поручений партии, Правительства и Товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха. После войны совместная работа в Комиссии по восстановлению разрушенных районов. Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружья, а позже по системам "Комета" и "Беркут" - управляемых снарядов. Никогда не забывал я твое большое товарищеское человеческое отношение ко мне, когда я по известным тебе причинам в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Казахской ССР, где, как известно, успешно завершилось испытание атомного оружья. Как тебе хорошо известно, а в последнее время - и т-щу Булганину Н.А., организации, контролируемые Специальным Комитетом, Первое и Второе Главные управления и их предприятия и Научно-технические силы, лаборатории, конструкторские бюро и институты представляют колоссальнейшее достижение, это гордость нашей Страны. Я тебе вскользь докладывал, и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной, равной 250-300 тысяч тонн тротила. **[9]**

По "Беркуту" испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами, и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное, на основе "Кометы" и "Беркута" есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов, как в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Эти оружья надо двигать вперед, это настоящее будущее, которым надо вооружить армию нашей страны. США и Англия придают этому исключительное значение. Повторяю, все это достигнуто потому, что этого хотели Партия и Правительство, но хотел сказать, и тут мы совместно работали. Почти одновременно освободили тебя из ЦК и меня из МВД и стали работать в Совнаркоме, повторяю, дружно стали работать, также честно и по-партийному вместе с т-щами Молотовым В.М., Кагановичем Л.М., Булганиным Н.А., Ворошиловым, Микояном А.И., а после перехода в Москву и с т. Хрущевым Н.С. и другими. Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили товарища Сталина, что он был не прав в отношении нас. Я не говорю о всевозможных поручениях, которые давались нам ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным, в связи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать, всегда мы старались быть принципиальными, объективными, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли не каждый день встречались в течение десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, го людях, как лучше организовать ту или иную работу и как лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с

тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице, тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии (с так называемым "мингрельским делом"-/Б. С./). И когда не стало Товарища Сталина я не задумываясь назвал тебя, так же как и другие товарищи Председателем Правительства и что считал и считаю это единственно правильной. В дальнейшем я еще больше убедился в этом, что именно ты успешно поведешь вместе с руководящим коллективом ЦК и Правительства. Поэтому, моя трагедия в том, что, как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы, были в сложных переплетах, и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня, а теперь исключительно по моей вине, потерял все, что связывало нас. Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей.

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам, работая в Закавказье, мы все высоко ценили, считали Вас верным учеником Ленина и верным Соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина, это наглядно можно было видеть в отношении Вас Закавказской организации. Если спросить мою семью, Вам могут рассказать очень много хорошего о Вас с моих слов. После переезда в Москву, если не считать дел, если помните Мальцева - работавшего в Архиве и Слезберг - которые велись по прямому указанию товарища Сталина (имеются в виду арестованные в связи с делом жены Молотова П.С. Жемчужиной в 1939 году Н.В. Мальцев и А.Я. Слезберг, от которых требовали показаний на Жемчужину и впоследствии расстреляли. - /Б. С./), что, очевидно, может подтвердить т. Анастас Иванович и кое-кто другие, я не знаю ни одного случая, чтобы меня можно было упрекнуть в отношении Вас. Наоборот, Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче Вы поставили вопрос ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет тогда оборону нашей родины, я вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание товарища Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его в немедленной организации Комитета Обороны Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете Ваша исключительная роль в области внешней политики. Ваше прекрасное отношение ко мне, в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Потсдаме, где, как знаете, я не был делегатом, а был по роду своей работы, хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот, кто ссорит Молотова со Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно т. Сталин называл своими сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея в виду Вас и Микояна.

Климент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину и настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил назначить в тяжелые времена, переживаемые нашей Родиной, известных всей стране т-щей Вас и Буденного командующими фронтами. Обругать обругал, а чуть позже т. Сталин назначение провел. Это я думаю товарищи подтвердят. С т. Маленковым Г.М. очень часто говорили между собой и с другими товарищами о предложении т-щу Сталину назначить Вас председателем Президиума Верховного Совета, и только теперь было это проведено. Всего не скажешь.

Никита Сергеевич! Если не считать последнего случая на Президиуме ЦК, где ты меня крепко и гневно ругал, с чем я целиком согласен, мы всегда были большими друзьями. Я всегда гордился тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ, и не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и т-щу Сталину. Твоим отношением я всегда дорожил.

Николай Александрович! Никогда и нигде ля тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог. Т. Маленков Г.М. и я не раз о тебе говорили товарищу Сталину, как о прекрасном товарище и большевике. Когда т. Сталин предложил нам вновь установить очередность председательствования, то я с т. Маленковым Г.М. убеждали, что этого не надо, что ты справляешься с работой, а помочь мы и так поможем.

Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил ещё в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию. Тогда ещё меньшевистскую. От имени Кавбюро РКП и Реввоенсовета XI армии. Лазарь знает меня с 1927 года, не забуду никогда помощи, оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарём ЦК. За время работы в Москве можно было многое сказать. Но одно скажу: всегда видел с Вашей стороны принципиальное отношение, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

Товарищи Первухин и Сабуров говорили, что у меня было привилегированное положение при жизни т-ща Сталина, это же не верно. Георгий, ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности, когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии ЦК ВКП(б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе и работа хорошо шла и лично я был в восторге. Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядок в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Обороны. И только в начале войны, когда надо было остановить бегущие - отступающие наши войска, был вновь объединен, мог бы МВД - возвращен Особый отдел из Наркомата Обороны и после проделанной работы по остановке бегущих войск, когда было расстреляно несколько десятков тысяч дезертиров, созданные заградительные отряды и др. - вновь было выделено МГБ. Т-щам, которые близко работали в Политбюро, ведь это им хорошо известно. Что же касается моего отношения к т. Сабурову, то т. Маленков Г.М. и я отстояли его на посту Председателя Госплана, а т. Первухина, конечно, по заслугам я представил и провел Героя Социалистического Труда.

Все это, может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий, прошу тебя понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно, в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественной и Славной, думать иначе обо мне просто недопустимо моей голове. Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите, дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую, пошлите, присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост, я не буду, годен для другой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке, и умоляю Вас, не лишайте меня быть активным строителем на любом маленьком участке славной нашей Родины, и вы убедитесь, что через 2-3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству".

В заключение письма Лаврентий Павлович признавался: "Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)".

В черновике этого письма Берия отмечал, что "я сейчас нахожусь в таком состоянии, что мне простительно, что так приходится мне писать", и утверждал, что вопрос о нормализации отношений с Югославией поставил по совету Маленкова.

Лейтмотив этого письма Маленкову - "счастье свое я нашел в нашей дружбе и совместной работе с тобой". И еще: "Мы теперь всегда будем вместе. Помянут меня, помянут тебя". Но Георгий Максимилианович лести, вынуждаемой реальной угрозой расстрела, вряд ли поверил. И, наверное, с усмешкой прочел "исповедь пламенного коммуниста". Уж он-то хорошо знал цену декларируемой теперь любви Берии к Сталину. И прекрасно понимал, что, как и остальные члены Президиума, Лаврентий Павлович думал только о двух вещах - карьере и сохранении собственной шкуры, которую Сталин мог спустить в любой момент. Бюрократическая ода о том, как они совместно с Берией "не знали других интересов, кроме как лучше выполнить имеющиеся поручения", вряд ли произвела впечатление на Георгия Максимилиановича. Маленков-то наверняка знал, что "друг Лаврентий" в свободные от выполнения поручений минуты успевал и прекрасному полу внимание уделить. А о том, что реальная в прошлом его близость к Берии в будущем, в случае осуждения Лаврентия Павловича, может стать компрометирующим его, Маленкова, фактом в руках соперников, того же Хрущева, например, Георгий Максимилианович в тот момент, очевидно, не задумывался. И зря. Может, и вспомнил "друга Лаврентия", когда в 1957 году уходил в политическое небытие, да поздно было.

Ответа не было. 2 июля Берия написал последнее письмо, обращаясь уже сразу ко всем "дорогим товарищам" из Президиума ЦК: "... Со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5-дневного заключения, без единого допроса, умоляю вас всех, чтобы этого не допустить, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно.

Дорогие т-щи, настоятельно умоляю вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Зачем делать так, как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Ещё раз умоляю вас всех, особенно т.т., работавших с т. Лениным и т. Сталиным, обогащённых большим опытом и умудрённых в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина прошу, умоляю вмешаться, и вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен, верный ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления мощи нашей страны и единства нашей великой партии у меня не было никаких мыслей. Свой ЦК и своё Правительство я не меньше любых т-щей поддерживал и делал всё, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка, и притом подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущёва прошу не упорствовать. Разве будет плохо, если т-ща реабилитируют. Ещё и ещё раз умоляю вмешаться и невинного своего старого друга не губить".

Лаврентий Павлович в тот момент всерьёз опасался, что в самом скором времени, может быть, в ближайшие часы, будет убит прямо в бетонном подвале без суда и следствия. Теперь он решил всё отрицать и настаивать на своей полной невиновности. И от потрясения, связанного с арестом и пятидневным заточением в полной изоляции, как кажется, потерял реальное восприятие действительности. Только этим можно объяснить веру Берии, что его собираются убить злодеи-тюремщики, которые действуют без ведома "старых товарищей" из ЦК. Маленков, Хрущёв и другие члены Президиума не хуже арестованного знали, что никакого заговора он не готовил. И потому проводить расследование, а тем более "реабилитировать товарища" никто из них не собирался.

Больше Берия писем не писал. Ему перестали давать карандаш ни бумагу.

Серго Берия был убеждён, что его отца убили сразу после ареста, да и сам арест происходил не в зале заседаний Президиума ЦК, а в особняке на Малой Никитской улице, где жил Лаврентий Павлович:

Примерно в полдень 26 июня 1953 года. - /Б. С./) в кабинете Бориса Львовича Ванникова... ближайшего помощника моего отца по атомным делам, раздался звонок. Звонил лётчик-испытатель Ахмет-Хан Султан...

- Серго, - кричит, - у вас дома была перестрелка. Ты всё понял? Тебе надо бежать, Серго! Мы поможем...

У нас действительно была эскадрилья, и особого труда скрыться, скажем, в Финляндии или Швеции не составляло. И впоследствии я не раз убеждался, что эти лётчики - настоящие друзья... Но что значит бежать в такой ситуации? Если отец арестован, побег - лишнее доказательство его вины...

Когда мы подъехали (к особняку. - /Б. С./), со стороны улицы ничего необычного не заметили, а вот во внутреннем дворе находились два бронетранспортёра... Внутренняя охрана нас не пропустила... Отца дома не было... Когда возвращался к машине, услышал от одного из охранников: "Серго, я видел, как на носилках вынесли кого-то, накрытого брезентом..."... Со временем я разыскал и других свидетелей, подтвердивших, что видели те носилки...

В пятьдесят восьмом я встретился со Шверником, членом того самого суда над Л.П. Берией. - /Б. С./)... Могу, говорит, одно тебе сказать: живым я твоего отца не видел. Понимай как знаешь, больше ничего не скажу.

Другой член суда, Михайлов, тоже дал мне понять при встрече на подмосковной даче, что в зале суда сидел совершенно другой человек, но говорить на эту тему он не может...

Почему никто и никогда не показал ни мне, ни маме хотя бы один лист допроса с подписью отца?

Нет для меня секрета и в том, почему был убит мой отец. Считая, что он имеет дело с политическими деятелями, отец предложил соратникам собрать съезд партии или хотя бы расширенный Пленум ЦК, где и поговорить о том, чего давно ждал народ. Отец считал, что всё руководство страны должно рассказать - открыто и честно! - о том, что случилось в тридцатые, сороковые, начале пятидесятых годов, о своём поведении в период массовых репрессий. Когда, вспоминаю, он сказал об этом незадолго до смерти дома, мама предупредила: "Считай, Лаврентий, что это твой конец. Этого они тебе никогда не простят...""

Предположение Сергея Лаврентьевича о том, что отец был убит в день ареста, легко опровергается сохранившимися в архиве тюремными письмами Берии. А вот насчёт протоколов допросов... Возможно, как мы увидим ниже, здесь действительно лежит ключ к разгадке тайны смерти Берии. Однако прежде следует подчеркнуть, что фрагменты нескольких протоколов допросов "лубянского маршала" на следствии историки публиковали. Н.А. Зенькович, например, цитирует допросы, происходившие 23 июля и 7 августа и касавшиеся авторства книги "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". Берию обвиняли в присвоении чужой рукописи, изданной в 1935 году под его именем. Лаврентий Павлович своей вины не признал. Он настаивал, что "этот доклад (сделанный Берией на собрании Тбилисской парторганизации в июле 35-го. - /Б. С./) готовился по моей инициативе, я был главным участником подготовки материалов к докладу, помогал мне в сборе материалов филиал ИМЭЛ города Тбилиси. Принимало участие в подготовке этого доклада около 20 человек, и около 100 человек было принято бывших участников того времени. Я отрицаю, что я делал это с целью втереться в доверие к Сталину. Я считал совершенно необходимым издание такой работы..."

На следующем допросе Берию спросили о судьбе одного из создателей доклада бывшего заведующего отделом агитации Закавказского крайкома партии Эрика Бедии, поводом для ареста которого будто бы послужило его заявление во время дружеской вечеринки, что не Берия, а он, Бедия, написал злополучный доклад Лаврентий Павлович отрицал, что распорядился арестовать Бедию из-за его неосторожного заявления. Отрицал Берия и то, что знал о расстреле Бедии по приговору тройки.

Тогда Берии предъявили заявление бывшего завотделом ЦК компартии Грузии Кало Орагвелидзе, будто бы явившееся основанием для возбуждения дела против Бедии: "На квартире у меня в 1936 году в связи с болтовней Сефа о том, что он писал доклад Л. Берии, Э. Бедия заявил, что не Сеф, на он сам, Бедия, сделал этот доклад, который прочитал Л. Берия". Но Лаврентий Павлович все равно отрицал, что арестовал Бедию из мести: "Указания я об аресте не давал, но о деле Берии докладывали мне, наверное, докладывал Гоглидзе".

Руденко продолжал:

"- Из дела Бедии усматривается, что он был обвинен в подготовке совершения террористического акта над вами?

- Впервые слышу, - удивился Берия.

- Почему дело Бедии не было направлено в суд и на каком основании оно было направлено для рассмотрения во внесудебном порядке на тройку? - допытывался прокурор.

- Первый раз слышу", - уверял Берия. Отрицал он и то, что ранее знал о расстреле Бедии во внесудебном порядке.

На суде же Лаврентий Павлович утверждал: "Несколько человек бралось написать книгу "История большевистских организаций в Закавказье", но никто не написал. Бедия и другие лица составили книгу, а я по ней сделал доклад. Затем эта книга была издана под моим авторством. Это я сделал неправильно. Но это факт, и я его признал. Бедия был связан с Ломинадзе. На основании этих данных он был арестован и расстрелян. Но это ни в коей мере не связано с его участием в составлении книги..."

Стремясь опровергнуть Берию, член суда Москаленко зачитал показания чекиста Савицкого, принимавшего участие в аресте Бедии: "Об аресте Бедии Берия не только знал, но он, Бедия, был арестован по его указанию. Бедия до ареста работал редактором газеты "Коммунист" и без санкции Берии, Бедия арестованным быть не мог".

Что без санкции Берии редактора "Коммуниста" арестовать не могли - это сущая правда. Данная должность входила в номенклатуру ЦК компартии Грузии, и первый секретарь Берия обязан был визировать списки на арест этой категории работников. Но тот же Савицкий на следствии показал, что Бедия действительно был связан с Ломинадзе и другими правыми. Так что, скорее всего Бедию расстреляли за правый уклон, а отнюдь вне за излишнюю болтливость по поводу творческой истории книги о первых большевистских организациях в Закавказье. Точно так же другой болтун Сеф вполне мог быть расстрелян как зиновьевец, а не как истинный автор книги "К истории большевистских организаций в Закавказье".

Почему же следствие и суд так много уделили внимания пустяковому, в сущности, вопросу: сам ли Берия написал злополучную книгу. Ведь Лаврентию Павловичу инкриминировали вещи куда более серьезные: измена родине, заговор, умысел на теракт, перед которыми обвинение в плагиате просто меркло. Почему же так цеплялись за книгу? А вот почему. Обвинения в плагиате, равно как и в моральном разложении, были очень хороши для последующего распространения среди широких партийных и непартийных масс. Хотя бы потому, что соответствовали, пусть отчасти, истине. Обвинения же в заговоре были весьма неконкретны. Никаких фактов просто не было. Поэтому о заговоре была пущена в народ версия (ничего общего не имевшая с

действительностью), будто Хрущев и Маленков упредили Берию в последний момент, то буквально на следующий день министр внутренних дел собирался арестовать в Большом театре весь Президиум ЦК.

Если посмотреть на это дело с позиций сегодняшнего дня, то ничего необычного в случае с докладом об истории большевистских организаций Закавказья нет. Уже Хрущёву, Брежневу, Андропову и Черненко, это теперь точно известно, речи писали коллективы "спичрайтеров", официально именовавшихся "консультантами". Правда, Сталин как будто свои речи писал сам. Но где гарантия, что, например, тому же Маленкову или Жданову не помогали в написании докладов и речей помощники и другие сотрудники аппарата. А Берии наверняка создавать бессмертный доклад помогал не один Бедия, а целый коллектив Грузинского ИМЭЛа. При желании подобное же обвинение можно было предъявить если не всем, то многим из обвинителей "лубянского маршала". Но против Лаврентия Павловича годилось всё, что попадалось под руку, поскольку основное обвинение в заговоре даже ложными показаниями подтвердить было довольно затруднительно. Ни прокурор, ни его партийные наставники не смогли даже сколько-нибудь правдоподобно придумать сценарий "бериевского переворота". Расстрелять же Бедию могли вовсе не из-за книги, и даже не за связь с правыми, а, так сказать, по должности, - Сталин и Ежов выводили в расход большинство чиновников уровня зав. отдела республиканского ЦК или обкома партии. Берия же, наверное, не имел никакого желания вычёркивать из расстрельного списка болтливого соратника.

В письме Нины Теймуразовны Берии, написанном Хрущёву из Бутырской тюрьмы 7 января 1954 года, ни разу не упоминалось, что во время допросов следователи хоть раз ссылались на показания её мужа. Вдова Берии утверждала: "... Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати лет (с 1922 года) была женой Берия и носила его имя. При этом до дня его ареста я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек (никогда никакого основания и повода думать противное он мне не давал ни, одним словом). Я не разгадала, что он враг Советской власти, о чём мне было заявлено на следствии. Но он в таком случае обманул не одну меня, а весь советский народ, который, судя по его общественному положению и занимаемым должностям, тоже доверял ему.

Исходя из его полезной деятельности, я много труда и энергии затратила в уходе за его здоровьем (в молодости он болел лёгкими, позже почками) (формулировка замечательная: получается, что не любовь двигала Нину Теймуразовну в её заботе о муже, а только осознание партийного долга - надо создать надлежащие условия для работы ценного кадра; если тут перед нами не обычная уловка с целью приуменьшить свою "вину" как "члена семьи врага народа", то можно догадаться, почему Лаврентий Павлович любил сходить налево. - /Б. С./). За всё время нашей совместной жизни я видела его дома только в процессе еды или сна, а с 1942 года, когда я узнала от него же о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой. Лаврентий Павлович на следствии показал, что "заразился сифилисом в период

войны, кажется, в 1943 году и прошёл курс лечения"; может быть, в связи с болезнью жена и узнала о бесчисленных любовных шашнях своего благоверного. - /Б. С./) и жила с 1943 года за городом и вначале одна, за затем с семьей своего сына. Я за это время не раз ему предлагала, для создания ему же нормальных условий, развестись со мной с тем, чтобы жениться на женщине, которая, может быть, его полюбит и согласится быть его женой. Он мне в этом отказывал, мотивируя это тем, что без меня он на известное время может выбиться как-то из колеи жизни. Я, поверив в силу привычки человека, осталась дома с тем, чтобы не нарушать ему семью и дать ему возможность, когда он этого захочет, отдохнуть в этой семье. Я примирилась со своим позорным положением в семье с тем, чтобы не повлиять на его работоспособность отрицательно, которую я считала направленной не вражески, а нужной и полезной.

О его аморальных поступках в отношении семьи, о которых мне также было сказано в процессе следствия, я ничего не знала. Его измену мне, как жене, считала случайной и отчасти винила и себя, так как в эти годы мя часто уезжала к сыну, который жил и учился в другом городе".

Утверждение Нины Теймуразовны о том, что последние одиннадцать лет она не жила с мужем, вполне возможно, соответствует действительности. Хотя здесь она могла б несколько преувеличить степень своей отчужденности с мужем, чтобы попытаться избежать привлечения к его делу в качестве соучастницы. Но на этот счет есть также свидетельство одной из любовниц Лаврентия Павловича Нины Васильевны Алексеевой (урожденной Черменской). Артистка Радиокомитета, прежде выступавшая в ансамбле НКВД, она согласилась вступить в связь с Берией, рассчитывая хоть как-нибудь помочь арестованному мужу, полковнику НКВД Ивану Реброву, бесследно исчезнувшему в конце войны. Кроме того, она боялась, что отказ навлечет беду не только на нее, но и на ее тогдашнего мужа, морского офицера Дмитрия Алексеева. Нина Васильевна так описывает первую встречу с Лаврентием Павловичем, состоявшуюся 10 августа 1952 года в особняке Берии на улице Качалова: "Берия сделал мне навстречу несколько шагов, протянул руку; пожатие было ласковым.

- Здравствуйте. Рад вас видеть, дорогая. - Он говорил с легким грузинским акцентом, слегка улыбаясь. - Еще много лет назад мечтал о встрече с вами. С тех пор прошло немало времени. Помню вас совсем юной девицей. Наверно, есть судьба - она все-таки свела нас...

Просто огромная комната, столовая. Теперь бы сказали: банкетный зал. Вдоль всей комнаты, посередине, стоял длинный стол, на котором могло бы разместиться множество людей... Сейчас столовая была пуста.

Симметрично друг против друга, направо и налево, стояли два огромных - до потолка - старинных зеркальных трюмо. На их подставках большие хрустальные вазы с живыми красными гвоздиками. Окна столовой выходили на улицу Качалова.

На улице было еще светло, тяжелые коричневые портьеры на окнах с тисненым рисунком раздвинуты в стороны. Портьеры были подобраны под цвет стен, заделанных дубовыми, тоже коричневыми панелями.

Примерно четверть стола была сервирована. Холодные закуски небольшими порциями: осетрина горячего копчения, семга, черная икра, салаты и соусы, еще что-то. Кушанья были живописно украшены

зеленью: петрушка, укроп, кинза, еще какие-то кавказские травки. Все яства были разложены в фарфоровые тарелки. "Из старинного сервиза", - определила я. Ваза с мандаринами и яблоками. Посередине этих изысканных блюд стояли две бутылки в плетенных формах с позолоченными этикетками, запечатанные красным сургучом. Рядом с бутылками лежала большая раскрытая коробка шоколадных конфет.

Все говорило о том, что хозяин особняка любит не только изысканную пищу, но и то, чтобы в ее подаче присутствовала эстетика, красота".

Из этого описания видно, что Лаврентий Павлович не только был большим гурманом, но еще и обладал хорошим эстетическим вкусом (вот с этикой были проблемы). И чудовищем он явно не выглядел даже в глазах женщины, которая отдавалась ему только по принуждению, опасаясь, что в противном случае он может стереть ее в лагерную пыль. Но, похоже, Берия имел насчет Нины Васильевны, как говорится самые серьезные намерения. Он вообще утверждал, что разведен. Это было преувеличением, но, во всяком случае, может служить подтверждением, что с Ниной Теймуразовной он давно уже не жил.

Вино, которым угощал Берия свою любовницу, оказалось из царских подвалов Новороссийска. Даже в традиционных блюдах чувствовалось грузинское влияние: жареный тетерев с очень пикантным вкусом, крабовый салат под соусом из грецких орехов. А любимым вареньем Лаврентия Павловича было кизиловое...

Берия выказал несомненный вкус не только в кулинарии, но и в сфере прекрасного. Он говорил Алексеевой, что ему нравятся трофейные голливудские фильмы, в частности, "Мост Ватерлоо" и "Большой вальс" (последний он вообще назвал "шикарным фильмом"). Берия признавался: "Эта вечная тема искусства - любовь. А когда шее воплощают прекрасные актеры... И режиссер там великолепный. А музыка Штрауса? Помните вальс "Сказки венского леса"?"

Лаврентий Павлович оказался не чужд вокала, поведав певице хора Радиокомитета: "А наш маршал-то лихой, Климент Ефремович Ворошилов. Он неплохой певец, берет уроки пения у народной артистки Неждановой. А вот я своим голосом не занимался, хотя любил петь, и, говорят, делал это неплохо. В молодости друзья прочили мне будущее певца на сцене. Однако мне эта профессия показалась неподходящей. И решил я заняться более серьезным делом, полезным для страны".

Алексеева поразилась: "Эрудированный, интеллигентный человек... любящий цветы, живопись, кино, умеющий по-светски принять женщину, увлеченно говорящий об искусстве, - и палач, олицетворение зла, глава зловещего ведомства на Лубянке в тот момент - давно уже не глава. - /Б. С./), перед которым трепещет в ужасе вся страна. Как совместить это?"

Ту же самую проблему совмещения эрудиции, смекалки и управленческого гения Лаврентия Павловича с его палаческими делами вот уже полвека пытаются решить историки и публицисты. Мешает им в ее решении глубоко укоренившееся представление о несовместимости гения и злодейства. Ну, не может палач тонко ценить искусство или быть хорошим администратором! Жизнь и судьба Берии служит еще одним опровержением этой плоской истины. А заодно доказывает, что самое опасное для палача время - это когда он

собирается отказаться от палаческого ремесла и сделать жизнь в стране хоть чуточку лучше.

А вот в постели Лаврентий Павлович отнюдь не проявил себя сексуальным гигантом. Нина Васильевна вспоминает: "Жадные, нетерпеливые поцелуи, прикосновения к моему телу сильных горячих рук.

Все поплыло в моих глазах, комната наполнилась туманом, я, сжавшись в бесчувственный комок, казалось, вот-вот потеряю сознание. Я полностью находилась во власти человека, к которому попала в западню.

Когда страсти Лаврентия Павловича улеглись, - а произошло это достаточно скоро, - он собрался уходить.

Я, возможно несколько бестактно, спросила:

- А где же ваша жена?

- Мы не живем вместе, - после некоторой паузы последовал ответ; в голосе Берии послышалась жесткость.

И он сказал мне, что находится в официальном разводе со своей женой (тут Лаврентий Павлович приврал. Но, похоже, в качестве одного из вариантов у него был припасен развод с Ниной Теймуразовной и женитьба на Нине Васильевне - на последнюю он, видно, запал крепко. - /Б. С./)...

- Вы обе Нины, - сказал Берия, - обе красивые. И одинаково холодные по темпераменту. Да, красота бывает обманчива... У нас имя Нины - святое. Была такая правительница святая Нина, просветительница Грузии, мужественная женщина, воин".

Вскоре серьезность намерений Лаврентия Павловича в отношении Алексеевой ей самой подтвердил адъютант Берии Рафаэль Семенович Саркисов, в чью обязанность входило поставлять шефу женщин: "Не отказывайтесь от встреч с Лаврентием Павловичем. У него тоже несть знакомые женщины, но он отдает предпочтение вам. А Лаврентий Павлович личность. И большая личность! Вы ему нравитесь, он ждет вас. Не советую вам огорчать такого человека. Он много работает Вы ему украсите жизнь и будете всем обеспечены".

Замечу, что тогда, в 52-м, Лаврентий Павлович был действительно большой личностью. В том смысле, что весил значительно больше центнера. Тут надо оговориться, что вес Берия набрал только в последние годы войны и в послевоенные годы. До этого, судя по фотографиям, он особой полнотой не отличался. Вероятно, потому, что его жизнь до приезда в Москву была достаточно аскетической. Лишь потом кремлевские пайки и пакеты позволили новому шефу НКВД с избытком удовлетворить свою страсть к чревоугодию.

Но по части секса Берия не вызывал у Алексеевой энтузиазма: "Может быть, раньше, в молодости или с другими женщинами он был не такой. А со мной... Обыкновенный мужчина, надо добавить, пожилого возраста. Ему это еще было нужно и для самоутверждения.

Притом Лаврентий Павлович был опрятен, чист, на нем всегда было свежее белье. Он никогда не снимал ночную рубашку, возможно, стесняясь показать мне свое уже немолодое тело. И простыни, и наволочки на постели каждый раз были свежими, накрахмаленными. И по утрам меня ждала ароматная горячая ванна... Лаврентий Павлович хотел видеть во мне не только любовницу, а еще кого-то...

Но самое главное для меня - мы были несовместимы. И даже не в физическом смысле. Между нами стоял Ребров, загубленный в застенках НКВД (теперь я утвердилась в этом), между нами была вся моя личная жизнь, и центр ее - умой любимый Дмитрий Алексеев..."

Между прочим, Берия мог оставаться в рубашке во время сексуального акта еще и по другой причине. По наиболее консервативной восточной традиции, распространенной среди грузинских крестьян, супруги во время занятий сексом не должны видеть тела друг друга. Если причина заключалась в этом, то по части разнообразия сексуальных игр Берия наверняка уступал не только легендарному Дон Жуану, но и вполне реальному Ягоде, одному из своих предшественников на посту главы НКВД, у которого при обыске был обнаружен целый арсенал подсобных любовных средств.

Нина Васильевна осталась в уверенности, что именно Берия погубил ее мужа полковника Ивана Реброва, чтобы открыть путь к роману с ней, которую заприметил еще в конце войны в ансамбле НКВД. Однако, строго говоря, доказательств того, что это сделал Лаврентий Павлович, пока что нет. Ребров, отвечавший за снабжение партизанских отрядов, мог быть арестован как НКГБ, так и "СМЕРШем". Первый возглавлял друг Берии Меркулов, и в этом случае Лаврентий Павлович мог при желании организовать арест. Глава же военной контрразведки Абакумов был одним из самых опасных врагов Берии, и если арест Реброва был произведен по его указанию, то данную акцию можно рассматривать скорее как направленную против "лубянского маршала" в расчете получить от одного из близких сотрудников Берии компромат на него. Благо, что предлог для ареста изобрести было нетрудно - вряд ли все поступившее партизанам снабжение было строго документировано. Не имея доступа к следственному делу полковника госбезопасности Ивана Андреевича Реброва, нельзя сказать, какая из перечисленных версий соответствует истине. Тем более что против другого мужа Нины Васильевны, Дмитрия Алексеева, Берия никаких репрессий не применял, а, пользуясь своей властью первого зампреда Совмина, курировавшего Военно-промышленный комплекс, отправлял заместителя начальника управления Финансового управления ВМФ капитана 1-го ранга Дмитрия Васильевича Алексеева в длительные служебные командировки.

Кстати сказать, Ребров говорил Алексеевой о Берии: "Он прекрасно понимает, что тот "социализм", который строится в нашей стране, ничего общего не имеет с подлинным социализмом. Задача Берии - обеспечить рабской рабочей силой "великие стройки" товарища Сталина. Для этого ли массовые репрессии, и бесчисленные концлагеря. Для всей этой "работы" Хозяин получил от Главного неограниченные права и ресурсы, которыми он бесконтрольно распоряжается, не забывая, естественно, и свои интересы. Это лицемерный и властолюбивый человек, льстивый по отношению к Главному и - очень опасный".

Не вызывает сомнений, что в социалистические идеалы Лаврентий Павлович давно уже не верил и прекрасно понимал, что живет в условиях абсолютной диктатуры, цинично используя предоставленные ему возможности в своих интересах, прежде всего - для принуждения к сожительству понравившихся ему женщин. В то же время, как мы уже убедились, сразу после смерти Сталина он постарался как

ликвидировать "великие стройки", так и существенно уменьшить численность лагерного населения.

В конце концов, Алексеева стала смотреть на своего могущественного любовника если не с любовью, то с определенным сочувствием: "Он был слишком горд, самолюбив, он, я чувствовала, от меня первой ждет подобных признаний, которые, по его словам, он слышал от других женщин и не только слова слышал, но ли любовные письма получал!/ - Б. С./). Я

как бы одной рукой держала его, а другой отталкивала. И держала, руководствуясь единственным чувством - страхом...

Одно безусловно: Берия был ко мне не безразличен. Я была для него не только любовницей. И, может быть, думая о своей дальнейшей жизни, во всяком случае, на первых порах нашего знакомства, пока ему еще ничего не было известно о Дмитрии, связывал ее со мной... Наблюдая за этим человеком, думая о нем... я убеждалась: Берия одинок. В личной жизни наверняка одинок. Из его родных только об одном человеке он отзывался тепло - но своем сыне, Серго. И сам этот особняк на улице Качалова был как бы олицетворением одиночества его хозяина: всегда таинственная тишина в комнатах и вокруг дома, всегда безлюдно, никогда никаких гостей...

По отдельным фразам, репликам, его настроению, когда он встречал меня, я допускаю, что и на своей страшной работе он был одинок и уж наверняка никому там не доверял. И ему... нужна была женщина, верная, любящая подруга, которая была бы его отдохновением, убежищем, где он, может быть, нашел бы понимание и оправдание своей работы".

Милейшая Нина Васильевна и не подозревала, что Берия занимался действительно страшной работой, но не имевшей никакого отношения к карательному ведомству: он делал атомную и водородную бомбу. А насчет того, что Лаврентий Павлович ничего не знал о Дмитрии Алексееве, его жена, думаю, заблуждалась. Лаврентий Павлович наверняка, прежде чем подкатываться с самыми серьезными намерениями, разведал все, о ее связях - благо, чекистский опыт был, да и свои люди в органах, после ареста Абакумова, вновь вошли в силу и готовы были услужить шефу. Что же касается серьезности намерений, то в пользу такой гипотезы свидетельствует то, что Берия представил Алексееву... самому Сталину. Это произошло на приеме в Кремле 4 ноября 1952 года. Гостям Нину Васильевну представили как жену полковника Саркисова, рядом с которым она и сидела. Но Сталину, вполне возможно, Берия сказал правду.

Алексеева пыталась предложить вместо себя одну из своих подруг по Радиокомитету, но Берия согласился расстаться с ней только в апреле 53-го, уже после смерти Сталина. Не исключено, что Сталин одобрил выбор Лаврентия Павловича, и, если бы Иосиф Виссарионович прожил хотя бы на несколько месяцев больше, Берия развелся бы с Ниной Теймуразовной и женился бы на Нине Васильевне, которой в таком случае никак нельзя было бы отказаться. А вот после смерти генералиссимуса Лаврентию Павловичу было уже не до устройства личной жизни на долгосрочную перспективу. Его захватили реформы и политическая борьба.

Но одиночество Берии по месту новой службы - в объединенном МВД сыграло с ним роковую роль. Чувствуется, что и в семье у него близкий

контакт был только с Серго. Вероятно, Лаврентий Павлович трудно сходился с людьми, и не только из-за благоприобретенной профессиональной подозрительности, но и из-за природной замкнутости.

Кстати сказать, при расставании Берия, среди прочего, подарил Нине Васильевне и ее мужу ордер на двухкомнатную квартиру (раньше они ютились в коммуналке). Однако Алексеева, на свое счастье, забирать ордер в Моссовете не торопилась, дотянула до ареста своего бывшего любовника, что избавило ее от привлечения к делу Берии в качестве свидетеля, а ее мужу позволила и дальше делать успешную карьеру.

А вот еще одно свидетельство той, кто была близка с Лаврентием Павловичем. Оно не было добыто в ходе весьма пристрастного следствия 1953 года, а содержится в мемуарах известной актрисы театра и кино, популярной исполнительницы песен из кинофильмов Т.К. Окуневской, написанных через 45 лет после гибели Берии. Татьяну Кирилловну в 53-м допросить не могли, поскольку по милости Абакумова она пребывала в местах не столь отдаленных. Но, как и те, кто давал показания следователям, она утверждает, что Лаврентий Павлович овладел ею насильно. Все произошло в лучших традициях триллера: "... Совсем чудо: я приглашена на кремлевский концерт, в который приглашаются только народные Союза, и то избранные, любимые "ими", одни и те же; бывают эти концерты, как мне рассказывали, по ночам, после "их" совещаний, заседаний, в виде развлечения. Заехать за мной должен член правительства Берия. Бориса (мужа Окуневской писателя Бориса Леонтьевича Горбатова. - /Б. С./) опять нет, теперь все журналисты на Нюрнбергском процессе (дело происходит вскоре после победы. - /Б. С./).

Какое-то незнакомое чувство... боязнь провала... нет... что-то совсем другое... какая-то тревога.

Из машины вышел полковник и усадил меня на заднее сиденье рядом с Берией, я его сразу узнала, я его видела на... приеме в Кремле. Он весел, игрив, достаточно некрасив, дрябло ожиревший, противный, серо-белый цвет кожи. Оказалось, мы не сразу едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим. Полковник исчез. Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, сказала, что перед концертом не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть не вливающие вино за пазуху. Он начал есть некрасиво, жадно, руками, пить, болтать, меня попросил только пригубить доставленное из Грузии "наилучшее из вин". Через некоторое время он встал и вышел в одну из дверей, не извиняясь, ничего не сказав. Могильная тишина, даже с Садового кольца не слышно ни звука. Я вспомнила этот особняк, он рядом с Домом звукозаписи, на углу Садового кольца, и я совсем недавно здесь проходила... Огляделась: дом семейный, немного успокоилась. Уже три часа ночи, уже два часа мы сидим за столом, я в концертном платье, боюсь его измять, сижу на кончике стула, он пьет вино, пьянеет, говорит пошлые комплименты, какой-то Коба меня еще не видел живьем, спрашиваю, кто такой Коба...

- Ха! Ха! Вы что, не знаете, кто такой Коба?! Ха! Ха! Ха! Это же Иосиф Виссарионович.

Опять в который раз выходит из комнаты. Я знаю, что все "они" работают по ночам. Бориса в ЦК вызывают всегда только ночью, но я устала, сникаю. На сей раз, явившись, объявляет, что заседание у "них" кончилось, но Иосиф так устал, что концерт отложил. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорит, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он меня отвезет домой. И все, и провал. Очнулась, тишина, никого вокруг, тихо открылась дверь, появилась женщина, молча открыла дверь в ванную комнату, молча проводила в комнату, в которой вчера был накрыт ужин, вплыл в сознание этот же стол, теперь накрытый для завтрака, часы, на них десять часов утра, я уже должна сидеть на репетиции, пошла, вышла, села в стоящую у подъезда машину, приехала домой, попросила... не подзывать к телефону, кто бы ни звонил, ко мне никому не входить.

Изнасилована, случилось непоправимое, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой".

У читателей возникает искреннее сочувствие к несчастной жертве, которую обманом заманили в ловушку, опоили каким-то дурманом, а потом изнасиловали. Этот рассказ Окуневской отразился и в романе Василия Аксенова "Московская сага", где главную героиню - известную певицу Берия насилует при точно таких же обстоятельствах. Но при внимательном прочтении в исповеди Окуневской, обнаруживается ряд нестыковок. Неужели Татьяна Кирилловна не удивилась, что везти ее на концерт будет сам Лаврентий Павлович Берия - четвертый человек в стране, после Сталина, Молотова и Маленкова. Эта роль - для какого-нибудь адъютанта, но не для члена ГКО. И почему "они", т. е. члены Политбюро, ближайшие соратники Сталина, заседают без Берии! Ведь он тоже из "них"! Неужели задача доставить актрису Татьяну Окуневскую на кремлевский концерт важнее государственных вопросов, обсуждавшихся на Политбюро! И неужели Татьяна Кирилловна с самого начала не поняла, куда и зачем ее везет Лаврентий Павлович!

Вряд ли Татьяна Кирилловна выдумала свою связь с Берией. Но я сильно подозреваю, что все делалось по взаимному согласию. Не исключено, что именно эта связь обеспечила Окуневской взлет ее песенной карьеры в первое послевоенное время, гастроли по странам Восточной Европы, где стояли советские войска. Засадил же Окуневскую в тюрьму министр госбезопасности Абакумов, потому, как она утверждает, что отвергла его домогательства. Такая форма мести, замечу, вполне вероятна. Раз любовницей Абакумова Окуневская так и не стала, то ее арест министра госбезопасности скомпрометировать никак не мог. А ее утверждениям, что Виктор Семенович ее домогался, никто бы просто не поверил.

Формально Окуневскую обвинили в шпионаже в пользу Югославии. В момент ее ареста, в ноябре 1948 года, отношения у Сталина с Тито были хуже некуда. А ведь Татьяны Кирилловны был короткий роман с вождем Югославии, и более длительные, серьезное отношения с югославским послом в Москве генералом Поповичем. Но не исключено также, что Абакумов знал и о ее связи с Берией, при случае рассчитывал получить через нее компромат на Берию, а затем при

необходимости создать громкое дело, в котором Лаврентий Павлович фигурировал бы как югославский шпион, осуществлявший связь со своими хозяевами через Окуневскую. Но Сталин в конце концов предпочел арестовать самого Абакумова, а Берию сохранить.

Кстати сказать, по утверждению исследователя истории антисемитизма в СССР Г.В. Костырченко, подобные замыслы у Абакумова были и по отношению к другим бериевским пассиям: "У Берии было... немало причин, чтобы ненавидеть Абакумова. Последний с целью получения компромата на Берию в конце 1948 года даже пошел на арест его бывшей любовницы, некой Л.А. Улерьяновой, женщины легкого поведения".

В любом случае "аморалка" тянула на статьи юза изнасилование и злоупотребление служебным положением, но никак не на государственную измену. Но эти статьи из-за их несолидности даже не включили в обвинительное заключение и приговор Специального Судебного Присутствия. А допрашивать Берию по политическим делам было опасно. "Лубянский маршал" слишком много знал.

Аморальное поведение Берии стало настоящей находкой для свергнувших его коллег, поскольку ничего весомого в подкрепление версии заговора найти не удавалось. Да и в предыдущей деятельности Лаврентия Павловича особого криминала, по меркам того времени, сыскать не удавалось. На Июльском пленуме секретарь ЦК А.А. Андреев порадовал присутствующих таким откровением: "Берия добивался всячески, чтобы все члены Политбюро были чем-нибудь отмечены, чтобы были с пятнами, а он, видите ли, чист. И на самом деле, смотрите, к нему ничего не предъявишь - чист". Члены ЦК дружно рассмеялись. Они-то догадывались, что Маленкову, Молотову, Хрущёву и прочим не составляло труда искупаться в дерьме и без всякой помощи Лаврентия Павловича.

Искренний, здоровый смех участников пленума вызвал и Ворошилов, когда привел такое доказательство, что Лаврентий Павлович не пользовался авторитетом у подчинённых - после ареста Берии ни один чекист не написал письмо в его защиту, где говорилось бы: "Что вы сделали с нашим великим вождём, как мы будем обходиться без нашего Берии?.." Партийные руководители хорошо знали, что таких писем не было и тогда, когда арестовывали предшественников Берии: Ягоду, Ежова, Абакумова. Да и вздумай Сталин отправить Климента Ефремовича "в штаб Тухачевского", за него не посмел бы заступиться ни один из командиров и комиссаров Красной Армии.

За Лаврентием Павловичем были и реальные преступления: репрессии невиновных в Грузии в 30-е годы, расстрел польских офицеров в 40-м, казнь советских генералов и политзаключенных в 41-м, депортация "наказанных народов", тысячи, десятки тысячи загубленных жизней (но всё же не сотни тысяч, как у Ежова, и не миллионы, как у "кремлёвского горца"). Однако ответственность за все эти преступления он делил со Сталиным и другими партийными руководителями. Наследники генералиссимуса пока не готовы были заклеймить за необоснованные репрессии его самого, боясь окончательно подорвать веру народа в коммунизм.

Коллеги Берии по Президиуму ЦК чужой крови пролили гораздо больше, чем Лаврентий Павлович. Хрущёву в самый разгар террора довелось возглавлять Московскую парторганизацию, а с января 38-го -

Украинскую. В обеих было неизмеримо больше членов, в том числе ответственных работников, чем в подведомственной Берии Компартии Грузии. А пресловутые тройки, отправлявшие людей на смерть, обычно состояли из прокурора, начальника НКВД и главы местной парторганизации. Интересно, во сколько десятков раз больше людей было в тех расстрельных списках, что подписывал Никита Сергеевич, по сравнению с теми, что на совести Лаврентия Павловича в Грузии? Впрочем, став главой НКВД, Берия за предвоенные и военные годы догнал Хрущева. Придя к власти, Никита Сергеевич с помощью своего человека во главе КГБ И.А. Серова, постарался свои московские и украинские списки уничтожить. Остались только выступления Никиты Сергеевича, публиковавшиеся в печати. Их стоит перечитать.

Еще в январе 1936 г. в одной из речей Хрущёв заявил: "Арестовано только 308 человек; для нашей московской организации - это мало". А 22 августа того же года на московском партактиве коснулся процесса Зиновьева и Каменева: "... Товарищ Сталин, его острый ленинский глаз... всегда метко указывал пути нашей партии, откуда могут выползти гады. Надо расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу..." И тотчас призвал як расправе над сыном одного из подсудимых, И.П. Бакаева: "... На одной московской фабрике ("Дукат") работал бакаевский змееныш, под своей фамилией. А парторганизация не знает даже таких одиозных фамилий... Раз фамилия Бакаев, то должны осмотреть его под лупой... Где же бдительность?.. Надо уметь организовывать работу, уметь брать человека на прицел, изучить его быстро и довести дело до конца..." Вот и Берию Никита Сергеевич, взяв на прицел, быстро довёл до конца, т. е. до расстрела.

В июне 1938 г. на XIV съезде украинских коммунистов Хрущев призвал добить "врагов народа": "... У нас на Украине состав Политбюро ЦК КП(б)У почти весь, уза исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине..." А в феврале 1940 г., когда "врагов" на воле почти не осталось, призвал не терять бдительности: "Враги у нас не передохли и не передохнут, пока существует капиталистическое окружение. Это надо помнить. Мы на Украине здорово почистили врагов. Но некоторые еще остались. Они чувствуют себя одиноко, боятся голову поднять, но они есть. Поэтому смотреть надо в оба".

О преступления Молотова, Ворошилова и Кагановича Никита Сергеевич по необходимости подробно просветил Пленум ЦК в июне 1957-го, когда боролся с "антипартийной группой", а потом и на XXII съезде партии. Близкому к Хрущёву Микояну тоже удалось основательно почистить архивы от следов собственного творчества на ниве искоренения "врагов народа". Но уж одно то, что в 37-м он курировал НКВД и выступал с программной речью на юбилейном торжестве в честь 20-летия ВЧК, говорит о многом.

"СИНЯЯ БОРОДА" С ЛУБЯНКИ

Обвинения Берии в половой распущенности, повторяю, были для его противников очень кстати. На следствии Лаврентий Павлович признал:

"Я легко сходился с женщинами, имел многочисленные связи, непродолжительные. Этих женщин привозили ко мне на дом, к ним я

никогда не заходил. Доставлял мне их Саркисов[10] и Надарая,[11] особенно Саркисов.

- По вашему указанию Саркисов и Надарая вели списки ваших любовниц, - уточнил Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. - Вы подтверждаете это?

- Подтверждаю, - уныло отозвался Берия.

- Вам предъявляется девять списков, в которых значатся 62 женщины, - изобличал бывшего шефа МВД прокурор.

- Большинство женщин, - показал Берия, - которые значатся в этих списках, мои сожительницы. Списки составлены за ряд лет.

- Вы признаёте, что превратили свой дом в притон разврата, а свою личную охрану в сводников? - подсказал подсудимому правильный ответ Роман Андреевич.

- Дом я не превратил в притон, а что Саркисов и Надарая использовались для сводничества - это факт... - частично признал свою вину Лаврентий Павлович".

В единственном сохранившемся списке, который вёл бывший начальник секретариата Берии Саркисов, значились фамилии 39 женщин. Позднее молва увеличила это число до 500 и даже 800, сделав Лаврентия Павловича настоящим сексуальным гигантом. Хотя, вероятно, Берия действительно нравился женщинам, и это с удовольствием вменили ему в вину товарищи по партии - ревнители высокой морали. На Июльском пленуме секретарь ЦК КПСС Н.Н. Шаталин утверждал: "Президиум Центрального Комитета поручил мне в служебном кабинете Берия в Совете Министров разыскать документы, относящиеся к деятельности бывшего Первого Главного управления... Просматривая содержание сейфов и других мест, где могут храниться документы, мы натолкнулись на необычные для служебных кабинетов вещи и предметы. Наряду с документами мы обнаружили в больших количествах всевозможные... атрибуты женского туалета. Вот краткие выдержки из описи: дамские спортивные костюмы, дамские кофточки, чулки дамские иностранных фирм - 11 пар, женские комбинации шелковые - 11 пар, дамские шелковые трико - 7 пар, отрезы на дамские платья - 5 отрезов, шелковые дамские косынки, носовые платки иностранных фирм, шелковые детские комбинации, еще некоторые детские вещи и т. д., целый список в 29 порядковых номеров. Нами обнаружены многочисленные письма от женщин самого интимного, я бы сказал, пошлого содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника. Эти вещи говорят сами за себя, и, как говорится, комментариев не требуется".

Целомудренный Николай Николаевич не стал, однако, уточнять, что именно за вещи из арсенала развратника, не требующие комментариев, были найдены в служебном кабинете Берии. Можно только предположить, что их список мало чем отличался от списка приспособлений для разврата, найденных при обыске у первого наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды (там, правда, список состоял из нескольких сот названий - по любви к роскоши первый нарком внутренних дел значительно превосходил Лаврентия Павловича): коллекция порнографических снимков - 3904 штуки; 11 порнографических фильмов; коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновая кость, янтарь и др.), большая часть из них порнографические - 165; резиновый искусственный половой член - 1.

Между прочим, Ягода оборудовал у себя на даче домашний порнокинотеатр. Может, и у Лаврентия Павловича было нечто подобное? К сожалению, протокол изъятого у него после ареста до сих пор не опубликован, и судить о найденном пока можно только по выступлению Шаталина.

Кстати, и предметов женского туалета, равно как и детских вещей у Генриха Григорьевича, как и у Лаврентия Павловича, изъяли преизрядно: юбок - 13; женских платьев заграничных - 27; костюмов дамских заграничных - 11; трико дамских шёлковых заграничных - 70; обуви дамской, заграничной - 31 пара; пальто дамских, заграничных - 9; игрушек детских заграничных - 101 комплект. Правда, и предметов мужского туалета у Ягоды нашли немало. Одних кальсон "Егер" 26 пар. Интересно, а у Берии в кабинете кальсоны нашли? Шаталин об этом умолчал.

Зато он сообщил любопытные подробности об амурных похождениях Лаврентия Павловича: "... Для большей убедительности этой стороны дела я зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником охраны.

Вот что показал этот самый Саркисов: "Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилию не упоминать) Берия был знаком (в показаниях фамилия сказана) с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей, впоследствии от Абакумова я слышал, что эта подруга С. была женой военного атташе. Позже, находясь в кабинете Берия, я слышал, как Берия по телефону звонил Абакумову и спрашивал - почему до сих пор не посадили эту женщину. То есть сначала жил, а потом спрашивает, почему не сажают в тюрьму (вот это уж чистая фантастика, позволяющая заподозрить, что свои "чистосердечные показания" Саркисов писал под диктовку следователей. Виктор Семенович и Лаврентий Павлович друг друга, мягко говоря, недолюбливали, а выражаясь проще, терпеть друг друга не могли. Не такой дурак был Берия, чтобы требовать, да что требовать, даже просить Абакумова посадить надоевшую любовницу, которая к тому же на следствии могла рассказать много разного, его, Берию, компрометировавшего. Тем более что Абакумов Берии не подчинялся, а подчинялся только самому Сталину. - /Б. С./).

Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берии, ей сделали аборт. Сожительствовал Берия также с 18-20-летней девушкой Лялей. От Берия у нее родился ребенок, с которым она жила на даче (очевидно, дочка этой Ляли и была упоминаемой Серго Берия будущей женой сына члена Политбюро В.В. Гришина. Отмечу, что при редактировании текста стенограммы Шаталин уточнил: "с которым она сейчас живет на бывшей даче Обручникова". -/Б. С./).

Находясь в Тбилиси, Берия сожительствовал с гражданкой М., после сожительства с Берия у М. родился ребенок, которого, по указанию Берия, я вместе с порученцем Витоновым отвезли и сдали в детский дом в г. Москве.

Мне также известно, что Берия сожительствовал с некоей Софьей, телефон такой-то, проживает по такой-то улице, дом такой-то. По предложению Берия в санчасти ей был сделан аборт (при редактировании стенограммы Шаталин уточнил, что аборт был сделан через начальника санчасти МВД Волошина. - /Б. С./). Повторяю, что подобных связей у Берия было много.

По указанию Берия я завел целый список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии я этот список уничтожил. Однако один список сохранился (восстал, как феникс, из пепла?/ - Б. С./), в этом списке указаны фамилии, номера телефонов 25-27 таких женщин. Этот список находится в моей квартире в кармане кителя. **[12]**

Год или полтора назад я совершенно точно узнал о связях Берия с проститутками (так он пишет). Он болел сифилисом, лечил его врач МВД такой-то. Подпись - Саркисов.

Тут надо оговориться, что проституция в СССР формально в тот момент не существовала. И то, что Берия имел связи именно с проститутками, Саркисов, похоже, заключил только на основании того, что его шеф болел сифилисом. В отредактированной стенограмме по этому поводу говорилось совершенно определенно: "Год или полтора тому назад я совершенно точно узнал, что в результате связей с проститутками он болел сифилисом". Любопытно, что проститутки здесь - во множественном числе, хотя сифилисом он наверняка заразился только от какой-то одной женщины. И сразу же необходимо оговориться, что нехорошую болезнь Лаврентий Павлович мог спокойно подхватить как на профессиональной жрице любви, так и любительнице, занимавшейся сексом не ради денег, а только ради удовольствия.

Заключительный вывод Шаталина звучал весьма патетически: "Вот, товарищи, истинное лицо этого претендента, так сказать, в вожди советского народа. И вот эта грязная моська осмелилась соперничать с нашей партией, с нашим ЦК (который, пожалуй, своей неповоротливостью действительно напоминал слона. - /Б. С./). Этот самый грязный человек пытался внести раздор в ряды нашего Президиума, в ряды Центрального Комитета нашей партии, внести недоверие, то есть нарушить то самое, чем сильна наша партия. Но этому человеку не удалось и никому не удастся этого сделать. В момент, когда наш Центральный Комитет, когда весь народ, вся наша партия, Президиум нашего Центрального Комитета едины как никогда, никому не удастся помешать строить или выполнять те предначертания, которые нам завещали товарищ Ленин и товарищ Сталин.

Я, товарищи, считаю, и все мы вместе, видимо, считаем, что с помощью членов Центрального Комитета наш Центральный Комитет и Президиум Центрального Комитета, очистившись от скверны, выгнав из своих рядов этого провокатора ли авантюриста, я бы сказал, раскрепостившись от него, не имея теперь помех, пойдем все вместе вперед еще более едиными, и выполнят те заветы, которые даны нам товарищем Лениным и товарищем Сталиным". Образ негодяя-развратника призван был оттенить разоблачительный пафос, поскольку ничего более-менее конкретного вменить Берии так и не удалось.

Несомненно, у грозного хозяина Лубянки были свои поклонницы. Но нередко партнёрши доставлялись в его особняк насильно, а порой это были обычные проститутки, которым платили по существовавшим рыночным расценкам - от 100 до 250 рублей за визит. Так, по крайней мере, утверждают некоторые публицисты, в частности, Кирилл Столяров, ссылаясь на показания Саркисова и Надарая, содержащиеся в до сих пор секретном деле Берии. Однако непонятно, почему тогда в показаниях Саркисова, которые зачитывал на Июльском пленуме Шаталин, говорилось только о его предположениях, что Берия знался с проститутками, только на основании того, что Лаврентий Павлович подхватил сифилис.

К делу были пришиты исповеди нескольких жертв бериевской похоти. Вот одна из них: "Я пыталась уклониться от его домогательств, просила Берию не трогать меня, но Берия сказал, что здесь философия ни к чему, и овладел мною. Я боялась ему сопротивляться, так как опасалась, что Берия может посадить моего мужа... только подлец может пользоваться зависимым положением жены подчинённого для того, чтобы овладеть ею..." (очень смахивает, замечу, на рассказ Нины Алексеевой). А вот рассказ школьницы, самый жуткий из всех: "Однажды я пошла в магазин за хлебом по улице Малой Никитской. В это время вышел из машины старик в пенсне, с ним был полковник в форме МВД. Когда старик стал меня рассматривать, я испугалась и убежала... На другой день... к нам пришел полковник, оказавшийся впоследствии Саркисовым. Саркисов обманным путём, под видом оказания помощи больной маме и спасения её от смерти, заманил меня в дом по Малой Никитской и стал говорить, что маму спасёт легко товарищ, очень большой работник, очень добрый, который очень любит детей и помогает всем больным. В 5-6 часов вечера 7 мая 1949 года пришёл старик в пенсне, т. е. Берия. Он ласково со мной поздоровался, сказал, что не надо плакать, маму вылечат и всё будет хорошо. Нам дали обед. Я поверила, что этот добрый человек поможет мне в такое тяжёлое для меня время (умерла бабушка и при смерти мама). Мне было 16 лет. Я училась в 7 классе. Потом Берия отнёс меня в свою спальню и изнасиловал. Трудно описать моё состояние после случившегося. Три дня меня не выпускали из дома. День сидел Саркисов, ночь - Берия". На суде человек, похожий на Лаврентия Павловича, в своём последнем слове признал, что, вступив в интимную связь с несовершеннолетней, совершил преступление, но отрицал, что это было изнасилование.

Бывали и курьёзные случаи. Одна из любовниц Лаврентия Павловича будто бы заявила на допросе: "Берия предложил мне сношение противоестественным способом, от чего я отказалась. Тогда он предложил другой, тоже противоестественный способ, на что я согласилась". Этот неразрешимый ребус появился на свет благодаря потрясающему целомудрию советских следователей, так и не решившихся доверить бумаге, какими именно способами секса искушал герой-любовник с Малой Никитской свою пассию. Кстати, некоторые показания бериевских подруг внушают серьёзные сомнения. Например, одна из них, артистка Радиокомитета М., которой, кстати сказать, Лаврентий Павлович помог получить квартиру в Москве, утверждала, что последняя их встреча состоялась 24 или 25 июня 1953 года, причём Берия попросил М. на следующую встречу, намечавшуюся через три

дня, прийти вместе с подругой. Однако из-за ареста "лубянского маршала" встреча не состоялась. Но, как мы помним, накануне своего падения Берия десять дней был в братской ГДР, где железной рукой наводил порядок, и возвратился в Москву лишь утром 26-го, отправившись прямо с аэродрома на роковое заседание. Поэтому ни с кем из любовниц накануне он встречаться никак не мог. У него, как говорится, стопроцентное алиби. Возможно, М. что-то напутала, и их свидание в действительности состоялось накануне отлёта Лаврентия Павловича в Берлин. Хотя допрашивали артистку всего два-три месяца спустя после драматических событий, и так быстро забыть даты было мудрено. Скорее можно предположить, что М., как и другие любовницы Берии, говорила то, что хотели от неё следователи, выдумывая всё новые и новые похождения злодея-любовника, а допрашивающие даже не задумывались о правдоподобии того, что им сообщали. Между прочим, допрашивавшие Берию Руденко и Москаленко ничего не знали о поездке Берии в Восточную Германию, и потому не усомнились в показаниях его любовницы. А может быть, они же эти показания и продиктовали, включив сюда и нелепицу о свидании, будто бы запланированном Берией в день заседания Президиума ЦК. И что самое интересное, Москаленко и Руденко, как кажется, даже в ходе следствия так и не узнали о бериевской вояже в Восточную Германию. Здесь кроется какая-то загадка. Неужели Лаврентию Павловичу нужно было таить от следователей этот факт, который, прямо скажем, основательно подрывал версию о заговоре. Или не состоявших членами Президиума ЦК следователей в мундирах строго-настрого предупредили: вопросов внешней политики, равно как и некоторых других, например, отношений подследственного с коллегами по Президиуму, ни в коем случае не касаться, поскольку это - особо важные государственные тайны. Кстати сказать, большинство свидетельниц наверняка выставляли себя жертвами насилия, чтобы их не заподозрили в симпатиях к поверженному "врагу народа". Поэтому сегодня трудно сказать, кто из бериевских партнёрш отдавался добровольно, а кто - по принуждению. Серго Берия убежден, что слухи об амурных похождениях его отца сильно преувеличены, и здесь, пожалуй, с ним можно согласиться: "Вся жизнь отца проходила на глазах семьи. Срывы, наверное, были, у каждого человека есть какие-то слабости, но такие похождения - вздор. Если уж на то пошло, могу рассказать о девушке, которая действительно была любовницей отца, но никогда об этом никому не рассказывала. Я был уже взрослым человеком, но отношения с отцом оставались у нас на редкость доверительные. Как-то зовет к себе "Надо, - сказал, - с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты знал: у меня есть дочь. Маленький человечек, который мне не безразличен. Хочу, чтобы ты об этом знал. В жизни всякое может случиться, и ты всегда помни, что у тебя теперь есть сестра. Давай только не будем говорить об этом маме..." Мама умерла, так и не узнав о той женщине. Просьбу отца я выполнил. А женщину ту я видел. Было ей тогда лет 20, может, немного больше. Довольно скромная молодая женщина... Отец ее был служащим, мать - учительница... А сейчас у моей сводной сестры самой, естественно, дети. Одно время она была замужем за сыном члена Политбюро Виктора Гришина. Когда Гришин узнал, что его сын собирается жениться на дочери Берия, решил посоветоваться с Брежневым.

Насколько знаю, Леонид Ильич отреагировал так: "Хорошо, а какое это имеет отношение к твоему сыну? И что ты делаешь вид, будто не знаешь, что все это дутое дело..." Скажу совершенно откровенно: монахом отец не был. Это был нормальный человек, которого не обошли в жизни ни большая любовь, ни вполне понятные, думаю, едва ли не каждому мужчине увлечения. Нечто подобное произошло с отцом в Грузии, когда он увлекся одной красивой женщиной. Здесь дело кончилось семейным скандалом. Мама собиралась уйти, но отец, естественно, попросил прощения, и все обошлось (может, и в 1942 году все ограничилось семейным скандалом, а отнюдь не отказом Нины Теймуразовны от исполнения супружеских обязанностей, как она утверждала в 1954 году; мужу уже ничем помочь было нельзя, а свое положение вдова Берии могла надеяться облегчить подобным признанием. - /Б. С./). Можете представить реакцию моей матери, если бы все, что пишут сегодня об отце, было хотя бы частицей правды. Женщина-грузинка! Она могла со Сталиным спорить, что ей стоило хлопнуть дверью и уйти от такого мужа..." Ну, уйти-то, допустим, было не так просто. Это значило бы враз лишиться многих привилегий, положенных членам семей представителей высшей номенклатуры. Кроме того, в 40-е годы разводы уже совсем не поощрялись, и Сталин смотрел на расторжение брака соратниками по Политбюро весьма косо. Тут строптивая жена в одночасье могла превратиться во врага народа, если Иосиф Виссарионович по каким-либо причинам не готов был в данный момент отказаться от услуг ее мужа. А Берия Сталину был нужен. Завершая сюжет о любовных похождениях "лубянского маршала", отмечу, что, по признанию того же Столярова, Берия заботился о своих подругах, в частности, добивался выделения им жилплощади. След одной такой истории сохранился в составленной в связи с антибериевским пленумом записки управляющего делами Совмина М.Т. Помазнева на имя Маленкова и Хрущева от 6 июля 1953 года "О деятельности Л.П. Берия". Там фигурировали очень страшные обвинения. Например, Лаврентию Павловичу инкриминировался вызов на Президиум Совета министров Хрущева в связи с неудовлетворительным положением с завозом картофеля и овощей в Москву зимой 1952/53 годов: "Берия требовал от тов. Первухина М.Г., чтобы тов. Хрущев обязательно был на заседании Президиума Совмина, чтобы разбор этого дела был поручен обязательно тов. Хрущеву Н.С. Он этого добился, хотя тов. Первухин не хотел этого делать". А почему бы, спрашивается, не обсудить проблемы обеспечения столицы овощами в присутствии главы московских коммунистов? По-моему, решение Берии было вполне естественным, и вряд ли при этом он собирался как-то "опустить" Никиту Сергеевича. И уж совсем забавно звучит обличение Лаврентия Павловича в том, что Берия распорядился выделить комнату техническому секретарю месткома Большого театра некой Рахматуллиной. Помазнев с гордостью докладывал, как о каком-то подвиге: "О выделении комнаты Рахматуллиной Берия звонил мне минимум 6-7 раз. Выделение комнаты Рахматуллиной удалось задержать". Несчастной машинистке, очевидно, самым достойным образом проявившей себя на любовном фронте, оставалось утешаться тем, что ее все-таки не сделали соучастницей "заговорщика" Берии.

ПЛЯСКИ НА КОСТЯХ: ИЮЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ 1953 ГОДА

Берия был еще жив, еще сидел под арестом в бункере Московского военного округа, но для своих товарищей по верхнему эшелону власти он был уже человеком мертвым. Члены Президиума поспешили оформить его падение соответствующим постановлением высшего партийного органа, срочно созвав внеочередной Пленум ЦК. Он проходил шесть дней, со 2 по 7 июля 1953 года. Все выступавшие клеймили Берию и вешали на Лаврентия Павловича все грехи, накопившиеся у партии за годы сталинского правления. Отборный партийный народ мстил Лаврентию Павловичу за десятилетия собственного страха. Берия стал своеобразным козлом отпущения. На него решили повесить все грехи партии и Советской власти, чтобы потом чувствовать себя спокойно, чтобы обрести уверенность в том, что уж их-то теперь не будут преследовать за прежние преступления, раз все списано на врага народа и агента международного империализма Лаврентия Павловича Берию. Члены ЦК свято следовали законам аппаратной морали: падающего - толкни, та то завтра товарищи по партии тебя самого утопят. Правда, кое-кто из клеймивших Берию, правда, все равно потом не уцелел.

Главные же обвинения против Берии прозвучали в основном докладе Маленкова и установочных речах Хрущева и Молотова. Георгий Максимилианович утверждал: "Уже вскоре после смерти т. Сталина мы, члены Президиума, начали убеждаться в том, что Берия нечестно и, как в дальнейшем все больше и больше выяснялось, в преступных целях стал пользоваться нашим стремлением к единству, к дружной работе в руководящем коллективе (здесь можно усмотреть скрытый намек на то, что до самого последнего момента действия Берии не вызывали возражений со стороны коллег по Президиуму ЦК. - /Б. С./).

Прежде всего Берия стал ловко и умело пользоваться своим положением министра внутренних дел и развил активную деятельность в том преступном направлении, чтобы поставить МВД над партией и правительством".

Далее Маленков процитировал донос на Берию начальника Львовского УВД Т.А. Стрекача, смещенного Лаврентием Павловичем с поста министра внутренних дел Украины и потому искренне ненавидевшего "лубянского маршала": "В апреле с.г. министр внутренних дел Украины Мешки дал мне... указание собрать и донести в МВД УССР, сведения о национальном составе руководящих кадров партийных органов, начиная от парторганизаций колхозов, предприятий и до обкома партии включительно. Одновременно Мешик предложил сообщить о недостатках работы партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи.

Считаю такие указания неправильными, так как органы МВД не должны и не имеют права проверять работу партийных органов, я позвонил по ВЧ лично Мешику и проверил, действительно ли он дал такое указание. Мешик подтвердил, что это его указание, и потребовал ускорить исполнение. Думая, что Мешик по ошибке или по неопытности дал такое указание, я пытался убедить его, что собирать такие сведения о работе партийных органов через органы МВД недопустимо. Мешик обрушился на меня с ругательством и с большим раздражением сказал так: "Тебе вообще наших чекистских секретных

заданий нельзя поручать, ты сейчас же пойдешь в обком и доложишь о них секретарю, но знай, что это задание тов. Берия и с выполнением его тянуть нельзя, потрудитесь выполнить его сегодня же". Я не поверил Мешику, что это задание исходит т. Берия, так как считаю, что т. Берия как член Президиума ЦК КПСС в любое время может такие данные получить в ЦК КПСС или в ЦК КП Украины.

Руководствуясь своим партийным долгом, я доложил секретарю обкома партии Т. Сердюку о полученном мною от т. Мешика таком явно неправильном указании.

В тот же день вечером мне во Львов позвонил т. Берия и сказал дословно следующее: "Что Вы там делаете, Вы ничего не понимаете, зачем Вы пошли в обком партии и рассказали Сердюку о полученном Вами задании? Вместо оказания помощи Вы подставляете подножку т. Мешику. Мы вас выгоним из органов, арестуем и сгноим в лагерях, мы Вас сотрем в порошок, в лагерную пыль Вас превратим. (что характерно, Лаврентий Павлович грозил Тимофею Амвросиевичу лишь лагерями, но не расстрелом, как это наверняка было бы при Ежове - вот знамение наступившей после смерти Сталина либерализации!/ - Б. С./). И далее т. Берия в состоянии сильного раздражения несколько раз повторил следующее: "Ты понял это или нет, понял, понял? Так вот учти". На мои попытки объясниться по этому вопросу то Берия не стал меня слушать и положил трубку.

МВД СССР 12 июня с. г. меня сняло с должности начальника УМВД и отозвало в Москву. На мою просьбу оставить меня работать на Украине мне категорически в этом отказали.

Тов. Мешик, зная о разговоре т. Берия со мною, дважды напоминал мне: "Ну, как, попало тебе от т. Берия? Впредь умнее будешь". Далее т. Мешик в издевательской форме говорил мне буквально следующее: "А т. Мельников - секретарь ЦК - плохой чекист. Он тебя как шпиона ЦК сразу выдал, звонит мне и прямо говорит, что Строкач доложил секретарю обкома Сердюку о том, что я, Мешик, собираю сведения о партийных органах. Разве так можно расконспирировать свою агентуру".

Характерно отметить, что и заместитель министра внутренних дел УССР т. Мильштейн ведет такие же разговоры. Например, в марте т. г. он мне и т. Ивашутину, бывшему заместителю министра внутренних дел УССР, говорил, что теперь все будет по-новому, партийные органы не будут вмешиваться так, как это было раньше, в работу чекистских органов. Начальники УМВД областей должны и будут независимы от секретаря обкома партии.

Генерал-лейтенант Кобулов А.З. (брат заместителя министра т. Кобулова Б.З.) также сказал мне: "Вы не учли того, что к руководству МВД СССР, пришел т. Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется т. Берия. Он решительно ломает все старые порядки не только в нашей стране, но аи в демократических странах".

Комментируя заявление Строкача, Маленков подчеркнул: "Как теперь стало известно, точно такие же задания Берия дал и по другим республикам - Литовской, Эстонской, Белорусской и др."".

Тут уж Георгий Максимилианович лукавил. Задолго до Пленума он вместе с другими членами Президиума читал докладные записки Берии

по этим республикам и принимал соответствующие постановления. И должен был хорошо понимать, что сведения для своих записок Лаврентий Павлович получал из структур МВД.

Интереснее другое. Строкач, несомненно, сознавал, что, отказываясь выполнять прямое приказание Мешика и сообщая о нем секретарю Львовского обкома, он грубейшим образом нарушает служебную дисциплину и рискует не только лишиться должности, но и подвергнуться аресту. Опыт подсказывает, что подобные заявления подчиненных против шефа карательных органов появлялись только тогда, когда его смещение уже было предрешено на самом верху. Так было, например, когда, накануне падения Ежова заявление против наркома написал начальник Ивановского УНКВД В.П. Журавлев, утверждавший, что он сообщал Ежову о подозрительном поведении ряда ответственных работников НКВД, но тот никаких мер не принял. Через четыре дня после обсуждения журавлевского доноса на Политбюро Ежов вынужден был подать заявление об отставке.

Трудно отделаться от впечатления, что и Строкач не просто так, по безотчетному порыву дыши, писал свой донос против Мешика и Берии. Тимофей Амвросиевич был креатурой Серова аи Хрущева, сыгравших видную роль в антибериевском заговоре. Не исключено, что, получив приказание Мешика собрать материал о местных партийных органах, Строкач прежде позвонил Хрущеву или Серову и получил указание обратиться к секретарю Львовского обкома, а приказ не выполнять. Тем самым Хрущев и Маленков, дав возможность Берии убрать Стрекача из Львова, получили весомый компромат, которым и обосновали задним числом арест Берии. А переживший краткосрочную опалу Строкач, вернулся на пост министра внутренних дел Украины. З.Т. Сердюк же вскоре получил повышение, став главой коммунистов Молдавии.

Замечу, что аналогичная телега на Берию поступила и от министра внутренних дел Белоруссии М.И. Баскакова, игнатьевско-маленковского ставленника. Но ее на пленуме оглашал не Маленков, а глава белорусских коммунистов Н.С. Патоличев. Доносы Строкача и Патоличева также использовали в ходе следствия по делу Берии. Получив указание собирать материалы о партийных органах, Баскаков, как и Строкач, выполнять их не стал, а тотчас доложил Хрущеву и главе белорусских коммунистов Н.С. Патоличеву. Разумеется, он немедленно, 6 июня 1953 года был снят со своего поста. Терять Михаилу Ивановичу все равно было нечего. Ранее, до 1951 года, он был министром госбезопасности Узбекистана, но проштрафился и был смещен с этого поста. Ему на смену был послан в чрезвычайном порядке бериевский ставленник Гоглидзе, три месяца исправлявший баскаковские ошибки. Так что Баскаков понимал, что вопрос о его смещении с поста министра внутренних дел Белоруссии - лишь вопрос времени. Но, опять-таки, совершенно невероятно, чтобы он решился на такой демарш, как отказ выполнять приказ министра внутренних дел Союза, не получив гарантий от вождей - Хрущева и Маленкова, что ему ничего за это не будет. И действительно, уже в июле 53-го, сразу после ареста Берии, его восстановили во главе белорусского МВД (назначить ему преемника Лаврентий Павлович так и не успел - еще одно доказательство того, что с преданными кадрами чекистов у Берии было туговато). В письме на имя Хрущева Баскаков показал, что указания со стороны Берии "вызвали у меня явное сомнение. Данные, которые требовали, не имели

никакого отношения к работе органов МВД. Несмотря на предупреждение о недопущении разглашения этих указаний, я сразу же после разговора поехал в ЦК Компартии Белоруссии, к первому секретарю тов. Патоличеву, и все ему доложил о полученных указаниях и о характере разговора, который был с Берией и Кобуловым...

Не успел я еще возвратиться от т. Патоличева, как Кобулов еще раз позвонил и передал через секретаря, чтобы я в субботу 6 июня был в Москве... 6 июня с. г., днем, я прилетел в Москву, и в этот же день, примерно в 20 часов, я был вызван к министру Берии, где мне было объявлено, что я освобожден от должности министра внутренних дел Белорусской ССР".

Берия искренне верил, что Маленков, а возможно, и Хрущев поддерживают идею сместить центр власти из партийных в советские органы, и соответствующим образом инструктировал подчиненных, что они отныне не должны подчиняться обкомам, а замыкаться непосредственно на центральный аппарат МВД.

На Июльском пленуме Маленков также инкриминировал Берии его внешнеполитические инициативы: "На прошлой неделе, накануне того дня, как мы решили рассмотреть в Президиуме ЦК дело Берия, он пришел ко мне с предложением предпринять через МВД шаги к нормализации отношений с Югославией. Я заявил ему, что надо этот вопрос обсудить в ЦК. Какое же это предложение? В изъятых теперь у Берия материалах есть следующий документ:

"Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович (шеф МВД и второй человек в югославском руководстве после Тито. - /Б. С./), большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас.

Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья (в рукописном оригинале записки, написанной рукой Берии, было: "Маленков, Берия и их друзья", но свою фамилию Маленков предпочел не называть. Иначе бы всем участникам пленума стало ясно, что черновик письма Рановичу Берия составлял с одобрения Маленкова и других членов Президиума ЦК. - /Б. С./) стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран.

В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы произвести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде.

Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно".

Маленков соврал, когда убеждал участников пленума, будто Берия внес предложение о нормализации отношений с Югославией в самый канун своего ареста. В действительности Лаврентий Павлович, как мы помним, десять дней, вплоть до рокового дня своего падения, пробыл в командировке в ГДР, где подавлял антикоммунистическое народное восстание. Но сам факт этой поездки Маленков и другие члены Президиума утаили от участников пленума. Ведь не может заговорщик и агент империализма подавлять путч, инспирированный, по официальной советской версии, "силами империализма".

И следующим пунктом обвинений Берии в докладе Маленкова стало утверждение о намерении Лаврентия Павловича реставрировать в ГДР буржуазный строй: "Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделали много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период, примерно за 2 года, в Западную Германию убежало около 500 тысяч человек.

Мы объяснили нашим немецким друзьям, и они вполне согласились с этим, что нельзя в современных международных условиях проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР...

Мы имеем налицо опасность внутренней катастрофы. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен...

Мы считали, что самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили меры по оздоровлению политической и экономической обстановки в ГДР. События в ГДР показали правильность этих мер. Мы даже запоздали с их осуществлением, чем враг... воспользовался". И ни слова о том, кто именно предложил эти меры, уа потом подавлял "вражеское восстание".

Наоборот, Маленков постарался максимально развести позицию Берии и других членов Президиума ЦК по германскому вопросу: "Мы считали и считаем вместе с немецкими друзьями, что надо поправить курс на форсированное строительство социализма...

Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию... Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца". Что ж, может быть, здесь Георгий Максимилианович был кругом прав. Технократ-прагматик, Берия давно уже осознал неэффективность социалистической экономики и не имел ничего против реставрации капиталистических порядков не только в Восточной Германии, но и в СССР.

Кстати сказать, опыт ГДР наглядно свидетельствовал о крахе надежд на построение социализма и коммунизма. Ведь, согласно марксистской теории, такая промышленно развитая страна, как Германия, представляла собой идеальное поле для социалистического эксперимента. И вдруг выясняется, что германские рабочие социализма не хотят, и от курса на его ускоренное строительство приходится отказаться.

Маленков помянул и осуществленную по предложению Берии амнистию, правда, не упомянув прямо, что именно он был ее инициатором. Зато приписал поверженному Лаврентию Павловичу то, что он никогда не делал - инициативу по освобождению воров-рецидивистов. На что тут рассчитывал Маленков, сказать трудно. Разве что на то, что участники пленума газет не читают. Ведь в действительности в указе об амнистии и речи не было насчет освобождения уголовников-рецидивистов.

Столь же фантастическим выглядит ми другое обвинение, предъявленное Маленковым Берии: "Я должен сказать Пленуму ЦК и о таких преступных действиях Берия, как использование охраны членов

Президиума ЦК для контроля за ними. Теперь нам известно, что о каждом передвижении членов Президиума Берия немедленно узнавал через охрану. Известно также, что разговоры по телефону с членами Президиума ЦК подслушивались и докладывались Берия. Мы располагаем на этот счет документальными данными". Однако ни тогда, ни в последующем никаких документов, свидетельствующих, что охрана осведомляла Берию о передвижении членов Президиума или о том, что он организовал прослушивание их телефонных разговоров, предъявлено не было. Да и каким образом, интересно, Маленков, Хрущев и прочие смогли бы организовать заговор против Берии, если бы все время находились у него под колпаком.

Наоборот, по некоторым косвенным данным можно судить, что Берия распорядился прекратить практику прослушивания и слежки за высокопоставленными партийными и советскими чиновниками. На следствии по его делу бывший начальник 1-го спецотдела МВД А.С. Кузнецов (при Берии он также возглавлял комиссию по пересмотру дел высланных из Грузии по "мингрельскому делу") показал: "Берия дал мне указание связаться со всеми начальниками управлений МВД СССР и передать им его приказание сдать на хранение в 1-й спецотдел все оперативно-агентурные материалы, собранные на руководящих работников партийных и советских органов, в том числе на руководителей партии и правительства. Такие материалы были к мам сданы, в том числе 248 опечатанных пачек с материалами техники подслушивания и наблюдения 1 спецотдела. Описи поступивших материалов я передал 25 мая Кобулову с моим рапортом на имя Берии, в котором я писал, что ряд материалов носит провокационный характер и поэтому необходимо создать авторитетную комиссию для проверки..." Однако Кузнецов не подтвердил то, что очень хотели от него следователи: будто Берия распорядился продолжать прослушивать членов Президиума ЦК и других высокопоставленных лиц. Наоборот, сдача всех ранее накопленных материалов проводилась в связи с тем, что отныне прекращалась практика оперативно-агентурной разработки членов высшего эшелона власти. А что делать с уже накопленным материалом, наверняка должен был не Лаврентий Павлович единолично, а комиссия из членов Президиума ЦК. На Берию свалили и то недоверие, которое Сталин в последние годы жизни испытывал к Молотову и Микояну. Маленков утверждал: "В выступлении И.В. Сталина на Пленуме ЦК после XIX съезда партии, под влиянием клеветнических наветов со стороны вражеских элементов из Министерства внутренних дел была дана неправильная, ошибочная характеристика товарищу В.М. Молотову, которого партия и страна знает десятки лет как верного и преданного борца за коммунизм, как виднейшего деятеля партии и Советского государства. Также неправильными мы считаем и замечания, сделанные на том же Пленуме в адрес т. Микояна с обвинением его в нечестности перед партией". Тут уж Георгий Максимилианович совсем зарапортовался. МВД в 1952 году занималось исключительно гулаговскими стройками и никакого компромата на Молотова предоставить не могло. Да и возглавлял его близкий к Маленкову Круглов. Вероятно, в докладе имелось в виду МГБ. Но и тут Берия на самом деле был ни причем, поскольку во главе МГБ был еще один маленковский ставленник Игнатьев. К тому же Маленков предпочел забыть то резкое письмо

Сталину против Молотова, которое осенью 45-го подписал не только Берия, но и Маленков с Микояном. Та речь Сталина на Октябрьском пленуме 1952 года не стенографировалась. Судить о ней мы можем только по мемуарам Никиты Хрущева и Константина Симонова. Хрущев сообщает, что Сталин назвал Молотова и Микояна "агентами определенных западных держав", хотя одновременно, вопреки всякой логики, оставил их в составе Президиума ЦК (при этом, правда, они не вошли в состав более узкого Бюро Президиума, где была сосредоточена реальная власть). Симонов же так передает содержание сталинской речи: "Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро... до которых я... меньше всего ожидал услышать то, что говорил о них Сталин. Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, в нетвердости, подозрений в трусости, в капитулянтстве он обрушился на Молотова... Я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял. Оказалось, что именно так. Из речи Сталина следовало, что человеком, наиболее подозреваемым им в способности к капитулянтству, человеком самым в этом смысле опасным был для него в этот вечер, на этом пленуме Молотов... Он говорил о Молотове долго и беспощадно, приводил какие-то не запомнившиеся мне примеры неправильных действий Молотова, связанных главным образом с теми периодами, когда он, Сталин, бывал в отпусках, а Молотов оставался за него и неправильно решал какие-то вопросы, которые надо было решить иначе... Обвинения, которые он излагал, были какими-то недоговоренными, неясными и неопределенными... Я так и не понял, в чем был виноват Молотов, понял только то, что Сталин обвиняет его за ряд действий в послевоенный период, обвиняет с гневом такого накала, который, казалось, был связан с прямой опасностью для Молотова, с прямой угрозой сделать те окончательные выводы, которых, памятуя прошлое, можно было ожидать от Сталина... Главное содержание своей речи, всю систему обвинений в трусости и капитулянтстве, и призывов к ленинскому мужеству и несгибаемости Сталин конкретно прикрепил к фигуре Молотова: он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии перестанет стоять Сталин... Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной... Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми (бедняги, наверное, думали, что их сейчас арестуют. - /Б. С./). Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они - сначала Молотов, потом Микоян - спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там - Молотов дольше, Микоян короче - пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться, сказать ему, что это не так, что они никогда не были ни трусами, ни капитулянтами и не убоятся новых столкновений с лагерем капитализма и не капитулируют перед ним... Не знаю, почему Сталин выбрал в своей последней речи на Пленуме ЦК как два главных объекта недоверия именно Молотова и Микояна. То, что он явно хотел скомпрометировать их обоих, принизить, лишить ореола одних из первых после него самого исторических фигур, было несомненно. Он

хотел их принизить, особенно Молотова, свести на нет тот ореол, который был у Молотова, был, несмотря на то, что, в сущности, в последние годы он был в значительной мере отстранен от дел, несмотря на то, что Министерством иностранных дел уже несколько лет непосредственно руководил Вышинский, несмотря на то, что у него сидела в тюрьме жена, - несмотря на все это, многими и многими людьми - и чем шире круг брать, тем их будет больше и больше, - имя Молотова называлось или припоминалось непосредственно вслед за именем Сталина. Все это Сталин, видимо, и не желал. Это он стремился дать понять и почувствовать всем, кто собрался на пленум, всем старым и новым членам и кандидатам ЦК, всем старым и новым членам исполнительных органов ЦК, которые еще предстояло избрать. Почему-то он не желал, чтобы Молотов после него, случись, что с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность.

Допускаю, что, зная Молотова, он считал, что тот не способен выполнять первую роль в партии и в государстве. Но бил он Молотова как раз в ту точку, как раз в тот пункт, который в сознании людей был самым сильным "за" при оценке Молотова. Бил ниже пояса, бил по представлению, сложившемуся у многих, что как бы там ни было, а Молотов все-таки самый ближайший его соратник. Бил по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый несгибаемый последователь Сталина. Бил, обвинял в капитулянтстве, в возможности трусости и капитулянтства, т.е. как раз в том, в чем Молотова никто и никогда не подозревал. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников. Вот то главное, что сохранилось в моем сознании в связи с этой речью".

В данном случае важны не конкретные обвинения, предъявленные Сталиным Молотову и Маленкову, а убежденность в том, что Сталин по своей инициативе выбрал две последние жертвы своего гнева. И никак не связывал это с происками Берии или кого-либо еще. Не такой был человек Иосиф Виссарионович, чтобы в решении столь жизненного вопроса, кого и когда казнить, поддаваться чьим-либо влияниям.

Сталин, безусловно, не хотел видеть своими преемниками Молотова или Микояна, опасаясь, что они могут сделать слишком большие уступки англо-американцам, а это, в свою очередь, приведет к "буржуазному перерождению" Советской власти и вхождению СССР в Pax Americana. Однако нет никаких данных полагать, что он когда-либо считал Берию реальным кандидатом на пост своего преемника. Скорее в этом качестве Сталин видел Маленкова, но прямо об этом тоже не говорил.

Речь Сталина на Октябрьском Пленуме сохранилась также в записи одного из его участников - секретаря Курского обкома Л.Н. Ефремова. Там Сталин следующим образом обосновал значительное расширение состава ЦК и Президиума ЦК: "Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля".

Уже эти слова должны были серьезно напугать старую гвардию. Получалось, что Сталин надеялся пробыть у власти еще лет пятнадцать, и за это время рассчитывал основательно "перебрать людишек", не зная, что жить ему осталось неполных пять месяцев. А прямой намек, что именно молодые кадры отличаются особой преданностью вождю, тогда как ветераны, наоборот, подозреваются в отсутствии лояльности и профессионализма. Иосиф Виссарионович не критиковал никого из молодых, а вот старикам досталось: "Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей... Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова ли других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра - это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе...

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов - преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под "шартрезом" на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия - наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей - это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это - грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предположение? У нас есть Еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это - вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Иванович? Что ему тут не ясно?

Мужик - наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна. (А. И. Микоян на трибуне оправдывается, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.)

Сталин (прерывает Микояна): Вот Микоян - новоявленный Фрумкин (экономист школы Бухарина. - /Б. С./). Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

(В. М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.)

Сталин (прерывая Молотова): Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

(Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС - всего 36 человек.

В списке, говорит Сталин, находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А.А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится.)

Голос с места: Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Г.М. Маленков на трибуне: Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин на трибуне: На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

С.К. Тимошенко (сталинский свояк: его дочь Екатерина была замужем за Василием Сталиным. - /Б. С./): Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем Вас своим руководителем - Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

(Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел)".

Молотов не купился на лицемерное замечание Сталина о том, что он, Вячеслав Михайлович, не задумываясь отдаст свою жизнь за партию. Фактически в выступлении Сталина было вполне достаточно материала, чтобы МГБ, если будет дана команда, соорудило дело о Молотове - британском шпионе и сионистском агенте. Тут дело шло не просто о том, чтобы исключить Молотова из числа претендентов на сталинское наследство. Похоже, старый друг Коба собирался исключить его из числа живых. Недаром П.С. Жемчужину в конце января 1953 года доставили в Москву и начали допрашивать о ее связях с арестованными по "делу врачей". Тут уж выходил чистой воды умысел на теракт против Сталина. Заодно в феврале 53-го арестовали бывшего посла в Англии и

заместителя Молотова И.М. Майского, а также трех сотрудников посольства в Лондоне. Это позволило бы при необходимости придать заговору во главе с Вячеславом Михайловичем международный характер и подтвердить версию о нем, как о матером британском шпионе.

Микоян же, вероятно, попал под огонь сталинской критики как новый "правый уклонист", пытающийся "заигрывать с мужиком". В будущем, возможно, Молотова и Микояна планировалось обвинить в "буржуазном перерождении", в шпионаже в пользу Англии и в связях с еврейскими националистами и сионистами. Здесь Анастас Иванович был очень подходящей фигурой. В 1918 году он был арестован вместе с 26 бакинскими комиссарами, но каким-то образом избежал расстрела, хотя был одним из наиболее известных большевистских руководителей в Закавказье. Ходили слухи, что избежать гибели на 207-й версте Закаспийской железной дороги Микояну помогли старые связи с дашнаками, замолвившими слово перед эсеровским правительством в Ашхабаде. Кстати сказать, по мнению некоторых историков и самого Микояна, расстрел 26 бакинских комиссаров осуществлялся по списку, обнаруженному у одного из них. В этот список попали те руководители Бакинского Совета, которые в промежуток между падением большевистского правительства в Баку и занятием города турецкими войсками оказались в тюрьме. Кстати сказать, среди расстрелянных действительно оказались более-менее случайные люди, отнюдь не являвшиеся видными партийными функционерами. Например, коллега Берии - беспартийный делопроизводитель Бакинского Совета и Военно-Революционного Комитета Кавказской армии Исай Абрамович Мишне. Если бы тогда случайно был арестован не он, а Лаврентий Павлович Берия, не стал бы тот никогда грозным "лубянским маршалом", а остался бы навсегда лежать с простреленной головой в закаспийской пустыней. Но история со списком не все объясняет. Кое-кого к упомянутым в списке добавили, когда расстреливали, а вот Микояна трогать не стали. И тут вполне годилась бы версия, что Анастас Иванович был не только дашнакским, но и британским агентом, потому что и без англичан не обошлось при расстреле Бакинских комиссаров. Можно было выстроить стройную картину. Англичане завербовали Микояна, он завербовал Молотова, а тот умышленно шел на уступки Англии и США при проведении советской внешней политики, а потом, опять же, по заданию иностранных разведок, через свою жену связался с еврейскими националистическими кругами и организовал "заговор врачей" с целью убийства Сталина. Правда, к моменту естественной смерти Иосифа Виссарионовича от инсульта, ни от одного из арестованных еще не начали выбивать показаний на Молотова - не было команды. (Жемчужину последний раз допрашивали 2 марта 1953 года).

Возможно, Сталин собирался разыграть очередной спектакль - до последнего момента демонстрировать соратникам, что, несмотря ни на что, верит Молотову, и лишь под тяжестью неопровержимых улик вынужден просить товарищей по ЦК дать санкцию на его арест. Допускаю, что он хотел повторить сценарий, опробованный в свое время в деле "правотроцкистского блока". Сначала прошел бы "процесс врачей", может быть, с участием Жемчужиной. На нем впервые было бы упомянуто имя Молотова. Затем против Вячеслава Михайловича стали бы выбивать показания из того же Майского, посольских

работников, еще не расстрелянных еврейских деятелей культуры, из той же Жемчужиной, если бы ее оставили в живых. И потом бы уже, году в 54-м, состоялся бы громкий процесс с участием "новых правых", заговорщиков и английских шпионов, покровителей "безродных космополитов" Молотова и Микояна. К ним вполне могли бы пристегнуть и Ворошилова (как-никак жена - еврейка) и даже вышедшего в тираж Андреева, благо, тоже был женат на еврейке. Членов Политбюро, по состоянию здоровья утративших возможность трудиться в полную силу и потому более ненужных Сталину, как показал пример Я.Э. Рудзутака и В.Я. Чубаря, Иосиф Виссарионович предпочитал в живых не оставлять. Хотя, кто знает, может быть, на старости лет диктатор стал чуточку сентиментальным и готов был дать возможность ставшим инвалидами соратникам умереть в своей постели. Так и не оправившегося от последствий инсульта Л.З. Мехлиса, Сталин даже оставил на XIX партсъезде в составе ЦК, хотя понимал, что к активной политической деятельности Лев Захарович уже никогда не вернется. Может быть, и Андрея Андреевича Андреева тихо оставили бы доживать свой век. При Хрущеве он получил чисто декоративную должность члена Президиума Верховного Совета СССР, пока не был окончательно отправлен на пенсию в 1962 году. Может быть, и Сталин готов был не трогать бывшего главу КПК.

В своей последней речи вождь ни разу не упомянул персонально ни одного из молодой гвардии соратников - ни Маленкова, ни Берию, ни Хрущева. Но проверить их на вшивость все-таки решил, попросившись в отставку с руководящих постов. И. Сталин повел себя так же, как Иван Грозный с боярами в известной сцене из фильма Эйзенштейна. Можно не сомневаться, что если кто-нибудь из присутствовавших предложил избрать генеральным секретарем партии Маленкова, очень скоро Георгий Максимилианович оказался бы среди заговорщиков. Константин Симонов вспоминал: "На лице Маленкова я увидел ужасное выражение - не то чтоб испуга, нет, не испуга, - а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других, во всяком случае, многих других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина... Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно отказать Сталину в его просьбе".

Маленков, хорошо помнивший сталинский отпуск в Сочи в 45-м, первым, а за ним и все остальные, очень быстро сориентировался. Раз Сталин в самом начале намекнул, что ему еще нужен не один год для воспитания достойной смены руководителей, значит, ответ на неожиданное предложение мог быть только один: просить дорогого и любимого Иосифа Виссарионовича остаться, не покидать своих товарищей по ЦК. Неудивительно также, что Сталин не назвал имени своего возможного преемника. Он вполне мог рассматривать вариант, что им окажется не Маленков, не Хрущев, не Берия, а совсем другой человек, не входящий пока в состав высшего партийного руководства. Как знать, не собирался ли Иосиф Виссарионович сделать кронпринцем своего сына Василия, заставив его таки взяться за ум.

Интересно, что обвинения, предъявленные летом 1953 года Берии, практически совпадали с теми, которые Сталин собирался предъявить Молотову и Микояну. Только теперь их все сконцентрировали на одном

человеке, дашнаков заменили на мусаватистов, да убрали "еврейский вопрос". Победителям, против которых он совсем недавно мог быть направлен, затрагивать тему борьбы с "безродными космополитами" было явно не с руки. В июле 53-го Маленков, Молотов, Хрущев, Микоян и их товарищи на пленуме мстили за пережитый в октябре 52-го смертельный страх. Они вовсю опускали Берию в глазах партийной номенклатуры, били и по голове, и ниже пояса, полоскали грязное белье "лубянского маршала", представляли его авантюристом, заговорщиком, выродком, монстром. То, чем больше всего гордился Лаврентий Павлович, атомный и водородный проект, старались у него отнять, представить его деятельность в этой области как голый карьеризм, если вообще не вредительство. Но, в отличие от Молотова и Микояна тогда, в октябре 52-го, сейчас Берия уже сидел в бункере под арестом, на обвинения ответить не мог, не мог никому ничего объяснить, да никто и не собирался слушать его объяснений.

Выступая 2 июля 1953 года, Маленков продолжил: "Далее, товарищи, известно, что Берия ведал специальным комитетом, занятым атомными делами (большинство присутствовавших, думаю, об этом узнали впервые. - /Б. С./)... И здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы специального комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта. Когда ему руководящие работники специального комитета (они здесь - тт. Ванников, Завенягин) дали проект решения для внесения в правительство, он, Берия, перечеркнул этот документ и единолично вынес решение, скрыв его от ЦК и правительства".

Тут передергивание фактов соседствует с откровенной ложью. Разумеется, вопрос о времени испытания водородной бомбы решался Берией не единолично, а вместе с тремя коллегами по руководящей четверки Президиума ЦК, что и было оформлено рядом правительственных постановлений. Что же касается Спецкомитета, то он действительно не подчинялся ни ЦК, ни правительству, но только потому, что подчинялся непосредственно Сталину. Ему Берия и докладывал о ходе работ по созданию атомной и водородной бомб.

В заключение же доклада Маленков сделал ряд важных проговорок: "Прошло... около 4 месяцев после смерти т. Сталина. Надо было разгадать и разглядеть Берия во всей его красе. Надо было всем увидеть его как нарушителя, подрывника единства нашего ЦК. Надо было сплотиться, чтобы единодушно, я подчеркиваю - вполне единодушно, решить вопрос о Берия. Когда мы в Президиуме ЦК все убедились, с кем имеем дело, мы созвали заседание Президиума ЦК и в присутствии Берия предъявили ему обвинения. Он вел себя нечестно. Фактов отрицать не мог, но стал трусливо, подло прятать концы, заявляя, что он исправится... Президиум пришел к выводу, что нельзя с таким авантюристом останавливаться на полпути, и решил арестовать Берия как врага партии и народа. (Голоса: Правильно!) (Бурные аплодисменты.) Разоблачив и изгнав такого перерожденца, каким оказался Берия, наш ЦК будет еще более сплоченным и монолитным (Георгий Максимилианович не догадывался, что всего через четыре года будет низвергнут с партийного олимпа. - /Б. С./). Принимая эти крутые меры, Президиум ЦК руководствовался убеждением, что в данном случае единственно правильными являются именно эти меры,

Президиум ЦК руководствовался убеждением, что так поступил бы Ленин, так поступил бы Сталин. (Бурные аплодисменты.) Мы уверены, что наши действия будут единодушно одобрены Пленумом ЦК. (Бурные аплодисменты.) Что же касается отдельных ошибок и неправильностей, допущенных в период, пока мы после смерти товарища Сталина на протяжении 3-4 месяцев разоблачали Берия, эти ошибки и неправильности мы дружно поправим. Я бы сказал - хорошо, что понадобилось только 3 месяца (Возгласы: Правильно!), чтобы разглядеть подлинное лицо авантюриста и, невзирая на его положение и значительные возможности, вполне единодушно отсечь эту гадину, этот больной нарост на здоровом теле (Аплодисменты.)". Фактически Маленков признает, что Берию "заманивали": дали ему за неполных четыре месяца, прошедших после кончины Великого Кормчего, раскрыть свою реформаторскую сущность, а затем обвинили в попытках поставить МВД над партией и захватить власть. Тут уж поверишь Серго Берии, что его отец именно по настоянию Хрущева с Маленковым принял пост министра внутренних дел. Это, наверное, был один из хитрых ходов в сложной комбинации по дискредитации Берии в глазах партаппарата. Ведь сказать, что глава Спецкомитета Берия пытался захватить власть - никто не поверит. Что он, в самом деле, академиков-ядерщиков на Кремль бросит или ядерную бомбу на Москву обрушит? Другое дело - министр внутренних дел Берия вынашивал планы по захвату власти. Ведомство со времен Ягоды, и особенно Ежова служило пугалом, как для широких масс, так и особенно партийных функционеров, в отличие от рядовых граждан, хорошо знавших, кого и как производят во враги народа. Да и возможности для силового захвата власти у главы карательных органов в принципе были. Ему подчинялись и войска МВД, и до некоторой степени кремлевская охрана. А то, что Лаврентий Павлович только-только назначен министром, где до этого господствовали люди, в той или иной степени ему враждебные, далеко не всякий член ЦК мог сообразить. Вслед за Маленковым, согласно месту в партийной иерархии, выступил Хрущев, а за ним Молотов, № 3 в партийном руководстве, после падения Берии из четверки превратившемся в тройку. Никита Сергеевич сделал упор на то, как ловко он вместе с товарищами по Президиуму ЦК провел Берию: "Берия был большим интриганом при жизни товарища Сталина. Это ловкий человек, способный, он очень... крепко впился своими грязными лапами и ловко навязывал другой раз свое мнение товарищу Сталину. Он ловко, умело, другой раз намеком каким-то глухим, другой раз более определенным образом посеет сомнение или в тот или иной вопрос, или так или иначе показать в каком-то нехорошем свете того или иного товарища и нервировать без всякого основания товарища Сталина, добиваясь на какое-то определенное время восстановления товарища Сталина против того или другого товарища... Ловкость, нахальство и наглость - это основные качества Берия... При жизни товарища Сталина, когда мы дежурили у него по два члена Бюро ЦК неотступно... Я товарищу Булганину тогда сказал: "Николай Александрович, вот Сталин безнадежно больной, умрет, что будет после Сталина?"... Я говорю, вот моя тревога: после смерти Сталина Берия будет всеми способами рваться к посту министра внутренних дел. Зачем ему этот пост? Этот пост ему нужен для того, чтобы захватить такие позиции в государстве, с тем, чтобы через свою разведку

установить шпионаж за членами Политбюро, подслушивать, следить, создавать дела, интриговать, и это приведет к очень плохим последствиям, а может быть и больше, для партии. Булганин. Был такой разговор. Хрущев. Нельзя, я говорю, допустить до этого, гибель будет всем. Но вы скажете, ну хорошо, потом умер товарищ Сталин, а все-таки, мол, Берия стал министром и, мол, ты также думал и говорил с Булганиным, но и ты, и Булганин не выступили, когда было формирование и распределение обязанностей... Я вам скажу, почему. Одно дело, когда думаешь: умирает, но еще живет, и другое дело психологическое состояние, когда уже умер Сталин... Я считал, что при обсуждении выступить и сказать это мнение не совсем правильно. Вы, дорогие товарищи, имейте в виду, что Берия добился своего еще при жизни Сталина, из-за разобщения между членами Бюро ЦК добился... Еще не остывший труп товарища Сталина - и поднять этот вопрос, скажут: воспользовался смертью товарища Сталина, сразу вносит раскол и смятение в руководство партии, и, таким образом, ловко используя это, выставят против тебя, и будешь в дураках, да еще в каких! Могло это быть... Берия очень домогался этого. Берия стал министром внутренних дел. Вы, товарищи, каждый знаете, какой удельный вес этой "персоны" в партии. Довольно большой". Насчет разговора с Булганиным Хрущев вряд ли лукавил. Но если ему действительно предшествовал разговор Хрущева с Берией с просьбой принять пост главы МВД, то беседа с Николаем Александровичем становится просто акцией прикрытия. Хрущеву надо было создать среди основной массы членов Президиума впечатление, что он с самого начала предупреждал о кознях Берии. Булганин, естественно, не знал, что Хрущев, по всей видимости, по договоренности с Маленковым, и, быть может, с Молотовым, уже предложил Берии возглавить МВД. Тогда неудивительно, что при распределении постов Никита Сергеевич ни слова не сказал против назначения Берии, хотя по логике, казалось бы, требовалось активно возражать против столь опасного, как он уверял Булганина, развития событий. Булганин же не был в курсе затеянной интриги и остался в убеждении, что Никита Сергеевич возражал против назначения Берии. Хрущев предложил разобрать "10 лет пройденной нами деятельности. Берия скажет, что он это время не был министром. Возьмем позже период. Давайте разберем, какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? За исключением липовых, дутых - ничего". Из этого факта Хрущев сделал неожиданный вывод: Берии МВД нужно было, чтобы "взять в руки этот орган бесконтрольный... Вот смотрите, любого министра, любого работника, выполнение плана контролируем, там партийная организация выступит, там что-то мы видим, а в МВД все покрыто тайной. Он говорит: иду на конспиративную квартиру принимать какого-то агента, а какого агента там принимать, кто-нибудь знает? Никто не знает. Вот что ему нужно было, товарищи. Вот поэтому-то он и пошел на этот пост, против партии, против Правительства. Вот какая цель у него. Интересная такая деталь, я обратил внимание. Я считаю позорное дело с врачами, грузинское дело - это позор. Мы, члены Президиума, между собой несколько раз говорили, я говорил Лаврентию. Я получил письмо в ЦК... от генерал-полковника Крюкова, и Жуков получил это письмо. Я показал Президиуму ЦК, нужно рассмотреть. Там десятка два с

половиной генералов осужденных, и Крюков осужден на 25 лет. Берия не берется за это дело разбора, а что это липа - это бесспорно... Почему? Я думаю, что это делал Берия в тех целях - он хотел поработать с этими генералами, а потом освободить. Потому что он освобождал не просто, а он освобождал, и эти люди выходили, а он им внушал, что это Берия им вернул жизнь, не партия, не правительство, а Берия. Вот был арестован Кузьмичев. Я думаю, что его освободить нужно было, но нужно ли было этого Кузьмичева, освобождая из тюрьмы, сразу одеть в генеральский костюм и назначить начальником охраны членов Президиума ЦК (логика у Никиты Сергеевича прямо-таки замечательная: невинного человека освободить можно, а вот восстанавливать в генеральском звании и в прежней должности не стоит, поскольку он-де будет чувствовать себя обязанным Берии, а не Президиуму ЦК. - /Б. С./). Думаю, что вряд ли это нужно было, а он был назначен. Почему? Потому что Кузьмичев стал тенью Берия, ему нужен был такой человек. Вот почему нужен был пост МВД, вот в каких целях он брал этот орган в свои руки. В преступных целях". Сразу скажу, что аргументация Никиты Сергеевича могла бы убедить разве что школьников, начитавшихся детективов и романов Дюма о разведчиках и коварных заговорщиках, устраивающих дворцовые перевороты. Люди же, сколько-нибудь осведомленные о работе органов госбезопасности, хорошо знали, что сами министры на конспиративные квартиры не ходят. Что же касается закрытости системы МВД-МГБ, то в части агентурной деятельности, будь то за рубежом или внутри страны, она была, есть и будет. В тоталитарном же или просто авторитарном обществе подобная завеса секретности неизбежно распространяется и на все стороны деятельности правоохранительной системы. И тут совершенно без разницы, кто стоит во главе органов - Ежов или Берия, Круглов или Серов. Что же касается только что освобожденного генерала С.Ф. Кузьмичева, арестованного по "делу врачей", то его вновь арестовали, уже по делу Берии, год продержали в тюрьме, а потом опять освободили, так и не предъявив никаких обвинений. Назначение Кузьмичева начальником управления охраны выглядело вполне логичным. Он уже занимал этот пост в 49-50 годах, но был уволен в связи с развитием "дела врачей". Формальным поводом для ареста Кузьмичева послужило дело о злоупотреблениях бывшего начальника Главного управления охраны Н.С. Власика. Теперь же, после того, как все обвинения по "делу врачей" были признаны сфальсифицированными, а по делу о Главном управлении охраны выяснилось, что Кузьмичев ничего из казенного имущества не присваивал, никаких оснований не доверять ему вроде бы не было. Хрущев продолжал рисовать образ коварного заговорщика: "Вот этот сбор всяких сведений. Вы знаете, например, что Берия поставил так вопрос. Я даже сам винюсь перед Пленумом. Он мне один раз звонит и говорит: "Знаете, у Вас работник Административного отдела позвонил Кобулову и спрашивает его, как дела идут. Это невозможно. Я член Президиума, и вроде какая-то тень наводится, кто-то вызывает моего первого заместителя, а не меня". Одним словом, этим самым он ставит вопрос, что ни в ЦК не вызывать, а это значит освободить от всякого партийного контроля органы МВД для произвола... Вот чего хотел Берия, и я бы, товарищи, сказал, он этого добился. Факт. Ведь вот эти записки по Украине, по Латвии, по Белоруссии. Это же факт, что они

собраны не через обкомы, не через центральные комитеты, они собраны через работников МВД, хотя эти материалы имеются все в Центральном Комитете. Значит, он своего добился". Разумеется, как и всякий министр, Лаврентий Павлович был не в восторге от вмешательства партийных органов в сферу своей компетенции и всячески этому сопротивлялся. Но здесь он не был оригинален. То же можно было сказать ни о Молотове, и о Микояне, и о Кагановиче, и о других членах Президиума ЦК, руководивших тем или иным министерством или отраслью народного хозяйства. Все они предпочитали сами отдавать директивы партийным организациям на подведомственных предприятиях и в учреждениях, а не выслушивать указания со стороны какого-то там отдела Административных органов ЦК. Объяснимо и стремление Берии получить сведения об истинном положении на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии по линии МВД, а не довольствоваться имевшимися в ЦК сводками. У Лаврентия Павловича были все основания полагать, что доклады местных партийных органов приукрашивают действительность. Хрущев, вместе с тем, довольно точно определил сущность политической позиции Берии: "... Ракоши сказал: я бы хотел знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть. Раз не будет в одном лице, надо более рельефно выявить разделение вопросов. Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой". Лаврентий Павлович хотел оставить Богу богово, а кесарю кесарево. ЦК пусть занимается идеологией, пропагандой и кадрами, а Совмин - проведением конкретной политики, решением всех практических вопросов. При этом взаимоотношения партии и правительства стали бы сродни взаимоотношениям владельцев крупной компании, и ее менеджеров. Владелец определяет кадровую политику и (не всегда) общую стратегию, но не вмешивается в действия менеджеров. Если дела идут плохо, команду менеджеров просто меняют, или, наоборот, меняют общую стратегию бизнеса. Нечто подобное предлагал и Берия, причем делал он это явно с согласия и при поддержке Маленкова. Георгий Максимилианович, рассматривая себя в качестве преемника Сталина, надеялся сосредоточить в своих руках как председателя Совета Министров всю реальную власть, отдав на откуп Хрущеву и другим секретарям ЦК марксистско-ленинскую теорию. Берия же рассчитывал безраздельно властвовать в МВД, сделав его главным орудием реформ. Но, как мы знаем, все повернулось наоборот, и очень скоро, через каких-нибудь несколько месяцев после Июльского Пленума, выяснилось, что реальная власть не у Маленкова, а у Хрущева. Закаленный в чистках партийный аппарат одолел аппарат советский, только-только, во время войны, почувствовавший вкус настоящей власти.

Хрущев расценил предложение Берии как подрыв руководящей роли партии, попытку свести ее "на положение пропаганды". И тут замечательнейшим образом проговорился: "В его же (Берии. - /Б. С./) понимании - какая разница между Гитлером и Геббельсом?" Как и другие коммунистические бонзы, Никита Сергеевич прекрасно сознавал родство большевистского режима с нацистским. Но при этом рассчитывал на роль Гитлера-Сталина, а не Геббельса-Жданова.

И еще Никита Сергеевич признался, что водил притворную дружбу с Берией, но, опять-таки, только затем, чтобы лучше разоблачить его происки:

"Мы ведь с Берия ходили вместе, и под ручку ходили, поэтому многое могли и слышать от Берия... У меня лично с Берия были разные периоды наших отношений, но самый лучший период у меня с ним отношений, такие - не разлей, не растянись - это после смерти товарища Сталина. Если я ему день не позвонил, то он уже звонит и спрашивает, чего не звонишь. Говоришь, что некогда, дела были. "А ты звони".

Я, товарищи, стал думать: что такое, почему такая любовь сразу воспламенилась ко мне, в чем дело? Вроде ничего не изменилось, я таким же остался, каким и был. А он мне звонит однажды и говорит, а что там Маленков, что там Молотов. Он против каждого бросит яд, хочет, так сказать, как-то указать, что вот ты лучше. Я потом это говорил товарищу Маленкову, товарищу Молотову...

Единодушное решение Президиума о Берия - этого, товарищи, надо было добиться. Я прямо скажу, чтобы не шептались потом. Некоторые говорили - как же так, Маленков всегда под руку ходит с Берия, наверное, они вдвоем - это мне говорят, а другим, наверное, говорят, что Хрущев с ним также ходит (Смех.) И это правильно. Ходили, и я ходил. Он посредине идет, бывало, а с правого бока Маленков идет, а с левого я. Вячеслав Михайлович как-то даже сказал - черт знает, вы ходите и что-то все время обсуждаете. Я говорю - ничего путного, всё гнусности всякие, противно даже слушать, но ходим.

Я считаю, что до поры до времени это хождение нам пользу принесло, нужное хождение. В четверг мы с ним - Маленков, я и Берия - ехали в одной машине, а распрощались мы с ним знаете как. Он же интриган, он меня интригует против Маленкова и против других, но он считал главным Маленкова, что надо против него. Прощается, он мне руку ждет, только я это слышу, я ему тоже отвечаю "горячим" пожатием; ну, думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в 2 часа мы тебя подожмем. (Смех.) Мы тебе не руку пожмем, а хвост подожмем.

Товарищи, с вероломным человеком надо было так поступить. Если бы мы сказали, когда уже увидели, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Вы не думайте, он умеет. Я уже некоторым товарищам говорил, и мне говорили, что я преувеличиваю: смотри, не будь чудаком, похоронит тебя, речь произнесет и табличку повесит - здесь покоится деятель партии и правительства, а потом скажет - "дурак". И покойся там. Он способен на это. Он способен подлить отраву, он способен на все гнусности. Дело мы имели не с членом партии, с которым надо партийными методами бороться, а мы имели дело с заговорщиком, с провокатором, а поэтому не надо было разоблачать себя. Агентура, как они говорят. Это значит: агентура - начальник МВД в ЦК. Вот до чего мы дошли".

Простодушный Хрущев втолковывал коллегам: если считаешь человека подлецом и негодяем, то против него можно использовать любые средства, в том числе "непартийные методы" - просто посадить в кутузку, а потом расстрелять после судебной пародии. Лучше всего - притвориться другом. А еще - рассказывать коллегам по ЦК "страшилки" о Берии-отравителе. Лаборатория по ядам при НКВД действительно существовала, но возникла она при Ежове, а затем

благополучно сохранилась при Берии и Абакумове, да как будто, пусть уже с другими людьми, сохранилась и при преемниках Абакумова. Однако все известные ныне случаи отравлений ядами профессора Майрановского совершались с санкции Политбюро или лично Сталина. Берия, кажется, до самого конца не догадывался об иудиной роли своих "дорогих друзей" Георгия Максимилиановича и Никиты Сергеевича.

И еще раз Хрущев повторил ложь о том, что тепло обнял Берию за день до ареста. Скорее всего в действительности трогательные объятья были при прощании с Лаврентием Павловичем накануне его десятидневной поездки в ГДР, прямо на аэродроме. Но эту поездку требовалось таить от участников Пленума. Вся конструкция о бериевском заговоре рушилась, раз "агент империализма" и заговорщик успешно подавил восстание, организованное "империалистами и реваншистами"!

После Хрущева говорил Молотов. Он сделал упор на прегрешения Берии в сфере внешней политики: "Тут (на заседании Президиума ЦК, обсуждавшем германский вопрос. - /Б. С./) раздалась речь Берия - что нам этот социализм в Германии, какой там социализм, была бы буржуазная Германия, только миролюбивая. Мы таращили глаза - какая может быть буржуазная Германия миролюбивая, какая в глазах члена Политбюро ЦК нашей партии может быть буржуазная Германия..." Осудил Вячеслав Михайлович и записку Берии, адресованную Ранковичу, но при этом признал, что Президиум ЦК все же стремится к нормализации отношений с Югославией, и потому Москва и Белград обменялись послами: "... Если в лоб не удалось, мы решили взять другим, мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее". Вежливые же дипломатические формулировки из письма Берии Ранковичу были расценены чуть ли ни как пособничество "югославским фашистам".

Но самым замечательным стало утверждение Вячеслава Михайловича, что во всех бедах, происходивших после 1938 года в советском руководстве, виноват... Берия: "Я не первый год работаю. С тех пор как Берия приехал в Москву, атмосфера испортилась: пленумы перестали собирать, съезд затянулся на 13 лет. Это началось после XVIII съезда, как раз к моменту приезда Берия в Москву. Переворота он не сделал, но все, что можно делать, он делал. Он отравлял атмосферу, он интриговал. Не всегда ему верил товарищ Сталин, особенно последнее время мало ему верил (интересно, как об этом мог судить Молотов, которому Сталин последнее время уж точно не верил. - /Б. С./), но была слабость допущена со стороны всех нас без исключения". Словно Сталин без Берии не мог прийти к убеждению, что в период острого предвоенного и военного кризиса нечего тратить время и силы на созыв опереточных пленумов и съездов, которые послушно проштампуют то, что им продиктует Великий Кормчий.

А еще Вячеслав Михайлович косвенно обвинил Берию в намерении создать в стране вторую партию, помимо коммунистической. Если он это не выдумал, то Лаврентий Павлович по праву должен считаться отцом советской многопартийности, на три с лишним десятилетия предвосхитившим Горбачева. Молотов заявил: "Капиталисты дадут любые деньги, не миллионы, а миллиарды, для того чтобы завести небольшой лагерь, организацию, имеющую левую физиономию, правую

физиономию, центризм, розовую, какую хотите, только не коммунистическую, только чем-нибудь она отличалась бы от ВКП(б), от КПСС. Ради этого они на все пойдут. В нашей стране любая другая партия не может быть не чем другим, как агентом иностранного капитала, как агентом империалистов.

И вот, товарищи, когда нам хотят создать новую организацию... то эти люди либо мечтают о том пути, по которому пошел Тито и его банда, либо вроде этого они могут мечтать что-то создать, потому что до сих пор Тито считается коммунистом. Почему Берия не может считаться коммунистом и делать не так, как делает партия? Любого такого агента золотом засыплет буржуазия, капитализм, только бы он нашелся...

Наша борьба в настоящее время достигает особой остроты... капитализм в тревоге за свою судьбу... ищет, где найти такое гнилое место, такого человека, который может быть провокатором, предателем, кем хотите, продажной шкурой, но только выполнять этот заказ, такую щелку иметь в Советском Союзе. Вот эту работу и выполнял провокатор Берия - создать трещинку и на этой почве подорвать наш Советский Союз".

Таким образом, Берию обвинили в буржуазном перерождении, в том, что объективно был агентом капиталистических держав. А уж во время следствия и суда его прямо назвали шпионом. Хотели сначала сделать из него сначала "советского Тито". Но потом не стали. Отношения с Югославией все же постепенно налаживались, и использовать имя югославского лидера в качестве бранного слова стало уже неудобно.

Обрушив на поверженного врага гневные филиппики, Молотов вынужден был признать за ним и некоторые заслуги: "Мы часто попадаемся на том, что человек имеет заслуги, работает, выполняет большие задания. К таким лицам относится Берия. Он выполнял большую работу, он талантливо работал в организации ряда хозяйственных мероприятий, но послушайте, мы ведь используем и вредителей, заставляем и их работать, когда это нужно, мы из бывших вредителей делаем людей, которые приносят пользу, когда они видят, что невозможно идти по прежнему пути".

Лаврентию Павловичу не довелось читать материалы пленума. Если бы прочел, немало порадовался бы перед смертью, что даже такой его лютый враг, как Молотов, который вроде бы даже в показную дружбу с ним не играл, признал все-таки его, Берии, организаторский талант и заслуги в проведении "хозяйственных мероприятий" (имелось в виду прежде всего создание атомной и водородной бомб). Такое признание дорогого стоило, ибо было совсем не конъюнктурным.

Но это было единственное доброе слово, сказанное Молотовым о Берии. В заключение он обрушил на поверженного врага новые громы: "Человек, который... хочет быть в числе руководящих государственных деятелей, обязательно должен быть коммунистом. Он обязательно должен чем-то заслужить доверие, подняться. Другого выхода нет. У нас одна партия, она выдвигает, она ставит людей, она популяризирует, она дает работу (вот, пожалуй, наиболее краткое и емкое определение тоталитарного строя, данного одним из убежденнейших его адептов. - /Б. С./). Вот путь, который уяснил Берия, и он упорно шел по этому пути. И теперь, когда мы на него смотрим, как он все в себе таил и двигался вперед упорно и наконец попал на верхушку, мы увидели, что

это за человек. Этот человек дышит не нашим духом, он чуждый нашей партии, он от другого корня, он чужой человек. Он чужой и антисоветский человек. Из имеющихся у нас фактов мы должны сделать вывод, что наша партийная работа идет во многих отношениях слабо, не на том уровне, на котором нужно вести ее. И тут не только дело в Берия, не только дело в том, что у Берия оказался идеологом Шария. Я прочитаю постановление ЦК КП Грузии, принятой в 1948 году и одобренное ЦК партии...:

"Бюро ЦК Грузии считает установленным, что Шария в 1943 году в связи со смертью сына написал идеологически вредное произведение в стихах, проникнутое глубоким пессимизмом и религиозными мистическими настроениями. Отступая от основных принципов большевистского материалистического мировоззрения, Шария в этом произведении говорит, что не видит лучшего мира... Жизнь его после смерти сына (он умер от туберкулеза) одна лишь мука. И под конец договаривается до признания бессмертия души и реальности загробной жизни".

Этот человек по недоразумению нами был восстановлен в партии; по недоразумению мы поддержали неправильное решение ЦК Грузии. Оказывается, вплоть до ареста Берия Шария был его помощником по идеологическим вопросам. Вот чем он дышал".

Прав, прав был Вячеслав Михайлович. Берия, в сущности, был чужим человеком в среде высшего партийного руководства. Слишком прагматик, слишком умен, подчеркнуто безразличен к идеологическим догмам. И, как ни покажется это кощунственно по отношению к бывшему главе карательного ведомства, слишком добрым. Да, Лаврентий Павлович загубил десятки тысяч человеческих жизней, но без нужды, без приказа он людей не губил. Наоборот, всячески помогал своей команде в НКВД, попавшей в опалу при Абакумове.

Молотов же хладнокровно зачитывал дикое по существу решение, полностью с ним солидаризуясь. Отца привлекали к партийной ответственности за скорбь по безвременно умершему сыну! И у Вячеслава Михайловича несчастный отец не вызывает ни капли сочувствия. Ни слезинки не пролил сталинский нарком, прозванный товарищами за глаза "железнозадым", за свою необыкновенную усидчивость. Плакать Вячеслав Михайлович, как мы помним, мог только тогда, когда реальная угроза получить пулю в лубянском подвале возникала для него самого. Очень скоро Шарию с товарищами Молотов отправит в тюрьму на 10 лет в тюрьму всего лишь за то, что писал речи для Берии.

Клеймил Берию и Микоян, оправдываясь за мягкотелость, проявленную в начале памятного заседания Президиума ЦК: "Еще до приезда его в Москву, и в особенности когда он был в Москве, ему удалось ловко, всеми правдами и неправдами пробраться в доверие к товарищу Сталину. Еще при жизни товарища Сталина, в особенности в последние годы, когда он не мог уже заниматься делами, когда он меньше стал встречаться с людьми, получать информацию, в это время он ловко устроился главным информатором товарища Сталина (утверждение абсолютно голословное, тем более в устах Микояна, в последние годы и особенно в последние месяцы прочно отлученного от тела вождя. До сих пор не найдено документов, что Сталин получил от Берии какую-либо информацию, кроме той, что была связана с

деятельностью Спецкомитета; хотя нельзя исключить, что после падения Абакумова к каким-то бериевским советам Иосиф Виссарионович прислушивался при проведении кадровых назначений в системе МГБ-МВД. - /Б. С./).

Надо сказать, что товарищ Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать, что Сталин ему не доверяет, что мингрельское дело создано для того, чтобы на этом основании арестовать Берия (наверняка так далеко Сталин заходить не собирался, иначе не послал бы самого Берию разбираться с мингрельцами и сажать Рухадзе; вероятно, Иосиф Виссарионович просто не хотел, чтобы Берия, равно как и другие члены высшего политического руководства, не имели слишком много своих людей в руководстве регионов; по этим же соображениям скорее всего был снят с поста начальника Генштаба и удален из Москвы близкий к Берии С.М. Штеменко. - /Б. С./), что Сталин не успел довести то, что хотел. Во время войны товарищ Сталин разделил МВД и Госбезопасность. Тоже, мне кажется, из некоторого недоверия к нему. Не было смысла делить министерство (тем не менее, после ареста Берии МВД опять разделили надвое. - /Б. С./). Тогда назначили его в Совет Министров. Это тоже было внешним признаком проявления недоверия (хорошо недоверие, если Берии доверили сверхсекретный атомный проект и всю связанную с ним разведку!/ - Б. С./). Но несмотря на это, товарищ Сталин ему очень большое доверие оказывал".

Бедный Анастас Иванович вконец запутался! Образ мифологического злодея, каким рисовали на пленуме Берию, требовал, чтобы он коварно втерся ив доверие к доброму гению - Сталину. Однако одновременно требовалось, чтобы прозорливый Иосиф Виссарионович догадывался о гнусной сущности Лаврентия Павловича. Вот и получилось, что Сталин Берии одновременно и доверял, и не доверял, что, вообще-то говоря, нонсенс. Скорее можно предположить, что Иосиф Виссарионович не слишком хотел видеть "лубянского маршала" своим преемником и собирался расстрелять его после того, как будет создана водородная бомба. Но с тем же успехом можно предположить, что Сталин думал сохранить Берию и до самой своей смерти использовать его технократический талант. Ничего невероятного нет и в том, что, разочаровавшись во всех возможных преемниках, включая собственного сына, Иосиф Виссарионович хотел, чтобы после его смерти наследники выяснили между собой отношения, наподобие пауков в банке. И пусть победит сильнейший!

Микоян продолжал: "Информации Берия обычно носили интриганский характер и служили специальным целям. Ему удавалось очень много трудных решений проводить, причем было известно, что если Берия против того или иного решения, оно будет провалено. Этим он создал себе авторитет. Он прикидывался дружком то одного, то другого работника. Это мы все видели, но не придавали такого значения, какое он приобрел после того, как не стало товарища Сталина".

Здесь бросается в глаза явная демонизация "лубянского маршала". Конечно, Сталин и другие члены Совета Министров беспрекословно утверждали предложения Берии по атомному проекту, который имел абсолютный приоритет. Однако, как мы убедились, предложенную Берией на пост главы МГБ кандидатуру В.С. Рясного Сталин отверг.

Наверняка и в других сферах предложения Лаврентия Павловича далеко не всегда одобрялись его коллегами и Сталиным.

Микоян, характеризуя Берию как матерого интригана, беспроигрышно сослался на Серго Орджоникидзе, благо, умерший член Политбюро ничего возразить или подтвердить не мог: "О его интригах я впервые узнал от Серго. Он очень взволнованный ходил. Он меня спрашивал: "Не понимаю, почему товарищ Сталин мне не доверяет. Я абсолютно верен товарищу Сталину и не хочу с ним драться, хочу поддержать его, а он мне не доверяет. Здесь большую роль играют интриги Берия. Берия из Тбилиси дает товарищу Сталину неправильную информацию, а Сталин ему верит"".

Совершенно непонятно, какой компромат на Дзержинского мог найти Лаврентий Павлович. Скорее всего имелся в виду произведенный в Грузии арест старшего брата Серго Папулия. Но замахнуться на столь близкого родственника члена Политбюро местный партсекретарь и НКВД никак не могли без письменного, а вероятнее всего, устного распоряжения Сталина. И уж точно, конфликт не с Берия, а со Сталиным довел Серго Орджоникидзе до самоубийства. Однако в июле р1953 года Иосиф Виссарионович для участников Пленума все еще оставался священной коровой, не подлежащей критике, поэтому и смерть Серго выгоднее было списать на происки Лаврентия Павловича. И это притом, что о самоубийстве Орджоникидзе ни Микоян, ни другие ораторы так и не рискнули сообщить присутствующим.

Анастас Иванович также обвинил поверженного товарища в двурушничестве. Навешивая на Берию этот ярлык, Микоян пытался оправдаться за свое чересчур мягкое отношение лк Берии на заседании 26 июня: "Кроме интриганства и вероломного натравливания одних на других, главным оружием Берия было двурушничество. Некоторые могут сказать нам: почему вы не обнаружили вовремя этого мерзавца? Я объясняю для себя это дело так: доверие, которым он пользовался у товарища Сталина, его высокое положение у руководства вызывали большие затруднения, чтобы в короткий срок без Сталина все распознать, имея в виду разобщенность между членами Президиума, которая разоблачала возможность обмена мнениями, как это принято среди большевиков, чтобы дать полную оценку тому или иному факту".

Получается в высшей степени забавная картина. С одной стороны, Сталин Берии доверяет, что делает того неуязвимым, но, с другой стороны, только Иосиф Виссарионович способен быстро разоблачить двурушника. И никто из членов ЦК, разумеется, не рискнул обратить внимание взволнованного Анастаса Ивановича на то, что он несет ахинею. А волноваться Микояну было от чего. Он, похоже, всерьез опасался, что за мягкотелость и давние связи с Берией по Закавказью его могут сделать соучастником Лаврентия Павловича по несуществующему заговору.

Анастас Иванович продолжал оправдываться: "Иногда анализируешь некоторые факты и думаешь: а может быть, я ошибаюсь, поскольку неизвестно мнение других товарищей (раньше "кремлевскому лису" Микояну было проще: надо было угадывать только мнение товарища Сталина; теперь же, во времена коллективного руководства, требовалось понять, что же именно думают о Берии другие члены руководящей четверки. - /Б. С./). Главным тормозом являлось то, что хотелось сохранить единство коллектива. Трудно было распознать так

быстро и в один присест принять такое решение, беспрецедентное решение в истории нашей партии (и опять лукавит Анастас Иванович: "врагов народа" Косиора, Эйхе, Чубаря и Постышева арестовывали или в бытность их членами Политбюро или вскоре после того, как их оттуда изгнали. - /Б. С./). Зная отрицательные стороны Берия и осуждая его, мне все же было трудно согласиться на арест члена Президиума ЦК. Однако в ходе обсуждения выяснился полный авантюристический облик Берия и стала явной опасность заговорщической угрозы. Это привело к полной изоляции Берии и принятию единодушного решения об его аресте".

Таким образом Микоян хотел создать у участников пленума впечатление, что только в ходе заседания Президиума 26 июня созрело решение об аресте Берии, что отсутствовал предварительный сговор между членами Президиума. Правда, судя по всему, Хрущев и Маленков ввели Анастаса Ивановича в курс дела лишь на последней стадии, и он остался в неведении, что акция против Берии готовилась давно и всерьез.

Микоян повторил и хрущевско-маленковскую версию о том, что Берия собирался использовать МВД в неблаговидных целях борьбы против коллективного руководства и создания культа собственной личности: "В чем выражалось двурушничество Берия? Я вначале ему говорил: зачем тебе НКВД? **[13]**

А он отвечал: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить. НКВД надо сократить, охранников послать в Колыму и оставить по одному-два человека для охраны. Вот такие утверждения он делал. А потом, когда дело дошло до работы, он стал поступать наоборот, еще больше закрутил. Когда он выступил на Красной площади над гробом товарища Сталина, то после его речи я сказал: в твоей речи есть место, чтобы гарантировать каждому гражданину права и свободы, предусмотренные Конституцией. Это в речи простого оратора не пустая фраза, а в речи министра внутренних дел - это программа действий, ты должен ее выполнять. Он мне ответил: я и выполню ее. А потом внес предложение без суда и следствия арестовывать людей на десять лет (на самом деле Берия вообще собирался упразднить Особое совещание, но Микояну надо было хоть чем-то уравновесить в глазах участников пленума либеральные акции Берии, вроде амнистии и реабилитации кремлевских врачей. - /Б. С./)...

В первые дни он ратовал о культе личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло. Нужно подойти к личности по-марксистски. Но Берия ратовал. Оказалось, что он хотел подорвать культ товарища Сталина и создать свой собственный культ. (Смех.) Но это надо делать в коллективном руководстве. Это скоро проявилось, когда к решению ЦК о западных областях Украины, о Литве был приложен его доклад. Причем решение ЦК не было подписано членами Президиума, там не упоминается ни одна фамилия, но там есть только фамилия министра Берия, где все установки даны в докладе. Прорабатывать решение нужно было с одной фамилией Берия. Это было двурушничеством. Чтобы выдержать культ собственной личности,

он добивался того, чтобы ведомственное министерство, которым он руководил, даже тогда, когда эти интересы неправильные, отстаивать до конца".

Интересно, как могло способствовать созданию культа Берии постановление ЦК и приложенный к нему доклад МВД, рассылавшиеся под грифом "секретно"? Тем более что большинство тех партаппаратчиков, которым рассылались эти документы, были от них совсем не в восторге. Мне представляется, что свой доклад Берия рассылал с чисто практической целью - дать более широкое толкование, разъяснить постановление Президиума ЦК, которое, кстати сказать, по сложившейся практике, не подписывалось его членами.

Кроме Молотова, хоть какие-то достоинства за Берией признал на пленуме только Андреев. Он заявил, полемизируя с утверждением чекиста-технократа А.П. Завенягина о том, что Берия был не организатор производства, а технократ: "Я не согласен... с товарищем Завенягиным, что он (Берия. - /Б. С./) был недалекий человек. Нет, товарищи, мы не должны преуменьшать. Это был умный, очень ловкий враг, иначе он давно бы был разоблачен, а он продержался смотрите сколько времени...

Он очень похож на Тито.

Голоса из зала Правильно.

Андреев. Тот имеет прошлое, боролся под знаменем Коммунистической партии и т. д. Но на самом деле он все ликвидировал и стал фашистом. У них общая тактика в известной мере, и она будет продиктована новой тактикой наших врагов.

Конечно, товарищи, люди будут спрашивать, как это увязывается, у всех было представление, что Берия вел большую работу, а оказался таким мерзавцем. Но дело в том, что враг, чтобы не разоблачить себя, вынужден вести у нас полезную работу, что его заставляли вести полезную работу, использовали, а иначе он провалился в три счета, в особенности в наших советских условиях, где тысячи, миллионы глаз следят за отдельным человеком. Он, конечно, делал большую работу кое-когда, но это была маскировочная работа, и в этом заключалась трудность его разоблачения. Он создал ореол, что он во время войны вел крупную работу и т. д., шантажировал именем товарища Сталина. Его трудно было разоблачить".

Хороша, однако, была маскировочная работа! Из выступления многолетнего заместителя Берии по Спецкомитету Первому главному управлению, а ранее - по НКВД А.П. Завенягина участники пленума только что услышали: "Товарищ Маленков сказал, что решение по испытанию водородной бомбы не было доложено правительству, не было доложено Центральному Комитету и принято Берия единолично. Я был свидетелем этой истории.

Мы подготовили проект решения правительства. Он некоторое время полежал у Берия, он взял его с собой почитать, что ли. У нас была мысль, что, может быть, он поговорил с товарищем Маленковым. Такая мысль была. Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его. Он дома, видимо, раз прочитал, начинает исправлять. Доходит до конца. Подпись - Председатель Совета Министров Маленков. Зачеркивает это. Говорит - не требуется. И ставит свою подпись.

Что такое, товарищи, водородная бомба? Это важнейший сейчас вопрос не только техники, не только вопрос работы бывшего Первого Главного Управления, теперь нового Министерства среднего машиностроения, это вопрос мирового значения.

В свое время американцы создали атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время при помощи наших ученых, нашей промышленности, под руководством нашего правительства (о решающей роли советской разведки в овладении секретами атомной и водородной бомб, подчинявшейся в этой сфере все тому же Берии, Авраамий Петрович дипломатично умолчал. - /Б. С./) мы ликвидировали эту монополию атомной бомбы США. Американцы увидели, что преимущества потеряны, и по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе. Наш народ и наша страна не лыком шиты, мы тоже взялись за это дело, и насколько мы знаем этот вопрос (опять-таки, благодаря разведки. - /Б. С./), мы думаем, что не отстали от американцев. Эта бомба в десятки раз сильнее, и взрыв ее означает ликвидацию второй монополии американцев, то есть означает важнейшее событие в мировой политике, и подлец Берия позволил себе такой вопрос решать помимо Центрального Комитета".

Имеющий уши да слышит! Из выступлений Молотова, Завенягина и Андреева, из доклада Маленкова однозначно вытекало, что подлец и агент международного империализма Лаврентий Павлович Берия для маскировки своей основной преступной деятельности талантливо организовал для советского руководства решение важнейшей внешнеполитической проблемы: ликвидации монополии США на ядерное и термоядерное оружие. Неужели это ему тоже американские империалисты поручили? Неужели в Вашингтоне были в восторге от того, что у Сталина и его преемников появились атомные и водородные бомбы? В подобный бред не поверил бы ни один из участников пленума. Следовательно, ни у кого из них не должно было остаться даже малейших сомнений насчет того, что все выдвигавшиеся против Берии обвинения - чистой воды липа. Впрочем, члены ЦК, как только узнали об аресте Лаврентия Павловича, наверняка сразу догадались, что здесь - банальная борьба за власть. Просто три медведя не ужились в одной берлоге с четвертым и для решения жилищного вопроса элементарно съели соперника. Вскоре Никита Сергеевич и двух других медведей из берлоги выкинул, вот только, спасибо ему, есть не стал.

Участники Пленума хорошо знали, как надо клеймить поверженного вождя. Их даже инструктировать заранее не надо было. Сразу припомнили все, что было и чего не было, все свои столкновения с Лаврентием Павловичем, все случаи, когда он им чем-нибудь насолил, представив это как вредительство, за сознательный подрыв экономической мощи страны и ее внешней политики (Микоян таковым счел возражения Берии против поставок 300 тыс. тонн зерна Индии).

А насчет того, что Берия самовольно подписал постановление по подготовке испытаний водородной бомбы, и Маленков, и Завенягин лукавили. Предоставим слово отцу советской водородной бомбы академику Андрею Дмитриевичу Сахарову. Вот что он пишет в мемуарах: "Подготовка к испытанию первого термоядерного заряда была значительной частью всей работы объекта в 1950-1953 гг., так же как и других организаций и предприятий нашего управления и многих привлеченных организаций. Это была комплексная работа,

включавшая, в частности, экспериментальные и теоретические исследования газо-динамических процессов взрыва, ядерно-физические исследования, конструкторские работы в прямом смысле этого слова, разработку автоматики и электрических схем изделия, разработку уникальной аппаратуры и новых методик для регистрации физических процессов и определения мощности взрыва. Громадных усилий с участием наибольшего числа людей и больших материальных затрат требовали производство входящих в изделие веществ, другие производственные и технологические работы".

Следовательно, подготовка испытаний термоядерного оружия представляла собой не одномоментный процесс, растянулась на целых три года и проходила по большей части ере при жизни Сталина. Наверняка при этом было принято не одно, а множество постановлений, и непонятно, какое именно из них имели в виду Маленков и Завенягин. По словам Сахарова, подготовка к испытаниям водородной бомбы была завершена в июле 1953 года, а прошли они, как известно, 12 августа. И тот же Сахаров описывает порядок, согласно которому оформлялись постановления по Спецкомитету и Первому Главному Управлению: "Малышев (министр среднего машиностроения. - /Б. С./) был "человеком Маленкова". Он рассказал потом в более или менее узком кругу, что сам Маленков, уже будучи Председателем Совета Министров, до падения Берии ничего не знал о работах по термоядерному оружию - никакие сведения о них не выходили за рамки аппарата Берии. Я и раньше знал, что относящиеся к нашим делам "Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС" фактически представляют собой решения Берии и его аппарата, но не предполагал, что они засекречены даже от Председателя Совета Министров".

Ну, что работы по водородной бомбе были засекречены от Председателя Совета Министров в бытность Сталина на этом посту, сказать, разумеется, нельзя. Берия наверняка ему регулярно обо всем докладывал. Хотя от остальных членов Правительства они и тогда были засекречены, и правительственные постановления по Спецкомитету готовились Лаврентием Павловичем ни его людьми. Что же касается Маленкова, то нельзя сказать, что он уж совсем ничего не знал о термоядерном проекте. Как-никак он все-таки был членом Спецкомитета и в этом качестве наверняка обеспечивал выполнение каких-то его постановлений. Вспомним, как П.Л. Капица в письме Сталину в ноябре 45-го обвинял Маленкова в том, что он ведет себя в Спецкомитете как "сверхчеловек". Другое дело, что Георгий Максимилианович не имел никакого понятия о технологии создания водородной бомбы, хотя, судя по выступлению на пленуме, сам термин "водородная бомба" был ему знаком. В письме, которое Берия направил из тюрьмы "дорогому Георгию" накануне открытия пленума, узник напомнил: "Я тебе вскользь докладывал, и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной, равной 250-300 тысяч тонн тротила".

Очевидно, Лаврентий Павлович о водородной бомбе докладывал Георгию Максимилиановичу именно вскользь, считая излишним знакомить его с подробным проектом постановления, содержащих массу технических деталях, о сути и значении которых Маленков все равно не имел никакого представления. После смерти Сталина Берия

как раз и начал готовить популярный доклад для Маленкова и других членов Правительства, чтобы дать им представление о состоянии работ над ядерным и термоядерным оружием, но этот доклад не успели закончить до его ареста.

Добавлю также, что в последние годы жизни Сталина, когда Иосиф Виссарионович из-за ухудшившегося здоровья все меньше уделял внимания делам, многие важные решения месяцами не принимались, а важные документы им не подписывались. Военно-морской министр Н.Г. Кузнецов свидетельствует:

"Когда в 1947 году я был переведен на другую работу, Сталин еще лично руководил совещаниями как гражданских, так и военных. Когда же я вернулся на работу в Москву в 1951 году, обстановка была уже совсем иная. Даже на совещании в ЦК по флотским вопросам (замена министра ВМФ) он был всего два раза, а затем поручил вести его своим заместителям.

В разговорах (у себя в кабинете он появлялся все реже и реже) все чаще жаловался на старость, говоря полушутя-полусерьезно, что ему все чаще приходится нервничать и ругаться. За последние полгода я видел его раза два. Руководство делами перепоручил своим замам. Крупные вопросы было придумано решать "тройками" или "пятерками". Маленков и Берия были тогда у Сталина в почете. Молотов - в тени, а его жжена - П.С. Жемчужина находилась в заключении. В то время Булганин всеми силами стремился попасть в состав "всесильной тройки". Выработанные проекты решений посылались Сталину на утверждение. Позднее же составлялся и отсылался ему на дачу просто длинный перечень вопросов, а его виза служила одобрением всего перечисленного.

На наших глазах происходило снижение активности Сталина, и государственный аппарат работал все менее четко. Существовали только умелые отписки. Отправление бумаг в адрес какого-нибудь министра формально снимало ответственность с одного и не накладывало ее на другого, и все затихало "до лучших времен". Все понимали, что в государстве происходит что-то ненормальное. Образовался какой-то "центростоп", по выражению самого Сталина, но изменить положение никто не брался, да и не мог. Руководители министерств стали приспосабливаться к такой бессистемной системе. Так тянулось до марта 1953 года...

Повторная организация двух министерств (вооруженных сил и военно-морского флота. - /Б. С./) в 1951 году почти ничем не отличалась от довоенной организации 1938-1939 годов, два министерства в отсутствии координации со стороны правительства вынуждены были повторить все ошибки предвоенных лет. Не официальным, но фактическим их руководителем был заместитель Председателя Совета Министров Булганин, который мог бы при желании делами поправить плохую организацию, но этого, увы, не произошло. Его старая нелюбовь к флоту и мое, вопреки его желанию, повторное назначение министром ВМФ сказались в полной мере. Ощутимо было чувство неприязни как ко мне лично, так и к флоту. Колесо вертелось вхолостую. Бумаги, поступавшие к нему, тонули в его аппарате с формально-бюрократическими резолюциями: "рассмотреть", "доложить", "запросить мнение т. Малышева" и т. д.

"Центростоп" в эти годы во всем государственном аппарате достиг своего апогея, принося огромный вред государственным делам. Мы не просто топтались на месте, не решая того, что назрело, но и, расходуя огромные средства на старую технику, бросали деньги на ветер.

Принимая во внимание весь вред, причиняемый сложившейся системой государству, я решился написать доклад (31 июня 1952 года. - /Б. С./), которым поставил лично себя под удар. Но самое плохое, что даже этот вопль не был в состоянии пробить ту стену, которая образовалась между живым делом и уже не выполнявшим, по сути, свои обязанности физически слабым Сталиным".

А вот, в отличие от военно-морского флота, подведомственные Спецкомитету отрасли в начале 50-х годов развивались вполне благополучно, без каких-либо существенных помех, вызванных сталинским нездоровьем. Конечно, сыграло свою роль, что атомному и ракетному оружию еще раньше был дан "зеленый свет", и чиновники остерегались ставить в этой сфере палки в колеса даже тогда, когда сталинской подписи или визы на документе не было. Но сыграла свою роль и личность Берии, его готовность взять ответственность на себя. Я уверен, что в таких условиях Берия часто вынужден был сам подписывать правительственные постановления по Спецкомитету. Ведь время в ядерной и термоядерной гонке стоило очень дорого, отписками здесь ограничиться было никак нельзя, а за неудачу и постаревший Сталин голову с Лаврентия Павловича все равно бы снял.

Кстати сказать, снижение активности Сталина в последние два года жизни скорее всего было причиной того, что медленно разворачивались дела, связанные с борьбой с "безродными космополитами", в том числе "дело врачей".

Не исключено также, что Лаврентий Павлович после смерти Сталина посчитал, что все четыре члена руководящей четверки являются как бы равноправными заместителями Великого Кормчего, каждый в своей сфере, и решил, что может самостоятельно решить вопрос об испытаниях водородной бомбы. Тем более что постановление, из-за которого на пленуме разгорелся сыр-бор, убыло все-таки не последним - о взрыве "изделия" на полигоне, а лишь по каких-то подготовительных мероприятиях, пусть и весьма важных. Несомненно, непосредственно вопрос о взрыве термоядерного устройства пришлось бы все равно решать всей "четверке" сообща, если бы Берию раньше не арестовали.

Может быть, Маленков и посчитал себя обиженным, что ему не дали на подпись постановление о термоядерных испытаниях, что Берия в какой-то мере присвоил себе его функции. Но поводом для заговора против Берии это событие послужить никак не могло, поскольку о существовании злополучного постановления председатель Совета Министров узнал, как он уверял, уже после ареста "лубянского маршала".

В выступлении Завенягина содержится также интересное признание о том, что после смерти Сталина Лаврентий Павлович планировал сократить расходы на военно-промышленный комплекс и бросить их на развитие мирных отраслей: "Была у него замашка после смерти товарища Сталина разыгрывать, вести игру в экономию; деньги нужны, экономить нужно, промышленность развивать, культуру, сельскому хозяйству помогать, но есть вопросы, в которых мы не могли себе позволить чрезмерной экономии. Нужно мощности развивать в области

атомной энергии. Американцы большие базы создают, чтобы бомбы делать. Берия говорит: "К черту, вы много денег бросаете, укладывайтесь в пятилетку". Когда пятилетка составлялась, было ясно, что нам делать на ближайшие три года, что строить, а на четвертый год уже спадал объем работ по начатым стройкам, а на пятый год новые вещи начинать. Поэтому в 3-4 года капиталовложения сокращаются вдвое против третьего, а в пятом - вдвое против четвертого. Мы не могли с этим мириться, и государство не может мириться. Он же говорит: "К черту, укладывайтесь в то, что есть"".

За этими довольно мудреными рассуждениями Авраамия Павловича стояла давно практиковавшаяся генералами ВПК уловка: мотивируя необходимостью капиталовложений на новое строительство, значительно увеличивать в процессе работы над теми или иными проектами объем средств, первоначально отпущенных в рамках пятилетнего плана. Завенягин и его коллеги пользовались тем, что для создания ядерного и термоядерного сверхоружия Сталин средств не жалел. Тут уж не выдержал даже Маленков, бросивший реплику, невольно подтверждающую правоту Берии: "Это дело контролировать придется, потому что там деньги расходовались без всякого контроля".

"Это безусловно", - вынужден был признать Завенягин.

"Строили не города, а курорты", - раздраженно проворчал Маленков".

"То, что строили курорты, - не могу сказать, строили города", - робко оправдывался Завенягин, кляня себя в душе, что в пылу обличения Берии вступил на скользкую дорожку.

Что ж, Лаврентий Павлович был человеком рационально мыслящим. Он прекрасно знал, что к моменту смерти Сталина основная база для создания атомной и водородной бомбы была создана. Прежних капиталовложений уже не требовалось. Ядерных же и термоядерных бомб накапливать неограниченный запас не было никакого смысла. Необходим был лишь достаточный запас, которого бы хватило для нанесения потенциальному противнику неприемлемого для него ущерба. В условиях же, когда соотношение сил сторон определялось уже главным образом наличием ядерных и водородных бомб и средств их доставки, расходы на обычные вооружения можно было также сократить. Однако генералам ВПК такие идеи были как кость в горле. И они, в том числе Завенягин, без сожаления восприняли падение Берии. Впрочем, в обличительном пафосе Авраамия Павловича был и мотив самосохранения: он опасался, как бы его за былую близость к Берии в Спецкомитете не причислили бы к числу его сообщников по спешно изобретаемому заговору.

Преемник Берии во главе Первого Главного Управления, превращенного в Министерство среднего машиностроения, В.А. Малышев был одним из немногих на пленуме, чья карьера благополучно продолжилась после падения Лаврентия Павловича. Ранее он подчинялся Берии как нарком танковой промышленности, председатель комитета по внедрению новой техники и министр судостроения (в части, связанной с производством ракет морского базирования) и заместитель председателя Совета Министров. После смерти Сталина Малышева вывели из Президиума ЦК и из заместителей главы правительства и понизили до министра транспортного и тяжелого машиностроения. Вероятно, Вячеслав Александрович связывал это понижение с происками Лаврентия

Павловича. И в своей речи на пленуме с удовольствием обличал стиль руководства "лубянского маршала":

"Я, как министр... работал под руководством нескольких товарищей - и товарища Молотова, и Кагановича, и у Берия. Я должен сказать, что каждый раз, когда идешь докладывать по какому-нибудь вопросу товарищам, то с разным чувством идешь. С одним чувством идешь к товарищу Молотову, про которого мы знаем, что он строгий руководитель, требовательный, но всегда, когда идешь к нему, знаешь, что никогда не будет поспешных решений, авантюристических решений, никогда ты, если ты и сделал крупную и серьезную ошибку, не будешь находиться под ударом какого-то настроения. Вот товарищ Каганович - вспыльчивый иногда человек, но мы знаем, что он и отходчивый, он вспылит, но быстро и отойдет и всегда правильно примет решение. Иное дело - Берия. Мы, министры, знали, что идешь в кабинет министром, а как выйдешь обратно - не знаешь, может быть, министром, а может быть, в тюрьму попадешь. Метод был такой: стукнет по голове, выйдешь, качаешься. И у нас, у министров, было такое мнение, что человека стукнули сильно, все понятно ("стукнули", в данном случае, все-таки в метафорическом смысле, а не то, что Берия кого-то из министров по морде кулаком охаживал, неслучайно при редактировании стенограммы Малышев слова "стукнет по голове" взял в кавычки. - /Б. С./). Грубо говоря, стиль руководства Берия - диктаторский, грубый, непартийный.

Кстати, о партийности. Я работал во время войны, руководил танковыми делами и после войны год или полтора по Трансмашу работал я долго, не было у него партийности никогда. Он как-то настраивал или толкал не прямо, а косвенно, что партийная организация должна услуги оказывать, когда были приказы секретарям областных комитетов партии, то они скажут, что было понукание - ты то-то сделай, другое сделай. (Голоса. Правильно)

Малышев. Не было положения, чтобы он нас учил, чтобы у партийной организации попросил помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей областных комитетов партии диспетчерами. За какое дело он возьмется, по такому делу секретарь обкома - диспетчер. Нас, конечно, это угнетало. Мы думали, что здесь что-то не то, прощали, думали, большое дело делает человек, горячится, наверное, так нужно... Конечно, мы и с авторитетом считались, мы считали его непогрешимым, а иногда и побаивались, несмотря на положение свое членов ЦК, думали так, чего там греха таить.

Многие из нас видели, как Берия буквально с каждым днем, особенно после смерти товарища Сталина, все больше и больше наглел и распоясывался. Он безжалостно давил своим высоким положением на людей. Берия безапелляционно командовал, диктаторствовал, он оскорблял, заглушал людей, в том числе министров и членов ЦК. На каждом шагу он подчеркивал свою власть и показывал, что то, что он делает, все это делается от имени партии, от имени правительства, и если сегодня формально решения нет, то он все равно провернет. И у нас было такое впечатление, что хочет Берия, то он и проведет".

Наверное, про грубый, авторитарный, диктаторский стиль руководства со стороны Лаврентия Павловича Малышев не соврал. Только забыл добавить, что при не принимавшем поспешных и

авторитарных решений Молотове и при отходчивом Кагановиче ни атомный, ни ракетный проекты, ни проекты по развитию реактивной авиации так и не сдвинулись с места, и дело пошло только тогда, когда ими стал непосредственно руководить "непартийный руководитель" Берия Лаврентий Павлович, конечно, и мозги министрам с удовольствием прочищал и расстрелом, когда надо, пугал. Иначе руководить в административно-командной системе, где каждый отвечал только перед вышестоящим начальником и был максимально скован в проявлении инициативы, наверное, и нельзя было. Правда, в дальнейшем, после "оттепели", расстрелом уже не грозили. Обещали только в случае невыполнения плана или приказа снять с работы или "бросить на периферию" (жуткая угроза для московских чиновников).

Вряд ли придумал Вячеслав Александрович и насчет того, что Берия ни в грош не ставил партийных секретарей и рассматривал их как не более чем диспетчеров по выполнению заданий Спецкомитета. Про то же и сын Лаврентия Павловича Серго пишет: "Отношения с партийными органами у отца всегда были непростыми... Отношения своего к партийному аппарату отец никогда не скрывал. Например, и Хрущеву, и Маленкову он прямо говорил, что партийный аппарат разлагает людей. Все это годилось на первых порах, когда только создавалось Советское государство. А кому, спрашивал их отец, нужны контролеры сегодня?

Такие же откровенные разговоры вел он и с руководством промышленности, директорами заводов. Те, естественно, бездельников из ЦК на дух не переносили.

Так же откровенен был отец и со Сталиным. Иосиф Виссарионович соглашался, что партийный аппарат устранился от ответственности за конкретное дело и, кроме болтовни, ничем не занимается".

И выдвижение кадров Берия, по свидетельству его сына, осуществлял по деловым качествам, а не по принципу партийности. За это его и критиковал на пленуме Малышев. Серго Лаврентьевич утверждал: "Очень многие люди в то время сделали карьеру с помощью отца. Среди наиболее известных - Устинов, назначенный по рекомендации моего отца на должность наркома вооружения в очень молодом возрасте, те же Ванников, Тевосян, министр химической промышленности Первухин, зампред Совета Министров Малышев, Председатель Госплана Сабуров. Последний, экономист по образованию и чрезвычайно способный человек, не пришелся ко двору партийной элите, потому что никогда не работал в партийных органах, а это в глазах номенклатуры было серьезным недостатком. Она везде не терпела настоящих специалистов ни в одной области. И хотя очень многие были против выдвижения Сабурова, отец на своем настоял. Драться за людей дела отец умел всегда, и не имело значения, какую должность занимает его оппонент.

Так было и с назначением на должность наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Отец доказывал, что это замечательный организатор и талантливый инженер, а партийные чиновники в ответ:

- Как же так, Лаврентий Павлович? Вы предлагаете на должность наркома вооружения (!) человека, который ни дня не работал секретарем заводского парткома. Он ведь совершенно не знает партийной работы!

- Он знает дело, и этого, считаю, вполне достаточно, - парировал отец.

В таких случаях нередко вмешивался Сталин, и вопросы с назначением тех или иных людей, чьи кандидатуры предлагал отец, так или иначе решались".

Д.Ф. Устинов был назначен наркомом вооружений 9 июня 1941 года, через два дня после ареста своего предшественника Ванникова - давнего знакомого Берии (они вместе кончали Бакинское техническое училище). Не исключено, что и в назначении Бориса Львовича наркомом вооружений в январе 1939 года Берия сыграл свою роль, равно как и в его последующем вызволении из подвалов Лубянки. Есть основания полагать, что уже к концу 1939 года Лаврентий Павлович курировал уже до некоторой степени и военно-промышленную сферу. Во всяком случае, именно ему, как мы помним, было поручено проверить состояние армии и флота накануне нападения на Финляндию, причем в отчете Берии было немало военно-технических деталей. Нельзя исключить, что заниматься военно-промышленными вопросами Берия стал задолго до того, как вошел в состав ГКО и стал ответственным за производство вооружений.

А за своих людей Берия действительно бился до последней возможности. Даже в письмах из тюрьмы, глядя в лицо смерти, он всячески выгораживал своих сотрудников по Спецкомитету и МВД, может быть, уже не догадываясь, после связанного с арестом потрясения, что его похвалы им могут только повредить. Нисколько не симпатизирующий Лаврентию Павловичу Г.В. Костырченко так характеризует взаимоотношения Берии с одним из его ближайших сотрудников Соломоном Рафаиловичем Мильштейном: "Особенно наглядно... забота о старых соратниках запечатлелась на судьбе С.Р. Мильштейна, которого еще в апреле 1937 года Берия назначил председателем Комитета по делам физкультуры и спорта Грузии. Потом, став наркомом внутренних дел СССР, Берия во вверенном ему наркомате резервирует для Мильштейна должность начальника Главного транспортного управления, проработав на которой в течение года тот в марте 1940-го становится благодаря своему патрону председателем Московского спортивного общества "Динамо"... В марте 1941 года Мильштейн уже первый заместитель наркома лесной промышленности СССР, а вскоре после начала войны вновь на руководящей работе в НКВД (начальник Главного управления охраны на железнодорожном и водном транспорте). Победу Мильштейн встретил в чине генерал-лейтенанта. Однако после того как Берия ушел из НКВД, Мильштейн почувствовал себя там неуютно. В начале 1948 года его... назначают начальником Управления Казанской железной дороги... Он в 1950-м превратился в объект нападок: был обвинен татарским партийным руководством в "засорении" кадров управления евреями. Ему также напомнили, что почти вся его родня (отец, мать, брат, тетя) проживают в США и еще один брат расстрелян в 1937 году за шпионаж. И вот тогда Берия пришел на выручку другу. Благодаря его протекции изгнанного с работы Мильштейна назначили в марте 1951-го заместителем начальника строительства железных рудников МВД СССР. А став в начале 1953-го министром внутренних дел, Берия посылает Мильштейна на Украину в качестве заместителя министра внутренних дел республики". Здесь перечислены далеко не все

должности Мильштейна. Он успел, в частности, побывать и заместителем начальника управления особых отделов НКВД, и специальным уполномоченным НКВД, отвечавшим за обеспечение транспортом выселяемых из Кабардино-Балкарии балкарцев, за что и получил в марте 1944 года полководческий орден Кутузова 2-й степени.

После ареста Берии Мильштейна, недобрым словом помянутого на Июльском пленуме, арестовали, а в начале 1955 года расстреляли. И до сих пор не реабилитировали. Хотя заговора Берии в природе не существовало, а к незаконным репрессиям он отношения практически не имел. В самый разгар Великой чистки Соломон Рафаилович руководил грузинскими спортсменами и расстрельных списков уж точно не подписывал. И другие должности у него в сущности были техническими, непосредственно к репрессиям отношения не имевшие. Вот только когда балкарцев выселяли, Мильштейну пришлось поучаствовать. Но никого расстреливать он приказов не отдавал, равно как и приказов сжигать аулы ни выселять людей из домов. Наверное, и заталкивать несчастных в теплушки Мильштейну не приходилось - этим другие службы занимались. Сегодня депортация народов Северного Кавказа и Крыма справедливо квалифицируется как преступление. Но весной 44-го Мильштейну и другие исполнители не считали отданный им приказ преступным. Сказать по справедливости, на Мильштейне вообще не было крови невинно убиенных, в отличие от самого Лаврентия Павловича и некоторых других его соратников, вроде Влодзимирского, Гоглидзе и Мешика.

Замечу, что никому не приходило в голову в эпоху реабилитации и публичного осуждения сталинских преступлений привлекать к ответственности за умышленные убийства и соучастие в преступлениях против человечества рядовых палачей, расстреливавших мнимых врагов народа. Да и более высоких начальников, ответственных за депортации, вроде Серова и Круглова, в СССР к суду никогда не привлекали. Подчеркну так же, что ничуть не более законной, чем депортация "наказанных народов" в СССР, была депортация японского населения образцово демократических США в годы Второй мировой войны. Конечно, Америка была и остается гораздо более богатой и сытой страной, чем Советский Союз, но и там, в лагерях умерли пусть не десятки и сотни тысяч, как в случае советских депортаций, но по крайней мере несколько тысяч японцев - американских граждан. В США позднее признали, что по отношению к японцам и другим выходцам из стран Оси были допущены несправедливость и беззакония и всем выплатили солидные компенсации, однако никто из тех, кто осуществлял депортации, так и не был привлечен к ответственности. Правда, в Америке никто японцев при выселении из родных мест не убивал, тогда как при депортации народов Кавказа и Крыма подобные эксцессы случались нередко.

Малышев был прав: Берия ругал министров последними словами и не раз грозил им расстрелом. Однако нет никаких данных, что он хотя бы однажды исполнил свою угрозу. Наоборот, многих своих подчиненных Лаврентий Павлович спасал от репрессий. Как свидетельствует в своих мемуарах бывший заместитель председателя Совета Министров и бывший заместитель наркома вооружений Владимир Николаевич Новиков в своих мемуарах, Берия защищал от репрессий работников оборонных отраслей, и в годы войны репрессии коснулись их в меньшей

степени, чем других категорий советских граждан. После войны, когда Берию перебросили на атомную бомбу, в сфере наркомата вооружений, особенно артиллерийских, сразу начались аресты.

Еще на пленуме обличали Берию Тевосян и Каганович, Булганин и Сердюк, Снечкус и Ворошилов, Патоличев и Круглов... Всего выступило, вместе с докладчиком Маленковым, 25 человек. За редким исключением, почти все из них через какое-нибудь десятилетие оказались в политическом небытие.

Выступавший на пленуме первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Мир Джафар Багиров, под чьим началом Берия начинал службу в азербайджанской ЧК, не жалел слов для своего многолетнего товарища по работе в Закавказье: "Доклад товарища Маленкова и выступления... тт. Хрущева, Молотова, Булганина и других членов Президиума с исчерпывающей полнотой и убедительностью раскрыли лицо и подлинные методы вражеской работы этого международного провокатора, авантюриста большого масштаба Берия.

Берия - этот хамелеон, злейший враг нашей партии, нашего народа - был настолько хитер и ловок, что я лично, зная его на протяжении тридцати с лишним лет до разоблачения Президиумом Центрального Комитета, не мог его раскусить, выявить его настоящее вражеское нутро. Не могу иначе объяснить это как моей излишней доверчивостью и притуплением бдительности у себя к этому двурушнику и подлецу. Это будет и для меня серьезным уроком" (бедняга надеялся, что все-таки не расстреляют).

Багиров отлично понимал, что главное обвинение в его адрес - это многолетнее близкое знакомство с Берией, и старался не столько обличить поверженного товарища, сколько сам оправдаться. Ему на пленуме прямо предъявили обвинение, что он не сообщил в Москву о разговоре, который имел с ним Берия по вопросу об установлении республиканских орденов.

"А вы позвонили товарищу Маленкову по этому вопросу?" - ехидно осведомился кто-то.

"Я не звонил", - сокрушался Багиров.

"Плохо", - констатировал голос из зала.

"ЦК об этом не знал", - с сожалением заметил Булганин.

"ЦК не знал, а он, оказывается, с республиками разговаривал, - подхватил Маленков. - Мы впервые узнали только сейчас". Как будто министр внутренних дел, первый заместитель председателя Совета Министров на каждый звонок в столицу союзной республики, в самом деле, должен получать санкцию Президиума ЦК!

Багиров заявил:

"Берия связался по вопросу о том, что произошло в Литве, что он хотел сделать с Украиной, Литвой. Он это, видимо, пытался распространить дальше не только на те области и районы, которые имеют не такой долгий срок установления Советской власти. Он по этому вопросу ко мне, в Центральный Комитет и Совет Министров не мог обращаться и не обращался. По его поручению звонили министру государственной безопасности (здесь оговорка Багирова - МГБ в тот момент не существовало. - /Б. С./) республики Емельянову о том, чтобы представить сведения о национальном составе работников МВД. Он, пока, видимо, с этого начинал. Товарища Емельянова также просили дать соображения о том, кем его можно заменить из числа местной

национальности. Емельянова, так же как и десяток других товарищей, вырастила Азербайджанская партийная организация. Емельянов ответил человеку, который по просьбе Берия звонил, что поскольку требует сведения по национальному составу министр, то я могу сообщить через вас, но в отношении того, кем можно меня заменить, прошу обратиться в ЦК и в Совет Министров, потому что я сам сюда не садился, меня выдвинули на эту работу.

Эта попытка получила осечку. Здесь товарищи могут сказать, почему я не позвонил в ЦК, не поинтересовался. Нужно сказать, что у нас ежедневно бывают десятки звонков. Пока вчера меня Никита Сергеевич не вызвал, не сказал, я не знал, и когда мне он сообщил, то меня это не поразило. Ведь Берия сидел в Президиуме ЦК и звонил нам..."

"- Никто не предъявляет вам обвинения, - раздраженно перебил Багирова Маленков, - речь идет о разоблачении Берия.

- Ты так объясняешь это, потому что все знают и я знаю, - вступил в дискуссию Хрущев. - Когда тебя встретили и спросили - звонил Берия, ты говоришь - нет, а я говорю - его арестовали. Ты его знаешь больше других, поэтому люди и говорят, ты должен рассказать, ты больше знал его, чем я, хотя я его тоже очень хорошо знал.

- Правильно, - загудели люди из зала.

- В отношении звонков, - продолжал заметно сникший Багиров. - Я уехал отсюда после смерти товарища Сталина 16 марта. За это время он один раз мне звонил. За 15 лет своего пребывания здесь, в Москве (я не хочу снимать с себя ответственность за то, что я не мог раскусить этого человека, не в оправдание себя я это говорю), я у него был один раз дома, и то с товарищем Сталиным, а в остальное время всегда встречал так, или заезжал за мной он. Но особенно в последние годы он почему-то избегал.

- Товарищ Багиров, - раздался голос с места, - когда Вы начинаете оправдываться, то делаете это не в полный голос. Вы скажите, что ЦК за последние годы забыли...

- Я? - удивился Багиров.

- Ходили к шефу, - подтвердил неизвестный член ЦК.

- Я? - еще больше удивился Багиров.

- И ходили все время к Берии", - подытожил аноним.

Теперь Багиров ощутил дыхание смертельной опасности, но все же попытался закончить оправдательную речь. Вышло жалко: "Не знаю, есть ли такое основание у товарищей предъявлять мне такое требование, может быть, оно и имеется, но я, например, ЦК ни на минуту не забывал и по всем вопросам, когда мне нужно было разрешать их, всегда звонил кому-нибудь из секретарей ЦК. Я Берия шефом Азербайджана не мог считать, хотя он и пытался это делать. Это другое дело. Может быть, товарищ Игнатов выступит и более подробно скажет, но я не могу на себя этого взять и сказать о том, что я обходил ЦК. Я больше вам скажу: всегда, когда я здесь бывал, и в ЦК, и во все министерства, во все организации ходил, и если на то пошло, очень редко, когда у Берия наедине".

- Это другое дело, - удовлетворенно заметил кто-то в зале. Наконец-то Мир Джафар Аббасович начал колоться!

- Я хочу рассказать, как есть. Это дело Пленума ЦК, как он будет реагировать.

И участники пленума отреагировали весьма сурово. М.А. Суслов зло заметил:

- Инструктора ЦК побаивались ездить в Азербайджан.

- В Азербайджан? - изобразил удивление Багиров.

- Да, в азербайджанские организации, - подтвердил Суслов, - боялись, что у вас есть шеф.

- Не знаю, может быть, - растерялся Багиров.

- Товарищ Багиров, - прервал его Маленков, - ты оправдываешься, не нужно этого. Ты был близок к Берия, не этот вопрос сейчас обсуждается.

- Правильно, - поддержали Георгия Максимилиановича.

- И пленум поэтому недоумевает, - продолжал Маленков. - Ты оправдываешься, защищаешься. Тебя видели больше, чем всех других, обнимающимся с Берия. (Маленков предпочел забыть, как Никита Сергеевич только что притворно каялся, как они с Георгием Максимилиановичем обнимался с Берией, разумеется, в благих целях разоблачения врага народа!/ - Б. С./). Не в этом дело совсем, не нужно говорить об этом, он разоблачен.

Багиров вконец запутался, чего же все-таки от него хотят старшие товарищи, то ли разоблачения Берии, то ли, наоборот, саморазоблачения его, Багирова, тесных связей с Берией. Похоже, что на самом деле Маленкову и Хрущеву требовалось последнее. А это в перспективе грозило лидеру азербайджанских коммунистов смертным приговором. И упавшим голосом он закончил свою путаную и сбивчивую речь:

"В отношении разоблачения я сказал и вот в отношении того, что Никита Сергеевич сказал вчера, я сказал.

Разоблачение Президиумом Центрального Комитета партии этого матерого, хитрого и ловкого врага, в свое время нерешительные действия Президиума являются лучшим доказательством правильности и прозорливости партии (Тут уж глава азербайджанских коммунистов совсем зарапортовался. - /Б. С./). Это есть гарантия, верная гарантия того, что любая попытка, с чьей бы стороны это ни было, поколебать единство рядов нашей партии будет беспощадно сокрушена...

Я, товарищи, не знаю, я считаю, что я был, есть и остаюсь до конца своей жизни верным великим заветам Ленина-Сталина, верным солдатом своей партии, в любой момент готовым на выполнение любых заданий партии и правительства.

Я не оправдываюсь, я хочу просто сказать, мне больно некоторые реплики товарищей слушать. Может быть, в моей работе много ошибок бывает, но единственное, что я всегда делаю, это одно: служить партии, служить народу, служить стране, служить социализму, служить коммунизму, - вот все, что я могу сказать".

Эта речь не спасла Багирова, хотя нельзя сказать, что она его погубила. Судьба несчастного секретаря компартии Азербайджана была предрешена отнюдь не теми тысячами невинных, которых Багиров загубил в период Великой Чистки. И не тем, что по части злоупотреблений, кумовства, взяточничества, роскошных дворцов, построенных для самого Багирова и его родственников, Азербайджан, как показали проводившиеся еще при Сталине проверки, занимал едва ли не первое место в Союзе. Товарищи из Президиума ЦК решили, что

служить коммунизму Мир Джафар Аббасович больше не будет. Крах Багирова был вызван его близостью к Берии. Сразу после Июльского пленума Багирова сняли с руководства компартией Азербайджана, в 1954 году арестовали, а в 1956 году расстреляли по обвинению в незаконных репрессиях. Вместе с Багировым судили и С.Ф. Емельянова, который получил 25 лет.

Был расстрелян и еще один участник пленума, В.Н. Меркулов, но уже вместе с Берией. Остальные уцелели, но карьеры их, в подавляющем большинстве случаев, застопорились или обернулись вспять. Так что можно сказать, что осуждал Берию в основном народ политически мертвый. А многие из них и остались в истории только благодаря Лаврентию Павловичу. Завенягина, например, и помнят-то только как заместителя Берии. В основном же в зале была серая секретарская масса, которая не без удовольствия топтала того, который в чем-то возвышался над общим весьма невысоким интеллектуальным и деловым уровнем номенклатуры. И не без мазохистского наслаждения вспоминали, как унижал их Лаврентий Павлович, по матушке посылал, расстрелом грозил. И забывали, что иначе они работать просто не привыкли. В тоталитарной системе власти только жесткий нажим сверху, при Сталине - вплоть до расстрела нерадивых исполнителей, заставлял нижние эшелоны власти работать в полную силу. Ведь контроля и нажима со стороны избирателей не было и быть не могло - на выборах 99,9 процента всегда голосовали "за". Но в иной системе номенклатура существойвать не могла. Берия же по своим деловым качествам стоял на голову выше подавляющего большинства участников пленума. И вряд ли отличался в худшую сторону от них по своим морально-нравственным качествам. Разве что крови у Лаврентия Павловича на руках было гораздо больше, чем у рядовых членов ЦК, но это уже по должности - все-таки был членом Президиума (Политбюро), и в такое время. Он вознамерился изменить систему. И поплатился жизнью.

ФИНАЛ

Прежде чем понять, когда и как умер "лубянский маршал", я хочу предоставить слово его тюремщику - коменданту штаба Московского округа ПВО майору Хижняку. Вот что он сообщил в интервью газете "Вечерняя Москва" 28 июля 1994 года:

"... Вышли из здания (Совмина. - /Б. С./) генералы Москаленко, Бакеев, Батицкий, полковник Зуб, подполковник Юферев - адъютант командующего, полковник Ерастов. Среди них Берия. В автомашину слева от Берии сел Юферев, справа - Батицкий, напротив Зуб и Москаленко. Тронулись. Впереди - "ЗИС-110", за ним - автомашины с пятьюдесятью автоматчиками. Минут через сорок-пятьдесят приехали на гарнизонную гауптвахту...

Двадцать седьмого меня вызвал командующий (К. С. Москаленко. - /Б. С./) и сказал, что мне поручен уход за Берией. Я должен готовить пищу, кормить его, поить, купать, стричь, брить и, по его требованию, ходить с дежурным генералом на его вызов... Когда командующий сказал, что я прикреплён к нему, мне сказали: "Несите пищу". Пошли генерал Бакеев, полковник Зуб, и я понёс пищу... Хорошая пища, из солдатской столовой. Он сидел на кровати, упитанный такой мужчина,

холёный, в пенсне. Почти нет морщин, взгляд жёсткий и сердитый (было отчего сердиться!/ - Б. С./). Рост примерно 160-170 сантиметров. Одет в костюм серого цвета, поношенный. Сперва он отвернулся, ни на кого не смотрел. Ему говорят: "Вы кушайте". А он: "А вы принесли карандаш и бумагу?" "Принесли", - ответил командующий. Он тут же начал писать... Когда я дал ему кушать, он эту тарелку с супом вылил на меня - взял и вылил (для майора Хижняка солдатский суп, наверное, был хорош; Берия же привык к более изысканной пище и, скорее всего, воспринимал то, что ему принесли, как лагерную баланду; да и аппетит после всего происшедшего у Лаврентия Павловича, точно, исчез - от переживаний и произошёл нервный срыв. - /Б. С./). Все возмутились. Строго предупредили. Но бумагу и карандаш ему оставили. В тот раз есть он вообще не стал...

Я был ежедневно, до двенадцати раз в сутки. Скоро его перевели в штаб округа на улице Осипенко, 29. Там мы пробыли три-четыре дня, а потом там же перевели в бункер большой, где был командный пункт, во дворе здания штаба..."

На вопрос корреспондента, сколько продолжался суд над Берией, Хижняк ответил: "Больше месяца. Ежедневно, кроме субботы и воскресенья. Они работали с 10 до 18-19 часов. Конечно, с перерывом на обед". Бывший комендант опроверг также распространённые слухи, будто перед расстрелом Берия на коленях просил пощады: "Не было этого. Я же с самого начала до конца был с ним. Никаких колен, никаких просьб... Когда его приговорили, мне генерал Москаленко приказал съездить домой (Берия жил на углу улицы Качалова**[14]** и Вспольного переулка) и привезти Берии другой костюм (до того он был всё время в сером, в каком его арестовали в Кремле). Я приехал, там какая-то женщина. Я сказал, кто я такой. Мне надо костюма Она мне его подала. Чёрный...

Я переодел его. Костюм серый я сжёг, а в костюм черный переодел. Вот когда переодевал, он уже знал, что это уже готовят его.

С двумя плотниками мы сделали деревянный щит примерно метра три шириной, высотой метра два. Мы его прикрепили к стенке в бункере, в зале, где были допросы. Командующий мне сказал, чтобы я сделал стальное кольцо, я его заказал, и сделали - ввернули в центр щита. Мне приказали ещё приготовить брезент, верёвку. Приготовил... Готовили весь вечер... Привёл я его. Руки не связывали. Вот только когда мы его привели к щиту, то я ему руки привязал к этому кольцу, сзади".

По словам Хижняка, перед казнью Берия вёл себя "ничего": "Только какая-то бледность, и правая сторона лица чуть-чуть подёргивалась... Я... читал в газетах и книгах, что перед казнью завязывают глаза. И я приготовил полотенце - обычное, солдатское. Стал завязывать ему глаза. Только завязал - Батицкий: "Ты чего завязываешь?! Пусть смотрит своими глазами!" Я развязал. Присутствовали члены суда: Михайлов, Шверник, ещё Батицкий, Москаленко, его адъютант, Руденко... Врача не было. Стояли они метрах в шести-семи. Батицкий немного впереди, достал "парабеллум" и выстрелил Берии прямо в переносицу. Он повис на кольце.

Потом я Берию развязал. Дали мне ещё одного майора. Мы завернули его в приготовленный брезент и - в машину. Было это 23 декабря 1953 года, ближе к ночи. И когда стал завязывать завёрнутый в

брезент труп, я потерял сознание. Мгновенно. Брыкнулся. И тут же очухался. Батицкий меня матом покрыл. Страшно жалко было Берию, потому что за полгода привык к человеку, которого опекал... (опека, согласимся, несколько своеобразная)".

Подчеркну, что картина, которую рисует непосредственный свидетель расстрела "лубянского маршала", разительно отличается от того жалкого конца Берии, который приписывает ему народная молва - воющий от страха, захлебывающийся слезами узник и урезонивающий его маршал Конев: "Палыч, сам же время тянешь!"

Прежде чем попробовать разобраться, что в свидетельстве Хижняка - правда, а что - нет, я хочу процитировать два документа, касающиеся смерти Берии и тех, кого судили вместе с ним. Вот первый документ:

"Акт 1953 года декабря 23-го дня. Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года за № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. (за участие в аресте Берии Кирилла Семёновича пожаловали следующим чином. - /Б. С./) приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия по отношению к осуждённому к высшей мере наказания - расстрелу Берия Лаврентию Павловичу". И подписи: "Генерал-полковник Батицкий. Генеральный прокурор СССР Руденко. Генерал армии Москаленко".

А вот второй документ:

"Акт. 23 декабря 1953 года замы министра внутренних дел СССР тов. Лунёв, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осуждёнными:

Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,
Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения,
к высшей мере наказания - расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час 20 минут вышеуказанные осуждённые расстреляны.

Смерть констатировал - врач (роспись)".

Попробуйте, как в известном тесте на внимательность, найти десять или больше значимых различий, кроме фамилий осуждённых, между этими двумя однотипными документами. Прежде всего можно сказать, что в одном Хижняк был точно прав - врача при казни Берии не было. Потому что под актом о расстреле Лаврентия Павловича нет подписи доктора, констатировавшего смерть. Это - первая бросающаяся в глаза странность. Как же так, в отношении второстепенных участников заговора позаботились всё оформить в полном соответствии с юридическими нормами, честь по чести, а смерть главного заговорщика даже забыли удостоверить врачебной подписью. Неужели

только затем, чтобы дать почвы для слухов, будто бы расстреляли не Берию, а кого-то другого, тогда как живой же Лаврентий Павлович скрывается то ли в Аргентине, то ли в Швеции?

Чувствуется, что акт о Берии составляли торопливо, пропустив, в частности, год рождения осуждённого. А ведь это тоже важно для однозначной идентификации личности казнённого. Вдруг в стране существуют два Лаврентия Павловича Берии, различающиеся лишь датами рождения!

Вот насчёт присутствия при расстреле Берии членов Специального Судебного Присутствия (прости, читатель, за невольный каламбур) Хижняк, думаю, ошибся. Во всяком случае, в акте о приведении приговора в исполнение они никак не упомянуты. Разве только как зрители пришли поглазеть на казнь некогда грозного "лубянского маршала", попросив не заносить их имена в протокол?

Есть и другая странность. Первый акт подписали, кроме непосредственного исполнителя приговора генерала Батицкого, прокурор Руденко и генерал Москаленко. Известно, что двое последних были единственные, кому Президиум ЦК доверил допрашивать Берию во время следствия. Больше никого из прокуроров, следователей и генералов к преступнику, знающему самые большие государственные секреты, во время следствия и близко не допускали. Только майор Хижняк ухаживал за Лаврентием Павловичем как сиделка за больным, но не имел права даже словом с ним перемолвиться. Подпись генерального прокурора Руденко на акте о расстреле Берии вполне уместна. Не вызывает, казалось бы, вопросов и подпись Москаленко: Кирилл Семёнович был одним из членов Специального Судебного Присутствия, судившего Берию. Странно, однако, что акт пришлось подписывать Москаленко, а не председателю Судебного Присутствия маршалу И.С. Коневу. Неужели Иван Степанович отказался? Вроде нет. В архиве сохранилось предписание Конева коменданту специального судебного Присутствия генерал-полковнику И.Ф. Батицкому немедленно привести в исполнение приговор в отношении осуждённого Л.П. Берии и представить акт. На этой бумаге имеется резолюция: "Приговор приведён в исполнение в 19.50 23.12.53 г. Батицкий". Предписание, что характерно, отпечатано на машинке, а акт о расстреле Берии почему-то написан от руки. Присутствовать же при том, как исполняется его предписание, маршалу почему-то не захотелось. Хотя вроде был человек не робкого десятка. Может, бывший подчинённый генерал Москаленко да генеральный прокурор Руденко настоятельно порекомендовали Коневу поберечь нервы и не присутствовать при казни?

Вызывает удивление и то, что у Батицкого, Руденко и Москаленко не было времени подождать два часа, чтобы подписать второй акт - о расстреле остальных осуждённых. Они предпочли доверить это лицам куда менее значительным - заместителю министра внутренних дел Лунёву и заместителю главного военного прокурора Китаеву. А кто был непосредственным исполнителем приговора над Кобуловым, Меркуловым и др., из текста документа не ясно. То ли расстреливали осуждённых сами Лунёв и Китаев (что маловероятно, - не царское это дело - при их должностях), то ли упомянутые во втором акте генералы Гетман, Бакеев и Сопильник, то ли безвестные офицеры комендатуры.

Вспомним, что члены Специального Судебного Присутствия, председатель ВЦСПС Н.М. Шверник (которого, по мнению Лаврентия Павловича, "народ не знает") и секретарь Московского обкома партии Н.А. Михайлов, как утверждает Серго Берия, заверили его, что на суде был не его отец, а совсем другой человек. Справедливости ради отмечу, что ещё один член суда, председатель Совета профсоюзов Грузии М.И. Кучава, в беседе с автором книги "Тринадцать "железных" наркомов" генералом МВД В.Ф. Некрасовым заявил, что на судебном заседании присутствовал сам Берия, а не его двойник. Только Лаврентий Павлович был без своего знаменитого пенсне, и обнаружилось, что он страдает косоглазием. Между прочим, если сохранилась медицинская карта бывшего шефа МВД, можно попытаться проверить, действительно ли он косил. Что любопытно: бывший глава грузинских профсоюзов не заметил, чтобы Берия за время пребывания в тюрьме заметно похудел. Это тоже настораживает: неужели Лаврентий Павлович не понимал, что его ждёт, и сохранил отменный аппетит, тем более что питаться приходилось из солдатской столовой (как у нас кормят солдат - известно).

А теперь вернёмся опять к рассказу Хижняка. Бывший комендант почему-то уверял корреспондента, что суд на Берией длился больше месяца. И эта одна из наиболее существенных ошибок в свидетельстве бывшего тюремщика "лубянского маршала". Ведь в действительности Специальное Судебное Присутствие под председательством Конева уложилось меньше чем в неделю - с 18 по 23 декабря 1953 года. Интересно, куда это водили Берию ежедневно в течение месяца с 10 до 19 часов, с часовым перерывом на обед, когда Берию возвращали в бункер, где он опять встречался с Хижняком (как можно понять из текста интервью, на суде майор не присутствовал)?

Рискну высказать вот какое предположение. Протокол первого из публиковавшихся до сих пор допросов Берии датирован 23 июля, протокол последнего - 26 августа. О существовании более поздних по времени протоколов пока что ничего не известно. Может быть, после 26 августа Берию вообще не допрашивали? Если так, то получается, что допросы Лаврентия Павловича длились чуть больше месяца. Не на суд провожал каждый день в 10 часов утра Хижняк Берию, а на следствие. А когда допросы решили прекратить, Берию расстреляли без всякого суда. И произошло это скорее всего в конце августа или в сентябре.

При таком предположении многие детали рассказа Хижняка получают своё рациональное объяснение. Никакого пальто или шубы Берии не понадобилось, раз его возили не на суд, а на допросы. В августе и в легком костюмчике не замерзнешь. Другое дело - крутые декабрьские морозы, которые в декабре 53-го были за 20 градусов ниже нуля. Тогда бы Лаврентий Павлович без теплой одежды элементарно околел бы еще до начала судебного заседания. И еще. Комендант утверждает, что Берию расстреляли в том же бункере, в котором держали в заключении. Между тем в здании Верховного Суда было свое расстрельное помещение, активно использовавшееся Военной Коллегией еще с 30-х годов. В этом помещении, очевидно, расстреляли и подельников Берии. Во всяком случае, Хижняк ничего не говорит, что их казнили в пресловутом бункере. Зачем же потребовалось казнить Лаврентия Павловича отдельно от Меркулова, Влодзимирского и остальных?

Хижняк утверждает, что Берию расстреляли "ближе к ночи". В акте же, подписанном Руденко, Москаленко и Батицким, стоит не такое уж и позднее время - 19.50. Никак не скажешь, что ближе к ночи Хижняк утверждает, что приготовления к казни заняли несколько часов, "весь вечер": пока изготовили деревянный щит и металлическое кольцо, пока съездили за новым костюмом и переодели в него Берию. Между тем судебные приговоры по такого рода делам, как правило, приводились в исполнение немедленно. Вот и на предписании Конева содержалось требование о немедленном исполнении приговора. Когда год спустя судили коллегу Берии - Абакумова, бывшего шефа МГБ расстреляли буквально тут же после вынесения смертного приговора, сразу как вывели из зала суда. Тогда Хрущёв и его соратники действительно опасались, что бывший шеф КГБ, узнав о смертном приговоре, может наговорить или, хуже того, написать, много лишнего, и тянуть с расстрелом не стали ни одной лишней минуты.

С Берией же, если верить Хижняку (а не верить вроде нет оснований) возились несколько часов. Может быть, конечно, щит для расстрела стали мастерить загодя, ещё до вынесения приговора. Что ж, ничего невозможного в этом нет. И Руденко, и Москаленко, и другие члены Спецприсутствия прекрасно знали, каким будет приговор. Но вряд ли до вынесения приговора стали бы решать чисто технические детали: как расстреливать Берию - отдельно или вкупе с другими осуждёнными (щит с кольцом явно был рассчитан только на одного человека). А уж облачать Лаврентия Павловича в другой костюм во время заседания никогда бы не стали. И почему, спрашивается, Москаленко пришла в голову фантазия перед расстрелом переодевать Берию из серого в чёрное? Не всё ли равно, в какого цвета костюме на тот свет идти? Ведь подельников Берии как будто не переодевали, за что же Лаврентию Павловичу такая честь?

А вот за что. Думаю, Хижняк запамятовал одну деталь: не серый костюм ему пришлось сжигать впоследствии, а чёрный. Запамятовать немудрено: сразу после казни с непривычки майор грохнулся в обморок. Серый костюм же никто не сжигал, ибо он был нужен для человека, которому предстояло сыграть роль Берии на суде. Двойник наверняка имел внешнее сходство с Лаврентием Павловичем, хотя, конечно, не абсолютное. Вот пусть присутствовавшие на суде участники и свидетели ареста Берии убедятся: перед ними тот самый человек, в том же самом сером костюме, в каком его брали на Президиуме ЦК. А чтобы неполное сходство не так бросалось в глаза людям, знавшим Берию, двойника посадили на скамью подсудимых без пенсне. Рассчитывали, что несходство отнесут насчёт отсутствия традиционного атрибута внешнего облика "лубянского маршала". Ведь в очках и без очков человек часто смотрится совсем по-разному. Кстати, Хижняк, возможно, ошибся, когда утверждал, что на второй день после ареста видел Берию в пенсне. Ведь в письме коллегам по Президиуму от 1 июля Лаврентий Павлович жаловался: "Т-щи, прошу прощения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)". Пенсне, очевидно, отобрали, чтобы узник не мог с помощью осколка стекла вскрыть себе вены. Правда, пенсне могли отобрать не в первый день ареста, а на второй или третий.

У Хрущёва, Маленкова и других членов Президиума были веские основания не оставлять Берию в живых до суда. Лаврентий Павлович очень много знал такого о каждом из членов высшего партийного руководства, что они никак не хотели доводить до сведения коллег. Недаром сразу после ареста Берии по распоряжению Хрущёва был уничтожен архив бывшего шефа МВД. Специальная комиссия сожгла, не разбирая и не читая, 11 мешков документов, о чём составила соответствующий акт. Но сам Берия наверняка знал содержание многих пикантных бумаг на память и на суде мог попробовать "врага в могилу взять с собой", огласив многие малоприятные факты из биографий "дорогих" Никиты Сергеевича, Георгия Максимилиановича, Вячеслава Михайловича и прочих, вооружив членов Президиума "жареным материалом" против соперников в разгорающейся борьбе за власть. Опыт с Ежовым подсказывал, что, признав всё на следствии, обречённый на смерть мнимый заговорщик может отречься от своих признаний на суде и начать резать правду-матку. Потому допрашивать плененного "лубянского маршала" Хрущёв поручил надёжным людям - Руденко и Москаленко, в личной преданности которых не сомневался. Но даже им, как кажется, Никита Сергеевич не доверил расспрашивать подследственного о мнимом заговоре и о деятельности Берии в качестве члена Президиума и главы карательного ведомства по отношению к действующим кремлёвским вождям. Вопросы, которые задавали Роман Андреевич и Кирилл Семёнович, касались вещей безобидных, не имеющих политической остроты. Речь шла об авторстве книги, посвященной истории большевистских организаций Закавказья, похищения и убийства жены маршала Кулика (самого маршала три года уж как расстреляли), любовных похождений Лаврентия Павловича, его службе в мусаватистской контрразведке. Причём, удивительное дело, на следствии Берия, если верить опубликованным показаниям, всё отрицал, а на суде порой признавал даже то, чего в действительности не было. Перед Специальным Судебным Присутствием он покаялся, что "неправильно" поступил, издав книгу о большевиках Закавказья (будто с докладами Хрущёва и Маленкова дело обстояло иначе!). На процессе Лаврентий Павлович заявил: "Я долго скрывал свою службу в мусаватистской контрреволюционной разведке. Однако... даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного". Отчего было ему не сказать, что к мусаватистам был послан по заданию Орджоникидзе (это ведь установило проведённое по поручению Сталина расследование), и что никогда он службы в мусаватистской контрразведке не скрывал, честно писал об этом в автобиографии!

Между тем даже от следователей Руденков и Москаленко и от рядовых членов ЦК члены Президиума утаили даже такой сравнительно безобидный для себя факт, как поездку Берии в ГДР. А на суде ведь могли всплыть такие эпизоды и подробности, по сравнению с которыми действия Лаврентия Павловича в Восточной Германии показались бы цветочками. Так что были все основания заткнуть ему рот еще до суда.

Тут есть одно возражение: вот Маленков, Каганович и Молотов, когда в июле 1957 года на пленуме их клеймили Хрущев и его сторонники, так и не рискнули рассказать товарищам по партии о причастности этого же Хрущева или Микояна к массовым репрессиям. Однако тут имелось принципиальное различие между положением Берии и членов

"антипартийной группы". Хрущев рассказал на XXII съезде КПСС, что когда противники Хрущева поняли, что их дело проиграно, то Каганович позвонил ему, Хрущеву, и попросил не делать с ними того, что сделал бы Сталин. Никита Сергеевич успокоил Лазаря Моисеевича: "Ты меня не за того принимаешь!" Но, надо думать, дал понять Кагановичу и другим членам антипартийной группы, чтобы они не были слишком разговорчивы на пленуме, иначе ему придется вспомнить опыт Иосифа Виссарионовича. Тем не менее Молотов, Маленков и Каганович на пленум пришли как свободные люди, не под конвоем, и это вселяло в них надежду, что если не будут слишком уж клеймить Никиту Сергеевича и вспоминать неприятные для него эпизоды из прошлого, то их не только не расстреляют, но даже не посадят. А вот арестованного Берию даже на пленум не привезли, и иллюзий, что ему сохранят жизнь, к концу следствия у Берии не должно было остаться. А человек, которому нечего терять, на суде мог сказать столько гадостей про "дорогих товарищей" по Президиуму ЦК, что выпускать его на суд было опасно. Но и расстреливать без суда было не очень удобно.

Наиболее вероятным мне кажется такая версия смерти Берии. Лаврентия Павловича застрелили в бункере штаба Московского военного округа в конце августа или в сентябре 1953 года без какого-либо приговора суда, сразу по окончании следствия. И неслучайно протокол о расстреле подписали те, кто вел следствие - прокурор СССР Р.А. Руденко и генерал армии К.С. Москаленко. Застрелил же Берию генерал Павел Фёдорович Батицкий. Не исключено, что в будущем отыщутся протоколы допросов Берии, относящиеся к периоду после 26 августа 53 года. Тогда время смерти "лубянского маршала" надо будет датировать на несколько дней позднее последнего допроса. Крайний срок здесь - 17 декабря, потому что 18-го уже начался суд. Но я думаю, что так долго тянуть с Берией не стали.

Почему же суд провели несколько месяцев спустя после смерти главного обвиняемого? Потому, что неведомому двойнику требовалось время, чтобы выучить роль, да и от назначенных Берии в соучастники Кобулова, Меркулова и прочих необходимо было получить показания, чтобы хватило материала для судебного спектакля. Они-то больших кремлевских тайн не ведали и опасности не представляли.

Могут еще возразить: а Абакумова-то благополучно довели до суда и даже процесс назвали открытым (правда, все изъятые у Виктора Семёновича документы, как и документы Берии, тут же уничтожили - от греха подальше, а о том, насколько абакумовский процесс был открытым, мы уже убедились). Но вспомним: на дворе тогда был конец 54-го, первая острая схватка между наследниками Сталина уже миновала, а для новых ещё не настал черёд. Год назад расстреляли Берию и близких к нему чинов МВД. Абакумов, основательно или нет, но винил в своём аресте Лаврентия Павловича. Теперь, думал Виктор Семёнович, появился шанс выставить виновником всего происшедшего Берию, а его, Абакумова, как жертву бериевского произвола, по меньшей мере, не расстреляют. Тем более что процесс открытый (бывший министр МГБ не знал, что вся публика в зале суда "бравая и присяжная"). Вот и не стал Абакумов говорить лишнее, а когда опомнился, было поздно. Только заикнулся о письме в Политбюро, как уже получил пулю в затылок. Берия же до этого сам распоряжался

ликвидацией Ежова и хорошо понимал, что обвинённому в заговоре шефу МВД пощады не будет. Хрущёв, Маленков, Молотов и другие, у кого руки по локоть в крови, миндальничать не собираются. Вот и мог напоследок подложить своим палачам большую свинью, чтобы умирать было не так обидно.

Но если на суде был не Берия, а его двойник, почему же этот двойник отказался признать себя виновным в том, в чём он, собственно, обвинялся: в заговоре и измене Родине? Остальные грехи, вроде книги по истории большевизма в Закавказье и амурных дел, были не более чем острой приправой. Ведь заявил же будто бы подсудимый в последнем слове: "Я должен сказать Вам, что изменником и заговорщиком я никогда не был и не мог им быть. У меня и в мыслях не было, и я не помышлял даже, чтобы ликвидировать советский строй щи реставрировать капитализм..." Думаю, что в данном случае архитекторы процесса пошли по пути наименьшего сопротивления. Сколько-нибудь убедительного сценария "бериевского заговора" они придумать так и не смогли. А в заговоре непременно должны были участвовать и другие подсудимые. Если бы признался их шеф, то они, отрицая своё участие в подготовке переворота (а признаваться им не было никакого резона - по этим статьям меньше "вышки" получить было невозможно), вынуждены были бы задавать Берии вопросы, на которые постановщикам процесса трудно было бы найти правдоподобные ответы. Мог получиться конфуз. Хотя процесс и был закрытый, но трансляция заседаний суда шла в кабинеты всех членов Президиума ЦК, чтобы не волновались и собственными ушами услышали: Лаврентий Павлович ничего дурного о них не сказал.

Ещё одним важным доказательством того, что Берию расстреляли до начала суда, может служить следующий факт. Сохранился акт о кремации тел шестерых чекистов, которых судили вместе с человеком, похожим на Берию. Но акта о кремации тела самого Лаврентия Павловича в архивах так и не нашли. Может быть, поэтому в народе возникли легенды, будто тело Берии без остатка растворили в какой-то очень сильной кислоте - чтобы даже горстки пепла не осталось от палача и изменника. Вероятнее всего, дело обстояло гораздо проще, без жуткой экзотики в стиле готического романа и современных "ужастиков". Труп Берии кремировали, но поскольку происходило это значительно раньше, чем 23 декабря, и на погребение осуждённого после исполнения законного приговора никак не походило, то оформили всю процедуру как кремацию неизвестного или записали тело на другую фамилию.

Мою гипотезу о том, что Берия был убит ещё до суда, и на процессе вместо него присутствовал двойник, можно попытаться подтвердить анализом материалов следствия и суда, для чего необходима их полная публикация (или хотя бы свободный доступ исследователей к документам по делу Берии). Удачу может принести и поиск следов человека, который, вероятно, сыграл перед Специальным Судебным Присутствием роль поверженного "лубянского маршала"в Серго Берия утверждает, что в 1958 году в Свердловске, где они с матерью находились в ссылке, "нам подбросили в почтовый ящик снимок, на котором был запечатлён мой отец, прогуливающийся по... Буэнос-Айресу. В Аргентине он никогда не был... Через несколько месяцев в почтовом ящике оказался журнал "Вокруг света"... на снимке был

запечатлён... Лаврентий Павлович Берия, прогуливающийся с дамой по площади Мая в... Буэнос-Айресе... Фотография действительно была датирована 1958 годом". В случае если моё предположение о времени и обстоятельствах расстрела Берии верно, то загадка разрешается просто. Двойнику Лаврентия Павловича, так или иначе связанному со спецслужбами, ничего не стоило через пять лет после гибели "лубянского маршала" оказаться в Аргентине.

И в случае, если будет доказано, что Берию расстреляли без суда, то приговор по его делу придется отменить - приговаривать к какому-либо судебному наказанию покойников ау нас все-таки не принято.

Разумеется, Лаврентий Павлович не был изменником Родины, т.е., вернее, по отношению к своей "малой родине" - Грузии. Берия может считаться изменником, поскольку он по мере сил способствовал поглощению независимого Грузинского государства Советской империей. Но ведь судили его в декабре 53-го совсем не за эту измену, а за совершенно фантастический заговор против членов Президиума ЦК. Да еще объявили английским шпионом (поскольку де мусаватистская контрразведка была тесно связана с англичанами). Сегодня очевидно, что ни азербайджано-мусаватистским, ни грузино-меньшевистским, ни просто британским шпионом Берия никогда не был. Также ясно, что он не планировал никакого государственного переворота. Поэтому Лаврентия Павловича следует признать невиновным в тех преступлениях, которые ему инкриминировались на суде. Зато бывший глава НКВД виновен в фальсификации уголовных дел и необоснованных репрессиях, в осуществлении депортации "наказанных народов", в массовом уничтожении польских офицеров и интеллигенции, представителей имущих классов и интеллигенции Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, в многочисленных депортациях "наказанных народов" (хотя решения о расстрелах и депортациях принимал не он, а Сталин). Виновен он, вполне возможно, и в преступлениях поменьше - изнасилованиях и злоупотреблении служебным положением. Последнее, согласно утверждениям, прозвучавшим на Июльском пленуме, выразилось в принуждении к сожительству целого ряда женщин и девушек, в том числе несовершеннолетних. Однако если и злоупотреблял Лаврентий Павлович своими служебными возможностями, то только в амурной сфере. Ни большого богатства, ни роскошных дворцов, как тот же Багиров, он так и не нажил. Хотя по мелочи порой и грешил. Например, в 1947 году, зная как заместитель председателя Совета Министров о предстоящей денежной реформе, Лаврентий Павлович все свои сбережения в размере 40 тысяч рублей заблаговременно поместил в сберкассу, чтобы избежать конфискационной переоценки. Кстати, по тем временам, 40 тысяч - сумма небольшая. Её едва хватило бы на приобретение малолитражного автомобиля. Не много же скопил Лаврентий Павлович за более чем четверть века беспорочной службы. Вот к моменту ареста материальное положение Берии значительно упрочилось. У него изъяли сберегательных вкладов на сумму 363 тысячи рублей. Но легальное происхождение этих денег не вызывает сомнений. В качестве заместителя Предсовмина Берия имел ежемесячно зарплату в 8 тысяч рублей и не облагаемую налогом дотацию в 20 тысяч рублей. Кроме того, в 1949 году и в начале 50-х годов за руководство атомным и водородным проектом он был удостоен

двух Сталинских премий в 150 и 100 тысяч рублей. Да, к концу правления Сталина партийная верхушка, в отличие от всего советского народа, действительно стала жить зажиточно, не так, как в 30-е и в первую половину 40-х годов.

А вот если будет окончательно и твёрдо установлено, что Лаврентия Павловича Берию расстреляли до суда, то ситуация в правовом отношении кардинально изменится. И проблема юридической реабилитации Берии прёдстанет с совершенно неожиданной стороны. Хочешь - не хочешь, но прокуратуре придётся тогда полностью реабилитировать "лубянского маршала". Нельзя же признать законным приговор, вынесенный посмертно на суде, где обвиняемый никак не мог присутствовать, поскольку уже отошёл мир в иной. Если же всё-таки и в этом случае приговор в отношении Берии оставят в силе, то откроется широкое поле для посмертных судебных процессов. Подсудимых хватит с избытком. Тут и Иван Грозный, и Петр Первый, и Ленин, и Сталин, и Маленков, и Хрущёв, и Дзержинский, и Менжинский, Молотов, Жданов, Микоян, да и на Брежнева, Андропова и Черненко, глядишь, найдётся достаточно материала, чтобы приговорить их к высшей мере наказания - пожизненному заключению. То-то покойники порадуются, что смертная казнь у нас отменена. Хороший сюжет для театра абсурда!

Правовые основания вынесенного Берией приговора подверг сомнению даже бывший главный военный прокурор СССР генерал-лейтенант юстиции А.Ф. Катусев:

"В действиях Берии после смерти Сталина просматривалось лишь желание расширить сферу своего влияния, потеснить соперников, однако для обвинения в заговоре это, конечно, не довод.

Ни обвинительное заключение, ни приговор по данному делу не называют доказательств того, что Берия сотрудничал с иностранной разведкой до момента разоблачения и ареста, если не считать утверждений, будто он, например, "выручил английского шпиона Майского, приказав прекратить следствие по его делу". Вздорность подобного обвинения очевидна, ибо посол СССР в Великобритании, а затем заместитель наркома иностранных дел академик И.М. Майский давно и полностью реабилитирован.

Столь же бездоказательно и обвинение в том, что Берия сеял вражду и рознь между народами Советского Союза. Из материалов дела усматривается, что с весны 1953 года Берия выдвигал на руководящие должности в системе МВД на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике преимущественно национальные кадры и требовал, чтобы новые руководители непременно владели языком народа той республики, где они работают. Разве это означало сеять рознь и подрывать дружбу с русским народом?

Совсем уж абсурдно, с точки зрения закона, выглядит утверждение, будто Берия и его подчиненные занимались "шпионажем для захвата власти". Уголовным кодексом предусмотрена такая форма измены Родине, как шпионаж, т. е. передача, равно как похищение и собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну. Судом признаки состава этого преступления не установлены, да и обвинения по статье 58-6 УК РСФСР (в редакции 1926 года) осужденным не предъявлялись и не вменялись.

Обвинения Берии в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народу политических деятелей объективно нуждается в переосмыслении в свете целого ряда вновь открывшихся обстоятельств, начиная с выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и кончая выводами Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов..."

С выводами Катусева нельзя не согласиться. Но вот беда, нашим прокурорам непереносима сама мысль о том, что придется реабилитировать не просто плохого, а очень плохого человека, у которого руки по локоть в крови. И поэтому Катусев предлагает: "Вина Берии... не становится меньше, все равно он в крови с головы до ног. Но квалификация его преступных деяний должна быть иной - она уже не может основываться на статье 58-8 УК РСФСР (в редакции п1926 года), ибо неправомерно говорить о терроре с контрреволюционным умыслом, если уничтожение ни в чем не повинных советских граждан производилось Берией и его подручными по прямому указанию главы государства. В данном случае преступления Берии и других осужденных подлежат квалификации по статье 193-17 п. "б" УК РСФСР тех лет, где за систематическое злоупотребление властью, повлекшее за собой особо тяжкие последствия, тоже предусмотрен расстрел".

А вот с таким предложением я категорически не согласен. Ведь никаких обвинений в злоупотреблении властью, повлекшим за собой тягчайшие последствия, в 1953 году никто Берии не предъявлял. Предъявить их ему сегодня - значит, фактически заново судить "лубянского маршала", и судить, естественно, посмертно, что противоречит всем нормам юриспруденции. Ведь тогда, по справедливости, надо судить посмертно по обвинениям, которые им не смели предъявить при жизни, и всех членов сталинского Политбюро - у них руках крови ничуть не меньше, чем у Берии. Устроить этакий посмертный Нюрнберг для Маленкова и Хрущева, Жданова и Кагановича, Молотова и Ворошилова, Микояна и Калинина... И, конечно же, для самого Сталина. А дальше покатится снежный ком... Придется посмертно судить всех секретарей обкомов и республик, чекистов, наркомов и прокуроров, функционеров среднего звена и так далее, вплоть до исполнителей неправосудных смертных приговоров... Придется судить и деятелей позднейшей эпохи. Вот только один пример. В 1959 году в Мюнхене был убит лидер Организации украинских националистов Степан Бандера. Это было сделано по приказу высшего партийного руководства и тогдашнего главы КГБ А.Н. Шелепина. В сущности, это убийство по своей юридической квалификации ничем не отличалось от вмененных Берии и его подчиненным на следствии похищении и убийстве жены маршала Кулика и инсценированном под автокатастрофу, аресте и убийстве советского посла в Китае Бовкуна-Луганца и его жены. Но тогда так и просится посмертный приговор Александру Николаевичу Шелепину за злоупотребление властью, повлекшее особо тяжкие последствия.

Но что самое интересное, Военная Коллегия Верховного Суда России, рассматривавшая в 2000 году вопрос о реабилитации Берии и его товарищей по процессу 1953 года, к мнению Катусева не прислушалась и в отношении Лаврентия Павловича ничего переквалифицировать не стала, оставив в силе прежний приговор. Тем самым сохранили

юридическую силу все фантастические обвинения в заговоре с целью захвата власти. Подельникам Берии, если так можно сказать, повезло больше. Некоторым из них вменили теперь лишь злоупотребление властью и признали, что в 1953 году их не следовало казнить, а ограничиться 25 годами лагерей. Замечу, что суд неконституционного Специального Судебного Присутствия, проходивший в отсутствие адвокатов, вряд ли можно счесть правым. И это обстоятельство, подчеркну, ставит под сомнение достоверность добытых в ходе следствия и процесса Берии и его товарищей доказательств вины подсудимых.

Юридическая реабилитация, если она когда-нибудь и произойдёт, ни в коем случае не будет означать моральной реабилитации. Перед Божьим судом Лаврентию Павловичу есть за что ответить. Я же в заключение хотел бы поразмышлять, как сложилась бы судьба Советского Союза и самого Берии, если бы затеянная им перестройка удалась. Предотвратил бы маршал распад СССР? Вряд ли.

Бериевские реформы дали бы больше прав республикам и подняли бы роль национальных языков и культур. Это усилило бы центробежные тенденции. В том же направлении действовало бы и предложение Берии посредством перераспределения власти на местах закрепить сложившийся при диктатуре Сталина фактический приоритет союзного Совмина над Президиумом ЦК. Реальные рычаги управления, считал Лаврентий Павлович, должны быть сосредоточены в Совминах республик и облисполкомах, а республиканские ЦК и обкомы пусть ведают только идеологией. Теоретически в условиях коллективного руководства такая реформа могла бы и пройти. Ведь ни один из четырёх главных сталинских наследников не обладал всей полнотой власти и не имел безраздельного контроля ни над партийным, ни над советским аппаратом.

Кончились бы затеянные Лаврентием Павловичем реформы тем же, чем и горбачёвская перестройка. Советский Союз распался бы лет на тридцать раньше, чем это произошло в действительности, и коммунистический строй на его территории прекратил бы своё существование.

Был ли Берия сторонником рынка, и насколько справедливы обвинения его в стремлении реставрировать капитализм? Полагаю, что к концу жизни Лаврентий Павлович, как истинный прагматик, осознал банкротство экономической системы социализма. Берия видел, что и в атомном и в ракетном проектах, которыми ему приходилось руководить, шло копирование соответственно американских и немецких образцов. Вспомним, что и в беседе с Сахаровым он признавал превосходство США в деле организации производства. А вот что говорил Берия сворим секретарям П.А. Шарии и Г.А. Ордынцеву о ГДР: "Как же мы могли бы создать объединённую Германию из капиталистической Западной Германии и социалистической Восточной? Нужно делать Германию буржуазно-демократической республикой. Не нужно строить социализм в ГДР, не нужно насаждать колхозы, от которых крестьяне бегут на Запад..." В разрядке отношений с капиталистическими странами и прекращении "холодной войны" он готов был пойти даже на возвращение Японии Южно-Курильских островов, чтобы способствовать улучшению советско-японских отношений. Вероятно, и в СССР Берия попробовал бы как-то преобразовать колхозы и постепенно освободить

экономику от идеологических догм. Но даже если бы он в этом преуспел, пожинать плоды реформ скорее всего стали бы другие, а не он сам.

Ставил ли Лаврентий Павлович своей целью крах СССР? Сомнительно. Слишком уж значительный пост занимал он в Москве, чтобы удовлетворить постом главы независимой Грузии - единственная должность, на которую он мог бы претендовать, после того как все народы Советского Союза разошлись бы по национальным квартирам. Такой именно путь прошёл ближайший соратник Горбачева Э.А. Шеварднадзе, но никто, кажется, кроме совсем уж оголтелых сторонников национал-коммунистической идеи, не подозревает его в том, что он загодя планировал развалить Советский Союз, чтобы сесть президентом в Тбилиси. Да и власть Берии, даже только как председателя тогдашнего Спецкомитета, была гораздо большей, чем власть нынешнего грузинского президента.

Если бы в результате бериевской перестройки СССР перестал существовать, его народы на три с лишним десятилетия раньше освободились бы от пут социализма и начали бы движение к нормальной рыночной экономике с гораздо лучших позиций, чем в 91-м году. Гораздо больше людей, особенно на недавно присоединённых западных территориях, не утратили бы ещё капиталистического отношения к труду и предприимчивости, интеллектуальная элита в большей мере сохранила бы связь с дореволюционным прошлым, да и изоляция страны от внешнего мира длилась бы всего тридцать, а не шестьдесят с лишним лет. Наверное, при таком развитии событий и Россия, и Грузия сегодня были бы гораздо более благополучными странами, чем оказалось на самом деле.

По мнению столь компетентного свидетеля, как бывший начальник секретариата МВД и одного из бериевских спичрайтеров академика Грузинской Академии наук П.А. Шария, Лаврентий Павлович был "государственный работник несоветского типа, признающий за основу государственного руководства преимущественно организационную технику и кабинетно-закулисные комбинации в расстановке кадров. Если к этому добавить ограниченность общетеоретического, а стало быть, и политического кругозора Берии, с одной стороны, и безусловные чего организаторские способности, с другой стороны, нужно признать логическим последствием всей его предшествующей карьеры то, что он после смерти Сталина зарвался, возомнил себя чуть ли не всемогущим человеком и потерял чувство критического отношения к себе".

С точки зрения академика-диматчика, "ограниченность общетеоретической подготовки" могла означать только незнание марксистско-ленинских догм или нежелание им следовать. Сегодня такое Берии скорее бы занесли в актив. Убеждён, что подавляющее большинство населения Западной Европы и Северной Америки, не исключая высших государственных руководителей, имеют очень слабое представление о марксистской теории (если вообще имеют), равно как и о любых других теориях, и нисколько от этого не страдают.

Ну, а насчёт своего всемогущества Лаврентий Павлович никогда не заблуждался. Потому и единственный шанс на то, чтобы удержаться в верхнем эшелоне власти, видел в союзе с Маленковым. В итоге Берия, как и в чём-то схожий с ним Троцкий, оказался хорошим

администратором (правда, только в тоталитарной системе), но никудышным политиком. На местах власть и при Сталине оставалась в руках партийных секретарей, хотя каждого из них в любой момент могли прислонить к стенке. После смерти диктатора секретари обкомов и республиканских ЦК только воспрянули духом, как Берия затеял основательную перетряску партийного руководства по национальному признаку. Да и друга Георгия сон порядком напугал своей неуёмной активностью, а Хрущёв умело подогрел этот страх, внушив недалёкому Маленкову, что Берия метит на его место первого лица государства. В итоге на этом месте оказался сам Никита Сергеевич, которому другие наследники в марте 53-го неосмотрительно уступили контроль над партаппаратом. Георгий Максимилианович же в 57-м оказался в "антипартийной группе" и был низвергнут с Олимпа власти. Но всё это произошло потом. А летом 53-го падение Берии приветствовали и члены Президиума ЦК, и местная партийная элита.

Наверное, та характеристика Берии, которую, по словам его помощника А.Н. Поскребышева, дал Лаврентию Павловичу Сталин, близка к истине. Она содержится в речи Поскребышева, подготовленной к Июльскому Пленуму 1953 года, но так и не произнесенной. Сразу скажу, что многое в этой речи не вызывает доверия. Александр Николаевич, в ноябре 1952 года лишившийся поста секретаря Президиума ЦК, винил в своем падении Берию (основательно или нет - другой вопрос). И охотно мазал Лаврентия Павловича черной краской (хотя иначе тогда говорить о Лаврентии Павловиче публично никто не мог). Так, Поскребышев утверждал, будто "Сталин крепко ругал себя за то, что согласился с предложенной Берией кандидатурой Абакумова в качестве руководителя МГБ". Но мы-то помним, что бериевской кандидатурой на пост главы органов госбезопасности тогда, в конце 45-го, был вовсе не Абакумов, а Рясной. Абакумов же в тот момент, как глава "СМЕРШ", непосредственно подчинялся Сталину как наркому обороны Сталину, и не приходится сомневаться, что именно Иосиф Виссарионович и предложил его кандидатуру на пост министра госбезопасности. Абакумов как раз и начал с того, что стал чистить "дорогие органы" от людей Берии. Еще Серов в письме Сталину от 8 февраля 1948 года вспоминал: "Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что Абакумов в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям. Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счёты не только со мной, а также с остальными своими врагами - это с тт. Федотовым, Кругловым, Мешиком, Рапава, Мильштейном и другими. Мне Абакумов в 1943 году заявил, что он всё равно когда-нибудь застрелит Мешика. (Павел Яковлевич Мешик был заместителем Абакумова в "СМЕРШе" и человеком, близким к Берии; то, что Абакумов хотел столь круто с ним обойтись, еще раз доказывает, что уже в 43-м Виктор Семёнович с Лаврентием Павловичем были на ножах. - /Б. С./). Ну, а теперь на должности министра имеется полная возможность найти другой способ мести. Мешик это знает и остерегается. Также опасаются Абакумова и другие честные товарищи". И "честные товарищи" опасались не зря. Абакумов всех их выжил из МГБ. Поскребышев не мог не знать всего этого. Но предпочел творить заданную Хрущевым и Маленковым легенду о "дружбе" Берии с арестованным двумя годами ранее Абакумовым. Но вот другое

поскребышевское утверждение, на мой взгляд, заслуживает доверия: "В целом тов. Сталин характеризовал Берия так: Берия мнит себя большим политическим деятелем, но он не годится на первые роли, ему можно доверить лишь участок хозяйственной работы".

Конечно, сам Иосиф Виссарионович позаботился о том, чтобы в его ближайшем окружении не осталось людей, способных играть первые политические роли. Так что Берия до смерти вождя только и мог проявить себя как толковый администратор, но никак не политик. Однако надо признать, что в развернувшейся после смерти Сталина борьбе за власть Лаврентий Павлович как политик оказался гораздо слабее Маленкова и особенно Хрущева. Замыслив радикальные политические и экономические реформы и сделав первые шаги по их осуществлению, Берия сильно напугал номенклатуру, но при этом не озаботился поиском союзников, как среди партийно-хозяйственного актива на местах, так и на самом верху. Чекист-реформатор полагался только на дружбу с Маленковым, но в политике, как известно, личная дружба немного стоит. "Дружить" здесь можно только против кого-то. Берия же пытался "дружить" с Маленковым не против Хрущева или Молотова, а против партийно-номенклатурной системы в целом. "Дружбу" против кого-нибудь из "дорогих товарищей" по Президиуму ЦК Георгий Максимилианович наверняка бы одобрил. Другое дело - "дружить" против системы, плоть от плоти которой был Маленков. Существования вне её он не мыслил, и управлять иначе, чем при Сталине, не умел. Неудивительно, что Маленков легко "сдружился" с Хрущевым, Молотовым и другими членами Президиума против Берии.

А вот какую оценку Берии дал бывший министр сельского хозяйства Н.А. Бенедиктов: "Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный, нечистоплотный - как и другим наркомам, мне от него натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватить суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке". Думаю, она близка к истине. Добавлю только, что в советской системе прагматизм Берии вкупе с чекистским прошлым обрекли его на гибель.

Я в основном соглашусь с мнением Г.В. Костырченко: "Все они - Суслов, Михайлов, Чесноков, Игнатьев, Шепилов, Маленков - закончили свой земной путь в преклонных летах и в своих постелях, и их не мучили угрызения совести за организацию и проведение антигуманной акции в далеком 1953-м (имеется в виду "дело врачей". В этот список можно смело добавить Хрущева, Молотова и Кагановича, не имевших непосредственного отношения к делу "убийц в белых халатах", но запятнавших себя не меньшими преступлениями. - /Б. С./). В отличие от них основной инициатор освобождения незаконно репрессированных врачей - Берия умер трагической и позорной смертью. Консерваторы в партийном аппарате (к ним единодушно примкнули и либералы. - /Б. С./) не простили ему того, что после кончины Сталина он позволил себе ряд самостоятельных и смелых решений и поступков, которые резонно были восприняты Хрущевым и другими членами президиума ЦК как заявка на диктаторскую власть (почему на диктаторскую? Ведь все решения Лаврентий Павлович проводил через Президиум ЦК. И нет никаких данных, что Берия готовил военный переворот. - /Б. С./) К тому же они опасались, что, проводя по своему усмотрению расследование

преступлений власть имущих в период правления Сталина и используя для этого находившиеся в его распоряжении архивные материалы, Берия в конце концов вполне может обвинить каждого из них в беззаконных действиях".

И в самом деле, целый ряд послевоенных, равно как и предвоенных беззаконий, никак не был связан с именем "лубянского маршала". Он действительно мог оказаться чист, как вслух выразил опасение Андреев. Тут и громкие процессы второй половины 30-х годов, и "военно-фашистский заговор" Тухачевского, и та часть Великой Чистки, которая затрагивала работников центрального аппарата. Спускаться ниже, на уровень регионов, Берии было бы рискованно. Ему могли припомнить репрессии в Грузии. Зато после войны практически все громкие дела вершились без участия Лаврентия Павловича - тут и "дело авиаторов", и "дело артиллеристов", и "ленинградское дело", и "мингрельское дело", и преследование "безродных космополитов". Даже предвоенное "дело о заговоре в ВВС" проходило без прямого участия Берии, поскольку им занимались НКГБ и Особые отделы, в тот момент не входившие в состав НКВД. Что же касается преступления, в которых участвовал Берия, будь то расстрел польских офицеров и гражданских пленных в 1940 году или массовые депортации целых народов в годы Великой Отечественной войны, то здесь его соучастниками выступали и другие члены Политбюро. Кстати, нельзя исключить, что жертв Катыни Лаврентий Павлович тоже готов был реабилитировать, учитывая, что в 40 году он, как кажется, был противником их казни, а теперь, в 53-м, собирался по-иному, чем при Сталине, выстроить отношения со странами Восточной Европы. Катынь, в конце концов, можно было попытаться списать на одного Сталина. Естественно, подобное решение могло бы быть принято только после того, как на Сталина была бы возложена ответственность за репрессии 30-50-х годов. Судя по тому, как Берия обставил реабилитацию "кремлевских врачей", со временем он собирался прямо обвинить в беззакониях Сталина. Но не успел. Характерно, что Хрущев даже после XX и XXII съездов так и не рискнул признать публично советскую ответственность за Катынское преступление. Может быть, в частности, потому, что на Украине поляков расстреливал близкий к нему Серов.

На личный счет Берии можно было отнести только очень немногие фальсифицированные дела, вроде расстрела Мейерхольда, Бабеля, Кольцова и некоторых других, сложным образом пристегнутых к мнимому "заговору Ежова". Тут следствие шло по прямому указанию Сталина, а смертный приговор не предварялся решением Политбюро. Но даже после ареста Лаврентию Павловичу эти дела не инкриминировали. Ведь тогда пришлось бы затрагивать и тему репрессий 1937-1938 годов, хотя бы в связи с ролью Ежова. Члены Президиума ЦК делать этого в тот момент еще не собирались.

Берия, казалось бы, получил в свое распоряжение мощное орудие против Молотова, Маленкова, Хрущева и других в виде архивных материалов по фальсифицированным делам. Неужели Вячеслав Михайлович, Георгий Максимилианович и Никита Сергеевич были столь наивны, недальновидны, прямо сказать, глупы, чтобы дать в руки соперника столь мощное оружие? Ведь к 1953 году дураков в руководстве уж точно не осталось. Они гораздо раньше в расход пошли. Иосиф Виссарионович был классный селекционер. Ему нужны были

люди преданные, но в то же время неглупые. Нет, думаю, все дело в том, что Берии отдали МВД только в рамках заранее рассчитанной многоходовой комбинации, направленной на устранение грозного противника. Ведь воспользоваться компроматом Лаврентий Павлович мог только после того, как полностью поставил бы аппарат органов под свой контроль. А это требовало много месяцев, если не лет. Такого срока ему никто отпускать не собирался.

Возможно, в последние дни жизни, сидя в бетонном мешке, Лаврентий Павлович вспомнил свои слова о том, что "у нас в турме места много", и пожалел о них. Понял, что ощущали те, кого его ведомство отправляло на смерть.

Оплакали Лаврентия Павловича только семья и ближайшие родственники. Как сообщал 25 августа 1953 года глава грузинских коммунистов А.И. Мирцхулава, сам ранее находившийся под следствием по делу о мингрельской националистической группы и реабилитированный Лаврентием Павловичем, "после разоблачения преступных антипартийных и антигосударственных действий Берия проживающие в Тбилиси и других городах и районах Грузии его близкие родственники занимаются невыдержанными, злостного характера разговорами, являются источниками распространения разных провокационных слухов. Мать Берия - Берия Марта, глубоко верующая женщина, посещает церкви и молится за своего сына - врага народа. После разоблачения Берия участились подозрительные встречи родственников на ее квартире". Мирцхулава предлагал выслать родных и близких своего вчерашнего благодетеля за пределы Грузии, хотя вся вина их была лишь в родстве с тем, кого пленум ЦК признал врагом народа.

Высылку родственников Берии и его товарищей по несчастью осуществили уже после суда, постановлением Президиума ЦК летом 1954 года. Им воспрещалось жить в Закавказье, на Северном Кавказе, в Москве, Ленинграде и ряде других городов. Но и год спустя родные Лаврентия Павловича не угомонились. 19 сентября 1954 года глава КГБ И.А. Серов докладывал ЦК КПСС, что высланные в Свердловскую область, Красноярский край и Казахстан мать Берии, его племянник и племянница и двоюродные сестры Лаврентия Павловича вместе со своими мужьями "продолжают и ныне восхвалять Берия, утверждать о его невиновности и высказывать недовольство решением об их выселении". Интересно, кто бы был доволен, если его ни с того ни с сего выгнали бы из родного дома и забросили в сибирскую или казахскую глушь! Тем не менее двоюродную сестру Берии Е.Д. Кварацхелия-Антадзе и ее мужа А.Н. Антандзе привлекли к ответственности "за злобную антисоветскую агитацию".

Также и жену и сына Берии в ноябре 1954 года, освободив из заключения, отправили в административную ссылку в Свердловскую область, в принудительном порядке сменив фамилию "Берия" на "Гегечкори". По мысли Хрущева, Маленкова и других советских руководителей, самой фамилии поверженного врага не должно было остаться на земле.

Интересно, что один из тех, кто был официально расстрелян вместе с Берией, быть может, в действительности уцелел. Р.И. Пименов вспоминал: "В отличие от Штейнберга (бывшего офицера военной разведки. - /Б. С./), Мамулов не тужился сохранить замашки высшего

света ни в одежде, ни в еде, ни в образовании. Глядя на него, нельзя было подумать, что до своего ареста он ежедневно прогуливал на поводке личного крокодила - эту пикантную подробность сообщил или придумал неутомимый сплетник Штейнберг. Мамулов же проговорился куда более важным известием: за несколько лет до моих с ним бесед, когда еще держали в одиночке по мотивам секретности, его раз ошибочно вывели на прогулочный дворик, уже занятый другим секретным заключенным. К своему остолбенению, Мамулов узнал в нем высокопоставленного генерала, "которого знала вся страна", который числился, по газетным сведениям, расстрелянным по делу Берии. Тот немедленно отвернулся, спрятав свое лицо, надзиратель заорал на Мамулова: "Выходите!" - и вывел его на другой, причитавшийся ему дворик. Ошибиться Мамулов не мог: он куда как хорошо знал этого человека! Фамилию его он отказывался мне назвать, как я ни просил и как ни изощрялся в перечислении известных мне фамилий от самого Берии до Рюмина и Рухадзе. Он непритворно жалел, что проговорился: ему казалось, что разглашение такой государственной тайны может отягчить его собственную судьбу".

Очевидно, в данном случае Мамулов имел в виду кого-то из тех, кто официально был расстрелян вместе кс Берией, т.е. Влодзимирского, Меркулова, Деканозова, Гоглидзе, Мешика или Богдана Кобулова. Но из всех перечисленных лиц "известным всей стране" мог быть только генерал армии Всеволод Николаевич Меркулов, бывший заместитель Берии на посту наркома внутренних дел, а потом - нарком госбезопасности и по совместительству - драматург. Его фотографии часто печатались в газетах, а пьесы шли на сцене столичных театров. И его-то Мамулов как раз знал очень хорошо. Он вообще считался меркуловским выдвиженцем. Вот как американский историк польского происхождения Тадеуш Виттлин, автор первой биографии Берии, описывает лубянскую резиденцию Лаврентия Павловича в конце 30-х годов: "Берия занимал пять смежных комнат. Первая предназначалась для машинисток, вторую и третью занимал заместитель Берии Меркулов. Четвертая комната была в распоряжении помощника Меркулова Мамулова, который также был личным секретарем Берии. В комнате Мамулова были две противоположные двери, левая вела в комнаты Меркулова, а правая - в комнату народного комиссара внутренних дел Лаврентия Павловича Берии". В течение многих лет Мамулов виделся с Меркуловым практически ежедневно, и ошибиться ему было, действительно очень трудно. Ломать же комедию перед Пименовым с воскрешением одного из расстрелянных бериевцев Степану Соломоновичу не было никакого смысла, тем более что фамилию он так и не назвал, а о том, что воскресшим мог быть Меркулов, правозащитник так и не догадался. Правда, Всеволод Николаевич Меркулов, как мы уже убедились, фигурирует в списке тех, в отношении которых приговор был приведен в исполнение, и чьи тела кремировали. Однако можно допустить, что вместо Меркулова тогда расстреляли для ровного счета кого-то другого из приговоренных к высшей мере наказания. Не исключено, что за Всеволода Николаевича заступился кто-то из высшего партийного руководства, может быть его земляк Анастас Микоян (оба были родом из Азербайджана), и Меркулову сохранили жизнь, тем более что после войны он с Берией уже никак не был связан, занимая малозначительные посты

начальника Главного управления советским имуществом за границей и министра госконтроля. Сколько-нибудь свежим компроматом на партийных вождей Всеволод Николаевич не располагал. Кто знает, может, рано или поздно Меркулова выпустили из тюрьмы и он тихо доживал свой век под чужой фамилией? А может, умер позднее в тюрьме или все-таки был расстрелян, но уже после 1953 года? Или Мамулов все же обознался и спутал Меркулова с кем-то другим? Наверное, эта загадка никогда не будет до конца разрешена.

* * *

Лаврентий Павлович Берия вряд ли относится к категории людей, "делать жизнь с кого". Впрочем, если попытаться воссоздать не в жанре жития, а честно, не закрывая глаза на все поступки того или иного исторического лица, и особенно политика, очень мало найдется в мире тех, кто достоин подражания. И меньше всего это относится к товарищам Берии по Политбюро, включая, конечно, самого Сталина. Пожалуй, если начать сравнивать Лаврентия Павловича с Иосифом Виссарионовичем, сравнение выйдет в пользу первого. Сталина интересовала только власть как некая абсолютная категория. Берия же, может быть, готов был использовать свою власть и для того, чтобы делать добро людям, как он его понимал. После смерти Сталина настал, как он думал, подходящий момент для того, чтобы облагодетельствовать советских граждан. И нельзя сказать, что Лаврентий Павлович намеревался творить прогресс варварскими средствами, поскольку нет данных, что он готовил физическое устранение своих товарищей по Президиуму ЦК, собирался их сажать или расстреливать. Наоборот, как мы помним, Берия приказал уничтожить орудия пыток и выпустил на волю сотни тысяч заключенных. Но, тем не менее, почти не найдется в мире людей, готовых оплакать его трагическую гибель.

Вроде бы явно несправедливые обвинения, по которым он был осужден, вызывают жалость к "лубянскому маршалу", а благие намерения сделать более либеральным советский общественный строй порождают сочувствие. Однако десятки тысяч людей, загубленных Берией, мешают сполна отдаться этим чувствам. Как, впрочем, все либерально-оттепельные движения того же Маленкова или Хрущева никак не должны заставлять нас забывать о совершенных ими преступлениях, равно как о преступлениях Молотова, Кагановича, Микояна и других членов сталинского Политбюро.

"Бериевскую оттепель", когда выпустили тех, кого не успели расстрелять при Ежове, вряд ли правомерно целиком относить на счет Лаврентия Павловича. Кого и когда сажать или выпускать, решал в конечном итоге Сталин. Что же остается за Берией? Безусловно, главным достижением его жизни стало осуществление советских проектов по созданию атомной и водородной бомб. Но во благо или во зло это пошло нашей стране? На этот вопрос разные люди дают разные ответы. Я лично думаю, что ост обретения Сталиным и его преемниками ядерного и термоядерного оружия было больше вреда, чем пользы. Да, столь мощное средство устрашения в принципе устранило опасность оккупации территории СССР и его правопреемницы России иностранными агрессорами. Сейчас это

особенно пригодилось, когда всерьез встала опасность китайской колонизации российского Дальнего Востока. Но зато благодаря бомбе коммунистический режим продержался несколько десятилетий, углубив экономическую отсталость страны и еще более развратив души людей. С другой стороны, шансы на применение против Сталина ядерного оружия американцами даже в случае, если бы он не обрел бомбы, все равно кажутся маловероятными. Такой удар мог бы последовать только в случае массированного советского вторжения в Западную Европу, а на такое вторжение в условиях американской атомной монополии Сталин никогда бы не решился. Преемники же Иосифа Виссарионовича мыслили по большому счету лишь об удержании завоеванной сферы влияния, с минимальным ее расширением за счет некоторых колониальных и зависимых стран. Лишь однажды попытка Хрущева установить ракеты с водородными боеголовками на Кубе действительно поставила мир на грань термоядерной войны. Ясно, что отсутствие у советской стороны оружия массового поражения в принципе бы исключило возникновение подобного кризиса. Оккупация же лишенного ядерного и термоядерного оружия, а значит, не способного к широкомасштабной агрессии Советского Союза войсками НАТО представлялась крайне маловероятной. Гораздо дешевле и выгоднее было, не прибегая к дорогостоящей оккупации, поставить его природные ресурсы на службу западной экономики, что фактически и произошло в 70-е и 80-е годы. Без атомной и водородной бомб наша страна быстрее и на более выгодных условиях вписалась бы в мировое хозяйство и к сегодняшнему дню хоть частично преодолела бы свое катастрофическое отставание от экономически развитых стран.

Какие же действительно добрые дела останутся за Лаврентием Павловичем Берией в Большой Истории? Безусловно, руководство военной промышленностью, а во многом - и всей экономикой в годы Великой Отечественной войны. Его организаторский талант и деловая хватка внесли немалый вклад в советскую победу в этой схватке, проигрыш которой грозил гибелью нашему народу. Останется среди заслуг Берии и мартовская амнистия 1953 года. Обычно акцентируют на связанные с ней эксцессы. Между тем нельзя отрицать, что благодаря этому гуманному акту сотни тысяч людей, посаженных, в общем-то, за пустяки, смогли вернуться к нормальной жизни. Берия стал инициатором отказа от нерентабельного, полурабского труда заключенных и добился прекращения ряда разорительных строек-гигантов. И от этих нововведений те, кто погубил "лубянского маршала, так и не смогли отказаться. И, наконец, реабилитация арестованных по делу врачей и по мингрельскому делу, состоявшаяся весной 53-го года по личной инициативе Лаврентия Павловича. Пусть с мингрельцами Берия имел и личный интерес - как-никак были арестованы его давние товарищи. И пусть потом, после ареста Берии, кое-кто из освобожденных, в частности, бывший глава госбезопасности Грузии А.Н. Рапава, были вновь арестованы и расстреляны. Но хотя бы 30 тыс. возвращенных по инициативе Лаврентия Павловича на родину ранее высланных жителей Западной Грузии чего-то да стоят! Что из сделанного Берией перевесит на весах судьбы - ведомо одному Богу.

Закончить же книгу хочу одним забавным анекдотом про Сталина и Берию.

Берия: "Иосиф, тут фильм про тебя сняли, говорят, хороший. Пойдем посмотрим?"

Сталин: "Ну, пойдем".

Выходят после просмотра из зала. Сталин: "Да, слушай, Лаврентий, хороший фильм получился. Только знаешь что, тот актер, который меня играет, уж очень на меня похож. Надо бы его расстрелять..."

Берия (/в растерянности/): "Иосиф, а может, мы того... этого... усы ему сбреем?"

Сталин: "Ну, или так".

Что характерно, в этом диалоге Лаврентий Павлович выступает как своего рода гуманист, умеряющий людоедские аппетиты Иосифа Виссарионовича. В народной памяти, по крайней мере сейчас (анекдот как будто недавний), Берия явно не выступает в роли главного злодея, уступив здесь пальму первенства Сталину.

БИБЛИОГРАФИЯ

Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ). Ф. 558, оп. 11 (И. В. Сталина); ф. 157, оп. 5 (М. Цхакая); ф. 17, оп. 120 (Общий отдел ЦК ВКП(б)); ф. 83, оп. 1 (Г.М. Маленков); ф. 82, оп. 2 (В. М. Молотов); ф. 625, оп. 1 (П. К. Пономаренко).

/Алексеева Н.В./ Лаврентий Берия. Записки любовницы. М.: АСТ-Пресс, 2004.

Армяне, греки и другие. Репрессированные народы // Шпион. Вып. 4. М., 1994.

/Бережков В.М./ Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993.

/Берия С.Л./ Мой отец - Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

/Благовещенский Ф./ В гостях у П.А. Шарии // Минувшее. Вып. 7. М.: Феникс, 1992.

/Бобренёв В.А., Рязанцев В.Б./ Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993.

/Волин О./ (/Пименов Р.И/.) С бериевцами во Владимирской тюрьме // Минувшее. Вып. 7. М.: Феникс, 1992.

/Волкогонов Д.А./ Семь вождей. Кн. 1,2. М.: Новости, 1995.

/Волкогонов Д.А./ Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1,2. М.: Новости, 1989.

/Воронов Н.Н./ На службе военной. М.: Воениздат, 1963.

/Газарян С./ О Берии и суде над бериевцами в Грузии // СССР: внутренние противоречия / Под ред. В. Чалидзе. Вып. 6. N. Y.: Chalidze Publications, 1982г

/Гальдер Ф./ Военный дневник. Т. 3. Кн. 1, 2. М.: Воениздат, 1971.

Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.

/Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С./ Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. М.: Советская Россия, 1992.

/Жуматий В.И./ Боевые действия Краснознамённого Балтийского флота в советско-финляндской войне (1939-1940 гг.). М.: Военный Университет, 1995.

/Зайцов А.А./ 16 лет РККА // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М.: Военный университет - Русский путь, 1999.

/Залесский К.А./ Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.
/Земсков В.Н./ ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования, М., 1991, №№ 6, 7.
/Зенькович Н.А./ Маршалы и генсеки Смоленск: Русич, 1997.
/Зенькович Н.А./ Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М.: Олма-пресс, 1998.
/Каганович Л.М./ Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.
/Капица. Там./ Семенов: в очерках и письмах. М.: Вагриус; Природа, 1998.
/Карпов В.В./ Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999.
Катынское дело // Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1.
М.Н. Тухачевский и "военно-фашистский заговор" // Военно-исторический архив. М., 1997, Вып. 1,2.
/Костырченко Г.В./ Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.
/Кузнецов Н.Г./ Курсом к победе. М.: Воениздат, 1976.
/Кузнецов Н.Г./ Накануне. М.: Воениздат, 1966.
/Лаврентий Берия./ 1953: Документы. М.: М. Демократия, 1999.
/Марничев В./ На небе не найдёшь следа // Нева, Л., 1989, № 6.
/Мерецков К.А./ На службе народу. 2-е изд. М.: Политиздат, 1971.
/Микоян А.И/ Так было. М.: Вагриус, 1999.
/Муранов А.И., Звягинцев В.Е./ Досье на маршала. М.: Андреевский флаг, 1996.
/Мусафирова О./ Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия. Интервью с С.Л. Берией // Комсомольская правда, 1997, 26 декабря.
/Мюллер-Гиллебранд Б./ Сухопутная армия Германии. 1933-1945гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1976.
Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: Терра, 1993.
/Некрасов В.Ф./ Тринадцать "железных" наркомов. История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова 1917-1982. М.: Вёрсты, 1995.
Обзор материалов о банддвижении на территории бывшей ЧИАССР // Кавказские орлы (Библиотека альманаха шпион. Вып. 1. М., 1993).
/Окуневская Т.К./ Татьянин день. М.: Вагриус, 1998.
"Очень высоко ценит т. Берия". Записка И.П. Павлуновского И.В. Сталин. "О т. Берия" // Источник, 1996, № 3.
/Пестов С.В./ Бомба: Тайны и страсти атомной преисподней. СПб.: Шанс, 1995.
/Петров Н.В., Скорин К.Вы/ Кто руководил НКВД 1934-1941: Справочник. М.: Звенья, 1999
Приказы и директивы наркома ВМФ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997.
/Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А./ (/Алексеев/.). Измена Родине. М.: Стрелец, 1995.
Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 - февраль 1956. М.: М. "Демократия", 2000.
Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001.
/Сахаров А.Д./ Воспоминания. Т. 1-2. М.: Права человека, 1996.

/Семиряга М.И./ Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
/Симонов К.М./ Глазами человека моего поколения. М.: Новости, 1989.
/Слово товарищу Сталину / Сост. Р. Косолапов. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2002.
/Смирнов Ю./ Сталин и атомная бомба // Сталин. М.: Новатор, 1997.
/Соколов Б.В./ Наркомы страха. Ягода. Ежов. Берия. Абакумов. М.: АСТ-Пресс, 2001.
/Соколов Б.В./ Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000.
/Столяров К.А./ Палачи и жертвы. М.: Олма-пресс, 1997.
/Судоплатов А.П./ Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Т. 1, 2. М.: Современник; Олма-Пресс, 1998.
/Судоплатов П.А./ Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930-1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997.
/Сухомлинов А.В./ Кто вы, Лаврентий Берия?: Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.
/Трехсвятский А./ Дело Люшкова // Россия и АТР, Владивосток, 1998, № 1.
/Хлевнюк О.В./ Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.
/Хрущёв Н.С./ Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.
Чеченцы и ингуши // Шпион, М., 1993, №№ 1, 2.
/Чиков В., Керн Г./ Охота за атомной бомбой. Досье КГБ № 13676. М.: Вече; АРИА АиФ, 2001.
/Шабаев А.А./ Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Выпи. 3. М., 1998.
/Штеменко С.М./ Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968.
Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941-1942 годах. Публикация А.И. Кокурина // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.
/Яковлев Н.Д./ Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981.
Khrushchev Remembers / Translated by Strobяe Talbot. N. Y.: Bantam Book, 1971.
Wittlin Th. Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavчlovich Beria. N. Y. - Toronto: The Macmillan Company - Collier-Macmillan Canada Ltd, 1972.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАЙНА НАРКОМА ВАННИКОВА

Лично в руки

Тов. Г.М. Маленкову

И.И. Нечаева, проживающего Москва 130, Новоподмосковный 34, кв. 2; ст. инженер з-да п/я 4111 Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

В прошлом году товарищ, который беседовал со мной в кабинете тов. Зуева по поводу дела Берия, задал мне, между прочим, вопрос, не выезжал ли в 20-м году вместе с Берия в меньшевистскую Грузию и т. Ванников Б.Л.

Вопрос этот как-то против моей воли заставил меня обернуться к обстоятельствам моей совместной работы с т. Б.Л. Ванниковым. С течением времени, обстоятельно анализируя все факты наших прежних отношений, я пришел к выводу, что многое в них неясно, сомнительно и что я не имею права держать все эти сомнения при себе, хотя и отлично понимаю, что речь идет об ответственном товарище, пользующемся высоким доверием партии. То обстоятельство, что я являюсь единственным человеком, который мог знать об этих фактах, а мне уже все же 54 года, да и здоровье не блестящее.

Вот почему я и изложил свои сомнения устно т. Зуеву, а сейчас, по его просьбе, излагаю их письменно.

К этому меня побудило следующее обстоятельство.

У меня есть знакомый. Некто Гордин Александр Наумович. Он проживает в Москве по адресу: Б. Коммунистическая, д. № 24 кв. 84, личный телефон Ж2-02-99. Сам он бакинец. Будучи как-то у меня, Гордин в беседе, между прочим, сказал мне, что мать Ванникова до установления в Баку советской власти содержала там дом терпимости. И тогда только я понял, что, доверяя в свое время Ванникову ответственную работу, фактически открыв ему семафор на наш советский путь, я не был даже осведомлен в полной мере о его биографических данных. Правда, тогда все было проще, но факт этот еще убедительнее подсказал мне необходимость поделиться с Вами теми сомнениями, которые постепенно стали мною овладевать по поводу личности т. Ванникова, тем паче, что я знал о том, что Ванников работал в последние годы (с 1940 г. и позже) под непосредственным руководством Берия, о котором он знал по крайней мере все то, что знал я, и историю с его "провалом" в меньшевистской Грузии и с опубликованием в меньшевистской печати наших секретных документов.

После советизации Азербайджана в 1920 г., деятельность главной резидентуры военного командования на Ближнем Востоке, которую возглавлял тогда я, была, естественно, сосредоточена в первую очередь на меньшевистской Грузию и дашнакской Армении. Тыловая база была в Баку. Нужно было организовать на границе технику для переотправки в ту и другую сторону наших людей. Это дело и было мною поручено Б.Л. Ванникову. Должен сказать, что сколько я ни пытался восстановить в памяти конкретные обстоятельства, при которых Ванников включился в нашу группу - мне это сделать не удалось. Хорошо помню только, что он не входил в число кадровых наших людей, прибывших из штаба фронта, т. е. что включился он в нашу работу уже в Баку после установления там советской власти. Помню, что он информировал меня, что учился в Тифлисском политехникуме, кажется, на 3-м курсе, откуда должен был выехать в Баку, преследуемый грузинской охранкой. Кажется таки Направили его ко мне, если не ошибаюсь, из ЦК Азербайджанской компартии. Где-то я проверял данные о нем, получил самые хорошие характеристики, оформил его личное дело через Разведуправление Кавфронта, откуда тоже никаких компрометирующих его данных не поступило. За весь период работы в качестве начальника передаточного пункта т. Ванников, как мне тогда казалось, проявил себя ус самой лучшей стороны, блестяще организовал дело, помогал в вербовочной работе и поэтому пользовался полным моим доверием, которое утвердилось до

последнего года, когда многое в свете прошедших лет стало мною критически переоцениваться, особенно после дела Берия.

Какие же факты прошлой нашей советской работы, кроме сказанного, посеяли у меня в душе сомнения касательно личности т. Ванникова?

Первый факт. В нашей кадровой группе была такая Ольга (Валентина) Легашева. Прекрасный идейный человек, студентка 1-го курса Саратовского университета; член партии. Ванников знал, что она была мне особенно близка и благодаря обаятельной чистоте ее личности и, главным образом, вследствие безусловной преданности ее нашему делу. Я берег ее для серьезных заданий. И вот когда настала пора ей ехать в Грузию, при переходе границы проводник, посланный с нею т. Ванниковым, вывел ее на секрет грузинской стражи и она была застрелена. Помню, что Ванникову было поручено лично руководить переотправкой Легашевой. Потом он объяснял эту катастрофу тем, что не оказалось из надежных проводников в тот момент никого и пришлось Легашеву поручить случайному проводнику. Доверие к Ванникову и то, что провалы в нашей работе считались в то время обычным явлением, - привели к тому, что этот случай не вызвал у меня подозрений.

Второй факт. В нашей же кадровой группе был некто Никаноренко. Тоже член партии, военком батальона, безусловно проверенный и преданный нам товарищ. Он переотправлялся тоже через Ванникова, если не ошибаюсь, в Батум. С момента перехода им границы больше никаких известий о нем не было. Впоследствии до меня дошли непроверенные слухи, что Никаноренко был схвачен меньшевистской охранкой, передан англичанам в Батум и "выслан" на Мальту.

Третий факт. Точно такая же участь постигла и т. Лобанова. Он - тоже член партии, окончил одновременно со мной саратовские курсы комсостава в 1919 г. Входил в кадровую группу.

Четвертый факт. Из разведупра фронта прислали к нам т. Павлова. Военком бригады, боевой, самоотверженный товарищ, он был намечен мною резидентом в Кутаис. Для лучшей легализации его решено было "женить" на грузинке. Долго и тщетно искали мы подходящую кандидатуру. Я поручил Ванникову связаться с начальником Особого отдела XI армии Панкратовым и выяснить, нет ли у него подходящего человека. Вскоре он представил мне некую Ксению Рамишвили, якобы члена партии с 1917 г., проверенную (опять-таки со слов Ванникова) на секретной работе в Особом отделе, уроженку (якобы) гор. Кутаиса. С ней мы и спарили Павлова, о котором с тех пор, как и о Лобанове и Никаноренко, никаких сведений больше не поступало. Видимо, он был предан. А с Ксенией Рмамишвили я еще встретился позже. Нужно добавить, что впоследствии до меня дошли слухи, что Панкратов оказался троцкистом, почему я и считал все годы, что Панкратов, имея со мной личные счеты, сознательно заслан ко мне провокатором. Но теперь я в таком своем суждении не уверен.

Пятый факт. После ареста грузинской охранкой Ванникова (о чем позже) я выехал через горы в Тифлис. Проводников мне дал некто Иньдрым, в то время известный в Баку. По прибытии в Тифлис я был вскоре арестован охранкой. Когда меня привели в Особый отряд, я увидел там упомянутую выше Ксению Рамишвили с 2-мя георгиевскими крестами и с наганом (не исключено, что она была родственницей

министра внутренних дел Грузии Ноя Рамишвили. - /Б. С./). Здесь она уже открыто фигурировала как сотрудник грузинской охранки.

Факт шестой. Ванников часто наталкивал меня на мысль, что ему надо побывать в Грузии, проверить, как работает его техника. После установления дипломатических отношений с меньшевистской Грузией я дал согласие на его выезд в Тифлис. Как он сам мне рассказывал, при проверке документов в поезде перед Тифлисом его арестовали. В Особом отряде его допрашивали, пытали, избили, но он остался цел. Следов избиения, после встречи с ним, я не увидел. Вот только точно не помню, как он вернулся, кажется был, после вмешательства С.М. Кирова, выслан вместе со мной из пределов Грузии в Баку.

Факт седьмой. В 1920 г., во время Съезда народов Востока, Ванников по своей инициативе взял на себя технику переотправки на съезд прибывающих нелегально из-за рубежа делегатов. Как известно, на съезде, в числе делегатов, как потом выяснилось, было много английских агентов.

Факт восьмой. После Съезда народов Востока Ванников рекомендовал мне некоего Вели Ибрагимова. Данные о нем были такие: член партии с 1905 г., наборщик, участник восстания Шмидта, проверенный человек, хорошо владеет турецким языком. Я его наметил резидентом в Константинополь. Как выяснилось впоследствии, Ибрагимов связался с ЦК Турецкой компартии, отправлявшимся тоже в Константинополь (или в Анкару - точно не помню), выдал 13 человек ЦК кемалистам, а сам инсценировал бегство с поломанной ногой и высадкой где-то около Новороссийска, заявившись ко мне в Ростов. (когда кончилась эпопея в Закавказье). Впоследствии Вели Ибрагимов, будучи председателем Крымского ЦИКа, был разоблачен как панисламист и злейший враг нашей родины.

Факт девятый. Еще в Баку, если не ошибаюсь, после начала боев за установление Советской власти в Грузии, а может быть и после советизации Грузии (точно не помню), Ванников стал усиленно просить меня отпустить его в Москву для продолжения образования. Смутно воспоминаю конкретную обстановку этих разговоров. Мне кажется, что просьбы эти были особо настойчивы и нервозны. Я отпустил его. В 1924 г. в Москве я встретил его уже как работника Рабкрина.

Дальнейший путь Ванникова известен. Следует обратить внимание, что ни в одном случае, при провалах наших людей, меньшевикам (т. е. - англичанам) не доставались наши секретные документы. Только в случае с Берия они опубликовали подробности нашей разведработы и фотокопии секретных удостоверений.

Вот что я хотел сделать Вашим достоянием. Если приводимые мною факты, по крайней мере, те из них, которые я смог восстановить в памяти, являются лишь плодом напрасной и необоснованной подозрительности, - отбросьте их. Но, при наличии их, я не считаю свой горизонт достаточным для всесторонней оценки личности т. Б.Л. Ванникова.

И.И. Нечаев

14.07.54".

На приложенной к письму бумаге рукой помощника Г.М. Маленкова Д.Н. Суханова написано:

"Доложено тов. Маленкову Г.М. 16. VII. 54у 17. VII. 54 ознакомлен тов. Руденко Р.А. Суханов, 19. VII" (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 35, л. 108-113).

Как знать, не проведал ли об этой тайне Ванникова Берия. Насчет сомнительных связей с меньшевиками и другими антибольшевистскими партиями, тут, конечно, дело темное. Можно и так повернуть, и эдак. Ведь и сам Лаврентий Павлович когда-то служил в мусаватистской контрразведке. А вот прошлое матери Ванникова легко было проверить по закавказским архивам. И если сообщавшиеся в письме Нечаева сведения о ее причастности к торговле "живым товаром" соответствовали действительности, то Ванникова при желании всегда можно было обвинить в сокрытии неподходящего социального происхождения (на чем, в том числе, погорел Г.М. Штерн).

В принципе такие факты, как знакомство с панисламистом В. Ибрагимовым, арест Ванникова грузинской контрразведкой или наличие среди делегатов съезда народов Востока, переправкой которых занимался Борис Львович (а на съезде британские агенты наверняка были, иначе бы "Сикрет Интеллидженс Сервис" даром бы ела свой хлеб!), элементарно можно было интерпретировать как шпионаж в пользу Англии и расстрелять Ванникова вместе с Берией. Но никто не собирался делать из бывшего начальника Первого Главного управления и нынешнего первого заместителя министра среднего машиностроения "заговорщика" и "буржуазного перерожденца". Ванников благополучно дожил до урны в Кремлевской стене.

"СМЕРШ" БЕЗ КАРНАВАЛЬНОЙ МАСКИ

В художественной литературе и документальных работах, вышедших из-под пера отставных чекистов, "СМЕРШ" встаёт грозной и эффективной организацией, поставившей надежный заслон германским шпионам и диверсантам. Все мы хорошо помним роман Владимира Богомолова "В августе сорок четвёртого...", где бравые и благородные контрразведчики во главе с капитаном Алёхиным ловко скручивают неприятельскую разведгруппу. А заодно эти душевные офицеры - настоящие профессионалы помогают стать на правильный путь людям, случайно попавшим в сети германских спецслужб или невольно ставших пособниками врага.

Нет, военная контрразведка работала совсем не так, как показано в талантливом романе Богомолова - гимне доблестным контрразведчикам. Чем на самом деле занимались "смершевцы", можно узнать из приказа № 0089, изданного наркомом обороны товарищем Сталиным 31 мая 1943 года. Незадолго перед этим, в апреле, органы военной контрразведки перешли в его ведение, став частью наркомата обороны, и Иосиф Виссарионович решил немного припугнуть новых подчинённых, чтобы не слишком увлекались самодеятельностью. Благо и повод хороший нашёлся для этого - письмо командующего действовавшей в Карелии 7-й Отдельной армии генерал-лейтенанта А.Н. Крутикова. Алексей Николаевич, очевидно, не ладил со своим особым отделом. А тут как раз, в конце апреля, получил очередное звание. По всей вероятности, Крутиков решил, что Сталин к нему благоволит. И поскольку контрразведка теперь - часть наркомата

обороны, значит, горячо любимому вождю сам Бог велел навести порядок в этом хозяйстве.

Генерал не ошибся. Сталинский приказ обрушил суровые кары на горе-контрразведчиков: "Проверкой работы Особого отдела 7-й Отдельной Армии вскрыла отдельные факты извращений и преступных ошибок в следственной работе Особого отдела 7-й Отдельной Армии

Приказываю:

За извращение в следственной работе заместителя начальника Особого отдела 7-й Отдельной Армии, начальника следственной части подполковника Керзона и старшего следователя Ильяйнена уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого совещания к 5 годам лагерей.

За преступные ошибки в следственной работе следователей Седогина, Изотова и Соловьёва уволить из органов контрразведки ли направить их в штрафной батальон при Начальнике Тыла Красной Армии.

Начальнику Особого отдела 7-й Отдельной Армии т. Добровольскому за отсутствие контроля за работой следственной части, в результате чего в следственной части имели место грубые ошибки и извращения, - объявить выговор с предупреждением.

Помощника прокурора Армии майора юстиции Васильева за плохое осуществление прокурорского надзора за следствием в Особом отделе снять с работы с понижением в должности и звании и направить в распоряжение Главного Военного Прокурора Красной Армии.

Военному прокурору армии полковнику юстиции Герасимову за самоустранение от надзора и за отсутствие контроля за работой своих помощников - объявить выговор с предупреждением".

Основанием для приказа стал доклад секретаря ЦК ВКП(б) и начальника ГлавПУРа А.С. Щербакова, по поручению Сталина проверявшего деятельность Особого отдела 7-й Отдельной Армии. Картина вскрылась весьма неприглядная. 22 мая 1943 года Александр Сергеевич сообщал наркому обороны о том, что удалось установить:

"1. Военный Совет 7-й Отдельной Армии взял под сомнение правильность обвинений Никулина и Шведова в шпионаже. По материалам следствия, проведённого Особым отделом Армии, дело рисовалось следующим образом:

Резидент немецкой разведки Никулин, снабжённый немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной Армии - вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т. д. Никулин имел в своём распоряжении агентов-связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной Армии младшего лейтенанта Шведова.

Проверка этого дела дала следующие результаты:

Никулин И.А., 1910 года рождения, служил в Красной Армии в 1939 году, участвовал в боях с белофиннами, был ранен, после чего признан негодным к военной службе. Никулин совершенно неграмотный (умеет только расписываться), работал до войны и во время войны плотником Тихвинской лесобиржи. Четыре брата Никулина служат в Красной Армии. Во время оккупации Никулин полтора месяца проживал на

территории, занятой немцами. Со Шведовым Никулин познакомился в то время, когда воинская часть, в которой состоял Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

По материалам следствия, как агент-связист, завербованный Никулиным, проходит Иванова Екатерина, 15 лет. Три брата и сестра Ивановой служат в Красной Армии.

Младший лейтенант Шведов, после нескольких недель знакомства с Никулиным, уехал вместе со своей частью на Волховский фронт, под Синявино, откуда и дезертировал. Шведов был задержан Особым Отделом 7-й Армии, ему первоначально было предъявлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской работе и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

На допросе мне и товарищу Абакумову Шведов заявил, что после того, как следователь Ильяйнен потребовал от него назвать сообщников, он, Шведов, назвал двух красноармейцев из взвода, которым он командовал. Но Ильяйнен отклонил этих людей и потребовал назвать других лиц. После этого Шведов оговорил Никулина (поскольку часть Шведова только что прибыла на фронт, солдаты-новобранцы, ранее не воевавшие, на роль немецких резидентов никак не годились; другое дело - побывавший под оккупацией Никулин. - /Б. С./).

Будучи арестованным, Никулин ни в чём себя виновным не признавал, после пребывания в карцере признал себя виновным в шпионаже.

Расследованием установлено, что объективных фактов для обвинения Никулина и Шведова в шпионаже нет. Так, например, неграмотному во всех отношениях Никулину, проживающему в глухой деревушке немцами якобы были даны следующие задания:

"Я должен был собирать сведения:

О расположении, количественном составе и вооружении пехотных, артиллерийских, миномётных, автобронетанковых, сапёрных, инженерных, специальных и тыловых частей Красной Армии.

О дислокации штабов воинских частей и соединений.

О расположении складов с боеприпасами, вооружением, взрывчатыми веществами, продовольствием, фуражом, горюче-смазочными материалами и другим военным имуществом.

О расположении и составе оборонительных сооружений.

О расположении аэродромов и количестве самолётов на них.

О расположении средств ПВО.

О состоянии дорог и интенсивности движения по ним.

О строительстве новых дорог.

О политико-моральном состоянии личного состава частей Красной Армии и гражданского населения.

Наряду со сбором шпионских сведений, офицер поручил мне совершать диверсионные акты, организовывать взрывы мостов, поджигать воинские склады и советские учреждения".

Эта часть показаний Никулина была целиком и полностью написана старшим следователем Ильяйненом, а едва умеющий расписываться Никулин подписал такой протокол допроса (резиденту полагалась бы радиостанция, но её требовалось ещё где-то найти, да ли делать из

неграмотного инвалида радиста "смершевцы" всё-таки поостереглись. - /Б. С./).

Особый отдел Армии имел полную возможность проверить деятельность "связиста" Ивановой Екатерины. Однако Иванова Екатерина не только не была арестована, но не была и допрошена, хотя для этого была полная возможность, так как она продолжала жить безвыездно в том же самом месте (всё-таки следователь Ильяйнен не был совсем уж бездушным человеком и не стал губить несовершеннолетнюю девушку, которую силой собственного воображения произвёл во вражеского агента-связника. - /Б. С./). Расследованием установлено, что Иванова Екатерина заданий от Никулина по шпионажу не получала и линию фронта не переходила.

Особый отдел имел полную возможность выяснить, как попали к Никулину пистолет и гранаты. Расследованием, как попало к Никулину оружие, установлено: брат Екатерины Ивановой - мальчик 13 лет - однажды сказал Никулину, что у него имеются трофейные гранаты и пистолет (прямо как в хите "чёрного юмора": "Вовочка в поле гранату нашёл..." - /Б. С./). Никулин отобрал оружие у мальчика Иванова, пистолет Никулин отдал Шведову за хлеб, а гранаты использовал для глушения и ловли рыбы. Работники Особого отдела вопрос о происхождении оружия могли бы легко выяснить, вызвав и опросив мальчика Иванова - брата Ивановой Екатерины. Этого также сделано не было. Так в результате недобросовестного отношения к следствию было создано обвинение Никулина и Шведова в шпионаже.

Шведова надо было арестовать и судить как дезертира. Никулин виноват в незаконном хранении и несдаче трофейного оружия, но фактов и материалов для обвинения его в шпионаже не было. Военный трибунал 7-й Отдельной Армии отклонил обвинение в шпионаже.

Следственное дело Никулина и Шведова вёл ст. следователь Особого отдела Ильяйнен, по национальности финн. Ильяйнен ранее работал в органах НКВД и был уволен.

Непосредственное руководство следствием и активное участие в нём принимал заместитель начальника Особого отдела 7-й Отдельной армии Керзон. Керзон с 1929 года по 1938 год работал в органах НКВД. В 1938 году он был арестован по подозрению в причастности к контрреволюционной организации. Затем был признан невиновным и с 1939 года вновь работает в органах НКВД.

Ильяйнен и Керзон являются виновными в недобросовестном ведении следствия в отношении Никулина и Шведова.

Аналогичным делу Никулина и Шведова является дело по обвинению в шпионаже Ефимова.

Красноармеец Ефимов 29 ноября 1942 года был вызван следователем Особого отдела на допрос в качестве свидетеля. На допросе Ефимов рассказал следователю Особого отдела, что он, Ефимов, в 1941 году был в плену у немцев и оттуда бежал. Это вызвало подозрение и, по существу, явилось основанием для его задержания. 30 ноября Ефимов на допросе признался в шпионской деятельности.

Анализ следственных материалов показал, что следствие по делу Ефимова проведено крайне поверхностно и недобросовестно. Все обвинения построены только на признании самого подсудимого. Причём все эти признания пестрят противоречиями и неправдоподобностями.

Особый отдел имел полную возможность проверить личность Ефимова и собрать о нём более глубокий материал. Однако этого сделано не было. Единственным объективным доказательством виновности Ефимова является его сдача, будучи в окружении, в плен в сентябре месяце 1941 года и пребывание на территории, оккупированной немцами. После возвращения Ефимова из плена и освобождения Красной Армией территории, на которой проживал Ефимов (Торопецкий район), он вновь, после проверки его в лагерях НКВД, был призван в ряды Красной Армии, где и служил в течение 8 месяцев.

В результате категорического отказа Ефимова на заседании Военного трибунала 30 апреля 1943 года от своих показаний и отсутствия в деле каких-либо других материалов, свидетельствующих о его виновности, Ефимов был оправдан.

Для проверки поведения Ефимова в период проживания его на оккупированной территории, впоследствии освобождённой Красной Армией, в Торопецкий район Калининской области были командированы старший инспектор Главного Политического Управления РККА полковник т. Долин и старший следователь Главного управления контрразведки майор т. Коваленко. Проверкой на месте (опрошены ряд лиц, знающих Ефимова) ими установлено, что Ефимов в конце декабря 1941 года явился из немецкого плена (вероятно, был отпущен домой как местный уроженец. - /Б. С./), жил всё время у отца, из деревни никуда не отлучался, за время пребывания немцев в этом районе связи и общения с ними не имел, антисоветской агитации не вёл и никого из советских активистов не предавал. Между тем, по материалам следствия, дело рисовалось таким образом, что Ефимов, проживая в Торопецком районе, якобы был близко связан с немцами, пьянствовал с ними в ресторане (интересно, куда фантазия контрразведчиков поместила этот ресторан? неужели в глухую калининскую деревню, остававшуюся к тому же в прифронтовой полосе?/ - Б. С./), выдал немцам жену политрука Никифорову Марию и вёл среди населения антисоветскую агитацию.

Виновными в создании бездоказательного обвинения Ефимова в шпионаже является старший следователь Особого отдела армии капитан Седогин и начальник следственной части, он же заместитель начальника Особого отдела армии подполковник Керзон.

После дела Никулина, Шведова и дела Ефимова Военный Трибунал 7-й армии и его председатель т. Севостьянов стали выражать сомнение в правильности проведения следствия в отношении ряда людей, которые уже прошли через трибунал и осуждены трибуналом за шпионаж. Так, Военный Трибунал стал выражать сомнение в правильности следственных материалов по обвинению в шпионаже Пышнова и Лялина, Масленникова и Никитина, Стафеева. Провести надлежащее расследование по этим делам не представляется возможным, так как осуждённые (кроме Лялина) расстрелянным.

В результате проверки всех дел по другим контрреволюционным преступлениям, приведённым в докладных записках Военного Совета и военного прокурора армии, установлено, Особыми отделами армии, при попустительстве военных прокуроров, действительно были допущены извращения в ведении следствия и нарушения советских законов. Так, например:

Красноармеец Яковлев 1923 года рождения, член ВЛКСМ, безупречно с ноября 1941 года служит в Красной Армии. 25 апреля 1942 года, совместно с другими двумя бойцами, он был вызван на допрос в качестве свидетеля к уполномоченному Особого отдела батальона т. Николаева. По дороге в Особый отдел Яковлев нашёл финскую листовку и тут же в конце допроса сдал её уполномоченному Николаеву. Этого было достаточно для того, чтобы арестовать Яковлева и начать против него следствие по обвинению в антисоветской агитации.

При ведении следствия был совершён следующий подлог. При составлении протокола обыска у Яковлева, по указанию старшего следователя Особого отдела армии капитана Изотова, листовка была занесена в протокол обыска как найденная при обыске у Яковлева. Обвинение в отношении Яковлева от начала до конца надуманное, и Военный Трибунал правильно вынес Яковлеву оправдательный приговор.

Красноармеец Гусев, 1922 года рождения, член комсомола, в декабре 1942 года Особым отделом 162 укреплённого района был арестован за систематическое проведение антисоветской агитации и изменнические намерения. Военный трибунал армии 6 марта 1943 года, разобрав дело Гусева, вынес ему оправдательный приговор. Проведённой проверкой установлено, что со стороны Гусева имели место нездоровые, политически неправильные, иногда граничащие с антисоветскими высказывания, что и дало основание Особому отделу для его ареста. Следствие же по делу было проведено недобросовестно. Конкретные факты, имевшие место в действительности, получили в материалах дела политическое обобщение, исказившее суть дела. Показания свидетелей оперуполномоченным Соловьёвым были явно извращены.

Лейтенант Григорьян, член комсомола, в Красной Армии служит с 1939 года, 26 сентября 1942 года был арестован Особым отделом 3-й морской бригады по обвинению его в оставлении поля боя, добровольной сдаче в плен и высказывании диверсионных намерений. Проверкой установлено, что Григорьян действительно в июне 1941 года, т. ел в первые дни войны, будучи послан с семью бойцами в разведку, попал под сильный огонь противника, растерялся и сдался в плен немцам. В тот же день, через 5-6 часов после пленения, он бежал из плена. По излечении после ранения, полученного во время бегства от немцев, Григорьян служил в 110-й стрелковой дивизии, участвовал в боях за Москву, был вторично ранен и по выходе из госпиталя непрерывно служит в частях 7-й Отдельной Армии. За это время неоднократно участвовал в боях, на своём боевом счету имеет более двух десятков убитых финнов и характеризуется как волевой и смелый командир. Никаких антисоветских и диверсионных высказываний и намерений со стороны Григорьяна проявлено не было, и эти обвинения являются полностью выдуманными. Дело Военным Трибуналом было прекращено, и Григорьян через 3 месяца после его ареста был освобождён.

Гвардии старшина стрелок-радист Федорцев, кандидат в члены ВКП(б), в армии служит с 1937 года, с первых дней Отечественной войны находится на фронте. За действия в финской кампании награждён орденом Красного Знамени, за Отечественную войну награждён орденом Красной Звезды. За время войны совершил 128

боевых вылетов и командиром полка характеризуется как смелый боец, готовый в любой момент выполнить задание командира полка. Особым отделом 4-го района авиабазирования 6 августа 1942 года Федорцев был арестован по обвинению в антисоветской агитации.

Проверкой установлено, что Федорцев передавал другим бойцам содержание прослушанной им по радио фашистско-белогвардейской передачи. Таким образом, основания для ареста Федоровцева были, но, учитывая его боевую работу в борьбе с немцами, военный прокурор прекратил дело Федорцева.

Факты, изложенные в докладной записке военного прокурора 7-й Отдельной Армии о привлечении без достаточных оснований к суду Косматых, Лазаренко, Королёва, Горячева, также имели место. Все перечисленные лица судом оправданы.

О том, что в некоторых соединениях 7-й Отдельной Армии отношение к арестам довольно лёгкое, свидетельствуют следующие факты. Особый отдел 272 стрелковой дивизии за первой квартал 1943 года было арестовано 15 человек и им были предъявлены обвинения в контрреволюционных преступлениях. Из 15 дел прекращено в Особом отделе 8 дел и военной прокуратурой 2 дела.

По 4-му стрелковому корпусу за второе полугодие 1942 года было арестовано 215 человек за контрреволюционные преступления. 43 человека, или 20 процентов из числа арестованных, были освобождены за недоказанностью обвинений. При этом следует отметить, что начальник Особого отдела 272 стрелковой дивизии майор Божичко на одном из совещаний заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей не видит, так как вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой (майор предпочёл не замечать, что во время подобных уроков "политического просвещения" у вызываемых поджилки тряслись. - /Б. С./).

Проверка показала, что Особые отделы в методах следствия допускают извращения и нарушения законов. В частности, Особые отделы в качестве камерной агентуры использовали лиц, уже осуждённых за шпионаж к ВМН (высшей мере наказания. - /Б. С./). Так, по делу красноармейца Горячева, обвинявшегося в проведении антисоветской агитации, после того как следствием не было собрано достаточных материалов для обвинения, - в качестве свидетеля был приглашён осуждённый 29 января 1943 года к расстрелу шпион Желудков. Этот Желудков 8 февраля 1943 года на допросе показал, что Горячев, находясь с ним вместе в камере, проводит антисоветскую агитацию. Характерно при этом, что следователь Особого отдела 4-го района авиабазирования Виноградов в протоколе допроса записал о Желудкове, что он "со слов не судим", т. е. Виноградов совершил явный подлог.

В деле Масленникова, осуждённого за шпионаж, в качестве камерного свидетеля был привлечён шпион Карнышев, приговорённый к ВМН.

О том, что такого рода камерные свидетели использовались и в других делах, свидетельствует такой факт. 2 февраля 1942 года Военный Трибунал 114 стрелковой дивизии за подготовку группового перехода на сторону врага осудил к ВМН красноармейцев Кучерявого и Гушел.. Над красноармейцами, которые проходили по этому же делу, приговор был приведён в исполнение через два дня - 4 февраля, а в

отношении Кучерявого и Гушел приговор не приводится в исполнение несколько месяцев. И когда в начале мая 1942 года Военный Совет Армии стал интересоваться - почему над этими лицами приговор не приводится в исполнение, начальник Особого отдела Армии полковник Добровольский возбудил ходатайство перед Военным Советом Армии о замене им ВМН лишением свободы за разоблачение ими других лиц.

В практике работы Особого отдела армии имели место факты, когда подсудимых, перед отправлением на судебное заседание, вызывали в следственную часть для дачи указаний, чтобы они показывали на суде то, что показывали на следствии в Особом отделе. Это подтвердил старший следователь Особого отдела Ильяйнен, который признал, что по приказу Керзона подсудимых перед судом вызывали в следственную часть и там инструктировали, как вести себя на суде. Подполковник Керзон сначала отрицал эти факты, затем заявил, что, может быть, такие факты и были, но он об этом не был осведомлён, а потом признал, что вызов подсудимых в следственную часть проводился, но якобы с целью инструктажа конвоя, хотя известно, что инструктаж конвоя проводит начальник камеры предварительного заключения.

В практике работы Особого отдела имели место факты назойливого и ненужного присутствия следователей Особого отдела Армии на судебном заседании. Приведённый в донесении командующего 7 Отдельной армией генерал-майора Крутикова (донесение, очевидно, поступило в апреле, так как уже в конце этого месяца Крутикову было присвоено звание генерал-лейтенанта. - /Б. С./) факты удаления старшего следователя Ильяйнена из суда при слушании дела Шведова и Никулина и посылки после этого писаря следственной части Карначева на суд в качестве конвоира - соответствует действительности. Сделано это было по приказу заместителя начальника Особого отдела Армии подполковника Керзона.

Факт угощения папиросами подсудимых в перерывах судебного заседания подполковник Керзон отрицает. Старший следователь Особого отдела Некрашевич заявил, что один раз он угощал подсудимых папиросами. Секретарь Военного Трибунала Зайцев утверждает, что делал это систематически старший следователь Некрашевич и дважды - подполковник Керзон".

Общий вывод, к которому пришёл Щербаков в своём докладе, сводился к следующему: "Донесение на Ваше (Сталина. - /Б. С./) имя командующего 7-й Отдельной Армией генерал-майора Крутикова в части, касающейся конкретных фактов извращений в работе Особого отдела Армии - в основном правильно. Что касается обобщений, имеющихся в донесении, то они являются неправильными.

Проверка показала, что по ряду шпионских дел обвинения были построены только на признаниях самих подсудимых. Однако сделанное с донесении командующего обобщение о том, что общей чертой большинства шпионских дел являлось полное отсутствие объективных доказательств и что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены на признании самих подсудимых - является неправильным. Особый отдел 7-й Отдельной армии в общем проделал значительную работу по разоблачению немецкой и финской агентуры, и утверждать, что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены только на признании самих подсудимых - неправильно.

Обобщение, сделанное в донесении командарма 7-й Отдельной Армии о том, что органы следствия не принимают мер к розыску и аресту резидентов иностранных разведок, - не точно. Так, из 30 агентов и резидентов, прошедших по показаниям подсудимых за 1942-1943 годы - 5 разыскано и осуждено к ВМН (интересно, сколько среди них было таких, как Никулин?/ - Б. С./).

Таким образом, проверка работы Особого отдела 7-й Отдельной Армии показала, что в работе Особого отдела армии и Особых отделов соединений имели место крупные и серьёзные недостатки, а также извращения Конкретными виновниками являются:

Заместитель начальника Особого отдела 7-й Отдельной Армии, он же начальник следственной части - подполковник Керзон.

Старший следователь Особого отдела Армии старший лейтенант Ильяйнен, по национальности финн (очевидно, по мнению начальника ГлавПУРа, национальность усугубляла вину следователя. - /Б. С./).

Старший следователь Особого Отдела армии капитан Седогин (у этого хоть с национальностью было всё в порядке. - /Б. С./).

Следователь Особого отдела 162-го укрепрайона капитан Изотов.

Оперуполномоченный Особого отдела 162-го укрепрайона Соловьёв.

При этом установлено, что если ошибки в работе таких людей, как Седогин, Изотов, Соловьёв, Николаев (убит), могли явиться результатом неопытности и являются действительно следственными ошибками, то ошибки в работе Керзона и Ильяйнена являются извращениями, продиктованными карьеристическими соображениями. В этом особенно убедило меня нечестное поведение Керзона. По делу Никулина и Шведова - Керзон заявил мне, что его "подвёл следователь", что Никулина он допрашивал много раз. Керзон вначале говорил, что обвиняемых для инструктажа в следственную часть не вызывали, потом сказал, что вызывали, но что это делали следователи без его ведома и т. д. Таким образом, Керзон врёт и запирается в мелочах, а после этого трудно ему верить и в более серьёзных делах.

Начальник Особого отдела 7-й Отдельной Армии полковник Добровольский плохо контролировал следствие и слишком многое передоверил Керзону.

Следует отметить, что при расследовании материалов Военного Совета Армии некоторые работники Особых отделов или отрицали уже установленные факты, или их всячески смягчали и смазывали остроту, придерживаясь принципа "не выносить сор из избы". Даже начальник Особого отдела т. Добровольский заявил: "И зачем надо было беспокоить товарища Сталина, сказали бы мне, все бы на месте исправили и устранили".

Надо отметить ещё один принципиальный недостаток в работе карательных органов 7-й Отдельной Армии - это фактически отсутствие прокурорского надзора за следствием со стороны военного прокурора полковника юстиции Герасимова и его помощника майора юстиции Васильева. Герасимов самоустранился от надзора, свалив эту деятельность на своего помощника Васильева. Васильев же, а также прокуроры соединений в значительной мере штамповали обвинительные заключения, не входя в суть вопроса.

В работе Военных Трибуналов имела место перестраховка, боязнь взять на себя всю полноту ответственности (за оправдание лиц, подозреваемых в шпионаже и других контрреволюционных

преступлениях. - /Б. С./) при рассмотрении дел. Доказательством этого является большое количество неутверждённых приговоров Военных трибуналов командирами соединений, Военным Советом и Военной Коллегией. Так, за 1942-1943 годы из 1529 приговоров к ВМН - 577 приговоров, или 37 процентов - ВМН заменена лишением свободы. Во многих случаях эти изменения явились результатом фактического помилования осуждённых, но в ряде случаев эти изменения явились результатом несогласия по существу дела. Среди работников Особых отделов (ныне "СМЕРШ") много неопытных, малограмотных людей. Этот недостаток следует поправить переводом нескольких тысяч политработников в органы контрразведки".

В заключение Щербаков предложил проект приказа, который Сталин и издал от своего имени, предварительно внеся в текст некоторые коррективы. Начальник ГлавПУРа считал, что Седогина, Изотова и Соловьёва надо в наказание направить в действующую армию. Иосиф Виссарионович действующую армию заменил на штрафной батальон при Начальнике Тыла Красной Армии. Ведь бывшие следователи Особых отделов считались носителями совершенно секретной информации и на фронте могли попасть в плен или, того хуже, перебежать к врагу. По этой же причине Керзона и Ильяйнена отправили не в штрафной батальон, да в ГУЛАГ. В составе же тылового штрафного батальона осуждённым особистам скорее всего пришлось заниматься такой опасной работой, как разминирование минных полей и разборкой завалов, образовавшихся после бомбёжек.

Иосиф Виссарионович не утвердил также предложение перевести Добровольского и Герасимова в другую Армию, зато вынес им не просто выговор, а выговор с предупреждением. Была ужесточена и мера наказания майору Васильеву. Его Сталин решил снизить не только в должности, как предлагал Щербаков, но и в звании.

Бросается в глаза, что за безобразия, творившиеся в Особых отделах 7-й Отдельной армии, были наказаны только люди, занимавшие второстепенные должности, в сущности - стрелочники. Главные начальники, Добровольский и Герасимов, отделались, в сущности, лёгким испугом. Председатель же трибунала армии Савостьянов, послушно проштамповавший сотни сомнительных приговоров, в тексте приказа и вовсе не упоминался. А ведь он вынес оправдательный приговор красноармейцу Ефимову и выразил сомнение в доказанности обвинений по нескольким ранее рассмотренным шпионским делам только после того, как командующий армией генерал Крутиков направил донесение Сталину о непорядках в работе Особых отделов. В противном случае Севостьянов продолжал бы вместе с Особым отделом обрекать на смерть невинных людей.

Но Сталина судебные инстанции и правовые нормы вообще волновали мало. Неслучайно в приказе от 31 мая 1943 года приговор Керзону и Ильяйнену был прямо предрешён. Особому совещанию прямо предписывалось осудить их на пять лет лагерей ещё до всякого рассмотрения дела. Главными виновниками происшедшего Сталин и Щербаков решили сделать людей с иностранными фамилиями (может, подозревали подполковника Керзона в родстве со знаменитым лордом Керзона?). Это тоже не было случайностью. Именно в годы Великой Отечественной войны, а особенно после Сталинградской победы, закладывались основы будущей компании по борьбе с

"космополитизмом". Тот же Щербакову ещё 17 августа 1942 года получил записку начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, где выражалось беспокойство по поводу того, что "в управлениях Комитета по делам искусств во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры, руководящий состав целиком нерусский... Такая же картина и в Московской государственной консерватории, где директор - Гольденвейзер, а его заместитель - Столяров (еврей). Все основные кафедры консерватории возглавляют евреи... Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своём репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов". Георгий Фёдорович предлагал "разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров" и "провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства". В рамках этого обновления 19 ноября, в день начала советского контрнаступления под Сталинградом, было заменено руководство Московской консерватории. "Космополита" Гольденвейзера сменил "славянин" Шебалин. А 24 октября на имя Щербакова поступило предложение председателя Комитета по делам кинематографии И.Г. Большакова не утверждать на роль "русской княгини Ефросиньи" в фильме Сергея Эйзенштейна "Иван Грозный" актрису Фаину Раневскую, поскольку "семитские черты у Раневской особенно ярко выступают, особенно на крупных планах". И ведь не утвердили! Правда, по иронии судьбы, заменили Раневскую на актрису, также не отличавшуюся "расовой чистотой" - Серафиму Бирман. В июле 1943 года поста главного редактора "Красной Звезды" лишился Д.И. Ортенберг, которому несколькими месяцами раньше Щербаков выговаривал за то, что в редакции "слишком много евреев", и потребовал их число немедленно сократить. Давида Иосифовича не спасла даже дружба с Мехлисом.

Поэтому неудивительно, что из Керзона и Ильяйнена сделали "козлов отпущения". Это вполне вписывалось в рамки одобренной Сталиным политики.

В приказе Сталина ничего не говорилось о конкретных методах ведения следствия, практиковавшихся "СМЕРШем". Он и Щербаков прекрасно знали, что иными методами люди Абакумова работать просто не умеют. Начальник ГлавПУРа также прекрасно понимал, что на самом деле в своих обобщениях командарм Крутиков совершенно прав, но твёрдо придерживался старого партийного принципа - нельзя обобщать "нетипичные явления", а проще говоря, те, которые шли вразрез с марксистско-ленинской теорией и взглядами Сталина. Если признать, что органы контрразведки 7-й армии с начала войны так и не поймали ни одного шпиона, придётся или ликвидировать, или коренным образом менять всю систему органов контрразведки, которая сама - плоть от плоти и кровь от крови советской партийно-государственной системы. А покушения на устои ни Александр

Сергеевич, они Иосиф Виссарионович допустить мне могли. Напротив, Абакумов, с самого начала войны руководивший столь бесславной работой Особых отделов, на некоторое время стал одним из сталинских фаворитов и после войны возглавил Министерство государственной безопасности.

Если внимательно проанализировать доклад Щербакова, неизбежно приходишь к выводу - генерал Крутиков был прав в своём выводе, что подавляющее большинство дел о шпионаже было фальсифицировано Особыми отделами армии. Если хотя бы по некоторым из этих дел имелись объективные доказательства вины осуждённых, а не только их собственные признания, начальник "ГлавПУРа" не преминул бы привести их в своём докладе. Что могло служить доказательством шпионской и диверсионной деятельности? Это, прежде всего, радиостанции, шифровальные блокноты, записи, содержащие разведывательную информацию, а также взрывчатка. Хотя, как это было в случае с Никулиным, взрывчатка могла предназначаться для глушения рыбы, а не для подрыва мостов. Неслучайно Керзон и Ильяйнен так ухватились за найденный у Шведова трофейный пистолет - появилась возможность хоть таким образом связать его и Никулина с немецкой разведкой. На худой конец, неприятельские разведгруппы могут быть задержаны при попытке перейти линию фронта. Но и этого рода фактов в докладе Щербакова нет. Очевидно, подавляющее большинство шпионских дел в 7-й армии фабриковали точно так же, как и дела Шведова, Никулина, Ефимова и Масленникова. Только проверить обоснованность обвинений уже не было возможности - подсудимых успели расстрелять.

Метод, когда приговорённых к смерти подсаживали в качестве "наседок" к подследственным, от которых нужно было получить признательные показания, безусловно, не является изобретением особистов 7-й Отдельной Армии и даже НКВД в целом. Он стар как мир. Если кто смотрел гениальный фильм венгерского режиссера Миклоша Янчо "Разбойники" (в советском прокате - "Без надежды"), то наверняка запомнил его сюжет. Действие происходит вскоре после подавления венгерской революции 1848-1849 годов. Полицейский комиссар изобличает убийцу четверых и засылает его в лагерь, где содержатся люди, подозреваемые в уголовных и политических преступлениях. Убийце обещано помилование, если он найдёт хотя бы одного преступника, который погубил больше четырёх человек. Ясно, что тот, кто осуждён к смерти, готов будет оговорить любого, надеясь, что "вышку" ему заменят тюрьмой.

Подобный метод может применяться только при тоталитарных и диктаторских режимах, когда отсутствует независимая судебная система. И во время чисток 1937-1938 годов широко практиковался оговор одними подследственными, которые уже признались в расстрельных преступлениях, других, которые ещё находились на свободе или, будучи арестованными, отказывались признать свою вину. Нередко осуждённых к смертной казни подсаживали в камеры к арестованным, чтобы спровоцировать последних на сотрудничество со следствием. Наверняка такие методы в войну использовали чекисты не одной только 7-й армии, но и остальных армий и фронтов. Люди там были в основном одни и те же - из низовой прослойки участников "большого террора".

В 43 году следователи Особого отдела перед заседанием Военного Трибунала внушали своим подследственным, что они ни в коем случае не должны отказываться от ранее данных показаний, а то хуже будет. А потом следили в зале суда за их поведением. Точно так же в 37 году следователи по делу Тухачевского беседовали со своими клиентами перед заседанием Специального Судебного присутствия, а затем сидели вместе с подсудимыми в зале суда. И угощение папиросами - старый приём. Для одного из ближайших друзей Тухачевского, Бориса Мироновича Фельдмана, следователь З.М. Ушаков не только папирос, а и свежих яблок не пожалел, лишь бы тот не отказался от оговора себя и своих товарищей.

Кто-то может возразить, что так плохо обстояло дело только в Особых отделах 7-й Отдельной Армии, а на других фронтах смершевцы были на высоте. Однако объективных данных для такого вывода нет. Почему вдруг именно в Карелии должны были собраться сплошь самые худшие кадры следователей и оперуполномоченных? Не могли же их туда специально отбирать по этому принципу. Единственное серьёзное отличие было в том, что на участке 7-й Отдельной армии (а действовала она на правах фронта) активных боевых действий с конца 41-го года не велось. Поэтому здесь можно было в сравнительно спокойной обстановке организовать более или менее тщательную объективную проверку работы Особых отделов. На других фронтах почти непрерывно шли бои, линия фронта постоянно менялась, поэтому уследить за особистами, а тем более организовать комплексную проверку следственных дел, было гораздо труднее. У нас нет оснований думать, что в Особых отделах Воронежского или Западного фронтов, в Отдельной Приморской армии или на Ленинградском фронте было меньше туфты, чем в 7-й Отдельной армии.

Может быть, именно эта армия попала в приказ наркома обороны потому, что её командующий оказался одним из немногих генералов, рискнувших открыто протестовать против произвола всемогущего "СМЕРШа". Алексей Николаевич Крутиков был человеком весьма образованным. Ещё до войны он успел окончить командные курсы "Выстрел", Военную академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба. Крутикова его бывший начальник маршал Мерецков назвал "до мозга костей военным человеком", который "доказал на деле, что ему по плечу не только штабные, но и крупные командные должности". А С.М. Штеменко в связи с приходом Алексея Николаевича в сентябре 44-го на должность начальника штаба Карельского фронта охарактеризовал его как человека "энергичного и лучше подготовленного во всех отношениях", чем ранее занимавший этот пост генерал Б.А. Пигаревич. Командовавший же фронтом Мерецков отметил умелую постановку Крутиковым штабной работы.

Добавлю, что на карьере и судьбе Крутикова конфликт со "СМЕРШем" никак не отразился. Он закончил Вторую мировую войну начальником штаба 1-го Дальневосточного фронта, удостоился ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова 1-й степени и ордена Красной Звезды. Алексей Николаевич тихо скончался в 1949 году, в возрасте 54 лет, работая в центральном аппарате Министерства Вооруженных сил. Абакумов отнюдь не был так всесилен, как многие думали.

Алексей Николаевич Крутиков - один из немногих персонажей этой книги (не считая, конечно, бесчисленных жертв произвола), который вызывает у меня самую искреннюю симпатию. Значит, и тогда, даже находясь на очень высоких постах, можно было оставаться человеком и по мере сил помогать людям, хоть немного уменьшая число жертв, не обязательно расплачиваясь за доброту собственной жизнью. Слава Богу, что генерал Крутиков уцелел в то суровое время.

Создаётся впечатление, что у органов контрразведки существовала своего рода разнарядка, сколько шпионов, диверсантов, дезертиров и лиц, виновных в антисоветской агитации они должны были поймать за месяц и за квартал. Вот и расстреливали, направляли в лагеря или в штрафные батальоны тех, кто под руку попадётся, в первую очередь из числа проживавших на оккупированной территории или побывавших в плену. Арестованных всеми средствами заставляли признаться в подлинных или мнимых преступлениях, чтобы потом проштамповать в трибунале обвинительный приговор и не утруждать себя другими доказательствами. Из доклада Щербакова можно заключить, что только за 1942 год и первый квартал 1943 года по приговорам Военных Трибуналов 7-й Отдельной армии было расстреляно 952 человека. Всего же в годы Великой Отечественной войны в Красной Армии было вынесено более 225 тысяч смертных приговоров. Страшно подумать, сколько среди них было ни в чём не повинных людей.

СЕРГО БЕРИЯ - ПЛАГИАТОР?

Заявление Г.М. Маленкову от бывшего главного конструктора систем управляемых по радио самолетов-снарядов КБ-1 Г.В. Коренева

001760сс/оп - 1

Подлежит возврату

Сов. Секретно (Особая папка)

Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Маленкову Г.М.

От Коренева Георгия Васильевича, Москва, Потаповский переулок, д. 9/4, кв. 98. Телефон К-7-88-16.

Заявление

Не зная подсудности дела С. Берия (сына Лаврентия Берия Серго. - /Б. С./), я обращаюсь к Вам с просьбой о восстановлении меня в авторских правах, нарушенных деятельностью С. Берия.

С. Берия совершил у меня плагиат двух родов.

Во-первых, он использовал мои научные работы в своем дипломном проекте, кандидатской и докторской диссертациях, одновременно запретив мне добиваться ученых степеней. Обстоятельства этого плагиата подробно изложены в протоколе моего допроса в Прокуратуре Союза ССР.

Во-вторых, он использовал мою изобретательность и инициативу, как бывшего главного конструктора систем управления по радио самолетов-снарядов, в своей деятельности в КБ-1, запретив мне выступать со своими предложениями.

Все свои предложения я должен был докладывать ему, а он пускал их в дело от своего имени.

Обстоятельства этого изложены в моем докладе на имя товарища Хрущева, находящемся в настоящее время у товарища Хруничева.

Поэтому я прошу Вас о восстановлении моих авторских прав на следующие работы:

1. На общую и авиационную часть дипломного проекта С. Берия (самолет-снаряд с турбореактивным двигателем и стреловидным крылом, веса, высоты, дальности, скорости, траектории, т. е. основные тактические параметры системы "Комета")**[15]**

2. Совместно с Н.С, Кошляковым (кинематика в трех измерениях) и П.О. Вороновым (теория аппаратуры наведения) - на кандидатскую диссертацию С. Берия.

3. Совместно с П.О. Вороновым (теория аппаратуры самонаведения) - на докторскую диссертацию С. Берия.

4. На разработанную мною динамику системы "Комета" (т.т. II-VII технического проекта).

5. На разработанную мною и впервые в Союзе примененную к системе "Комета" теорию рассеивания управляемых снарядов (т. VII технического проекта).

6. На разработанную мною и впервые в Союзе примененную на практике к системе "Комета" методику исследования динамики управляемых снарядов при помощи массовых вычислений (т. III технического проекта). Эта методика приобретет особое значение, когда у нас в Союзе появятся, наконец, мощные вычислительные машины электронного типа.

7. На применение мною 1939-1940 гг. метода Хевисайда (операторного, частотного метода) и исследованию движения самолета. Сохранились две неопубликованные (из-за секретности) статьи. Свидетели: Академик Некрасов А.И., профессор Румер Ю.Б., инженеры завода № 156 МАП (Министерства авиационной промышленности. - /Б. С./) Куролесова Е.И. и Голубчикова С.П. Операторный метод сейчас широко (и, к сожалению, неправильно) применяется в КБ-1.

8. На систему управляемого самолета-снаряда, в комплексе с самолетом-носителем ДБ-3 (Ильюшин), разработанную мною в 1941-1943 гг., вначале совместно с С.П. Королевым (ныне главный конструктор ракет дальнего действия) и Л.С. Терменом, и с конца 1941 г. самостоятельно. Проект имеется в IV Спецотделе МВД СССР. Стапели, штампы, приспособления, чертежи и весь задел были уничтожен. Г.Я. Кутеповым при возвращении завода № 288 из Омска в Москву в 1943 г. В 1946-47 году я пользовался оставшимися у меня в то время материалами по этой системе при работе над темой, послужившей основой для системы "Комета".

9. На систему борьбы с надводными кораблями путем применения самолетов-снарядов, сбрасываемых с самолета-носителя и наводимых при помощи инфракрасного луча. Эта работа проделывалась мною как главным конструктором, моими сотрудниками и кооперированными предприятиями с 1934 по 1937 гг. В качестве самолета-носителя был применен ТБ-3 (Туполев). В 1936 г. в торпедном варианте (без луча, который задержался разработкой в Центральной Радиолаборатории в Ленинграде) система удачно прошла комплексные испытания в присутствии специальной комиссии Реввоенсовета. По результатам испытаний Правительством было принято решение о запуске в 1937 г. опытной серии. Мой опыт разработки системы и проведения комплексных испытаний был использован С. Берия без указания моей

роли в этом деле, и наоборот с хитро задуманным и ловко проведенным нарастающим оттиранием меня от работы.

10. На особую форму метода параллельного сближения, положенную в основу первоначального технического проекта системы "Беркут" (проект зенитной ракеты. - /Б. С./) (см. т. I и II технического проекта системы; отчеты КБ-1 №№ 961/306, 961/308, 961/311, 961/327 - сентябрь - октябрь 1950 г.). Применение этого метода вывело из тупика проектирование системы "Беркут", который тогда получился благодаря отсутствию пригодного метода наведениям

11. На общий параметрический метод наведения, частный случай которого применен в осуществленной системе "Беркут" (см. технический проект второго варианта системы, доклад на имя С. Берия на 002658 от 2 марта 1951 г., дело 0269, стр. 4, отчет КБ-1, инв. Номер 961/442, март 1951 г.).

12. На так называемый метод "С" (в соавторстве с другими) - метод наведения, являющийся частным случаем моего общего параметрического метода и особенно удобной для постройки радиолокатора (станция Б-200). Этот метод дал колоссальную экономию средств по сравнению с мною же предложенным методом параллельного сближения. Можно без преувеличения сказать, что только применение этих методов и дало возможность осуществить систему "Беркут".

Плагиат С. Берия по указанным пунктам и хитрая провокационная деятельность Г.Я. Кутепова, его alter ego, имевшая целью скрыть систематический плагиат С. Берия, нанесли мне очень серьезный моральный и материальный ущерб, фактически лишив меня возможности заниматься активной творческой конструкторской работой по специальности, в которой я являюсь пионером и которой я посвятил больше 20 лет жизни.

Прошу Вашего указания об устранении этой несправедливости.

Кроме того, прошу Вас признать за мною авторские права на следующие выполненные мною работы:

1. Управляемый по радио самолет ТБ-1, осуществленный по моим идеям и под моим руководством в 1933 г. (двадцать лет тому назад).

Я был награжден орденом Ленина за эту работу (Постановление от 6 ноября 1933 г.). Начиная с 1935 г. была создана опытная эскадрилья таких самолетов в Ям-Едрово. Эта работа, по-видимому, обеспечивает приоритет Советскому Союзу в управлении тяжелыми самолетами по радио.

2. Новый способ передвижения по земной поверхности, в особенности пригодный для управляемых наземных снарядов. Тактическая идея состоит в том, что такие ползущие снаряды применяются наступающей пехотой для подавления узлов сопротивления. Движущаяся модель была построена и испытана в Омске в 1942 г. В делах IV Спецотдела МВД должен иметься акт об удачных испытаниях модели. Работа была прекращена Кутеповым неизвестно почему. Материалы у меня не сохранились, но теория движения и чертежи могут быть мною легко восстановлены.

3. Двухмоторный штурмовик, предназначенный для борьбы с легкими крейсерами и эсминцами. Главное вооружение - 6-дюймовая танковая пушка (кажется, хона тогда называлась Б-13) и реактивные снаряды.

Работа выполнена в 1945-46 г.г. Материалы, чертежи и предложения были мною переданы в IV Спецотдел МВД СССР.

В настоящее время, несмотря на очень тяжелую для меня обстановку, я продолжаю поиски разрешения проблем, которые в ближайшее время станут актуальными - проблемы борьбы со сверхзвуковыми самолетами и ракетами дальнего действия, что, как известно, не входило в задание на разработку системы "Беркут" и против чего она, следовательно, нас не защищает.

В этом направлении мне удалось сделать следующее:

1. Найден новый метод управления зенитным снарядом. Разработана, насколько можно сделать одному, теория этого метода.

2. Найден новый тип конструкции управляемых снарядов в двух вариантах, один из которых задуман специально для нового метода управления.

Разумеется, эти вопросы решены только принципиально. Кстати, из проведенных мною исследований вытекает тот парадоксальный факт, что сейчас можно уже говорить мо борьбе со снарядами тяжелой дальнобойной артиллерии, уже выпущенными из орудия. Разумеется, это не простая задача, но возможность ее решения теоретически обоснована.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, кроме решения вопроса об авторских правах, предоставить возможность продолжения моей несправедливо прерванной творческой конструкторской работы в области управляемых снарядов и беспилотной авиации. Коренев. 27. XI. 1953 г.

№ 00387 сс/оп

Разослано:

Тов. Маленкову Г.М.,

Тов. Молотову В.М.,

Тов. Хрущеву Н.С.,

Тов. Ворошилову К.Е.,

Тов. Кагановичу Л.М.

Копия послана

Тов. Руденко Р.А.

(РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1448, л. 29-33).

Берия был одним из отцов советского военно-промышленного комплекса. Развернувшаяся при его активном участии после Второй мировой войны ракетно-ядерная гонка, а потом и гонка обычных вооружений в конечном итоге привели советскую экономику к печальным результатам и во многом способствовали развалу СССР.

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПРАВДА И МИФ **[16]**

Мы так привыкли к утверждению, что СССР по общему объему производства занимает второе место в мире после США, повторенному и в недавно вышедшем справочнике "СССР в цифрах в 1987 году",**[17]** что уже давно не задумываемся, что же за этим стоит. Ведь разрыв в уровне и качестве жизни с теми же Соединенными Штатами колоссален, это подтвердит любой гражданин нашей страны, побывавший там, подтвердят и сухие статистические выкладки, доказывающие, что только по душевому потреблению мяса мы отстаем от США в 3 (!) раза. **[18]**

Не открою никакой тайны, сказав, что в нашей экономике до сих пор сохраняется жесткое централизованное планирование, пусть теперь именуемое "госзаказом". Если не выполнишь план, то останешься без премии, ставшей уже непременной и весомой составной частью зарплаты, а ныне, с введением госприемки, иной раз и без зарплаты вовсе, если продукцию предприятия забракуют. Спускаемые же сверху плановые показатели очень часто не учитывают реальные возможности предприятий и хозяйств. Но контрольные цифры - это закон. И чтобы их выполнить, руководителям приходится идти на приписки - сознательное завышение сведений о произведенных товарах и услугах. Соблазн "довыполнить" и даже "перевыполнить" план одним росчерком пера слишком велик. Есть и другие приписки, так сказать, абсолютно легальные - максимальное увеличение стоимости продукции, для чего используется самое дорогое сырье, материалы и оборудование, а количество промежуточных операций, производимых каждый раз на отдельном предприятии, резко возрастает. Все это приводит к значительному увеличению валовой стоимости продукции благодаря двойному, тройному, четверному счету, но без какого-либо увеличения физического объема производимой продукции или улучшения ее потребительских свойств.

А ведь есть еще "приписки материальные", которые буквально рукой пощупать можно, да вот беда - на уровень жизни населения или, скажем, на обороноспособность страны они никак не влияют, поскольку потребительскими свойствами не обладают и, следовательно, стоимостями в политэкономическом смысле этого слова не являются. Это - тракторы и комбайны, ржавеющие под открытым небом из-за отсутствия необходимого подвесного инвентаря. Это - станки, устаревшие, прежде чем их собрались установить, и обреченные на то, чтобы в лучшем случае превратиться в лом для сталелитейной промышленности, а в худшем - просто рассыпаться от ржавчины. Это - сталь, по выплавке и по импорту которой мы давно си прочно удерживаем первое место в мире. Это - обувь и одежда, которым так и суждено сгнить на складах. Это - стройки, тянущиеся десятилетиями, чтобы потом оказаться законсервированными. Это, наконец, услуги по ремонту бытовой электротехники и электроники, ставшие нашей повседневной заботой из-за крайне низкого качества отечественных холодильников и магнитофонов, телевизоров и проигрывателей. По объему таких услуг мы тоже явно занимаем в мире лидирующее положение.

Ясно, что все перечисленные обстоятельства сильно искажают советскую статистику стоимостных показателей - национального дохода и валового национального продукта (ВНП). В статистике же стран с рыночной экономикой - как развивающихся, так и развитых капиталистических, такого искажения нет, поскольку нет явлений, его порождающих - приписок и продукции, произведенной, но на рынке так и не проданной. Появление такой продукции в рыночной экономике - это начало кризиса перепроизводства.

Следует упомянуть еще об одном явлении, влияющем на наше благосостояние. Речь пойдет о так называемой "теневой экономике". На Западе ее роль чрезвычайно велика. Это - все товары и услуги, укрытые от налоговых служб и произведенные либо на официально

зарегистрированных предприятиях, либо на подпольных фабриках. Известно, например, что когда в 1987 г. в Италии официальная статистика включила в ВНП страны товары и услуги теневой экономики, в душевом исчислении Италия по этому показателю догнала Японию, от которой еще в 1983 г. отставала в 1,6 раза. **[19]**

Иногда на Западе масштабы советской теневой экономики считают столь же значительными. Так, американский ученый В.Г. Тремл полагает, что в СССР продукция этого сектора составляет около 30 % официального ВНП. **[20]**

На это можно сказать лишь одно - если бы это на самом деле было так, то это было бы не так уж плохо. По крайней мере, не было бы такого громадного дефицита потребительских товаров и услуг. Ведь на Западе "теневая экономика" производит главным образом то, что пользуется повышенным спросом у населения. Да если еще взять ВНП официальный, госкомстатовский! Ведь национальный доход наш, если верить уже упомянутому статистическому справочнику, достигает почти двух третей американского. Если бы у нас еще и "левая" продукция достигала почти трети от официального ВНП, то наш ВНП вообще был бы равен ВНП США. Все были бы одеты и обуты по последней моде и обслужены по высшему классу, не хуже, чем в Америке.

Только как далеки мы в действительности от такой вот радужной картины! И "теневая экономика" тут не помощник. Потому что в СССР она носит ярко выраженный паразитический характер и почти ничего к общественному пирогу не добавляет. Ее дельцы наживаются на приписках, взятках, спекуляции дефицитом, торговле наркотиками. Новых стоимостей они (за исключением "цеховиков") практически не создают.

Отмечу еще и огромный разрыв в качестве подавляющего большинства товаров, произведенных в СССР и на Западе. Известно, например, что советские "Жигули" на свободно конвертируемую валюту продаются в несколько раз дешевле японских "Койот" и итальянских "Фиатов", а уж "Волгу" на Западе если кто и купит, то по цене, близкой к стоимости металлолома.

Все перечисленные соображения заставили меня усомниться в официальных данных Госкомстата и попытаться самостоятельно провести сопоставление основных экономических показателей СССР и США. Сравнение этих двух стран - давняя традиция в нашей экономической науке. Ведь и по численности населения они близки (население СССР в 1983 году было всего в 1,16 раза больше населения США), и территории у них обширные, и экономику имеют крайне диверсифицированную, многоотраслевую структуру, да и климатические условия сходные.

Национальный доход в ВНП СССР и США в принципе можно сравнить двумя способами: либо рассчитать американские показатели по советским нормам и ценам в рублях, либо советские - по американским в долларах. Первый способ приходится отвергнуть, поскольку в американской экономике нет ни приписок, ни мнимых стоимостей, увеличивать стоимость продукции с помощью приписок там никому в голову не придет (поскольку это вызовет лишь рост суммы налога), и поэтому адекватно пересчитать национальный доход США в рублях попросту невозможно. Остается второй способу Пересчет по нему

автоматически исключает из советских показателей все приписки и мнимости. За пределами расчетов остается лишь "теневая экономика" (в США она во многом образуется благодаря явлению, обратному приписскам - сокрытию произведенной продукции от налогообложения). Но как было показано выше, американская "теневая экономика" значительно превосходит советскую "теневую экономику" по объему производства. Поэтому мой расчет может несколько завысить истинное соотношение показателей в пользу СССР, но уж никак не в пользу США.

Группа исследователей Института США и Канады АН СССР провела сопоставление национальных доходов США и СССР. Его результаты изложены в газете "Аргументы ни факты" (1988, № 47, с. 2), и я ими воспользовался. В 80-е годы доля зарплаты в национальном доходе США была стабильной, оставаясь на уровне 60 %. Зарплата составляет около 90 % личных доходов населения США, так что доля личных доходов в национальном доходе составляет примерно 66 %. В СССР в 1985 г. доля зарплаты в национальном доходе была равна 37 % (у нас зарплата практически равна всем личным доходам граждан). Оставшаяся часть - 34 % национального дохода у США и 63 % - у СССР (то, что осталось после вычитания доли личного потребления), это накопление (капитальные вложения и производство средств производства), которое необходимо для обеспечения данного уровня личного потребления, и военные расходы государства. Нет нужды доказывать, что для народного хозяйства расходы на оборону являются лишь дополнительным бременем, поскольку ни армия, ни военная промышленность никаких материальных благ не создают.

В США, по подсчетам ученых Стокгольмского института по исследованию проблем международного мира (СИПРИ), американские военные расходы в 80-е годы составляли в среднем около 7 % ВНП, или, учитывая, что в США национальный доход составляет примерно 89 % от ВНП, примерно 8 % от национального дохода. **[21]**

Оставшаяся часть американского национального дохода - примерно 26 % - это и есть то накопление (можно назвать его условно чистым, т. е. очищенным от военных расходов), которое необходимо для поддержания существующего в США уровня личного потребления - около 66 % национального дохода. Полагая, что в СССР соотношение между личным потреблением и условно чистым накоплением приблизительно такое же, как и в США, я примерно определил долю условно чистого накопления в советском национальном доходе - около 15 %. Немалая часть национального дохода падает на военные расходы СССР. В ВНП их доля будет несколько ниже - 42 %, если принять для СССР то соотношение между национальным доходом и ВНП, какое существует в США.

Теперь мы имеем, наконец, возможность приравнять друг к другу советский и американский показатели. Ведь военный паритет между СССР и США в целом вещь бесспорная, по крайней мере с 70-х годов, так что и военные расходы двух стран вполне можно считать приблизительно эквивалентными. Весь советский ВНП составляет всего лишь около 16 % американского (в расчете на душу населения - около 14 %). С учетом этого можно посмотреть, какое место занимает наша страна в мире по ВНП (как по общему объему, так и в душевом исчислении).

Группа американских исследователей провела сопоставление большинства стран и территорий мира по душевому ВНП. Расчеты были сделаны в условных долларах с учетом различной покупательной способности различных национальных валют применительно к 1983 году. **[22]**

Душевой ВНП США был определен в 14 120 долларов. Значит, душевой ВНП СССР будет равен примерно 1975 долларам. Это ставит нашу страну на 53-е место в группе из 135 стран и территорий, после Южной Кореи (2010 долларов) и перед Бразилией (1880 долларов). Как явствует из данных, опубликованных в "Статистическом ежегоднике ООН за 1983-1984 годы", сходное положение наблюдается и по другим социально-экономическим показателям. Так, по средней ожидаемой продолжительности жизни СССР делит места с 47-го по 56-е среди 156 стран, по детской смертности - 90-е среди 200, по уровню телефонизации (количеству телефонов на 1000 жителей) - 66-е из 147, а по числу легковых автомобилей на душу населения - 74-е место среди 139 стран и территорий (по этому последнему показателю США мы уступаем в 13 раз!).

Число легковых автомобилей на душу населения отражает, строго говоря, в большей мере уровень жизни населения, а не общие экономические показатели. Уровень же жизни в СССР относительно хуже, чем мог бы быть, исходя из уровня душевого ВНП, поскольку наша страна вынуждена нести непомерное бремя военных расходов. Если вычесть из нашего ВНП "излишние" по сравнению с американской и мировой нормой военные расходы сверх 7-процентного уровня (в подавляющем большинстве государств они ниже уровня в 7 % от ВНП), то размер такого "очищенного" ВНП будет равен 1285 долларам и в большей мере отразит положение нашей страны в мировой иерархии по уровню жизни населения.

СССР по этому показателю попадает в одну группу стран с Конго (1230 долларов), Турцией (1240 долларов), Тунисом (1290 долларов), Ямайкой (1300 долларов) и Доминиканской республикой (1370 долларов). Так что и по душевому ВНП, и по уровню жизни Советский Союз приходится отнести к группе стран развивающихся. Поэтому все претензии некоторых лидеров этих стран по поводу якобы недостаточной помощи СССР странам Азии, Африки и Латинской Америки сравнительно с той помощью, которую оказывают развитые капиталистические страны, вряд ли можно счесть основательными.

Мои расчеты полностью подтверждаются данными, приведенными известным советским экономистом Г. Ханиным. Он постарался очистить наши экономические показатели от влияния инфляции и определил, что за 1928-1987 гг. национальный доход СССР возрос в 6,9 раза (по исчислениям Госкомстата - в 89,5 раза), тогда как за тот же период национальный доход США увеличился в 6,1 раза, Великобритании - в 3,8 и Франции - в 4,6 раза. Между тем в 1893 г. промышленное производство США, Великобритании, Франции и царской России соотносилось как 5,0:2,2:1,5:1,0. К 1913 г. существенного изменения соотношения основных экономических показателей России и ведущих промышленных держав мира не произошло. В 1928 г. СССР по основным экономическим показателям, в том числе и по общему объему национального дохода, примерно достиг уровня 1913 г. Соотношение национальных доходов США, Великобритании, Франции и

СССР в 1928 г. было примерно равно 7:2, 2:1,4:1 (повторяю, что в идеале соотношение двух и более стран по ВНП, национальному доходу и промышленному производству будет одинаковым). Значит, в 1987 г. это соотношение составляло между США и СССР - 6,2:1, между Великобританией и СССР - 0,9:1, между Францией и СССР - 1:1. По моим расчетам, в 1983 г. ВНП США и СССР соотносились как 6,2:1, а у Франции, Великобритании и СССР были практически равны между собой. Как видим, результаты получаются практически тождественные.

СССР по общему объему ВНП занимает пятое место в мире, уступая США, Японии, ФРГ и (совсем немного) Франции. На шестом месте - почти догнавшая нас Великобритания, а далее - Италия и Канада. Положение почти такое же, как у царской России в 1913 г., только место Великобритании впереди нас заняла Япония.

Моя оценка почти в 4 раза ниже официальной, приведенной в справочнике "СССР в цифрах в 1987 году", где утверждается, что национальный доход СССР в 1987 г. составлял 64 % от национального дохода США. Значит, приписки и "мнимая" стоимость примерно во столько раз искажают наши статистические данные, завышают их. С учетом этого надо оценивать и относительные размеры дефицита нашего годового бюджета. Как показали Е. Гайдар и О. Лацис, наш дефицит составляет около 11 % ВНП, причем ВНП официального, не очищенного от искажений. Но поскольку официальный ВНП завышен, на мой взгляд, примерно в 4 раза, в действительности дефицит достигает 44-45 % ВНП. Критическим мировая экономическая наука считает дефицит бюджета в 8-10 % от ВНП. Дальше начинается галопирующая, не поддающаяся регулированию инфляция. Громадный размер советского дефицита бюджета ясно указывает на то, что в случае введения в экономике в сколько-нибудь значительных масштабах рыночного ценообразования нас ожидает настоящая инфляционная катастрофа (рост цен на 1000 и более процентов в год) с непредсказуемыми социальными, экономическими и политическими последствиями. Кооперативные цены сегодня иной раз десятикратно превышают государственные, показывая, какой может быть и у нас потенциальная инфляция.

Реалистический взгляд на подлинное место нашей страны в мировой экономической иерархии диктует неотложные меры. Немедленный отказ от централизованного обязательного планирования и переход к преимущественно рыночному регулированию невозможен из-за указанной выше причины. Единственный выход сегодня - это резкое и одностороннее (!) сокращение военных расходов, быстрейшая конверсия (перевод на мирные цели) основной части военной промышленности и научно-исследовательских разработок. Военные расходы должны обеспечить нам возможность гарантированного уничтожения противника в случае ответного ядерного удара. Одновременно перевести большинство наших предприятий на акционерную основу, что позволит мобилизовать средства населения, а равно и инвестиции из-за рубежа, на нужды развития. Должна быть допущена мелкая частная собственность в сфере услуг и на небольшие промышленные предприятия, что позволит упорядочить нынешние индивидуально-трудовой и кооперативный секторы.

В сельском хозяйстве при определенных условиях стоит разрешить частную собственность на землю, причем первоначальный надел

должен идти за чисто символическую плату. Это сделает крестьянина настоящим хозяином земли. Аренда, даже бессрочная, такого чувства и ответственности за землю не даст. Вспомним, что бессрочная аренда у нас уже была, но продержалась всего 11 лет - с 1918 по 1929 гг. Такой опыт любого насторожит. Так что сегодняшний арендатор будет прежде всего стремиться получить от земли максимально возможный доход в кратчайшие сроки, что неизбежно приведет к истощению почвы и ухудшению и без того сложной экологической ситуации в стране. К тому же сейчас арендаторы накрепко завязаны с колхозами, совхозами и местными советскими органами, которые на практике в состоянии диктовать им свои условия.

Не надо думать, что переход земли в частные руки ликвидирует колхозы. Процесс этот медленный, на десятилетия (равно как и акционеризация); жизнеспособные колхозы, безусловно, сохранятся. К тому же мало кто из крестьян сегодня согласится взять землю в частную собственность. Да и крестьяне, взявшие землю, неизбежно будут объединяться в разного рода кооперативы (об этом говорит и опыт западных стран). То, что процессы будут растянуты по времени, гарантирует нас от бурной инфляции, а конверсия военной промышленности сгладит и бюджетный, и товарный дефицит. Разумеется, перемены в экономике будут позитивны и необратимы лишь при условии полной и последовательной демократизации политической жизни. Только тогда мы сможем за несколько десятилетий (но не за 5-10 лет, как думают некоторые) достичь уровня промышленно развитых стран.

P. S.: В конце XX и в начале XXI века, в связи с крахом "Энрона" и ряда других американских компаний, занимавшихся компьютерными и иными высокими технологиями, можно говорить о появлении нового вида мнимой стоимости уже в чистом виде рыночной экономики. В этом случае, однако, компании завышают не общий объем производства, а лишь величину прибыли, чтобы вызвать искусственный рост стоимости своих акций и привлечение таким образом капиталов. На размер ВНП это вряд ли влияет сколько-нибудь значительным образом, но, вероятно, искажает его структуру.

Примечание:

1. Во всех справочниках С.С. Мамулов числится генерал-лейтенантом. Но Р.И. Пименов, приводя дату производства своего сокамерника в генерал-лейтенанты, упорно называет его, с его собственных слов, генерал-полковником. Не исключено, что это звание было присвоено Мамулову в первые недели после смерти Сталина, когда Берия назначил его начальником секретариата МВД. 10 апреля 1953 года Мамулов получил новое назначение - зав. отделом партийных, комсомольских кадров и члена Бюро компартии Грузии. Вероятно, Берия готовил его на пост лидера грузинских коммунистов, но падение Лаврентия Павловича привело Мамулова не на высший партийный пост в Грузии, а во Владимирскую тюрьму.

2. Имеется в виду генерал-майор Варлам Алексеевич Какучая, назначенный министром внутренних дел Грузии 16 марта 1953 года, но уже 10 апреля перемещенный на пост начальника контрразведки

Закавказского военного округа; возможно, что его уход был вызван в том числе и данной анонимкой. Но не исключено, что причина здесь была глубже. Берия замыслил поставить под особый свой контроль Грузию, и в связи с этим решил назначить министром внутренних дел гораздо более близкого себе и известного в политическом отношении В.Г. Деканозова, к тому же не мингрельца, как Какучая, а грузина осетинского происхождения, уроженца Баку. Это перемещение спасло Какучае жизнь - ему дали только 15 лет, но погубило Деканозова, расстрелянного вместе с Берией.

3. Шалва Отарович Церетели - арестован в 1953 году после падения Берии, а расстрелян в 1955 году; он был не кулак, а князь, и сравнительно молодой - 1894 года рождения.

4. Николай Михайлович Рухадзе, министр госбезопасности Грузии в 1948-1952 годах, снятый с поста и арестованный за недостаточную активность в разгроме мингрельской группы; это было сделано при участии Берии, поскольку после ареста Рухадзе обвинили в том, что он собирал компромат на Лаврентия Павловича.

5. Заявление врача Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук о том, что у Жданова не смогли диагностировать инфаркт, перепутав его с сердечной астмой, что и привело к его смерти через день после того, как Абакумов передал ее заявление Сталину. Это заявление полностью подтвердилось. 27 марта 1953 года, за 4 дня до своего освобождения, профессор В.Н. Виноградов подтвердил в записке на имя Берии: "Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпаг было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было".

6. Выступая на июльском пленуме, секретарь Львовского обкома З.Т. Сердюк утверждал, что эти цифры преувеличены и что, в свою очередь, только на территории Львовской области украинские националисты уничтожили около 30 тыс. военнослужащих, сотрудников МВД и МГБ и советских активистов.

7. Справедливости ради подчеркну, что в 1944-1945 годах к этим репрессиям имел непосредственное отношение сам Лаврентий Павлович - тогдашний глава НКВД. Цифра в 153 тыс. убитых - скорее всего значительно преувеличена. Вероятно, она взята из войсковых донесений, в которых число убитых повстанцев чаще всего было плодом фантазии командиров. Несомненно также, что многие из убитых были мирные жители, не имевшие непосредственного отношения к УПА.

8. Агент НКВД-МГБ с многолетним стажем, пытавшимся осуществить в Венгрии экономические рыночные реформы; Берия предложил его на пост председателя Совета Министров Венгрии; глава Венгерской компартии Матиас Ракоши вынужден был принять это предложение по требованию советского руководства.

9. Речь идет о предстоящих испытаниях водородной бомбы, которые успешно прошли в августе, но находившийся в заключении Берия об этом своем последнем успехе, по всей вероятности, так и не узнал.

10. Полковник Рафаэль Семенович Саркисов (Саркисян) был начальником личной охраны Лаврентия Павловича Берии. После ареста Берии обвинен в измене Родине. Находясь в тюрьме, сошел с ума, но, тем не менее, в 1959 году был осужден на 10 лет лишения свободы.

11. Надарая - полковник, заместитель Саркисова. В прошлом - комендант внутренней тюрьмы НКВД Грузии. В сентябре 1955 года в Тбилиси был приговорен к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет.
12. В правленой стенограмме Шаталин сделал здесь следующее примечание: "Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен, в нем значится 39 фамилий женщин". Замечу, что у Пушкина донжуанский список был втрое больше. Возникает также вопрос, почему Саркисов хранил этот список в кармане кителя, где тот должен был бы помяться или истрепаться. Если ему иной раз по просьбе Берии приходилось порой звонить кому-то из любовниц, то удобнее было бы держать этот документ в служебном кабинете. К тому же с мая 1953 года Саркисов уже не был начальником бериевской охраны, а работал помощником начальника отдела в 1-м Главном управлении МВД. Поэтому совершенно непонятно, почему Берия не изъял у полковника более ненужную тому бумагу. Вообще, с этим списком возникает больше вопросов, чем находится сколько-нибудь точных ответов.
13. Анастасу Ивановичу по старой памяти о работе с Ежовым было милее старое название органов - НКВД. Но, что еще важнее, похоже Микоян действительно предупреждал Берию, что тому не стоит идти в новое объединенное МВД, а лучше сосредоточиться на хозяйственных делах. Здесь можно усмотреть косвенное признание того, что у него с Берией были достаточно близкие отношения. Вероятно, многоопытный Микоян верхним чутьем почувствовал в предложении "дорогих товарищей" Маленкова и Хрущева Берии принять этот пост какой-то подвох и пытался отсоветовать Лаврентию Павловичу возвращаться в МВД.
14. Малой Никитской. - Б. С.
15. Проект противокорабельной ракеты. – (Б. С.). Свидетели б. главный конструктор КБ-1 П.Н. Куксенко и начальник IV Спецотдела МВД СССР В.А. Кравченко.
16. Опубликовано: Литературный Киргизстан. Фрунзе. 1989. № 5.
17. СССР в цифрах в 1987 году. М., 1988. С. 288.
18. Аргументы и факты. 1988г. № 47. С. 2.
19. За рубежом 1988. № 29. С. 11.
20. Спутник. 1988. № 10. С. 46.
21. Ежегодник СИПРИ 1987 года. Оксфорд, 1987г. С. 173-179.
22. Доклад Всемирного банка о мировом развитии в 1985 году. Вашингтон, 1988г. С. 174-175, 231.

Оглавление